

Е.А.КОСМИНСКИЙ

Историография
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

Е. А. КОСМИНСКИЙ

ИСТОРИОГРАФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

V в.—середина XIX в.

ЛЕКЦИИ

Под редакцией:

С. Д. Сказкина, Е. В. Гутновой, Я. А. Левицкого, Ю. М. Сапрыкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1963

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Курс лекций по историографии средних веков умершего в 1959 г. известного советского историка академика Евгения Алексеевича КОСМИНСКОГО, который в течение почти сорока лет был профессором Московского университета, публикуется впервые.

Этот курс в течение ряда лет — начиная с 1938 по 1947 г. — с коротким перерывом в 1940—1943 гг. читался Е. А. Косминским на историческом факультете МГУ для студентов, специализировавшихся по кафедре истории средних веков, которой он руководил в те годы.

Коллектив кафедры истории средних веков, взявший на себя инициативу этого издания, положил в его основу единственную сохранившуюся стенограмму лекций Е. А. Косминского, которая воспроизводит первое чтение им этого курса, начатое в сентябре 1938 г. и временно прерванное в мае 1940 г.

Публикуемый курс охватывает историю западноевропейской средневековья, с начала V в. н. э. (он начинается с рассмотрения исторических взглядов Августина Блаженного — родоначальника средневековой историографии) до середины XIX в.; причем историографию первой половины XIX в. автор успел рассмотреть только на материале Франции и Германии. Между тем, как видно из введения к лекциям, Е. А. Косминский, приступая к чтению этого курса, предполагал довести изложение истории средневековья до конца 30-х годов XX в. Он собирался также уделить в нем большое место критике буржуазной историографии конца XIX в., в частности русской буржуазной средневековья и особенно ее наиболее реакционных течений эпохи империализма. Он предполагал также дать характеристику исторических работ основоположников марксизма и достижений советской средневековья — набросать историю марксистской исторической науки в этой области. К сожалению, болезнь, а затем война помешали Е. А. Косминскому завершить этот обширный план. Будучи занят другими исследованиями, он и в послевоенные годы не мог вплотную заняться дальнейшей разработкой этого курса и даже не успел подготовить к печати уже готовую застенографированную его часть.

В результате курс так и остался незаконченным и в отдельных частях, как указывает автор во введении, носит эскизный характер. Тем не менее эти лекции представляют большой интерес для советского читателя, как одна из первых и в целом удачных попыток построения общего систематического курса историографии средних веков.

Е. А. Косминский был одним из инициаторов и энтузиастов изуче-

ния историографии средних веков в советской медиевистике. Помимо данного курса ему принадлежит большое количество интересных исследовательских статей по историографии, написанных в более поздние годы, которые во многом дополняют его незаконченный курс по историографии. В этих более поздних своих работах Е. А. Косминский уделил особенно много внимания русской буржуазной медиевистике второй половины XIX — начала XX в.¹ и острой критике наиболее реакционных течений современной буржуазной историографии². В то же время он немало сделал и для пропаганды молодой советской медиевистики³.

Когда 25 лет тому назад, в 1938 г., Е. А. Косминский приступил к чтению публикуемых лекций, ему приходилось начинать почти на пустом месте, так как исследований по историографии в те годы почти не велось и общие курсы такого типа в советских вузах не читались. Поэтому он строил свой курс в значительной степени на материале собственных исследований и впервые давал своим слушателям последовательное, систематическое изложение историографии прошлого с марксистских позиций.

За два десятилетия, прошедшие со времени первого чтения этого курса, советская литература обогатилась рядом монографий и статей по историографии средних веков⁴, которые в некоторых частях дополняют и уточняют выводы и формулировки лекций Е. А. Косминского, а иногда дают иное решение отдельных вопросов историографии; в 1940 г. вышел краткий общий очерк историографии средних веков О. Л. Вайнштейна⁵, доведенный до 30-х годов XX в.

Тем не менее публикуемые лекции крупного советского историка, в силу их исследовательского и новаторского для своего времени характера, сохранили свое научное и идейно-воспитательное значение вплоть до наших дней. Для них характерно сочетание тонкого анализа и ярких индивидуальных характеристик историков прошлого с широкими обобщениями. Построенный на основе марксистско-ленинского мировоззрения, пронизанный критическим отношением к историографии прошлого, классовые основы которой он вскрывает вполне отчетливо, курс этот свободен от какого-либо упрощения сложных проблем историографии, насыщен

¹ См. его ст.: «Аграрная история Англии и русская историческая школа» («Изв. АН СССР», сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 3); «Изучение истории Западного средневековья (Работы русских историков)» («Вестн. АН СССР», 1945, № 10—11); «Жизнь и деятельность Т. Н. Грановского» («Вестн. Моск. ун-та», сер. общественных наук, 1956, № 4) и др.

² См., например, его ст.: «Средние века в изображении германских расистов». Сб. «Против фашистской фальсификации истории». М.—Л., 1939; «Историософия Арнольда Тойнби» («Вопросы истории», 1957, № 1). «Реакционная историософия Арнольда Тойнби». Сб. «Против фальсификации истории». М., 1959 и др.

³ Например, ст. «Итоги изучения средних веков в СССР» («Изв. АН СССР», отд. общественных наук. М.—Л., 1937, № 5); «Изучение истории средних веков за 25 лет» в кн.: «Двадцать пять лет исторической науки в СССР». М.—Л., 1942; «Основные проблемы западноевропейского феодализма в советской исторической науке» в кн.: «Доклады советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме». М., 1956 и др. Более полные сведения о работах Е. А. Косминского см. в библиографии его трудов, опубликованной в сб. «Средние века», вып. VIII. М., 1956.

⁴ Все эти монографии и статьи указаны в библиографии к соответствующим разделам данного курса. Там же указаны и вышедшие за последние годы обобщающие коллективные труды советских ученых по истории философии, политических и экономических учений и т. д., также касающиеся вопросов развития исторической и социологической мысли того периода, которому посвящены лекции Е. А. Косминского.

⁵ См. О. Л. В а й н ш т е й н. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. Соцэкгиз, М.—Л., 1940.

богатым фактическим материалом, отличается большой историчностью и четко определяет прогрессивные и реакционные тенденции в ее развитии. История исторической науки рассматривается Е. А. Косминским в широком плане на основе не только медиевистики, но отчасти также историографии древнего мира и новой истории, а главное — в связи с развитием социально-политической и философской мысли. На всем протяжении курса автор уделяет внимание истории развития исследовательских методов и, в частности, методов критики и обработки источников.

Выпуская в свет этот курс лекций, кафедра истории средних веков МГУ руководствовалась стремлением сделать этот серьезный труд достоянием широкого круга историков. Коллектив кафедры считает, что этот курс является ценным пособием по историографии средних веков и истории исторической науки вообще, которым смогут пользоваться не только все историки-медиевисты и, в частности, студенты, специализирующиеся в этой области, но и историки других специальностей. Вместе с тем коллектив кафедры рассматривает данное издание как начало осуществления неотложной задачи по созданию полного марксистско-ленинского курса историографии средних веков, доведенного до наших дней, и считает своим долгом в ближайшие годы подготовить работу по истории медиевистики XIX и XX вв., хронологически продолжающую публикуемые лекции.

* *
*

Подготовка к печати лекций Е. А. Косминского потребовала значительной редакционной работы. Стенограмма лекций, положенная в основу данного издания, не была литературно обработана автором для печати и сохраняла все особенности устного чтения.

Исходя из того что данное издание должно иметь практическое, в частности учебное, значение и отвечать запросам современного читателя, редакционная коллегия произвела литературную правку лекций. При этом, однако, редакторы ставили своей задачей сохранить не только общий строй мысли Е. А. Косминского, но и особенности присущего ему стиля. Все уточнения и дополнения, внесенные редакторами, как правило, даются не в тексте, а в подстрочных примечаниях.

Редколлегия пришлось произвести некоторые сокращения текста, в частности, в связи с тем что Е. А. Косминский в учебно-методических целях в начале каждой лекции обычно довольно подробно повторял основные выводы предыдущей лекции. Обобщения, разбросанные автором в разных частях лекции или в разных лекциях, посвященных одному историографическому направлению, при редактировании концентрировались по возможности в одном месте, во избежание повторений. Кроме того, в некоторых случаях в целях уменьшения общего объема книги были произведены незначительные сокращения отдельных абзацев, не связанных с основным содержанием лекций. Так как разбивка по лекциям в стенограмме определялась не всегда содержанием лекций, но чаще всего календарным расписанием их чтения, то редколлегия произвела новую разбивку курса на лекции, в соответствии с их содержанием. В результате 34 лекции-стенограммы при редактировании были сведены к 29 лекциям, с отдельно выделенным введением.

При редактировании публикуемый курс был снабжен справочным материалом в тех случаях, когда он отсутствовал в стенограмме. В текст внесены даты жизни упоминающихся в лекциях историков, там, где они не были указаны; в примечаниях даны биографические сведения об

историках, если они отсутствовали в стенограмме. Были уточнены и даны в примечаниях русские и иностранные названия исторических сочинений и годы их изданий, проверены все имеющиеся в лекциях цитаты и сделаны ссылки на книги, из которых они взяты автором.

Редколлегия снабдила настоящее издание лекций рядом примечаний разъясняющего и дополняющего характера, с учетом советской литературы по историографии средних веков, вышедшей после того, как Е. А. Косминский читал свой курс, а также краткой библиографией (общей для всего курса и к отдельным группам лекций).

В редактировании публикуемого курса лекций Е. А. Косминского кроме членов редколлегии приняли участие кандидаты исторических наук Л. М. Брагина и К. Н. Татарина.

В составлении библиографии приняли участие аспиранты и студенты, специализирующиеся по кафедре истории средних веков, и лаборанты кафедры Л. Д. Беспалько и С. Л. Плешкова, оказавшие, кроме того, помощь в технической подготовке лекций к печати.

Редколлегия благодарит всех товарищей, принявших участие в этой большой коллективной работе кафедры.

Редколлегия выражает благодарность профессору Ф. А. Коган-Бернштейн за предоставление дополнительных рукописных материалов по данному курсу и за помощь, оказанную ею редколлегии при подготовке к печати лекций Е. А. Косминского.

Редакционная коллегия

ВВЕДЕНИЕ

Начиная свой курс по историографии средних веков, который читается мною впервые, я чувствую сложность этой задачи и ответственность, которая на меня ложится.

Прежде всего, я хотел бы сказать несколько слов относительно задач и объема этого курса. Само название курса — «Историография средних веков», может быть, требует некоторого разъяснения. Историография — это, собственно, самый процесс писания истории. Когда мы говорим об историографии, то мы обычно имеем в виду обзор мнений историков по тем или иным вопросам. Данный же курс должен дать нам в историческом разрезе историю того, как писали историю, — историю развития исторической науки. Так и следовало бы назвать этот курс. Но это название — «история историографии» представляется мне слишком громоздким. И я все же называю свой курс менее точно, но более привычно — курсом «Историографии средних веков».

Курс историографии ставит перед нами ряд новых научных и политических проблем.

Проблемы эти настолько сложны, что мне едва ли удастся их разрешить вполне. Мне придется дать, скорее, очерки историографии, чем законченный курс. Я смотрю на эти лекции как на первый набросок курса, который потребует еще дальнейшей разработки.

Основной целью курса является критическое изучение того исторического наследия, которое оставили нам предшествующие исторические формации, и прежде всего буржуазная наука. Конечно, во многих разделах данного курса мы будем говорить и о марксистской исторической науке, но основное его содержание все же составит критическое изложение истории исторической науки в буржуазном обществе.

Историография с марксистской точки зрения — это одна из отраслей истории общественной мысли, и она всегда ярко окрашена политической, и всякими путями, иногда явными, иногда скрытыми, буржуазная идеология может просочиться вместе с тем ценным, что мы берем от этой науки. Поэтому критическое отношение к историографическому материалу является первым и основным требованием, которое следует предъявить к данному курсу. Нашей первой задачей является вскрытие тех классовых пружин, которые так или иначе двигали историками предшествующих формаций в их построениях. В этом смысле марксист-

ское понимание историографии коренным образом отличается от буржуазного¹.

Марксистский курс историографии должен раскрыть, в какой мере тот или иной историк представляет то или иное течение буржуазной исторической мысли, и с этой точки зрения наметить путь к критике его воззрений.

Каждая эпоха создает свое представление об истории, свое отношение к прошлому, в частности к такому периоду, как средневековье. Это отношение определяется всей совокупностью социальных и политических условий эпохи и прежде всего той классовой борьбой, которая характерна для этой эпохи. Поэтому не только политические памфлеты и политические теории являются орудием политической и классовой борьбы, но и историческая наука.

Однако связь между историографией и политикой не надо понимать слишком упрощенно. Конечно, господствующая идеология каждой эпохи является прежде всего идеологией господствующего класса, но сам господствующий класс обычно не представляет собой чего-то целого, внутри него тоже происходит известная борьба. В частности, в буржуазную эпоху надо учитывать влияние на буржуазную идеологию, с одной стороны, пережитков феодализма, а с другой — влияние промежуточных, в частности мелкобуржуазных, прослоек, а также появление пролетариата, создавшего свою новую революционную идеологию, и стремление буржуазных мыслителей приспособить к своим целям и выхолостить некоторые положения марксизма. Словом, мы имеем перед собой весьма сложный переплет идеологических влияний, являющийся отражением классовой борьбы. Кроме того, не следует думать, что наиболее яркое и отчетливое свое отражение классовая борьба получает именно в исторической науке, — гораздо более полно она выражается в области политической мысли и социологии или в области философии. В голове историка великая борьба эпохи сплошь и рядом отражается очень преломленно, поэтому мы не можем рассматривать историографию вне зависимости от общих течений политической и философской мысли эпохи. Историография в чистом виде — в виде обзора работ тех или иных историков, конечно, не дает ни достаточной полноты, ни достаточного материала для критического подхода, если мы не будем связывать ее с более общими течениями политической и философской мысли эпохи. При этом, конечно, когда мы будем говорить об историографии средних веков, связывая ее с общим развитием общественной мысли данной эпохи, мы не можем держаться строго в рамках только медиэвистики. Очевидно, что наиболее интересные течения, которые характеризуют историографию той или иной эпохи в целом, нашли свое отражение не только в работе медиэвистов, но и в работе специалистов по древней или по новой истории. Поэтому я хотел бы заранее предупредить, что в данном курсе историография средних веков не будет оторвана от историографии других исторических периодов. При этом мне придется касаться главным образом общих взглядов рассматриваемых историков как на историю в целом, так и на средневековье в частности, а также методов их работы, но едва ли у меня будет возможность входить в рас-

¹ Буржуазные исследователи, как правило, отрывают историю исторической науки от социально-политического развития общества, видя в ней процесс саморазвития идей, в котором одни школы последовательно сменяют другие без острой борьбы и идейных конфликтов. В силу этого, прикрываясь маской «объективности», буржуазные ученые игнорируют вопрос о классовых корнях и идейной направленности творчества отдельных историков и школ и избегают ставить вопрос о реакционности или прогрессивности их воззрений. (Прим. ред.)

смотрение специальных вопросов, если они не будут прямо связаны с общими проблемами. Я не думаю здесь делать специальных экскурсов в историографию таких разделов, как история средневекового поместья, или средневекового города, или история английской, или нидерландской революций и т. д., — все это задачи специальных курсов.

Итак, мы никогда не должны забывать критических и полемических задач, стоящих перед нашим курсом и особенно осложняющихся по мере приближения к современности. Курс историографии должен дать оценку каждому историку, каждой исторической школе; он должен решительно разоблачать ограниченность буржуазного понимания истории, должен раскрыть противоречивость и внутреннюю ложь, а зачастую и прямую недобросовестность буржуазных концепций. Он должен, наконец, показать во всем их неприкрытом безобразии наиболее реакционные извращения в исторической науке. Курс должен учить не только брать у буржуазной науки то ценное, что она может дать, но в еще большей степени он должен учить отбрасывать негодное и обличать враждебное. Чем дальше мы будем подвигаться в нашем изложении, тем чаще нам придется видеть себя среди врагов.

Но, конечно, было бы глупостью и непростительной политической ошибкой огулом зачеркивать всю буржуазную историографию, не учитывая ее достижений. Классовое и идейно-политическое содержание историографии — это лишь одна, хотя и очень важная, сторона истории исторической науки. Но историография не есть только более или менее адекватное отражение общественной борьбы, или чистая публицистика. Она в то же время располагает определенными методами исследования, базируется на определенном материале, добывается в той или иной степени объективного познания прошлого, хотя, конечно, она слишком часто сбивается на антинаучную публицистику и в этом случае теряет свою ценность. Для нас более ценно и важно расширение сферы тех фактов, которыми оперирует историография, уточнение методики, развитие исследовательской техники. Это то, чему можно учиться у историков предшествующих поколений.

Я должен указать, что многие наиболее крупные представители буржуазной историографии, ученые, которые действительно заслужили это звание, при всей своей методологической и политической ограниченности, усовершенствовали методы исторического исследования и расширили его материальную базу, накапливая новые факты. Эту сторону в историографии мы также не должны упускать. Мы должны проследить, как параллельно и одновременно с развитием историографии, которая всегда является отражением общественной мысли эпохи, происходит уточнение методики исторической работы, вводятся более точные приемы исторического исследования, расширяется область доступных изучению источников, привлекаются новые материалы, источники начинают подвергаться изучению с новой точки зрения. По мере развития исторической науки усиливается критическое отношение к источникам. Вводятся новые методы исследования, например статистический, локальный и др. В то же время в области развития исследовательской техники (методики исторического исследования) нам придется отметить моменты не только подъема, но и падения, вплоть до полного ее вырождения в наши дни в некоторых буржуазных странах, где происходит загнивание культуры на почве фашизма². Мы увидим, как слишком

² Упадок техники исторического исследования и откровенная фальсификация фактов и источников в настоящее время характерны не только для историков фашистского

часто буржуазные историки забывали о точных исследовательских методах, когда им нужно было избежать неприятных проблем или исказить их решение в своих целях.

Мы увидим при этом, как техника научного исследования, с одной стороны, и методология исследования — с другой, сплошь и рядом резко расходятся и как это расхождение создает иногда жалкие и трагикомические положения в науке.

Поэтому существеннейшим элементом нашего курса историографии и одной из его основных задач является также изучение процесса расширения источниковедческой базы истории, усовершенствования методов критики источников и вообще усовершенствования методических приемов исследования.

Этой стороной дела история исторической науки занималась сравнительно мало. Здесь нам придется часто проделывать новую работу, оценивая приемы исследования каждого отдельного историка или каждой отдельной исторической школы.

Необходимо сделать еще одно замечание. Изучение такой проблемы, как историография, всегда легче вести по ведущим фигурам крупнейших историков той или иной эпохи. Но такой подход часто не позволяет дать полную картину развития исторической науки. Не всегда крупнейшие историки ярче всего отражают состояние общественной мысли той или иной эпохи в целом. Да и конкретные исследования, разработка научного метода, накопление фактов ведутся не только крупнейшими историками, но часто осуществляются в виде коллективной работы ученых меньшего масштаба. Настроения, господствующие в исторических журналах, в исторических статьях эпохи, часто наиболее отчетливо выражаются отнюдь не в крупных произведениях того или иного большого писателя. Когда мы в нашем курсе подойдем ближе к современности, нам все чаще придется улавливать основные тенденции развития исторической науки не столько в творчестве крупных историков, сколько в общей атмосфере целых историографических течений, в периодической литературе, дискуссиях и т. п.

В отношении более ранней эпохи нам волей-неволей придется все же пойти по тем большим вехам, которые представляют крупные исторические писатели. Но это можно считать скорее неизбежным недостатком в построении курса, чем правильным методическим приемом.

Теперь перед нами возникает очень трудный и ответственный вопрос, с чего, собственно говоря, надо начать этот курс историографии. В сущности правильно было бы его начать с того момента, когда история средних веков впервые сознается как таковая, когда она начинает противопоставляться новой истории и дается определенная характеристика средневековью, когда возникает самое представление о средневековье как о каком-то особом периоде. Такой эпохой является эпоха Возрождения, гуманизма, когда гуманистические писатели, утверждая раннюю буржуазную культуру, начинают противопоставлять своей эпохе средние века как особый исторический период, который отделяет античность от Возрождения. Этой эпохой датирует начало истории как научной дисциплины Фютер, автор наиболее обстоятельного труда по историографии³. И в этом есть известное основание. Гуманистическая историо-

толка, но и вообще для наиболее реакционных течений буржуазной историографии, широко распространенных в наши дни в США и странах Западной Европы. (Прим. ред.)
³ См. E. F u e t e r. Geschichte der neueren Historiographie. München und Berlin, 1936. Имеется французский перевод. E. F u e t e r. Histoire de l'historiographie moderne. Paris, 1914.

графия оказала сильное влияние на всю последующую историографию. Своеобразный подход историков-гуманистов к истории, их историческое умонастроение чувствуется очень сильно у историков так называемого Просвещения XVIII в. во Франции или, скажем, в Италии, чувствуется оно и у многих историков XIX в.

Но сама идеология эпохи Возрождения, само противопоставление этой эпохи историками-гуманистами средним векам, т. е. периоду до XIV—XV вв., могут быть поняты только, если мы составим себе представление об историографии этого более раннего периода. А для того чтобы понять исторических писателей XIV—XV вв., которые в свою очередь противопоставляли себя хронистам более ранней эпохи, необходимо иметь представление о том мировоззрении и тех исторических работах, которые господствовали в более ранний период. Правда, в историографии установилось пренебрежительное отношение к историкам этой эпохи. Достаточно в этом смысле указать на Бернхейма и его книгу об историческом методе⁴ или на интересный труд Лаша «О зарождении и развитии исторической критики в средние века»⁵. Оба они отрицают у средневековых историков наличие какого-либо исторического метода.

Еще раньше их Бокль⁶ поднимал на смех историков средневековья с их искусственными генеалогиями, утверждая, что будто бы критицизм совершенно не свойствен этим историкам.

Это не совсем верно. В дальнейшем я покажу вам, что средневековые историки применяли известные приемы исторической критики. Если эта историческая критика была очень наивна и слаба, если мы не можем говорить об их произведениях как о научных в полном смысле слова, то это вовсе не лишает их права на наше внимание и изучение. Кроме того, в нашем курсе историографии нам придется говорить не только о научной истории, но и об антинаучной истории, даже когда мы будем рассматривать эпоху расцвета исторической науки. Так что приведенное выше суждение не может служить аргументом в пользу исключения средневековых историков в тесном смысле этого слова из курса историографии.

С другой стороны, есть как будто бы некоторые основания начинать курс историографии вообще с более поздней эпохи, чем эпоха Возрождения. Ведь наше понятие средних веков несколько иное, чем то, которое было у гуманистов и которое господствует до последнего времени в буржуазной науке. Мы период средневековья связываем с периодом господства феодальных производственных отношений в Западной Европе и доводим его до момента буржуазной революции во Франции⁷. Исходя из этого, может быть, правильнее всего было бы начать наш курс с историографии XVIII в., с эпохи подготовки буржуазной революции во Франции, когда, собственно, началось научное изучение истории, в частности истории средних веков. Но если мы начнем наш курс с эпохи Просвещения, т. е. с XVIII в., то историография этого периода нам будет мало понятна без изучения историков предшествующих эпох — гу-

⁴ E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode. Leipzig, 1889.

⁵ V. L a s c h. Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik. Berlin, 1887.

⁶ Генри-Томас Бокль (1821—1862) — известный английский буржуазный социолог и историк, один из основоположников позитивистской историографии и социологии, автор «Истории цивилизации в Англии» (тт. 1—2, Спб., 1863), в которой дана резкая критика средневековых хроник. (Прим. ред.)

⁷ Согласно периодизации истории, принятой в советской исторической науке до 1940 г., началом периода новой истории считалась не английская революция 1640—1660 гг., как считается теперь, а французская буржуазная революция 1789 г. (Прим. ред.).

манизма, реформации и контрреформации. Ведь историческая наука развивается по путям полемики. Все крупные исторические произведения направлены против каких-либо других исторических воззрений.

Поэтому вопрос о начале курса историографии нельзя решать упрощенно.

Подводя итог всему сказанному по этому вопросу, я думаю, что методически правильнее всего начать его со средневековой историографии (V—XIV вв.) и с того, как сами историки этой эпохи понимали и расценивали ее, какое место отводили они ей во всемирной истории. Однако подробное изучение всех этих вопросов потребовало бы слишком много времени, так что нам едва ли удалось бы выйти в нашем курсе за пределы первой половины средневековья.

Поэтому я думаю, что целесообразнее будет построить наш курс следующим образом. Я начну, действительно, с первых столетий средневековья, но не буду долго задерживаться на этой эпохе, а дам лишь общую характеристику историографии этого времени, ограничившись лишь несколькими ее наиболее яркими представителями; затем перейду к более подробному рассмотрению историков эпохи гуманизма и сосредоточу главное внимание на более поздних эпохах, именно на историографии XVIII—XIX и XX вв. Но, начиная изложение со средневековых историков, приходится учитывать, что они, в сущности говоря, в значительной степени зависели от античных авторов, строили свое изложение по античным образцам. К сожалению, эту область мы в данном курсе подробно затрагивать не сможем, мы коснемся ее лишь мимоходом, характеризуя отдельных историков, хотя античная историография оказывала свое влияние на историков не только в средние века, но иногда продолжает оказывать его даже и в наши дни.

Придется сделать еще одно ограничение. Наш курс историографии будет иметь в виду лишь историков западного средневековья. Историография средневекового Востока им не охватывается. Следовало бы включить и ее, поскольку рассмотрение развития науки о западном средневековье не может быть вполне отделено от изучения историографии средневекового Востока, но это уже не в моих силах. Равным образом лишь отчасти войдет сюда и изучение истории Византии, которое должно быть предметом специального курса. Я хотел бы закончить свой курс экскурсом в область изучения западного средневековья в дореволюционной России и в Советском Союзе. Я не могу, естественно, касаться в этом курсе проблемы развития историографии по русской истории, но считаю нужным указать на те крупные достижения, которые были сделаны дореволюционной русской историографией и исторической наукой Советского Союза в области изучения западного средневековья.

Так намечается та программа, которую я построил себе при подготовке этого курса по историографии⁸.

Но и при всех этих ограничениях задачи, которые стоят перед курсом, достаточно обширны, и я не вполне уверен, все ли его разделы в достаточной степени удовлетворяют моих слушателей. Они не всегда удовлетворяют и самого автора, которому нередко приходилось становиться перед вопросами, мало исследованными и часто совсем еще не затронутыми марксистской наукой. Курс этот, который, как было уже замечено, читается мною впервые, представляет совершенно исключи-

⁸ Как указывалось выше, эта обширная программа, намеченная автором, к сожалению, не была полностью завершена. (Прим. ред.)

тельные трудности в смысле трудоемкости и широты охвата материала, который приходится изучать при подготовке каждой лекции. Поэтому некоторые пробелы и недоработки в нем неизбежны.

Необходимо указать некоторые общие пособия, которыми можно пользоваться при работе над данным курсом. Общего марксистского курса историографии средних веков у нас пока нет. Общего курса не существует и в буржуазной историографии. Там имеются только общие курсы по историографии вообще. Назову прежде всего уже упоминавшуюся работу Э. Фютера — «История новой историографии». Это — компендиум, в котором имеется очень значительный материал, перечислены крупные и второстепенные историки с биографическими данными, с характеристиками их, с указанием их работ.

Надо сказать, что это — довольно скучная работа, которая трудно читается и может служить главным образом для справок. Хотя Фютер, пробуя наметить определенную последовательность в развитии исторической науки, и разбивает историков на ряд школ, но взаимоотношения этих школ в его работе выступают довольно неясно. Само это деление на школы у Фютера часто носит искусственный характер. Кроме того, Фютер дает подробное изложение историографии только до 70-х годов XIX в., ограничиваясь очень беглым очерком для более позднего периода.

Фютера очень часто хвалят за его чрезвычайное беспристрастие, за то, что он сумел якобы возвыситься над всякими партийными или классовыми симпатиями. Но в действительности это не так. Книга Фютера написана в довольно либеральном духе, но она, конечно, совершенно немарксистская, или, лучше сказать, антимарксистская. Это видно хотя бы из того, что Фютер намеренно игнорирует роль Маркса и Энгельса в развитии исторической науки. Его книга, содержащая 785 страниц, уделяет Марксу и марксистской школе всего 7 строчек, напечатанных петитом, причем в этих строчках утверждается, что марксистской историографии не существует вовсе. Фютер пишет, что марксизм — это историческая теория, но никакой марксистской истории и историографии не существует, якобы нет никаких исторических книг, написанных марксистами. Если даже учесть, что Фютер при написании своего труда, опубликованного еще перед первой мировой войной, не мог быть достаточно знаком с марксистской исторической школой, то во всяком случае он должен был быть хорошо знаком с историческими трудами Маркса и Энгельса. Таким образом, игнорирование им марксистской историографии никоим образом не является случайным и никак не свидетельствует о беспристрастии автора.

Словом, на труд Фютера я могу указать не столько как на курс по историографии, сколько как на справочник, которым можно пользоваться при работе.

Недалеко от труда Фютера ушла книга Гуча «История и историки в XIX столетии», которая тоже носит преимущественно справочный характер⁹ и к тому же не выходит за рамки историографии XIX в. Краткий обзор историографии за последние 50 лет дается в коллективной работе «История и историки за 50 лет»¹⁰. Надо назвать еще книгу Рит-

⁹ См. G. P. G o o c h . History and historians in the nineteenth century. New York, 1913; 2-nd ed., New York, 1952.

¹⁰ «Histoire et historiens depuis cinquante ans. Méthodes, organisation et résultats du travail historique de 1876 à 1926». Recueil publié à l'occasion du cinquantenaire de la «Revue historique», vol. I—II. Paris, 1927—1928.

тера «Развитие исторической науки по важнейшим сочинениям»¹¹. В ней сделана попытка дать развитие исторических идей, но автор останавливается главным образом на нескольких кажущихся ему наиболее крупными фигурах в исторической науке и по существу игнорирует развитие этой науки в целом. Выбор его представляется нередко очень спорным. В основном его воззрения консервативны. Называя взгляды К. Маркса «односторонними», он противопоставляет им идеализм «величайшего немецкого историка» — Ранке.

Из литературы на русском языке по историографии средневековья можно указать на литографированные лекции проф. Д. Н. Егорова, которые читались на Высших женских курсах в Москве¹². Составлены они довольно живо и интересно, в них имеется попытка научно связать историографию с историей общественной мысли, но попытка эта носит очень поверхностный характер. Иногда автор находился под влиянием реакционных идей новой буржуазной историографии.

Я могу указать еще одну книгу, которая дает интересный материал, правда лишь для одного только раздела историографии средних веков, — это книга Р. Ю. Виппера «Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв.»¹³. Для эпохи Просвещения и особенно для эпохи европейской реакции начала XIX в. его книга дает много ценного. Собственно, Виппера здесь занимает одна центральная проблема — проблема идеи прогресса, развитие этой идеи прогресса в историографии. Положения этой книги, впрочем, далеки от марксизма и во многих отношениях представляются спорными. Очень краткий историографический обзор мы находим у П. Г. Виноградова в его курсе «Лекций по истории средних веков»¹⁴, а также в литографированных курсах А. Н. Савина по истории XI—XIII и XIV—XV вв.¹⁵ и в курсе «Истории средних веков» Н. А. Осокина¹⁶.

В качестве справочного материала можно рекомендовать также старую, но весьма обстоятельную работу правого гегельянца Б. Чичерина «История политических учений»¹⁷, в которой подробно излагаются политические и исторические взгляды многих историков.

В заключение надо еще раз подчеркнуть, что все перечисленные мною работы совершенно немарксистские и могут служить при изучении данного курса только в качестве фактического и справочного материала¹⁸.

¹¹ M. Ritter. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den führenden Werken betrachtet. München und Berlin, 1919.

¹² См. Д. Н. Егоров. Средние века. Историография и источниковедение, вып. 1—2. По запискам слушательниц. М., 1912/13 уч. г.

¹³ Р. Ю. Виллер. Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв. Иваново-Вознесенск, 1925.

¹⁴ П. Г. Виноградов. Лекции по истории средних веков. М., 1900.

¹⁵ См. А. Н. Савин. История Западной Европы XI—XIII вв., вып. 1—2. М., 1913; История Западной Европы XIV—XV вв., вып. 1—2. М., 1912.

¹⁶ См. Н. А. Осокин. История средних веков с приложением очерка средневековой историографии. Казань, 1888.

¹⁷ Б. Чичерин. История политических учений, тт. I—II. М., 1869.

¹⁸ За 25 лет, прошедших с того времени, когда Е. А. Косминский приступил к чтению публикуемого курса, советская медиевистика обогатилась несколькими монографиями и большим числом статей по историографии средних веков, которые являются полезными пособиями по этому предмету. Эти работы советских историков указаны нами в библиографии, помещенной в конце книги. (Прим. ред.)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ АВГУСТИНА

Я начинаю свое изложение с первых моментов появления исторической науки в средние века, на грани между рабовладельческой и феодальной формациями.

Здесь в качестве наиболее характерного произведения, в котором отразился этот переломный момент в истории идеологии вообще и в понимании истории человечества в частности, выступает знаменитое сочинение Августина, епископа Гиппонского, «De civitate dei»¹, название которого правильнее всего перевести «О государстве божьем»².

Августин представляет для нас интерес как наиболее яркий выразитель идеологии класса рабовладельцев того переломного периода, который отделяет античность от средневековья и который оказал решающее воздействие не только на произведения этого церковного писателя, но и на всю его жизнь.

При изучении историографии мы не можем не уделять известного внимания не только идеям историка, но и его личности, так как его биография дает комментарий к его идеологии. Есть много историков, жизнь которых полна драматического интереса, и от рассмотрения ее мы отказаться не можем.

Жизнь Августина и история развития его идей представляют для нас особый интерес. На этом примере мы видим, как в жизни одного человека под влиянием осуществляющейся на его глазах смены общественных отношений произошел бурный душевный кризис, настоящий переворот во всех воззрениях.

Мы наблюдаем, как у Августина, в значительной степени на базе умирающей античной культуры, в очень короткий срок складываются основы совершенно нового мировоззрения, нового взгляда на природу, на человека, на историю. Другими словами, на его примере отчетливо видно, как мировоззрение средневековья вырастает из корней античности, хотя оно и представляет собой систему взглядов, качественно отличную от прежней.

¹ Augustinus Augustinus. De civitate Dei libri XXII. Lipsiae, 1909. Русск. перев. см. в кн.: «Творения блаженного Августина». Киев, 1901.

² Некоторые историки и философы дают иной перевод — «О граде божьем». Но, как показывает Е. А. Косминский в дальнейшем изложении, многозначное слово civitas по содержанию, которое вкладывал в него сам Августин, правильнее переводить как «государство». (Прим. ред.)

В произведениях Августина мы находим основы мировоззрения средневековой церкви, ее теократических догматов, корни идеологии палства, так ярко выразившейся впоследствии у Григория VII или Иннокентия III. В то же время взгляды Августина оказывали нередко влияние и на всевозможные уклоны от церковного правоверия. К идеям Августина обращались и вожди реформационных течений — Уиклиф, Гус, Лютер и Кальвин. Мало того, при изучении историографии XIX—XX вв. мы постоянно сталкиваемся с конфессиональными воззрениями ряда историков, и идеи Августина, правда в преломленной форме, так или иначе сказываются на сочинениях этих проводящих религиозную точку зрения писателей буржуазной эпохи. Таким образом, знакомство со взглядами Августина важно не только для характеристики средневекового исторического мировоззрения, но и для понимания развития историографии в целом, вплоть до наших дней. Мы сплошь и рядом наталкиваемся на идеи и воззрения, которые буквально повторяют идеи Августина. Сам Августин вплоть до нашего времени является предметом неустанного изучения. Литература об Августине огромна, и в обзоре современной историографии нам придется касаться отношения тех или других историков к Августину.

Все сказанное заставляет меня начать свой историографический обзор именно с Августина. Уже у некоторых античных историков намечается, хотя и недостаточно отчетливо, идея о единстве человечества, идея всемирной истории, объединяющей так или иначе историю отдельных стран, отдельных народов и государств. Христианство же, которое стремилось выйти за пределы отдельного государства и национальности, чтобы на религиозной основе объединить все человечество, явилось благоприятной почвой для дальнейшего развития всемирно-исторической теории.

Такую всемирно-историческую теорию на базе религиозного христианского мировоззрения и создал Августин, твердо придерживавшийся представления о единстве человечества.

Исторические воззрения Августина полностью основывались на его религиозных идеях. Религиозные же воззрения его складывались под определенными внешними воздействиями, в процессе жизненного опыта, в той борьбе, которую ему как одному из руководителей христианской церкви той эпохи пришлось вести, с одной стороны, с представителями античного мировоззрения, с язычниками, с другой — со всевозможными еретическими течениями внутри самого христианства.

Для того чтобы сделать более понятными истоки религиозных и исторических воззрений Августина, я напомним сначала некоторые факты из его биографии. Августин родился в 354 г. и умер в 430 г. Он был свидетелем первых вторжений вестготов на территорию Римской империи и падения в 410 г. Рима, взятого Аларихом. Это событие послужило непосредственным толчком к созданию его главного произведения «О государстве божьем», которое писалось между 412 и 426 гг. Он умер во время осады вандалами города Гиппона, где он был епископом. Таким образом, Августин до некоторой степени был участником важнейших драматических событий своей эпохи и писал под непосредственным впечатлением того великого кризиса, который охватил в начале V в. Римскую империю и вскоре привел ее к гибели. Этот кризис выразился, однако, не только в падении Римской империи под ударами варваров, но и в восстаниях народных масс внутри самой империи. Августину пришлось занять определенную позицию и по отношению к этой второй великой проблеме своей эпохи — к этим восстаниям рабов, колонов,

крестьян. Его борьба с донатистами теснейшим образом была связана как раз с этой проблемой.

Главнейший источник для биографии Августина — его собственные воспоминания, или исповедь, «Confessiones»³ — возбуждает ряд сомнений; очень многое там приспособлено для целей христианской пропаганды; к сожалению, другие сочинения Августина не дают возможности проверить приводимые в «Исповеди» факты. Опираясь на эту «Исповедь», а также на апологетическую биографию Августина, составленную его учеником Поссидием, и на столь же апологетические сведения о нем, которые имеются у его другого ученика — историка Орозия⁴, многие западные исследователи и ряд русских ученых, например Герье⁵, Трубецкой⁶, идеализировали личность Августина, изображали его как человека глубочайшей искренности, беззаветно отдающегося религиозным порывам.

Для нас морально-этическая оценка личности Августина не так существенна. Несомненно лишь то, что Августин был для своего времени широко и разносторонне образованным человеком. Читая любое его произведение, легко убедиться в его прекрасном знакомстве с античной литературой и философией. Перед нами человек, который вобрал в себя всю античную образованность.

Августин родился в Тагасте, в римской Африке, в семье горожанина среднего достатка. Отец его был язычником, но мать — христианкой. Августин получал хорошее образование, главным образом риторическое.

Римская Африка, где родился и учился Августин, во второй половине IV в. представляла собой одну из наиболее культурных, романизированных провинций Римской империи. Но римская культура захватила только верхушку местного общества — широкие слои населения, частью финикийского, частью нумидийского, сохранили свой язык, свою культуру и свою религию.

Момент появления христианства в Африке трудно установить точно. Вначале оно оставалось здесь идеологией низших классов общества, но затем стало распространяться и в его высших слоях. В средних же слоях городского населения и в народных массах с начала IV в. начинают распространяться всевозможные ереси, особенно ереси донатистов и циркумцеллионов.

Борьба господствующей церкви и государства с ересями характерна для провинции Африки в эпоху Августина. Под впечатлением ее происходило в значительной мере его внутреннее развитие, складывалась его идеология.

Вернемся к биографии Августина. В своих «Confessiones» Августин писал, что он вел в молодости очень распутную, веселую жизнь, но это, вероятно, преувеличение. Позднейшие его аскетические настроения заставили его, может быть с дидактической целью, преувеличивать разгульность своего образа жизни. Уже в молодости гораздо более значительную роль в его жизни играли научные и философские интересы. В юности на него оказало большое влияние творчество Цицерона, который был одним из крупнейших посредников по ознакомлению римского общества с греческой философией и под влиянием которого Августин

³ Augustinus Aurelius. Confessiones. München, 1955.

⁴ См. Orosius. Pauli Orosii viri doctissimi historiarum initium ad Aurelius Augustinum. Venetiis, 1500.

⁵ См. В. И. Герье. Блаженный Августин. М., 1910.

⁶ См. Е. Н. Трубецкой. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. М., 1892.

стал заниматься философией. Но одновременно с этим мы видим у него известные религиозно-этические искания. Идея античной философии, что мудрец не только должен развивать в себе силу разума, но также и нравственное начало, что только при условии определенного нравственного совершенствования возможно высшее знание, — эта идея в то время овладела Августином.

Закончив свое учение, Августин стал сначала преподавателем грамматики в Тагасте, а затем преподавателем риторики в Карфагене. Увлечаясь в этот период философией неоплатонизма, Августин впервые сталкивается и с христианством. Однако его, воспитанного на античной философии, христианство в этот период еще отталкивает, так как кажется ему слишком примитивным и детски грубым. «Священное писание» представляется ему собранием басен. Ему кажется крайне неубедительным то, что христианское учение не прибегает к доказательствам, а приказывает верить, что его догматы имеют характер непроверенных умом предписаний.

В своих религиозных исканиях Августин одно время увлекается манихейством. Согласно этой дуалистической теории, восходящей еще к религии Зороастра, мир является результатом вторжения мрака в область света. Целью мира является освобождение от этого мрака и возвращение к первоначальному свету. Эти идеи одно время захватили Августина, но вскоре, если верить его «Исповеди», перестали его удовлетворять.

В 383 г. Августин приехал в Рим. Можно думать, что привели его туда не только поиски истины, но также и интересы карьеры. Во всяком случае вскоре он получил кафедру риторики в Милане, в знаменитой миланской Высшей школе. Для провинциального преподавателя это был большой шаг вперед. Во время своего пребывания в Риме и в первое время пребывания в Милане он отбросил всякие мистико-религиозные учения, даже неоплатонические воззрения, и стал на точку зрения тех философов, которые проповедовали чистый агностицизм, сомнение во всем и говорили о возможности лишь приблизительного знания.

Однако вскоре, разочаровавшись в агностицизме, он опять начинает интересоваться христианством. Теперь христианство представляется ему гораздо более привлекательным, чем в молодости. К этому времени и относится его знаменитое «обращение» — принятие им христианства (387 г.).

Этот переворот, изображаемый самим Августином в его «Исповеди» как своего рода внутренняя драма, несомненно, назрел в результате определенных внешних впечатлений и воздействий.

После принятия христианства Августин оставляет преподавание в миланской Высшей школе, возвращается в Африку и сначала (в 391 г.) делается пресвитером, а потом епископом в Гиппоне. Здесь ему приходится вести борьбу за усиление авторитета церкви как такой организации, которая обладает исключительным правом устанавливать религиозные «истины», объявляя всякое отступление от них ересью. Вопрос о праве церкви, если нужно, силой принуждать людей к восприятию этих истин все более и более овладевает его сознанием и руководит его поступками.

Этот «путь авторитета» определяет теперь все мировоззрение Августина. Теология и одновременно с этим философия представляются ему уже не как свободное исследование и познание божества, а именно как принятие недоказанного, как подчинение авторитету.

В качестве епископа Августин повел решительную борьбу с различными ересями, отражавшими социальные движения, происходившие в это время в Африке; в частности, он боролся с донатизмом, который, как мы отмечали, был связан с движением народных низов. В борьбе с донатистами Августин развивает то учение о невозможности спасения человека вне церкви, которое и легло в основу его идеи «государства божьего»⁷.

Другой ересью, с которой пришлось вести борьбу Августину, было учение Пелагия⁸. В борьбе с ним Августин выдвигает учение о благодати, единственным носителем которой он считает ортодоксальную римскую церковь, и учение о предопределении. Оба эти учения больше всего и связываются с его именем.

Учение о благодати связано у Августина с понятием о первородном грехе. Августин утверждал, что «первородный грех» — нарушение первым человеком обета богу — является актом свободной воли. С тех пор как люди совершили этот грех, человеческая воля навсегда связана этим грехом. Люди могут спастись только божественной благодатью, только сверхъестественной силой, которая дается богом и раскрывается в ходе библейской истории и которая находит свое наиболее полное выражение в искупительной жертве Христа. Таким образом, избавление от греха есть «благодать», которая дается «даром», вне связи с какими-либо заслугами и распространяется не на всех. Здесь и выступает учение Августина о предопределении. Одни предопределены спастись, другие — погибнуть. Притом число лиц, предназначенных к блаженству в будущей жизни, очень невелико, а огромное большинство людей заранее осуждено.

На этом учении Августина о свободе воли, грехе и предопределении базируется и его философия истории, изложенная в его сочинении «О государстве божьем». Эта книга была написана под впечатлением взятия Рима Аларихом. Приверженцы языческой религии утверждали, что Рим пал в 410 г. потому, что он отступил от старой религии богов, которые создавали когда-то его величие и охраняли Рим. Тем самым распространение христианства в империи объявлялось причиной падения Рима. В своем сочинении «О государстве божьем» Августин попытался опровергнуть эти обвинения и в противовес им изложил свой взгляд на судьбы человечества вообще, на судьбу Рима в частности и на дальнейший ход истории.

«Государство божье», о котором говорит Августин в своей книге, хотя в некоторых случаях он и отождествляет его с церковью как организацией, в большинстве случаев трактуется им как более широкое понятие. Это царство или сообщество божьих избранников, которое начинается с первых времен человеческой истории, с первых библейских патриархов, и существует до времени пришествия на землю Христа. Христос, его учение и христианская церковь являются новой основой для дальнейшего расцвета этого царства божьего, к которому принадлежат лишь избранные — те, кто предопределен богом к спасению. Когда наступит конец мира и все грешники будут осуждены, эти избранные

⁷ Об этой идее Августина подробнее см. ниже. (Прим. ред.)

⁸ Согласно учению Пелагия, человек обладает свободой воли и выбора между добром и злом, поэтому своей деятельностью он может снискать милость бога в виде «благодати» и тем самым войти в число «избранных», определенных к спасению. Пелагианство отражало симпатии и чаяния более широких слоев населения империи, и его трактовка вопроса о свободе воли противостояла официальному церковному учению, которое поддерживал и развивал Августин. Это учение излагается Е. А. Косминским ниже. (Прим. ред.)

объединятся в вечном блаженстве и в вечном единении с богом, в вечном «государстве божьем».

Всемирная история представляется Августину как осуществление заранее predetermined божественного плана, направленного к постепенному развитию и совершенствованию этого «государства божьего» — царства божьих избранных.

Таким образом, с точки зрения Августина, бог является основной, определяющей силой в истории; все подчинено воле божьей, бог выступает уже не как отвлеченная сущность, как его рисовала платиновская философия, — это христианский бог-творец и бог-промыслитель, который своей волей определяет все развитие человечества. С этим связано у Августина представление о «чуде». Он доказывает, что нет таких законов природы и истории, которые не могут быть нарушены богом, и указывает на то, что эти нарушения происходят постоянно. В дальнейшем католическая, а отчасти протестантская историография средних веков всецело разделяла эту слепую веру в чудеса, которая основывается на идее божественного predetermined и всемогущества бога.

При этом Августин полагает, что в мире господствует зло. Хотя это зло рисуется Августину не как какая-то самостоятельная сила, но как удаление от бога, все же земной мир представляется ему миром зла, юдолью скорби. Августин не жалеет красок, чтобы нарисовать все превратности, которые ждут человека на каждом шагу. У него господствует пессимистический взгляд на мир. И идея «государства божьего» выступает иногда у Августина как идея ухода из мира. Это те самые настроения, которые лежали в основе монашества.

Тот великий кризис, который переживал в это время западный мир, нашел свое отражение в этом пессимистическом взгляде на жизнь и на мир. Но, согласно учению Августина, господствующие в мире зло и грех преодолеваются божественной благодатью, которая постепенно раскрывается в человеческой истории в виде «божественного откровения». Это последнее передавалось богом вначале через патриархов еврейского народа, через Моисея и через пророков. И, наконец, искупление Христа явилось окончательным актом этой благодати.

Августину вся история рисуется как единый процесс. Эта идея является основной и руководящей у Августина. Он утверждает единство человеческого рода, которое выступает в виде слияния библейской истории с историей языческих государств.

Но у Августина избранный «народ божий» и остальные народы играют не одинаковую роль в истории: остальные народы выступают не столько как участники процесса становления «государства божьего», сколько как своего рода «орудия божьи» для наказания «избранного» иудейского народа, отступающего от «заветов божьих».

Осуществление этого божественного плана в истории рисуется Августином в виде своеобразного прогрессивного процесса. Но этот «прогресс» Августин относит исключительно к области государства божьего; что же касается царства земного, к которому принадлежит большая часть человечества, то здесь он рисует совсем другую картину. В этом отношении интересна 18-я книга «О государстве божьем», посвященная истории земных государств. Августин дает несколько различных периодизаций истории. Одна периодизация — по монархиям, хотя он выдвигает лишь две монархии — Ассиро-Вавилонскую и Римскую.

Вторая периодизация — деление истории на периоды до рождества Христова и после рождества Христова.

Кроме этого, он пользуется также периодизацией по возрастам, ко-

торая часто встречается и в теориях средневековых историков и которой пользовался еще Цицерон, признававший четыре возраста человечества.

Августин насчитывает шесть возрастов человечества — младенчество, детство, юношество, возраст мужества, пожилой возраст и, наконец, старость, которая характеризуется бессилием, болезнью и должна дойти до смерти. Наконец, после смерти наступает седьмой возраст — это обновление и блаженство избранных в «государстве божьем».

Интересно, как смотрел Августин на последний, шестой, возраст, начинающийся, по его взглядам, с возникновения христианства. Он считал его периодом старости человечества, который предшествует гибели земного мира. Такое представление о человечестве умирающем, о дряхлости античного мира естественно у Августина, который был свидетелем надвигающейся гибели этого мира.

Но, казалось бы, появление христианской церкви должно было знаменовать для него, наоборот, возрождение человечества. Из этого противоречия Августин выходит таким путем: он говорит, что дряхлость древнего, плотского человека сопровождается рождением нового, духовного человека. Развитие человечества представляется ему как процесс раскрытия божественной истины и как воспитание человечества к восприятию этой истины.

В каком же отношении находится его «государство божье» к земным государствам? Августин развивает свои взгляды в эпоху, когда римское государство находилось в состоянии упадка. Поэтому, говоря о государстве земном, он принимает совсем другой тон, чем когда он говорит о «государстве божьем», и дает гораздо более реалистическую философию истории. Он говорит, в частности, что государство возникло из насилия.

В человеческих обществах, по его мысли, всегда господствует борьба, которая приводит к тому, что более слабые подчиняются более сильным. Они предпочитают подчинение вечному состоянию борьбы и анархии. Так возникает государство.

Государство, по Августину, — это шайка разбойников. Рим, по его мнению, был основан шайкой разбойников, составившейся из всякого рода преступников. История Рима начинается с преступления — убийства Рема Ромулом. Точно так же и по «Библии» первым строителем города был братоубийца Каин.

Августин крайне презрительно относится к тем гражданским добродетелям, которые будто бы укрепили господство Рима. Все эти гражданские добродетели сводились, по его мнению, к стремлению господствовать. Равным образом он ополчается против языческого утверждения, что боги создали господство Рима, и подвергает осмеянию римские божества. Августин доказывает, что вера в эти божества представляет цепь самых грубых суеверий. Вместе с тем он сам отчасти верит в их существование, видя в них демонов. Христианское учение о дьяволе он переносит на римскую мифологию. Он считает, что за всеми языческими чудесами стояли темные силы.

Говоря о Риме, Августин утверждает, что бог сделал это государство орудием своих целей. В Римской империи совершилось объединение всего мира, что создало предпосылки для распространения христианства.

Таким образом, светское государство, с точки зрения Августина, должно играть служебную роль по отношению к невидимому духовному союзу избранных — «государству божьему». Но поскольку это последнее невидимо и не имеет определенного места на земле, постольку оно заключено так или иначе в церкви, которая своими таинствами спасает

людей, и, следовательно, светское государство практически должно служить церкви. Этот взгляд на роль светского государства вполне объясняется общим падением государственной организации в Западной Римской империи IV—V вв. По мнению Августина, церковь, как новая сила, должна взять на себя те функции, которые раньше выполняло светское государство⁹.

Какой же социальный строй должны, по его мнению, охранять церковь и государство, состоящее, по его идее, у нее на службе? Как относится Августин, в частности, к рабовладельческому порядку, к эксплуатации, к несвободе трудящихся классов?

Сам Августин, конечно, таких вопросов не ставит и не имеет никакого желания ставить, но ответ на них можно прочесть между строк его книги.

Августин говорит, что бог создал людей свободными, но неизбежным порождением греха является рабство. Рабство есть удел грешников. В этом утверждении содержится моральное оправдание рабства. Таким образом, Августин, с точки зрения своего «государства божьего», не выступает против существующего социального строя, а, наоборот, занимает позицию охранителя этого строя. Переноса как будто бы центр тяжести развития истории на «государство божье», он, однако, ставит фактически всю церковную организацию на службу существующему «земному» порядку.

Мы видим, таким образом, что в теории Августина вопрос о каких бы то ни было социальных переменах, которые должны были быть связаны с «государством божьим», совершенно обойден. Здесь Августин вполне стоит на точке зрения господствующих социальных отношений. И самой своей аристократической теорией, теорией «избранных», теорией «предопределения», он показывает, как он далек от каких бы то ни было уступок домогательствам народных низов¹⁰. Ясным показателем этого является упоминавшаяся выше борьба Августина с донатистами. Так философия истории Августина оказывается теснейшим образом связанной с важнейшими политическими и социальными проблемами его эпохи. В дальнейшем она легла в основу философии истории, господствовавшей в средние века. Взгляды Августина, его теологическая, проникутая реакционным, теократическим духом концепция истории человечества надолго предопределили развитие исторической мысли средних веков.

⁹ Это положение Августина впоследствии легло в основу идеи папской теократии, примата церкви над государством, которая сыграла весьма большую и реакционную роль в социально-политической и идеологической борьбе в средние века. (Прим. ред.)

¹⁰ В этой связи нельзя не заметить, что, признавая прогресс применительно к развитию «государства божьего» в смысле его расширения, приближения к богу и конечного вечного блаженства «избранных», Августин отрицает какой-либо прогресс в истории земного государства, к которому принадлежит большая часть человечества. История этого земного мира на всем протяжении рисуется им в одинаково мрачных тонах. (Прим. ред.)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИК

Целью этой лекции не является сколько-нибудь полная характеристика средневековой историографии в период до возникновения гуманистического мировоззрения. Это было бы задачей непомерной. Я хочу здесь набросать лишь некоторые общие, наиболее существенные особенности средневековых хроник этого периода, чтобы иметь отправную точку для характеристики дальнейшего развития историографии, ее постепенного превращения в научную дисциплину.

Поэтому мы не будем останавливаться на историках раннего средневековья. Общую характеристику особенностей средневековых хроник мы начнем с рассмотрения сочинений одного из известнейших хронистов XII в. — Оттона, епископа Фрейзингенского (1111—1158).

Оттон Фрейзингенский принадлежал к весьма знатному роду, был внуком императора Генриха IV и дядей другого германского императора — Фридриха I Барбароссы. Оттон Фрейзингенский учился в Париже и получил очень хорошее по тому времени образование. Он вступил в Цистерцианский орден и был ревностным сторонником Бернара Клервосского, хотя и не разделял всех его взглядов. В качестве епископа Фрейзингена (в Баварии) Оттону пришлось стоять в центре общественно-политической борьбы того времени. Он выполнял ряд поручений императора и был в курсе всех тогдашних политических и церковных дел. Поэтому мы можем считать очень удачным то обстоятельство, что такой хорошо осведомленный в делах своего времени человек оставил нам не просто записки, но своего рода философию истории — сочинение, по которому мы можем судить, как выдающиеся деятели того времени рассматривали свою собственную эпоху. Таким сочинением является знаменитая хроника Оттона Фрейзингенского, известная под названием «О двух государствах»¹.

Основной линией во всех восьми книгах этого труда Оттона Фрейзингенского является противопоставление двух царств: «царства божьего» и царства земного, в основе которого лежит историческая концепция, созданная ранее Августином.

¹ Otto Freising. *Otonis episcopi frisingensis Chronica, sive Historia de duabus civitatibus*. Hannoverae et Lipsiae, 1912.

Оттон Фрейзингенский все время подчеркивает, что земные дела всегда переменчивы и непостоянны. В письме к Фридриху Барбароссе он называет свою работу «Книгой о переменчивости судеб» (*Liber de mutabilitate regni*). Мудрый человек, по его мнению, должен удаляться от земных дел и обращать свой взор к неизменному и вечному «государству божьему», ибо существуют два царства: одно — временное, другое — вечное; одно — земное, другое — небесное; одно — царство сатаны, другое — царство Христа.

В первых семи книгах Оттона Фрейзингенского дается описание тех бедствий, которым подвергалось человечество от Адама и будет подвергаться до конца мира. В восьмой книге неожиданно для нас мы встречаем изложение будущих судеб человечества, т. е. пришествия антихриста и конца мира, а затем вечного блаженства праведников, которое он противопоставляет земной юдоли скорби.

Оттон Фрейзингенский не может идти ни в какое сравнение с Августином — ни по широте своего образования, ни по широте мысли. Августин действительно впитал в себя культуру и философию античности. Оттон Фрейзингенский об античности знает очень мало. Его книга ставит определенную моральную цель — научить людей презирать все радости мира. У него мы находим продолжение и развитие идеи Августина о значении христианского государства, Римской империи как охранительницы церкви. Идеальная картина «божьего царства» и земного царства приняла здесь более определенные и конкретные очертания, с одной стороны, римско-католической церкви, с другой — «Священной Римской империи». У Оттона Фрейзингенского идеальное невидимое «государство божье» Августина превращается в совокупность верующих в Христа, принимающих крещение и другие таинства, т. е. в римско-католическую церковь во всей ее исторической конкретности. Именно эту церковь он называет по-старому «*civitas dei*». Но иногда под церковью он разумеет еще более узкое понятие — совокупность духовенства, или, лучше сказать, иерархически организованное духовенство. И в этом смысле церковь резко противопоставляется у него светскому христианскому государству.

Как же Оттон Фрейзингенский рассматривал свою эпоху, как один из крупнейших историков средневековья ощущал эти «средние века» и рисовал их себе?

У Оттона Фрейзингенского отсутствует представление о начале средневековья. Никакого разрыва между античной историей и средневековьем, как это понимали позднейшие поколения, он не знает. Мы читаем у него о таких событиях, как вторжение варваров, но в его исторической концепции этот факт занимает не большее место, чем восстание наместников в отдельных провинциях. Изложение истории Римской империи ведется непрерывно — от ее начала и до Фридриха Барбароссы.

Но как же быть с такими фактами, как, например, падение Римской империи в 476 г., когда империя на Западе прекратилась? Для их объяснения Оттон Фрейзингенский выдвигает теорию перенесения, «трансляции» Римской империи. Он утверждает, что когда прекратилась империя на Западе, она была перенесена на Восток.

Возьмем 7-ю книгу его хроники, где имеется список всех римских царей и императоров и параллельно дается список пап. Я не буду заниматься исторической критикой этого списка, в котором чрезвычайно много сомнительного, но интересна самая тенденция. Начинается список с легендарных царей-богов — Якуса, Сатурна, затем идут исторические личности — Тарквиний Гордый и пр., а затем императоры, начи-

ная с Октавиана Августа. После Феодосия упоминаются еще два императора: Аркадий и Гонорий и затем идет «перенесение» в Византию. Список императоров доводится до восьмого столетия, с которого начинается параллельный ряд франкских королей. Это та же империя, но переносится она к франкам. Оттон Фрейзингенский далее говорит, что империя только по имени (*solo nomine*) остается римской, «*propter antiquam urbis* (т. е. Рима) *dignitatem*» (вследствие древнего значения города). В действительности же, по мнению этого хрониста, происходит «перенесение» империи сначала из Рима в Константинополь, затем — второе «перенесение», из Константинополя к франкам. Правда, после этого следуют упадок и смута во Франкском государстве, но потом империя восстанавливается в восточной части Франкского государства, где жители говорят на «тевтонском языке» и куда переходит светская власть бывшей Римской империи. Таким образом, Оттон Фрейзингенский старается доказать, что титул римского императора передается через Константинополь и франков в «Священную Римскую империю германской нации». Поэтому для него весь период, последовавший за падением Рима, и то время, в которое он жил, представляются продолжением Римской империи. Правда, он признает, что эта новая Римская империя кое в чем отличается от старой. Господство империи теперь ослабляется в значительной степени тем, что, с точки зрения Оттона Фрейзингенского как представителя церкви, светская власть в самом Риме со времени «Константинова дара» принадлежит папе. Ведь «трансляция» империи из Рима в Константинополь, по его мнению, и связана с «Константиновым даром». Именно когда Константин перенес столицу в Константинополь, он уступил западную часть империи папе. Таким образом, римский император передал светскую власть в Риме папе, и папа в течение многих лет обладал полной светской властью в городе (т. е. Риме). В то же время Рим, который некогда был главой государства, становится теперь главой церкви.

Таким образом, Оттон Фрейзингенский не признавал грани между средними веками и древней историей, считая, что история Рима и история средних веков вплоть до его времени составляют последний период в развитии человечества, именно период Римской империи.

Центральным вопросом истории для него является отношение церкви и государства. Это понятно, если мы вспомним ту эпоху, когда жил и действовал Оттон Фрейзингенский, а также его историческое окружение.

Отношения между церковью и государством в историческом разрезе рисуются ему как постепенное ослабление римского государства и неуклонный рост могущества церкви. Он начинает изображение этого ослабления римского государства еще с Нерона. Говоря о мученичестве основателей церкви, он считает, что оно явилось краеугольным камнем будущего ее могущества и что по времени оно совпало с началом внешних поражений Римской империи. Самым значительным ударом по могуществу империи и, наоборот, моментом, возвышающим церковь, Оттон Фрейзингенский считает «Константинов дар». Особенно он подчеркивает для доказательства роста авторитета церкви то обстоятельство, что папа Стефан низложил будто бы Меровингов и возвел на престол Пипина, — факт, который, с нашей точки зрения, едва ли свидетельствует об особенно большой роли церкви в VIII в. Мы знаем, что папа Стефан в то время крайне нуждался в помощи Пипина. Но Оттон Фрейзингенский видит в этом незначительном событии закрепление за папами права возводить на престол и низла-

гать королей. В этой же связи он особенно подчеркивает факт отлучения и низложения Генриха IV Григорием VII. По его мнению, папы имеют власть над королями, папы могут судить их. А государи, передав церкви значительную часть своих земель и прав, теперь бессильны. Здесь отчетливо выступает идея постепенного падения Римской империи, несомненно связанная с теократическими симпатиями Оттона Фрейзингенского.

Как же рисуется ему будущее развитие человечества, последняя глава истории?

Римская империя, по его мнению, идет к концу, стало быть, идет к концу и мир, потому что Римская империя — последняя светская империя в мире. Конец Римской империи будет концом земного мира. Эта идея близкого конца мира крайне характерна для Оттона Фрейзингенского. Мир, с его точки зрения, глубоко стар. Историки более позднего времени, говоря о средневековье, часто повторяют, что это было время, «когда мир был молод». Но сами люди средневековья, в лице того же Оттона Фрейзингенского, считали свой мир глубоко старым, дряхлым, приближающимся к последним дням.

Восьмая книга его хроники посвящена проблеме конца мира и его обновлению, которое Оттон Фрейзингенский мыслит в виде наступления «царства божьего», т. е. царства небесного. Такова в основном явно реакционная феодально-церковная идеология Оттона Фрейзингенского, несомненно являвшегося выразителем взглядов господствующего класса феодалов и, в частности, католической иерархии. Не удивительно поэтому, что такого рода периодизация, заканчивающая историю человечества Римской империей как последней стадией, находила себе довольно резкую оппозицию в некоторых течениях религиозно-исторической мысли в средние века, отражавших чаяния и надежды более демократических слоев общества. Я имею в виду особенно идею тысячелетнего царства, идею о новом земном царстве праведных, которое должно сменить Римскую империю. Вся эта концепция формально покоится на одном тексте из «Апокалипсиса» (глава 20), согласно которому все люди, потерпевшие за веру, будут царствовать вместе с Христом в течение тысячи лет.

В XII в. идея тысячелетнего царства возникает в учении итальянского монаха Иоахима Флорского (умер в 1202 г.), который в своих сочинениях («Согласование Нового и Ветхого заветов», «Введение в Апокалипсис» и др.) утверждал, что после последовательной смены ряда царств, или «состояний», наступит тысячелетнее царство Христа на земле.

Римская империя — царство мира — уступит место «царству божьему»². С этим представлением Иоахима позднее были связаны учение

² Иоахим Флорский считал, что это тысячелетнее царство Христа на земле должно наступить в 1260 г. Он полагал, что это будет третье «состояние» истории человечества, которое продолжится до конца мира. Этому последнему состоянию предшествовали два других: первое — от Адама до рождения Христа, когда люди жили «по плоти» и находились в рабской покорности к богу; и второе — от рождения Христа до конца XII в., когда люди жили отчасти «по плоти», но отчасти «по духу» и находились в сыновней покорности к богу. В период же третьего «состояния» они будут жить только «по духу», будут пользоваться полной духовной свободой, жить в общей любви, испытывая на себе воздействие божественной благодати. Таким образом, согласно учению Иоахима, все существующие государства должны вскоре уступить место «царству божьему» не на небе, а на земле, в котором не будет нужды в насилии и, следовательно, исчезнут и церковь, и государство в их настоящем виде. Учение Иоахима Флорского, утверждавшее прогрессивный характер земной истории человечества и отвергавшее пессимисти-

вождей секты «апостольских братьев» — Сегарелли и Дольчино — и некоторые взгляды, выдвигавшиеся в эпоху реформации. Таким образом, ортодоксальному церковному взгляду на Римскую империю как на последнюю стадию развития земного мира сторонники идеи «тысячелетнего царства» противопоставляли хилиастическое учение о царстве, которое наступит, когда будет связан и запечатан в пропасти древний змей — сатана, и которое рисовалось не только в виде церкви святых «избранных», но как царство социальной справедливости.

Я сделал попытку охарактеризовать то, что можно назвать господствующей философией истории средневековья, то церковно-феодалное мировоззрение, которое лежит в основе концепции истории человечества, поскольку эта концепция отразилась в основных по крайней мере работах средневековых историков и прежде всего у Августина и Оттона Фрейзингенского. Конечно, такого рода общие характеристики всегда страдают одним недостатком — они слишком общи. Здесь не принимаются в расчет очень многие индивидуальные особенности каждого историка, равным образом и те отдельные течения, которые мы можем констатировать среди историков этой эпохи.

Например, такой знаток источниковедения средневековья, как Ваттенбах³, различает целый ряд школ в одной лишь Германии не только по отдельным местностям и районам, но даже по отдельным монастырям. Но если мы говорим о средневековых хронистах в целом, то все-таки между ними оказывается больше общего, чем различий. Они похожи друг на друга языком, способом выражаться и, главное, своим общим церковно-феодалным мировоззрением⁴.

Теперь я хотел бы коснуться другой стороны дела, именно — поставить вопрос о методике средневекового исследования, о приемах изложения и исследования фактического материала, о тех влияниях, которые здесь сказываются. Для нас очень интересен вопрос о методе исторической работы средневековых хронистов. Как они работали, каковы те источники, которыми они пользовались, каковы те исследовательские приемы, которыми они владели, какие можно наметить основные особенности, отличающие работу этих историков средневековой эпохи от того, что мы сейчас понимаем под историческими методами?

Особенно важен вопрос о критическом подходе хронистов к историческому материалу, вопрос об умении делать те или иные выводы из определенных исторических фактов. Мы рассмотрим эти вопросы на материале произведений того же Оттона Фрейзингенского и некоторых других авторов.

Прежде всего встает вопрос о тех влияниях, под которыми складывались приемы средневековой историографии до начала XIV в. Нам

ческую оценку его прошлого и будущего, принятую большинством средневековых историков, оказалось в противоречии с официальной церковной доктриной. Оно было осуждено на трех церковных соборах, которые усмотрели в нем опасность для церкви и существующего строя. (Прим. ред.)

³ См. W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Bd. 1—4. Berlin, 1938—1943.

⁴ Эта общность мировоззрения определялась общим классовым, феодальным характером средневековой историографии. Средневековые хроники, во всяком случае до конца XIII—XIV вв., писались преимущественно представителями класса феодалов и в интересах этого класса, несмотря на все различия в политической ориентации отдельных хронистов. Они мало интересовались жизнью простого народа, игнорировали народные движения или описывали их с нескрываемой злобой и часто в извращенном виде. Средневековые хроники писались на латинском языке, недоступном для широких масс, и, следовательно, были рассчитаны прежде всего на читателей, принадлежавших к господствующему классу. (Прим. ред.)

придется отметить здесь те два основных влияния, которые вообще сказывались на культуре средневековья: это, во-первых, влияние античности; во-вторых, влияние христианства.

Влияние античности в средние века было значительно. Хотя мы и видим резкое падение античной культуры после гибели Римской империи, но культура средних веков кое-что заимствовала из античной традиции, в той мере, в какой эта традиция не подрывала господствовавшее церковное мировоззрение. Многие документы раннего средневековья содержат в более упрощенном виде ряд формул, терминов и понятий, характерных для римского права, хотя и в сильно варваризованном виде.

Известно, что средневековая школа создавалась под некоторым влиянием античности. Выработанные еще в эпоху Римской империи школьные шаблоны, знаменитые семь свободных искусств с их делением на «тривиум» и «квадривиум» воспроизводятся и в школе Карла Великого, и в монастырских и епископских школах следующих столетий. Правда, сами писатели средневековья часто говорят, что они утратили античную традицию, разучились писать и говорить по-латыни. Припомните знаменитое начало «Истории франков»⁵ у Григория Турского, где он извиняется перед читателями за то, что не умеет писать и говорить по-латыни. В действительности же все его сочинения явно говорят о том, что он находится под влиянием античных образцов и, если не считать известных фонетических особенностей, пишет неплохим латинским языком.

Еще больше это можно сказать об историках эпохи Карла Великого. При Карле Великом, как известно, начинается так называемое «каролингское возрождение», которое базируется на внешнем подражании античным образцам, хотя часто беспомощном, чуть ли не комическом. Восстановление античной культуры видели в умении изысканно выражаться по-латыни, говорить целыми фразами, взятыми у античных писателей. Эйнгард в своем «Жизнеописании Карла Великого»⁶ являет образец каролингской историографии. Это произведение представляет собой подражание сочинению Светония «Жизнеописание двенадцати цезарей»⁷. Не только отдельные выражения, но только фразеология взяты средневековым автором из этой книги, но и самое построение, самый способ характеристики. То, что говорится о Карле Великом у Эйнгарда, является подражанием тем характеристикам, которые дает Светоний Августу, Веспасиану, Титу, отчасти Тиберию. У Эйнгарда проскальзывает, конечно, целый ряд конкретных данных из жизни реального Карла Великого, но и они преломляются через античный образец. Эйнгард, по-видимому, не задавался целью дать в этой книге историческое произведение. Она, скорее, является произведением литературным. Мы видим в ней много путаницы в датах, именах и событиях. Хотя эта биография написана вскоре после смерти Карла Великого, под влиянием недавних впечатлений, но литературные приемы преобладают в ней над историческим анализом. Сочинение Эйнгарда пользовалось необычайной популярностью в средневековой Европе, его использовали хронисты. Нам известно свыше 80 рукописей этой книги Эйнгарда — цифра огромная для литературного произведения той далекой эпохи.

Некоторое влияние античной культуры на средневековую продолжается и в следующие столетия. Римские авторы, в частности историки,

⁵ Gregorius de Tours. *Historiae ecclesiasticae francorum libri X.* Parisiis, 1879.

⁶ Einhard. *Vita Caroli Magni.* Hannoverae, 1927.

⁷ Светоний Трапквилл. *Жизнеописание двенадцати цезарей.* „Academia“. М., 1933.

изучались в средневековых школах и университетах. Им, особенно Титу Ливию, подражали многие историки. Влияние этого автора обычно считается характерным для эпохи Возрождения, но он служил образцом и для некоторых средневековых хронистов. И все же влияние античной традиции на культуру, и в частности историографию, средневековья было в целом незначительно и носило очень поверхностный, внешний характер.

Гораздо более сильным в средневековой культуре и идеологии было другое влияние — влияние «Священного писания», особенно «Библии». «Священное писание» было подлинной основой всей средневековой образованности, поскольку церковь в этот период монополизировала всю интеллектуальную жизнь общества. «Священное писание» изучалось с первых же шагов обучения, его изучение даже предшествовало обучению грамоте; сначала наизусть заучивались молитвы и псалмы, и только потом переходили к обучению чтению и письму. Целые страницы из «Библии», из «Ветхого» и «Нового завета» заучивались наизусть. Это была главная книга, которая читалась в средние века не только духовенством, но и светскими людьми. Представление о том, что «Священное писание» было доступно только для духовенства, что оно являлось запретным чтением для лиц, не принадлежавших к духовному званию, не совсем верно. В средние века чтение латинской «Библии» было распространено среди всех грамотных людей. Но, конечно, грамотных людей в то время было не так много, и они принадлежали преимущественно к духовенству.

Влияние «Священного писания» на каждого средневекового историка было огромно, и значение его никак нельзя преуменьшить; надо помнить, что ссылка на «Священное писание» являлась уже доказательством, аргументом; авторитет «Священного писания» был исключительный, цитаты из «Священного писания» решали не только церковные вопросы, но и вопросы собственно исторические. В этом смысле преимущественное влияние на историков оказывал «Ветхий завет». «Новый завет», «Евангелие», «Послания» и «Апокалипсис» — это книги особого рода, главным образом поучающего характера, — книги, в которых историческое содержание очень незначительно. «Библия» же содержит целый ряд исторических книг. Поэтому для историков средневековья «Библия» была постоянным образцом, она была энциклопедией исторических примеров. «Библию» понимали в символическом смысле; те или иные события «Ветхого завета» рассматривались как своего рода прообразы, как символы, раскрытие которых происходит затем отчасти в «Новом завете», отчасти и позже, в последующей истории человечества. Поэтому современные события старались сравнивать с библейскими, библейскому материалу давали иносказательное толкование.

Самый язык средневековых писателей представляет явную смесь классической латыни с церковным языком, пожалуй с преобладанием последнего. Для того чтобы хорошо изучить средневековую историческую литературу, надо изучать латинский язык, может быть не столько по Цезарю, сколько по вульгате, по латинскому переводу «Священного писания». «Библия» была образцом исторической книги для средневековых писателей, к библейской истории часто сводилось представление о всем ходе всемирной истории.

От римской историографии и от библейской традиции средневековые историки унаследовали пристрастие к риторике и морализированию, взгляд, что историк должен поучать. У римских историков заимствовались и приемы этого поучения, путем драматизации действия,

вставных речей и т. п. С этими приемами отчасти были связаны преувеличения, которые мы часто встречаем у средневековых писателей. В особенности вызывает недоверие всякого рода средневековая «статистика». Цифры, которые приводят средневековые писатели, обычно очень преувеличены. Например, средневековые писатели насчитывают никак не меньше 300 тысяч участников первого крестового похода, между тем как позднейшие авторы, особенно Дельбрюк⁸, который занимался историей военного дела, анализом сражений и походов, считают, что эту цифру надо уменьшить во много раз, что число участников этого похода, по крайней мере рыцарей, исчисляется самое большее немногими десятками тысяч.

Или возьмем, например, «Славянскую хронику» Гельмольда⁹, посвященную истории немецких завоеваний и колонизации в землях полабских славян в XII в. Здесь мы находим описание сражения, в котором было убито 100 тысяч язычников, между тем как христиане потеряли только одного человека. Такие явные преувеличения и несуразности — обычное дело в средневековых хрониках. У Гельмольда говорится о *multitudo populorum* (об огромном количестве народа), а из другого места той же хроники узнаем, что это «*multitudo*» состояло всего из 70 человек.

Такого рода преувеличения следует всецело отнести за счет риторической манеры повествования, при которой автор не столько заботится о точности передачи, сколько о силе производимого впечатления. Словом, в количественных определениях, в цифрах очень даст себя знать влияние, с одной стороны, гиперболического библейского стиля, а с другой — римской риторики.

Часто заимствование из «Библии» у средневековых авторов было бессознательным. Люди настолько хорошо знали «Библию», что перо само писало когда-то заученную фразу. Вспомним, что средневековые хронисты писали все-таки не на родном разговорном языке, — тут заученные фразы, заученные приемы сами ложились на пергамент.

Например, интересные данные приводит известный немецкий историк Траубс, один из крупнейших знатоков латинской филологии средневековья¹⁰. Он указывает, что хронисты-писцы постоянно делали одни и те же ошибки. Когда они списывали классических авторов, они невольно туда вставляли выражения из «Священного писания». Например, в тех случаях, где у классического автора сказано *deos* (богов), они писали *deum*, т. е. одного бога. Это делалось под влиянием христианских представлений. Или, например, такое выражение, как *prolem sancta de conjugate natam* («потомство, рожденное от святой супруги»), они заменяли выражением: *prolem sancta de virgine natam*, т. е. «потомство, рожденное от святой девы». Или вместо *Galliae* писали *Galilaeae*.

Очень часто у средневековых писателей мы видим меры веса, длины и т. д., взятые из «Библии» или у античных писателей. Например, расстояние измеряется в стадиях, причем определить, что это значит, бывает иногда очень трудно. Затем мы видим целый ряд навязчивых

⁸ См. Г. Д е л ь б р ю к. История военного искусства в рамках политической истории, т. III. Госвоениздат, М., 1933, стр. 122—125.

⁹ Гельмольд (умер в 1177 г.) — миссионер католической церкви в Гольштейне, живший долгое время среди прибалтийских славян и знавший славянский язык. Свою «Славянскую хронику» (*HelmoIdi u. s. Cronica slavorum. Hannoverae et Lipsiae*, 1909) написал около 1172 г. по личным наблюдениям и наблюдениям других очевидцев. (Прим. ред.)

¹⁰ Л. Т р а у б е. *Zur Paläographie und Handschriftenkunde*. München, 1909; *L. T r a u b e. Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters*. München, 1911.

образов, взятых из «Библии», которые вечно повторяются у средневековых хронистов. Например, предатель — всегда Иуда, благочестивый человек сравнивается с Иовом или с Товием и т. д. У средневековых хронистов очень велик запас слов, оборотов, эпитетов, заимствованных из «Библии». Это связано с необычайной изощренностью памяти средневекового хрониста, так как обучение той эпохи требовало исключительного ее напряжения. Мы видим, как эта изощренная память постоянно оказывает плохую услугу средневековому хронисту в тех случаях, когда нужно обратиться не к памяти, а к точному исследованию. Словом, сознательное и бессознательное подражание «Библии» приводит к целому ряду искажений.

В связи с этим нужно заметить, что очень опасно делать какие-нибудь сопоставления между отдельными средневековыми писателями на основании их языка, видеть заимствование друг у друга там, где это заимствование, может быть, имеет общий источник — то же «Священное писание». Это обстоятельство создает очень большие затруднения для исторической критики средневековых хроник.

Учитывая все эти особенности хроник, приходится ставить вопрос — в какой мере средневековые хронисты точно передают факты. Уже из приведенных примеров вы можете видеть, что они далеко не всегда точны. Приведем еще некоторые данные на этот счет.

Риттер в работе «Развитие исторической науки по важнейшим сочинениям» рассматривает, как одни и те же крупные исторические события изложены у разных средневековых хронистов. Например, он берет борьбу Григория VII против светской инвеституры. По этому поводу Григорием VII были изданы три постановления — в 1075, 1078 и 1080 гг. Риттер отмечает, что из германских хронистов о первом законе не упоминает ни один, о втором законе упоминают двое, и о третьем законе, который является наиболее важным и наиболее полным, упоминает опять-таки только один, причем не под 1080, а под 1074 г. В частности, Оттон Фрейзингенский, который сам непосредственно участвовал в последующих этапах борьбы за инвеституру, лишь мельком замечает, что между папой и императором шел спор об инвеституре, ничего не упоминая о постановлениях Григория VII по этому поводу.

Или возьмем Вормский конкордат. По подсчету Риттера, о нем упоминают десять хронистов, но из них только два передают его дословно, восемь дают в изложении, причем только двое из них передают его содержание без ошибок, но при этом очень неполно, очень скупо, а у остальных имеется множество ошибок. Неполно, а в некоторых частях и совершенно неверно, передает историю подписания Вормского конкордата и Оттон Фрейзингенский, который, казалось бы, должен был ее хорошо знать.

Таким образом, даже в простых случаях, когда дело идет о констатировании какого-нибудь факта или изложении документа, и то мы видим, что это изложение дается крайне неточно. Что же сказать о более сложных исторических событиях, где приходилось устанавливать сложные причинные связи?

Насчет многих важнейших исторических фактов, о которых говорят хронисты, мы не можем составить себе сколько-нибудь точных представлений, если нет прямых документов. Например, многие хронисты сообщают о том, как происходили императорские выборы в X—XII вв. Но установить по этим описаниям юридический порядок выборов — кто именно производил выборы, из каких актов слагались эти выборы — нет никакой возможности. Средневековые писатели и не ста-

били перед собой задачу точного установления фактов и причинной связи между ними, а стремились главным образом лишь истолковать описываемые факты в духе определенной религиозно-этической или политической схемы. Историческая критика занимала у средневековых хронистов, конечно, очень мало места¹¹.

В связи с этим следует отметить характерную для средневековых хронистов черту, которую немецкие исследователи называют принципом одного источника (*Einquellenprinzip*). Дело в том, что средневековые хронисты при описании событий, современниками которых они сами не были, обычно стараются ограничиться одним источником для того, чтобы не путаться в противоречиях, так как работа по критике источников не представляла для них интереса и была им незнакома. Они брали, как правило, основной источник; если же использовали другие, то лишь путем частичного привлечения, лишь в смысле известного дополнения. При этом следует отметить, что пересказ этого одного основного источника с течением времени делается все более и более кратким. При этом источник сплошь и рядом приводится дословно, либо в подробном или сокращенном изложении, либо делается некоторая мозаика в виде небольших вставок из других источников.

Изложение, однако, принимает несколько другой характер, когда хронист является свидетелем тех событий, которые он описывает. Например, существует значительная разница между охарактеризованной выше хроникой Оттона Фрейзингенского и его «Историей императора Фридриха I»¹², где он описывает события либо на основании того, что он сам видел, либо главным образом на основании рассказов непосредственных свидетелей событий. Здесь и язык, и стиль меняются, все изложение делается гораздо живее. Но в подобных случаях автор хроники, как в данном случае Оттон Фрейзингенский, выступает, собственно, уже не столько в качестве историка, сколько в качестве мемуариста.

Тем не менее нельзя сказать, что у средневековых писателей совершенно отсутствовала критика источников. Иногда они пытались выбрать между одним и другим источником, иногда указывали на малую правдоподобность того или иного повествования, иногда предоставляли читателю выбрать тот или другой вариант излагаемого хода событий. Но дальше этого историческая критика средневековых хронистов обычно не шла. Пробуждению такого рода элементарной критики содействовало в значительной степени то, что в средневековой Европе имело хождение огромное число всевозможных фальсификаций. Нам известно очень много фальшивок, входивших в историю. Таков, например, «Константинов дар», который упоминается Оттоном Фрейзингенским и другими хронистами и признается многими из них как непреложный факт, таковы знаменитые «Лжеисидоровы декреталии», составленные около 850 г. где-то на севере Франции, и ряд других фальшивок, оказавших не меньшее влияние на историографию.

Монастыри часто составляли те или другие грамоты и придавали им вид подлинных грамот иногда потому, что они были глубоко убеждены, что такого рода грамота существовала и что ее надо воспроиз-

¹¹ Это объяснялось, с одной стороны, тем, что принятая ими теологическая концепция истории принципиально допускала возможность самых невероятных событий, с другой стороны, крайней неразвитостью исторических знаний и низким уровнем исследовательской техники того времени. (*Прим. ред.*)

¹² Otto Freising. *Gesta Friderici I Imperatoris*. Hannoverae et Lipsiae, 1912.

вести. Так, в Англии во время частых правительственных проверок прав отдельных лиц и монастырей на те или другие земли и имуществы представлялись грамоты, безусловно, поддельные, которые тут же на месте составлялись монахами, иногда с полной уверенностью в том, что такая грамота была. В других случаях дело было проще. Хотя было прекрасно известно, что такой грамоты не было, но грамота все-таки изготовлялась с целью отстоять те или иные имущественные интересы. Суды часто бывали беспомощны перед такого рода фальсификациями. Выработанных приемов исследования старинных документов тогда еще не было, и нелегко было доказать подложность фальшивой грамоты.

Некоторые исследователи полагают, что и при составлении «Лженсидоровых декреталий» имела место не столько сознательная фальсификация, сколько своего рода историческая фантазия. Автор, который составлял эти декреталии, сочинил 60 папских писем (от Климента до Мельхиада), хотя в действительности от этой поры не осталось ни одного папского письма. Для следующей эпохи он присочинил еще 35 папских писем. Все это в значительной степени было связано с мировоззрением автора, который был глубоко убежден в верховных правах церкви, в самостоятельности церковной иерархии по отношению к государству, в праве папы назначать и смещать епископов. Он был убежден также в том, что эти права — истинны, значит, надо было их подтвердить исторически. Он был вполне уверен, что что-нибудь в этом роде должно было существовать, поэтому он и написал эти письма. С точки зрения историка, это — недопустимый прием, наглядно показывающий, что в угоду своим политическим, и в частности теократическим, симпатиям средневековые авторы, и в том числе представители церкви, легко шли на такой «благочестивый обман», фальсифицируя историю.

Это относится не только к автору «Лженсидоровых декреталий». Мы можем найти в истории целый ряд такого рода фальшивок. Например, Фома Аквинский нашел и пустил в оборот выдержки из постановлений греческих соборов и из творений греческих отцов церкви, подтверждавшие полноту папской власти. Возможно, он не знал, что эти выдержки представляют собой фальшивку, являются творчеством какого-то сторонника папской власти, который таким путем хотел эту папскую власть поддержать. Будучи подкрепленными авторитетом Фомы Аквинского, эти выдержки затем широко использовались как вполне достоверный документ.

Кроме того, в средние века создавалось множество мелких фальшивок, придуманных в интересах того или другого монастыря, епископства, той или другой корпорации, которые вносили все новые и новые фальсификации в изложение истории. Были отдельные исторические фальсификации морализирующего, а затем и поэтического характера. Говоря о первых, мы имеем прежде всего в виду так называемую житийную литературу. Жития святых были одним из любимых видов чтения в эту эпоху. Они оказывали вреднейшее влияние на историографию в целом. Житийная литература преследовала определенную цель — усилить преданность церкви, вызвать подражание примерам святых. Еще более, может быть, было в ней желание прославить какого-нибудь местного святого, покровителя какого-нибудь монастыря или епископства, приписать чудотворную силу мощам этого святого, рассказать о случаях исцеления и тем самым побудить людей больше жертвовать на эту церковь, поднять авторитет данного монастыря или епископской кафедры и т. д. В противоположность хроникам, где, как уже указыва-

лось, чем дальше, тем больше сокращается историческая часть, здесь мы видим расширение исторических экскурсов. Чем дальше, тем больше растет легенда вокруг каждого святого.

Иногда неточное изложение исторических событий в хрониках обусловлено нескритическим использованием поэтических произведений, например «Песни о Роланде». Эта знаменитая эпическая поэма, хотя и отправляется от определенного исторического эпизода, от похода франков против испанских арабов, но, как известно, изображает этот поход в несколько искаженном виде. До XII в. это произведение рассматривается только как поэтическое. Но уже в XIII в. сюжет «Песни о Роланде» начинают включать в хроники, излагая описанные там события с теми же неточностями, которые были характерны для поэмы.

Наличие разного рода фальшивок и фальсификаций побуждало наиболее добросовестных хронистов к некоторому отбору наиболее достоверных фактов и документов, и отдельные средневековые историки делали попытки критически подойти к историческому материалу.

Большую роль в развитии духа критицизма сыграли политические и социальные столкновения, которые мы наблюдаем в средние века. Поскольку представители церковного мировоззрения, сторонники папской власти опираются на определенные факты и документы, их противники предпринимали попытки опорочить эти документы, поставить их под сомнение. Так, борьба за инвеституру между императорами и папами послужила поводом к появлению ряда памфлетов, авторы которых обращались к историческим фактам и пробовали нарисовать историю либо с точки зрения исконности папских прав, либо с точки зрения их узурпаторского характера. Оттон Фрейзингенский в книге 4, в главе 3 своей всемирной хроники — «Книга о двух государствах» — приводит мнения многих лиц, которые уже в его время, в XII в., задолго до того, как «Константинов дар» был разоблачен Лоренцо Валлой, подвергали сомнению подлинность этого документа. Он излагает даже доказательства своих противников: по «Константинову дару», выходило так, что Константин уступил власть над всей Западной империей папе, а сам отправился в Константинополь, в восточную часть империи, чтобы на Западе не было двоевластия. Критики указывали, что Константин поделил царство между своими сыновьями: Аркадием и Гонорием; одному дал Запад, другому — Восток; как же мог он отдать Запад Гонорию, если ранее Запад был уже отдан папе? Затем приводили то обстоятельство, что другие императоры — и не только еретические, но и вполне правоверные — правили на Западе, в том числе Феодосий. Как же он мог быть императором на Западе, если Запад давно был отдан папе императором Константином?

Несколько смущенный этими возражениями, которым он, видимо, не мог ничего противопоставить, Оттон Фрейзингенский заканчивает эту главу словами о том, что он не ставил своей целью разбираться в этом вопросе. Таким образом, он как будто бы признает известную убедительность возражений критиков «Константинова дара», которых он прямо называет сторонниками императорской власти.

Сомнения в подлинности «Константинова дара», а также «Лжеисидоровых декреталий» выступают не один раз во время столкновений церковной власти со светской властью, особенно во время соборного движения конца XIV — начала XV в. Сторонники того мнения, что власть собора выше папской власти, подвергали сомнению подлинность этих документов, хотя веских доказательств своей точки зрения они еще не могли привести.

В качестве примера критического настроения или критической одаренности средневековых хронистов нередко приводят известного хрониста Гвиберта — аббата Ножанского¹³, автора знаменитого изложения истории Ланской коммуны. Когда говорят о средневековых городах, то историю Ланской коммуны неизбежно приводят как наиболее яркий пример борьбы городов с сеньорами. Рассказ Гвиберта, действительно, одно из самых подробных и достоверных описаний этой борьбы. Гвиберт Ножанский, кроме того, известен как автор истории первого крестового похода. Его считают представителем наиболее критического отношения к источникам в средневековой историографии. Он, действительно, начинает свое описание крестового похода с того, что высказывает сомнение в достоверности ряда сведений. Он говорит о разногласиях историков по поводу целого ряда событий. Особенно подчеркивает он один момент, которому посвятил потом особую книгу, — это элемент чудесного в истории. Он говорит, что начало крестовых походов было связано со множеством чудес всякого рода, среди которых, по его мнению, надо отличать чудеса настоящие от чудес ложных. Таким образом, мы видим у Гвиберта Ножанского не столько опровержение чудесного вообще, не столько критический подход к элементу чудесного в истории, сколько стремление верного сына церкви отличить чудеса «истинные» от чудес «ложных» и тем самым снять с церкви обвинение в покровительстве этим ложным чудесам. Поэтому, говоря, например, очень иронически о Петре Амьенском, о том поклонении, которым был окружен его мул, о том, как выдергивали шерсть из этого мула и делали из нее священные амулеты, — он в то же время с полным доверием относится к такому чуду, как явление при осаде Антюхии священного копья, которым будто бы когда-то был проколот на кресте Иисус Христос и благодаря которому крестоносцам удалось сделать удачную вылазку. Хотя некоторые другие хронисты ставили под сомнение чудесное явление копья, однако Гвиберт Ножанский при всем своем критицизме все-таки целиком присоединяется к этой версии.

Вопросу о чудесах посвящено специальное сочинение Гвиберта Ножанского «О реликвиях святых», где он доказывает, что многие реликвии, хранящиеся в монастырях, являются грубой подделкой, что очень вредит престижу церкви.

Так, в одном из монастырей той же Ланской епархии, где был расположен Ножанский монастырь, появилась драгоценная реликвия — зуб Иисуса Христа. Этот зуб вызвал критическое отношение со стороны Гвиберта Ножанского. Рассуждая о том, могло ли от Иисуса Христа что-нибудь остаться на земле после его вознесения на небо, он приходит к выводу, что ничего не могло остаться.

Подвергая сомнению еще ряд реликвий, Гвиберт старается подчеркнуть, что святость не доказывается чудесами, которые творятся в

¹³ Гвиберт Ножанский (1053—1124) — известный средневековый хронист, по рождению принадлежавший к французской феодальной знати. Важнейшие его произведения: «О моей жизни» («De vita sua libri tres») — автобиография, в которой дано красочное описание быта средневековой Франции, основных событий его времени, и в том числе борьбы Ланской коммуны с епископом Годри; трактат «О реликвиях святых» («De pignoribus sanctorum»); история первого крестового похода изложена им в хронике «Деяния бога, осуществленные через франков» («Gesta dei per Francos»). См. Guibert de Nogent. Omnia studio et opera. Lutetiae Parisiorum, 1651. (Прим. ред.)

том или другом случае. Он видел, как король Людовик VI исцелил золотушного, но это не значит, что он святой¹⁴.

Конечно, историческая критика у Гвиберта Ножанского носит чрезвычайно элементарный характер. Он в принципе не отрицает возможности чудес, но критикует лишь достоверность отдельных примеров такого рода. В других же случаях и у него мы находим полное доверие к совершенно неправдоподобным, с нашей точки зрения, явлениям.

Из всего сказанного очевидно, что в рассматриваемую эпоху мы можем говорить лишь об известном зарождении исторической критики. История в этот период была еще очень далека от того, чтобы стать наукой¹⁵.

¹⁴ Надо заметить, что способность «исцеления» золотушных путем «наложения рук» считалась привилегией французских и английских королей. Даже после французской буржуазной революции Людовик XVIII в XIX в. «налагал руки» на золотушных. Эта способность французских королей, по мнению Гвиберта Ножанского, не подлежит никакому сомнению. Он только утверждает, что она не делает их святыми. (*Прим. автора*)

¹⁵ Об этом свидетельствует отсутствие разработанных методов исторического исследования в этот период, являвшееся следствием крайне низкого уровня развития исторических знаний вообще, и прежде всего то, что в основе исторических представлений того времени лежала фантастическая, теологическая концепция истории, которая представляла ход истории в мистифицированном виде. Историография в средние века и не ставила себе научных целей, оставаясь, как и все отрасли знаний в ту эпоху, на службе у богословия. (*Прим. ред.*)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИТАЛИИ. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. РИТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Когда мы переходим к тому важнейшему переломному моменту в истории средневековой культуры, каким является эпоха Возрождения¹, то мы также еще не можем говорить о том, что мы вступаем в эпоху научной истории. Не только история как наука, но просто история в смысле достоверности повествования еще не выступала в то время достаточно отчетливо. Но мы уже видим здесь новые методы, другие задачи, другой подход к историческому повествованию, чем это было в более ранний период средневековья. Историческое повествование эпохи Возрождения и гуманизма отличается от хроник предшествующей эпохи. В некоторых случаях оно явилось шагом вперед, но в ряде случаев гуманизм внес некоторые тормозящие моменты в развитие исторической науки, которые долго еще оказывали на нее отрицательное влияние.

Изложение итальянской гуманистической историографии можно начать с основоположников гуманизма — Петрарки и Боккаччо, так как оба были не только поэтами и писателями, но и историками. У Пет-

¹ Как показывает все дальнейшее изложение истории гуманистической историографии, Е. А. Косминский, говоря об эпохе Возрождения, как о «важнейшем переломном моменте» в развитии средневековой культуры, имел в виду зарождение в этот период раннебуржуазного мировоззрения, в основе своей враждебного церковно-феодалной идеологии, господствовавшей в Западной Европе в более ранний период. Это новое мировоззрение возникло в период зарождения в недрах феодального общества капиталистических отношений и складывания на этой основе нового класса — буржуазии. Связанное с этими новыми социальными явлениями общее обострение социальной борьбы в феодальном обществе, и в частности борьбы между нарождающимися буржуазными элементами и господствующим еще классом феодалов, отразилось и в сфере идеологии. Идеологи молодой буржуазии пытаются противопоставить феодально-католическому мировоззрению новую, более прогрессивную систему взглядов — гуманизм. Гуманистическое мировоззрение в целом, как известно, характеризовалось светским, антицерковным характером, новой трактовкой человеческой природы, верой в человеческий разум и в неограниченные возможности человеческой личности, ярко выраженным индивидуализмом, огромным интересом к античной культуре, известным преклонением перед ней. На формировании этого раннебуржуазного мировоззрения отразился начавшийся в этот период процесс складывания буржуазных наций и национальных государств, обычно в виде абсолютных монархий, возбуждавший у мыслителей-гуманистов особый интерес к прошлому своих народов, их языку и т. д. В рамках этого широкого идейного течения развивалась и гуманистическая историография, которой Е. А. Косминский посвятил эту и следующие три лекции. (Прим. ред.)

рарки мы видим попытку дать своего рода историю Рима в биографиях. В сочинении «О знаменитых мужах»², написанном на латинском языке, Петрарка дает 21 биографию великих римлян — от Ромула до Цезаря, а также биографии Пирра, Александра Македонского и Ганнибала.

Из каких побуждений взялся Петрарка за это мало свойственное ему ремесло историка? Надо сказать, что он меньше всего заботится об истории как таковой. Это, скорее, книга, написанная им для утешения самого себя, где видно стремление противопоставить жалкому политическому положению Италии в XIV в. ее былое величие, стремление противопоставить всей этой картине иноземных нашествий, междоусобных войн, внутренних раздоров, раздробленности картину прежнего могущества Рима от Ромула до Цезаря. Петрарка, этот тонкий лирик, мастерски изображавший свои переживания, сосредоточил весь свой талант на самом себе, а изображение исторической действительности, изображение героев древности получилось у него совершенно безжизненным. Это — идеализированные, тусклые фигуры, написанные на основе сочинений Тита Ливия, причем все те жизненные ситуации, в которых проявляются слабости или отрицательные черты героев у Тита Ливия, совершенно отсутствуют у Петрарки.

Правда, в этом сочинении Петрарки есть известные элементы критики, несколько новой по сравнению с историографией раннего средневековья. Петрарка отбрасывает средневековую легенду, которой обросли многие античные герои, в том числе и Александр Македонский. Однако критика Петрарки весьма поверхностна, поскольку античным источникам он слепо доверяет.

У Боккаччо мы тоже видим попытку написать историческое сочинение. Но если у Петрарки эта попытка подчинена тем или другим личным настроениям, то Боккаччо ставит перед собой чисто литературную задачу. Это видно уже из названия работы — «О славных женщинах»³.

Здесь собран почерпнутый у античных писателей анекдотический материал, лишенный какой-либо исторической ценности. Боккаччо великолепно знает античных писателей, изучает их, но приводит в этой своей работе лишь морализирующие истории. Гораздо интереснее его работа — «Жизнеописание Данте»⁴. То, что работа написана на итальянском языке, явилось протестом против чрезмерного увлечения классицизмом во времена Боккаччо. Это сочинение носит совершенно самостоятельный характер. Однако и здесь много риторики и морали, много рассуждений об оправдании поэзии. Описание жизни Данте дано одностороннее. Данте выступает здесь только как писатель, а его политические взгляды, его роль в политической жизни Флоренции остаются в стороне.

Это произведение Боккаччо оказало очень большое влияние на биографическую литературу Возрождения, одну из важнейших отраслей исторической литературы этой эпохи.

Я упомянул здесь о Петрарке и Боккаччо не столько как об историках, сколько как о крупнейших гуманистах, которые не были чужды истории. Их исторические сочинения можно, скорее, назвать морализирующей или занимательной литературой, чем исторической литературой в точном смысле слова.

Историческая литература гуманистического направления начинает развиваться во Флоренции с конца XIV в. Ее крупнейшим представите-

² F. Petrarcae. De viris illustribus. Bologna, 1874.

³ G. Boccaccio. De claris mulieribus. Leipzig, 1924.

⁴ G. Boccaccio. Vita di Dante. Berlin, 1920.

лем мы можем считать Леонардо Бруни⁵. Его главное сочинение — «История Флоренции в XII книгах»⁶, доведенная до 1404 г. и написанная на латинском языке. Интересно, что в названии уже исчезает слово «хроника» и выступает новый термин «*historia*». Бруни открывает собой ряд гуманистических историков как Флоренции, так и других городов Италии; с них начинается новый период в развитии европейской историографии. Каковы же были общие, характерные особенности историографии этого нового типа?

Новым и очень существенным моментом, характеризующим историографию эпохи Возрождения, был решительный разрыв с церковным мировоззрением. Правда, открытого конфликта между наукой и религиозным мировоззрением у итальянских гуманистов мы не видим. У итальянских историков-гуманистов отход от концепции бога, провидения как силы, определяющей весь ход истории, и устранение из истории элемента чудесного совершались без какой бы то ни было явной полемики с представителями церковного мировоззрения. Отчасти это происходило потому, что их собственные исторические писания еще были далеки от подлинной науки, отчасти потому, что еще не было базы, на которой должен был произойти резкий конфликт между наукой и религиозным мировоззрением, — той базы, которую создает точное научное знание⁷.

При всем том, однако, мы видим в гуманистической историографии секуляризацию, обмирщение истории. История перестает рассматриваться как осуществление какого-то божественного плана.

Вообще же в произведениях, посвященных истории средневековья, вопрос о церкви гуманисты трактуют вскользь и рассматривают папское государство, в отличие от средневековых хронистов более ранней эпохи, лишь как одно из итальянских государств, а не как силу мирового значения. Это связано отчасти с тем упадком, который переживала в тот период католическая церковь, но на такую трактовку истории могли оказать известное влияние и классические античные образцы исторических сочинений, где о церкви, конечно, ничего не говорится.

Равным образом и «Священная Римская империя» не играет в гуманистической историографии той роли, которую она играла у писателей средневековья, что, конечно, связано было с упадком «Священной Римской империи» с XIV в.

Гуманисты, в связи с отказом от теологической концепции исторического развития, дают совершенно новую периодизацию истории. В основе периодизации всемирной истории средневековых хроник лежала теория 4-х монархий, причем Римская монархия через Константина и через империю Карла Великого и Оттона продлевалась ими на все средневековье. Таким образом отрицалось наличие какого-либо раз-

⁵ Леонардо Бруни, по прозванию Аретино (ок. 1374—1444), — известный итальянский гуманист. С 1405 до 1415 г. Бруни служил секретарем в папской курии. В 1415 г. Бруни поселился во Флоренции и с 1427 г. до конца жизни был канцлером Флорентийской республики. (Прим. ред.)

⁶ Leonardo Bruni (Aretino). *Historiarum Florentini populi libri XII*. Citta di Castello, 1927.

⁷ Это стремление избегать открытых конфликтов с церковью, очевидно, имело своей основой и то, что буржуазия в Италии в этот период еще только нарождалась и ее идеологическая борьба с феодальным миром еще не могла принять такого острого, непримиримого характера, какой она приобрела позднее, в XVII в., в Англии и особенно в XVIII в. во Франции, когда буржуазия как революционный класс открыто выступала за ликвидацию феодализма и всех его учреждений, в том числе и католической церкви. (Прим. ред.)

рыва между античностью и средневековьем, не было представления о средних веках как о новом периоде. Но уже у Петрарки, а особенно у последующих авторов-гуманистов, мы видим представление о *medium aevum*, представление о «средних веках» как о новом периоде, обособленном от античности. Конечно, для того чтобы создалось это представление о *medium aevum*, надо было, чтобы средним векам была противопоставлена не только античность, но и современность; именно возрождение античности, известное культурное сближение эпохи гуманизма с античностью заставили выделить эпоху средневековья — *medium aevum* — как особый период в истории человечества. Таким образом, историки-гуманисты явились создателями той «трехчленной» периодизации истории, ее деления на «древнюю», «среднюю» и «новую» историю которая затем прочно утвердилась в историографии.

Для гуманистической историографии характерен интерес к истории отдельных государств и народов. В связи с этим резко изменился самый характер исторических сочинений. Средневековые хроники обыкновенно объединяли историю данной местности, данной страны или данного города с общей историей всего мира. Теперь преимущественно пишутся истории отдельных государств или отдельных городов-республик (в Италии). Эта перемена в характере исторических сочинений связана прежде всего с падением императорской власти, которая формально связывала историю средних веков с историей предшествующих столетий, с историей Римской империи. Кроме того, оказали влияние и такие факторы, как начало роста национальных государств в Европе XIV—XVI вв. и обостренная социальная борьба, происходившая в то время в итальянских городах-государствах. В результате история принимает местный характер, а столь характерная для хроник средневековья всемирная история отходит на второй план.

Одна из важных особенностей гуманистической историографии — подражание античным образцам. У историков более ранней эпохи средневековья это подражание в известной степени уравнивалось или сглаживалось влиянием «Библии». Здесь же римские образцы выступают как определяющие, причем основным образцом является Тит Ливий. Риторичность, драматичность повествования — вот главное, к чему стремятся историки эпохи Возрождения в гораздо большей степени, чем это мы видели у историков более ранней эпохи, хотя и у них можно было заметить отдельные риторические и драматические моменты. Поэтому и самый подбор материала становится несколько иным. Гуманистические писатели в большинстве случаев мало останавливаются на внутренней жизни тех или других стран и народов, их привлекает главным образом то, что интересовало писателей классической эпохи, т. е. в первую очередь история войн и история политических переворотов.

С подражанием античности было связано стремление писателей эпохи Возрождения к возможно большей чистоте латинского языка — так называемый «латинский пуризм». Это стремление заставляло историков-гуманистов выбрасывать многие термины, введенные средневековыми хронистами и соответствовавшие жизненным отношениям средневековья. Это «латинский пуризм», это стремление к чистой латыни накладывало своеобразный отпечаток на работы историков-гуманистов и иногда мешало реалистическому изображению описываемых событий⁸.

⁸ Латинский пуризм составлял известную слабость многих историков-гуманистов. Стремление подражать историкам древности иногда оказывало отрицательное влияние на них и в другом отношении. Поскольку историки древности являлись для гуманистов непререкаемым авторитетом, они не решались отвергать даже самые невероятные сооб-

Тем не менее для гуманистической историографии в целом все же характерен трезвый реализм, хотя и затемненный иногда риторикой. С этим связана еще одна характерная черта гуманистической историографии — присущий многим ее представителям элемент исторической критики, который был новостью в развитии историографии. Как ни была примитивна, груба и подчас наивна эта критика, она все-таки представляла собой важный шаг по пути развития приемов научного исторического исследования.

Наконец, давая общую характеристику гуманистической историографии, следует указать еще на один момент огромной важности — на то, что гуманисты были неутомимыми искателями источников, старинных рукописей и документов. Многие из них тратили свои сбережения для того, чтобы найти новую рукопись и присоединить ее к имеющимся. Целый ряд рукописей, не только античных, но и средневековых, был найден гуманистами. При этом у них была страсть не только к собиранию материала, но и к систематизации и обработке его. Историки-гуманисты оставили последующим поколениям историков обильный материал фактов и источников, до того времени часто совершенно неизвестных.

* * *

Вернемся к рассмотрению конкретной истории итальянской гуманистической историографии.

Начиная с XV в. почти во всех государствах Италии появляются свои написанные в гуманистическом стиле местные истории, цель которых — возвеличить свой город или свое государство. Они рассчитаны не только на возбуждение патриотических настроений у населения, но еще более на поднятие престижа данного города или данного государства на внешнеполитической арене. Авторы этих местных историй стремятся обосновать те или иные политические и территориальные притязания своего государства, содействовать упрочению власти того или иного тирана, а иногда и оправдать узурпацию.

Раньше всего такие местные истории появляются во Флоренции, в связи с особыми условиями ее социального и политического развития — раннее развитие в ней промышленности мануфактурного раннекапиталистического типа и в связи с этим обострение там классовой борьбы уже в XIV в., а также сравнительно долго сохранившаяся здесь республиканская форма правления, способствовавшая большей свободе слова.

Я хотел бы остановиться на уже названной мною работе Леонардо Бруни — «История Флоренции в 12 книгах», за которую он получил почетное гражданство Флоренции. Книга Бруни — один из наиболее ярких примеров творчества риторической школы в историографии гуманизма.

В своей «Истории Флоренции» Бруни использовал флорентийские хроники, написанные до него, особенно хронику Джованни Виллани⁹, доведенную до 1348 г. Он довольно широко черпает из этой хроники факты, но все чудеса, все благочестивые места выпускает, так же как и всю первую часть хроники, начиная изложение прямо с основания Флоренции. Бруни использовал также Тита Ливия, Орозия, Павла Диакона

щени античных авторов. Поэтому, полностью отбрасывая чудеса, описываемые в средневековых хрониках, они часто воспроизводили в своих сочинениях такие же фантастические вымыслы древних авторов, тщетно пытаясь придать им внешне рациональный характер. (Прим. ред.)

⁹ G. Villani. La cronica di Giovanni Villani. Venezia, 1833.

(для истории лангобардов) и некоторые другие источники. Риторика у Бруни заслоняет все. Описываемая им история Флоренции разыгрывается как своего рода драма. Например, описание переворота, который произошел в 1293 г. во Флоренции и во время которого были проведены «Установления справедливости», дано у Бруни совершенно в стиле Тита Ливия. Тут описывается нечто вроде борьбы патрициев с плебеями, причем все дело приписывается исключительно авторитету вождя народа, восставшего против насилий нобилей,— Джано делла Белла (Бруни называет его Janus Labellus). В хронике Виллани Джано делла Белла назван знатым человеком и богатым собственником, выходящим из пополанов. У Бруни же он оказывается хотя и знатного происхождения, но среднего достатка человеком, который пользуется любовью народа.

Бруни не пытается выяснить общих причин этой острой борьбы во Флоренции, но рассказывает, как, собравши множество народа, Джано делла Белла произносит длинную речь. Эта речь занимает около двух страниц. В ней придумано все от начала до конца. Ничего подобного Джано не говорил, да и вообще трудно себе представить, чтобы подобная речь могла быть произнесена. После речи Джано делла Белла, в которой он восстает против насилий нобилей над пополанами, народное собрание тут же производит переворот. Слова Джано воспаляют народ, и сразу проводится новая конституция.

Такой же характер носит у Бруни и описание восстания чомпи (1378), которое он дает в начале 9-й книги своей «Истории». Правда, оно изложено более конкретно. Однако мы тщетно стали бы искать у Бруни объяснения общих причин этого восстания или хотя бы указаний на то, какие слои народа принимали в нем участие. Все описание сводится по существу к тем общим формулировкам, в которых у Тита Ливия рассказывается о борьбе патрициев с плебеями. Правда, в изложении истории восстания чомпи,— а оно еще было довольно живо тогда в памяти людей — нет речей, но сами события описываются только с внешней стороны и служат автору лишь предметом для драматического изображения.

Необходимо отметить и такие особенности изложения Бруни, как его латинский пуризм. Он всячески избегает вводить в свое изложение какие-нибудь термины, взятые из терминологии политической жизни Флоренции того времени. Не всегда можно понять, о каком собрании или о какой партии идет речь в описаниях Бруни, так как вместо терминов «гвельфы» и «гибеллины» он употребляет выражения «factio» и «adverso factio». Впрочем, некоторые обозначения из политической терминологии Флоренции более или менее поддавались переводу на латинский язык. Так, например, «гонфалоньер правосудия» Бруни переводит как «vexillifer justitiae», однако в целом ряде случаев неопределенные латинские термины заменяют в сочинении Бруни более точные названия современных ему общественных групп и особенно партий. Итак, Бруни можно назвать наиболее типичным представителем риторической школы в историографии эпохи гуманизма.

Менее интересен как историк и еще более склонен к риторике младший современник Бруни — знаменитый гуманист Поджо Браччолини¹⁰. Он также написал историю Флоренции — «Восемь книг истории народа Флоренции»¹¹. Но это не история Флоренции со времени ее основания,

¹⁰ Поджо Браччолини (1380—1459) около пятидесяти лет прослужил в папской курии секретарем, а с 1453 по 1458 г. был канцлером Флоренции. (Прим. ред.)

¹¹ Bracciolini Poggio. Historiarum Florentinae populi libri octo. Venezia, 1715. (В дальнейшем: Op. cit.)

как у Бруни, а лишь история войн Флоренции с миланскими герцогами в конце XIV — начале XV в. Это сочинение Поджо Браччолини — одно из наиболее ярких образцов риторической историографии. Если Бруни все-таки преимущественно историк, то Поджо выступает здесь больше как литератор. Его совсем не интересуют внутренние дела Флоренции, если он и упоминает о них, то в очень шаблонных выражениях. Основное, что его привлекает, — это драматичность событий внешней истории. В «Истории народа Флоренции» Поджо имеется описание восстания чомпи, интересное с точки зрения подхода гуманистов к фактам социальной истории. Поджо пишет, что, когда Флорентийское государство успокоилось от внешних войн, мир был нарушен внутренними раздорами; государство начали потрясать гражданские столкновения. Это бедствие еще опаснее, чем внешние войны, потому что оно приводит к гибели республик, к падению независимости городов. Многие говорили, отмечает Поджо, что это происходит вследствие божественного суда, чтобы покарать государство, которое было врагом папы и зачинщиком несправедливой войны; некоторые же указывали на особенности природы республик, которые часто сотрясаются гражданскими столкновениями, и говорили, что не надо удивляться тому, что Флоренция принуждена терпеть то, что случилось уже некогда с величайшими республиками¹².

Вот все, что находит нужным сказать Поджо о восстании чомпи. Мы видим здесь только общие морализирующие фразы.

В других городах-государствах Италии также появляются истории по образцу гуманистических историй Бруни и Поджо. Каждое государство стремится прославить свою политику, свое правительство, свою династию, причем нередко эти восхваления принимают еще более риторический характер. Эти местные истории охватывают почти исключительно период средних веков. Античная эпоха упоминается лишь в связи с вопросом о происхождении города.

Особое значение придавала историографии этого рода Венеция. Для нее историография имела тот же смысл, то же значение, что и ее дипломатия. Как известно, Венеция первая стала на путь установления дипломатических отношений с другими государствами; она первая завела постоянные посольства при иностранных дворах, первая ввела постоянные корреспонденции этих послов.

Одним из методов дипломатического воздействия для Венеции стала и ее историография, которая приняла своеобразный характер. Во Флоренции существовала сравнительно большая политическая свобода, которая давала возможность историку знакомиться с внутренним строем Флоренции, с ее жизнью. Если историки недостаточно использовали эту возможность, то только потому, что у них была несколько иная цель. Что же касается Венеции, то здесь власть была привилегией небольшой аристократической группы, которая держала в своих руках все нити внутренней и внешней политики, а правительство действовало под покровом тайны. Представители правящей аристократии Венеции не занимались писанием исторических работ. Такие работы заказывались за хорошую цену чаще всего иностранцам, специально приглашенным для этой цели в Венецию.

Эти историки обычно выполняли свой заказ в стиле риторической школы. Они стремились, — правда, в значительной степени по вине заказчика — не касаться скрытых пружин венецианской политики, да, ве-

¹² См. Bracciolini Poggio. *Cp. cit.*, p. 78.

роятно, они и не были об этом достаточно осведомлены; о внутренней политике они писали только то, что им было приказано. Поэтому эти истории, писавшиеся по заказу, довольно бессодержательны и носят характер восхваления политики Венеции. Следует отметить, однако, что в Венеции в силу особенностей ее политического строя сохранилось мало хроник по сравнению с другими городами-государствами Италии. Поэтому у историков Венеции материалов было очень немного. При этом те архивы, из которых они могли бы черпать нужные им сведения, а также донесения послов были для них недоступны.

Из венецианских историков можно прежде всего назвать Сабеллико¹³. Это — латинизированное имя. Его настоящее имя было Марк-Антонио Коччо. Этот историк-гуманист, не имевший никакой исторической подготовки, очень плохо знал историю Венеции. Поэтому его книга — «Тридцать три книги истории Венеции от основания города»¹⁴ (дovedено до 1486 г.) представляет собой в основном лишь риторические упражнения.

Другим видным историком Венеции был известный гуманист — кардинал Бембо¹⁵, написавший «Историю Венеции в 12 книгах»¹⁶.

Хотя Бембо и имел доступ в венецианские архивы, но он их совершенно не использовал. В сочинении Бембо сказались самые отрицательные стороны гуманистической риторики — искусственный, вымученный латинский язык риторического стиля, неумение отличить важное от второстепенного и полное отсутствие понимания внутренних пружин истории Венеции. Единственная цель его работы — риторическое возвеличение Венеции.

Такой же характер имеет историография и других городов-государств Италии. Впрочем, можно отметить одно исключение, связанное с особенной одаренностью автора, который занимался этой местной историей. Это исключение представляет историография неаполитанского государства, где в то время на престоле была Арагонская династия.

Крупнейшим историком неаполитанского государства и, можно сказать, вообще крупнейшим итальянским историком первой половины XV в. был знаменитый гуманист Лоренцо Валла (1407—1457). В молодости Валла много странствовал по Италии, в течение ряда лет он был секретарем неаполитанского короля Альфонса. По его специальному заказу Валла написал «Историю Фердинанда, короля Арагонии, в 3 книгах»¹⁷.

Это не столько политическая история, сколько история, написанная для прославления определенного лица — короля Фердинанда (отца Альфонса). Валла останавливается в ней особенно охотно на скандальных анекдотах. Хотя это сочинение написано по заказу и очень небрежно, оно все-таки указывает на большой талант его автора. Уже здесь проявился критический подход Валлы к источникам, значительный вкус

¹³ Сабеллико (1436—1506) в 1468—1477 гг. преподавал красноречие в г. Удино, а с 1484 г. до конца жизни — историю в Венеции. За свою «Историю Венеции» получил от Венецианской республики пожизненную пенсию и звание хранителя библиотеки Св. Марка. (Прим. ред.)

¹⁴ Sabellius, Marcus Antonius (Coccius). Historiae rerum venetarum ab urbe condita, libri 33. Basileae, 1670.

¹⁵ Пьетро Бембо (1470—1547) в молодости вступил в духовное звание. В 1513—1521 гг. служил секретарем у папы Льва X. В 1529 г. Бембо сделался историографом Венецианской республики. В 1539 г. папа Павел III пожаловал Бембо кардинальское звание, епископство Губбио и вскоре епископство Бергамо. (Прим. ред.)

¹⁶ Pietro Bembo. Rerum venetarum historiae, libri XII. Basileae, 1567.

¹⁷ L. Valia. Historiarum Ferdinandi Regis Aragoniae, libri III. Parisiis, 1521.

в языке. Языку Валлы чужды всякого рода неточности, связанные с излишним латинским пуризмом.

Но не этой истории Лоренцо Валла обязан своей славой. В другом своем сочинении Лоренцо Валла, хотя, может быть, еще в далеко не совершенном виде, со многими ошибками и неточностями, заложил основы позднейшей исторической и дипломатической критики¹⁸ — критики источников, критики документов. Я имею в виду его знаменитую работу, содержащую критику «Константинова дара». Полное название этой работы — «Трактат о подложности Константинова дара»¹⁹. Она была написана в 1440 г., но при жизни Лоренцо Валла не была опубликована, так как заключала в себе слишком опасный для папской курии материал. Как и «История короля Фердинанда», эта книга была написана в интересах Арагонской династии, в интересах неаполитанского двора.

Как известно, одним из оснований для притязаний пап на светскую власть в средние века являлась знаменитая фальшивка — «Константинов дар». Критика Валлой этого документа в значительной мере ведется с точки зрения неаполитанской политики XV в. Дело в том, что Государство обеих Сицилий, впоследствии ставшее Неаполитанским королевством, еще со времени норманнов и потом, особенно в годы малолетства Фридриха II Гогенштауфена, находилось в вассальной зависимости от пап, и папы даже в XV в. никогда не забывали напомнить о своих притязаниях на вмешательство в дела неаполитанского государства. Критика документа, на котором папы основывали свои притязания на светскую власть в Западной Европе и в Италии, выросла в трактате Валлы в общую критику тех основ, на которых держалась светская власть пап. Вполне понятно, что опубликование такой работы угрожало личной безопасности Лоренцо Валлы.

При жизни Лоренцо Валлы это его сочинение распространилось в сравнительно небольшом числе списков, но все же это создало для него угрозу со стороны папской курии. Во время пребывания в Риме Валла подвергся преследованию, едва спасся, бежал в Испанию, но затем он примирился с папами и в последние годы жизни даже служил в папской курии.

Хотелось бы несколько подробнее остановиться на этой работе Лоренцо Валлы и на самом документе, который лежит в ее основе, прежде всего потому, что труд Валлы, может быть, — наиболее яркое произведение гуманистической историографии того времени, а также потому, что критика Лоренцо Валлы представляет собой первые шаги исторической и дипломатической критики. Правда, как я уже говорил, и до Валлы высказывались подозрения о подложности «Константинова дара». Незадолго до Валлы папа Иоанн XXII отлучил от церкви Марсилия Падуанского, отрицавшего подлинность «Константинова дара», и объявил ересь всякого рода сомнения в его достоверности. У многих легистов того времени были не столько сомнения в подлинности этого дара, сколько сомнения в его юридической значимости. Они говорили, что этот дар давно потерял свою юридическую силу. Но в общем, несмотря на грубость фальшивки, в нее верили. Даже Данте, например,

¹⁸ В источниковедении средних веков «дипломатической критикой» (от слова «диплом», обозначавшего в средние века официальный документ) называется критика источников, устанавливающая время составления документа и его достоверность по языку, используемым в нем формулировкам, по его построению и характеру письма. (Прим. ред.)

¹⁹ Laurentii Vallae. De falso credita et ementita Constantini donatione Declamatio. Lipsiae, 1928. (В дальнейшем: Op. cit.)

который к папской власти относился весьма критически и некоторых пап поместил в ад, всё же верит в подлинность «Константинова дара» и оплакивает печальные последствия этого документа для церкви.

Только Валла впервые вполне отчетливо поставил вопрос о подлинности «Константинова дара» и провел критику этого документа от начала до конца.

Несколько слов о самом документе, который послужил предметом критики Лоренцо Валлы. Называется он «Donatio Constantini». Это — фальшивка, составленная в VIII в. при папском дворе, вероятнее всего при папе Стефане II. Документ этот должен был обосновать претензии пап на светскую власть не только в так называемом папском государстве, которое в это время оформилось в результате войн между франками и лангобардами, но и обосновать более широкие притязания пап на верховную власть на Западе. В VIII в., когда папы зависели целиком от франкских королей, эти притязания носили еще мало реальный характер, но с течением времени этот документ делается основой для папских притязаний, на него постоянно ссылаются, он входит в официальные сборники, подлинность его папами всячески защищается.

Церковь выбрала для обоснования своих прав имя Константина (по двум причинам.) Во-первых, он был первым императором, который, согласно традиции, хотя это и не совсем точно, установил христианскую религию в Римской империи. (Константин допустил лишь равноправие религий.) Другим моментом является то, что Константин перенес свою столицу в Византию, в Константинополь, покинув Западную империю. Вокруг этого начинает создаваться целая легенда. Известно, что Константин до конца своей жизни не принимал христианства. Он принял его всего за несколько дней до смерти. Это было распространенным тогда явлением, потому что крещению придавалось особое значение, крещение должно было очистить человека от всех грехов и препроводить его непосредственно в царство небесное. Поэтому предпочитали грешить в состоянии язычества и перед смертью принимать крещение. Так же поступил и Константин. Кроме того, на его поведение могли влиять и политические мотивы — нежелание окончательно восстановить против себя известную часть населения империи, где христианство в то время далеко еще не восторжествовало окончательно. Правда, то, что он оставался язычником, не мешало Константину высказываться по вопросам православного вероисповедания, преследовать еретиков.

Это обстоятельство давно не нравилось христианским писателям, и уже в VIII в. начинают складываться легенды о более раннем крещении Константина. Сначала это крещение приписывается папе Мельхиаду, который будто бы крестил Константина в 313 г. В VIII в. создается письмо папы Мельхиада, в котором упоминается о Никейском соборе, в действительности состоявшемся 11 лет спустя после смерти Мельхиада.

Затем появляется легенда о крещении Константина папой Сильвестром в 323—324 гг. Она была внесена в житие папы Сильвестра, а затем с ней оказалась связана и самая фальшивка о «Константиновом даре». Надо заметить, что «Константинов дар» представляет собой грамоту совершенно исключительной длины. Начинается она с длинной истории, которая, впрочем, Валле осталась неизвестной. Дело в том, что в официальных документах, особенно в «Декрете Грациана», который был издан около 1150 г. (это наиболее авторитетный и полный сборник папских посланий, постановлений, законов и декретов, послуживших основой канонического права) и которым пользовался как источником Лоренцо Валла, это введение, очевидно казавшееся уже тогда

слишком неправдоподобным, было опущено. Конечно, знакомство с этим введением значительно облегчило бы Лоренцо Валле критику «Константинова дара».

Это введение представляло собой подробный рассказ о том, как Константин заболел проказой, как были исчерпаны все лечебные средства для его исцеления, как он обратился затем к капитолийским жрецам, которые предложили ему в виде крайнего средства ванну из крови невинных детей, как было собрано несколько сот детей из лучших семейств Рима и их уже собирались резать, но Константин пожалел их и даже в собственных экипажах велел отправить детей домой. В награду за этот добрый поступок во сне ему явились святые апостолы Петр и Павел и посоветовали обратиться к папе Сильвестру, который его исцелит путем крещения. Константин нашел Сильвестра в церкви, и тот показал ему изображенных на иконе Петра и Павла. К своему изумлению, Константин узнал в них лиц, которые явились ему во сне. После этого он принял крещение. Из купели он вышел исцеленным, без следа снега.

После этого Константин приказал выкопать останки Петра и Павла, сам уложил их в драгоценную раку из яшмита, залепил золотой ключ и приказал построить над ними церковь, причем при закладке фундамента сам лично принес 12 мешков земли по числу 12 апостолов. Эта часть грамоты, как уже было отмечено, не была известна Валле.

Дальше авторы грамоты заставляют Константина произнести целое исповедание веры, со всякого рода богословскими тонкостями о сотворении мира, о первородном грехе, о грехопадении людей, о втором лице троицы, о дьяволе, об аде, о страшном суде. В этом тексте папа раз тридцать назван «понтифекс максимус». Этот титул носил тогда сам император Константин.

Все это вступление является как бы изложением тех мотивов, которые побудили Константина сделать дар в пользу папы. Затем следует самое содержание дарственного документа. Прежде всего здесь говорится, что Константин дарует римскому епископу первенство среди патриархов всего мира. Примечательно, что в числе перечисляемых патриархов находится и константинопольский патриарх. Далее, Константин заявляет, что он покидает Рим и Италию, оставляя их папе. «Мы сочли подходящим нашу империю и царскую власть (обратите внимание на язык. Термин «*regius*» — царский — никогда не применялся по отношению к римским императорам.— *Прим. авт.*) перенести в восточные области. Поэтому мы постановили в лучшем месте византийской провинции построить город с нашим именем и там установить нашу империю, потому что там, где установлено господство священников и главы христианской религии царем небесным, там не следует, чтобы земной император имел власть»²⁰.

Вот такая мотивировка приводится для перенесения столицы империи на Восток. Кроме того, в грамоте перечисляется огромное количество всевозможных дарений церквам, которых в Риме к тому времени быть не могло. Папе дарятся императорский пурпур и тиара, которые становятся знаками его звания и прав. Таково в общих чертах содержание «Константинова дара». Как уже отмечалось, этот документ был признан папами подлинным, проник в каноническое право, в «Декрет Грациана», который пользовался исключительным авторитетом и против которого было опасно выступить.

²⁰ Laurentii Valle. Op. cit., p. 54.

Лоренцо Валла, который начал свою работу в 1440 г. при дворе Альфонса Арагонского, писал в сложной политической обстановке. Это было время раскола в католической церкви. Базельский собор стремился возвысить собор над папой и поставил во всей широте вопрос о притязаниях пап на светскую власть. С этим был связан особый интерес к вопросу о достоверности «Константинова дара» не только у Валлы, но и у многих церковных деятелей того времени.

Сочинение Валлы стало широко распространяться в списках только после его смерти, и лишь в 1517 г. вышло первое печатное издание. Оно было напечатано в тайной типографии Ульрихом фон Гуттенем. При этом Ульрих фон Гуттен сделал ироническое посвящение папе Льву X, в котором пишет, что при этом папе можно говорить правду, и поэтому он посвящает ему это издание. Он пишет далее, что надеется найти другое произведение такого же рода и тогда сможет поднести Льву X еще один такой подарок²¹.

Интересно, как ответил Лев X на это посвящение. Он приказал Рафаэлю исполнить две большие фрески. Одна из них должна была изображать крещение Константина папой Сильвестром, а другая — момент передачи Константином Рима папе. Фрески были исполнены в Ватикане. Правда, Рафаэль умер раньше, чем они были окончены, и завершать их пришлось его ученикам. На этой фреске Константин и четыре магната империи изображены коленапреклоненными перед папой, которому Константин подносит власть над Римом в виде статуэтки.

Папская курия в ответ на появление в печати сочинения Валлы составила ученое опровержение — трактат «*Contra Laurentium Vallam de donatione Constantini*».

Это опровержение чрезвычайно слабо. Оно основывается на якобы найденном греческом тексте «Константинова дара», который-де и является подлинником, а потому вся критика, которая у Лоренцо Валлы основывается на разборе латинского текста, ничего не стоит, так как в греческом тексте нет тех слов, к которым придирается Валла.

В ответ на это опровержение достаточно указать, что перевод «Константинова дара» на греческий язык появился только в XI в., да к тому же был «доработан» соответствующим образом.

Теперь перейдем к самой работе Валлы, посмотрим, как Валла опровергает подлинность «Константинова дара».

Очень интересно самое начало работы, написанное чистой гуманистической латынью, без особых стилистических красот, без риторической цветистости, как у Бруни и Поджо. Валла начинает с того, что им уже было высказано много мнений, которые задевали разных могущественных лиц, их авторитет, а вот теперь он задевает такой высокий авторитет, как авторитет папы, который вооружен не только светским мечом, но и церковным, от которого не может спасти щит никаких государей, потому что он может действовать отлучениями, анафемами и проклятиями. Но Валла заявляет в характерном для гуманистов стиле, что если «многие решались на жребий смерти для защиты земного отечества, то я решаюсь на это ради небесного отечества. Небесное царство наследуют те, кто угоден богу, а не те, кто угоден людям. Буду ли я испуган опасностью смерти? Итак, прочь всякие страхи, прочь всякие колебания и

²¹ Отметим между прочим, что Лютер познакомился с «Константиновым даром» по гуттеневскому изданию. В крепких выражениях он говорит об этой грязной, бесстыдной подделке и удивляется, как она могла существовать в течение ряда столетий. «Боже милостивый, каковы ужас и негодность этих римлян», — сказал он. (Прим. автора.)

сомнения. С твердым сердцем, с полным доверием я буду защищать дело правды, дело справедливости, дело бога»²².

Затем Валла приводит ряд аргументов, почему Константин не мог сделать этого дара. Он утверждает, что ни один человек в здравом уме и твердой памяти не мог передать свое наследие — Рим — другому лицу. Но если бы и нашелся такой человек, его должны были остановить его сыновья и близкие. Доказывая, что Константин не мог передать папе свои владения, Валла заставляет сыновей и приближенных Константина произносить речи — прием, характерный для античных писателей и заимствованный у них гуманистами.

«Как ты можешь своих возлюбленных сыновей, своих ближайших друзей лишить наследства и отречься от них?»²³ — спрашивают сыновья Константина. Затем выступает «Сенат римского народа» (*Senatus populiisque romanus*). Он тоже произносит речь, как ни странно слышать, речь, исходящую от учреждения. «Цезарь, если ты забываешь о своих собственных правах, о правах своих сыновей и близких людей, то ты не должен забывать о правах сената и римского народа»²⁴, — говорит сенат. Рядом исторических ссылок сенат и римский народ устанавливают свои права, которые не могут быть отчуждаемы даже властью императора. Сенат и римский народ заявляют: «Мы сами готовы выступить на защиту территорий государства и нашего собственного достоинства»²⁵.

Произнеся длинную речь от имени сената, Валла замечает, что эта речь тронула бы всякого и, конечно, Константина, если не считать его камнем и чурбаном.

Наконец, самая блестящая речь вкладывается в уста самого папы Сильвестра. Папа произносит длинную речь, в которой он доказывает, что он никоим образом не может принять этот подарок, что это было бы нарушением всех божеских и человеческих законов.

Эта речь составлена с исключительным талантом. Если в речи сената Валла приводит цитаты из классических историков, то здесь он базируется на «Священном писании» и заставляет папу произнести своеобразную пародийную проповедь. Папа доказывает, что тот подарок, который Константин хочет ему сделать, на самом деле будет глубочайшим несчастьем для церкви, так как заставит самого папу и его преемников свернуть с истинного пути, что приведет к осквернению всей римской церкви. Тут Валла приводит ряд цитат из «Священного писания». Он говорит: «Христос сказал своим ученикам — исцеляйте больных, воскрешайте мертвых, очищайте прокаженных, изгоняйте нечистых духов. Вы даром получили этот дар, так даром же его и отдавайте»²⁶. Таким образом, «Священное писание» прямо говорит против вознаграждения за исцеление от проказы, о которой сказано в тексте «Константинова дара».

Дальше читаем: «Не собирайте сокровищ на этой земле, не владейте ни золотом, ни серебром, не имейте денег в ваших поясах. Трудно богатому войти в царство небесное, труднее, чем верблюду пройти в игольное ушко»²⁷.

Словом, Валла приводит ряд текстов из «Священного писания», которыми он старается доказать, что «дар» Константина противоречит

²² Laurentii Vallae. Op. cit., p. 2.

²³ Ibid., p. 10.

²⁴ Ibid., p. 11.

²⁵ Ibid., p. 14.

²⁶ Ibid., p. 16.

²⁷ Ibid., p. 17.

всем церковным законам и что он будет для церкви оскорблением, несчастьем и проклятьем.

В заключение речи папы Валла приводит знаменитый рассказ об Иисусе Христе, соблазняемом дьяволом в пустыне.

Дьявол говорит Христу: «Дам тебе все царство мира, если мне поклонишься». — «Зачем же, Цезарь, ты хочешь играть роль дьявола по отношению ко мне?» — восклицает папа и заканчивает словами: «Кесарево — кесареви, а божье — богами»²⁸.

Эта речь составлена с очень большим искусством, но она содержит, скорее, моральное опровержение «дара» Константина, чем какое-либо сомнение в его подлинности. Основываясь на моральной аргументации, Валла утверждает, что не было никакого дара и не было никакой сильвестровой империи.

Далее он переходит к историческим аргументам. Он говорит, что имеется достаточно сведений о древней истории. Были различные царства, замечает Валла, о которых мы знаем из истории, но кто слышал о царстве Сильвестра, о том, что папы были когда-нибудь цезарями? Он приводит свидетельство Евтропия о том, что права Константина перешли к его сыновьям. Он говорит также, что имеется достаточное количество монет того времени, но нет ни одной монеты, которая носила бы имя папы или изображение каких-нибудь папских символов. Наконец, Валла обещает нанести всему «дару» Константина «последний смертельный удар», но здесь мы как раз видим самую слабую часть его критики. Он доказывает, что Константин не мог быть крещен папой Сильвестром, потому что раньше был крещен папой Мельхиадом. Но, как я говорил уже, история крещения Константина папой Мельхиадом — такая же легенда. Таким образом, здесь Валла одну легенду опровергает другой.

Дальше начинается критика самого документа о Константиновом «даре». Несмотря на многие наивности и ошибки, которые допущены здесь Валлой, все же эта часть представляет для нас особый интерес. Валла обращается к «Декрету Грациана», который является для него основным источником. Хотя самый «Декрет Грациана» он и не подвергает сомнению, но обрушивается с насмешкой на надпись «палеа» (palea) — «древнее», которой отмечены некоторые документы, включенные в его состав. Что значит «палеа»? Этому вопроса Валла не решает, но находит, что все документы, отмеченные этим словом, — мошенничество, подделка, что это — имя человека, сделавшего позднейшую вставку, которой в древнейших надписях Грациана не было. Играя словами «palea» — солома и «bellua» — скотина, Валла доказывает, что все титулы, которые здесь имеются, совершенно не выдерживают критики. Здесь перед нами уже приемы современной дипломатической критики. Между прочим, Валла указывает на то, что в «Константиновом даре» имеется такая фраза, произнесенная Константином: «Мы, совместно с нашими сатрапами и всем сенатом»²⁹. Валла спрашивает, в каком историческом документе римские сановники называются сатрапами. Это грубейший подлог, говорит он (этот пример интересен для характеристики приемов гуманистической полемики). И далее: «Как же ты хочешь сюда вставить сатрапов, ты, бревно, ты, капустный кочан!»³⁰. Валла отмечает также, что в «Константинов дар» включены выражения из хри-

²⁸ Laurentii Vallae. Op. cit., p. 21.

²⁹ Ibid., pp. 34—35.

³⁰ Ibid., p. 35.

стианских источников, которые Константин, тогда язычник, знать не мог. Он сравнивает язык некоторых мест «Константинова дара» с языком «Апокалипсиса» и указывает, что оттуда взяты целые фразы.

Затем Валла со всей силой обрушивается на название «Константинополь». Ведь Константин в период предполагаемой передачи Константинова дара не перенес еще туда свою резиденцию, ведь самого названия «Константинополь» еще не существовало, а тем более не существовало константинопольского патриархата. Между тем константинопольский патриарх указывается в «Константиновом даре» в числе тех патриархов, выше которых ставится папа. Отсюда Валла делает такой вывод: разве не ясно, что тот, кто составлял этот документ, жил много позднее Константина? Этот вывод после всех его аргументов представляется совершенно убедительным.

Валла критикует «Константинов дар» и с точки зрения филологической; его возмущает, например, такой термин, как *ваппа* (знамена), не являющийся, конечно, термином классической латыни. «Какое построение речи!»³¹ — восклицает Валла. И, наконец, он видит в «Константиновом даре» ряд грубых грамматических промахов.

Как можно было писать таким языком в период расцвета латинского языка? — спрашивает Валла и, не скупясь на крепкие выражения по адресу тех, кто мог таким образом уродовать классическую латынь, он восклицает: «Пусть тебя погубит бог, ты — гнуснейший из людей, который мог варварские слова приписать этому ученому веку»³².

Я не буду входить в подробности его филологического анализа, отмечу лишь, что это как раз та область, в которой Валла очень силен. Он указывает, что этот документ не мог быть составлен в пору классической латыни. Грамматически анализируя отдельные фразы, Валла обнаруживает варварский характер латыни «Константинова дара». Он подвергает сомнению некоторые документы, которые поддерживают версию о «Константиновом даре», в частности житие Сильвестра, отмечая, что оно было составлено неким Евсевием, греком по рождению, а греки, по его мнению, были в то время лгунами. Он приводит стих из Ювенала: «На что только не осмеливается в истории лживая Греция»³³. Этот не слишком сильный аргумент кажется ему достаточно убедительным. С величайшим негодованием Валла относится к чудесам, которые рассказываются в житии Сильвестра. Ядовито высмеивает он легенду о драконе и его укрощении.

Далее Валла доказывает, что «Константинов дар» стремились использовать только самые худшие из пап, в частности папа Бонифаций VIII, и тут же Валла сообщает, что это был мерзавец, который уморил своего предшественника Целестина, проведя в стенах трубы и пронося всякие страшные слова, как будто бы исходящие от господ бога.

Только такие папы, с его точки зрения, и могли использовать «Константинов дар».

Затем следует длинная инвектива против папской власти вообще, особенно против судебной власти пап.

В заключение Валла говорит, что если не силой, то по крайней мере убеждением надо заставить пап отказаться от светской власти. Пусть не раздаются такие слова, как «партия церкви или партия против

³¹ Laurentii Vallae. Op. cit., p. 46.

³² Ibid., p. 47.

³³ Ibid., p. 63.

церкви»³⁴, что «церковь сражается против Перуджи, против Болоньи»³⁵. Ни церковь, ни папа не должны воевать против христиан, если и можно воевать, то только оружием духовным. Поэтому папа должен отказаться от всякой светской власти, только тогда он будет святым отцом, отцом всех. Тогда он не только не будет возбуждать войны среди христиан, но войны, возбужденные другими, он будет останавливать апостольским решением, папским величием.

Вот в общих чертах содержание этого знаменитого трактата Валлы. Как видим, здесь довольно своеобразные приемы: чисто гуманистическая риторическая критика в виде длинных речей соединена с чрезвычайно тонкими и правильными замечаниями, которые действительно не оставляют никакого сомнения в подложности данного документа. Конечно, никакие аргументы, выставленные папским двором, не могли опровергнуть того, что было приведено Валлой. При всей наивности некоторых приемов Валлы им были заложены в определенной мере приемы настоящей исторической и дипломатической критики. Но, сумев доказать подложность «Константинова дара», Валла не смог выяснить ни времени его происхождения, ни действительных мотивов создания этого документа.

И все же труд Валлы есть крупнейшее произведение ранней исторической критики. Уже по одному этому как историк Лоренцо Валла стоит несколько особняком среди других гуманистических писателей, которые писали только панегирики тем или другим государствам или государям по заказу и за вознаграждение. Все позднейшие критики «Константинова дара» в той или иной мере отправлялись от сочинения Валлы.

Если говорить об историках Неаполитанского королевства, то, может быть, более типичным, чем Лоренцо Валла, был Бартоломео Фацио (умер в 1457 г.). Его «Деяния Альфонса I, короля Неаполитанского, в 10-ти книгах»³⁶ представляют собой чисто риторическую биографию, или, лучше сказать, панегирик этому королю, за который Фацио получил лучшее вознаграждение. Альфонс изображен в античном стиле, как добродетельный правитель.

Книга Фацио написана блестящим языком. Его сочинение — одно из наиболее типичных образцов гуманистической риторической школы.

Подобного рода историография развивается и в Милане, особенно после переворота, который передал власть в руки тирана — кондотьера Франческо Сфорца. В этот период здесь также выдвигается ряд историков, которые пишут по заказу правителей.

Прежде всего надо назвать книгу Джованни Симонетта³⁷, посвященную самому Франческо Сфорца, — «Деяния Франческо Сфорца, герцога миланского в XXXI книге»³⁸.

Из придворных историков Симонетта, может быть, один из самых лучших. Он не столько занимается личной биографией Сфорца, сколько именно этим «*res gestae*», т. е. историческими событиями, в которых непосредственное участие принимает Франческо Сфорца. Надо сказать, что панегирических моментов, столь характерных для гуманистической

³⁴ Laurentii Vallae Op. cit., p. 82.

³⁵ Ibid.

³⁶ Bartholomaei Facii. De rebus gestis ab Alphonso primo, neapolitanorum rege, commentariorum libri 10. Neapoli, 1769.

³⁷ Дата рождения Симонетта точно неизвестна, умер он ок. 1491 г. С 1444 по 1480 г. служил секретарем у Франческо Сфорца. (Прим. ред.)

³⁸ G. Simonetta. Rerum gestarum Franciscl Sphortiae mediolanensis ducis libri XXXI. Mediolani, 1486.

историографии, встречается здесь меньше, чем у других писателей-историков. Этот панегирик довольно трезвый, но все же значение Франческо Сфорца в политике Италии и всей Европы крайне преувеличено. В сочинении Симонетта Сфорца всегда выступает как верховный арбитр в политических делах всего мира (*arbiter mundi*).

Из придворных историков Милана можно назвать еще Мерулу³⁹, который написал историю миланских тиранов Висконти⁴⁰. Хотя Висконти были оттеснены с политической арены домом Сфорца, но последние старались выставить себя преемниками Висконти, и поэтому панегирик Висконти должен был служить возвеличению герцогской власти в Милане вообще и Сфорца в частности.

Этот панегирик представляет собой типичную сделанную на заказ историю, в которой восхваляются Висконти и лангобардские короли, от которых они якобы происходят. Особого интереса это сочинение не представляет.

В папском государстве также имелась своя историография, преследовавшая определенные политические цели. Из работ такого рода особенно характерна «Книга о жизни Христа и всех пап»⁴¹. Это сочинение обнимает период от возникновения христианской религии и до середины XV в. Автором его был Бартоломео Сакки, обыкновенно выступавший под латинским псевдонимом — Платина⁴². Работа Платины отличается некоторыми особенностями, которые связаны с самим сюжетом произведения. Прежде всего — это изложение биографий отдельных пап. Из классических образцов здесь заметно более сильное влияние Светония с его «Биографией 12-ти цезарей», чем Тита Ливия, который обычно являлся главным образцом для других гуманистов. Затем самый сюжет заставляет Платину несколько иначе трактовать историю по сравнению с большинством гуманистических писателей, которые вообще избегали говорить о церкви и если и не выступали против нее открыто, то во всяком случае игнорировали эти сюжеты. Они охотнее говорили о чудесах и предсказаниях, которые имели место в античном мире, чем о чудесах средневековья. Но официально историографу пап, каким был Платина, приходилось вводить в изложение чудеса и не стесняться внесением благочестивых вымыслов. Существенным в сочинении Платины является то, что в историю чисто церковную, в историю христианской религии и папства был привнесен гуманистический, светский элемент.

Надо отметить, однако, что сами биографии пап написаны Платиной чрезвычайно бесцветно. Образец такой совершенно бесцветной характеристики представляет биография знаменитого папы Григория VII, который здесь совершенно ничем не выделен из ряда других пап. Правда, по мере приближения к эпохе Платины биографии пап становятся гораздо интереснее и живее.

Говоря об итальянской историографии конца XV в., необходимо указать на автора, которого можно причислить к той же самой «школе» наемных писателей, составлявших историю в риторическом стиле по

³⁹ Мерула (1430—1494) преподавал в 1454—1460 гг. риторику в одной из частных школ в Милане, а затем в Венеции. В 1485—1494 гг. был профессором в Миланской академии. (Прим. ред.)

⁴⁰ G. Merula. De antiquitate Vicecomitum Mediolani, 1630.

⁴¹ Platina, Bartolomeo de Sacchi. Platynae historici liber de vita Christi ac omnium pontificum. Citta di Castello., 1932.

⁴² Платина (1421—1481) служил секретарем у кардинала Франческо Гонзага, затем в течение нескольких лет — в папской курии. Принадлежал к Римской академии гуманистов. С 1471 г. Платина находился под покровительством папы Сикста IV, который назначил его директором Ватиканской библиотеки. (Прим. ред.)

заказу государств и государей. Я имею в виду Паоло Джовио (1483—1552). Даже среди продажных перьев эпохи гуманизма он представляет исключительное явление. Джовио был духовным лицом, но больше всего он занимался шантажем под фирмой историографии. Он понял, что гораздо выгоднее продавать свой талант в розницу, чем оптом, продавать каждый раз наново тому, кто дороже даст. Джовио предлагал своим заказчикам ввести их в историю и в награду за это брал деньги; если же ему отказывали в деньгах, то он либо игнорировал в своем сочинении данное лицо или данное государство, либо стремился выставить его в возможно более темном свете, причем не стеснялся пользоваться клеветой и бранью. Это дело он организовал на широкую ногу. В связи с этим Джовио почти исключительно занимался современной ему историей. Его главное сочинение «Сорок пять книг истории моего времени»⁴³. Все 45 книг не были написаны полностью, и в этом сочинении опущены целые большие периоды. Джовио имел обыкновение заранее публиковать довольно подробные оглавления к своим не написанным еще частям, которые должны были навести страх на людей, не заплативших ему деньги.

Кроме этого основного труда Джовио принадлежит много написанных по заказу биографий с приложением портретов, причем некоторые портреты не имеют ничего общего с людьми, которым посвящены биографии.

Джовио представляет интересную фигуру среди историков-гуманистов. Несомненно, он обладал большим талантом публициста. Он имел огромную корреспонденцию, ему писали с разных концов Италии и из других стран. Всегда он был в курсе последних событий и всегда знал, кого в данный момент удобнее всего подвергнуть шантажу. Поле его деятельности было очень обширно, и политическим деятелям приходилось с ним считаться. Замечательно, что стиль Джовио всегда высокий, морализирующий. Своих противников он порицает с точки зрения высокой морали, хотя сам не гнушается часто самой грубой клеветой. Например, он нападает на Макиавелли за его политические слабости, за то, что он уступил своим патриотическим чувствам в ущерб правде. От Флорентийской республики Джовио не получил ни гроша и поэтому говорил о ней недоброжелательно.

Говорить об историческом значении его сочинений трудно, потому что никакой критики у него нет, подбор фактов чрезвычайно произволен. Их можно, скорее, расценивать как своего рода публицистику, где встречаются иногда чрезвычайно интересные и живые подробности, достоверность которых, впрочем, очень часто сомнительна.

⁴³ Paolo Giovi o. *Historiarum sui temporis, libri 45*. Firenze, 1550—1552.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИТАЛИИ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА (МАКИАВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ)

Уже при рассмотрении риторической школы нам пришлось отмечать у ее представителей известные политические тенденции. С начала XVI в. в историографии выделяется школа, которую можно назвать школой политиков по преимуществу. К ней принадлежали наиболее крупные представители историографии Возрождения, политики по профессии, которые историю рассматривали прежде всего с политической точки зрения и не только в том смысле, что видели в ней средство для достижения определенных политических целей, но и потому, что изучение истории было для них своего рода политической школой. Они стремились извлечь из истории определенные политические уроки. Нередко это сводилось к тому, что историк проводил в истории определенную, заранее данную политическую схему. Стремление рассматривать историю как школу политического опыта не было новостью в историографии. Такой подход к истории характерен для Фукидида, Аристотеля, Полибия и многих других античных историков. Новым было то, что такой подход переносится теперь на историю средневековья. Античные историки тщательно изучались историками-гуманистами политической школы, уроки античной истории переносились ими в изучение средневековья. К школе историков-политиков принадлежали оба крупнейших историка эпохи итальянского Возрождения — Макиавелли и Гвиччардини, оказавшие наибольшее влияние на последующую историографию.

Необходимо кратко остановиться на той исторической обстановке, в которой пришлось писать этим историкам, а также на их политических взглядах.

Расцвет творчества Макиавелли относится к 1513—1525 гг. — к периоду, последовавшему за падением Флорентийской республики и реставрацией Медичи. Это был период уже определенно обозначившегося упадка Италии, что, конечно, не могло не наложить отпечатка на политические взгляды Макиавелли.

На экономическом развитии Италии уже сказывалось начавшееся с конца XV в. в связи с великими географическими открытиями, перемещение торговых путей. Войны, с конца XV в. непрерывно происхо-

дившие на территории Италии, также подрывали экономику страны. Торговля и промышленность постепенно замирали, но зато все больше развивалось ростовщичество, капиталы все чаще вкладывались в покупку земли. Происходила своеобразная феодализация верхушки итальянской буржуазии.

Все это должно было оказать определенное влияние на политическую и историческую мысль итальянского Возрождения, для которой наиболее подходящим полем была Флоренция. Если мы посмотрим в историю Флоренции начиная с XIII в., то увидим, что нигде в Италии не сменилось большего числа конституций, нигде не было столь ожесточенной социальной и политической борьбы и нигде не выдвигалось столько бесполезных рецептов для спасения родины, как во Флоренции. Можно сказать, что Флоренция была своего рода огромной лабораторией политического опыта, наподобие той, которую мы видим в демократических городах-государствах Древней Греции.

Во Флоренции вопрос о форме правления являлся не столько теоретическим, сколько практическим. Здесь наиболее настойчиво и ярко предъявлялись к истории требования дать политический урок. Представители политической мысли Флоренции часто являются, с нашей точки зрения, плохими историками, в том смысле, что они недостаточно критически воспринимали материал источников, недостаточно его проверяли, проявляя иногда чрезмерную доверчивость, но в то же время у них есть одно великое достоинство, которое резко отличает их от большинства историков риторической школы, — это здоровое политическое чутье, чувство реального, которое у них очень обострено, потому что они сами принимали непосредственное участие в политической жизни своей республики и всей Италии.

Важно отметить, что в XVI в. история из чисто местной, посвященной восхвалениям отдельных городов-государств начинает перерастать в национальную, общенациональную.

Следует также подчеркнуть, что на этом более позднем этапе гуманистической историографии в Италии латинский язык применяется реже. Работы Макиавелли и Гвиччардини написаны на итальянском языке, позволявшем им пользоваться более точной исторической терминологией, которой так недоставало писателям риторической школы. Было бы ошибкой сказать, что представителям политической школы были совершенно чужды риторика, подражание древним в манере изложения. В сочинениях Макиавелли, например, мы также находим множество речей, в которых он высказывает свои собственные взгляды на политику той или иной партии, вкладывая их в уста вождей этих партий, но здесь они не играют столь большой роли, как в произведениях риторической школы.

Остановимся на крупнейшем представителе этой школы — Никколо Макиавелли. Макиавелли — один из таких писателей, которых чрезвычайно трудно подвести под определенную классификацию. Он не принадлежит к разряду таких писателей, которые всю свою жизнь проповедуют одни и те же идеи, последовательно развивая их в одну политическую систему. Возможно, как иногда предполагают, в этом сыграла роль личная политическая неустойчивость Макиавелли, но, может быть, причины этого коренились и в том, что в тот период сама буржуазия Флоренции, выразителем идеологии которой был Макиавелли, переживала кризис и часто была вынуждена идти на всякого рода компромиссы с феодализмом. Поэтому я считаю, что следует отличать политические идеалы Макиавелли от тех рецептов, которые он дает для разрешения

практических задач флорентийской и итальянской политики того времени.

Необходимо заметить также, что неправильно судить о политических взглядах Макиавелли только по его знаменитому произведению — «Государь». Для этой цели нужно, кроме того, привлечь «Рассуждения по поводу первых десяти книг Тита Ливия», где также изложены его политические взгляды, хотя гораздо менее систематично, чем в «Государе», но зато гораздо более полно. Наконец, сама «История Флоренции» — основной исторический труд Макиавелли — дает богатый материал для суждения об его общих политических взглядах.

Коротко остановимся на биографии Макиавелли (1469—1527). Такие люди, как Макиавелли, оставляют на своих произведениях определенный отпечаток не только своего класса и своей эпохи, но и своей личности, которая, хотя и является всегда отражением жизни этого же класса и этой же эпохи, имеет много своеобразного и индивидуального. Сын ученого юриста, он принадлежал к кругу той интеллигенции, которая в эпоху Возрождения создается во Флоренции и других городах Италии и которая в первую очередь служит буржуазии. В 1498—1512 гг. Макиавелли был секретарем Совета десяти во Флоренции, выполнял дипломатические поручения Флорентийской республики при иностранных дворах, принимал непосредственное участие в руководстве войной Флоренции против Пизы¹.

Главные сочинения Макиавелли²: «Рассуждения по поводу первых десяти книг Тита Ливия» (1519), политический трактат «Государь» (1513), «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки» (1520), «История Флоренции в восьми книгах» (написана между 1520 и 1525 гг.).

Об образовании Макиавелли нам известно довольно мало. До сих пор спорят о том, знал ли Макиавелли греческий язык или он изучал греческих писателей только в латинских переводах. Крупным гуманистом в том смысле, как это понимается в применении к Италии этой эпохи, Макиавелли никогда не был. Его нельзя назвать сторонником чистоты латинского языка, филологом, стилистом. Прекрасно зная латинский язык, он предпочитал писать по-итальянски, что в значительной мере освободило его от столь характерного для большинства историков-гуманистов рабского подражания стилю древних авторов.

Макиавелли был широко знаком с античной литературой, особенно исторической, однако мы не находим у него непосредственного подражания идеям древних. Отдельные античные писатели оказывали на Макиавелли чрезвычайно сильное влияние лишь в том отношении, что будили его собственную мысль. Его знаменитые «Рассуждения по поводу первых десяти книг Тита Ливия» показывают, как те или иные факты, те или иные мысли античного писателя толкают его на собственные политические размышления. Иногда кажется, что эта реакция является беспорядочной, поспешной, и это, может быть, действительно характерно для Макиавелли. В его личности и в его трудах мы видим своеобразный избыток живости. Это был, как назвал его один из его друзей, «ум, жадный к отступлениям и к экскурсам».

¹ После восстановления тирании Медичи, в 1512 г., Макиавелли был арестован по подозрению в заговоре, а затем выслан из Флоренции. Остаток жизни Макиавелли прожил почти безвыездно в своем имении Сан-Кашано. (Прим. ред.)

² N. M a c h i a v e l l i. Opere di Niccolò Machiavelli, scelte da Giuseppe Zirardini («Discorsi sopra la prima decada di Tito Livio»; «Il Principe»; «La Vita di Castruccio Castracani de Lucca»; «Istorie fiorentine»). Parigi, 1851. Русский перевод «Государя» и «Жизни Каструччо Кастракани» см. Н. М а к и а в е л л и. Соч., «Academia», М.—Л., 1934.

Другой особенностью манеры изложения Макиавелли была страсть к обобщениям. Каждый факт интересует его лишь постольку, поскольку он может быть материалом для обобщения или вывода. Это видно из его «Истории Флоренции» — те факты, из которых нельзя сделать политических выводов, изложены неинтересно, бледно; там же, где есть возможность сделать политические выводы, изложение носит яркий, живой характер и поспешно делаются выводы. Макиавелли часто упрекали в недобросовестности и подтасовке фактов. Но было ли это сознательной подтасовкой фактов? Не являлось ли это следствием чрезмерной впечатлительности, связанной с темпераментом Макиавелли? Критика источников у него действительно очень слаба, его доверчивость к античным писателям настолько велика, что он принимает на веру явные выдумки, явные басни. Например, Эней является для него историческим лицом. Доверчивость, страстное увлечение материалом, не дающее ему задуматься над критикой, стремление к обобщениям, к выводам — все это характерно для Макиавелли.

Будучи страстным теоретиком, который не останавливался перед крайними выводами из своих положений, Макиавелли в то же время был чрезвычайно слабым практиком в политике. Нельзя сказать, чтобы у него не было широты ума, способности к наблюдению. Его донесения по различным дипломатическим поручениям исполнены здравого политического смысла, наблюдательности, но своих верных наблюдений и верных планов он никогда не умел применять в жизни. Тут был какой-то своеобразный дефект характера, воли. У него не было настойчивости, не было умения импонировать людям в роли вождя. Не жестокий по характеру и не лицемер, Макиавелли был теоретиком жестокости и притворства. У него во всем можно наблюдать полное расхождение между теорией и практикой.

В своем политическом трактате «Государь» он посвятил седьмую главу Цезаре Борджиа, одному из самых беззастенчивых политиков эпохи Возрождения, но когда он встречался с этим своим идеалом, то терялся — им не о чем было говорить, это были две противоположные природы — чистый теоретик и чистый практик. Не было у Макиавелли и твердости в отстаивании своих убеждений, не было способности жертвовать ради них жизнью. Будучи секретарем Флорентийской республики, он вел борьбу против реставрации Медичи, а когда Медичи вернулись к власти, он был обвинен в заговоре против них, посажен в тюрьму, подвергнут пытке. После этого в письме к своему другу он пишет, что сам удивляется, с каким мужеством он перенес эту пытку. Однако это мужество скоро испарилось. Свой трактат «Государь» он посвятил внуку Лоренцо Медичи — тоже Лоренцо, совершенно ничтожному человеку, и всячески старался обеспечить себе место на службе у Медичи.

В чем же заключается политическая теория Макиавелли и в каком отношении к этой политической теории стоит то, что часто обозначается как «макиавеллизм», — политико-этическое учение, изложенное в его «Государе»?

Не так легко дать общую характеристику политических взглядов Макиавелли, и не столько в силу их неустойчивости и переменчивости, сколько в силу их несистематичности, несогласованности. В вопросах, о которых он пишет почти одновременно, его взгляды не всегда приведены в стройную систему. Это не всегда связано с личными особенностями Макиавелли, с его складом как писателя и мыслителя. Эти особенности его политических воззрений можно объяснить, скорее, тем сложным положением, в котором в то время находилась Италия и в част-

ности флорентийская буржуазия. В период, когда Флоренция, как и вся Италия, переживала состояние упадка, Макиавелли, как идеолог флорентийской буржуазии, вынужден был идти на всякого рода политические компромиссы, которые, может быть, вовсе не соответствовали его личным политическим стремлениям, но представлялись ему политически необходимыми в данный момент.

За Макиавелли очень прочно установилась репутация сторонника монархии, причем монархии, руководствующейся аксиомой «политическая цель оправдывает всякие средства». Но если мы обратимся к его «Рассуждениям по поводу первых десяти книг Тита Ливия», то встретим здесь сплошь и рядом восхваления свободы как определенного политического принципа. Подобные мысли можно найти и в его «Истории Флоренции». В этой книге, которую Макиавелли посвятил папе Клименту VII, представителю рода Медичи, нередко встречается восхваление свободы, иногда противопоставляемой той тирании, которую ввели Медичи во Флоренции в XV в., в частности Козимо Медичи. Например, описывая восстание Генуи против господства Милана, Макиавелли говорит, что прекрасно было видеть граждан, народ, который объединился при слове «свобода». Макиавелли пишет, что богатство и мудрость Медичи сделали народ глухим и при них свобода была уже неизвестна Флоренции. Это говорит о том, что Макиавелли не относился отрицательно к принципу свободы. В некоторых высказываниях Макиавелли, особенно в его «Рассуждениях по поводу первых десяти книг Тита Ливия», сквозят демократические взгляды. Интересны, например, самые названия глав этой работы: «Толпа умнее и постояннее государя» (кн. I, гл. 58). Макиавелли приводит здесь ряд примеров, доказывающих, что народ всегда разумнее и устойчивее, чем монарх, что народ лучше сохраняет существующие учреждения. По мнению Макиавелли, народу должны принадлежать определенные неотчуждаемые права — право контроля над управлением, право суда, право выделения людей на определенные должности.

Макиавелли, конечно, хорошо знал, что такое тирания и что такое тиран. В «Истории Флоренции» он постоянно говорит о низости князей, о темных поступках Висконти. Однако худший из князей — Чезаре Борджиа им восхваляется, возводится в образец правителя.

Вот те противоречия, в которых как бы бьется мысль Макиавелли. Необходимо выяснить, в чем же заключается его теория и какой политический смысл имеет возвеличение им хитрого, жестокого и коварного монарха.

Если мы всмотримся в политическую теорию Макиавелли, то увидим, что он повторяет то, что было общим местом у античных писателей, у Аристотеля и Полибия. Это учение о трех формах правления: монархии, аристократии и демократии. Макиавелли прибавляет к этому, что лучшие и наиболее проницательные авторы рисуют не три, а шесть форм правления, т. е. что кроме монархии существует еще деспотия, кроме аристократии — олигархия и кроме демократии — анархия как своего рода отрицательные антитезы. Вслед за Полибием он рисует смену этих форм правления таким образом: монархия постепенно вырождается в тиранию, затем она свертается и устанавливается господство аристократии; аристократия вырождается в олигархию; затем олигархию сбрасывает народ, и устанавливается демократия, в свою очередь вырождающаяся в анархию; после этого государство должно погибнуть, если не будет его обювления. Обновление представляется ему в виде спасения государства какой-то сильной личностью, крупным законода-

телем, вроде Моисея, Ликурга, Солона, который устанавливает порядок в этом пошатнувшемся обществе и возрождает его. Какая же из всех названных форм правления кажется Макиавелли наилучшей?

Идеалом Макиавелли является смешанное правление, в котором народу должны принадлежать известные права — право избрания на должности, право контроля над управлением и право суда. Аристократии он тоже отводит определенное место в управлении. Надо сказать, что к аристократии, особенно феодальной, Макиавелли питает явное отвращение. Он говорит о феодалах, живущих земельной рентой, как о людях, заслуживающих глубокого презрения. Это враги государства, порядка и свободы. Знать есть опора всякой тирании. Но он признает городской патрициат — наиболее богатую и в то же время наиболее образованную и просвещенную часть городского населения. Именно представители патрициата, по мнению Макиавелли, должны занимать высшие должности и служить целям государства, направляя жизнь государства по правильному руслу, а народ должен контролировать их. Идеал такого правления он видит в Римской республике. Что же касается главы государства, то таковым, как полагает Макиавелли, должен быть представитель государства в целом, gonfalonьер, как он назывался во Флоренции.

При анализе политических взглядов Макиавелли возникает один вопрос — что он понимает под термином «народ»³. В применении к истории Флоренции XIII—XIV вв., где Макиавелли оперирует более конкретным материалом, он обычно говорит о знати — *nobile* и о народе — *popolo*. Но во Флоренции этой эпохи была еще одна группа населения — плебс (*plebe*) — чернь, т. е. собственно народ в широком смысле слова, о котором Макиавелли вовсе не упоминает. Поэтому, когда он говорит о народе (*popolo*), он, очевидно, имеет в виду зажиточные слои горожан, бюргерство, как мы бы выразились, используя термин, применяемый Энгельсом, а не народ в широком смысле этого слова, трудящиеся массы, к которым во Флоренции того времени применялся обычно термин «*plebe*». Эту оговорку необходимо сделать, когда мы говорим о демократизме Макиавелли⁴.

Итак, Макиавелли предпочитает смешанную форму правления, в виде республики, во главе которой стоят представители городского патрициата, контролируемые зажиточными горожанами.

Идеал такого государства он видел в Римской республике. Интересно, как это представление о смешанной форме правления связано у Макиавелли с его общей концепцией политического развития общества. Он вовсе не стремится к созданию какого-то устойчивого общественного строя. Напротив, в борьбе партий он видит основной принцип политической жизни. Борьба патрициев и плебеев в Древнем Риме представляется ему нормальным политическим существованием, причем за борьбой определенных партий стоят, по его мнению, известные материальные интересы. Правда, в анализ этих интересов он не углубляется. Нельзя, однако, на этом основании думать, что Макиавелли понимает истинные причины борьбы партий. Он говорит, что аристократия стре-

³ Этот важнейший вопрос мало затронут исследователями Макиавелли. (Прим. автора.)

⁴ Поэтому, определяя политические идеалы Макиавелли как республиканские, нужно всегда иметь в виду, что он был очень далек от подлинной демократии. Его демократизм весьма ограничен и сомнителен, так как он не идет дальше признания известных политических прав за представителями зажиточных слоев городского населения. (Прим. ред.)

мится к чрезмерной власти, а народ стремится к охране своих свобод. Но в этой борьбе между народом и аристократией, по его мнению, должно создаваться определенное равновесие. Чем же оно должно создаваться? — Принципом государственности, который лежит в основе политической идеологии Макиавелли. Государство — выше всего, выше всех личных интересов, выше партийных интересов. Понимание всеми членами общества интересов государства как целого, способность жертвовать собой, своими личными интересами или интересами партии ради государства — вот что должно придавать силу, жизнь и устойчивость обществу.

Таким образом, для Макиавелли идеалом является не окончательная победа какой-нибудь одной партии или группы над другой, а известное равновесие, хотя бы это равновесие поддерживалось борьбой. Такая борьба, по его мнению, дает возможность выдвинуться тем или другим новым элементам, дает жизнь и развитие самой конституции и в конце концов оказывается благотворной для государства. Этот свой идеал Макиавелли рисует на примере истории Рима и истории Флоренции. Однако в истории Флоренции, по мнению Макиавелли, борьба партий протекает не так, как следовало бы. Дух государственности здесь заменяется партийным духом. Каждая партия, захватив власть, стремится к уничтожению других партий, не считаясь с интересами государства. Поэтому, по мнению Макиавелли, вся история Флоренции представляет собой историю захватов власти той или иной партией, стремящейся уничтожить своих противников.

Макиавелли отмечает и другой момент — в результате захвата власти во Флоренции той или иной партией обычно начинается раскол в среде самой господствующей партии, так как отдельные группы людей, входящие в нее, и отдельные лица преследуют свои частные интересы и этим осложняют борьбу, совершенно затемняя общегосударственный принцип. В итоге вместо установления идеального порядка, характерного вообще для «смешанной формы правления», во Флоренции эта борьба приводит к усилению вражды между партиями. Идеалом, по мнению Макиавелли, было бы единство (*unità*) не только для Флоренции, но и для всей Италии. Но достижению такого единства мешают некоторые особенности истории Италии, и прежде всего ее политическая разорванность, в которой он особенно винит папство. По поводу роли папства в «Истории Флоренции» Макиавелли имеются весьма горькие страницы.

Раздробленность Италии, зависимость ее от вторжений испанцев и французов приводят, по мнению Макиавелли, к тому, что первой настоящей задачей для Италии его времени является политическое единство страны, единство итальянской нации.

У Макиавелли имеется уже само понятие нация, хотя, может быть, недостаточно ясно выраженное. Он говорит, что единство территории и единство языка ведут в ряде случаев к политическому единству. Но в Италии в силу ряда причин, и в частности в силу враждебной объединению политике папства, не произошло такого объединения, которое имело место в Испании и во Франции. Чтобы дать отпор иностранным вторжениям, в Италии необходимо создать прочное политическое единство и иметь свои вооруженные силы.

Военной истории Макиавелли отводит очень большое место в своих сочинениях. Резко осуждает он систему кондотьерства, при которой военное дело поручалось чужеземцам, думающим только о своих личных выгодах, а не о военной мощи страны. Это приводило к тому, что враждебные стороны часто заранее сговаривались, «разыгрывали» бит-

вы, и обычно та или другая сторона, в соответствии с предварительным соглашением, признавала себя побежденной.

По мнению Макиавелли, этот принцип организации вооруженных сил явился одной из причин военной слабости Италии, оказавшейся неспособной дать отпор более сильным, централизованным государствам: Испании и Франции. Единственный выход из того отчаянного положения, в котором находилась Италия его времени, Макиавелли видел в насильственном объединении страны любыми средствами и в создании сильной военной власти. Эти политические идеалы Макиавелли развивает и в «Государе», где он формулирует задачу, которая, по его мнению, в тот момент стояла перед Италией.

Итак, на примере Макиавелли мы видим готовность итальянской буржуазии того времени идти на любой компромисс с феодальной тиранией, даже ценой отказа от идеала смешанной формы правления, лишь бы осуществить главную политическую задачу — отстоять самостоятельность Италии. Если для объединения Италии необходимы насилия, злодеяния, убийства, то можно пойти и на это. Не нужно бояться совершить меньшее зло, говорит Макиавелли, чтобы избежать большего зла для государства. Он полагает, что только умный, жестокий и коварный политик может справиться с этой основной политической задачей. Поэтому в данный момент Италии более всего нужен такой человек. Является ли он, с точки зрения Макиавелли, идеальным правителем, — это другой вопрос.

Говоря о монархической власти, Макиавелли показывает разные типы монархов, из которых далеко не все являются для него идеальными. Например, в 8-й главе «Государя» он рисует монарха только отрицательными чертами — это типичный тиран, угнетатель народа, деятельность которого не приносит никакой пользы государству. Рядом с ним он создает другой образ тирана — государя-организатора, каким он представляет себе Цезаре Борджиа. Он отмечает, что Борджиа достигает своих целей хитростью, коварством, любыми способами. Но это не смущает Макиавелли, так как Борджиа ведет борьбу с мелкими тиранами в Романье, уничтожает феодальную раздробленность в первую очередь в Папской области, ставя себе более широкие цели — ликвидацию раздробленности во всей Италии. Эта важнейшая цель, с точки зрения Макиавелли, позволяет оправдывать даже недостойные средства его политики.

Макиавелли был идеологом тех групп итальянской буржуазии, которые считали, что спасти Италию может только тирания. Он отмечает, что такой тиран, как Цезаре Борджиа, утверждает в завоеванных им областях политический порядок, устанавливает правосудие, которого не было при господстве мелких тиранов. Но это вовсе не значит, что сам Борджиа — идеал правителя для Макиавелли. Идеал правителя он видит в некоторых императорах Рима: в Траяне, Марке Аврелии и в таких древних законодателях, как Солон и Ликург. Но Макиавелли отчетливо понимает, что для таких правителей нет почвы в Италии его времени и что этот идеал неосуществим в итальянской политической практике.

Конечно, по мнению Макиавелли, было бы гораздо лучше, если бы правитель-устроитель типа Цезаре Борджиа, утвердив порядок и освободив страну, передал власть «народу» (конечно, в понимании Макиавелли) и установил бы смешанную форму правления, но он считает этот вариант почти невозможным. И хотя, с точки зрения Макиавелли, выдвижение такого тирана не есть идеальное разрешение вопроса, одна-

ко, помимо этого тирана, он не мыслит себе иного способа спасения Италии в данной ситуации.

Таков примерно круг политических идей Макиавелли и корни тех противоречий в его политических воззрениях, о которых мы говорили выше.

Теперь обратимся к рассмотрению собственно исторических работ Макиавелли.

Что касается его «Рассуждений по поводу первых десяти книг Тита Ливия», то это не столько историческое сочинение, сколько политический трактат. «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки» тоже нельзя назвать историческим сочинением в точном смысле слова. Это биография героя, основавшего государство при помощи личной доблести. (Кстати, заметим, что термин «доблесть» — *virtù* — играет крупную роль во всех политических построениях Макиавелли). Фигура Каструччо Кастракани — малоизвестного тирана в Лукке в начале XIV в. — принимает под пером Макиавелли облик идеального основателя государства. Он приписывает этому тирану факты из биографий политических деятелей, написанных Плутархом, сочиняет ряд сражений, которые будто бы были выиграны Каструччо Кастракани по всем правилам военного искусства, хотя сам же Макиавелли в «Истории Флоренции» говорит об этих сражениях совершенно иначе. Таким образом, в «Жизни Каструччо Кастракани» можно видеть, скорее, исторический роман, чем описание подлинных исторических событий.

Историческим трудом в полном смысле этого слова являются 8 книг «Истории Флоренции» Макиавелли. Это — не только история Флоренции, как можно думать, судя по названию. Первая книга этой работы касается истории всей Италии, начиная с нашествия варваров. Три следующие посвящены внутренней истории Флоренции до 1434 г., т. е. до момента установления власти Медичи. В последних четырех книгах дается не только весьма подробное изложение истории Флоренции вплоть до 1492 г., но и уделяется много внимания внешнеполитической истории отдельных итальянских государств.

Макиавелли замышлял продолжить свою «Историю Флоренции», но от 9-й книги остались только предварительные наброски и отрывки.

Как было уже замечено, для Макиавелли политический строй Флоренции является результатом происходившей здесь внутренней борьбы. Конечно, в его представлении, это не социальная борьба, а борьба политических партий, но политические партии выступают у него с известной социальной характеристикой, о чем свидетельствуют употребляемые им названия партий — «нобили», «пополо» и «плебс». Макиавелли отчасти представляет себе и те экономические интересы, которые лежали в основе этой борьбы. Но не они привлекают его внимание. Всякая социальная группировка его интересует лишь постольку, поскольку она выступает как политическая сила. Ему безразлично, как создавалась та или иная политическая группировка; политические партии начинают его интересовать только тогда, когда они выступают на арене политической борьбы с определенной политической программой. С точки зрения политической борьбы и вызванных ею изменений в политическом строе и рассматривает Макиавелли всю историю Флоренции.

«История Флоренции» написана была Макиавелли в период реставрации Медичи по предложению кардинала Медичи. К тому времени, когда «История» была закончена, кардинал успел сделаться папой, и Макиавелли посвятил свою книгу уже папе Клименту VII. Можно было бы ожидать, что в связи с этим в «Истории Флоренции» Макиавелли

пойдет на значительные уступки Медичи, отказавшись от республиканских идей, которые он высказывал в «Рассуждениях по поводу первых десяти книг Тита Ливия». Однако «История Флоренции» написана в достаточно независимом тоне, и о Медичи Макиавелли далеко не всегда говорит только лестное.

Впрочем, у Макиавелли отчетливо заметно стремление обойти некоторые острые вопросы. Хронологические рамки «Истории Флоренции», возможно, в значительной степени определялись нежеланием Макиавелли задевать политику Медичи. Внутренняя история Флоренции доведена только до установления тирании Медичи, описываемой им уже в придворном тоне.

В дальнейшем изложении центр тяжести переносится на описание внешней политики итальянских государств.

«История Флоренции» начинается с посвящения папе Клименту VII от его нижайшего слуги Никколо Макиавелли. Как можно заключить из этого посвящения, Макиавелли было поручено описать великие деяния дома Медичи, но это поручение было выполнено им не так, как от него ожидали. Он говорит в своем предисловии, что выполнил это дело без лести и заранее уверен, что никто не будет доволен его трудом. Впрочем, Климент VII был настолько тактичен, что не выразил ни малейшего недовольства и даже наградил Макиавелли за эту книгу. В предисловии к книге Макиавелли говорит, что сначала он собирался начать изложение с 1434 г., т. е. с того времени, когда Медичи получили власть во Флоренции, полагая, что для знакомства с предшествующей историей Флоренции можно отослать читателя к трудам Леонардо Бруни, Поджо Браччолини и др. Однако он остался неудовлетворен их трудами, так как они занимаются только внешней историей Флоренции и совершенно оставляют в стороне внутреннюю борьбу. Поэтому он пришел к выводу, что их труды не могут принести читателю никакой пользы и удовольствия, так как для государственного деятеля — главного читателя его сочинения — важен подробный рассказ о внутренних столкновениях в государстве. Последнее необходимо для того, чтобы государственный деятель, извлекая уроки из прошлого, мог поддерживать согласие и единение внутри государства. Согласие и единение — одна из основных идей Макиавелли.

В предисловии к «Истории Флоренции» Макиавелли указывает на некоторые общие задачи политического и историографического характера, которые стояли перед ним и которые он сводит главным образом к изображению внутренней борьбы.

Невозможно дать детальный анализ всех 8 книг «Истории Флоренции», поэтому мы ограничимся только тем, что для нас особенно интересно.

С нашей точки зрения, весьма любопытны первые книги, где описывается начало средневековья. Макиавелли отмечает, что Римская империя была разрушена варварами, которые, попав в страну с хорошим климатом, стали быстро размножаться и в результате этого вынуждены были расселиться. Императоры до известной степени способствовали этому тем, что перенесли свою столицу из Рима в Константинополь и таким образом как бы оставили часть империи варварам. Макиавелли рассматривает историю варварских вторжений начиная с кимбров, затем переходит к вестготам и т. д. Он приводит много легендарного материала, но последовательность фактов у него в общем довольно верная. Отбрасывая все те ошибки и неточности, которые есть у Макиавелли, мы можем принять намеченную им схему истории средневековья. Он уже

совершенно покоячил со старой схемой средневековой истории — схемой 4 монархий, с картиной Римской империи, якобы продолжавшей свое существование в течение всего средневековья. По Макиавелли, Римская империя на Западе гибнет в IV в. То обстоятельство, что возникает какая-то новая империя — империя Карла Великого — для него не существенно. Он не ставит империю Карла Великого ни в какую связь с римской историей. Таким образом, мы видим у Макиавелли более реалистический подход к начальному периоду истории средневековья, чем у средневековых хронистов. Для Макиавелли не существует прямой преемственности средних веков с историей Рима. Он видит, что падение Римской империи явилось началом совершенно нового периода.

Макиавелли указывает на то, что вожди варваров в Италии долго не задерживались, они только проходили через нее и грабили страну. Первыми задержавшимися в Италии варварами были Одоакр и Теодорих. В связи со своими взглядами на объединение Италии Макиавелли ставит очень высоко деятельность этих, как ему кажется, «объединителей» Италии, особенно Теодориха.

Он поет панегирики Теодориху, который, как он считает, оказал великое благо остготам и римскому государству постройкой городов, крепостей и т. д. Рим и Италия при нем поднялись, установился хороший порядок, и народ был, как пишет Макиавелли, «довольно счастлив».

Судьбы Италии между началом падения Римской империи и эпохой Теодориха, когда в Италии варварские вторжения быстро следовали одно за другим, побуждают Макиавелли к политическим размышлениям о том, как губительна для государства частая смела власти.

Интересно отношение Макиавелли к христианству. Он говорит, что христианство в период падения Римской империи и возникновения варварских государств сыграло отрицательную роль, потому что внесло в империю новые смуты, обострив происходившие там политические столкновения борьбой между новой и старой религией, и тем облегчило варварам завоевание империи.

К христианству Макиавелли вообще относится скорее отрицательно. Он считает, что античная религия воспитывала в людях гражданские доблести, христианство же оказало расслабляющее действие на гражданские нравы, что и подорвало мощь империи.

Не менее отрицательным, с точки зрения Макиавелли, было и то, что христианство само не было единым и распадалось на различные секты. Он замечает, например, что ариане своей борьбой с католической церковью принесли не меньше разрушений, чем варвары.

Переходя к истории лангобардов, Макиавелли подчеркивает, что из-за жестокости лангобардского короля Клефа была ликвидирована королевская власть и верховными правителями в государстве стали герцоги. Это событие также служит ему предлогом для более общих политических выводов. Он указывает, что отсутствие королевской власти привело к политическому ослаблению лангобардов, к падению их воинственного духа, вследствие чего им не удалось утвердить свою власть в Италии. К тому времени, когда королевская власть в Италии была восстановлена, лангобардские правители уже успели привыкнуть к своеволию, а это привело к смутам, прекращению завоеваний новых территорий и, наконец, к подчинению лангобардов франкам.

Здесь Макиавелли касается вопроса о возникновении власти папства. К папству он относится весьма отрицательно, чему несколько не мешает то, что книга посвящена папе. Вопросы о «Константиновом даре» Макиавелли прямо не касается, но между строками не трудно

прочесть, что он не признает достоверности этого факта. Он утверждает, что папы на Западе пользовались только той властью, которую им давало уважение к их добродетели и их учению, другими словами, что светской власти папы не имели. Макиавелли отмечает, что сила пап стала возрастать только после падения Римской империи. Папы сначала лавировали между лангобардами и Восточной Римской империей, а затем обратились за помощью к франкам. Макиавелли обвиняет пап в том, что они призвали в Италию франков, что они всегда призывали варваров, что это продолжается до его времени и является одной из главных причин политической раздробленности Италии. Образованию империи Карлом Великим Макиавелли, как уже отмечалось, не придает особого значения и не считает это восстановлением Римской империи, а, наоборот, коронавание Карла Великого папой рассматривает как победу пап. О таком событии, как создание Священной Римской империи при Оттоне, он даже не упоминает.

Разумеется, было бы интересно подробно рассмотреть, как Макиавелли расценивает отдельные события средневековой истории. По недостатку времени нам придется ограничиться лишь отдельными примерами. При этом следует заметить, что во многих случаях наряду с весьма наивными объяснениями у Макиавелли можно видеть реалистический подход к фактам и событиям. Он не доверяет тем традициям, которые установились до него в историографии.

Например, причину крестовых походов он видит в том, что папа Урбан II возбудил против себя общую ненависть в Италии и поэтому вынужден был уехать из Италии во Францию. Чтобы поднять свой авторитет, он начал проповедь крестовых походов. Начало борьбы гвельфов и гибелинов Макиавелли выводит из спора Генриха IV с Григорием VII.

Макиавелли доводит историю Италии до 1434 г., но чем дальше, тем его изложение делается все суммарнее. Затем он переходит к истории Флоренции.

Изложение ведется со времени основания Флоренции. История Флоренции, замечает Макиавелли, развивается под «дурным влиянием»: сначала — рабское положение под властью римлян, затем — власть отдельных тиранов. Но в XIII в. город достигает высшего расцвета, особенно после смерти императора Фридриха II, когда гражданские установления укрепляют во Флоренции свободу «народа». Конец XIII в. — период установления равновесия между властью нобилей и popolo — это, по мнению Макиавелли, время наивысшего расцвета Флоренции. (Мы уже видели, что под словом «народ» Макиавелли понимал лишь буржуазную городскую верхушку Флоренции.)

Борьба, которая привела к известному равновесию в конце XIII в., возобновляется в XIV в. и около 1343 г. заканчивается полным низвержением аристократии. В это время, замечает Макиавелли, возникают противоречия в среде самого «popolo» — между старшими и младшими цехами. Эти противоречия обостряются, а через некоторое время на арену борьбы выступают насмные рабочие и плебс. Каждый из этих классов, по мнению Макиавелли, достигает сознания своих интересов и вступает в борьбу за власть, желая внести соответствующие изменения в конституцию.

Макиавелли совершенно не касается происхождения этих классов, не дает их экономической характеристики, ограничиваясь лишь характеристикой политической партий. С сожалением он отмечает, что партийная борьба подтачивает силы Флоренции. Он признает, что в республиках нельзя избежать такого разделения на партии, и считает, что

само по себе оно не является злом. Разделение на партии становится злом лишь тогда, когда личные интересы каждой отдельной партии ставятся выше интересов государства. Принцип государственности, который был так силен в Риме, чрезвычайно слаб во Флоренции, где личные интересы всегда преобладают над интересами общими, каждая партия разбивается на ряд более мелких фракций и возникает вражда между отдельными фамилиями. Поэтому после того, как «пополо» добивается низложения аристократии (в 1343 г.), последняя в свою очередь разбивается на враждующие между собой партии сторонников Риччи и Альбицци. Результатом этой борьбы является глубокая порча нравов и продажность; воинственный дух Флоренции падает, появляется кондотьерская система организации войска, ставшая причиной упадка Италии. Все граждане готовы продать республику. Покупатель находится в лице Козимо Медичи. Макиавелли отмечает порчу нравов, которая наблюдается в эпоху Медичи, но приписывает это не столько самим Медичи, сколько людям их партии.

Морально-политический характер «Истории Флоренции» Макиавелли подчеркивается речами в антично-гуманистическом духе, характеризующими, впрочем, не столько личность ораторов, сколько отдельные партии Флоренции.

Чтобы дать представление об общем характере этих речей, я приведу здесь речь, якобы произнесенную одним из вождей чомпи перед собравшимся плебсом и некоторыми рабочими из цеха Лана. В связи с начавшимися приготовлениями в лагере противников чомпи обсуждался вопрос, следует ли продолжать восстание или идти на перемирие. По этому поводу один из вождей восстания произносит следующую речь: «Если бы нам надо было обсудить вопрос: нужно ли нам братья за оружие и грабить дома граждан, разграблять церкви, то я считал бы, что это требует обдумывания, и, может быть, я предпочел бы мирную бедность опасным приобретениям. Но так как оружие у нас в руках и уже совершено много зла (*malì*), то нам нужно теперь подумать, как нам сохранить оружие и как уберечь себя от последствий совершенного зла... Вы видите, что весь город пылает против нас враждой и ненавистью... Нам надо подумать о двух вещах. Во-первых, как избежать наказания за все, что было сделано за последние дни; во-вторых, как жить свободней и счастливей, чем в прошлые годы. По-моему, чтобы получить прощение за наши старые грехи, мы должны совершить новые, удвоить злодеяния (*malì*), всюду нести разбой и пожары, увеличить число наших сообщников. Когда виновных слишком много, не наказывают никого. Наказывают простые преступления, но за большие награждают. Когда все страдают, немногие станут искать мести, потому что общее бедствие легче переносится, чем частные обиды... Мне кажется, что мы идем к верной победе, потому что те, кто мог бы воспротивиться нашим планам, богаты и разъединены. Их разъединение даст нам победу; их богатства, когда мы ими завладеем, помогут нам ее сохранить. Пусть на вас не производит впечатления древность их крови, из которой они хотят сделать оружие против нас. Все люди одного происхождения и все одинаково древни, и природа сделала всех нас по одному образцу. Разденьте всех и все будут одинаковы. Оденьтесь в их одежды, а их оденьте в наши, и, несомненно, мы покажемся знатно, а они — народом, *потому что только богатство и бедность создают между нами различие...* Вам не надо бояться ни упреков совести, ни позора, потому что никогда не бывает позора для победителей, каким бы образом они ни победили. Упреки совести? С ними не надо больше считать»

ся. *Всюду, где, как у нас, существует страх голода и тюрьмы, не может быть и не должно быть страха ада.* Если вы рассмотрите дела людей, вы увидите, что все, кто приобрел большие богатства или большую власть, достигли этого только силой или хитростью. Но потом все, что они получали путем мошенничества или насилия, они честно прикрывают фальшивым титулом, приобретенным, чтобы скрыть его гнусный источник. Те, кто в силу малого благоразумия или чрезмерной глупости не осмеливаются употреблять этих средств, с каждым днем все больше погружаются в рабство и бедность; потому что верные слуги всегда остаются рабами, а добрые — всегда бедны. Только неверные и смелые умеют разбить свои цепи, только воры и мошенники умеют выйти из нищеты. Бог и природа дали богатство всем людям. Но оно является скорее уделом грабежа, чем прилежания, бесчестных занятий, чем честного труда. Вот почему люди пожирают друг друга и почему участь бедных ухудшается с каждым днем. Поэтому будем применять силу там, где нам позволяют обстоятельства, а судьба не может предоставить нам более благоприятного случая: горожане еще разъединены, синьория в сомнении, магистраты растеряны. Их легко раздавить раньше, чем они объединятся и придут в себя. Поэтому мы или станем абсолютными господами города, или же получим такую большую долю в управлении, что нам не только простят прошлые грехи, но у нас будет возможность угрожать нашим врагам новыми бедами... Сколько раз я слышал, как вы жалуетесь на жадность ваших господ и несправедливость ваших магистратов... Вы видите приготовления ваших врагов. Предупредим их планы, и тот, кто первым возьмется за оружие, — без сомнения, будет победителем, громя врагов и возвеличивая себя. Это принесет славу многим из нас и спокойствие всем»⁵ (курсив дан Е. А. Косминским. — *Прим. ред.*).

Как видим, здесь дан анализ происхождения богатства и бедности с точки зрения низших классов. Макиавелли если не понимает, то нащупывает социальную основу политических партий во Флоренции, но любопытно, что для этого ему приходится как бы стать на точку зрения низших классов⁶.

Если задать вопрос, в какой мере можно назвать «Историю Флоренции» Макиавелли научным произведением, то на него не так легко ответить. Во-первых, сколько-нибудь серьезной критики источников мы у Макиавелли не находим. Нередко он искажает факты, цифры, имена, но следует учитывать, что эта большая работа, которая охватывает всю историю Италии от переселения народов до 1492 г., была написана им в сравнительно короткий срок. Поэтому Макиавелли пришлось поступать так, как поступали в большинстве случаев средневековые хронисты, т. е. взять какой-нибудь один источник и черпать из него основные данные. Он использует главным образом сочинение Бьондо⁷ и во многих случаях некритически повторяет то, что говорит Бьондо. Кроме того, как мы уже знаем, в истории Макиавелли интересует только то, что служит материалом для его теоретических построений, поэтому он иногда не останавливается перед искажением фактов.

⁵ «Opere di Niccolò Machiavelli», vol. 3, Parigi, 1851, pp. 77—79.

⁶ Это, конечно, не значит, что Макиавелли в какой-либо мере сочувствует восставшим. Как представитель флорентийской буржуазии, он осуждает восстание и подчеркивает даже в этой речи его якобы злодейский характер. Однако, стремясь как историк объяснить причины восстания чомпи, он вынужден временно встать на точку зрения последних, что позволяет ему достаточно реалистично подойти к вопросу о социальной подоплеке недовольства чомпи. (*Прим. ред.*)

⁷ См. лекцию V. (*Прим. ред.*)

Таким образом, если рассматривать «Историю Флоренции» Макиавелли с точки зрения методов исследования, то эта работа едва ли может быть названа научным произведением. Тенденциозность ее также совершенно очевидна. Но вместе с тем эта работа от начала до конца пронизана стремлением понять и осмыслить борьбу если не классов, то партий, что, несомненно, было связано с новым явлением в историографии.

Из вышеприведенной цитаты можно видеть, что Макиавелли до известной степени если не понимает, то чувствует социальную основу партийной борьбы во Флоренции XIV в. Поэтому, несмотря на многочисленные ошибки, несмотря на ряд промахов, мы все же видим у него, если не историю в научном смысле этого слова, то во всяком случае одну из первых попыток освещения истории с точки зрения политической борьбы, за которой он иногда интуитивно ощущает и нащупывает борьбу классов. Как бы велики не были методологические и фактические промахи у Макиавелли, но эта черта придает его труду исключительный интерес.

У Макиавелли еще достаточно сильны политические тенденции, связанные с эпохой господства торгово-промышленных кругов Флоренции, он далеко не всегда благосклонен к Медичи, при которых эти торгово-промышленные круги не могли рассчитывать ни на утверждение политической самостоятельности Флоренции, ни тем более на отражение внешнего врага — французов и испанцев. Для социальных кругов, интересы которых выражал Макиавелли, основной политической задачей было объединение Италии любыми средствами, даже путем установления феодальной монархии.

Не совсем ясно, однако, как рисовал себе Макиавелли дальнейший ход событий. Можно думать, что он представлял себе, что будущий государь, который объединит Италию и которому удастся вытеснить из нее завоевателей, подобно великим полудеянным законодателям древности, передаст затем власть тому слою граждан, которых Макиавелли называет народом (*popolo*). Но возможно, что реальные планы Макиавелли не шли так далеко от момента реставрации Медичи. Во всяком случае и в его исторической концепции, и в его политических идеях, которые в целом носят оптимистический характер, звучат отдельные несмистические ноты. Выход он видит в объединении Италии под властью сильного и лишнего угрызений совести государя. Эту мысль Макиавелли, правда, не доводит до логического конца, очевидно, потому, что в начале XVI в. упадок флорентийской буржуазии и Флоренции в целом был еще не так очевиден, как в конце XVI в., когда в Италии окончательно восторжествовала феодальная реакция.

У младшего современника Макиавелли — Франческо Гвиччардини (1483—1540) уже можно видеть отражение этой начавшейся и все усиливавшейся на протяжении XVI в. феодальной реакции во Флоренции.

Гвиччардини представлял несколько иные общественные круги Флоренции, чем Макиавелли. Во Флоренции уже с конца XV в. можно наблюдать некоторые отдельные признаки феодальной реакции, которая явно обнаруживается только в XVI в. Политические группы, стоявшие с середины XV в. во главе Флоренции, были представителями ростовщического капитала. С этого же времени капиталы во Флоренции во все больших масштабах вкладываются в землю. Сами Медичи были крупнейшими собственниками земли. Земля покупалась вместе с теми феодальными правами, которые не были еще уничтожены в итальянской деревне. Фамилия Гвиччардини — одна из самых богатых и знат-

ных во Флоренции — тоже приступила в то время к покупке земли в широком масштабе. Сам Гвиччардини был одним из богатейших землевладельцев Флоренции. Таким образом, классовая основа мировоззрения Гвиччардини несколько иная, чем у Макиавелли. Он являлся представителем тех кругов флорентийской буржуазии, которые были больше связаны с ростовщическим капиталом и землевладением и в XVI в. до известной степени феодализировались.

Отсюда и существенные различия в политических взглядах обоих историков. Макиавелли считает наиболее нормальным политическим строем строй, основанный на известном единстве (*unità*) сословий, хотя это единство представляется ему не в виде застывшего состояния мира, но в виде равновесия в постоянной борьбе.

Политические идеи Гвиччардини совсем иные. Для него не подлежит сомнению, что государством должны управлять наиболее знатные, наиболее богатые и, как он полагает, наиболее способные и образованные люди. Под этими богатыми и знатными людьми он подразумевает именно людей своей социальной группы, т. е. представителей ростовщического капитала и землевладения. При оценке Гвиччардини следует учесть также, что он был младшим современником Макиавелли. Макиавелли умер в 1527 г., когда Медичи были изгнаны из Флоренции и восстановлена республика. Но в 1530 г. произошла новая реставрация Медичи с помощью испанских войск. Медичи, опираясь на иностранную силу, установили полный герцогский деспотизм, тиранию, при которой даже наиболее знатные фамилии были отстранены от власти. Во время этих междоусобных войск Флоренция была окончательно разорена, ее промышленность пришла в полный упадок.

Все эти новые моменты ярко отразились в исторических трудах и в политических взглядах Гвиччардини.

В 1511 г. Франческо Гвиччардини был назначен флорентийским послом («оратором»). Его «Письма из Испании»⁸, адресованные флорентийской синьории, дают обстоятельное изложение событий, происходивших при испанском дворе. Затем с 1516 г. он был на службе у папы Льва X Медичи в качестве правителя Модены. При Клименте VII он получил высокую должность — стал президентом Романьи. После очередного восстановления в 1530 г. власти Медичи Гвиччардини вернулся во Флоренцию. При Алессандро и Козимо I Медичи он снова находился на государственной службе, но уже на второстепенных должностях. Гвиччардини обладал весьма значительным политическим опытом, приобретенным на службе у флорентийской синьории, у пап, при иностранных дворах, в частности при дворе испанского короля Фердинанда Католика, этого самого хитрого, самого пронырливого из тогдашних политиков, оказавшего очень сильное влияние на взгляды Гвиччардини. В лице Фердинанда испанского он видел идеал мудрого правителя и особенно ценил созданную им организацию войска.

Первой исторической работой Гвиччардини была его «История Флоренции»⁹, написанная в 1508—1509 гг. и охватывающая период между 1378 и 1509 гг. В первых главах изложение Гвиччардини носит беглый характер, но становится более подробным с начала правления Лоренцо Великолепного, особенно же с 1492 г. Эта работа осталась неоконченной. Писалась она Гвиччардини не для печати, а для самого себя

⁸ F. Guicciardini. *Relazione di Spania*, Pisa, 1825.

⁹ F. Guicciardini. *Storie fiorentine dal 1378 al 1509*. Bari, 1931.

с целью уяснить собственную политическую линию¹⁰. Это обстоятельство придает ей особый характер. Рукопись работы была утеряна и вновь обнаружена только в XIX в. и была впервые напечатана в 1859 г.

«История Флоренции» Гвиччардини резко отличается от работ, написанных в традициях гуманистической, риторической школы, известную дань которым отдавал даже Макиавелли. Она написана совсем другим, более грубым языком, без вставных речей и других риторических украшений. По содержанию она уже «Истории Флоренции» Макиавелли, так как Гвиччардини занимает не история Италии вообще, а история Флоренции, и преимущественно внутренняя история. Его интересуют в первую очередь такие вопросы — как Флоренция сохранила свою независимость, характер ее политического строя, борьба ее партий. Материалом ему служат воспоминания людей того социального круга, к которому он сам принадлежал. Изложение носит связный, логичный и целеустремленный характер, даются четкие и трезвые характеристики людей и событий. Основной лейтмотив этой книги Гвиччардини — стремление доказать, что условием сохранения республики и независимости Флоренции является господство аристократии. Его идеал — Венеция, политический строй которой он всячески восхваляет.

Гвиччардини написал эту работу в период временной реставрации республики во Флоренции, когда во главе государства стоял гонфалоньер Пьетро Содерини, человек умеренных взглядов. В связи с очередным изменением политического строя Флоренции перед Гвиччардини стоял вопрос, какая форма правления является для Флоренции наиболее подходящей — демократия, пусть самая умеренная и ограниченная, или аристократия с Медичи во главе? Этот вопрос Гвиччардини уже в те годы решал таким образом, что единственно правильной формой правления для Флоренции является строго аристократическая форма. Никаких даже ограниченно демократических черт, которые мы отмечали у Макиавелли, у Гвиччардини нет и следа. Он говорит о народе лишь в самых презрительных выражениях, будучи уверен, что только члены старинных фамилий, имеющие большой политический опыт, могут управлять страной. Власть, по его мнению, должна принадлежать определенной группе семейств, и вопрос только в том, как сохранить ее за этими семействами. В мотивах действий тех или других политических деятелей он видит всегда узкий эгоизм, доходящий до цинизма. Для него непонятны движения и цели отдельных лиц или групп, которые выходят за пределы мелких политических интриг.

На примере правления Лоренцо он осуждает режим Медичи и высказывается против его реставрации на том основании, что Лоренцо оттолкнул на задний план аристократию и выдвинул новых людей. Он дает также резко отрицательную характеристику Пьетро Медичи. В то же время, сравнивая «народное правление» после изгнания Медичи с временем правления последних, Гвиччардини решительно выступает и против демократии. В этом отношении особенно характерна глава, посвященная Савонаролле, к которому Гвиччардини относится крайне

¹⁰ Все произведения Ф. Гвиччардини, кроме «Истории Италии» (см. ниже), писались не для печати. Только «История Италии» была опубликована вскоре после его смерти и принесла громадную славу его имени. (Прим. ред.)

враждебно, хотя и признается в том, что не совсем его понимает и не умеет оценить. Он также глубоко враждебен республиканскому правлению Содерлини, в котором он видит сочетание демократических тенденций с тираническими приемами.

Восстание чомпи Гвиччардини считает ловким ходом некоторых политических группировок, которые были заинтересованы в том, чтобы поднять народное восстание. Таким образом, во всей этой работе Гвиччардини явно выступает узкоклассовая, или даже узкопартийная, точка зрения.

Интересно отметить, что Гвиччардини вызывал в начале XIX в. исключительную ненависть у деятелей «Молодой Италии», которые называли его негодяем и не жалели по отношению к нему резких эпитетов. Консерваторы же и особенно фашисты, наоборот, всячески его превозносили. Последние в презрении Гвиччардини к народным массам, в требовании полного господства небольшой группы знати, в его проповеди полной беззащитности при выборе средств для достижения своих целей — проповеди, я бы сказал, гораздо более циничной, чем у Макиавелли, — находили оправдание своей собственной идеологии и политики.

Политические взгляды Гвиччардини ярко отразились и в его политических трактатах.

Один из таких трактатов — «Трактат, написанный в Логроньо»¹¹ — относится к 1512 г. Гвиччардини предлагает в нем известную компромиссную форму правления, полагая, что республиканский порядок во Флоренции может быть сохранен, но с некоторыми изменениями. Наряду с пожизненным gonfalonьером и Большим советом, который представляется ему демократическим учреждением, он считает необходимым существование еще особого аристократического совета — сената, из представителей «лучших людей» — аристократических фамилий, которому должны принадлежать важнейшие политические функции, сношения с иностранными государствами и распределение налогов, так как Большой совет, по мнению Гвиччардини, вследствие своего демократического состава неправильно распределяет налоги, облагая ими только богатых. Он говорит, что это несправедливо и даже невыгодно. Богатых нужно беречь, так как они краса и честь государства и всегда могут прийти ему на помощь в нужде.

В этом трактате Флоренция изображается как государство, гибнущее в борьбе между тиранией и демократией, в обстановке новых варварских вторжений в Италию. Единственным, хотя и временным выходом, по мнению Гвиччардини, может быть политический компромисс — установление аристократической республики. В этом трактате господствует пессимистическое настроение.

В другом своем сочинении — «О форме правления во Флоренции»¹², написанном около 1526 г., Гвиччардини пытается дать практические политические советы в соответствии с потребностями момента. Он пишет, что всякая политическая форма должна оцениваться не сама по себе, а в зависимости от достигаемых ею практических результатов в области распределения общественного дохода и почестей, в области право-

¹¹ Полное название этого трактата «Рассуждение о способах поддержать народное правление с «Большим Советом» во главе после того, как на Мантуанском сейме имперские представители, испанцы и папы решили вернуть Медичи во Флоренцию». Написан этот трактат в городе Логроньо, отсюда его обычное сокращенное название «Discorso Logrognò». См. F. Guicciardini. Opere inedite, vol. II. Firenze, 1858. (Прим. ред.)

¹² F. Guicciardini. Dialogo e discorsi regimento di Firenze libri due. Bari, 1932.

судия, в охране территории. Этот трактат также проникнут пессимизмом. С точки зрения Гвиччардини, ни одна из политических форм, существовавших во Флоренции, да и вообще всех возможных форм управления, не может вывести это государство из состояния кризиса, не может предотвратить упадка республики и свободы.

Развивая далее взгляды, высказанные в «Трактате, написанном в Логроньо», он доказывает, что венецианская политическая система — лучшая из когда-либо существовавших и единственная надежда на спасение Флоренции заключается в том, чтобы ввести там венецианские порядки. Ради этого он готов признать самые жесткие и насильственные меры, не уступая в этом Макиавелли, в частности поголовное истребление всех Медичи. При этом Гвиччардини настойчиво подчеркивает, что все государства с момента своего возникновения всегда были основаны на насилии. Он выступает в этом трактате не меньшим «макиавеллистом», чем сам Макиавелли.

К трактату «О форме правления во Флоренции» примыкают написанные в 1530 г. «Комментарии к «Рассуждениям по поводу первых десяти книг Тита Ливия» Макиавелли»¹³, в которых он высказывает резко отрицательное отношение даже к самой ограниченной демократии в стиле идеалов Макиавелли и полное равнодушие к идее национального объединения Италии, поборником которой был Макиавелли.

После следующего изгнания Медичи и установления новой республики во Флоренции (1527—1530) Гвиччардини сначала был лишен только всех должностей и был вынужден уехать в свое поместье, но потом, когда власть в республике перешла к более радикальным элементам, его владения были конфискованы и ему пришлось бежать из Флоренции. Став теперь открытым сторонником Медичи, он пишет новые политические трактаты, в которых старается доказать, что Медичи должны опираться на городскую аристократию. Но Медичи рассудили иначе, решив, что им гораздо удобнее иметь опору в иностранных войсках. И хотя по возвращении Медичи к власти в 1530 г. Гвиччардини были возвращены все его владения, но ни он, ни его сторонники не были допущены к управлению государством. Медичи позволили им только произвести жестокую расправу с республиканцами, а потом отстранили их от всех должностей. Гвиччардини пришлось прожить остаток жизни в своем поместье, где он занималсяписанием своей основной исторической работы — «История Италии»¹⁴, которая охватывает период с 1490 до 1532 г.

Если «История Флоренции» была первой юношеской работой Гвиччардини, в которой он на основе истории Флоренции хотел установить, какой политической линии ему держаться в жизни, то в «Истории Италии» он как бы подводит итоги всему своему опыту политической жизни. В отличие от «Истории Флоренции» «История Италии» предназначалась для печати, и он должен был отчасти считаться со вкусами читателей. Поэтому стиль этой работы совсем иной. Гвиччардини возвращается к гуманистической манере, вводит речи, которых он избегал в «Истории Флоренции». Но у него эти речи не являются, как у Бруни и других представителей риторической школы, фактором, определяющим исторические события. Наряду с этими речами он приводит истинные мотивы, вызвавшие те или иные решения государственных деятелей. Но,

¹³ F. Guicciardini. Considerazioni intorno ai Discorsi del Machiavelli. Opere inedite, vol. I, Firenze, 1857.

¹⁴ F. Guicciardini. La Historia d'Italia. Milano, 1899.

может быть, самой характерной чертой этой работы является циничный пессимизм, которым проникнута вся «История Италии». Жизнь заставила Гвиччардини разочароваться во всех государственных режимах. Он много пострадал при республике, но и Медичи, использовавшие его и его группу, не допустили его к власти. Поэтому Гвиччардини ни у кого из современных ему политических деятелей не видит ни одного доброго и высокого побуждения, и именно вследствие этого перед некоторыми явлениями он останавливается в полном непонимании.

Гвиччардини — историк-реалист по преимуществу. События он описывает гораздо точнее, яснее и определеннее, чем Макиавелли, у которого мысли постоянно отвлекались теми или иными политическими рассуждениями. Однако при всем своем реализме Гвиччардини по своей классовой ограниченности многого не в состоянии понять. Он не понимает, например, как Флорентийская республика могла в течение длительного времени сопротивляться объединенным войскам сильных противников. Перед этим фактом он разводит руками, как перед чем-то совершенно загадочным.

Мораль Гвиччардини представляет собой резкий разрыв с теми идеями, которыми вдохновлялся еще Макиавелли, и прежде всего с идеей «общего блага», идеей государства, которая у Макиавелли заслоняет все. Гвиччардини интересы государства представляет в виде интересов своей небольшой политической группы. Поэтому, например, единство Италии, по мнению Гвиччардини было для нее скорее несчастьем, чем счастьем. Правда, он хотел бы, чтобы из Италии были изгнаны варвары — иноземцы, но политическое единство страны вовсе не представляется ему каким-то идеалом. В своих «Заметках о делах политических и гражданских»¹⁵ он говорит об отечестве следующее: «Все города, все государства, все царства смертны ... поэтому, когда гражданин живет в последние времена своего отечества, ему приходится скорбеть не столько об его несчастьях и жаловаться на судьбу, сколько горевать о себе, потому что с отечеством случилось только неизбежное, а беда обрушилась на того, кому довелось родиться в годину подобного несчастья»¹⁶. Философия такого рода свидетельствует, несомненно, о моральном разложении гибнущего класса. С ней связана та глубокая аполитичность, которая местами начинает проскальзывать у Гвиччардини и которая сводится к обывательской морали очень низкого свойства.

В этом плане особенно интересны его «Заметки о делах политических и гражданских» — около 400 афоризмов, свидетельствующих о том, что их автор сознает полную безысходность положения буржуазной аристократии, гибнущей между демократией, с одной стороны, и тиранией — с другой.

В этих «Заметках» Гвиччардини порицает демократию. В его отношении к народу мы видим или открытое презрение, или скрытый страх. Один из его афоризмов гласит: «Кто говорит «народ», хочет в действительности сказать — безумный зверь, в котором все ложь и смута, и нет в нем ни вкуса, ни обаяния, ни устойчивости»¹⁷. Но и тирания, совершенно отстранявшая даже верхушку буржуазного общества от политической власти, также мало его привлекает, хотя к ней у него отношение несколько более примирительное. На почве таких политических взгля-

¹⁵ F. Guicciardini. Ricordi politici et civili. Torino, 1921.

¹⁶ Ф. Гвиччардини. Соч. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 167.

¹⁷ Там же, стр. 151, 210.

дов расцветает мелкобуржуазная, обывательская, утилитарная мораль Гвиччардини. Все отношения между людьми, по его мнению, должны определяться только выгодой.

Его «Заметки...» — настоящий катехизис лицемерия. Вот, например, его отношение к религии. Гвиччардини, который был на службе у папы, говорит: «Не боритесь никогда с религией и вообще с вещами, зависящими, по-видимому, от бога, ибо слишком сильна власть этого слова над умами глупцов»¹⁸. О римской курии он говорит, что это шайка преступников.

В одном из афоризмов он рассуждает о том, каковы должны быть отношения между князьями и их посланцами, преподавая образец беззастенчивой политики лицемерия¹⁹.

Или вот, например, афоризм 17: «Не верьте людям, которые говорят, что они добровольно, из любви к покою отказались от дел и мирского величия, так как почти всегда это произошло по их легкомыслию или по необходимости; на опыте видно, что почти все эти люди при первом намеке на возможность вернуться к прежней жизни отказываются от прославленного покоя и бросаются вперед с яростью огня, пожирающего сухие и густо смазанные вещи»²⁰.

Вы помните, что Макиавелли, такой смелый теоретик в политике, на практике оказывался сплошь и рядом младенцем. А вот что пишет Гвиччардини: «Как отлична практика от теории! Как много людей, хорошо все понимающих, которые либо забывают, либо не умеют превратить в действие свое знание! Для таких людей ум их бесполезен; это все равно, что иметь в ларце клад и обязаться никогда его оттуда не вынимать»²¹.

Другой его афоризм гласит: «Отрицай всегда то, что по-твоему не должно быть известно, и утверждай то, чему люди по-твоему должны верить; пусть многое тебя изобличает, пусть будет против тебя почти достоверность, но смелое утверждение или отрицание часто привлекает ум слушателя на твою сторону»²².

Мораль лицемерия и обывательского эгоизма — вот что проповедует Гвиччардини в своих «Заметках...».

Но у Гвиччардини-историка, при всей его тенденциозности, классовой и моральной ограниченности, есть одна положительная черта — большое реалистическое чутье, особенно в области всякого рода политических и дипломатических интриг, большая проницательность, умение разобратся в тех скрытых пружинах, которые двигают политикой, и в частности действиями отдельных политических деятелей.

Если Макиавелли представляет собой отвлеченного теоретика-мыслителя, то Гвиччардини является историком-реалистом, который лишен, однако, способности к широким обобщениям и не в состоянии понять ничего выходящего за пределы узкой, лицемерной, эгоистической классовой морали.

¹⁸ Ф. Гвиччардини. Соч. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 185.

¹⁹ Там же, стр. 108.

²⁰ Там же, стр. 115.

²¹ Там же, стр. 123.

²² Там же.

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ИТАЛИИ. ЭРУДИТСКАЯ ШКОЛА. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖАНР

Мы рассмотрели в предыдущих лекциях два основных направления в гуманистической историографии Италии — риторическое и политическое.

Следует отметить, однако, что, говоря об этих двух направлениях, мы имеем в виду скорее типы историков, чем стадии в развитии историографии.

Теперь необходимо кратко остановиться на тех историках-гуманистах, которые пользовались известностью в гораздо меньшей степени, чем, например, Бруни или Макпавелли, но внесли в историографию некоторые новые методические приемы, оказавшие в конце XVI и в начале XVII в. серьезное влияние на общее развитие исторической науки.

Я имею в виду терпеливых и кропотливых собирателей, которые рылись в археологическом материале, занимались собиранием и сопоставлением источников и воссозданием на их основе истории средневековья. Их можно условно определить как представителей эрудитской школы в итальянской гуманистической историографии.

Типичным и наиболее крупным представителем этой довольно многочисленной школы историков был Флавио Бьондо (1392—1463), или, как он называл себя по-латыни, Флавий Блондус (Flavius Blondus).

Бьондо занимал второстепенные должности при папской курии и не играл крупной роли в политической жизни Италии. Это был добросовестный чиновник и кропотливый кабинетный ученый. Многие его труды посвящены археологии¹. Основная работа Бьондо — «Восстановленный Рим» (1446) — тщательное исследование, касающееся топографии древнего и отчасти средневекового Рима. Его труды — «Описание Италии по районам и провинциям» (1453), представляющее собой историко-географическую энциклопедию Италии, за исключением Южной Италии и Сицилии, и «Руководство для изучения археологических древностей» — также носят археологически-топографический характер.

Бьондо принадлежит также большая историческая работа — «Де-

¹ Flavius Blondi (Biondo). «Roma instaurata», «Italia illustrata». F. Blondi. De Rome triumphante. vol. 1—2, Basiliae, 1531.

кады истории со времени падения Римской империи»², которую он писал с 1440 по 1452 г. Интересно, что в этой работе он начинает изложение с 412 г., т. е. с даты, близкой к принятой теперь дате падения Римской империи. Доводит Бьондо историю Италии до 1440 г.

«Декады...» состоят из 31 книги: 20 первых книг посвящены эпохе с 412 по 1400 г., а остальные 11 — сорока годам XV в. На первом плане стоит история Италии, но Бьондо некоторое внимание уделяет и истории других стран. Издана эта работа была уже после смерти Бьондо, в 1483 г.

Этот труд Бьондо резко отличается от гуманистической историографии риторического и политического направлений. Риторика в нем чрезвычайно мало, как равным образом мало и политики. Перед нами здесь не мыслитель и не писатель в том смысле, как этот термин понимали гуманисты, но лишь добросовестный собиратель фактов, и при изучении этого труда Бьондо складывается общее впечатление посредственности, неглубокой мысли, неглубокой учености, но весьма большой работы, прилежания и эрудиции. Кажется, что это — подготовительная работа, собиранье материала без какой бы то ни было попытки обобщения, однако как раз эта подготовительная работа сыграла немалую роль в ту эпоху. Если вспомнить некритическое отношение к источникам, характерное для всей средневековой историографии и отчасти унаследованное как риторической, так и политической школами историков-гуманистов, которые мало контролировали исторические источники, то кропотливое собиранье материала и известная попытка хотя бы формальной его критики представляют собой уже важный шаг вперед, ступень к созданию будущей научной истории. Поэтому, если как историк Бьондо представляет собой совершенно ничтожную величину, то как собиратель материала и в известной степени как критик источников он, несомненно, знаменует собой определенный этап в развитии исторической науки.

В археологических трудах Бьондо также видно внимательное, кропотливое собиранье материала и в то же время — отсутствие какой-либо исторической перспективы при группировке этого материала. Нередко материалы, взятые из совершенно разных эпох, поставлены у него рядом. В «Декадах...» Бьондо материал расположен в определенной хронологической последовательности, но этот материал не объединен ни определенным планом, ни определенной композицией. Изложение вялое, тусклое, оживает лишь тогда, когда он переходит к любимому археологическому сюжету.

Если представить себе систему политических идей Бьондо, то получится нечто крайне пассивное, элементарное. Правители им оцениваются лишь постольку, поскольку они создают мирное и покойное житие, которое способствует мирным ученым занятиям. Его совершенно не интересуют такие сюжеты, которые постоянно увлекали гуманистов всех направлений, как военная история, политический строй, гражданские добродетели. Римскую империю он весьма восхваляет, но в основном лишь за то, что она установила умиротворение (*pacis fortuna*), при котором, по его мнению, могла свободно развиваться культура.

В чем заключается критика источников у Бьондо? Она довольно элементарна, довольно груба, но в ней есть некоторое рациональное зерно: Бьондо старается выделить по каждому вопросу наиболее древние, наиболее близкие к изображаемым событиям источники, полагая,

² Flavii Blondi. Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades. Naumburg, 1881. . .

что позднейшие источники всегда удаляются от истины. Источники более позднего происхождения он проверяет с помощью наиболее древних источников. Разумеется, этот способ критики исторического материала далеко не совершенен. Ведь имеющийся налицо древний источник не всегда является древнейшим, а более поздний источник может базироваться на более древнем, но не сохранившемся материале. Но при всей своей элементарности этот прием исторической критики позволил Бьондо опровергнуть ряд легенд, принятых в средневековой истории, например легенду о крестовом походе Карла Великого. На основании ближайших по времени свидетельств он опроверг также упорно державшееся мнение о том, что Петру Пустыннику принадлежала инициатива первого крестового похода.

Бьондо не мало сделал для познания древности и средних веков. И ничьи труды не были в такой мере использованы историками-гуманистами, как труды Бьондо, хотя, впрочем, они обычно даже не упоминали его в своих произведениях. Сам же Бьондо был в пренебрежении у современников, потому что его труды не выделялись новизной политических мыслей и не были написаны той блестящей гуманистической латынью, которая давала право на внимание со стороны гуманистически образованной публики.

Гуманистическая историография дала помимо образцов общей истории Европы, истории Италии и отдельных стран еще такую разновидность исторических сочинений, как биографии. Биография — это тот литературный жанр, который особенно развивается в эпоху гуманизма, выдвинувшего на первый план человеческую личность. Правда, гуманисты не выступили здесь новаторами. Известен ряд авторов биографий в античности: Плутарх, Корнелий Непот и особенно Светоний с его «Жизнеописанием двенадцати цезарей», который являлся образцом как для писателей раннего средневековья, так и для историков-гуманистов эпохи Возрождения.

Биографии позволяли вводить в историческую литературу новый материал. Мы отмечаем выше, что в собственно исторических сочинениях итальянские гуманисты намеренно обходили всякие вопросы, касающиеся церковных дел. То же следует сказать и о вопросах культуры. В биографиях же эти моменты выдвигаются часто на первый план, поскольку в этот период создаются биографии не только светских политических деятелей, но также пап и различных художников и поэтов. Наиболее известным собранием биографий этой эпохи является знаменитая книга Джорджо Вазари «Жизнь наиболее известных художников, скульпторов и архитекторов»³, вышедшая в 1550 г., в которой биографиям наиболее известных итальянских художников — от Чинмабуэ до Тициана — предпослан краткий обзор истории искусства более ранней эпохи. Здесь видна и некоторая попытка дать последовательную периодизацию истории искусства в Италии. Целью Вазари было собрать возможно больше интересных подробностей о жизни и творчестве отдельных представителей изобразительного искусства.

Вазари сам был художником и близко стоял к этим кругам. Отчасти на основании тех слухов и сплетен, которые ходили в кругах художников, отчасти по воспоминаниям он и написал эти биографии. По-видимому, кое-что он прифантазировал для большей живости изложения, поэтому его биографиям можно доверять далеко не во всем.

³ G. Vasari. Vita de' più eccellenti pittori, scultori ed architetti. Firenze, 1906; Д. Вазари. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, т. I. «Искусство», М., 1956.

Наряду с биографиями надо отметить и автобиографии, или мемуары, которые в то время появляются в среде писателей и художников Италии. Такова, например, знаменитая автобиография скульптора Бенвенуто Челлини, которая чрезвычайно ярко изображает не только весьма интересную личность ее автора, но и ту социальную, политическую и бытовую обстановку, в которой протекала его весьма бурная жизнь⁴.

Какие же можно сделать общие замечания по поводу историографии итальянского гуманизма?

Профессор Д. Н. Егоров в своих лекциях по историографии, рассматривая итальянскую гуманистическую историографию с точки зрения общего развития исторической науки, дает ей в общем отрицательную оценку. Он полагает, что итальянское Возрождение было антиисторично по своему существу. Эту антиисторичность он видит прежде всего в том, что в эту эпоху будто бы было отброшено без всякой критики, без всякого изучения, «зря», все средневековье, весь тот богатый исторический материал, который был накоплен средневековыми историками. По мнению Егорова, историки эпохи Возрождения, лишены всякого историзма, не проводили никакого различия между временем Ромула и Нумы, с одной стороны, и Цезаре Борджиа — с другой. (Это, конечно, намек на Макнавелли.) Егоров особенно подчеркивает так же тенденциозность писателей Возрождения, которую объясняет тем, что они писали по найму, по заказам тех или иных государств и государей⁵.

Такой приговор представляется чересчур суровым и даже неожиданным после той высокой оценки, которую дает тот же Д. Н. Егоров более ранней эпохе, находя у писателей средневековья, особенно у Гвиберта Ножаиского, все приемы исторической критики. Не будем возвращаться здесь к характеристике средневековых хроник. Напомним лишь, что термин «историческая критика» едва ли приложим к тем отдельным критическим замечаниям по адресу других авторов и источников, которые имеются у Гвиберта Ножаиского⁶.

Приступая к рассмотрению итальянской гуманистической историографии, я указывал, что едва ли ее можно считать научной. Однако вместе с тем, очевидно, что она внесла много нового в историографию и, в частности, дала первые, пусть еще очень слабые, ростки научного исследования и явилась поворотным моментом в развитии историографии.

Историография эпохи Возрождения создала совершенно новую светскую концепцию истории, новую, более близкую к науке периодизацию истории, которая в несколько видоизмененном виде сохранилась и до нашего времени. Эти новые представления, выработанные гуманистической историографией, несомненно, были большим шагом вперед по сравнению со средневековой историографией более раннего периода. Представителям гуманистической историографии был свойствен известный реализм в подходе к истории.

Мне могут возразить, что трудно говорить о реалистическом изображении истории у Бруни, который всегда подчиняет свое повествова-

⁴ «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции». Гослитиздат, М., 1958.

⁵ См. Д. Н. Е г о р о в. Средние века. Историография и источниковедение, вып. 1. М., 1912—1913, стр. 45.

⁶ Во всяком случае этот термин скорее применим к сочинениям Л. Валла и Бьондо. (Прим. ред.)

ные требования риторики, что у некоторых хронистов, например у Виллани, мы находим гораздо более реалистическое изображение событий. С этим нельзя не согласиться. Но вместе с тем у многих историков эпохи Возрождения, особенно у Гвиччардини, Макнавелли, во многих биографиях этого времени мы видим яркие примеры реалистического изображения истории, редко встречающиеся у средневековых авторов.

Мы уже заметили, что гуманистическая историография сделала важный шаг вперед в деле развития приемов исторической критики. Такие авторы, как Л. Валла, Ф. Бьондо и многие более мелкие представители школы эрудитов-собрателей, внесли большой вклад в дальнейшее развитие историографии как области научного знания. То же относится к деятельности историков-гуманистов, как собирателей и систематизаторов средневековых рукописей, монет, археологических материалов⁷.

Уже по одному этому несправедливо обвинять историков-гуманистов, как это делает Д. Н. Егоров, в том, что они просто отбросили средневековые без рассмотрения и изучения этого периода. Мы видим, что они, напротив, впервые стали рассматривать средние века как особый исторический период, которому была посвящена значительная часть их исторических сочинений. Многие из них (например, Валла, Бьондо) тщательно изучали средневековые источники.

Другое дело, что историки XV—XVI вв., как и гуманисты вообще, слишком резко противопоставляли свое время средневековью, которое казалось им эпохой упадка культуры и господства суеверий. Разумеется, они допускали известные преувеличения, отрицая какое-либо положительное значение этого с их точки зрения мрачного периода истории и превознося безоговорочно свою эпоху, но это вовсе не значит, что они пренебрегали изучением истории средних веков и не знали этой эпохи.

Со второй половины XVI в. можно говорить о постепенном упадке и замирании гуманистической культуры в Италии, но именно с этого времени начинается победоносное шествие гуманизма по другим странам Европы.

⁷ Историков-гуманистов можно с полным основанием считать родоначальниками ряда вспомогательных исторических дисциплин, и в том числе источниковедения. (Прим. ред.)

ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВО ФРАНЦИИ И В АНГЛИИ

Причины, которые определяли появление и развитие гуманистической историографии в самой Италии, действовали и в других странах Европы. Но тут дело обстояло несколько сложнее, потому что в этих странах имелись свои местные историографические традиции, иногда идущие вразрез с теми приемами, которые были выработаны к этому времени итальянской историографией. Подобно тому как ряд правителей в Италии заказывал истории для придания своей власти большего блеска и в расчете произвести большее впечатление за границей, так и в других странах Европы появился ряд исторических работ, написанных с той же целью.

Причем первыми гуманистами-историками во многих странах Западной Европы были именно итальянцы. Перенос гуманистической историографии на новую почву совершался довольно просто. Тот или иной государь нанимал гуманиста-итальянца для того, чтобы написать по-новому историю своей страны, например историю Франции или Англии. И только потом здесь начинала развиваться и своя национальная гуманистическая историография, которая нередко вступала в полемику с итальянскими историками-гуманистами, с теми общими взглядами на историю Европы, которые ранее сложились у итальянских историков. Эта полемика занимала очень большое место в гуманистической историографии вне Италии.

Не только в Италии в XVI в., но и в других странах латинский язык в исторических сочинениях скоро был вытеснен языками национальными. Наряду с развитием местной гуманистической историографии появилось особенно во второй половине XVI и начале XVII в. множество переводов сочинений античных историков и итальянских историков-гуманистов на национальные языки.

Во Франции и Англии первыми историографами-гуманистами были итальянцы. Французы ознакомились с Италией, с ее сокровищами искусства во время итальянских походов, и усвоение итальянской культуры стало модой. Правда, влияние этой культуры сплошь и рядом было поверхностным, ограничивалось главным образом усвоением итальянских мод, итальянского убранства, вывозом из Италии худож-

ников и произведений искусства. Таким же образом были приглашены из Италии, между прочим, и историки.

Но надо сказать, что во Франции итальянским историкам-гуманистам пришлось встретиться с уже установившимися историографическими традициями, с которыми им пришлось считаться. Эти традиции оказали сильное влияние на последующее развитие французской гуманистической историографии, может быть, более сильное, чем сочинения итальянских историков-гуманистов, приглашенных во Францию. Эти национальные традиции прежде всего были связаны с «Большими хрониками Франции», официальными хрониками, которые были составлены при Людовике XI и заново переработаны при Людовике XII. В этих хрониках проводилась официальная точка зрения, в них восхвалялись деяния королевской власти во Франции. Сильнейшее влияние на французскую историографию оказал также знаменитый Филипп де Коммин (1447—1511).

Филипп де Коммин сначала был на службе у графа Шароле, наследного герцога Бургундского, будущего Карла Смелого, потом он перешел на службу к французскому королю Людовику XI, от которого получил целый ряд поместий. Кроме того, Людовик устроил Коммину очень выгодный брак, который принес ему титул и сеньорию Аржантонскую. Но после смерти Людовика XI, в политику которого Коммин был ближайшим образом посвящен, он вмешался в борьбу, связанную с вопросом о престолонаследии, и был посажен в тюрьму. Одиннадцать лет он пробыл в заключении, а когда началась война с Италией и Франции понадобились ловкие люди для дипломатических сношений, его освободили. На время он возвратился к политической деятельности, но в конце своей жизни опять был отставлен и в это время написал свои мемуары. Настоящее их название, под которым они впервые вышли в 1524 г.: «Хроника и история, содержащая события, происшедшие во время царствования короля Людовика XI и Карла VIII за период от 1464 до 1498 г.»¹.

Что представляют собой эти мемуары де Коммина? Это — мемуары, написанные лицом, близким к Людовику XI, и проникнутые идеями этого короля, хотя, я бы сказал, не вполне. Де Коммин — защитник идеи объединения Франции под властью короля. Но в то же время он не является приверженцем абсолютной власти монарха. Он придерживается, например, того принципа, что обложение налогами должно производиться лишь с согласия самих облагаемых, и с этой точки зрения является сторонником сословного представительства. Он с симпатией относится к парламентскому строю, в том виде, в каком этот строй установился в Англии. Он видит главное зло в политическом и экономическом разобщении Франции и главными врагами считает крупных феодалов, отстаивающих свою политическую независимость и рвущих Францию на части. Во многом он отражает интересы той верхушечной части горожан, на которую французская монархия опиралась в своей политике собирания Франции. Это не мешает ему разыгрывать из себя гордого аристократа, хотя он стал аристократом только благодаря милостям Людовика XI и своему браку. К людям среднего сословия и состояния Коммин относится с пренебрежением.

Коммин — весьма нескромный писатель, и этим он напоминает Гвиччардини. Это не значит, что Гвиччардини оказал на него влияние,

¹ P h. C o m m i n e s. Chronique et histoire... contenant les choses advenues durant le règne du roi Louis XI. Paris, 1549.

ибо он писал позже Коммина; скорее, наоборот, Гвиччардини находился под известным влиянием Коммина — он даже упоминает о нем. Но манера вскрывать всякого рода тайные пружины дипломатических и политических событий, сообщения о том, кто какую взятку получил, какие переговоры велись за спиной действующих лиц, — а Коммин все это знает — сближают его с Гвиччардини. При этом надо сказать, что Коммин очень ловко обходит все случаи, в которых он был замешан сам и где можно предполагать, что у него кое-что прилипло к рукам. Почему он перешел от Карла Смелого на службу к Людовику XI — этого он не объясняет, и вообще те места, где сам он является действующим лицом событий, ловко затушованы.

Как мемуариста-историка его отличают очень трезвый ум, тонкая политическая проницательность, знание людей и пессимистический взгляд на них. Все люди представляются ему действующими под влиянием низких побуждений, своекорыстных интересов. Людовик XI для него такой же образец правителя, каким для Макиавелли был Цезаре Борджиа. На примере же Карла VIII он старался показать, каким не должен быть правитель и каких ошибок ему следует избегать. Хотя Людовик XI и является для него образцом, однако характеристику его личности и поступков Коммин дает довольно трезво, без всякой идеализации. Вошедшая в школьные пособия характеристика Людовика XI, ставшая до известной степени общим местом, есть результат наблюдений Коммина. Никакого романтического преувеличения в этой характеристике нет. Он говорит, что из всех государей, которых он знал, у Людовика XI было меньше всего недостатков. Если у Людовика XI было меньше всего недостатков, то можно себе представить, каковы же были остальные государи, которых знал Коммин. Он прекрасно разбирается в политике Людовика XI, дает живые портреты самого Людовика, Карла Смелого и окружающих Людовика лиц. В то же время у Коммина, при его знании политических интриг, чрезвычайно скептическое мнение о действительности каких бы то ни было политических мер, если только они не поддержаны силой и хитростью. Он совершенно не интересуется никакими общими принципами политики. Его никак нельзя сравнивать с Макиавелли, хотя в их вкусах, в их отношении к лицам и политическим событиям есть как будто бы много общего. У Коммина его занятия историей не превращаются, как у Макиавелли, в политическую теорию, в политические обобщения. Он считал, что история должна служить для поучения, но полагал, что лучше всего можно учиться на определенных конкретных случаях, которые он и старался сообщать в своих мемуарах.

Может быть, это объясняется той разницей, которая существовала между Италией, и, в частности, Флоренцией, с одной стороны, и Францией — с другой. Во Флоренции постоянная смена правителей, неуверенность в завтрашнем дне, частая необходимость выработки какого-то нового политического статуса — все давало почву для политической мысли, которая не останавливалась перед пересмотром самых основ политического существования государства. Во Франции мы видим твердо установившуюся к тому времени легитимную монархию. Поводов для теоретизирования здесь было меньше. Если о чем и приходилось говорить, то об утверждении этой монархии, об осуществлении единства во Франции.

Если мы возьмем религиозные воззрения Коммина, то увидим, что он стоит не выше своей эпохи, что он, как и Людовик XI, соединяет политическую хитрость и беззастенчивость с примитивной верой в бога.

Людовик XI верил в бога и был глубоко убежден, что он погубил свою душу своими хитростями и предательством, однако это не мешало ему снова и снова совершать вероломства и предательства. У Коммина мы видим любопытную религиозную комбинацию: он убежден, что бог безусловно руководит всем и ему принадлежит окончательное решение в истории, но обычно выигрывает более сильный и более хитрый. Таким образом, бог сам по себе, а сила и хитрость сами по себе; они-то, с точки зрения Коммина, являлись решающими в истории, которая в его изображении выступала как история дипломатических и политических интриг. Коммин, скорее, не историк, а мемуарист, он не исследует, не проверяет, а полагается на свою память. Поэтому у него встречаются довольно грубые ошибки, особенно хронологические.

Мемуары Коммина написаны сильным французским языком. Его часто обвиняют в том, что его французский язык недостаточно правилен, недостаточно выдержан, не свободен от вульгаризмов и ошибок, но он необычайно красочен, выразителен и ярок, хотя и грубоват.

Коммин оказал большее влияние на дальнейшее развитие французской историографии, чем гуманистические писатели.

Около 1499 г. Людовик XII пригласил гуманиста Павла Эмилия из Вероны, или Поля Эмиля, как его называли французы, и поручил ему написать историю Франции на латинском языке. В период между 1516 и 1539 гг. Павел Эмилий написал «Десять книг о деянии франков»², доведя изложение до 1488 г.

Павлу Эмилию при составлении своего труда пришлось считаться с рядом традиций и прежде всего с существованием во Франции официальных хроник, которые имели своей целью восхваление французской монархии. Эти «Большие хроники» опирались на чисто средневековые традиции и принимали на веру очень много чудес и совершенно невероятных легенд. Ввиду их официального характера Павлу Эмилию пришлось не мало поработать для того, чтобы обойти все сомнительные места. Он старался либо не упоминать совсем об особо чудесных и невероятных вещах, либо говорить о них, как о мнении или предположении, высказанном теми или другими лицами. Например, в «Больших хрониках» говорится о том, что франки произошли от троянцев. Это представляется невероятным писателю-гуманисту, поэтому он говорит, что франки утверждают, что они происходят от троянцев. Историю Роланда, которая с XIII в. включается во французские хроники как действительное происшествие, перейдя туда из эпической литературы, он устраняет совсем. Затем он старается по возможности отбросить все чудесное в тех случаях, когда его нельзя объяснить как-нибудь рационалистически.

Но нового материала он дал сравнительно мало. Вся его переработка хроник состояла в том, что он написал свое сочинение на отличном латинском языке и подверг довольно поверхностной гуманистической критике содержание этих хроник.

Надо сказать, что это сочинение во французской историографии долгое время оставалось до известной степени изолированным. «Большие хроники» имели гораздо большее распространение и значение во Франции, чем эта переработка их в гуманистическом духе.

Из гуманистических исторических сочинений во Франции надо отметить произведение Жака-Огюста де Ту (1553—1617), или Якобуса-Августа Туануса, как называл он себя по-латыни, охватывающее историю Франции от 1546 до 1607 г. Он писал эту работу с 1593 по 1617 г.

² Paulus Emilius. De rebus gestis francorum libri X. Parisiis, 1516—1539.

и не успел ее закончить. Его произведение, названное «История моего времени»³, находится в прямой связи с итальянской гуманистической историографией и было задумано как продолжение «*Historiarum sui temporis*» Паоло Джовио. Как и Джовио, де Ту написал свою работу в виде всемирной истории, но в действительности это, скорее, национальная история Франции.

Де Ту стоял вполне на почве гуманистической историографической традиции: переводил на латинский язык не только все термины, но даже все собственные имена. Поэтому в 1634 г. понадобилось издать специальный словарь «Ключ к истории де Ту», ибо часто трудно было узнать собственные имена в той латинской форме, которую он им придавал. Де Ту подражал не только Джовио, но и Гвиччардини, которого очень восхвалял.

Работа де Ту написана под впечатлением религиозных войн. Де Ту сам находился на королевской службе, исполнял поручения дипломатического характера, участвовал в составлении Нантского эдикта. Поэтому основная его тенденция — стремление примирить гугенотов с католической церковью путем законодательных мер, а не путем насилия. Его идеал — политика Генриха IV и Нантский эдикт.

При всех попытках подражания Гвиччардини, при всем преклонении перед ним де Ту не хватает той трезвости ума и того скепсиса, которым пропитаны сочинения итальянского историка. Его общее мировоззрение наивно религиозное. Он полагал, что вся история направляется божественной справедливостью к благим богом предназначенным целям. Поэтому он не ограничивался изложением только политических событий, но останавливался на церковных вопросах и законодательных мероприятиях.

Итак, если говорить об историографии XVI в. во Франции в целом, то надо признать, что основное влияние на нее оказали не итальянские гуманисты, а историки Франции, в гораздо большей степени связанные со средневековой традицией, с «Большими хрониками» и с мемуарной литературой XV в. Вообще, если сравнивать гуманистическую историографию в Италии, где она была полностью господствующей формой, с тем, какую роль играла эта историография в других странах в XVI в., то надо признать, что в странах к северу от Альп в историографии гораздо сильнее была церковная и средневековая традиция.

В Англии начало гуманистической историографии также связано с приглашением итальянца. Ту роль, которую сыграл Павел Эмилий во Франции, в Англии сыграл Полидор Вергилий (ок. 1470—1555), ставший родоначальником гуманистической историографии в Англии. Он был послан в Англию в 1501 г. папой Александром VI как помощник сборщика денария св. Петра. В 1507 г. Генрих VII поручил ему написать историю Англии. За это сочинение он получил ряд церковных бенефициев. К концу своей жизни Полидор Вергилий вернулся в Италию.

Его работа «История Англии в 27 книгах» (1555)⁴ начинается с древнейших времен и доводится до 1538 г. В некоторых отношениях Полидор Вергилий был свободнее, чем Павел Эмилий, потому что в Англии не было авторитетных хроник, с которыми он должен был бы считаться, но он был стеснен с другой стороны: его заказчиком сначала был Генрих VII, а затем Генрих VIII. Угодить таким заказчикам было задачей нелегкой. Приходилось быть очень осторожным.

³ J. A. de Thou. *Historiarum sui temporis*, vol. 1—7. Paris, 1604.

⁴ Polydorus Vergilius. *The Anglica Historia of Polydore Vergil*. Ed. with a transl. by D. Hay. London, 1950.

Полидор Вергилий несколько отличается от обычных риторических писателей типа Бруни; он был, скорее, собирателем материала, подобно Бьондо. Он писал свою сравнительно небольшую историю в течение 26 лет, тщательно собирая для нее материал, причем не ограничился только политической историей, но собрал данные и по истории права, науки, церкви. При этом он избегал всяких риторических украшений. Подобно Бьондо, он старался по возможности опираться на самые древние источники, как на более достоверные. Его заслуга в том, что он открыл ряд первоисточников по истории англосаксонского периода, например сочинение Гильдаса⁵. Но ему приходилось очень считаться со вкусами Тюдоров, в частности Генриха VII, поэтому он принужден был включать в свое изложение и некоторые баснословные истории, которые должны были восхвалять древних английских королей. Так, он не мог исключить легенду о короле Артуре, но ввел ее в свое изложение очень осторожно. Полидор Вергилий очень верно обрисовал Генриха VII, но не посмел сделать это в отношении Генриха VIII. В общем Полидор — слабый историк. Связь между событиями он устанавливает очень плохо, обобщения у него заменены моральными рассуждениями. Он опасался затрагивать церковь, так как Генрих VIII в то время был католиком и получил от папы титул «defensor fidei» («защитник веры»). Поэтому Полидору очень часто приходилось в своем сочинении признавать чудеса и говорить о чудесном. Он утверждал, что англичане — самый религиозный народ в мире.

К школе Бьондо принадлежал еще один историк конца XVI — начала XVII в. — англичанин Уильям Кемден (1551—1623), который был связан со двором Елизаветы и Якова I. Он написал «Летопись истории Англии и Ирландии в царствование Елизаветы»⁶, полностью опубликованную в 1615—1625 гг. Кемден — сухой собиратель материалов. Он стремился опираться на официальные документы, обнаруживая при этом большую добросовестность, но его труд скорее, сборник фактов, чем история. Описывает он события с верноподданнических позиций. Суждений политического характера мы у него не встретим. Следует отметить, что Кемден внес в свое сочинение, нарушая гуманистическую традицию, очень много данных о церковных делах и попытался установить связь между политической и церковной историями. Это, очевидно, связано с тем, что в эпоху Елизаветы, после реформации и контрреформации Марии, церковный вопрос был одним из важнейших вопросов английской политики.

Но в английской историографии XVI — начала XVII в., кроме последователей Бьондо, были и последователи Макиавелли и Гвиччардини. Из них самым крупным был знаменитый философ Френсис Бэкон (1561—1626).

Бэкон — в первую очередь историк-политик. Для него те или иные исторические материалы являются поводом для обобщений политического характера. Бэконом была задумана большая история эпохи Тюдоров, однако он успел написать только первую часть этой работы — историю Генриха VII, которая была издана на английском языке в 1622 г., а потом переведена самим же автором на латинский язык. Подзаголов-

⁵ Гильдас (ок. 516—570) — древнейший историк бриттов, автор «Истории разорения и завоевания Британии» (Gildas. Historia de excidio et conquestu Britanniae. London, 1901), которая представляет собой источник по истории британских кельтов и англосаксонского завоевания Британии. (Прим. ред.)

⁶ W. Camden. Annales regum Anglicarum et Hibernicarum regnante Elizabetha. Londini, 1613.

ком к этой «Истории царствования короля Генриха VII»⁷ поставлены слова: «Opus vere politicum» («Произведение по преимуществу политическое»), что вполне характеризует ее содержание. Эта книга была написана Бэконом в то время, когда он уже находился в отставке и его политическая карьера была окончена⁸, так же как у Гвиччардини, когда он писал свою «Историю Италии». В самом тоне повествования Бэкона очень много общего с Гвиччардини, в нем нет никакой риторики и морали, это чистая политика. Бэкон в этой книге выступает идеологом абсолютизма, и она по существу посвящена не только Генриху VII, но вообще создателям абсолютизма. Если в Генрихе Бэкон видел создателя тюдоровского абсолютизма, то не менее он восхищался двумя другими королями — Людовиком XI и Фердинандом Католиком. Интересно отметить, что два последних как основатели сильной монархии во Франции и Испании были также предметом восхищения Макиавелли и Гвиччардини.

Содержание этой книги Ф. Бэкона ограничивается главным образом вопросами политики в том смысле, как ее понимал и Гвиччардини, т. е. вопросами дипломатии и тех тайных пружин, которые движут политическими событиями. Но иногда Бэкон по своим взглядам шире Гвиччардини: он затрагивал историю законодательства, привлекал экономические данные, хотя на вопросы экономики он смотрел лишь глазами политика.

Форма этого произведения Бэкона очень близка к форме гуманистической. Бэкон приводит много речей, однако в книге отсутствует торжественная манера изложения; она написана простым, сильным, энергичным языком, иногда вульгарным, но очень индивидуальным. В книге чувствуется сильная индивидуальность автора, его острый, наблюдательный глаз. Однако надо сделать одну очень существенную оговорку. Бэкон, один из творцов материалистического мировоззрения, в своих философских построениях обходил те проблемы, которые могли так или иначе задеть церковь (или из почтения, или, скорее, из соображений личной безопасности), и таким же образом он поступал и в этой исторической работе. Когда дело доходило до религии, то его резкие суждения и индивидуальный взгляд на вещи обычно ему изменяли; для религии у него находились только слова, полные почтительности.

В обращении с источниками он так же свободен, как Макиавелли и Гвиччардини. Источниками он пользовался лишь постольку, поскольку они были полезны для подтверждения того или иного его положения. Таким образом, к его интерпретации источников надо относиться очень осторожно.

Таковы крупнейшие представители гуманистической историографии в Англии.

⁷ F. Bacon. The history of the reign of king Henry the VII. Cambridge, 1889.

⁸ Ф. Бэкон с 1618 по 1621 г. занимал должность канцлера Англии. В 1621 г. он подвергся опале со стороны Якова I, был обвинен в финансовых злоупотреблениях и после этого отошел от политической деятельности. (Прим. ред.)

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМАЦИИ И КОНТРРЕФОРМАЦИИ
В ГЕРМАНИИ

Когда мы теперь переходим к Германии, то нам приходится отмечать ряд характерных черт, которые отличают германскую гуманистическую историографию, с самого начала очень сильно окрашенную в религиозные и националистические тона. Если итальянский гуманизм решительно проводит секуляризацию истории, обмирщение ее, то в Германии XVI в. на историографии все еще заметно влияние религиозного мировоззрения.

Если сравнивать немецкий гуманизм с итальянским и даже с французским, то заметно, что в Германии новое мировоззрение органически связано с веками наибольшего развития феодализма. Здесь нет того разрыва с прошлым, который так характерен для гуманизма в Италии. Возьмем хотя бы область изобразительного искусства того времени. Какая значительная разница между художниками средневековья и художниками Возрождения в Италии! Если же вы возьмете художников Возрождения в Германии — Кранаха и Дюрера, например, то у них ясна связь не столько с античностью, сколько с искусством феодальной эпохи.

В Германии в конце XV — начале XVI в. назревало огромное движение социально-религиозного характера. В то же самое время, когда там начинает развиваться гуманизм, там начинается и реформация, которая, выдвигая в области идеологии на первый план религиозные вопросы, не могла быть благосклонна к течению, ставившему как один из краеугольных камней обмирщение науки, освобождение ее от церковного влияния. В Германии поэтому гуманистическая историография быстро перерастает в историографию реформации и контрреформации.

Это сказывается даже на таких крупнейших представителях немецкого гуманизма, как Эразм Роттердамский, Рейхлин, Ульрих фон Гуттен. У них проблемы подготовки религиозной реформации играют определяющую роль в их гуманистических интересах. Эти великие немецкие гуманисты сыграли крупнейшую роль в историографии, хотя сами они и не были историками. Та работа, которую проделал Эразм Роттердамский или Рейхлин над старинными текстами, все применяемые ими подготовительные приемы исторической и филологической критики, вся эта

работа над изданием правильных текстов — их крупная заслуга перед наукой.

Ульрих фон Гуттен, например, издал в 1517 г. в Германии сочинение Лоренцо Валлы о «Константиновом даре», хотя в данном случае им руководили не столько побуждения научно-гуманистического характера, сколько стремление причинить неприятность папе и поддержать реформационное течение. В 1520 г. он же издал памфлеты из эпохи борьбы императоров с папами, направленные против пап. Как истинный гуманист, он извиняется в предисловии за плохой литературный стиль этих памфлетов.

Из крупных гуманистов, которые были в то же время и историками, можно назвать Беата Ренана (1486—1547). Это был друг Эразма, один из крупнейших гуманистов Германии, прекрасный знаток языков, обладавший очень серьезной филологической подготовкой, способный к изданию и критике источников. У него есть историческая работа — «История Германии в трех книгах»¹, написанная в стиле Бьондо и изданная в 1531 г. Он обращается к первоисточникам, преимущественно к древнейшим первоисточникам германской истории, очень хорошо их цитирует и с большим критическим чутьем разбирается в той массе лжи и необоснованного материала, который приводится в средневековых немецких хрониках. Но все же он, скорее, собиратель и знаток материала, нежели историк. Обобщений он не дает.

В силу особенностей общественно-политического развития Германии в XVI в. гуманизм там оказался задавленным новым реформационным богословским мировоззрением, которое принесло с собой укрепление теологического взгляда на историю, созданного еще Августином. Во многих немецких исторических сочинениях этого времени мы, в отличие от Италии, видим, скорее, продолжение августиновского, средневекового мировоззрения, чем разрыв с ним. В Германии нет секуляризации и модернизации истории, поэтому тип средневековой хроники продолжает развиваться там и в XVI в. Этому способствуют и другие обстоятельства — живучесть в Германии традиций средневековой германской империи, которые в Италии потеряли всякий смысл и значение. Эту традицию немецкие историки стараются поддержать. Поэтому форма всемирной истории, идея 4 монархий, в частности четвертой (римской) монархии, которая продолжается до того времени, когда пишут историки-гуманисты, в Германии сохраняется, тогда как в других странах эти формы и идеи историописательства изживают себя.

Следует отметить еще один момент, который в Германии был особенно обострен, — национальный. Германия противопоставляла себя Италии, главным образом папскому Риму, еще настойчивее, чем Франция и Англия. В этом проявилось начало национального движения в Германии, которое все время сопровождало реформацию и было связано с пробуждением национального самосознания в кругах бюргерской, рыцарской и крестьянской оппозиции.

Наконец надо заметить, что Германия в конце XV — начале XVI в. переживает полосу политического кризиса. Германская империя в XV в. была значительно ослаблена. Ряд ее областей сделался добычей более сильных соседей. Эпоха Карла V также ознаменована рядом внутренних столкновений. В конце его царствования империя буквально распадается. Все это вызывает чувство оскорбленной национальной гордости, что также усиливает националистические мотивы в историографии.

¹ Beatus Rhenanus Rerum germanicarum liberi tres. Basel, 1531.

Для примера можно сослаться на книгу Якова Вимпфеллинга² «Краткая история Германии»³ (1505).

Книга Вимпфеллинга — националистическая история, направленная главным образом против Франции. Так как усилившаяся, особенно со времени Людовика XI, французская монархия стремилась к захвату западных земель империи, то Вимпфеллинг хочет доказать, что у французов нет никаких прав претендовать на эти земли. Поэтому он доказывает, что Карл Великий был немцем. Аргументация его в этом вопросе чисто ребяческая: он говорит, например, что безразлично, где родился Карл Великий, но во всяком случае он был немцем, потому что писал книги на немецком языке. Все это — чистейшая ерунда. Мы знаем, что Карл Великий едва умел писать вообще, плохо умел подписать свое имя и, конечно, не мог писать книги, да еще на немецком языке. Кое-какие данные взяты автором из Эйнгарда. Он говорит, что Карл назвал 12 месяцев немецкими именами. Но самое главное, по словам Вимпфеллинга, — это то, что Карл своих сыновей и дочерей назвал не французскими, а немецкими именами, как, например, Адельгейда и т. д. Затем Карл жил часто на восточном берегу Рейна, строил там замки. Неужели француз стал бы обогащать немецкую территорию! Таков характер всей его аргументации. Ссылаясь на Тацита и других античных писателей, Вимпфеллинг доказывает, что по Рейну и Эльбе жило германское племя триботов, которые были предками страсбургских жителей. Он утверждает также, пытаясь опровергнуть данные Цезаря, что Эльзас никогда не входил в состав Галлии и искони был германской землей. Так в Германии возникает националистическая историография, облеченная в гуманистическую форму.

Приведу еще более яркий пример того, во что превращается гуманистическая историография в Германии. Это «Всемирная история», написанная известным протестантским теологом, последователем М. Лютера, Филиппом Меланхтоном (1497—1560). Он считается одним из крупнейших представителей гуманистической историографии в Германии. А между тем его «Всемирная история» до такой степени окрашена церковными тонами, что ее трудно признать гуманистической, если не говорить о ее внешней форме — о хорошей гуманистической латыни, на которой она написана, о многих греческих словечках, которые вставляются в текст, и о широком использовании античных историков.

Эта «Всемирная история» напечатана в «Corpus reformatorum» — в огромном собрании сочинений, издававшемся с 1834 г. Бретшнейдером и др. (сочинения Меланхтона занимают в этом издании 28 томов). Хроника озаглавлена таким образом: «Хроника Кариона, изложенная по латыни и дополненная»⁴. Это произведение Меланхтона, впервые опубликованное в 1558—1560 гг., основано на другой, более ранней хронике, написанной неким Иоганном Карионом (1499—1538).

Карион написал на немецком языке хронику 4 монархий от сотворения мира до 1532 г. и прислал ее для исправления Меланхтону. Тот ее исправил и напечатал от имени этого Кариона. Она выдержала несколько изданий, потом была переведена на латинский язык и уже на латинском языке переиздавалась еще более 10 раз.

² Яков Вимпфеллинг (1450—1528) — профессор теологии в Гейдельберге, затем в Страсбурге. (Прим. ред.)

³ J. W i m p h e l l i n g. Epitoma rerum germanicarum usque ad nostra tempora. 1673.

⁴ Ph. M e l a n c h t o n i s. Chronicarum ab orbe condito usque ad Carol. Magnum. Basileae, 1560.

После этого Меланхтон приступил к самостоятельной переработке этой хроники и дополнил ее целым рядом новых данных. В этом переработанном виде он довел хронику Кариона только до эпохи Карла Великого.

Работа Кариона написана совершенно в стиле средневековых хроник. Дело здесь начинается с сотворения мира. Рассказывается главным образом история еврейского народа, в которой сосредоточены все судьбы человечества, и показывается, как в ходе ее постепенно раскрывается истинное учение бога. Такой же характер носит последующее изложение «Истории 4 монархий». Здесь нет почти никакой критики. Вся история подчинена богословско-педагогическим целям. Цель этой хроники — доказать истинность того евангельского учения, которое выражается в лютеранстве. Надо сказать, что сам Лютер считал историю могучим орудием религиозной пропаганды. В конце своей жизни Лютер писал, что в молодости, когда он не был достаточно сведущ в истории, он нападал на папство только на основании писания, как бы *a priori*, но затем папство стало подвергаться нападкам *a posteriori* — на основании истории. При этом он высказывает удовлетворение по поводу того, что данные истории в этом отношении подтверждают писание.

В этих словах Лютера заключена программа, которую должен был проводить каждый протестантский историк в защиту своих церковно-политических целей. Этой программе подчинено и основное содержание «Истории» Меланхтона. Для него история является орудием политики деятелей реформации.

Политические взгляды Меланхтона — это взгляды робкого буржуа, который преклоняется перед всякой властью (как это вообще характерно для лютеранства). Меланхтон сам говорит, что он любит середину. История, по его мнению, должна научить государственных людей политике мира и справедливости. В истории он, подобно средневековым хронистам, видит направляющий перст божий, который у Меланхтона всюду выступает с надоедливой настойчивостью.

Хроника начинается с предисловия, в котором говорится о той многообразной пользе, которую может принести изучение истории. Главную пользу история может принести церкви. Меланхтон говорит, что история — это дело богоугодное, потому что сам бог хочет, чтобы люди знали, каково начало рода человеческого, каким образом была учреждена церковь, как распространялась христианская вера. Сам бог хочет, чтобы люди знали разницу между истинной церковью и всякого рода сектами, чтобы знали, какова была церковь в разные времена. Таким образом, по его мнению, само писание истории есть выполнение воли божьей. Меланхтон излагает историю по 4 монархиям, как излагали ее старинные средневековые хроники.

Это связано с его мыслью, что в истории постоянно осуществляется то, что было предсказано пророками, в частности, осуществляется и знаменитое пророчество Даниила о 4 монархиях. Учение этих пророков есть истинное божественное учение, которое люди должны знать. Но они должны знать также, какие заблуждения и ереси имели место в истории и какая велась с ними борьба. В частности, он хочет показать, что папство и католические учреждения, как, например, монашество, возникли как заблуждение.

Возникновение папства и монашества он связывает с тем упадком культуры, который наступил после разрушения Римской империи готами, вандалами и гуннами, в результате чего появились новые формы учения и утвердились многие суеверия.

Далее в качестве причин, которые заставляют его писать историю, Меланхтон указывает на то, что сличение истории язычников и христиан показывает разницу между язычеством и христианством. В то время как в истории языческих народов виден только карающий бог, в истории христианских народов проявляется также божья милость и божья благодать.

Меланхтон перечисляет все способы периодизации истории, принятые до него, но главным образом он останавливается на делении по 4 монархиям. После 4 монархий должен наступить конец мира. Его рассуждения о 4 монархиях довольно любопытны.

В пророчестве Даниила, заявляет Меланхтон, говорится о колоссе, у которого голова золотая, грудь серебряная, чрево медное, а ноги частью железные, частью глиняные. Некоторые, говорит Меланхтон, под железными ногами понимают турок, но он доказывает, что к туркам это пророчество не относится, и считает, что железные и глиняные ноги обозначают германских императоров, из которых одни были достойными носителями корон, а другие — дураками. Турецкая же империя не входит в число 4 монархий; это особая статья, это Гог и Магог, о которых говорит пророк Иезекииль.

Любопытно представление Меланхтона о старости мира, представление, которое мы отмечали и у Оттона Фрейзингенского. Меланхтон рисует свое время как старость мира, исполненную смут, волнений и гибели империй. Нашествие турок связывается у него с этим представлением о старости мира.

Давая историю от сотворения мира, с разными экскурсами в историю Рима, Македонии, Персии, Сирии, диадохов, Меланхтон обнаруживает довольно широкое знакомство с античными писателями. Касаясь истории германцев, он с некоторым патетическим воодушевлением останавливается на борьбе Арминия с Римом. Тут, конечно, имеет значение борьба Германии эпохи реформации с папским Римом. Вслед за Валлой он совершенно отвергает подлинность «Константинова дара». Он доказывает, что до Пипина вообще у пап не было никакого светского государства. В конце своего изложения он обращается к вопросу о возникновении мусульманства и его распространении и излагает его довольно фантастически. Интерес к этому вопросу был вызван теми успехами, которых достигла турецкая империя в XVI в.

«Всемирная история» Меланхтона по своему языку и использованию довольно широкого круга античных историков близка к трудам гуманистов, но самое мировоззрение этого произведения гораздо ближе стоит к средневековым хроникам. Хотя оно написано не «*ad maiorem gloriam patris*», но «*ad maiorem gloriam reformationis*» («не ради прославления папы», но «ради прославления реформации»), но тенденция та же самая: написано оно в духе теологическом.

Как лютеранский теолог Меланхтон пишет свою историю для поругания католицизма. Мы знаем также, как он расправлялся с демократическими течениями в реформации. Достаточно известна та гнусная клевета, которую он распустил про Мюнцера и которую за ним повторял ряд историков. Мюнцер оклеветан в памфлете Меланхтона — «*Весьма поучительная история Томаса Мюнцера, зачинщика тюрингского мятежа*»⁵, написанном, по-видимому, вскоре после событий Крестьянской войны.

⁵ В настоящее время большинство историков-специалистов считают сомнительным, что автором этого памфлета был Меланхтон, и видят в нем явную фальсификацию описываемых событий Крестьянской войны. Однако до сих пор имя действительного авто-

В лютеранском же духе написана работа, которая выдержала много изданий и до XVIII в. продолжала оставаться школьным пособием, — именно книга И. Слейдана (1506—1556), составленная «для пользы юношества». Она была издана в 1556 г. под названием «О четырех верховных монархиях»⁶. Изложение в ней доведено до времени правления Карла V. Она напоминает сочинение Меланхтона, но составлена гораздо более кратко. Вся она подчинена одной основной идее, что история руководится непосредственно перстом божьим и развивается по схеме 4 монархий. Книга заканчивается в пессимистических тонах. Истолковывая пророчество Даниила о колоссе с глиняными и железными ногами, Слейдан предлагает понимать его так, что ноги заканчиваются ступнями, а ступни разделяются на пальцы, и это разделение ступней ног на пальцы символизирует распад Германской империи. Это, по мнению автора, знаменует уже конец мировой истории.

Как краткое пособие по истории для юношества книга Слейдана долгое время пользовалась исключительной популярностью в протестантских странах. Не меньшее влияние имели и его «Комментарии относительно состояния церкви и государства в царствование Карла V» (1555), посвященные истории религиозно-политической борьбы в Германии между 1517 и 1555 гг.⁷ Слейдан, юрист по образованию, учился во Франции, был секретарем кардинала де Белле, вел по его поручению переговоры с Шмалькальденским союзом. По возвращении в Германию получил от ландграфа Гессенского поручение написать историю реформации в защиту интересов протестантских князей. Книга Слейдана была написана с большим тактом. Защищая интересы протестантских князей, он избегал слишком выдвигать эту тенденцию, предпочитая прятаться за якобы беспристрастным изложением фактов, чаще всего выдвигая подлинные документы, которые он соответствующим образом подбирал и слегка изменял. Слейдан вел полемику в очень умеренном и сдержанном тоне (что вовсе не характерно для эпохи гуманизма и реформации). Все это придавало его изложению внешний вид беспристрастия и тем самым содействовало успеху его целей. Изложение у Слейдана простое и ясное, но неглубокое. Главное содержание его труда — политическая борьба, развернувшаяся на почве реформации. Часто он ограничивается мозаичной передачей фактов и документов, не устанавливая связи между событиями. Не всегда умеет он отличать существенное от второстепенного. Главное достоинство книги Слейдана — обилие документального материала, хотя и не всегда точного. До XIX в., когда историкам открылись архивы, Слейдан считался первым авторитетом по истории реформации. Надо, впрочем, сказать, что он повторил все клеветы Меланхтона на Мюнцера.

Вы видите, как сильно отличается по самому своему духу и характеру эта реформационная историография от гуманистической историографии Италии. Куда делось главное завоевание гуманистической историографии — обмирщение истории, ее секуляризация, ее стремление объяснить ход истории естественными причинами, исключить всякое божественное вмешательство в историю? Все это исчезает. История опять

ра памфлета остается неустановленным. Поскольку вплоть до конца XIX в. памфлет приписывался Меланхтону, он был опубликован в собрании сочинений Меланхтона (Ph. Melancton. Werke, Bd. I. Leipzig, 1829). Подробнее об этой «Истории Томаса Мюнцера» см. в кн.: М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война, изд. 2. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 480—481. (Прим. ред.)

⁶ J. S l e i d a n u s. De quattuor summis imperiis, libri tres. Lugduni, 1631.

⁷ J. S l e i d a n u s. De statutu religionis et reipublicae. Strassburg, 1555.

делается служанкой богословия, но уже нового, протестантского богословия, служанкой реформации. Не замедлила история также, как мы увидим, сделаться и служанкой контрреформации.

Демократическое течение в реформации отразилось в творчестве Себастиана Франка (1499—1542). Всю жизнь он посвятил борьбе за дело народа. Его непрерывно преследовали и император, и папа, и князья, и дворяне, и городские власти, и лютеранские реформаторы, и гуманисты.

Франк получил прекрасное гуманистическое образование, знал латинский, греческий и древнееврейский языки, был глубоко начитан в средневековой и современной ему философской и исторической литературе. В 20-х годах он примкнул к лютеранскому движению, но затем его оттолкнуло от лютеранства то обстоятельство, что оно, отвергая католическую приверженность к догме «Священного писания», вводит в сущности то же самое, но в несколько другой форме. За догматическими ухищрениями и толкованиями эта реформированная церковь, от которой он так много ожидал, забывает моральное воспитание. Моральное возрождение и социальная справедливость — вот чего ожидал Франк от новой церкви, но он получил старое богословие, только в новой форме. Он говорит, что «они опять возвращаются к Моисею от Христа». В то же время его возмущает отношение лютеранства к народным массам, его прислужничество по отношению к богатым и властью имущим.

Совершенно невыясненным является вопрос, принимал ли Франк какое-либо участие в Крестьянской войне и каковы были его связи с вождями крестьянства, в частности с Мюнцером. Во всяком случае события и идеи Крестьянской войны, несомненно, оказали на его взгляды известное влияние.

Франк порывает с правоверным лютеранством. В опубликованном в 1528 г. труде «Об отвратительном пороке пьянства»⁸ он выступает против догмата оправдания верой. В этой книге он выступает против узости лютеранской догматики, он говорит, что лютеранство оставляет в пренебрежении нравственное воспитание верующих. Все это сочинение, написанное необычайно сильным языком, проникнуто ненавистью к князьям, дворянам, богачам и духовенству.

Франку пришлось переселиться в Нюрнберг, бывший в это время одним из центров религиозного радикализма. Но и оттуда религиозные преследования заставили его в 1529 г. переселиться в Страсбург, где было много анабаптистов и антитринитариев, с которыми он близко сошелся. В Страсбурге он написал свое главное историческое произведение «Хроника, летопись и историческая библия от сотворения мира до 1531 г.»⁹, в котором дал не только изложение всемирной истории, но и очерк будущего общества. Он резко высказался против преследований, которым подвергались в Германии радикальные сектанты, и зачислил в число еретиков всех тех князей, императоров и богословов, которые их преследовали. По доносу Франк был выслан из Страсбурга и после ряда странствий поселился в Ульме, где основал типографию и, несмотря на непрекращающуюся травлю, издал ряд новых произведений. Затем ему пришлось покинуть также и Ульм и переселиться в Базель. Но и тут враги не оставили его в покое, и ему пришлось снова и

⁸ S. Franck. Von dem grewlichen laster der trunckenheit. Ulm (?) 1531 (?)

⁹ S. Franck. Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbuel von Anbegynn bis 1531. Strassburg, 1531.

снова менять местожительство. Полагают, что он умер в Голландии. По некоторым сведениям, он был задушен своими противниками.

Франк — один из наиболее интересных и мало исследованных мыслителей XVI в. Буржуазные исследователи дали неверное его изображение.

Важнейшие работы Себастиана Франка кроме уже упомянутой «Хроники, летописи и исторической библии» — «Книга о мироздании» (1534), «Двести восемьдесят парадоксов» (1535), «Хроника Германии» (1538), «Пословицы, прекрасные, мудрые красивые поговорки»¹⁰ и много других. Франку принадлежит также ряд переводов, в том числе перевод на немецкий язык «Похвалы глупости» Эразма Роттердамского.

Себастиан Франк выступает перед нами не только как историк, но и как глубокий философ, с необычайными для его времени элементами диалектики и историзма, хотя он, конечно, еще полностью стоит на идеалистических позициях. Реальный мир представлялся ему отражением истинного мира идеи (или «сущности»). Сущность, которую он отождествляет с разумом и свободой, постоянно совершенствуется, ломая отжившие формы. Все устаревшие формы душат содержание и должны быть отброшены. Человек по своей природе активен и призван вечно преобразовывать мир в соответствии с разумом. Поэтому должны быть уничтожены устаревшие политические формы, церковь, феодальная эксплуатация. Форма, буква, по мнению Франка, — «крепость дьявола». С этой точки зрения он обрушивается на лютеранство с его приверженностью к букве Писания.

В корне всего мировоззрения Франка лежит идея прогресса на основе разума и свободы. Разум является истинным двигателем истории. Учение о развитии и прогрессе лежит и в основе философии истории Франка. Он считает, что все в природе и в обществе непрерывно изменяется по определенным разумным законам. Франк отбрасывает идею о вмешательстве сверхъестественного в историю. Сущность истории заключается в постоянном приближении формы общества к истинному разуму. История представляется Франку как ряд этапов в поступательном движении разума. С этой точки зрения он хочет пересмотреть все прошлое.

Франк не был самостоятельным исследователем. Он брал материал у других историков, но давал ему свое освещение, стараясь установить причинную связь явлений.

Маркс отметил большое историческое значение деятельности Франка. Говоря о предыстории Крестьянской войны, он отмечает в своих «Хронологических выписках», что в этот период выступил «великий Себастиан Франк» и что его сочинения «размножались в бесчисленных перепечатках»¹¹. Маркс отмечает из сочинений Франка «Парадоксы» и «Собрание немецких пословиц», которое «читалось горожанами и крестьянами так же, как немецкая библия»¹², «Хронику, летопись и историческую библию» и «Хронику Германии». Маркс подчеркивает, что Франк считал Христа только героическим человеком-реформатором и рассматривал все религии и секты как равноценные.

¹⁰ S. F r a n c k. Weltbuch: Spiegel und Bildtnisz des gantzen Erdtbodens. Tübingen, 1534; S. F r a n c k. Paradoxa. Jena, 1909; S. F r a n c k. Germaniae Chronicon. Frankfurt, 1538; S. F r a n c k. Sprichwörten, schöne, weise, herzliche Klügreden. Franckenfurt, 1575.

¹¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 179.

¹² Там же.

Франк был чужд националистических пристрастий Вимпфеллинга и других немецких историков того времени, решительно утверждая, что Карл Мартелл, Пипин Короткий и Карл Великий были не немцами, а французами, что империя Оттона ничего общего не имеет с действительной империей, что христианство в Германии ничего общего не имеет с действительным христианством.

Для Франка истинными носителями мирового разума и, стало быть, высших целей истории являются не верхи общества, а беднейшие слои. Вся история наполнена непрерывной борьбой между бедными и богатыми. Поэтому, с точки зрения Франка, писать историю — значит разоблачать князей, духовенство и дворян, а также тех историков, которые им потворствовали. В этом воспитательное значение истории.

У Франка мы находим весьма здравую критику источников. Он указывает на пристрастность средневековых хроник, в большинстве потворствовавших господам или написанных несведущими и бестолковыми монахами. Хроники вечно противоречат друг другу. Франк высоко ставит античных писателей, но считает, что с наступлением средневековья (самого этого термина у Франка нет) воцарилось невежество и варварство, хроники стали недостоверны и пристрастны. Стремясь прежде всего к определенным выводам морального характера и не всегда находя для этого фактический материал в своих источниках, Франк иногда строит гипотезы чисто рационалистическим путем.

Вместе с тем, несмотря на этот критический дух, он не всегда мог отделаться от представлений, укоренившихся в исторических сочинениях того времени, например о знаменьях, о фантастических полудюдах-получудовищах с собачьими головами, с глазами под носом или на груди и т. д.

Посмотрим, как Франк рисует ход всемирной истории. Он различает три стадии в развитии общества. Первая — первобытная — еще не знает тирании и всех видов угнетения. Вторая стадия характеризуется возникновением собственности, государства, сословного строя, крепостного права. Третья стадия — это стадия свободы, возведенная древними мудрецами и Христом, но еще неосуществленная. Путь к ее достижению — та борьба, которую разумные начала, проявляющиеся в философской мысли и в народных движениях, непрерывно ведут с тиранией, с феодальным и церковным гнетом.

Франк дает рационалистическое построение истории первобытного общества на канве библейской истории. После изгнания из рая люди стали жить, как звери, в полях и лесах. Но скоро они по побуждению природы стали жить в мирном сожительстве, в добрососедских отношениях, не зная ни укреплений, ни вооружений, ни правительства, ни собственности. Вначале, в течение более двух тысячелетий, не существовало и государства. Но затем некоторые люди стали нарушать эти мирные отношения, стали убивать и грабить. Тогда все стали думать только о своих выгодах и захватывать себе все, что они могли. Это вызвало необходимость в избрании государей, которые бы охраняли мир и защищали слабых от насилий. Появились оружие, войны, всякие бедствия. Люди все больше шли по пути порчи, пока не были уничтожены всемирным потопом. После потопа Нимврод основал новое царство. Возникла тирания на основе развития собственности и сословного строя. Тираны и дворяне появились как наказание за грехи людей. Основная функция королей и дворянства — грабеж подданных. Эти первоначально выбранные власти постепенно поработили людей. С этих позиций Франк далее рассматривает историю 4 монархий, следуя тра-

диционному делению средневековых хроник. Кроме того, он особо излагает историю еврейского народа. Интересно, что он сосредоточивает главное внимание на вопросах культурной истории. В истории евреев его занимает вопрос о развитии культа, в истории Греции — учения греческой философии, которую Франк ставит весьма высоко. Христианство в своей первоначальной форме, по его мысли, завершает развитие греческой философии. Излагая историю Римской империи, Франк останавливается на вопросе о «Константиновом даре» и дает его подробное опровержение.

Ставя вопрос о причинах падения Римской империи, Франк говорит, что она пала потому, что была тираническим государством и должна была пасть, как и все империи. Он полагает, что такова судьба всех государств: вслед за расцветом и могуществом должно последовать неизбежное падение. Смуты и нашествие варваров довершили падение Римской империи. Франк повторяет распространенные легенды о происхождении германцев от сына Ноя Диуско, о древних германских царях, среди которых называет, между прочим, Геркулеса. Но вместе с тем он довольно точно излагает сведения о германцах, сообщаемые Цезарем и Тацитом, подчеркивая равенство у германцев и отсутствие у них частной собственности. Франк отчетливо представляет себе, что падение Римской империи, завоеванной варварами, и упадок раннехристианских общин вызывали общее падение культуры, достигшей, как он считает, высокого развития в греческой философии и в раннем христианстве. Разум уступил место невежеству, люди стали опять молиться видимым предметам, обожествлять папу и императора, строить церкви и монастыри. Господство дворянства и крепостничество он считает отличительными чертами этой варварской эпохи. Презрительно относится он к германским императорам, которых считает «папскими холопами». Империя у германцев появилась по злему умыслу пап. Императоры, по Франку, — чудовища, тираны, убийцы.

Особое внимание уделяет Франк истории церкви, как католической, так и реформационной (в «Хронике и летописи»). Папская церковь, по его мнению, была источником грубого суеверия и варварства.

Прогрессивным началом в истории средневековья являются, по мнению Франка, еретические движения, которые вели непрерывную борьбу против тирании и невежества. Франк подробно останавливается на истории средневековых ересей (или, вернее, еретиков, располагая их имена в алфавитном порядке). Он говорит, что на протяжении полутора тысяч лет со времени рождения Христа церковью осуждались все те, кто выступал за правду и добродетель, истреблялись те, кто, познав истину, желал следовать примеру апостолов.

Особенный интерес представляет освещение Франком причин Крестьянской войны в Германии, к событиям которой он так близко стоял. Он изображает Крестьянскую войну как продолжение предшествовавших народных движений, в частности гуситских войн и более близких по времени движений — «Башмака», «Бедного Конрада» и др. Причины крестьянских волнений лежали, по Франку, в податном угнетении и помещичьих поборах и барщинах. Он считает незаконными эти поборы и особенно церковную десятину, о которой энергично говорит, что неясно, «откуда только черт взял ее». Хотя Франку приходилось маскировать свои мысли, но порою их можно истолковать так, что он считает требования крестьян во время Крестьянской войны слишком

умеренными и думает, что избавить их от угнетения может только новое восстание с более радикальной программой¹³.

Сохраняя еще очень много из наследия средневековых хроник, Франк подчинил свое изложение единому историко-философскому воззрению, дал в широких обобщениях картину прогрессивного исторического развития человечества, пронизал свои исторические труды горячим сочувствием к трудящимся классам и подчеркнул их роль в грядущем освобождении человечества. Он остро чувствует классовую ограниченность своего материала и устанавливает принципы критики источников по существу. В своем изложении отдаленных эпох он нередко становится на путь рационалистических гипотез, но, изображая близкие эпохи, дает вполне реалистическую историю. Несомненно, он вполне заслуживает данного ему Марксом названия «великий» и его можно признать крупнейшим из историков реформационной эпохи.

Себастиан Франк устраняется от тех религиозных распрей, которые раздирали в то время Германию, и занимает совершенно самостоятельную позицию. Для него Христос — вне всех церквей. Стремление создать особые церкви — корень всех раздоров. Все церкви и сектантские обособления, по его мнению, исходят от черта.

Исторические произведения Франка, проникнутые глубоко демократическим духом, пользовались необычайной популярностью в Германии XVI в. и много раз переиздавались. Но они стоят в стороне от течений, господствовавших в тогдашней историографии, составляют своего рода исключение.

Мы уже заметили, что в Германии в то время история делается служанкой теологии, как лютеранской, так и католической. Реформация вносит новый элемент в историографию. Историография подчиняется целям вероисповедной полемики. Лютеране хотят показать, что они восстанавливают древнее истинное христианство, что вся история католической церкви — история искажения истинного христианства, постепенное уклонение от него. Католики в свою очередь стремятся доказать, что учение католической церкви является истинно христианским учением и что главенство папы — истинное учреждение христианской церкви. Для доказательства правильности своих позиций они волей-неволей должны были обращаться к истории церкви, которая начинает занимать теперь центральное место в историографии и носит крайне тенденциозный характер, так как каждая сторона стремится использовать ее для своих целей.

Крупнейшим произведением этой архицерковной истории являются «Магдебургские центурии». Это произведение вышло из-под пера люте-

¹³ Такому толкованию взглядов Франка на Крестьянскую войну, которое по существу ставит его в ряд последовательных единомышленников Т. Мюнцера, противоречит то, что в некоторых своих высказываниях Франк осуждает насильственный характер крестьянских выступлений в восстании 1524—1525 гг. и, в частности, деятельность самого Т. Мюнцера. Хотя он и подчеркивает, что это восстание было следствием отчаяния, до которого крестьяне были доведены своими угнетателями, но, вместе с тем считает, что само это восстание было нарушением заповедей истинного христианства, бедствием и возмездием для всего человечества, в том числе и самого простого народа. Крестьянская война привлекает его внимание главным образом потому, что, по его мнению, она избближает политику господствующим классам; ссылаясь на это бедствие, он призывает их пересмотреть эту политику. В политических и исторических воззрениях С. Франка много сложного и противоречивого. Они до сих пор недостаточно изучены в советской историографии, что не позволило Е. А. Косминскому дать им более определенную и разностороннюю оценку. Полная и четкая характеристика воззрений этого замечательного средневекового мыслителя станет возможной только после более детального специального изучения его научного наследия с марксистско-ленинских позиций. (Прим. ред.)

ранских богословов, организовавших в Магдебурге целое ученое общество, в котором функции были разделены. Некоторым лицам было поручено разыскание источников. Поскольку документы находились преимущественно в католических монастырях, то отыскивать их там приходилось тайно. Другим лицам была поручена обработка этих источников, третьим — редактирование. Каждым отделом этой большой истории заведовал так называемый *gubernatores* (губернаторес). Во главе всего этого дела стоял некий Матвей Власич — латинизировано Флациус (1520—1575), хорват по происхождению, лютеранин по вероисповеданию. Сначала он был профессором в Виттенбергском университете, но потом повздорил с Меланхтоном и переехал в Магдебург.

Полное название «Магдебургских центурий» таково: «Церковная история, которая охватывает всю идею истории церкви по отдельным столетиям в явном порядке»¹⁴. Издание этого сочинения, начатое в 1559 г., затянулось на ряд лет. Все произведение разделено по столетиям («центуриям»). Были написаны 13 первых «центурий». Каждому столетию посвящена особая глава.

Эта история церкви, доведенная до XIII столетия, была закончена изданием только в 1574 г.

У Власича имеется и ряд других произведений полемического характера. «Каталог, или список, свидетелей истины»¹⁵ дает 443 биографии предшественников реформации в средние века, которые высказывались против папства. Первым из таких лиц он считает апостола Петра, как раз того, кого католики считают первым папой. Некоторые учения средневековых ересей он приводит как пример того, что во все времена праведные люди восставали против пап. Власич пишет уже без всякого германского патриотизма. Он славянин, у него имеется, может быть, известная солидарность с Чехией. Он, например, говорит о сожжении Гуса, которого считает одним из таких «свидетелей истины», и Иеронима Пражского: «Вслед за этим несправедливым убийством (как он называет сожжение Гуса и Иеронима) и потому, что папа хотел силой возратить чехов к своим нечестиям, началась роковая и большая война с Германией, которая сделалась служанкой антихриста в преследовании чешской церкви»¹⁶.

Но главная работа Власича — это «Магдебургские центурии». Сюда привлечено очень много материала, подобранного с протестантской точки зрения. Имеются некоторые сведения и о нехристианских религиях.

Сам Власич был весьма высокого мнения о своем произведении. Он говорил, что «это замечательнейшее произведение, достойное бессмертия», что «с сотворения мира не было столь нужной и полезной книги». Между прочим, такая авторская нескромность характерна для очень многих писателей того времени.

Целью его книги было, как он говорил, показать, что испокон веков в церкви было не папское антихристово учение о вере, а евангельское; показать начало, рост и мерзкие дела антихриста, т. е. папы. Это, собственно говоря, материал для протестантской полемики, систематически подобранный и изложенный по столетиям. Критика здесь поверх-

¹⁴ M. Flacius. *Ecclesiastica historia, integram Ecclesiae Christi ideam secundum singulas centurias perspicuo ordine complectens*. Basileae, 1562—1574; M. Flacius. *Centuriae Magdeburgenses, seu historia ecclesiastica*. Norimbergae, 1757—1765.

¹⁵ Mathiae Flacii Illirici. *Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem pontifici Romano et papismi erroribus reclamarunt, pugnantibusque sententiis scripserunt*. Francofurti, 1666.

¹⁶ Ibid, p. 727.

ностная, и подчинена она исключительно полемическим интересам. Все, что так или иначе может быть использовано в интересах протестантизма, принимается без всякой критики, а то, что противоречит этим интересам, подвергается весьма строгой критике. Например, не высказывается никаких сомнений в подлинности легендарной корреспонденции апостола Павла с римским философом Сенекой, хотя Эразм Роттердамский доказал, что эта переписка является подделкой. Не подвергается сомнению и переписка Христа с царем эдесским Абгаром, но зато критикуется все то, что задевает протестантский дух. Если в «Центуриях» доказывается подложность «Исидоровых декреталий», то зато принимается на веру сказка о папессе Иоанне — женщине, которая якобы сидела на папском престоле, и о договоре палы Сильвестра с дьяволом.

Что касается чудес, то Власич принимает на веру те из них, которые так или иначе могут быть использованы для торжества протестантизма. Вообще в отношении использования источников в этом произведении можно сказать, что всякий источник годится и хорош, лишь бы он был враждебен папству. Тут количество часто заменяет качество. Палы неизменно изображаются в злобно-карикатурном виде. Так, Григорий VII изображается как отцеубийца и отравитель, как будто больше о нем нечего сказать.

Всюду в «Центуриях» действует перст божий. Все ереси, кроме тех, в которых они видят провозвестников лютеранства, и равным образом и папство, являются дьявольским внушением. Для авторов «Центурий» возникновение папства есть исключительно результат наущения дьявольского и интриг самих пап. Роль и значение этих интриг в тех или других событиях они вообще часто преувеличивают.

Трудно сказать, что это — сознательное ли мошенничество или глубокое убеждение в своей правоте. Вероятно, и то и другое.

Лютеранская точка зрения проводится в «Центуриях» и в отношении политической истории. В борьбе светской власти с церковью они всегда на стороне светской власти. Государи всегда благочестивы, духовенство всегда хитро и гордо.

«Центурии» оказали огромное влияние на всю европейскую историографию церкви. В Англии в начале XVI в. появляется антипапская история церкви, написанная епископом Балеусом¹⁷. На основании истории Балеуса венгерским реформатором Стефаном Сегединским вскоре была написана интереснейшая книга — «Зерцало пап»¹⁸ (вышла она в 1586 г.). В этой книге автор доказывал, что папы и соборы всегда противоречили друг другу. Он сравнивает высказывания отдельных пап и говорит, что догматика их была всегда очень неопределенной. Затем он приводит ряд изречений пап и доказывает, что папы были всегда нечестивцами и богохульниками. Дело доходит до невероятных анекдотов. Например, он говорит о папе Бенедикте IX, будто бы тот был встречен неким отшельником в страшном виде: тело его было подобно медвежьему, а хвост и голова подобны ослиным. На вопрос отшельника, почему он подвергся подобному превращению, Бенедикт будто бы ответил, что скитается в таком виде за то, что в понтификате своем жил без разума и без бога и многих ввел в преступление.

¹⁷ John Bale. Acta romanorum pontificum, a dispersione discipulorum Christi usque ad tempore Pauli quarti. Basiliae, 1558.

¹⁸ Kis (Stephanus) Szegedinus. Speculum pontificum romanorum. Basle, 1586.

Каталог пап составлен Стефаном Сегединским не в хронологическом порядке, а по типам тех преступлений, которые они совершили. Есть папы сводники, блудники, безбожники, кровопийцы, предатели, пьяницы и т. д.

«Центурии» произвели сильнейшее впечатление не только на протестантов, но и на католиков. Католическая церковь и католические богословы не могли сразу ничего противопоставить этому огромному и «ученому» произведению. Затем, однако, ими был подготовлен в виде ответа столь же увесистый труд. Это знаменитые «Церковные анналы» Барония¹⁹.

Чезаре Бароний (1538—1607) — католический монах, теолог, по поручению папы и ряда деятелей контрреформации, особенно кардинала Караффы, ответил на «Магдебургские центурии» огромным, в 12 больших книгах, трудом, причем этот труд был выполнен им одним. «Церковные анналы» доведены до 1198 г. Они печатались в Риме с 1588 до 1607 г. Надо сказать, что Бароний обладал совершенно исключительным по богатству материалом, которым далеко не располагали составители «Магдебургских центурий». Последние основаны на более или менее случайно подобранном материале и носят хаотический характер. Бароний же пользовался величайшим хранилищем — Ватиканской библиотекой. Из этой библиотеки он почерпнул множество материала. Поэтому до сих пор «Анналы» Барония являются важным историческим источником, и историки церкви не могут обойтись без этой работы хотя бы потому, что многие документы, которыми пользовался Бароний, впоследствии исчезли.

Знакомство с источниками у Барония более широкое, чем у авторов «Магдебургских центурий», но тенденциозность его произведения столь же ясна и очевидна. Он говорит: «Моя задача — показать, насколько сознавалось и сохранялось в течение веков видимое главенство католической церкви, основанное Христом, основанное св. Петром и нерушимо хранимое и никогда не поврежденное его законными наследниками — римскими первосвященниками»²⁰. Бароний старается доказать, что все догматы католической церкви имелись уже в евангелии.

Форма изложения у Барония еще хуже, чем в «Центуриях». Это — анналы, т. е. летопись, история церкви по годам. При этом изложение тех или других событий постоянно прерывается. Правда, он сам пишет, что не надо обращать внимания на форму изложения, он дает особую нумерацию для событий на полях и ссылается на эту нумерацию, а не на года, но все-таки его манера изложения крайне затрудняет чтение.

Критика Барония не менее тенденциозна, чем критика авторов «Центурий», но только он хитрее и осторожнее. Когда вопрос кажется ему трудным, он старается его запутать или обойти. Он признает очень много всяких церковных легенд, например то, что апостол Петр в течение 25 лет был римским епископом, папой.

Интересно, как Бароний выпутывается из трудностей, связанных с вопросом о «Константинове даре», который в его время был скомпрометирован критикой гуманистов. Бароний здесь становится на ту точку зрения, которую папская курия противопоставила Валле, на точку зрения существования греческого подлинника «Константинова дара». Соглашаясь, что сохранившийся текст фальшивый, он говорит, однако, что фальсифицирован он был не папами, а греками. Но, по его словам, это

¹⁹ Caesare Baronio. Annales ecclesiastici, vol. 1—12. Moguntiae, 1601.

²⁰ Ibid., vol. I, p. 3.

не существенно. Зачем, спрашивает Бароний, нужно было императору передавать папе то, что и так принадлежало последнему? Бароний полагает, что папе и так принадлежит светская власть над всем миром, как наместнику святого Петра. «Исидоровы декреталии» для него никакому сомнению не подлежат. Относительно многих спорных вопросов он предпочитает фигуру умолчания.

«Анналы» Барония были переведены на ряд иностранных языков, в том числе на немецкий и польский, и уже с польского языка в 1687 г. по приказанию епископа Рязанского и Муромского Иосифа они были переведены на церковнославянский язык неким иноком Игнатием под названием: «Годовые дела церковные от рождества Господа Бога и Спаса нашего И. Х. вновь переведенные нужнейшие вещи из Барониуса». Бароний пользовался чрезвычайной популярностью среди раскольников. Они использовали его для полемики с православной церковью, что заставило ее дать свое издание Барония. При Петре, в 1719 г., Бароний был издан на церковнославянском языке под названием «Деяния церковные и гражданские». При этом места, неприятные для восточного православия, были изъяты.

Некоторые историки, особенно византилисты, считают Барония весьма важным источником, потому что и для истории Византии он также использовал документы, хранившиеся в Ватиканской библиотеке, которые потом исчезли. Но наряду с этими ценнейшими источниками в «Анналах» в большом количестве встречаются рассказы о разных пустяках, о чудесах, сотворенных теми или другими святыми или мощами, хотя Бароний и не слишком злоупотребляет этим материалом.

Во втором издании он дает целый ряд предисловий, в том числе обращение к читателю, к читателю вообще, а не католику в частности. В этом обращении Бароний старается подчеркнуть свое полное беспристрастие, то, что он отнюдь не стремился унижить тех, кто не входит в лоно католической церкви. Цену этому «беспристрастию» определить не трудно, равно как и преследуемые при этом цели.

В связи с происходившей в то время религиозной борьбой следует обратить внимание на историографию иезуитов, которые дали очень своеобразную историческую продукцию. Они в соответствии с той политикой, которая ими была принята, не высказывают своих тенденций открыто, но дают лишь определенное освещение, которое постепенно подводит самого читателя к желательному для них выводу. Они не навязывают ему своих взглядов грубо, но стараются внушить их тонко, вкрадчиво, осторожно, по возможности опираясь на документы и возможно меньше обнаруживая свои симпатии и антипатии. Этим их работы резко отличаются от неприкрытой католической тенденции Барония.

Приспосабливаясь к вкусам образованного общества, иезуитские писатели давали очень тонкую подделку под гуманистическую историографию, писали на очень хорошей латыни. Гуманизм оказался здесь на службе у церкви. Все грубые чудеса и легенды они отбрасывают, не желая отпугнуть скептически настроенного читателя. Но у иезуитов была глубоко отличная от гуманизма основная тенденция. Насколько гуманизм был далек от религиозных вопросов, старался их обходить, настолько у иезуитов эта религиозная направленность над всем доминирует. Они говорят о явлениях, которые кажутся чудесами, но на деле являются естественными, возбуждая в то же время религиозный подъем. Например, они рассказывают о подвигах основателя ордена иезуитов, об удивительных обращениях, которых иезуиты достигают в

других странах не путем невероятных чудес, а путем каких-то внезапных душевных переворотов, долженствующих свидетельствовать о внутренней убедительности и правде католического учения. Это — та система психологического воздействия, которую предписывал Игнатий Лойола и которая его последователями была доведена до виртуозности. Иезуитские писатели — большие мастера в деле описания религиозного энтузиазма и экстаза, охватывающего будто бы и отдельных людей и массы.

Из иезуитских писателей на первое место можно поставить основателя ордена Игнатия Лойолу. Характерным примером описанной выше иезуитской литературы является автобиография Лойолы, которую он продиктовал по-испански своему ученику Гонсалесу. Затем она была переведена на латинский язык. Это трезвое, на первый взгляд, сухое, строгое изложение, в котором отсутствуют какие бы то ни было сверхъестественные явления, но которое дает психологическую картину внутреннего перерождения человека. Можно сильно сомневаться в ее искренности, но как образец иезуитской имитации гуманистической автобиографии она заслуживает особого внимания.

Широкой известностью пользуется также «История иезуитского ордена», написанная Орландини, который был с 1599 г. историографом ордена.

Эта книга опять-таки представляет собой прекрасный образец подделки под гуманистическую историографию. В «Истории иезуитского ордена» вы тоже не увидите ничего сверхъестественного, никаких грубо материальных чудес. Главное содержание ее составляет изложение истории борьбы с ересью — внутренней и внешней миссии иезуитов. С большим энтузиазмом Орландини говорит о чудесных успехах ордена. Цель всей этой книги — вызвать подражание основателям ордена, которых он рисует как великих людей.

Надо сказать, что в своей истории ордена Орландини идет в некоторых отношениях дальше гуманистов и дает более реалистическое изложение. В частности, он совершенно отказывается от введения в свое изложение каких бы то ни было вымышленных речей, от каких бы то ни было внешних театральных эффектов. В общем, книга написана чрезвычайно трезво, будучи в то же время глубоко проникнута определенной тенденцией. Это очень ловко сделанная книга.

Иезуиты пишут не только историю ордена, они занимаются также и общеполитической историей. Возьмем, например, знаменитую в свое время книгу иезуита Страды²¹ по истории нидерландской революции — «Две декады о войне в Бельгии»²². Первая «декада» издана в Риме в 1632 г., вторая — в 1647 г. Составленная по поручению испанского наместника в Нидерландах Александра Фарнезе, эта работа, охватывающая период с 1555 до 1590 г., носит следы этого заказа. Дела Александра Фарнезе и его матери Маргариты Пармской изложены в виде панегирика и занимают большое место в истории Страды, представляющей образец чрезвычайно ловкой тенденциозности с соблюдением внешнего беспристрастия. Когда нужно полемизировать, Страда приводит документы. Книга содержит большой документальный материал, но он подобран односторонне и тенденциозно — в духе, враждебном Нидерландам и извращающем события революции. Работа Страды на-

²¹ Фамиано Страда (1572—1649) — член иезуитского ордена с 1591 г., профессор красноречия в римской коллегии. (Прим. ред.)

²² F. S t r a d a. De bello belgico decas prima et decas secunda. Francofurti, 1651.

писана очень хорошим языком, не совсем классической, но чрезвычайно живой, приспособленной к условиям времени латынью.

Иезуитская историография вообще с исключительной ловкостью приспособлявала внешнюю форму и приемы гуманистической историографии к своим целям, так же как иезуитская наука старалась овладеть всеми областями науки не только гуманитарной, но и точной, чтобы, усваивая внешние достижения этих наук, ставить их на службу религии и, в частности, на службу своему ордену.

В целом, когда мы переходим от изучения гуманистической историографии к историографии реформации и контрреформации, то у нас создается впечатление идеологического регресса. Опять возрождается идея 4 монархий, опять принимается на веру множество легенд и чудес, отброшенных гуманизмом, и хотя имеется кое-какая критика источников и историческая критика, но только в тех случаях, когда нужно критиковать противника. Те же доводы, которые говорят в пользу идеи автора, критике не подвергаются. Даже там, где, как это имело место в иезуитских трудах, используется форма гуманистической историографии, она используется лишь как прикрытие для реакционной теологической концепции истории.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ XVI в.

Когда мы говорили об исторических работах деятелей реформации и контрреформации, мы имели в виду историографию в узком смысле. Но есть ряд произведений, не являющихся историческими в прямом смысле слова, но тесно связанных с историей и оказавших большое влияние на дальнейшее развитие исторической мысли. Мы говорим о ряде политических трактатов, которые вышли из протестантской и католической среды в эпоху религиозной борьбы. Давать их полный обзор было бы трудно, да это и не является нашей задачей. История политических учений может быть затронута в данном курсе лишь постольку, поскольку она непосредственно связана с проблемой историографии. Но эта связь существует, и необходимо дать краткий очерк тех основных политических проблем, которые стояли не только перед историками, но и перед политиками. Политикам в их трактатах сплошь и рядом приходилось аргументировать свои теории примерами из истории, и их политические концепции оказывали влияние на их исторические воззрения.

Перед лютеранами, кальвинистами, реформаторами и находившимися на левом фланге реформации демократическими течениями, представителем которых являлся, например, Мюнцер, стояли важные практические проблемы. Это прежде всего проблема наилучшего политического устройства, которая в иных случаях рисовалась как утопия, как отдаленное будущее и, может быть, неосуществимый идеал, но в ряде случаев представлялась как определенная насущная политическая задача.

Для политической жизни XVI в. наиболее настоятельной политической проблемой была проблема абсолютизма, проблема развивающейся и усиливающейся королевской власти.

Реформация на первых порах провозгласила принцип свободы в области религии как своего рода революционный лозунг, направленный против старой католической нетерпимости. Но этот принцип вскоре обратился в свою противоположность. В самом же начале он был связан с другой идеей — с отрицанием свободы воли, которое у лютеран выразилось в догме «оправдания верою», у Кальвина — в учении об абсолютном предопределении, более последовательном, чем у Августина.

В зависимости от интересов тех групп, которые представляли различные реформаторы, создается у них и определенное отношение к го-

сударственной власти. Лютер, который начал с провозглашения свободы личности, вскоре пришел к полному раблению перед государственной властью, создал новое богословие, которое накладывало новые цепи на человеческий разум. В разуме Лютер теперь видит «блудницу» дьявола, ибо разум умеет только оскорблять все, что делает и говорит господь. Писание, по мнению Лютера, не подлежит критике. Личное толкование устранено. Лютеранское учение возводится в догму, неизменный церковный закон.

На первых порах, когда задачей лютеранства было низвержение старых религиозных авторитетов, Лютер ратовал за веротерпимость и был против наказаний еретиков. Он писал: «Надо еретиков преодолевать Писанием, как делали древние отцы, а не огнем. Если бы преодоление еретиков огнем было искусством, то палачи оказались бы учеными докторами на земле, тогда нам не надо было бы учиться, но — кто превосходит другого силой, тот может его сжечь»¹.

Но очень скоро наступает реакция. Лютер начинает требовать вмешательства властей в дела веры, утверждая, что государство должно карать и за веру: 1) если проповедуется «возмутительное учение», согласно которому не надо повиноваться властям и все должно быть общим у людей; 2) когда отрицаются догматы, основанные на Писании и всеми признаваемые, тогда виновные должны наказываться как богохульники; 3) в случае религиозных раздоров, если они угрожают существованию государства, государь должен вмешаться и заставить молчать неправую сторону. Лютер считал, что анабаптистов следует карать смертью. Кальвин пошел дальше и сжег Сервета, а его ученик Беза оправдывал этот поступок в особом памфлете.

Таким образом, от провозглашения религиозной свободы лютеранская церковь приходит к провозглашению религиозного деспотизма и вмешательства государства в дела церковные.

Лютер начал с отрицания различия между духовным званием и светским, говорил о свободных демократических выборах священников. Но все это под влиянием главным образом демократических движений и Крестьянской войны быстро изменилось, и в лютеранской церкви священники не выбираются народом, но назначаются государем. Церковь в лютеранстве превратилась в духовное ведомство при князе. От учения об оправдании верой, которое он выдвинул в первый период своей деятельности, Лютер вернулся к учению о благодати, которое сводит к минимуму личный выбор, подчиняет личность церкви. Учение о свободе воли приводило Лютера в исступление. Этику Лютер называл величайшим врагом благодати — это, по его мнению, сам воплощенный дьявол, его надо изгнать из школ.

Теоретически Лютер полагал, что государство — это низшее учреждение, основанное не на христианстве, а на греховности человеческой природы. «Человек дурно устроен, он может хотеть делать только злое», — говорил Лютер. И государство есть результат зла, лежащего в основе человеческой природы. Истинные христиане могли бы обходиться без всякого государства, но поскольку истинных христиан почти не существует, а остальные слабы и греховны, то для них необходима государственная власть. Поэтому на практике Лютер в конце концов приходит к тому, что государство оказывается выше церкви, оно назначает священников и вмешивается в жизнь верующих.

¹ М. Лютер. К христианскому дворянству немецкой нации. Харьков, 1912, стр. 56. (В дальнейшем: Уж. соч.)

Меланхтон в вопросе о свободе воли был более либерален, чем Лютер. Он признавал свободу воли, но не в области религии, а лишь в гражданской жизни, но в то же время для Меланхтона главное предписание, касающееся взаимоотношений между государством и подданными,— это повиновение властям предрержащим. Это положение направлено одновременно и против католичества, которое всегда требовало подчинения государства церкви, и против анабаптистов, которые не признавали власти государства.

Но все-таки Лютер при всем его преклонении перед государством, которое в теории он ставил ниже, а на практике выше церкви, не всегда относился с полным уважением к прошлому государственной власти. Особенно интересна его историческая теория о происхождении императорской власти в Германии. Его отношение к власти императора вполне объясняется тем обстоятельством, что Лютер разделял в этом вопросе взгляды лютеранских князей Германии. В своем обращении к христианскому дворянству он пишет: «Папа насилем и несправедливостью овладел римской империей или титулом римской империи, отняв его у законного императора и наделив им нас, немцев... Мы, однако, слишком дорого заплатили, к несчастью, за эту империю, благодаря папским коварствам и хитростям, заплатили безмерным кровопролитием, подавлением нашей свободы, захватом и грабежом всех наших имуществ... Мы намеревались стать господами, а вместо этого сделались рабами лукавейших тиранов; у нас — имя, титул и герб императорства, которого сокровища, власть, право и свободу взял папа. Таким образом, папа жрет зерно, а мы забавляемся шелухой»².

Эта теория происхождения империи, очевидно, выдвинута Лютером в противоположность средневековой католической теории о четвертой римской монархии. С точки зрения Лютера, «Священная Римская империя германской нации» — не продолжение Римской империи, а результат узурпации со стороны церкви. Эта узурпация привела к установлению власти папы и к порабощению германского народа. Но от этого, конечно, далеко до какого-нибудь призыва к низвержению империи. Лютер признает в крайнем случае лишь пассивное сопротивление дурным государям, которые покушаются на веру.

Меланхтон в своем главном сочинении «Общие места богословия»³ в разделе «О гражданских властях и достоинстве политических дел» говорит, что хотя государственный порядок происходит от бога, но сами правители не всегда происходят от бога, как, например, Нерон, Калигула и др. Злых правителей посылает дьявол, но они являются одновременно и божьим орудием, так как бог с их помощью наказывает людей за грехи. Светская власть должна вмешиваться в религию, запрещая ложные догматы и особенно наказывая атеистов.

Такие политические выводы делали Лютер и Меланхтон из своего религиозного учения. Политическое учение Лютера вполне соответствовало идеологии тогдашнего германского бюргерства, которое в связи с общим экономическим и политическим упадком Германии с середины XVI в. шло на поводу у княжеской феодальной власти.

У кальвинистов, учение которых отражало идеологию наиболее смелой части буржуазии XVI в., мы видим уже несколько другую поли-

² М. Лютер. Ук. соч., стр. 66.

³ Ph. Melancthon. Loci communes rerum theologicarum seu hypotises theologicae, Basileae, 1521.

тическую идеологию. Они выступают с заявлениями, резко враждебными феодальному абсолютизму. Отрицание свободы воли, учение о предопределении у кальвинистов доведены до большей крайности, чем у лютеран, но это учение, по которому предназначаются к спасению только избранные, самих этих избранных делает особым «орудием божьим» на земле.

Считая себя избранными «орудием божьим» на земле, кальвинисты ставят свою церковь и церковную организацию выше каких бы то ни было существующих политических установлений, стремясь, таким образом, заменить существующие политические формы этой церковной организацией.

В эпоху религиозных войн во Франции — в эпоху борьбы между гугенотами и католиками оппозиционные антиабсолютистские идеи гугенотов особенно резко выражались в учении тираноборцов-монархомахов.

Из произведений монархомахов прежде всего надо назвать «Франко-Галлию» Франсуа Отмана⁴, вышедшую в Женеве в 1573 г. Это работа не только теоретического, но и исторического характера, потому что автор ее пробует обосновать свое учение о королевской власти на исторических примерах. Отман говорит, что галлы имели свободные учреждения еще до покорения римлянами. Они возводили королей на престол и низвергали их. Короли у франков были не тиранами, а покровителями народа. Отман далее пытается доказать существование во Франко-Галлии с незапамятных времен представительства трех сословий — Генеральных штатов. Он доказывает здесь превосходство смешанной формы правления; по его мнению, монархия, ограниченная Генеральными штатами, является такого рода смешанной формой правления. В своей работе он защищает право народа на участие в управлении ссылкой на старинные традиции, на историческое право народа⁵. Франция, по его мнению, с древних времен управлялась Генеральными штатами, и если они пришли в упадок, то это вина юристов, воспитанных на римском праве. Везде, кроме Турции, граждане сохраняют хотя бы видимость свободы, которая заключается в представительном собрании. Отман провозглашает, что «благо народа есть высший закон».

Еще более решительно антимонархическая тенденция кальвинистов была выражена в сочинении, вышедшем под псевдонимом Юния Брута, — «Иск к тиранам»⁶. Под этим псевдонимом скрывался, вероятно, видный государственный деятель Франции Дюплесси-Морне. Это не столько исторический, сколько теоретический трактат. В нем особенно подчеркнута была идея феодализма, под которой скрывалась защита дворянских феодальных вольностей. Он постоянно апеллирует к притязаниям провинций, требованиям городов, их вольностям. Как и Франсуа Отман, автор «Иска к тиранам» заявляет, что верховная власть принадлежит народу и что государь должен решать вопросы войны и мира и установления налогов совместно с сословным представительством. С большой резкостью он развивает идею тиранобойства.

⁴ Франсуа Отман (1524—1590) — французский публицист, гугенот. После Варфоломеевской ночи эмигрировал в Швейцарию, где продолжал активную публицистическую деятельность в пользу гугенотской партии. (Прим. ред.) F. N o t m a n. Franco-Gallia. Francofurti, 1665.

⁵ О значении слова «народ» у кальвинистских публицистов см. ниже. (Прим. ред.)

⁶ B r u t u s (Stephan-Junius). Vindiciae contra tyrannos. Amsterdami, 1660.

Дюплесси-Морне ставит вопросы: обязаны ли подданные повиноваться государю, предписывающему что-либо противное закону божью? Можно ли сопротивляться государю, нарушающему «закон божий» и губящему государство? На эти вопросы он отвечает следующим образом: по его мнению, не все могут сопротивляться государю. Могут сопротивляться либо высшие сановники государства, либо, если эти сановники сами нечестивы, отдельные корпорации, области и отдельные города. За частными лицами признается только одно право — это право бежать из страны. Мы видим, как в этих теоретических взглядах ясно отражаются те отношения, которые установились во время религиозных войн во Франции. Государь выбирается, по учению Дюплесси-Морне, народом. Он — слугитель народа, и народ выше государя.

Когда мы говорим о теоретиках кальвинизма, необходимо иметь в виду, что понятие «народ» они обычно употребляют в определенном и отнюдь не демократическом смысле. Под народом они обычно разумют сословия, представленные в Генеральных штатах, — дворянство, духовенство, верхушку городского сословия, но отнюдь не широкие народные массы.

По мнению Дюплесси-Морне, в древности власть принадлежала собранию всех граждан, но с расширением государства это оказалось затруднительным, и власть была перенесена, с одной стороны, на сановников, представляющих народ, которые поэтому в своей совокупности выше государя, а с другой стороны, на более широкие собрания представителей, через которых народ имеет право участвовать в управлении и может низвергать тиранов.

Против народа нет права давности, и народ всегда может потребовать свои права назад. По природе люди свободны. Власть государей установлена только для пользы народа — для охраны правосудия внутри страны и защиты извне. Если государь этого не делает, то он — не государь, а тиран. Отношения между государями и народом устанавливаются взаимным договором, если не явным, то по крайней мере подразумеваемым. И в случае нарушения этого договора государем возможно неповиновение и сопротивление.

Еще более решительно поставлены все эти вопросы в трактате шотландского монархомаха Джорджа Бьюкенена⁷.

Он был не только политическим теоретиком, не только творцом теории о сопротивлении монархам, но и историком в более тесном смысле этого слова. Его перу принадлежит «История Шотландии»⁸, доведенная до 1571 г. (1582). По форме это блестящее подражание Титу Ливию, но в нем нет даже тех элементов критики, которые имеются у других представителей гуманистической историографии. Это патриотическое антианглийское произведение, в котором излагается много легенд. Бьюкенен, правда, пытается дать рационалистическое толкование этих легенд, но это приводит только к путанице.

⁷ Джордж Бьюкенен (1506—1582) — шотландский гуманист, получил образование в Париже. После короткого пребывания в Шотландии в 1539 г. был вынужден из-за своих кальвинистских убеждений уехать во Францию, где занимался преподавательской деятельностью в Бордо и Париже. Вернувшись в Шотландию в 1560 г., принял участие в создании и управлении вновь организованной шотландской кальвинистской церкви, в 1570 г. был назначен воспитателем Якова VI Стюарта шотландского, будущего английского короля Якова I, и, в качестве лорда-хранителя печати, принимал деятельное участие в бурной политической жизни Шотландии этого периода. (Прим. ред.)

⁸ G. Buchanan. The history of Scotland, trans. from the Latin, vol. 1—6. Edinburgi, 1829—1830.

Интересно, что этот писатель-кальвинист в своей исторической работе подходит к религиозным вопросам с чисто гуманистических позиций, почти не касаясь их.

Его главной работой является книга «О праве государственной власти у шотландцев»⁹ (1579), также проникнутая гуманистическим духом. Здесь мало богословия и ссылок на религиозные авторитеты, но зато много цитат из классических писателей, особенно Аристотеля. Сочинение написано в форме диалога между защитником идеи народо-властия и его противником. Здесь Бьюкенен дает историческую картину развития и происхождения государственной власти. Он говорит о дообщественном состоянии, когда люди жили в пещерах и не подчинялись никаким законам. Вслед за этим дообщественным состоянием наступило общественное состояние. Люди стали соединяться в общества как для совместной пользы, так и в силу особого, заложенного в людях естественного стремления к общению с себе подобными, естественного закона, согласно которому человек должен любить ближнего своего, как самого себя. Это естественное стремление и естественный закон вложены в людей богом, который является поэтому основателем человеческого общежития. Но поскольку в человеческом обществе возможны различные столкновения, то для него необходим государь. Функцией государя является примирение различных противоположных стремлений людей силой разума. Поэтому власть должна принадлежать мудрому государю, который должен быть примером для народа. Однако возможность злоупотреблений со стороны государя вызывает необходимость законов, которые устанавливаются народом. Здесь происходит своего рода ограничение власти, установление ее известных границ. Власть ограничивается не всем народом в целом, но выборными от различных сословий. Однако Бьюкенен думает, что решения этих представителей должны утверждаться всем народом. Равным образом и суд не есть дело государя, а особой судебной коллегии. Если государь всегда мудр и добродетелен, то тиран является государем только по имени, в действительности же это — человек, который унижает должность государя и злоупотребляет ею. Против государя, который сделался тираном, могла быть всегда применена сила. Народ стоит выше законов, выше государя, который поставлен именем народа. Даже отдельные лица, а не только корпорации, как это учили французские монархомахи, могут убивать государя, который нарушил свои обязанности по отношению к народу¹⁰.

Интересно, что и католическая реакция в своей борьбе против протестантизма, в стремлении подчинить светскую власть церковной и овладеть направлением политики в отдельных государствах, точно так же становится на тираноборческую позицию. Особенно у иезуитов развивается демагогическая литература на политические темы. Здесь надо отметить такие работы, как, например, работы Беллармина «Рассуждение о сопротивлении христианской вере еретикам этого времени» (1586) и «О римском первосвященнике»¹¹. Беллармин становится опять-таки на точку зрения естественного права и «народовластия» и заимствует многие идеи гугенота Отмана. Он полагает, что существует раз-

⁹ G. B u c h a n a n. De jure regni apud scotos. London, 1689.

¹⁰ Этот трактат Бьюкенена был осужден на сожжение Оксфордским университетом и запрещен в Англии в течение всего XVII в. (Прим. ред.)

¹¹ R. B e l l a r m i n o. Disputationes de controversis Christianae fidei adversos hujus temporis haereticos. Mainz, 1842; R. B e l l a r m i n o. Tractatus de potestate summi pontificis in rebus temporalibus. Venetiae, 1721.

личие между церковной и светской властью. Церковная власть установлена самим господом богом. Что касается светской власти, то она установлена богом не непосредственно, а через народ. По естественному праву, утверждает Беллармин, власть принадлежит народу и уже народ передает ее определенному лицу. Значит, непосредственно от бога исходит лишь власть народная.

Это учение, хорошо знакомое средневековью, заимствовано у античности. Уже со времени борьбы императоров с папами ставился вопрос о происхождении светской власти. Сторонники императоров выдвигали теорию происхождения ее непосредственно от бога, сторонники же папы выдвигали теорию происхождения светской власти от народа и через народ. На Тридентском соборе это учение Беллармина было принято как официальное учение иезуитского ордена. Оно очень далеко от демократии, и практическое осуществление его имеет мало общего с идеей народоправства. Оно нужно было иезуитам лишь для теоретического обоснования возможности сопротивления монархической власти, если она ведет политику, противную католической церкви.

Лучшей из всех существующих форм правления Беллармин считал монархию, потому что она, с его точки зрения, устанавливает наилучший порядок, т. е. наилучшее подчинение низших классов высшим и наибольшее единство и прочность государства. Но монархия, полагал он, способна к искажению и к переходу в тиранию, и поэтому ее следует ограничивать другими элементами, в частности аристократией. Из аристократов должен состоять совет государя. Им государь должен поручать отдельные области в управлении. Для Беллармина монархия выше других образов правления еще и потому, что она воспроизводит устройство католической церкви, где главой является папа.

В вопросе о папе и об отношении к светской власти у Беллармина и иезуитов самая «иезуитская» теория. Беллармин заявляет, что непосредственной власти папы над государями нет. Действительно, обратное утверждение вызвало бы слишком резкий отпор. Власть папы не светская власть; «царство мое не от мира сего». Но зато у папы есть косвенная власть, как у духовного главы. Поэтому светская власть в известных вопросах должна подчиняться церковной, поскольку этого требуют интересы религии.

Но так как светская власть настолько перемешана с религиозными делами, что нет ни одного политического вопроса, не связанного с религией, то папа в конце концов может и низлагать князей, и вмешиваться в суд, и отменять законы, если это вызывается духовными потребностями верующих. Поскольку папа имеет право косвенной власти, косвенного вмешательства, он должен располагать и соответствующими ресурсами и органами.

Главным теоретиком иезуитского ордена был Суарес. Его книга «О законах и бже законодателя»¹² вышла в начале XVII в. Суарес говорит, что все законы исходят от бога и цель их — указать путь к вечному спасению. Все правила человеческих действий вытекают из правил христианского богословия. Из данного божественного закона вытекает общественная власть, первоначально принадлежащая народу, который может перенести ее на тех или иных лиц. Существуют разные формы правления, но лучшая форма правления — монархия. Однако христиане не должны повиноваться законам, которые противоречат

¹² F. S u a r e z. De legibus ac Deo legislatore in decem libros distributus. Lugduni, 1619.

религии. Несправедливый закон не налагает на христиан никаких обязанностей. Отсюда учение о законности сопротивления власти дурного государя и о неповиновении несправедливым законам.

Это учение о сопротивлении властям и неповиновении несправедливым законам получило особенно яркое выражение в работах Буше — одного из руководящих идеологов Католической лиги во Франции. У него имеются памфлеты: «Речи о притворном обращении и недействительности так называемого отпущения грехов Генриха Бурбона, принца Беарнского в С. Дени во Франции в воскресенье 25 июля 1593 г.» и «О справедливости отречения Генриха III»¹³. Его работы получили одобрение теологического факультета и имели необыкновенный успех у лигеров. Буше проводил ту мысль, что папа, с одной стороны, а народ, с другой стороны, имеют право низлагать королей. Папа и его уполномоченные могут изменять право и отменять закон королевства. Папа имеет также право освобождать подданных от присяги королю и передать их лучшему правителю.

Буше с презрением говорит о тех, кто защищает происхождение королевской власти от бога. Народ, по его мнению, создает королей, и, следовательно, может их и низлагать. Это право народа неотчуждаемо и выше всего. Монархия есть лишь взаимный договор между королем и народом, и в случае несоблюдения его королем народ освобождается от повиновения. Поэтому в силу естественного права Генеральные штаты или другие народные представители имеют право судить короля. Народу и даже его представителям принадлежит право над жизнью и смертью королей.

Буше далее разбирает проблему цареубийства. Он считает, что тиран, который захватил власть незаконно, может быть убит всяким. Тиран же, злоупотребляющий властью, не может быть убит частным лицом, но народная власть может объявить его врагом общества, и тогда всякий может его убить.

Буше восторженно приветствовал Жака Клемана, убившего Генриха III. Буше сравнивает Клемана с Юдифью, поразившей Олоферна, и с Давидом, победившим Голиафа. Он говорит, что поступок Клемана заслуживает всяческой похвалы и благодарности, потому что хотя он лишь осуществил на практике широко распространенную доктрину, но проявил при этом большое мужество, так как подвергался опасности.

Из иезуитских сочинений, посвященных той же самой теме, можно назвать книгу Марианы «О государстве и воспитании государя»¹⁴ (1599). Основные мысли Марианы — это идеи католического лагеря. Он развивает здесь теорию происхождения власти, согласно которой первобытная дикость, в которой некогда жили люди, сделала необходимым создание государственной власти. Лучшие люди стали выбираться для защиты народа и отправления правосудия. Затем он разбирает шесть форм правления, о которых писал еще Аристотель, и говорит о монархии как о наилучшей из них, хотя она и может вырождаться в худшую форму — тиранию. Мариана считает убийство тирана законным выходом из положения, когда государь не исполняет своих обязанностей. «Да будет государям хорошо известно, что имеется спасительное средство: если они угнетают государство, если становятся

¹³ Jean B o u c h e r. Sermons de la simulée conversion et nullité de la pretendue absolution de Henry de Bourbon, prince de Bearn à S. Denys en France, le Dimanche 25 Juillet, 1593, Paris, 1594; Jean B o u c h e r. De justa Henri III abdicatione. Lugduni, 1591.

¹⁴ Joannis M a r i a n e. De rege et regis institutione libri III. Toleti, 1640.

непереносимыми из-за своих пороков и разврата, то убить их будет не только законно, но и почетно для тех, кто это совершит»¹⁵. При этом Мариана занимается тонкими рассуждениями о дозволенных способах убийства государя. Например, отравить государя нельзя, потому что если налить ему яду в бокал и он выпьет этот яд, то он как бы сам себя убьет: получается самоубийство, и убивающий берет на себя грех самоубийства; но зато можно предложить государю отравленную одежду или отравленное кресло.

Мариана выступает защитником наследственной и ограниченной монархии, отстаивает право народа на вотиrowание налогов и одобрение новых законов. Весьма характерно для иезуитского писателя то, что Мариана обходит вопрос о праве пап низлагать королей.

Все эти демократические, на первый взгляд, теории, которые признают якобы верховенство народа и говорят о правах народа как для кальвинистских, так и для иезуитских политических мыслителей XVI в., являются в сущности лишь орудием борьбы с княжеским абсолютизмом в тех случаях, когда политика последнего идет вразрез с требованиями католической реакции или кальвинистскими религиозными или политическими доктринами.

Но одновременно с этими теориями, которые выдвигались противниками королевской власти, нам надо ознакомиться и с теориями ее защитников, с теориями развивающегося в это время королевского абсолютизма. Здесь мы встречаемся с именем знаменитого Жана Бодена, одновременно и политика, и историка.

Жан Боден (1530—1596) по образованию был юристом, некоторое время служил адвокатом при Парижском парламенте, но главным образом это политик-теоретик. Во время религиозных войн он принимал активное участие в деятельности партии «политиков», которая требовала веротерпимости по отношению к гугенотам. В 1576 г. он был членом Генеральных штатов в Блуа в качестве одного из представителей третьего сословия и играл там руководящую роль. Используя противоречия между дворянством и третьим сословием и между провинциями и Парижем внутри третьего сословия, он сумел добиться отрицательного голосования по вопросу о субсидиях на войну с гугенотами, которых требовало правительство. Мужественная позиция Бодена при отстаивании принципа веротерпимости, а затем и по вопросу о праве короля отчуждать коронные земли стоила ему дорого: он впал в немилость у Генриха III, который до этого благоволил к нему.

У Бодена имеется несколько работ государственно-правового и исторического характера. Прежде всего нужно назвать его историческую работу — «Метод легкого изучения истории» (1566). Другая его знаменитая работа — «Шесть книг о государстве» («Les six livres de la Republique») ¹⁶ (1576) — имела огромный успех, выдержала немало изданий и была переведена почти на все европейские языки. («Republique» означает здесь не «республику», а «государство»). В этой книге Боден изложил свою теорию государственной власти, исходя главным образом из определенных юридических установок. Как юрист и деятель Парижского парламента, он выражал в значительной степени идеологию парламентской бюрократии. Идеология эта носит несколько двойственный характер. Парламент — высший судебный орган Франции, — с одной стороны, являлся орудием королевской власти, поскольку он огра-

¹⁵ Joannis Mariana. De rege et regis institutione libri III. Toletus, 1640, p. 61.

¹⁶ J. Bodini. Methodus ad facilem historiarum cognitionem. Amsteraedami, 1650; J. Bodini. De Republica libri sex. Francofurti, 1622.

ничивал самостоятельность феодалов и феодальной юрисдикции, с другой стороны, парламенты — парижский и провинциальные — стремились ограничить абсолютизм главным образом путем так называемого права «возражения» («Remontrances»), которым они могли пользоваться в тех случаях, когда не желали утверждать предлагаемый королем закон.

В «Methodus» Бодена элементы идеологии парламентских кругов сказались очень отчетливо.

В основе всей концепции государства Бодена лежит учение о суверенитете, т. е. особой власти, которая присуща всякому государству. Независимо от формы государства, независимо от того, является ли данное государство монархией, республикой, аристократией или демократией, в руках государства как такового находится абсолютная власть, «постоянная, высшая, независимая, не связанная с законами, абсолютная власть над гражданами и подданными», которая, по мнению Бодена, должна быть «постоянной»¹⁷.

Есть два признака этого суверенитета: внешний — полная независимость от какой бы то ни было посторонней власти (например, папы или императора) и внутренний — независимость по отношению к подданным. Французский король является суверенным и внешне, и внутренне. Он независим ни от императора, ни от папы. Внутренняя независимость его заключается в том, что между ним и его подданными отсутствуют какие-либо средостения в виде прав и привилегий феодалов.

Права верховной власти, по Бодену, заключаются в праве законодательства, объявления войны и мира, назначения высших должностных лиц, верховного суда, а также в праве помилования, чеканки монеты, установления общих мер и весов для всего государства и введения налогов. Это — целая программа развивающегося абсолютизма. Хотя, по мнению Бодена, суверенитетом обладает всякая государственная власть, но наивысшей формой государственной власти он считает монархию, где суверенитет не распылен, а сосредоточен в одном лице. Наибольший интерес представляет применение этой теории к французской монархии XVI в.

Французская монархия, с точки зрения Бодена, абсолютна. Французские государи издают то или иное постановление, мотивируя это только одним — «потому что таково наше желание». Государь, по мнению Бодена, не связывает своими решениями не только будущих своих преемников, но даже самого себя, так как если он и примет какой-либо закон, то имеет право его нарушить, потому что обладает в полной мере суверенитетом. Боден считает французскую монархию наиболее совершенной формой монархии. Суверенами, подобными французским королям, были лишь римские императоры. Он сомневается, например, имеется ли такой суверенитет у английского короля. В Германии, по мнению Бодена, суверенитет находится не в руках императора, а в руках князей. Равным образом Боден не признает монархиями Польшу и Данию.

Правда, существуют государства, в которых суверенитет не может быть подвергнут никакому сомнению. Это — азиатские державы, например Турция. Но это не монархии в собственном смысле слова.

Дело в том, что Боден различает три формы монархии: 1) *Monarchie Seigneuriale* — патриархальная деспотия в азиатском смысле; 2) «Монархия, покоящаяся на законе» (*monarchie légitime*), в которой

¹⁷ J. Bodini. De Republica libri sex, p. 123.

подданные повинуются законам своего государства, а государь повинуется законам природы, и естественная свобода и имущество подданных защищены и безопасны, — идеалом такой монархии Боден считает Францию; 3) Тирания, которая представляет собой извращенную форму монархии, где тиран злоупотребляет своими суверенными правами, обращается с подданными, как с рабами, нарушает их права собственности.

Хотя французская монархия является абсолютной и никаких формальных ограничений ни со стороны народа, ни со стороны парламентов Боден не признает, но она фактически ограничивается, по его мнению, прежде всего божественным правом, затем естественным правом и уважением к законам и обычаям страны и, наконец, неприкосновенностью частной собственности подданных. Частная собственность подданных неприкосновенна, и государь, нарушающий это право, поступает, как разбойник и тиран.

Отсюда следует ряд выводов, которые фактически ограничивают королевскую власть, хотя, по идее Бодена, она абсолютно суверенна. Раз собственность неприкосновенна, то налоги нельзя взимать без согласия подданных; и поэтому необходимы Генеральные штаты, которые давали бы согласие на сбор налогов.

Считая, что парламент не ограничивает короля, Боден все же признает за парламентом право пассивного сопротивления, в случае если государь нарушает права подданных.

Государь должен стоять над партиями и вне партий, и в этом преимущество монархии над аристократией и демократией.

Боден находит, что веротерпимость — наилучшее лекарство от всякого рода смут и переворотов.

В своем учении о государстве Боден пытается базироваться на истории, которой он в своей книге «Метод легкого изучения истории» старается придать характер науки. Интересна в этом отношении выдвинутая Боденом идея, что история есть наука, подчиненная таким же общим законам, как и весь мир. Он стремится установить эту закономерность. Мысль, как видите, очень глубокая и как будто обгоняющая эпоху, но если мы посмотрим конкретно, что Боден понимает под законами, которым подчинена история, то увидим, что он не выходит из круга идей своей эпохи.

Боден считает, что все и в мире, и в истории подчинено прежде всего божественным законам, а затем законам математическим. Здесь он предвосхищает механистическое истолкование природы и истории, получившее широкое распространение уже в XVII и XVIII вв. Но под математикой Боден понимает лишь магию цифр, учение о таинственных свойствах цифр, которым занимались еще пифагорейцы и которое он старается применить к истории. Так же точно он признает каббалистику, мистическое учение, зародившееся на Востоке, развитое евреями и перенесенное в средние века в Европу. Есть так называемые совершенные числа, которые играют решающую роль в судьбах мира. Это 628, 496, 8128. Из этих чисел 496 играет роковую роль в истории государств. Боден, например, утверждает, что такова продолжительность существования Римской империи, начало которой он относит произвольно к 20 г. до н. э., — 496 лет. Вот та «математика», которой Боден хочет подчинить историю.

В то же время он выступает против учения астрологов, отрицая влияние светил на судьбы народов. Характерно, однако, что к астрологам он причисляет и Коперника, систему которого отвергает.

Но наряду с такими странными, на наш взгляд, воззрениями, соответствующими слабому развитию точных наук в ту эпоху, у Бодена есть отдельные интересные суждения о влиянии естественных условий на историю человечества, о влиянии климата, географических условий того или иного государства на выработку характера народа и на определяемые этим характером его судьбы.

Боден впервые систематизировал вопрос о влиянии природы на историю, который ставился уже у античных писателей. Правда, теория Бодена носит еще достаточно наивный характер. Так, например, он утверждает, что города, которые построены на плоском месте, меньше подвержены междоусобиям, чем города, которые построены на холмистых местах. Поэтому-то история Рима, который построен на семи холмах, так богата междоусобными столкновениями.

Одной из основных идей, которую Боден развивает в V книге трактата «О государстве», является мысль о том, что психический склад того или другого народа обуславливается совокупностью естественных условий, в которых этот народ развивается. Он говорит, что всякий государственный строй может быть прочен только тогда, когда он соответствует психическому складу данного народа, а стало быть, тем естественным условиям, в которых этот народ живет.

Боден указывает на политическое значение естественных условий, подчеркнув, что различные народы нуждаются в различных учреждениях и что законодательство зависит, таким образом, от географических условий. Боден развил, уточнил, систематизировал идеи Витрувия, Аристотеля, Гиппократов и др. о влиянии климата. Вслед за античными писателями он выдвигает положение о влиянии широты, на которой лежит страна, на ее народ. Исходя из этого, он делит народы на северные, южные и средние, находящиеся посередине между Севером и Югом. Указывая на особенности темперамента народов, живущих под разными широтами, Боден отдает предпочтение психическому складу людей, обитающих в средней полосе. Оригинальность Бодена заключается в том, что он не сводит естественных условий, влияющих на психологию народа и его склад, только к условиям широты, но отмечает также влияние долготы, выдвигая и такие особенности климата, как большую или меньшую влажность, близость к морю. Говорит он также и о влиянии смещения с другими народами. В боденовской теории климата содержатся начатки антропогеографии и этнографии. Эти его идеи были в дальнейшем в гораздо более блестящей, но спорной форме развиты Монтескье.

Боден не считает естественные условия, в которых развивается тот или другой народ, чем-то непреодолимым. Он полагает, что естественным условиям могут в той или другой мере противодействовать законы, а также человеческая воля и воспитание. Под законом здесь следует подразумевать учреждения, историческое развитие, изменяющее отчасти влияние тех условий, которые создают психологию того или другого народа.

Таким образом, мы видим у Бодена попытку вскрыть законы исторического развития и связать их с более общими законами, которым подчинен мир. То состояние, в котором находились в тот период историческая наука и наука вообще, не дало возможности Бодену провести эту идею сколько-нибудь научным путем. Слишком еще много наивного и несовершенного в его попытке, но самая идея связать законы истории с законами природы является очень крупным достижением по сравнению с теми историческими трудами, которые мы рассматривали

раньше. У Бодена мы встречаем идею, которая резко отличает его от гуманистов,— это идея прогресса. Он решительно отрицает существование «золотого века» в начале истории, считает его «веком варварства».

Если сравнить так называемый «золотой» и «серебряный» век с настоящим, то, по мнению Бодена, сейчас же можно убедиться, что эти названия ими не заслужены. «Таковы были золотой и серебряный века,— говорит Боден,— когда люди наподобие диких зверей были рассеяны в полях и лесах и имели лишь то, что могли удержать с помощью насилий и злодеяний, до тех пор, пока постепенно они не были приведены от этого состояния дикости и варварства к тому человеческому и основанному на законах образу жизни, который мы видим теперь»¹⁸.

Правда, аргументы Бодена наивны, но интересно то, что он ставит новое время, современную ему эпоху выше античности. Древние не знали, говорит он, применения компаса. Торговля сделала в новое время по сравнению с древностью необыкновенные успехи. В научном отношении современная эпоха превосходит античность прежде всего большим богатством наших географических познаний (так он указывает, что древние имели лишь сказочное представление об Индии, не умели вычислить географической долготы и т. д.). Гуманисты смотрели на античность снизу вверх, считая ее и в смысле политическом, и в смысле развития литературы и искусства недостижимым образцом. Боден же считает, что новое время выше древности. Даже современная ему литература, по его мнению, превосходит литературу античного мира. Что особенно важно, он отмечает превосходство нового времени в области техники и промышленности. В качестве примера он указывает на огромные успехи, сделанные в металлургической и текстильной промышленности. Здесь мы видим признание того прогресса, который успела сделать Западная Европа в период средних веков. Боден говорит, что артиллерия и печатный станок превосходят все то, что было в древности. По его мнению, природа науки представляет собой нескончаемую сокровищницу, которая никогда не будет исчерпана. Словом, он полон оптимистической уверенности в дальнейшем прогрессе.

Боденом мы закончим обзор историографии XVI в.

¹⁸ J. Bodini. Methodus ad facilem historiarum cognitionem, p. 319.

ЭРУДИТЫ XVII—XVIII вв.

Перейдем к историографии XVII столетия. Конечно, делить историю какой бы то ни было науки, в частности историю исторической науки, по столетиям — довольно неудачный принцип. Но дело в том, что историография XVII и начала XVIII в. отличается некоторыми характерными особенностями, которые позволяют рассматривать это время как особый период в ее развитии. XVII век, который начинается в истории науки с таких имен, как Галилей и Бэкон, и кончается Ньютоном, был веком быстрого развития точных наук. Конечно, своими корнями точные науки восходят еще к XVI в., может быть и дальше, но именно в XVII в. экономическое развитие Европы делает такие крупные шаги вперед, которые дают возможность установить твердые основы точных наук. Уже у гуманистов мы видели разрыв с богословским наследием, но у них авторитет античности подавлял самостоятельное исследование. Как бы важны ни были разрыв со средневековой теологией и обмирщенные науки, которые мы отмечаем у гуманистов, но это течение в основном было подражательным. В XVII же веке мы видим в Европе самостоятельный прогресс естествознания, который заложил основу для развития подлинной науки.

В XVII в. уже появляются первые ростки современной исторической науки как в отношении собирания материалов, так и в смысле попыток создания реалистической социологии, иногда включающей отдельные материалистические элементы. Тот эстетический налет, который гуманизм придал науке истории, украшая ее всякой риторикой, теперь отступает на задний план, и мы видим первые попытки создания истории как науки.

В развитии истории как науки в XVII в. надо различить две линии, которые в этот период выступают еще совершенно раздельно. Это, во-первых, собирание и критика исторического материала. Гуманисты оперировали с чрезвычайно незначительным кругом источников, и критический подход к этим источникам у них был развит еще очень слабо. Зачатки критики мы встречали у Бьондо, у Валлы, но в основном данные источников, а тем более античных писателей, принимались на веру, без критики. В «Магдебургских центуриях», и особенно у Барония, мы видели несколько более глубокое изучение источников, но все же и им еще очень далеко до критического освоения огромного наследия источ-

ников средних веков. Первым же условием для научной разработки истории являются собрание, издание и критика источников. Эти три момента выступают нераздельно. Собрание связано с критикой и изданием этих источников. И действительно, XVII век дал нам огромные собрания источников, которые еще не вполне изучены до последнего времени. XVII век в этом отношении, действительно, обозначает огромный шаг вперед по сравнению с предыдущим временем.

В это время делают большие успехи вспомогательные дисциплины — хронология, палеография, дипломатика, эпиграфика, лексикография, филология. В связи с этим намечается и новый способ изложения истории. Гуманисты ставили на первый план занимательность, или поучительность, изложения. Поэтому у них часто встречаются неточности. Они редко цитируют источники, подчас скрывают их, дополняют своими домыслами. Цитирование подлинных документов как средство доказательства впервые начало применяться в церковной полемике XVI в. В XVII в. оно переходит в труды ученых эрудитов.

Но это лишь одна сторона развития истории как науки. Есть еще другая сторона, на которую надо обратить внимание и которая также характерна для XVII в., — попытки научного изучения истории, стремление вывести общие законы исторического развития, создать основы социологии. Мы встречаем такого рода попытки у античных писателей, мы видели ее, правда, в эмбриональном виде, и у Бодена. Успехи естествознания в XVII в. заставляют историков, политиков и философов XVII в. еще усиленнее выявлять законы исторического развития. Мы в дальнейшем рассмотрим эти попытки, основывавшиеся главным образом на рационалистических схемах. Сколь бы ни были они несовершенны и неудачны, все же они представляют важнейший шаг по пути развития научного исторического мышления.

Перед нами стоят сейчас две задачи. Во-первых, рассмотреть, как накапливался исторический материал, как критически собирались и издавались источники и, во-вторых, как развивалась социологическая мысль в XVII в.

Начнем с первой из этих задач. Здесь приходится отметить деятельность крупных организаций, из которых большинство имело церковный характер. Важнейшей из этих организаций был Орден бенедиктинцев. Бенедиктинские монастыри — самые старые монастыри в Европе. В XVII в. бенедиктинские монастыри во Франции развивают совершенно исключительную по своим размерам работу по собиранию и изданию источников. В этом отношении бенедиктинцы находились в особо благоприятных условиях.

Прежде всего бенедиктинские монастыри являлись неисчерпаемой сокровищницей источников по истории средневековья. Они располагали огромным количеством разных грамот, записей разных сделок, дарений. Все эти подлинные грамоты или списки с них хранились в монастырских архивах и библиотеках в огромном количестве. Надо отметить и еще один важный момент — то, что научная традиция, конечно в понимании той эпохи, существовала у бенедиктинцев давно. Уже в уставе Бенедикта — основателя ордена — мы видим наставление монахам о том, как они должны проводить время, какие часы должны отдаваться физическому труду, какие — чтению. Специально были отведены часы, когда все монахи должны были слушать чтение. Были другие часы, в течение которых чтение должно было производиться про себя. Особенно рекомендовалось чтение в дни великого поста. Каждый монах должен был брать из библиотеки одну-две книги и читать, а специаль-

ников, которую многие ставили им в заслугу, то в большинстве случаев эта критика чрезвычайно неглубокая и заключается она в одном, правда важном, моменте — в стремлении отличить подлинный документ от подложного, установить наиболее древнюю традицию и указать место и время происхождения того или другого памятника. Что касается тех выводов, которые мавристы делали из изучения источников, то эти выводы обычно крайне наивны и сводятся к тому, что исторической истине соответствует то, что содержится в наиболее древних и подлинных памятниках, хотя бы в них были приведены маловероятные факты. Критика источников у мавристов — чисто формальная, связь между фактами — лишь внешняя, хронологическая и генеалогическая. Те или другие факты сопоставляются с фактами из других источников. Если имеются расхождения в месте и времени, то разбирается вопрос, какая версия является более правдоподобной. Дальше этого критика не идет. Главное же — всегда нужно помнить, что мы имеем дело с людьми духовного звания, которые занимались исторической наукой в целях укрепления и восхваления своего ордена. Поэтому легенды и рассказы о чудесах, все то, что отбрасывали гуманисты, в писаниях мавристов восстанавливается. Если источник опирается на памятник, достоверность которого засвидетельствована, если житие данного святого не находится в противоречии с хронологическими указаниями, имеющимися в других памятниках, если это подлинник, то все, что там написано, принимается на веру, без всякой критики по существу.

Почему именно представители католической церкви взялись в XVII в. за такое изучение источников? Дело в том, что полемика, которая в то время велась между протестантами и католиками, а отчасти и между различными течениями в самом католичестве, вызвала необходимость в ссылках, по возможности точных, на подлинные документы. Все стремились уличить противников в том, что для доказательства своих воззрений они пользуются поддельными или позднейшими документами. Материал для такого рода полемики, для отстаивания истины католической веры и должны были собрать монахи-эрудиты. Строить здание исторической концепции мавристы не умели, они только собирали материал, причем материал, ими собранный, в большей степени был использован их врагами, чем их сторонниками.

Говоря о мавристах, нужно прежде всего назвать имя Жана Мабильона (1632—1707), который с 1664 г. работал в библиотеке и архиве Сен-Жерменского монастыря.

Главная «историческая» работа Мабильона — это «Жития святых Ордена святого Бенедикта»¹, начатая изданием в 1668 г. и законченная в 1701 г. Затем Мабильон начал другое издание — «Анналы Ордена св. Бенедикта» (1703—1739). Эта работа была доведена им до 1157 г., а два последних тома были закончены уже другими бенедиктинцами. В ней изложена не только история Ордена св. Бенедикта, но также и общая церковная история.

По мнению Фютера², «Анналы» представляют собой шедевром эрудиции, где Мабильон обнаруживает превосходное знание источников и литературы предмета, большую обдуманность каждого суждения и особенную осторожность в вопросах хронологии. Фютер утверждает далее, что Мабильон обнаруживает большую самостоятельность в мнe-

¹ J. Mabillon, Acta sanctorum ordinis sancti Benedicti, vol. 1—6, Parisiorum, 1668—1701; J. Mabillon, Annales ordinis sancti Benedicti occidentalium monachorum, vol. 1—6, Parisiorum, 1703—1739.

² См. E. F u e l e r. Geschichte der neueren Historiographie, S. 313.

ниях, не заботится о церковной традиции и о репутации ордена и хотя не избегает полемики, но всегда ведет ее в сдержанном тоне. С этой характеристикой нельзя согласиться.

В Мабильоне сильно сказывается монах и бенедиктинец. Он проникнут монастырскими идеалами, доверчиво повторяет рассказы о чудесах, не всегда отличая достоверные источники от недостоверных. Его работа представляет собой тщательно подобранное с точки зрения подлинности собрание материалов по истории ордена. Но никакого исторического анализа и обобщения мы в ней не найдем. Мабильон воспроизводит все, что идет из подлинных источников и не представляется неправдоподобным с точки зрения хронологии и географии. Но материал его не систематизирован и расположен в чисто хронологическом порядке. В работе хорошо дано изложение внешней истории ордена, но мы не найдем здесь ничего о его внутренней истории и о роли ордена в истории католической церкви.

Кроме Мабильона Конгрегация св. Мавра дала еще ряд крупных собирателей и издателей материала и эрудитских работ такого же типа.

Из них надо отметить огромную — 15 томов — работу «Христианская Галлия»³, которая содержит изложение истории французской церкви по отдельным епархиям.

Затем надо указать на другую многотомную работу (всего свыше 40 томов), которая была начата изданием в 1713 г. Это «Литературная история Франции»⁴, в которой даны материалы не только по истории литературы в тесном смысле этого слова, но также и по истории философии и историографии. Это издание продолжалось и в XIX в. при участии таких ученых, как Ренан, Гастон Пари и др.

«Литературная история Франции» содержит огромный материал по истории французской культуры, расположенный в хронологическом порядке. В первых томах этой работы, однако, почти отсутствует историческая перспектива. О слабости критического подхода к материалу в этой работе можно судить по такому любопытному примеру. Сообщая о друидах — древних галльских жрецах, о которых известно чрезвычайно мало, авторы работы пишут, что друиды образовали корпорацию, которая включала всех ученых людей, какие были тогда в Галлии, т. е. говорят о друидах так, как можно было бы говорить об ученых обществах XVII—XVIII вв. Тем не менее как собрание источников «Литературная история Франции» представляет большой интерес.

Необходимо сказать несколько слов о знаменитом сочинении мавриста Мартина Буке, которое не потеряло своего значения до настоящего времени. Это «Собрание историков Галлии и Франции»⁵. Первые 8 томов этого издания были собраны и изданы Буке.

Работа Буке содержит ряд известий, касающихся истории Галлии и Франции. Здесь приводятся латинские и греческие источники, имеется ряд эпиграфических данных, очень важных для истории местных названий Галлии; даются выдержки из Полибия; целиком включены «Записки о галльской войне» Цезаря. Кроме того, в этой работе была сделана попытка известной хронологической обработки собранных источников. В ней не только приводятся тексты авторов, но имеется также и индекс,

³ Sainte-Marthe. Gallia christiana in provincias ecclesiasticas distributa. Parisiorum, 1715—1865.

⁴ «Histoire littéraire de la France, par le religieux de la Congrégation de S. Maur». Paris, 1733.

⁵ M. Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France, vol. 1—24. Paris, 1738—1904.

в котором события со ссылками на соответствующие источники расположены в хронологическом порядке (параллельно на французском и латинском языках). Таким образом, труд Буке — это издание источников, которое одновременно является справочником. Однако никаких попыток установить какую-нибудь внутреннюю связь между событиями, подобрать материал в определенном разрезе здесь нет. Это сочинение представляет большую ценность, как одно из первых собраний источников.

Бенедиктинцы из Конгрегации св. Мавра издали также ряд работ по истории отдельных французских провинций. Перечислять их было бы очень долго.

Другим большим ученым обществом, которое издавало исторические работы и которое конкурировало с Конгрегацией св. Мавра, было иезуитское общество. Иезуиты создали свою собственную историческую науку в интересах ордена. При этом они здесь шли на значительные уступки духу времени.

Надо сказать, что в XVII в. наряду с первыми шагами в развитии естествознания и точных наук наблюдается своеобразное явление в области философской, именно крайнее развитие скептицизма, связанное с тем, что старые научные и религиозные авторитеты потеряли свое значение и те основы, на которых зиждилась не только схоластическая наука более ранних веков, но и гуманистическая наука, пошатнулись. В то же время не окрепли еще и точные науки, основанные на наблюдениях и опыте. Это привело к гиперкритицизму, которым прониклись некоторые философы XVII в. Наиболее ярким представителем этого критицизма был Мишель Монтэнь, который никогда не забывал подчеркнуть условность и несовершенство всякого знания и любил повторять известный афоризм Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

Под модным в это время флагом гиперкритицизма и скептицизма развивается и деятельность иезуитов в области истории. Однако под видом кажущегося критицизма иезуиты старались проводить свои собственные взгляды и весьма реакционные идеи. Но их критицизм и скептицизм принесли известную пользу, так как заставил их заново пересмотреть ряд приемов исторической критики.

Иезуиты основали свое ученое общество в Париже. Их центром была Клермонская коллегия, где они собрали огромную библиотеку рукописей, особенно из Меца и окрестных монастырей, из Реймса и даже из Корби, фонд которого перешел в библиотеку бенедиктинского монастыря Сен-Жермен де Прэ. Возникает вопрос, откуда взялись у них эти старинные рукописи. Ведь иезуиты появились во Франции только с середины XVI в. Дело в том, что часто они брали взаймы рукописи бенедиктинцев и не возвращали их.

Другим важным центром иезуитской учености был в XVII в. Антверпен. После нидерландской революции Антверпен оказался в числе тех областей, которые остались за Испанией и где особенно широко развилась католическая реакция. Здесь учреждается ряд монастырей и католических конгрегаций, и католическая наука, в частности иезуитская, здесь достигает своего наивысшего развития. В Антверпене стало выходить издание «Жития, или деятельность святых, сколько их почитается во всем мире» («Acta Sanctorum») — общее собрание всех житий святых. Это издание было начато иезуитом Жаном Болландом (1596—1665) в 1643 г. Оно было прервано в 1794 г., когда Бельгия и Голландия были захвачены революционной Францией, и, возобновленное в 1837 г. в Брюсселе, продолжается иезуитами до настоящего времени.

Общество иезуитов, созданное для подготовки этого издания, по имени Болланда получило название «общество болландистов». Оно получало материал таким же образом, как и парижские иезуиты. Кроме того, ведя обширную переписку, они получали факсимиле рукописей из разных монастырей других стран.

Издание «Acta Sanctorum» преследовало определенную цель: под видом совершенно точного издания источников, под видом их исторической критики, даже критики скептического характера, провести и защитить культ святых. Болландисты собрали все материалы, которые относились к житиям святых, подвергли их тщательной исторической критике и печатали, представляя их читателям не как легенды, какими они являлись в действительности, но как нечто проверенное научной исторической критикой. Что касается «бесспорно» святых, то самые невероятные вещи об их чудесах приводились в этом издании как историческая истина, которая будто бы подтверждена точным историческим исследованием и сличением источников.

Все святые расположены в этом издании в определенном порядке, но не в хронологическом, как у Мабильона, в его издании житий святых бенедиктинского ордена, а в порядке месяцев и дней, в которые праздновалась память этих святых. Каждому месяцу посвящено два тома. Конечно, этим «Житиям» нельзя придавать значения научного труда, продиктованного стремлением к истине. Тем не менее они представляют ценный исторический источник. В житиях святых имеется ряд важных подробностей, которые часто бывает очень трудно установить по другим источникам. Это предприятие болландистов дало начало очень важным критическим изысканиям. Для того чтобы правильно прочитать то или иное житие, необходимо было провести большую палеографическую работу, произвести сличение рукописей, выделить вставки, сравнить с другими источниками. Все это заставляло болландистов прибегать к различным новым приемам исторической критики. В этом отношении иезуиты шли навстречу духу времени и иногда даже хватали через край в своей исторической критике, чтобы придать больше достоверности тем выводам, которые они получали.

Помощником, а затем преемником Болланда в этих изданиях был Даниэль Папebroш, или Папенбрук. В 1675 г. он выпустил второй том житий святых, которые празднуются в апреле, предпослав ему критическое введение, представляющее для нас особый интерес. Оно озаглавлено так: «Антикварное введение относительно различения подлинного и подложного в старинных пергаментах».

Изучая жития святых, особенно святых франкской эпохи, Папebroш встретился с различными грамотами, главным образом касающимися всякого рода дарений, и, сличив все эти грамоты, он пришел к выводу, что почти все грамоты меровингской эпохи являются подложными. Большая часть этих грамот находилась в руках бенедиктинских монастырей, и у Папebroша было лишь незначительное число подлинных грамот, но много списков и факсимиле, которые не совсем точно воспроизводили характер этих грамот. При сопоставлении этих грамот он пришел к выводу, что все притязания бенедиктинцев на различное имущество и привилегии являются необоснованными. Тут, несомненно, сказалось соперничество иезуитов с бенедиктинцами, хотя Папebroш говорит, что им руководило в данном случае только стремление выявить историческую истину. По мнению Папebroша, от VII в. не сохранилось ни одного подлинного диплома. Он высказывает предположение, что, чем древнее диплом, тем больше оснований думать, что этот диплом подложный.

Конгрегация св. Мавра поручила Мабильону составить возражение Папebroшу, и Мабильон блестяще выполнил это поручение. Он создал новую науку — дипломатику. В 1681 г. вышла его знаменитая работа — «Шесть книг о дипломатике»⁶, где он с большим знанием дела устанавливает, по каким признакам можно в действительности выяснить подлинность той или иной грамоты. Мабильон в этой работе в сущности дал полный очерк этой вспомогательной дисциплины, все способы, с помощью которых можно отличить подлинный диплом от подложного. Он попытался в этой книге дать основы научной палеографии, в частности историю отдельных шрифтов, которые имеются в старинных книгах и грамотах. Правда, он наделал много грубых ошибок, так как не всегда мог точно определить происхождение тех или других грамот и шрифтов. Его теория о национальных шрифтах, которые будто бы были принесены отдельными варварскими племенами в Римскую империю, не выдерживает критики, но все же основы новой науки дипломатики были им заложены.

Надо сказать, что Мабильон при написании этой книги использовал огромный материал. Ему помог ряд крупных ученых-эрудитов того времени, в том числе знаменитый Дюканж, о котором речь будет впереди.

Работа Мабильона получила признание даже со стороны иезуитов. Папebroш вынужден был заявить, что теперь он вполне убедился в своей неправоте. Однако работа Мабильона не прекратила гиперкритических нападков отдельных иезуитских ученых на те грамоты, которыми пользовались бенедиктинцы.

В качестве примера такой гиперкритики представляет известный интерес работа иезуита Ардуэна (1646—1709), вышедшая в 1693 г. и отчасти посвященная нумизматике. В этой работе он, между прочим, разбирает и общую проблему достоверности сообщений античных писателей. Он пришел к парадоксальным выводам, объявив подложной всю античную традицию. Исключение составляют Цицерон, Плиний старший, отчасти Вергилий и Гораций, а из греческих писателей подлинными являются только Гомер и Геродот. Акты соборов — тоже сплошная фальшивка, как и писания отцов церкви; «Новый Завет» написан сначала по-латыни и лишь потом переведен на греческий язык. Все документы, написанные на англосаксонском языке, — сплошная фальшивка, да и самый англосаксонский язык поддельный, он никогда не существовал. Все это, как утверждает Ардуэн, состряпали бенедиктинцы для возвышения своего ордена.

В 1704 г. другой иезуит — Жермон вновь подверг критике всю традицию, которая основывалась на грамотах. Он объявил, что вся рукописная традиция может быть и подлинная, но испорчена переписчиками, которые так исказили все рукописи, имеющиеся в распоряжении ученых, что пользоваться ими невозможно. Критика Жермона, несомненно, страдает чрезмерным преувеличением и уводит читателя в сторону от исторической истины. При всем том, однако, в процессе развития даже такой гиперкритики выработывались основы здорового скепсиса, необходимого и для правильной научной исторической критики.

Из работ эрудитов-иезуитов следует указать еще работу Дионисия Петавиуса, или, иначе, Дени Пето (1583—1658), «О науке хронологии»⁷, опубликованную в 1628 г. Пето заложил в ней основы практической хронологии, в значительной степени основываясь на предшествующих

⁶ J. M a b i l l o n. De re diplomatіca libri sex. Parisiorum, 1681.

⁷ D. P e t a u. De doctrina temporum, vol. 1—3. Venetiis, 1757.

работах. Он подвергает анализу те системы летоисчисления, которые существовали в древние времена и в средние века, разбирает реформу календаря, произведенную в XVI в., и значительную часть своего труда посвящает вопросу о вычислении Пасхи, которое играет в католическом календаре очень важную роль.

Пето сделал чрезвычайно много для выяснения различных систем календаря, но до научности его работе очень далеко. Достаточно указать на то, что он отрицает теорию Коперника. Его работа представляет своего рода иезуитскую подделку под научность, хотя она дает много материала для понимания старинных способов летоисчисления и для практического установления дат.

Рассмотренных нами ученых XVII в. следует назвать не столько историками, сколько эрудитами. Их работы поражают нас своими огромными размерами.

Нередко у буржуазных историков нашего времени можно встретить утверждение, что как раз в то время, когда работали эрудиты, были заложены основы современной научной истории. Я думаю, что это заявление можно принять лишь с очень большими оговорками. Ни о какой научной истории в этих многотомных трудах говорить не приходится. Мы здесь имеем лишь попытки систематизации огромного рукописного материала — главным образом хроник, отчасти подлинных документов, — который остался от средневековья. Собрать этот материал, подвергнуть его критике и издать было, конечно, большой заслугой. Но мы не должны забывать, что все это делалось с определенной целью, с определенной тенденцией. Материал подбирался и систематизировался для того, чтобы доказать правоту католического учения с целью защиты его от нападков протестантов. Не менее важной задачей церковных эрудитов была защита католической религии и церкви от свободомыслия, которое в XVII в. стало расти в связи с развитием естествознания и попытками применить методы естествознания к истории и политике. Словом, эта гигантская собирательная работа эрудитов делалась, как было уже отмечено, «для возвеличения славы господина бога», а отнюдь не с чисто научными целями, как считают теперь буржуазные историки.

Когда Мабильону говорили, что открываемые им материалы и хроники противоречат интересам церкви, то он будто бы отвечал: «Я забочусь только об интересах науки, а ваше дело — заботиться об интересах церкви». Эта лицемерная фраза в устах бенедиктинца, очевидно, была продиктована лишь стремлением прикрыть свои истинные цели заботами якобы о научной истине. Это была защитная окраска, которой хотели обмануть врагов и которая нередко вводит в заблуждение еще и в наши дни даже добросовестных исследователей. Мы уже отмечали, что критика источников у церковных эрудитов XVII в. носила чисто формальный характер. Но в области формальной критики они, действительно, сделали много. Мы видели, что потребности прочтения, датировки и определения подлинности источников при их подготовке к печати положили начало таким вспомогательным дисциплинам, как палеография и хронология. Конгрегация св. Мавра продолжала работу по дипломатике, начатую Мабильоном. Вслед за работой Мабильона «О дипломатике» мавристы подготовили ряд других сочинений на эту тему. Из них наиболее известной является большая шеститомная работа — «Новый трактат о дипломатике»⁸, написанный двумя бенедиктинскими мона-

⁸ Ch. F. T o u s t a i n. Nouveau Traité de diplomatique ou l'on examine les fondemens de cet art, vol. 1—6. Paris, 1750—1765.

хами — Тассеном и Тустеном (1750—1765). Авторы ее проделали очень большую систематизаторскую работу, развили и исправили многие положения Мабильона, а также сделали попытку дать новое построение палеографии. Они отвергли ряд ошибочных утверждений Мабильона относительно палеографии, в частности его мнение о том, что каждое новое варварское племя, поселявшееся на территории Римской империи, приносило с собой новый шрифт, и встали в этом вопросе на точку зрения гениального дилетанта Маффеи, который еще раньше критиковал это неверное положение Мабильона.

Надо сказать, что написание этого трактата, как и работа Мабильона, направленная против Палеброша, было вызвано отчасти полемическими целями. Тассен и Тустен стремились в этой работе защитить старинные документы, находившиеся во владении бенедиктинцев, от гиперкритических нападок полемического характера со стороны иезуитов. Целью этого труда, как говорят сами авторы, было подвести твердый фундамент под исторические исследования и подорвать современный скептицизм, крайнее недоверие к старинным документам, которое, особенно в работах Ардуэна и других иезуитов, достигло чрезмерных масштабов.

Этот «Новый трактат о дипломатике», в котором, несомненно, имеются элементы серьезного научного подхода к критике источников, способствовал дальнейшему развитию дипломатики.

Следует указать и на некоторые работы такого же характера, как и работы бенедиктинцев и иезуитов, но вышедшие из других обществ и ученых ассоциаций. Одним из очень интересных моментов в истории французской культуры того времени было возникновение такого своеобразного религиозно-философского общества, каким был «Port Royal», ставший с конца 20-х годов XVII в. одним из центров янсенизма.

Янсений (1585—1638) — нидерландский богослов, который старался провести в католичестве линию, примиряющую его с протестантством, в частности с основной идеей кальвинизма — с идеей об абсолютном предопределении. Его взгляды нашли отклик во Франции, где его последователи создали в женском монастыре «Port Royal» центр религиозной пропаганды и ученой деятельности. При этом монастыре создано особое рода общежитие для ученых, и самый монастырь из религиозного учреждения превратился почти в ученый салон. В этом общежитии жил ряд крупных ученых, в том числе знаменитый философ Паскаль, сестра которого была одной из монахинь «Port Royal». Обитатели этого монастыря не принимали никаких определенных монашеских обетов. Они разрабатывали различные вопросы богословия и философии. Здесь была их школа с особыми, новыми методами преподавания. Отсюда вышел ряд крупных научных философских и исторических работ.

«Port Royal» подвергся преследованиям со стороны иезуитов, с которыми это своеобразное полумонашеское ученое общество находилось в ожесточенной полемике. В 1653 г. папа запретил изложение учения янсенистов, а затем в 1709 г. «Port Royal» был закрыт и разгромлен королем Людовиком XIV по наущению иезуитов. Монахини были разогнаны, и даже здание, в котором жили ученые, было разрушено.

Это «ученое общество» тоже издало ряд интересных работ эрудитского характера. Среди них на первом месте стоят работы Луи-Себастьяна Тилемона по истории церкви и по истории Римской империи. Тилемон (1637—1698) первоначально предполагал написать историю первых шести веков христианской церкви с целью выяснить, какой строй существовал в первые века в христианской церкви, так как вокруг этого

вопроса всегда велось много споров. Но затем он увидел, что историю церкви нельзя отделить от истории Римской империи, и начал также писать и историю империи. В результате получились две работы: «История императоров и других государей, которые царствовали в течение 6 первых столетий церкви» и «Записки по истории церкви 6 первых столетий»⁹. Кроме того, у Тилемона есть еще ряд других работ.

Чтобы дать представление о трудолюбии Тилемона, достаточно заметить, что только одна из этих работ состоит из 16 томов *in quarto*. Но при всем том эта работа представляет преимущественно лишь собрание и более или менее систематическое изложение материала.

Тилемон еще меньше историк, чем Мабильон. Единственная его цель — возможно более тщательно, возможно более дословно воспроизвести источник. Где только можно, он говорит словами источника. Мы часто видим у него простой (точный) пересказ источника; в тех случаях, когда он по-своему излагает источник, он это специально оговаривает. На полях имеются ссылки и выдержки из источников, чтобы можно было обратиться непосредственно к ним. Если Тилемон в свою работу вводит какие-нибудь собственные слова, то он часто выделяет их скобками. К пропускам и изменениям он прибегает лишь тогда, когда античные авторы слишком расходятся с ханжеским целомудрием яansenизма, которое они восприняли от кальвинистов. Тилемон использовал исключительно источники повествовательного характера; документы, надписи, монеты им не использованы, зато он дает почти дословный пересказ хроник. Никакого своего мнения у Тилемона мы не видим, никаких своих исторических взглядов он не проводит. Правда, некоторые критики находят, что это очень хорошо, потому что в тех немногочисленных случаях, когда Тилемон пробует высказать свои взгляды, они оказываются до такой степени наивными, что от отсутствия их книга ничего не потеряла бы. Попытки критики источников мы здесь почти не видим. Самое большое, что можно здесь найти в этом отношении, — это попытки сопоставления источников, попытки создать между ними известную искусственную гармонию. Все же Тилемон собрал солидный материал источников, не утративший своего значения до нашего времени.

В общем, работы ученых-яansenистов, вышедшие из другой среды, хотя и католической, но близкой к протестантским взглядам, не дают ничего нового в смысле исторического метода, в смысле более глубокого изучения материала по сравнению с работами бенедиктинской и иезуитской конгрегаций.

Мы должны также отметить работы некоторых ученых учреждений, которые появляются в то время. В XVII в. во Франции по инициативе королевской власти создается ряд академий. Это уже объединения особого типа, которые имеют целью развитие науки и искусства в интересах абсолютизма. Такова Французская академия, основанная в 1635 г. кардиналом Ришелье. В 1663 г. Кольбером была основана другая академия, которая сыграла немалую роль в развитии исторической науки, — Академия надписей и медалей. (В XVIII в. она стала называться Академией надписей и изящных искусств.) Кольбер же основал в 1666 г. Академию наук естественных. Все эти академии во время французской революции были объединены во Французский институт.

⁹ *Le Nain de Tillemont. L. S. Histoire des empereures et des autres prince qui ont régné durant les six premiers siècles de l'Eglise. Paris, 1690—1738; Nain de Tillemont. Mémoires pour servir à l'histoire ecclesiastique des six premiers siècles. Paris, 1699—1716.*

Из этих академий вышли также и работы исторического характера. Среди них можно отметить работы Ж. Б. Сен-Палэ¹⁰, который издал ряд исследований.

Жана Батиста Сен-Палэ называют иногда первым ученым, поставившим историческую науку на путь специальных исследований. Это не совсем точно. И прежде занимались не только общими вопросами, но и специальными исследованиями, да и работы самого Сен-Палэ носят довольно общий характер.

Его главная работа — «Рассуждения о древнем рыцарстве»¹¹ (1759—1781) посвящена истории рыцарства, другая его книга — истории трубадуров.

В числе работ, вышедших из академий, можно еще назвать работу Луи Жоржа Брекиньи¹² — «Собрание королевских ордонансов»¹³.

Но в XVII в. работа по собиранию, критике и публикации источников шла и помимо всяких конгрегаций, академий и т. д. Из таких работ, выполненных отдельными лицами, на первом месте надо отметить работы Этьена Балюза (1630—1718), знаменитого издателя «Капитуляриев франкских королей»¹⁴.

Первое издание этого собрания документов, вышедшее в 1677 г., потребовало очень большой работы по критическому отбору капитуляриев. Мы остановимся коротко на этом издании, поскольку оно показывает те трудности, с которыми пришлось столкнуться Балюзу.

Балюз включил в капитулярии франкских королей большинство так называемых «варварских правд». Основанием для этого послужило то, что эти «варварские правды» имеют связь с капитуляриями через так называемые «*Capitula legibus addenda*», которые представляли собой позднейшие дополнения королей к «варварским правдам». Тем не менее основной текст «варварских правд» независим от каких бы то ни было капитуляриев. Поэтому Балюз совершил ошибку, отождествляя некоторые «варварские правды» с капитуляриями тех или других королей. Например, «Рипуарскую правду» он включил в свое издание в качестве капитулярия короля Дагоберта. «Салическую правду» он относит ко времени Карла Великого. В наше же время научно доказано, что основной, древнейший текст этого памятника относится ко времени Хлодвига.

В капитулярии он очень часто включает постановления церковных синодов. Это объясняется тем, что самый термин «капитулярий» не был им установлен достаточно точно. Вообще в этом издании встречается много ляпсусов, но все же историки того времени вполне могли им пользоваться.

Я хочу обратить ваше внимание на то, что работа Балюза, при всем ее несовершенстве, включала в себя все основные капитулярии франкских королей. При этом текст их дан очень точно. Кроме того, надо сказать, что в этой работе Балюз не имел предшественников. Ему пришлось начинать все это дело.

¹⁰ Жан Батист Сен-Палэ (1697—1781) — член Академии надписей и медалей и Французской академии. (Прим. ред.)

¹¹ La Signe de Sainte-Palaye. J. B. Mémoires sur l'ancienne chevalerie, vol. 1—3. Paris, 1781.

¹² Л. Ж. Брекиньи (1714—1794) — член Академии надписей и Французской академии, известный эрудит XVII в. (Прим. ред.)

¹³ L. G. В г é q u à g n y. Ordonnances des Roys de France, vol. 1—23. Paris, 1733—1847.

¹⁴ Etienne B a l u z e. Capitularia regum francorum. Parisiis, 1677.

Балюз издал также письма папы Иннокентия III¹⁵. Это издание по научным достоинствам считается выше «Капитуляриев франкских королей».

Говоря о больших исторических работах, вышедших в то время из-под пера отдельных исследователей, не связанных ни с какими конгрегациями и академиями, необходимо указать на известную всем медиовистам работу Шарля Дюканжа (1610—1688) «Словарь к произведениям авторов, писавших на средней и низкой латыни»¹⁶. Эта работа переиздавалась много раз. Первое издание, вышедшее в 1678—1679 гг., было только в трех томах. Этот словарь представляет собой совершенно незаменимый справочник и словарь для работы над средневековыми текстами. Средневековая латынь, как вам всем хорошо известно, легче классической латыни; читать ее нетрудно, но беда в том, что в ней имеется огромное количество терминов, слов и выражений, которые совершенно чужды классической латыни и которые требуют специального изучения. Дюканж значительную часть своей жизни посвятил именно этой работе, т. е. выписке из средневековых рукописей всякого рода выражений, трудных для понимания, причем, надо сказать, он обладал очень широкими познаниями, которые давали ему возможность сопоставлять и объяснять действительный смысл этих выражений. Свои толкования слов он дает на классической латыни, сопоставляя все средневековые тексты, где встречается то или другое трудное слово.

Словарь Дюканжа в настоящее время за счет многочисленных дополнений разросся с трех томов до десяти, и без него, повторяю, теперь совершенно немыслима серьезная работа над латинскими рукописями.

До сих пор я останавливался исключительно на французских авторах. Дело в том, что в XVII в. именно к Франции переходит ведущая роль в историографии, вернее, в той области историографии, отличительными признаками которой являются огромная эрудиция, накопление источников, предварительная их критика и обработка.

Во Франции в то время начинается также развитие новой для Западной Европы исторической дисциплины — византиноведения. Именно здесь впервые начинается научное изучение истории Византии, которой до сих пор интересовались чрезвычайно мало.

Нетрудно установить ту связь, которая существовала между изучением истории Византии и укреплением французской абсолютной монархии. Византия выступала официальной историографией как образец монархических учреждений, как образец императорского абсолютизма, и изучение истории Византии должно было усилить уважение к власти монарха; с другой стороны, изучение истории Византии представляло особый интерес и для политических теоретиков абсолютизма.

В XVII в. во Франции входит в моду коллекционирование греческих рукописей, для закупки которых отправляются специальные агенты. Союзные отношения, существовавшие в то время между Францией и Турцией, облегчали подобного рода приобретения. В частности, знаменитая библиотека кардинала Мазарини заключала в себе огромное число греческих рукописей. После его смерти она перешла в королевскую библиотеку. Начало этой библиотеки было положено еще в XIV в. Карлом V, но настоящим основателем ее являлся Франциск I. Эта библиотека составила ядро существующей в наше время Национальной библиотеки в Париже.

¹⁵ «Epistolarum Innocentii III» ed. Baluzius. Parisiis, 1682.

¹⁶ D u C a n g e. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, vol. I—10. Paris, 1937—1938.

Большую личную библиотеку собрал и Кольбер, который одно время заведовал и Королевской библиотекой. Его библиотека, приобретенная в XVIII в. королем, также заключала в себе большое число греческих рукописей.

В 1648 г. из королевской типографии вышел первый том издания собрания византийских историков. Это огромное издание, заключающее в себе 34 тома «in folio», продолжалось в течение ряда десятилетий.

Шарль Дюканж также написал ряд трудов по византиноведению. Он был таким же знатоком греческих древностей, как и латинских. Крупная его работа в этой области — «История Константинопольской империи при французских императорах»¹⁷.

Другие две его работы — это «Византийская генеалогия» и «Топография Константинополя в 1453 году» — перед завоеванием его турками. Но самая главная его работа по византиноведению, которая является столь же необходимой для изучающих византийскую историю, как его «Glossarium» для изучающих западное средневековье, — это его «Словарь средневекового греческого языка»¹⁸, вышедший впервые в 1688 г.

Затем Дюканж дал ряд изданий византийских источников. Таким образом, можно сказать, что Дюканж в этом смысле является одним из основоположников изучения Византии в Западной Европе.

Огромную работу в этом же направлении проделал и один из бенедиктинцев Конгрегации св. Мавра — Монфокон, младший современник Мабильона, сделавший для греческой палеографии примерно то же, что сделал Мабильон для латинской дипломатики.

Бернар Монфокон (1655—1741) является основателем греческой палеографии. Он не только установил основные греческие шрифты, не только научил историков их читать, но ввел новый принцип точного определения даты рукописи по ее шрифту. До этого в тех случаях, когда не было определенного указания на дату в самой рукописи, обычно писали так: «antiqua vetustissima» («очень древняя рукопись»). Монфокон путем тщательного изучения шрифта датированных рукописей установил эволюцию греческого шрифта и дал возможность определить дату рукописи. Точность определения им рукописей довольно значительная.

Основной работой Монфокона является «Греческая палеография»¹⁹ (1708), в которой он дает не только очерк собственно истории греческого письма, но изучает происхождение письма вообще и его эволюцию. Она содержит в себе ряд интересных факсимиле с греческих рукописей и устанавливает довольно точно эволюцию греческого шрифта, книжного, уставного и курсивного. Затем Монфокон дает образцы разных шрифтов и эволюцию как отдельных букв, так и характера всего шрифта в разные эпохи.

Монфокон работал над своей «Палеографией» 20 лет и специально ездил в Италию для изучения греческих рукописей.

Он издал еще ряд других работ, из которых наиболее замечательной является «Описание греческих рукописей библиотеки Куалена»²⁰, или, по латинскому написанию, «Coisliniana» (1715).

¹⁷ Du Cange. Histoire de l'Empire de Constantinople sous les empereurs Français. Paris, 1657; Du Cange. Histoire Byzantine, duplici commentario illustrata («De familiis Byzantinis», «Constantinopolis Christiana»). Paris, 1680.

¹⁸ Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni, 1688.

¹⁹ B. Montfaucon. Paleographia Graeca. Parisiis, 1708.

²⁰ B. Montfaucon. Bibliotheca Coisliniana. Parisiis, 1715.

Описание этой библиотеки²¹ представляет очень большой интерес. Автор не только дает каталог, но производит анализ описанных рукописей, исследует шрифты, указывает с большей или меньшей точностью происхождение этих рукописей, место и время их возникновения, затем дает ряд неизданных до сих пор отрывков из рукописей в греческом оригинале и латинском переводе.

Монфокоп вообще одна из очень интересных фигур среди членов Конгрегации св. Мавра. Наряду с Мабильоном это один из крупнейших ее представителей. Он очень много занимался историей искусств. У него имеется сочинение в 15 фолиантах «Древности, объясненные и представленные в рисунках»²². Это собрание всякого рода изображений произведений искусства, героев мифологии, предметов быта и т. д. Все это в рисунках, фресках, статуях и других памятниках, которые были им изучены во время путешествия по Италии.

На этом мы закончим обзор той подготовительной, предварительной, собирательной работы в области истории, которая проводилась во Франции в течение XVII и в начале XVIII в.

Повторяю, что это не была еще история как наука. Говорить о научной базе истории в современном понимании в применении к этим работам было бы безусловно неправильно и преждевременно. Но работа, проделанная эрудитами, все же принесла заметные результаты. Было собрано и изучено огромное число средневековых источников и заложены твердые основы для формальной критики этих источников, что уже не мало само по себе. Эта работа велась главным образом во Франции, которая была в XVII в. центральным пунктом не только европейской политики, но и европейской культуры и служила образцом для подражания, особенно в отношении придворной культуры, усиленно насаждавшейся абсолютизмом.

Но было бы неправильно думать, что только в одной Франции производилась в XVII в.— начале XVIII в. такая огромная собирательная и критическая работа. Мы видим ее и в других странах, но в сравнительно меньшем масштабе. В Германии представителем такого рода эрудитской деятельности в области истории был знаменитый философ и ученый Лейбниц (1646—1716), открывший и изучивший дифференциальное исчисление. Лейбниц был одним из авторов проекта учреждения Академии наук в России, составленного по заказу Петра I, и автором целого ряда других проектов научных ассоциаций, которые, как он считал, должны были покрыть Западную Европу. У него был грандиозный план изучения истории Германии. Он мечтал о создании в Германии Коллегии германских историков, наподобие конгрегации мавристов, а также об издании «Императорских анналов Германии» — своего рода хроники германской истории от ее начала и до XVII в.

Но в Германии для развития такой научной деятельности не было соответствующих предпосылок, прежде всего политических. Раздробленная на множество мелких владений Германия и, в частности, ее правители — князья — еще не испытывали нужды в создании такой всеобъемлющей истории. Каждый из мелких владельцев думал только об инте-

²¹ Эта библиотека была собрана канцлером Сегье, преемником Мазарини, за счет настоящего опустошения греческих библиотек французскими агентами, которые особенно много греческих рукописей приобрели в Афоне. После смерти Сегье эта библиотека перешла к его племяннику Куалену — епископу Мецскому. В это время она и была описана Монфокопом. Впоследствии она перешла к монастырю Сен-Жермен де Прэ. (Прим. автора)

²² В. М о n t f a u c o n. Antiquité expliquée et représentée en figures, vol. 1—5. Paris, 1722.

ресак своего маленького княжества, или, лучше сказать, своей династии. При таком положении не мог быть создан крупный, всеобъемлющий научный труд. Поэтому Лейбницу вместо «Императорских анналов Германии» пришлось писать другую работу — «Брауншвейгские анналы»²³, поскольку он состоял на службе у брауншвейгской княжеской фамилии. Но и эту работу он не закончил. Она считалась долгое время пропавшей и была открыта только в XIX в. Эта работа охватывает период с 768 по 1005 г.

Когда мы читаем эту работу, нам кажется странным, что она вышла из-под пера Лейбница, такого крупного мыслителя, потому что в вопросах установления исторической связи между событиями он стоит не выше французских эрудитов, таких, как Мабильон или Тилемон. На эту работу можно смотреть как на предварительное собрание материала, еще не оконченное. Во всяком случае Германия не сыграла большой роли в том движении по собиранию и подготовке исторических материалов, которое так ярко обозначилось в XVII в.

Несколько большую роль сыграла Италия, где политические условия также не были очень благоприятны для широкой организации исторических трудов, но где зато были богатейшие материалы, которые сами просились в обработку. Поэтому в Италии в XVII в. мы видим создание таких крупных исторических работ, которые напоминают издания французских эрудитов.

Следует назвать одного из крупнейших издателей и критиков источников, с именем которого нам придется встречаться в дальнейшем, — Муратори (1672—1750). Это один из замечательнейших эрудитов своего времени. Уже в 22 года он был директором Миланской библиотеки, одной из знаменитейших библиотек в Европе, а затем стал библиотекарем герцогов Моденских. Основные его исторические работы — «Анналы Италии»²⁴ и «Средневековые древности Италии»²⁵. «Анналы Италии» — это по преимуществу политическая история Италии от начала нашей эры до 1749 г., вторая же работа — это история культуры (учреждений, нравов, обычаев) Италии в период V—XIII вв.

Особенно известен Муратори своим капитальным изданием источников по истории Италии — «Историки Италии от 500 до 1500 гг.»²⁶. Это издание начало выходить в Милане в 1723—1751 гг. и затем продолжалось в XIX в.

Если оценивать Муратори как историка, а не только как издателя древних авторов, то нужно признать, что он стоит, несомненно, выше бенедиктинцев, в частности Мабильона. Он не был связан какими-нибудь религиозными обязательствами и поэтому мог свободно относиться к тому религиозному материалу, которым оперирует. Он решительно отбрасывает всякого рода чудеса и знамения, но у него есть противоположная тенденция — преклонение перед светской властью. Поэтому в истории спора пап с императорами он принципиально, неизменно держит сторону императоров. В этом смысле он постоянно полемизирует с церковными анналами Барония. Критика источников у Муратори глубже, чем у Мабильона, так как он подвергает их известной внутренней критике и с точки зрения содержания старается установить их

²³ G. W. L e i b n i t z. *Annales imperii Occidentis Brunsvicenses*; G. W. L e i b n i t z. *Gesammelte Werke*. Leipzig, 1950.

²⁴ A. M u r a t o r i. *Annali d'Italia*, vol. 1—12. Milano, 1744—1749.

²⁵ A. M u r a t o r i. *Antiquitates Italiae medii aevi*. Mediolani, 1738—1742.

²⁶ A. M u r a t o r i. *Rerum Italicarum Scriptores ab anno Chr. 500 ad 1500*, vol. 1—23. Citta di Castello, 1900—1913.

политическую тенденцию. По своей эрудиции он не ниже Мабильона, и среди издателей и собирателей старинных материалов, которые заложили материальную основу для изучения источников, Муратори занимает одно из важных мест.

Другой итальянский собиратель — Джироламо Тирабоски (1731—1794) опубликовал в 1771 г. «Историю итальянской литературы»²⁷ от эпохи Августа до начала XVIII в. Эта работа составлена по образцу «Литературной истории Франции», и на нее ссылаются и до настоящего времени. Но это, собственно говоря, не столько история литературы, в тесном смысле этого слова, сколько, как и «Литературная история Франции», история всей письменной культуры Италии; вернее, даже не история в нашем смысле этого слова, а систематически, более или менее хронологически изложенное описание материалов по этой теме.

Говоря об итальянских эrudитах, нельзя не назвать еще одного имени, которое, однако, стоит совершенно особняком от других имен, упоминавшихся выше. Это имя маркиза Сципиона Маффеи (1675—1755). Это не специалист-ученый, а, скорее, дилетант, который занимался решительно всем, чем угодно. Он писал о дуэлях, о верховой езде; он составил путеводитель по Вероне. Как раз этот путеводитель послужил толчком к его совершенно исключительным открытиям в области палеографии.

Маффеи жаловался своим друзьям, что в Италию, чтобы посмотреть ее древности, приезжает множество иностранцев, а для них нет хорошего путеводителя. Они предложили ему самому написать этот путеводитель. Он начал собирать материал и в библиотеке Вероны нашел собрания и рукописи, которые считались погибшими. Оказывается, что во время одного из наводнений эти рукописи положили на шкафы и забыли о их. Их разыскивали Мабильон и Монфокоп, которые приезжали в Италию. Им сказали, что этих рукописей нет, но Маффеи их нашел. На основании изучения этих рукописей Маффеи с полной достоверностью установил, что все латинские рукописи одного происхождения, что нет никаких национальных шрифтов, принесенных варварскими племенами, что все шрифты являются видоизменением латинского шрифта.

Таким образом, Маффеи является одним из основоположников научной латинской палеографии. Хотя заслуга Мабильона в разработке этой науки также очень велика, но в этом вопросе, как мы видели, он стоял на неправильном пути.

На этом можно закончить ту часть курса, которая посвящена подготовке исторического материала эрудитами. Мы встретили здесь обширные исторические труды, которые современная буржуазная историография нередко объявляет началом научного изучения истории. Мы видели однако, как еще мало истинной науки в этих огромных изданиях. Та абсолютистско-церковная «наука», которая господствовала в сочинениях мавристов и иезуитов того времени, в сущности еще не наука. Мы имеем здесь лишь собрание огромного материала. Работа эрудитов XVII—XVIII вв. лишь создала известную базу для научной истории. Прежде всего они опубликовали массу источников, которые до этого времени, находясь в монастырских архивах, были недоступны, а теперь благодаря эрудитам были систематически изучены и изданы. Они собрали массу фактического материала и делали попытки систематизации этого материала, что привело их к созданию известных начал научной

²⁷ G. T i r a b o s c h i. Storia della letteratura italiana, vol. I—9. Venezia, 1823—1825.

критики палеографии. В работах Мабильона и Монфокона были заложены основы дипломатики и палеографии. Но если попытаться дать общую оценку всей работе эрудитов, то надо признать, что идейно-теоретически она очень бедна. С этой точки зрения она чрезвычайно мало отличается от того, что мы наблюдали в пору господства средневековых хроник, и представляет собой по сравнению с гуманистической историографией, скорее, шаг назад. При всех ее слабостях, при всем ее некритическом преклонении перед античностью, гуманистической историографии историческая наука обязана целым рядом достижений. Из них главным было то, что гуманизм покончил с церковным мировоззрением в истории, секуляризировал историю. В этом огромная заслуга гуманистической историографии. Историки же эрудиты XVII в. вернулись к тем историческим воззрениям, которые были распространены в самую глухую пору средневековья. Перст божий, вмешательство божье, вплоть до идеи о 4-х монархиях, все эти положения, которые господствовали в средневековых хрониках, были вновь восстановлены и приняты как непреложная истина в исторических сочинениях эрудитов XVII в.

«Век Людовика XIV» — XVII в. — время последней вспышки феодальной культуры, и эрудиты этого века выступают в роли душеприказчиков умирающего феодального мира. Они, как бы выполняя его «завещание», спешат собрать, расставить по полкам, составить каталоги и описать его наследие перед тем, как оно будет сдано в архив, и прежде чем их самих сдадут в архив. Собирая и вороша огромную кучу средневековой традиции, они преследовали определенные идейные и политические цели — оправдать и защитить готовые уйти со сцены средневековые учреждения и прежде всего главные из них — католическую церковь и абсолютную монархию.

И хотя их труды во многом облегчили работу последующим поколениям историков, оценивая эти труды в целом, надо всегда помнить, что в подавляющем своем большинстве эрудиты XVII в. были представителями реакционной феодальной идеологии, врагами новых, прогрессивных социальных и политических учений своего времени.

Каков был общий, весьма низкий, научный уровень этой реакционной идеологии, можно увидеть на примере исторической концепции Боссюэ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ БОССЮЭ

Своеобразную попытку дать освещение всей истории человечества под определенным углом зрения мы видим у одного из наиболее ярких представителей союза церкви и государства во Франции XVII в. — именно у Боссюэ.

Боссюэ во многих отношениях стоит еще на вполне теологической точке зрения, в том виде, в каком она выработалась в средние века. Вместе с тем мы находим у него известную попытку использовать и приспособить для общих исторических воззрений некоторые моменты из той теории естественного права и общественного договора, которая развивалась буржуазными мыслителями XVII в. На концепции всемирной истории у Боссюэ необходимо остановиться потому, что она оказала чрезвычайно сильное влияние на дальнейшее развитие французской историографии. Как ни беспомощны, как ни наивны его представления, но эта его концепция изучалась во французских школах еще в XIX в. как образец исторического сочинения.

Жан Бени Боссюэ (1627—1704) был священником, доктором богословия и прославился как замечательный проповедник. Особенно знамениты были его надгробные речи, которые представляли собой образец ораторского искусства и стиля.

В 1669 г. он достиг сана епископа, а в 1670 г. был приглашен ко двору как наставник дофина и 9 лет оставался в этой должности. Одновременно с этим он сохранял и епископский сан.

Его главная историческая работа — «Рассуждение о всемирной истории»¹ (1681), в которой он дает историю от сотворения мира до Карла Великого.

Другое сочинение Боссюэ, может быть более интересное в смысле материала и методов разработки, но оказавшее меньшее влияние на дальнейшее развитие историографии, — его многотомный труд «История заблуждений протестантских церквей»² (1688).

Свои политические воззрения Боссюэ изложил в особом трактате — «Политика, извлеченная из подлинных слов священного писания»³. Первое издание этой работы вышло уже после смерти Боссюэ, в 1709 г.

¹ J. B. Bossuet. Discours sur l'histoire universelle. Paris, 1700.

² J. B. Bossuet. Histoire des variations des églises protestantes, vol. 1—3. Paris, 1844.

³ J. B. Bossuet. Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. Paris, 1709.

На основании этих работ мы и попытаемся охарактеризовать Боссюэ как историка. Я не буду сейчас подробно касаться той его работы, которая представляет главный интерес для современного историка, именно об отклонениях протестантских церквей от католицизма. Эта работа была написана в связи с подготовлявшейся в то время отменой Нантского эдикта. Главная цель ее — убедить протестантов вернуться в лоно католицизма. Боссюэ хочет доказать, что всякого рода уклонения от этой древнейшей, как он думает, традиционной религии неизбежно ведут к гибели.

Боссюэ был весьма ученым теологом и при этом прекрасно понимал, что его противники — протестанты — являются глубокими знатоками «Библии» и весьма искусными спорщиками в области богословия. Это заставляло его быть чрезвычайно осторожным и мягким в своей аргументации, выбирать факты возможно более критически. В этом смысле эта его книга представляет наибольший интерес. Основная идея этого сочинения заключается в том, что протестантизм — это не только отпадение от католицизма, но и результат стремления освободиться от авторитета вообще. Поэтому неизбежным следствием протестантского учения является либо атеизм, либо индифферентизм в религии, а в политике это приводит к низвержению существующего порядка. В качестве доказательства он приводит пример английской революции.

Рассмотрение исторических воззрений Боссюэ мы начнем с его политической теории, в которой он пробует объединить «Священное писание» с теориями догосударственного состояния и общественного договора, выдвинутыми буржуазными мыслителями XVII в. Он, так же как и теоретики-рационалисты, начинает с анализа человеческой природы, человеческого общежития. Он говорит, что человек создан для жизни в обществе — идея, близкая к идеям Гроция и Локка⁴. Но Боссюэ выводит это положение не из свойств человеческой природы, а из предписаний религии, из установленной религией обязанности любви к богу и ближнему. Все люди, с его точки зрения, — дети одного небесного отца, но тут же он упоминает и о моменте общей выгоды, заставляющей людей объединяться, ибо все люди являются членами одного тела.

Эта первоначальная гармония была, однако, разрушена грехопадением. Грехопадение играет определенную роль и в исторических представлениях Мильтона и Уинстенли⁵. Но у них мы видим, скорее, социальную окраску этого легендарного события, а у Боссюэ — этически-религиозную. Грехопадение, по его мнению, пробудило в человеке страсти, которые разъединяют людей, рождают столкновения. Кроме того, люди, размножившись, рассеялись по всей земле. Это создает новые, более тесные связи между людьми, чем связь, охватывающая все человечество. Отдельные народы не могут существовать без подчинения единой власти; лишь она может сдерживать страсти и служить связью между людьми. Так возникает единство отдельных народов. Каждый отрекается от своей воли и переносит ее на государя, к которому переходит власть. От власти зависит установление собственности, так как именно власть определяет права каждого. Власть, которая воздвигнута на этих основаниях, с точки зрения Боссюэ, вечна и неизменна. Она имеет божественное происхождение. Хотя все это подкреплено ссылками на «Священное писание», но самое построение носит явные следы влияния рационализма. Тексты лишь подтверждают это построение, иногда не совсем впад.

⁴ (См. ниже, лекции XI и XII. — *Ред.*)

⁵ (См. ниже, лекция XII. — *Ред.*)

Таким образом, с одной стороны, власть является результатом свободного общественного договора, с другой стороны, она исходит также и от бога, она строится по образцу божеской власти. Бог — царь вселенной, по образцу его власти создается отеческая, патриархальная власть. Потом народы, которые привыкли к отеческой власти, подчиняются монархам, которые заменяют им отцов. Но власть царей, кроме того, основывается и на завоевании; причем власть царя, если даже она первоначально была основана на завоевании и насилии, может стать законной в результате долговременного мирного обладания ею и согласия народов. Через это право силы превращается в право естественное. Таким образом, монархическая власть является властью, наиболее близкой к божественной, наиболее первоначальной по своему происхождению, наиболее распространенной и наиболее естественной, поскольку она имеет прообразом отеческую власть, и, наконец, эта власть является и наиболее сильной, поскольку она устраняет всякую рознь.

Монархия может быть различного устройства. Наиболее идеальной является монархия наследственная, основанная на правах первородства. При этом Боссюэ рассматривает государей как заместителей бога на земле и представителей отеческой власти, которые должны заботиться о народах. Боссюэ проводит противопоставление тирании и монархии, но не делает из этого никаких практических выводов. Тиранин заботится только о себе, а монарх заботится о народе. Это старая теория Аристотеля, но Боссюэ доказывает ее еще ссылками на «Священное писание». Правда, и при монархии может быть злоупотребление властью, но защитой от этого является церковь, религия. Каждое царство подчинено высшему царству — царству божьему. Истинный монарх живет в страхе перед богом.

Таким образом, на религию Боссюэ смотрит как на опору монархии, а с другой стороны — как на известное ограничение монархии. Признаком истинной религии, с его точки зрения, служит древность ее. Всякая ложная религия является нововведением. Государи должны быть хранителями истинной веры. Власть государя должна быть обращена на искоренение всяких ложных учений. Государь должен украшать храмы; Боссюэ считает святотатством покушение на церковную собственность. Здесь монархическая и церковная точки зрения выступают в полном согласии друг с другом. Эти взгляды Боссюэ отражают галликанскую точку зрения, которая устанавливается в то время во Франции. Боссюэ был одним из авторов галликанской декларации 1682 г., согласно которой устанавливалась независимость королевской власти от папства. Король не может быть низложен папой, подданные его не могут быть освобождены папой от присяги. Полнота власти короля в вопросах религии, однако, не распространяется на некоторые принятые во Франции постановления соборов. В то же время и суждения папы в делах веры признаются не подлежащими изменению только тогда, когда они приняты французской церковью. Таким образом, в этой декларации мы не видим идеи церковной, а тем более папской теократии. В ней проводится идея союза между церковью и монархией. Вся эта религиозно-политическая программа есть программа французского абсолютизма.

Каковы же обязанности подданных? Боссюэ говорит о безусловном их повиновении. Подданный должен любить монарха, как любит общественное благо, как любит свою жизнь и даже больше жизни. При этом надо повиноваться не только доброму, но и злому монарху, ни о каком сопротивлении, ни активном, ни пассивном, не может быть и речи. Бос-

сюэ допускает в этом отношении единственное исключение — когда государь предписывает что-нибудь противное богу и религии.

Таким образом, учение Боссюэ представляет собой своеобразное приспособление рационалистических представлений о происхождении общества к традиционному средневековому теологическому пониманию истории.

Рассмотрим теперь главную историческую работу Боссюэ — «Рассуждение о всемирной истории». Это — ничтожное произведение, которое, однако, получило необычайно широкое признание во Франции не столько из-за своего содержания, сколько из-за своего стиля, который высоко ценился во Франции Людовика XIV и в более позднее время. Во всех пособиях по истории французской литературы вы прочтете о Боссюэ как о классике французского языка. Изящный, приподнято-вычурный стиль этого произведения соответствовал вкусам известной части французского общества XVII—XVIII вв. Но если остановиться на основной тенденции этой книги, то она выглядит по меньшей мере странно в эпоху рационализма, в эпоху Декарта и Гоббса.

Вся эта книга носит морализирующий характер. Она была написана для педагогических целей, для поучения дофина, сына Людовика XIV, который должен был в свое время стать королем, но умер, не дожив до этого. Боссюэ старается убедить дофина, что короли являются лишь орудиями божественного промысла и их главная обязанность — это попечение о церкви, покровительство католицизму, преследование еретиков. Тут содержится своеобразная философия истории, согласно которой то преемство императорской власти, которое в более ранние эпохи средневековья считалось перешедшим к «Священной Римской империи Германской нации», путем некоторых подтасовок объявляется перешедшим к французским королям. Тем самым французские короли признаются подлинными преемниками Карла Великого. Боссюэ намечает в своей всемирной истории две основные темы — историю религий и историю империй. Религия и государственное управление — вот два полюса, вокруг которых вращается, с его точки зрения, вся человеческая история.

В первой части своего «Рассуждения» Боссюэ пробует наметить периодизацию истории.

Надо сказать, что как раз в XVII в. окончательно установилось то деление истории на три основных периода, которым мы пользуемся до настоящего времени. Оно имелось в зачаточном виде уже у историков-гуманистов, но считается окончательно установленным протестантским историком Целларием (Христофором Келлером), который в 1688 г. написал «Историю средних веков»⁶ — сочинение, где окончательно закрепилось это деление истории на три основных периода. Средние века Целларий начинает с IV в., со времени торжества христианства в Римской империи в эпоху Константина. Заканчиваются средние века, по его периодизации, падением Константинополя в 1453 г.

У Целлария мы видим попытку дать систематическую периодизацию исторического материала; хотя сколько-нибудь серьезно говорить о научных основах этой периодизации не приходится.

Если же мы посмотрим, какие периоды истории намечает Боссюэ, то придется сказать, что деление Целлария по сравнению с периодизацией Боссюэ является чрезвычайно глубоким. Боссюэ намечает в древнейшей истории целый ряд этапов, или, как он называет, эпох, припи-

⁶ Ch. C'ellarius. Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcas captam deducta... Jenae, 1698.

сывая им определенные совершенно произвольные даты. Первой датой всемирной истории, как он говорит, было появление Адама, или сотворение мира. По его хронологии эта дата приходится на 4004 г. до н. э. Следующий исторический рубеж — это Ной, или всемирный потоп (2348 г. до н. э.). Затем идет призвание Авраама, или начало союза между богом и людьми (по утверждению Боссюэ, 1921 г. до н. э.). Следующий этап — Моисей, или появление писаного закона.

Дальше в качестве этапа приводится событие, несколько неожиданное с точки зрения библейской традиции, которой придерживается Боссюэ, — взятие Трои (1184 г. до н. э.). Следующей вехой является Соломон, или основание им храма. Седьмой этап — правление Ромула, или основание Рима. Восьмой — освобождение евреев из вавилонского плена. Девятый — Сципион, или разрушение Карфагена. Десятый — рождество Иисуса Христа. Одиннадцатый — Константин, или торжество христианства. Двенадцатый — Карл Великий и основание новой империи.

По этим основным этапам Боссюэ и строит свою всемирную историю. Древней историей он называет время от сотворения мира до конца правления Карла Великого, а время от Карла Великого до Людовика XIV он называет новой историей. Таким образом, история средних веков у Боссюэ вообще отсутствует. Зато у него есть еще другое деление — по возрастам мира. Таких возрастов он насчитывает: 1) от Адама до Ноя, 2) от Ноя до Авраама, 3) от Авраама до Моисея, 4) от Моисея до Соломона, 5) от Соломона до возвращения евреев из вавилонского плена, 6) от возвращения евреев из вавилонского плена до рождества Христова и 7) последний возраст мира — время после рождества Христова.

По этой схеме мы можем видеть, что вся периодизация Боссюэ носит чисто библейский, богословский характер. Отчасти в ней играют роль события полумифологического характера, как, например, взятие Трои, отчасти некоторые достоверные факты, надерганные из римской истории. Вообще все изложение Боссюэ представляет собой безвкусную и некритическую смесь библейских рассказов, к которым присоединяется множество непроверенных сведений из античных писателей. Боссюэ нельзя отказать в большой, хотя и отрывочной начитанности. Но ему постоянно приходится прибегать ко всяким ухищрениям, чтобы примирить сведения, почерпнутые из античных писателей, с библейскими легендами. Когда такое примирение оказывается невозможным, Боссюэ всегда отдает предпочтение той версии, которая, по его мнению, ближе к библейской.

Основная идея, проводимая Боссюэ в этой части его работы, заключается в том, что Римская империя была передана франкам, которые являются истинными преемниками империи. Франков же он прямо отождествляет с французами. Поэтому Боссюэ считает, что французская монархия самая древняя и самая благородная из всех существующих в мире. Начало ее он ведет от легендарного избрания Фарамунда королем франков, которое якобы имело место в 420 г.

Вторая часть труда Боссюэ посвящена истории религии. Главная цель этой части — доказать, что в противоположность светским государствам, которые при всей их древности и долговечности все-таки сменяли друг друга в истории, истинная религия всегда оставалась неизменной. Он утверждает, что от сотворения мира и до его времени — до понтификата Иннокентия XI — продолжается история одной и той же католической церкви. По его мнению, даже до рождества Христова,

даже во времена библейские, была все та же религия. Просто эта религия не вполне, а лишь отчасти была предметом божественного откровения Аврааму и другим действующим лицам «Библии». Всякие отклонения от истинной веры всегда приводили к гибели тех людей, которые отступали от нее. В этой части работы Боссюэ, посвященной истории религии, излагается преимущественно библейская история с особым ударением на пророчества, причем Боссюэ подчеркивает, что все эти пророчества сбылись. Особенно подробно Боссюэ останавливается на религии евреев, затем на обращении язычников и триумфе христианства над язычеством. В сущности это больше жиденькое богословие, чем история. Написана эта часть книги в особенно возвышенно-риторическом стиле.

Наконец, третью часть «Рассуждения» Боссюэ представляет история империй, во многом напоминающая обычные истории четырех монархий, принадлежавшие перу средневековых хронистов. Боссюэ считает, что все эти империи, или монархии, были созданы богом для целей религиозных и служили либо для наказания избранного «народа божьего», либо для его избавления. Целью существования Римской империи, в соответствии со взглядами Августина, он считает соединение народов на земле ради более успешного распространения христианства.

Возвышение и падение империй, по мнению Боссюэ, должно служить примером, поучением для государей, в частности для дофина. Разрушение Рима варварами он рассматривает в духе средневековых хронистов, как возмездие за язычество и пролитую кровь христианских мучеников. Интересно, однако, что помимо целей божественной мести, Боссюэ вводит сюда и некоторые другие объяснения падения Рима, чрезвычайно для него характерные. Он говорит, что Рим пал жертвой чрезмерной любви к свободе, которую Боссюэ вообще считает одной из причин падения государства.

Далее, Рим, которому угрожали лангобарды, отдался под покровительство франков, или, как говорит Боссюэ, французов, и в 800 г. Карл Великий основал новую империю, которая непрерывно продолжается до Людовика XIV.

Из своего изложения истории Боссюэ делает следующий вывод: «Эта длинная цепь частных причин, которые создают и разрушают империи, зависит от тайных повелений божественного провидения. Господь держит высоко в небе бразды правления всеми государствами, и в его руках сердца всех людей: он то сдерживает страсти, то ослабляет узду, и так он движет всем человеческим родом. Хочет ли он создать завоевателей, он делает так, что страх предшествует им и внушает их воинам непобедимую отвагу. Хочет ли он создать законодателей, он дарует им свою мудрость и предусмотрительность, позволяет им предвидеть беды, грозящие королевству, и закладывать основы общественного спокойствия. Но он всегда умеет ограничить человеческую мудрость в том или ином отношении; он озаряет все светом и обостряет взор, а затем он представляет их собственному безрассудству, он их ослепляет, низвергает вниз, приводит в замешательство⁷. «Так Бог управляет всеми народами»,— продолжает Боссюэ. «Мы не должны более говорить о счастье, или случае, или можем употреблять эти слова лишь для прикрытия нашего незнания. То, что мы называем случаем в соответствии с нашими неясными представлениями, в действительности есть план, согласованный в более высоком совете, а именно в вечном

⁷ J. B. Bossuet. Discours sur l'histoire universelle, pp. 391--392.

Совете, который подчиняет все причины и следствия одному общему порядку»⁸.

В «Рассуждении» Боссюэ следует, пожалуй, отметить еще одну черту, интересную тем, что она оказала влияние на школьное преподавание во Франции. Наряду с библейской историей «избранного», еврейского народа Боссюэ отводит большую роль античной истории, истории Рима, отчасти истории греков. Эта история выдвигается им как своего рода образец, как совокупность моральных примеров, по которым должны учиться государи. Боссюэ как бы пытается приспособить античную историю к идеологическим требованиям школьного преподавания феодально-абсолютистской Франции. Говорить о Боссюэ как об авторе, давшем какое-нибудь систематическое изложение истории или новое историческое мировоззрение, конечно, не приходится.

⁸ J. B. Bossuet. Discours sur l'histoire universelle, p. 392.

„СОЦИАЛЬНАЯ ФИЗИКА“ XVII в.

Одновременно с работой эрудитов и писателей типа Боссюэ, направленной в целом на реставрацию старого феодально-католического исторического мировоззрения, в Европе XVII в. шла и другая работа, которую можно рассматривать как попытку научного подхода к истории.

XVII век был веком усиленных исканий в области теоретической, в области общих законов развития человеческого общества, в области социологии. Эти искания были связаны с дальнейшим развитием буржуазной идеологии. В истории буржуазной науки XVII в. в этом отношении отличается наибольшей продуктивностью. Однако эти искания шли как-то мимо истории, с которой теоретическая мысль того времени была очень мало связана. В то время как историки эрудитского типа составляют и издают огромные сборники материалов, живая социологическая мысль бьется не в этих произведениях, а в произведениях теоретиков — юристов, философов, отчасти экономистов, которые стремятся построить основы науки об обществе по образцам естественных наук.

XVII век — время быстрых успехов в области естествознания, и у политических мыслителей и социологов этой эпохи мы видим попытки превратить историю в такую же науку, как и естествознание или математика. Но поскольку естественные науки сами все еще находились в зародыше, а для изучения истории как науки не хватало фактического материала, эти попытки оказались связанными с рационалистической философией XVII в. Под ее влиянием история и социология строятся по образцу логики или математики и физики, в виде, как часто говорили в XVII в., «социальной физики».

Над проблемами науки об обществе начинают задумываться с конца XVI в. Для изучения этих проблем мы должны обратиться уже не к Франции, а к другим странам, так как господство феодально-абсолютистских порядков во Франции и союз церкви с абсолютизмом мало содействовали интересу к этим проблемам об общих законах, движущих развитием человеческого общества. Франция в XVII в. в этом отношении отстала от века, и после Бодена мы не можем назвать имен крупных ученых, разрабатывавших эти вопросы.

Важнейшие попытки создать теорию общественного развития были предприняты в XVII в. в Голландии и Англии, т. е. в странах, которые пережили буржуазную революцию и где новый, идущий к власти класс буржуазии, выдвигая свою новую идеологию и свою новую теорию человеческого общества, разрывал со старыми традициями.

Первым словом, которое приходит нам на ум, когда мы говорим о юристах и философах XVII в., является термин «рационализм». Попытки рационалистов создать науку об обществе, исходя из общих теоретических установок, выводя дедуктивным путем определенные положения из тех или других аксиом или предпосылок, являются, может быть, особенно характерными для всей общественной науки в XVII в., нашедшей отражение в трудах знаменитых философов Голландии и Англии XVII в. Впрочем, в этих попытках содержался не только голый рационализм, не только попытки геометрического построения науки об обществе; в них немалое значение имели и наблюдения над внешними фактами, и изучение исторической действительности, главным образом современной действительности.

Важнейшим моментом было то, что в XVII в. большой шаг вперед сделала естествознание, и прежде всего физика, астрономия и особенно механика. Огромные успехи этих наук открыли новый мир и дали начало точным наукам, что повлияло и на развитие науки об обществе. У рационалистов XVII в. заметно стремление создать «социальную физику», т. е. такую науку об обществе, которая характеризовалась бы такой же точностью, как и физика, и могла бы быть сведена к простейшим математическим законам. Правильнее будет здесь употребить другой термин — не физика, а механика, потому, что для рационалистов характерно механистическое понимание человеческого общества. Стремлением создать дедуктивным путем, исходя из определенных аксиом, математически стройное, или, как тогда говорили, геометрическое, учение об обществе как раз и отличался XVII век. Но как это было далеко от того, что мы характеризовали в прошлой лекции как накопление, как собиранье исторического материала!

Философы и юристы XVII в. с презрением смотрели на это накопление материала, который им представлялся весьма сомнительным, заключающим в себе случайные факты, не связанные между собой общей мыслью, общим законом. Конкретная история для этих мыслителей нередко представлялась бессмысленной путаницей, в которой ни когда нельзя отличить правды от лжи и невозможно найти общую ведущую линию. Этому накоплению фактического материала они предпочитали чисто дедуктивные приемы. Впрочем, сама их дедукция не является чисто логической операцией, она определялась интересами тех классов, которые выдвигаются в XVII в. на первый план общественно-политической жизни и прежде всего интересами буржуазии. Политические мыслители этого периода ставили вопрос не только об общих законах, по которым протекает развитие общества, но и о лучшем, с их точки зрения, устройстве общества и в связи с этим выдвигали новое учение о праве, государстве, о происхождении тех или иных учреждений, т. е. по существу разрабатывали проблему о наилучшей организации нового, буржуазного государства. В отличие от старых, традиционных средневековых представлений на этот счет мы видим у них полный разрыв с религией. Если в их произведениях и шла речь о боге, о религии (а они об этом говорили очень часто), то этому богу не были присущи черты христианского бога. У них бог — это большей частью либо философская первопричина, либо пантеистическое божество.

ство, растворившееся в природе. Нередко мы встречаем у рационалистов XVII в. такого рода пантеизм, который весьма близок к атеизму¹.

Я хочу несколько подробнее остановиться на философах-рационалистах XVII в. и на их социологических построениях, хотя они прямой связи с историографией и не имели, так как эти философы в большинстве к истории относились пренебрежительно, и в тех случаях, когда они сами начинали писать историю, не умели приложить к ней свой метод. Но я включаю социологическую мысль XVII в. в настоящий курс главным образом потому, что в дальнейшем, уже в XVIII в., она оказала весьма значительное влияние на развитие исторической науки.

Как уже отмечалось, в XVII в. естествознание сделало огромные успехи, причем оно развивалось на математических началах. В конце XVII в. появляется знаменитое сочинение Ньютона — «Математические начала философии природы», которое подводит известные итоги попыткам создать философию природы (*philosophia naturalis*) на математических началах. По образцу этой философии природы стали создавать и философию общества, стремясь следовать принципам математики, механистически объясняя психологию и социологию и строя науки об обществе по образцу механики и математики.

При всей ложности этого подхода, не учитывавшего никакого различия между физическими и общественными явлениями, он оказал в XVII в. огромное влияние на все отрасли науки об обществе, а в дальнейшем и на историю. По сравнению с гуманизмом, не говоря уже о теологическом мышлении протестантов и католиков XVI и XVII вв., это был огромный шаг вперед.

Новая наука XVII в., как иногда называли эту науку ее основоположники, развивалась в борьбе с гуманизмом, т. е. в борьбе с той наукой, которая держалась за авторитет древности. Уже начиная с конца XVI в. ряд смелых умов резко противопоставляет современность античности, причем не в пользу последней. Боден говорил, что античность превзойдена настоящим временем.

Этот спор между старым и новым, между гуманистами и рационалистами в XVII в. велся в течение десятилетий. Эпигоны гуманизма видели в «новой науке» падение вкусов, образованности, возвращение к варварству, между тем как представители новой науки с отвращением — в лучшем случае с безразличием — смотрели на преклонение перед древностью гуманистов, которые поставили авторитет древности на место прежнего авторитета «Священного писания». Задачей «новой» науки было создать научное, физическое мышление, которое, по мнению его основателей, должно было охватить все явления как мира физического, так и мира общественного.

Не останавливаясь на чисто философской стороне этого вопроса, мы коснемся только вопроса о проблемах изучения общества.

Перед новой наукой в XVII в. стояла задача — построить рациональную психологию и рациональную социологию. Как же это пытались сделать представители этой науки?

¹ Впрочем, не следует думать, что эти мыслители-рационалисты XVII в. совершенно отрешились от религии; это было бы неправильно. Век этот был религиозным веком. Вольнодумство в области религии могло в это время грозить крупными неприятностями, до костра включительно. Поэтому делались своеобразные попытки отделить область точных знаний от области религии. Рационалисты XVII в. говорили, что то, что может быть познано, должно быть познаваемо с помощью тех общих приемов исследования и рассуждений, которые позволяют познать законы внешней природы, законы физики и механики. Что же касается области непознаваемого — а они признавали существование такой области, — то это есть сфера религии. (Прим. автора.)

Они считали, что нужно разложить человеческое общество на такие элементы, которые соответствовали бы атому в физике. Это представление о человеческом обществе как о собрании одинаковых единиц — совершенно новая точка зрения по сравнению со средневековыми схоластическими и феодально-церковными представлениями. Если с точки зрения феодального мировоззрения каждый человек был прежде всего членом определенного сословия, определенной корпорации и между людьми существовала установленная богом иерархия, деление на высших и низших, то буржуазная наука XVII в. выдвигает на первый план учение о равенстве отдельных человеческих единиц, из которых состоит человеческое общество. Эти единицы представляются изолированными, как бы существующими в виде отдельных атомов. Человеческой единице, тем атомам, из которых строилось общество, политические мыслители-рационалисты приписывали те или другие общие для всех психические свойства. Так, голландец Гуго Гроций приписывал человеческой природе такое свойство, как стремление к общению. Из этого свойства выводилась затем вся история человеческого общества, давалась история возникновения и развития власти, государства.

Английский философ-материалист Томас Гоббс исходил из противоположных представлений. Для него основой человеческой природы было не стремление к общению, а, наоборот, стремление каждого индивидуума к власти, к захвату. С его точки зрения, люди отталкивались друг от друга, а не притягивались друг к другу, как полагал Гроций. Таким образом создавалась почти физическая структура общества. Общество разбивается на атомы, все эти атомы либо притягиваются друг к другу, как у Гроция, либо отталкиваются друг от друга, как у Гоббса. Изучение общества сводилось к выведению каких-то законов общественной механики, или, как чаще тогда говорили, «социальной физики».

На первый взгляд может показаться, что рационализм во многих отношениях представляет возвращение к старой схоластике, которая выводила те или другие положения из общих основ силлогистическим путем. Однако это сходство чисто внешнее. Отличие здесь чрезвычайно велико. Прежде всего рационалисты совершенно отказались от понятия иерархизма, которое так характерно для схоластической науки. Иерархизм в области духовной и физической пронизывает все учение схоластов. Взгляды же рационалистов, наоборот, пронизывает идея прирожденного равенства людей. Все люди, по крайней мере в начале общественного развития, представляются им равными друг другу.

Другая черта, которая была характерна для церковной схоластики, а в «социальной физике» и механике XVII в. не играла никакой роли, — это телеологизм, т. е. учение о конечной цели (*causa finalis*) человеческого существования, связанное с религиозным мировоззрением.

Между тем у рационалистов XVII в. слово «causa» («причина») принимает совершенно другой характер. Здесь *causa* есть именно причина в современном смысле этого слова, естественнонеобходимая связь явлений. Бэкон говорил: «*Vere scire est per causas scire*». («Знать истинно — это значит знать посредством причин», т. е. знать причинную связь явлений.)

Итак, переворот, происшедший в естествознании и научном мышлении XVII в., получил свое отражение и в общественных теориях. Не-

смотря на протесты, которые вызывала эта новая наука об обществе, она совершала победоносное шествие в Европе XVII в.²

Надо отметить еще одну очень существенную линию в развитии научной мысли XVII в.— стремление к известному упрощению науки. Новая наука, новая физика и механика необычайно упростили прежнее представление о мире. Эту тенденцию к упрощению переносили и в учение об обществе, в «социальную физику».

Строение человеческого общества, говорили рационалисты XVII в., очень просто, надо только найти составляющие его элементы, точно сформулировать их отношение друг к другу и тогда легко, путем простой дедукции, создать учение о человеческом обществе. На основе этого возможно и управлять человеческим обществом, а также определить лучшие формы его.

Открытия в области анатомии и физиологии позволили распространить общие законы физики и механики и на человеческий организм. Часто это делалось довольно упрощенно. Открытие кровообращения, например, казалось в то время аргументом в пользу того, что человек есть своего рода машина, что его органические отправления основаны на законах механики, что та закономерность, которая пронизывает всю природу сверху донизу, в том числе и человеческий организм, должна найти отражение и в человеческом обществе.

Таковы те общие философские основания, на которых строилась новая наука об обществе, выдвинутая рационалистами XVII в. Нетрудно заметить, что эта идея общественной физики, или, лучше сказать, механистического объяснения человеческого общества, являлась ярким показателем победы новой буржуазной идеологии, порывавшей со старым, феодальным иерархизмом и телеологизмом.

Теперь посмотрим, как идея новой науки об обществе реально воплощалась в тех или иных конкретно-исторических условиях.

Прежде всего надо остановиться на учении Гуго Гроция (латинизированная форма голландского Грот), представляющем новое, буржуазное мировоззрение, как оно складывалось в Голландии — в стране, которая в XVII в. только что пережила буржуазную революцию и сбросила с себя иго феодальной Испании.

Гуго Гроций (1583—1645) по профессии был юристом и играл крупную роль в Голландской республике, занимая ряд ответственных должностей. Происходил он из кругов буржуазии — его отец был бургомистром в Дельфте, весьма образованным человеком, который постарался и сыну дать хорошее воспитание. Одиннадцати лет Гроций стал студентом Лейденского университета, а 18 получил докторскую степень. Гроций был учеником Скалигера, одного из крупнейших гуманистов своего времени. Под его руководством он стал прекрасным знатоком античной литературы, изучал философию, астрономию, математи-

² А протесты шли не только со стороны церкви, но и со стороны гуманистов, даже со стороны некоторых не особенно последовательных адептов самой «новой науки». Например Боден, совершенно равнодушный к религии, осуждает систему Коперника за то, что она колеблет все построения философов и теологов, человеческие чувства и основы всех наук. Действительно, открытие Коперника, которое дальше было развито и уточнено Кеплером, произвело полный переворот во всем мировоззрении. Все богословские построения о человеческом роде и его судьбах были окончательно поколеблены. Представление о человечестве как о центре вселенной, история которого является осуществлением какого-то божественного плана, было совершенно подорвано. Согласно новому гелиоцентрическому представлению, земля является небольшой планетой, одним из бесчисленного множества миров. Вместо божественных конечных целей теперь выдвигается понятие о механической причине, которая должна объяснить все явления. (Прим. автора.)

ку, но вместе с тем стал и крупным знатоком протестантского богословия. Он свободно писал по-латыни, даже писал трагедии на латинском языке. Ему пришлось покинуть Голландию в связи с борьбой, происходившей в это время между голландской аристократией и широкими кругами буржуазии, на которую старался опереться штатгальтер Морис Оранский. Гроций, как один из идеологов буржуазных кругов, был осужден к пожизненному заключению, но ему удалось бежать в Париж, где он некоторое время пользовался поддержкой короля. Здесь в 1625 г. он написал свое знаменитое произведение «О праве войны и мира»³, посвященное Людовику XIII. Но Ришелье не особенно благоволил к Гроцию, который был далеко не полным сторонником абсолютной монархии. Поэтому Гроций, эмигрировав из Франции, поступил на службу к шведскому правительству. На этой службе и окончилась его жизнь.

Трактат Гроция «О праве войны и мира» быстро получил широкое признание в Европе. Для его изучения создавались особые кафедры в университетах, оно было переведено на ряд европейских языков. Гроций в этом сочинении поставил перед собой задачу установить естественные законы, которые лежат в основе самой сложной области общественных отношений — области международных отношений. Основная идея этого сочинения такова: так называемое «*jus gentium*» — международное право, содержание которого составляют разного рода трактаты, письменные договоры между отдельными державами и затем те отношения, которые устанавливаются помимо письменных трактатов, не может служить основой для отношений между отдельными государствами, потому что все это является результатом соглашения и как таковое может быть отменено. Но есть некоторые естественные законы, т. е. существуют общественные законы, равные по силе законам природы, которые и направляют отношения между людьми и между отдельными государствами.

В соответствии с общими чертами того направления, к которому принадлежит Гроций, для него основной особенностью человеческой природы является влечение к общению с людьми (*appetitus societatis*). Эта мысль не была новой. Еще Аристотель высказывал ее, хотя несколько в иной форме, соответствовавшей строю греческого рабовладельческого общества, утверждая, что человек по природе своей есть существо политическое, или, лучше сказать, государственное. Но, по Гроцию, человек не столько государственное, сколько общественное существо. Вопрос о государстве для Гроция является производным, основное же для него — стремление людей к общению. Он полагал, что это стремление вытекает из свойств человеческого разума, а естественное и разумное для Гроция были тождественны. Задачей естественного права, полагал он, является сохранение человеческого общежития, свойственного человеческому разуму.

Что же является, по мнению Гроция, целью человеческого общежития? Защита того, что принадлежит каждому из его членов, защита его жизни, свободы и собственности. Надо обратить внимание, что для Гроция, как для одного из ранних теоретиков буржуазного общества, всякое общество представляется состоящим из отдельных равноценных и равноправных индивидуумов, являющихся собственниками. Человеческое общество в его концепции — это совокупность собственников.

³ *Hugonis Grotii. De Jure belli ac pacis libri tres.* London, 1922; Гроций. О праве войны и мира. Госюриздат, М., 1956. (В дальнейшем: Ук. соч.)

Итак, Гроций ставит перед обществом задачу — защищать жизнь, свободу и собственность его членов, но вместе с тем он не отрицает и войны. Не случайно его произведение называется «О праве войны и мира». Однако он различает войны справедливые, согласные с естественным правом, которые ведутся с целью отстаивания неприкосновенных естественных прав человека, и войны несправедливые, которые ущемляют права других народов. Справедливость, по Гроцию, заключается в воздержании от чужого. Несправедливость заключается в узурпации чужого.

Таким образом, по мнению Гроция, основой всего общественного строя является охрана собственности. Собственность — решающий момент в этом теоретически построенном идеальном буржуазном обществе.

Естественное право, по мнению Гроция, основано на законах природы и не может быть изменено даже самим богом. Но поскольку бог есть творец всего сущего, естественное право есть и божественное установление. Бог не может отменить естественного закона, как он не может сделать, чтобы дважды два не было четыре. Это идея рационалистического богословия, которая сводится к тому, что бог выступает лишь как своего рода философская первопричина; при этом Гроций утверждал, что естественное право обязательно и для атеиста, даже для того, кто не верит в бога.

От естественного права Гроций отличает положительное право, или право, установленное волей (*jus voluntarium*), которое проистекает из свободной воли людей и имеет своим источником договор.

Эта идея договора тоже далеко не новая. Она встречается еще у схоластических авторов, но у Гроция она приобретает особое значение. Он говорит, что люди, «которые вступили в какое-нибудь сообщество, или подчинились одному либо многим, тем самым или дали словесное обещание, или же должно предположить, что в силу природы самой сделки они молчаливо обязались последовать тому, что постановит большинство членов сообщества, или же те, кому была вручена власть»⁴. В силу этого договора люди соединяются в общество и подчиняются власти. Обязанность соблюдать этот договор является следствием естественного закона, который таким образом является первоначальным источником и положительного права. Положительное право Гроций делит на семейное, гражданское и международное.

«Государство», по определению Гроция, «есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»⁵. Это есть отрицательное определение государства, характерное для всей буржуазной науки. Задача государства сводится к охране при помощи права полной свободы граждан и их собственности, причем самим гражданам предоставляется возможность выбирать ту или другую лучшую форму государственных учреждений.

Государство скрепляется верховной властью. Эта власть едина, но может быть распределена между отдельными органами. При этом власть принадлежит не каким-нибудь определенным лицам, не каким-нибудь определенным должностям, а именно государству как определенному учреждению. Когда вымирает династия, то власть возвращается к народу. Эта точка зрения решительно противопоставляется феодально-монархической точке зрения, которая представляет государ-

⁴ Гуго Гроций. Ук. соч., стр. 48

⁵ Там же, стр. 74.

ство как наследственное владение, как вотчину. Вместе с тем Гроций решительно возражает против теорий, которые ставят народ выше власти. По его мнению, то что народ путем договора устанавливает государство, отнюдь не значит, что за народом сохраняется верховная власть. Между монархом и народом вовсе нет договора, по которому монарх обязывался бы управлять хорошо, иначе он слишком легко может быть смещен, потому что в отношении хорошего могут быть различные мнения и это может повести лишь к анархии. Поэтому Гроций решительно отрицает право на всякого рода восстания, даже в том случае, если во главе государства стоит безбожный монарх и тиран. В таком случае надо терпеть, потому что в общественных делах главное — порядок и повиновение. Но, по мнению Гроция, есть и исключение. Оно допускается в том случае, если власть правителя грозит гибелью государству. Тогда восстания правомерны. Это исключение, несомненно, было подсказано Гроцию историей Нидерландов, которые незадолго перед тем сбросили иго испанских монархов.

Главным предметом рассуждений Гроция был вопрос о международных отношениях. Он устанавливает те случаи, в которых война является справедливой или несправедливой, но при этом оговаривает, что никакие войны не должны нарушать определенных условий. Эти условия явно определяются для Гроция интересами буржуазных кругов общества. Так, он утверждает, что во время войны должна сохраняться свобода торговли от всяких поборов, соблюдаться свобода морей. Этот вопрос о свободе морей, столь важный для Голландии, не один раз был предметом изучения для Гроция. Затем Гроций указывает, что война не должна разорять частную собственность больше, чем это требуется непосредственными целями войны. Нельзя, однако, сказать, что Гроций стоит на пацифистской точке зрения. Он признает войну и путем ряда оговорок допускает полное истребление населения, против которого ведется война, если это вызывается необходимостью. Методы колониальной экспансии Голландии свидетельствуют о том, что подобного рода воззрения широко применялись на практике голландскими колонизаторами.

Гроций считает, что лучшим государственным устройством является ограниченная монархия с разделением властей на законодательную, исполнительную и судебную. Это разделение властей он тоже выводил из общего механистического представления о человеке как отдельной личности, как общественном атоме, который наделен психо-физическим свойством влечения к общению.

В его сочинениях встречаются иногда ссылки на «Священное писание», но если у схоластов они являются методом доказательства, то Гроцию они служат не решающим аргументом, а, скорее, лишь иллюстрацией, потому что он все выводит из основ разума.

У Гроция имеются и исторические сочинения, которые, однако, очень уступают его основным теоретическим произведениям в смысле ясности построения и глубины. Среди его исторических трактатов на первое место надо поставить трактат «О древности голландской республики»⁶ (1610) и его «Историю нидерландской революции»⁷, вышедшую в 1657 г. уже после его смерти. В этих трактатах, однако, слабо отразились идеи, которые лежат в основе теоретических построений Гроция. Это один из характерных примеров того разрыва, который

⁶ H. Grotius. Liber de antiquitate reipublicae Batavicae. Lugduni Batavorum, 1610.

⁷ H. Grotius. Annales et historiae de rebus Belgicis. Amstelædami, 1658.

существовал в XVII в. между историей как изложением событий прошлого и общественными теориями, которые выдвигала новая наука. Эти исторические сочинения Гроция — гуманистические произведения, написанные в стиле Тацита. Гроций не сумел открыть движущих причин, которые лежали в основе столкновения между Нидерландами и Испанией. Он очень плохо разбирался в вопросе о причинах религиозных столкновений. Ему присуща гуманистическая точка зрения на историю церкви — он смотрит на церковные споры лишь как на нарушение общественного порядка и в этом отношении очень близок к Эразму Роттердамскому. В то же время Гроций питал отвращение к изображению всякого рода массовых движений. Народ для него — нечто непонятное и враждебное. Он избегает говорить о широких массовых движениях, о всем стихийном, что не может быть объяснено разумными, точно определенными целями. В этом отношении в Гроции сказывался идеолог буржуазии и рационалист.

Если попытаться резюмировать, какие элементы учения Гроция оказали наибольшее влияние на всю общественную мысль XVII в., то надо указать на его представление о человеке как изолированной единице, одаренной определенным стремлением к общению, на понятие естественного права и идею о договоре как основе права положительного, которые он выводит из своего представления об атомистическом строении общества. Все эти идеи в разных комбинациях повторяются у ряда других политических писателей XVII в.

Перейдем теперь к политическим мыслителям эпохи английской революции. Начнем со знаменитого Томаса Гоббса.

Томас Гоббс (1588—1679) рано проявил недюжинные способности. Восьми лет он переводил Эврипида с греческого на латинский язык, при этом стихами, пятнадцати лет он был уже в Оксфордском университете.

Гоббс был одним из образованнейших людей своего времени. Он много путешествовал, жил на континенте Европы, был знаком с крупнейшими учеными того времени, в частности с Галилеем. Во время английской революции он занял роялистскую позицию и 11 лет был в эмиграции. В эти годы были написаны его важнейшие произведения: «О гражданине»⁸ — в 1642 г. и знаменитый «Левифан»⁹ — в 1651 г.

Гоббс был воспитателем будущего короля Карла II, но самостоятельность его взглядов привела к его отставке. В 1651 г. он вернулся в Англию, где сблизился с Кромвелем, и уже в Англии написал ряд других своих работ: в 1655 г. — «О теле»¹⁰, в 1658 г. — «О человеке»¹¹. В эпоху реставрации он подвергся преследованиям по подозрению в симпатиях к республике и Кромвелю. Карл II, его бывший воспитанник, не пытался его защитить.

Гоббс был сторонником неограниченной королевской власти, независимо от того, каково ее происхождение, является ли она легитимной монархией или нет. На этом основании роялисты обвинили его в том, что он в своих произведениях дает обоснование деспотизму Кромвеля.

В целом Гоббс предстает перед нами как идеолог буржуазного общества. Он утверждал, что изучение общества должно начинаться с

⁸ T. H o b b e s. De cive or the citizen. New York, 1949.

⁹ T. H o b b e s. Leviathan, or the matter, form et power of a Commonwealth, ecclesiastical and civil. New York, 1958; Т. Г о б б с. Левифан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Соцэкгиз, М., 1936.

¹⁰ Т. Г о б б с. Избр. соч. Госиздат, М.—Л., 1926.

¹¹ Т. Г о б б с. Там же.

его простейших элементов. Такими простейшими элементами являются индивидуумы. Все его построение совершенно умозрительно и дедуктивно. Развивая свою теорию, Гоббс исходил из того, что всякое рассуждение может быть сведено либо к сложению, либо к вычитанию. Он старался упростить процесс умозаключения. Индивидуумы, составляющие общество, представлялись ему совершенно одинаковыми; он отрицает у них всякую свободу воли. Свобода воли человека, по его мнению, не больше свободы воли движения физических тел, но движения человека, или действия человека, определяются внутренними причинами, его желанием и отвращением, т. е. влечением к чему-нибудь и отвращением от чего-нибудь. Желание, или влечение, которое переходит в действие, и называется волей. Предмет желания называется добром, а предмет отвращения — злом. Средство для получения добра, т. е. для получения того, что желательно, называется властью.

Главная пружина человеческих действий, утверждал Гоббс, состоит в вечном и непрерывном желании власти, т. е. в стремлении каждого человека получить средство для осуществления своих желаний. Положение Аристотеля и, в несколько другой форме, положение Гроция о том, что человеку свойственно стремление к общению, по мнению Гоббса, совершенно ложно. В действительности, говорит он, человек ищет только личного блага. Стремление к личному благу есть основа человеческого общества и естественного права. Ввиду этого, с точки зрения Гоббса, естественным состоянием является «война всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Но эта непрерывная война всех против всех не в интересах людей, потому что каждый индивидуум страдает от этой войны. Поэтому следует искать мира в интересах этих непрерывно борющихся друг с другом индивидуумов. Отсюда вытекают производные законы. Если естественным законом является борьба всех против всех, то для того, чтобы устранить те неудобства, которые причиняют индивидууму войны, возникают производные законы. Какие же это законы?

Во-первых, каждому индивидууму приходится отказаться от права на все, признав известные права за другими. Это достигается путем договора. Поэтому у Гоббса договор играет центральную роль в обществе. Второй производный закон гласит: «Надо соблюдать обязательства» (*Pactum standum est*). Нарушение договора есть несправедливость (*injuria*). Нарушение права возникает лишь в том случае, если имеется договор. Нанесение вреда при отсутствии договора не есть несправедливость,

Отсюда выводится ряд других — всего до 20 — законов общественной жизни. В основном они сводятся к правилу: «Не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы тебе сделали».

Но для соблюдения этих законов нужна безопасность, которая достигается лишь соединением значительного числа людей для общей защиты. Поскольку же люди постоянно увлекаются эгоизмом и страстями, то для этого недостаточно их добровольного согласия. Такое согласие должно обладать известной принудительностью, а для этого необходимо, чтобы в обществе господствовала общая, направляющая воля. Все должны подчинить свою частную волю лицу или учреждению, воля которого считалась бы волей всех. Это и есть государство. Лицо или собрание, стоящее во главе общества, является верховной властью. Остальные индивидуумы — подданные. Верховная власть стоит выше всех и не подлежит суду и контролю. Она выше законов, она абсолютна, какова бы ни была ее форма.

Таким образом, договор — это личный отказ каждого индивидуума от полной свободы в пользу управляющей власти, которая является как бы выразителем воли всех членов общества. При этом Гоббс говорит, что формы власти могут быть самые разнообразные. Он допускает монархию, аристократию и демократию, но считает, что самая идея власти лучше всего выражена в монархии, хуже всего — в демократии; а при аристократических формах правления — лучше, когда они близки к монархии.

Высказывания Гоббса о народе весьма характерны. Народ, говорит он, — это ничем не связанная толпа, совокупность отдельных лиц, которые по отношению к государству не имеют никаких прав, даже права собственности, даже права иметь свое суждение о добре и зле. В организованном государстве добро — это то, что предписывает законодательная власть, а зло — это то, что она запрещает. Повиновение власти является обязанностью.

От государства должны исходить все предписания, касающиеся религии. Религия есть не частное дело, а государственное. Повеления государства должны рассматриваться как повеления божеские. Никакое сопротивление властям со стороны церкви недопустимо: можно только принять мученический венец от нечестивого царя. В «Левиафане» Гоббс идет еще дальше: он говорит, что даже такой мученический венец является пассивным сопротивлением, а потому не может быть допущен.

Вот основные черты учения Гоббса об обществе. Оно выражает интересы тех кругов английской буржуазии и нового дворянства, которые нуждались в сильной центральной власти, кем бы эта власть ни была представлена — домом Стюартов или Кромвелем. Правда, при республике Гоббс не занимал никаких должностей, но он лично был близок к Кромвелю, и, как мы знаем, роялисты Гоббса до конца своим не считали. Для них всего важнее была идея легитимной монархии — монархии, источником которой является божественное начало и которая связана с представлением о законной династии. Гоббс исходил из других основ. Для него общество является совокупностью индивидуальных, ведущих борьбу между собой и объединяющихся в личных интересах, но отдающих при этом всю свою свободу в руки центральной власти. Это учение является отражением определенной стадии в развитии буржуазной общественной мысли, когда она еще видит в монархии свою естественную защиту и отдает ей власть. Но английская буржуазная революция, в которой выступали более радикально настроенные группы буржуазии и другие общественные слои, породила и иные социологические и политические учения. На них я остановлюсь в следующей лекции, а сейчас я хотел бы еще заметить, что Гоббс относился с пренебрежением к истории как таковой. Он исключал историю из области научного знания, поскольку считал, что всякое знание должно быть основано на дедукции, между тем как история есть хаотическое собрание эмпирических фактов, которое не может быть предметом подлинной науки.

Заканчивая эту лекцию, следует подчеркнуть, что я не претендовал на то, чтобы изложить полную историю развития политической мысли в XVII в., — что могло бы составить предмет особого курса, — и попытался сделать лишь небольшой экскурс в эту область с целью показать, что развитие политической мысли в XVII в. не сопровождалось глубоким изучением истории. Историк типа эрудитов сравнительно

мало занимались проблемами социологическими, а социологи очень редко обращались к историческому материалу для подтверждения своих теорий. Мы видели, что они черпали свои аргументы главным образом из общих соображений рационалистического характера, уподобляя общество природе, и законы общественного развития — законам физики и особенно — механики.

СОЦИОЛОГИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЫСЛИТЕЛИ ВРЕМЕН
АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Теперь мы перейдем к проблемам, выдвинутым английской буржуазной революцией, и посмотрим, какое воздействие они оказали на развитие политической мысли в Англии XVII в.

Я начну с Джона Мильтона (1608—1674), знаменитого поэта и политического деятеля партии индепендентов¹. Милтон был одним из образованнейших людей своего времени. Он получил классическое образование, значительно расширенное путешествиями. Он побывал в Париже, Италии, посетил Флоренцию, Рим, Неаполь. В Париже он познакомился с Гроцием, который оказал на него несомненное влияние.

Произведением, благодаря которому Милтон сразу выдвинулся в первые ряды писателей-индепендентов, была знаменитая «Ареопагитика»² (1644). Это — политический трактат, написанный на тему о свободе слова, печати и свободе совести, в котором Милтон проводил мысль, что в области религии должна господствовать полная свобода. Вообще принцип свободы, принцип религиозной независимости, принцип независимой мысли во всех областях является основой политических взглядов Мильтона. Он приводит в этом трактате знаменитые слова Эврипида о том, что свобода там, где каждый, кто хочет, может подать хороший совет своему городу (или лучше сказать — своему государству), и такой человек будет славен. Если же он не хочет этого сделать, то пусть молчит. Что может быть полезнее для города?

Милтон восторженно прославляет религиозную свободу. Он не боится множества конкурирующих и враждующих друг с другом сект, зрелище которых представляет собой эпоха английской революции. По его мнению, лицемерное единство было бы большим злом. Поэтому он решительно восстает против единой господствующей церкви и восторженно описывает состояние Лондона во время революции, где шла острая религиозная борьба, кипела работа.

¹ Джон Милтон во время революции примкнул к индепендентам, был близок к Кромвелю, опубликовал ряд памфлетов и политических трактатов; в течение нескольких лет он был секретарем республики для ведения дипломатической переписки. (Прим. ред.)

² J. M i l t o n. Areopagitica: a speech to the Parliament of England for the liberty of unlicensed printing. London, 1644; Д. М и л ь т о н. О свободе печати. Речь к английскому парламенту. М., 1907.

Мильтон был ярким представителем индипендентства. Его воззрения носили республиканский характер. Важнейшие из его сочинений были связаны с казнью короля.

1649 год богат событиями не только в политической истории английской республики, но и в истории общественной мысли Англии. Казнь короля, резкий разрыв с прошлым дали чрезвычайно сильный толчок политической мысли в Англии. Прежде всего это вызвало целый ряд нападок на английскую революцию извне, со стороны многих умеренных политических мыслителей континента. Ряд памфлетов такого рода вызвал ответ со стороны индипендентских мыслителей, в частности со стороны Мильтона. Его гневный памфлет «Условия держания власти королями и должностными лицами»³ 1649 г. очень важен для уяснения политического учения Мильтона.

В этом произведении он излагает свою теорию общественного развития. Как у большинства индипендентских мыслителей, у него религиозные идеи вплетаются в общие рационалистические построения. Он считает, что все люди по природе рождены свободными, они свободны, как образ и подобие божие, но грехопадение привело к насилию. В результате этого люди решили составить общий союз и таким образом охранять друг друга от насилия. Так возникли государства, установилась власть для обуздания нарушителей мира и общего права.

Кто же является носителем этой власти? Носителем власти, по мнению Мильтона, является совокупность всех людей — народ. Поэтому он говорит о неотчуждаемых правах народа. Общественный договор, который у Гоббса передает всю полноту власти центральному правительству, у Мильтона сохраняет всю власть за народом. Король и сановники являются лишь поверенными народа и только поэтому обладают властью. Но самое обладание властью представляет собой соблазн, оно приводит к злоупотреблениям этой властью. Вследствие этого народ издает законы, которым должна подчиняться власть, законы, которые одобрены всеми и ограничивают правителя. Закон стоит выше правителя, но поскольку и сами законы не всегда помогают, то с правителя еще берут всякого рода записи или присяги, ограничивающие его власть.

Таким образом, власть короля и вообще всякая власть является производной от власти народа, лишь поручением от народа в целях общего блага. Что же касается источника власти, то он всегда остается в народе. Мильтон считает, что у монарха нет никаких наследственных прав на престол, власть не является его родовой собственностью; поэтому народ может избрать монарха, может и низложить его, если сочтет нужным это сделать. Тем более народ имеет право свергнуть тирана. Мильтон ссылается на исторические примеры, указывая, что греки, римляне и евреи, согласно «Библии», прославляли тираноубийц. Рассматривая в свете этих фактов судебный процесс и казнь короля Карла I в 1649 г., Мильтон делает вывод, что английский народ проявил особую кротость и человечность тем, что он устроил открытый и справедливый суд над этим тираном, вместе того чтобы просто убить его.

Опровергая ряд памфлетов, которые вышли в то время в Европе (многие из них по заказам или под прямым влиянием роялистов) и в которых суд над королем изображался как незаконный, Мильтон приводит такой аргумент: монарх подчинен закону, как и все остальные граждане, и если он нарушает закон, то он должен быть судим и наказан.

³ J. Milton. The tenure of Kings and Magistrates. London, 1649.

Таким образом, по мнению Мильтона, в отличие от мнения Гоббса, власть не только первоначально принадлежит народу, но и остается за ним. Поэтому лучшим способом правления он считает республику.

Мы видим в политических взглядах Мильтона вполне законченную систему индипендентских воззрений. Но они выступают у него в несколько идеальной форме, поскольку он не затрагивает одну важную проблему, характерную для индипендентства, как мировоззрения определенных кругов буржуазии и нового дворянства,— а именно проблему собственности. Эта проблема, как мы видели, была выдвинута Гроцием и Гоббсом, но Милтон ее не коснулся.

Но в политических взглядах другого, более умеренного представителя индипендентства — Джеймса Гаррингтона⁴ (1611—1677), проблема собственности, напротив, выдвинута на первое место. Его главное произведение — «Республика Океания»⁵. Это наполовину утопический роман, наполовину политический трактат. У Гаррингтона есть еще ряд трактатов, на основании которых мы можем составить себе довольно полное представление о его политических взглядах.

Гаррингтон полагал, что именно Гоббс высказал наиболее глубокие мысли по вопросу о происхождении человеческого общества и государства. Макиавелли также был предметом его восхищения, хотя он представлял его себе несколько своеобразно. Он видел в Макиавелли республиканца и полагал, что его «Рассуждения по поводу первых десяти книг Тита Ливия» являются как раз наиболее полным выражением взглядов Макиавелли; что же касается его сочинения «Государь», то в нем, по мнению Гаррингтона, Макиавелли хотел только разоблачить те уловки, к которым в его время прибегали государи Италии, чтобы сохранить свою власть.

Соглашаясь в основном с Гоббсом, Гаррингтон, однако, считал, что Гоббс сделал неправильные политические выводы из своих, в основном верных, социологических взглядов. Подобно Гоббсу, Гаррингтон признавал, что воля человека движется в первую очередь его эгоистическими интересами. Но Гоббс из этой предпосылки делал заключение, что для обуздания и согласования эгоистических интересов людей необходима всегда деспотическая центральная власть. Гаррингтон же пришел к другому выводу. Он полагал, что там, где существует власть одного или немногих лиц, там господствует частный интерес одного или немногих. Там же, где власть принадлежит всем, господствует общий интерес. Таким образом, условием для осуществления общего интереса является республиканское, демократическое, или, как он его называет, народное правление, которое он считает правлением разума и закона.

Для нас представляют особый интерес воззрения Гаррингтона на собственность. В этих воззрениях Гаррингтон показал более глубокое понимание истории, чем другие представители политической мысли

⁴ Джеймс Гаррингтон, богатый землевладелец, происходивший из родовитой дворянской семьи, до революции был близок ко двору Карла I, но затем в гражданской войне оказался на стороне парламента, хотя не примыкал ни к одной политической партии. С 1646 по 1649 г. Гаррингтон находился при пленном короле Карле I, тщетно надеясь добиться его примирения с парламентом. После казни короля в 1649 г. Гаррингтон решительно переходит на республиканские позиции, которые он отстаивает в своем трактате «Республика Океания», вышедшем в 1656 г., и в ряде памфлетов, написанных им в защиту своей республиканской политической идеи и против планов реставрации монархии в Англии. После реставрации, в 1661 г., Гаррингтон был арестован, в заключении заболел психическим расстройством и после освобождения из тюрьмы отошел от политической деятельности. (Прим. ред.)

⁵ J. Harrington. The Commonwealth of Oceana. London, 1887.

XVII в. Гаррингтон считает, что власть как таковая создается не просто общественным договором. В основе всякой власти должна лежать материальная причина, которая заключается в собственности. Организация власти зависит от распределения собственности. Богатство, по мнению Гаррингтона, есть могущество. Из богатства и бедности рождаются власть и подчинение как в общественной жизни, так и в частном быту. Особое значение в определении характера власти принадлежит земельной собственности. Гаррингтон полагает, что устройство верховной власти зависит от распределения земельной собственности в стране. Если вся земля или большая часть земли принадлежит одному лицу, то в такой стране создается неограниченная монархия, как, например, в странах Востока. Если земля сосредоточена в руках немногочисленной аристократии, то там устанавливается правление этой аристократии или же смешанная форма монархии, т. е. монархия, ограниченная аристократией. Если же распределение земли более или менее равномерно, то результатом этого является республика. Но Гаррингтон допускает возможность и иной основы власти. Он учитывал опыт буржуазной революции в Голландии и утверждал, что исключение из устанавливаемого им правила представляют те малые страны, где господствует не столько землевладение, сколько денежный капитал.

Считая, что для Англии решающим моментом является распределение земельной собственности, Гаррингтон полагал, что главным в организации власти должно быть ее точное соответствие действительному распределению земельной собственности. Поэтому, как выразитель интересов верхушки индипенденства, т. е. главным образом среднего дворянского землевладения, Гаррингтон выступил против образования крупного землевладения, которое, по его мнению, является основой аристократического или монархического строя. Он считал, что земельная собственность в послереволюционной Англии должна быть ограничена определенным максимумом. Этого, утверждал он, можно достигнуть определенными законодательными мероприятиями, например ограничением права наследования, запрещением неотчуждаемых майоратов.

Самую английскую революцию Гаррингтон объяснял передвижением земельной собственности. В этом смысле мы должны отметить его большую проницательность.

Длительное существование монархии в Англии он объяснял тем, что земельная собственность в стране была издавна распределена между королем и крупным дворянством, с которым у него не было разногласий. Поэтому монархия была прочна. Если и происходили восстания, то они были направлены против отдельных королей, но не против монархии как формы государства. Но династия Тюдоров была крайне близорука. Видя в крупном дворянстве своего соперника, она старалась его сломить. Генрих VII отменил ливреи, пытался охранять крестьян от огораживаний, т. е. вел по существу антидворянскую политику. Генрих VIII продолжал его политику. Земли секуляризированных монастырей достались «общинам», т. е. главным образом среднему дворянству. В конце концов цель Тюдоров была достигнута — крупное дворянство ослабло, но тогда пошатнулся и трон. Собственность переместилась к «общинам», что и привело к революции. Революция в Англии в XVII в. произошла не вследствие деспотизма Карла I или каких-либо других политических причин, а в результате перераспределения земельной собственности. Новые земельные собственники в Англии — среднее дворянство — долго не сознавали

своей мощи, но когда они ее осознали, то низвергли монархию, которая сама подорвала свою основу, и установили республику. Не гражданская война, утверждает Гаррингтон, ослабила и погубила королевское правительство, а ослабление королевского правительства породило гражданскую войну.

Хотя в своих рассуждениях Гаррингтон бывает довольно наивен, но его идеи о том, что английская революция была вызвана перестановкой земельной собственности и образованием, таким образом, новых социальных слоев, так же как и идея о том, что при новом распределении собственности необходимо изменение общественного строя, — явились важным достижением политической мысли XVII в.

Но надо иметь в виду, что Гаррингтон не представлял себе республику, которая должна соответствовать новому распределению земли, связанному с революцией, как чистую демократию, в современном понимании этого слова. Он полагал, что власть в послереволюционной Англии, естественно, должна принадлежать тем, кто обладает большей собственностью, большей состоятельностью, образованием и большим досугом для занятий общественными делами. Другими словами, если теоретически он считал, что власть должна принадлежать всему народу в целом, то практически она должна была находиться в руках известного высшего круга, отличающегося от других слоев прежде всего тем, что они обладают более значительной земельной собственностью. Именно джентри, среднее дворянство, говорил Гаррингтон, должно быть в английской республике истинным представителем народа. Он говорил, например, о гении «джентльменства», об особой якобы одаренности английского дворянства, которому свойственно в силу этого заниматься управлением и командованием над войсками. Правда, Гаррингтон несколько ограничивает это положение тем, что власть не должна быть монополией дворянства, она должна оставаться выборной, иначе она станет носителем частных интересов. С точки зрения Гаррингтона, идеальным общественным строем является такой строй, где имеется «уравновешенная» власть, которую он характеризует следующим образом. Власть верхушки дворянства должна быть представлена сенатом, который предлагает всевозможные меры, необходимые для блага государства, и лицами, которые осуществляют управление. Но вместе с тем к власти должны быть допущены и «народные» представители в виде «народной ассамблеи», которые должны избираться собственниками, обладающими определенным земельным цензом. Однако «народная ассамблея» не может обсуждать предложения сената, а может только отвечать на эти предложения — «да» или «нет». Предложение сената может стать законом только после утверждения его «народной ассамблеей». Исполнительную власть должны осуществлять особые чиновники, назначенные по предложению сената.

Гаррингтон был сторонником свободы совести, однако он считал, что идолопоклонникам, евреям и католикам свобода совести не должна быть предоставлена.

Гаррингтон посвятил «Республику Океанию» Кромвелю. Он предлагал ему ввести этот проект республиканской конституции в Англии, а затем отказаться от власти. Он обещал Кромвелю, что в награду за его великодушие народ сам изберет его протектором. Кромвель ответил Гаррингтону, что не отдаст то, что он взял мечом, за клочок бумаги и что если бы не его меч, то никогда бы враждующие партии не при-

шли к соглашению относительно государственного устройства и лишь истребляли бы друг друга.

Таким образом, Гаррингтон, как и другие политические мыслители эпохи революции, наивно рассчитывали на Кромвеля как на деятеля, который может установить общественный и государственный порядок, согласно намеченному ими идеалу.

Необходимо несколько слов сказать еще об одном политическом мыслителе эпохи революции — о Джерарде Уинстенли. (Родился в 1609 г., год смерти не установлен.) Мне хотелось бы остановиться на его исторических воззрениях, хотя, конечно, очень трудно назвать их чисто историческими или выведенными из изучения истории. У Уинстенли свой особый метод познания истины, если можно назвать его методом. Некоторые свои взгляды он доказывал ссылками на видения, на голоса, которые он якобы слышал. Он утверждал, что ему во сне являлся Христос. Уинстенли начал свою деятельность как мистик, проповедовавший непротивление злу. Однако чем дальше, тем меньше звучат у него эти мистические мотивы и тем более отчетливо в его исторических воззрениях выступают социальные моменты. Дело в том, что Уинстенли был одним из деятельных участников и идейных вождей диггерского движения. Это движение, несомненно, обогатило его социальный опыт. Основное его сочинение — «Закон свободы»⁶ — появилось в 1652 г.

В исторических воззрениях Уинстенли важно отметить, что он связывал появление общественного неравенства и несправедливости с возникновением частной собственности. Для него грехопадение человечества и есть возникновение частной собственности. Когда он говорит о первородном грехе Адама, то он связывает с ним возникновение частной собственности. Однако Христос даровал людям закон свободы и отдал землю в общее пользование. Это Уинстенли якобы слышал в трансе от самого Христа. Уинстенли неустанно проповедовал идеи общности земли как главное средство обновления человечества.

Интересно, что Уинстенли рассматривал образование государства в связи с возникновением частной собственности. По его мнению, государство есть орган охраны частной собственности. Охранять частную собственность призвана также и церковь; за это она получает десятину с верующих. В диалоге между «старшим» и «младшим» братом, т. е. между имущим и неимущим, который приводит Уинстенли в своем «Законе свободы», он заставляет старшего брата обращаться к младшему с требованием, чтобы тот снимал у него землю и платил ему за эту землю, которую младший брат обрабатывает, потому что «таков закон божий». Если бедняк не будет ему платить арендной платы, то он обречен на вечные муки. Когда младший брат спрашивает, неужели такова воля божья, то старший отвечает, что именно такова заповедь бога и если бедняк не выполнит ее, то будет проклят.

Уинстенли, как и ряд других английских писателей XVII в., связывал возникновение в Англии частной собственности, а также государства и церкви, охранявших ее, с нормандским завоеванием. Его идеалом является общность имущества, обязательный для всех людей труд, но при сохранении частного семейного потребления.

Очень интересны воззрения Уинстенли на будущее общественное устройство. Я бы хотел отметить тут одну идею, в которой содержится

⁶ G. Winstanley. The Law of Freedom in a platform: or true magistracy restored. The works of Gerard Winstanley. New York, 1941; Д. У и н с т е н л и. Избр. памфлеты. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950.

глубокая историческая мысль, а именно идею о том, что с изменением общественного строя изменяется и психический склад людей. По мнению Уинстенли, с исчезновением внешнего рабства, источником которого является частная собственность, не будет и внутреннего рабства, изменится психология человека, исчезнут лицемерие, гордость, жадность, зависть, потому что все эти черты тоже возникли вследствие господства в человеческом обществе частной собственности.

Уинстенли, как и Гаррингтон, рассчитывал, что Кромвель осуществит его идеал общественного устройства на практике, и также обманулся в своих расчетах.

Из всего вышесказанного очевидно, каким важным возбудителем общественной мысли явилась английская революция. Если мыслители эпохи английской революции не дали нового построения истории, то в целом ряде проблем они высказали глубокое понимание исторического процесса, хотя, впрочем, далеко не всегда доводили свои выводы до конца. Некоторые высказанные ими идеи оказали немалое влияние на дальнейшее развитие общественной мысли.

Как известно, буржуазное общество в Англии окончательно формируется в эпоху реставрации, особенно после переворота 1688 г.

Если говорить об историках этого периода, то тут очень типичной фигурой является лорд Кларендон (Эдуард Гайд) (1609—1674), убежденный роялист, автор «Истории мятежа и гражданских войн в Англии»⁷. Это, скорее, мемуарист, чем историк. Он дал описание истории Англии при Стюартах на основе собственных наблюдений; история у него все время переплетается с автобиографией⁸. Если его характеризовать как историка, то надо сказать, что он ближе всего подходит к Коммину, французскому мемуаристу XV в., о котором мы уже говорили. Кларендон — интересный рассказчик, большой мастер личной характеристики, причем он хорошо умеет характеризовать главным образом людей своей партии — роялистов, и неважно справляется с характеристикой представителей противной партии. Он не видит в них никаких положительных черт, он не в состоянии понять их искренности, их религиозного воодушевления. Их фанатизм кажется ему напускным, преследующим особые цели. Английская революция представляется Кларендону либо результатом случайных ошибок, допущенных королевской властью, например следствием неудачной политики Бекингема и других деятелей, либо же как «божие попустительство», или как результат деятельности злокозненной группы, сумевшей овладеть невежественными массами. Равным образом и конец этой революции представлялся ему какой-то «божией милостью», ниспосланной Англии. Словом, говорить о Кларендоне как о сколько-нибудь глубоком теоретике истории не приходится.

Для нас интереснее другое, а именно, каковы были политические взгляды буржуазии, особенно формирующейся в эту эпоху партии вигов. Эти взгляды нашли свое наиболее яркое выражение у тех теоретиков, которые выступили после переворота 1688 г.

⁷ Н. Е. Clarendon. The history of the rebellion and civil wars in England, begun in the year 1641, vol. 1—6. Oxford, 1888.

⁸ Кларендон начал писать эту книгу в разгар революционных событий, в 1646 г., находясь в эмиграции. Во время реставрации он вернулся в Англию и играл довольно видную политическую роль, но затем в 1667 г. был обвинен в измене и вынужден был вновь эмигрировать. Во второй эмиграции, в 1670—1671 гг., он закончил эту книгу, которая вышла первым изданием в Оксфорде в 1702—1704 гг. (Прим. ред.)

Здесь самой крупной и интересной фигурой является Джон Локк⁹ (1632—1704), хотя его теоретико-социологические взгляды и не отличались большой оригинальностью, а во многом повторяли то, что нам уже известно. Особенно близки они к взглядам Гуго Гроция, и не случайно, когда Англия встала окончательно на путь буржуазного развития, идеология английской буржуазии оказалась близкой к идеологии буржуазии послереволюционной Голландии.

Важнейшими работами Локка являются «Опыт о человеческом разуме»¹⁰ и «Два трактата о правительстве»¹¹. Обе эти работы появились в 1690 г.

С политической точки зрения эти трактаты представляют собой оправдание переворота 1688 г. с позиций вигизма. Локк дает здесь теоретическое оправдание той английской конституции, которая получила свое яркое выражение в «Билле о правах» (1689). Он, приправляя свои аргументы характерным для вигизма лицемерием и демагогией, стремится доказать, что английская конституция есть наиболее совершенный и нормальный порядок вещей. В то же время Локк выдвигает некоторые поправки к этой конституции в сторону большего учета интересов буржуазии.

Я оставлю в стороне философские, теоретико-познавательные и этические воззрения Локка и остановлюсь лишь на его политических взглядах.

В их основе лежит чисто буржуазное представление об индивидууме как атоме общества и его неотчуждаемых правах. Естественным, или догосударственным, состоянием (это характерно для всех построений теоретиков XVII в.) Локк считал состояние полной свободы и равенства. Все люди сотворены одинаково, но, конечно, не в смысле способностей. Естественное равенство людей у Локка — это равенство права каждого на свободу, без подчинения другому человеку. Но эта свобода ограничена одним требованием, тем, что никто не должен наносить вреда другому. По существу это требование не ограничивает, а, скорее, сохраняет и расширяет свободу. Не трудно заметить, что Локк в этих положениях исходит из концепции Гроция.

Но кроме свободы человеку в качестве естественного права принадлежит также собственность. Локк выдвигает теорию происхождения собственности, которая послужила в дальнейшем для буржуазных теоретиков постоянным оправданием собственности, — теорию, согласно которой всякая собственность создается человеческим трудом. Локк делает из этой теории следующий вывод: раз собственность происходит из труда, то человек должен иметь земельной собственности столько, сколько он может обработать. Иметь больше земельной собственности — это значит отнимать эту собственность у других, если же оставлять землю без обработки, это значит оставлять «дар божий» неиспользованным. Но если скопление земли в одних руках является незаконным, то вполне законным, по Локку, является скопление денег в одних руках, ибо то

⁹ Джон Локк — известный английский философ-сенсуалист, близкий к материализму, активный член возникшей в период реставрации в Англии партии вигов, принимавший живое участие в политической жизни страны в 60—70-х годах XVII в. В 1682 г. в качестве активного вига, противника абсолютизма поздних Стюартов, вынужден был бежать в Голландию. После переворота 1688 г. вернулся в Англию, где развил оживленную публицистическую деятельность в пользу конституционной монархии, созданной в результате этого переворота. (Прим. ред.)

¹⁰ J. L o c k e. An essay concerning human understanding. London [1944].

¹¹ J. L o c k e. Two treatises of Government. New York, 1947; Д. Л о к к. Избр. филос. произв., тт. 1—2. Соцэкгиз, М., 1960.

обстоятельство, что у одного человека имеется денег больше, чем у других, не заставляет эти деньги лежать втуне. Таким образом, по мнению Локка, не столько земельная собственность, которую он считает желательным ограничить, сколько именно денежный капитал есть главнейший источник богатства.

От естественного состояния Локк отличает состояние гражданское. Тут он использует теорию общественного договора, в силу которого люди, по его мнению, отказываются от индивидуальной защиты свободы и собственности и передают эту защиту обществу в целом. Это происходит в результате общего согласия свободных и равных людей подчинить свою волю решению большинства. На основании этого согласия правитель получает законодательную власть, право наказывать за преступления, т. е. исполнительную и судебную власть, и право вести войны и заключать мир. Единственная цель государства заключается в охране свободы и собственности индивидуума. При этом индивидуумы не отказываются от своих естественных прав полностью, а соглашаются на их ограничение лишь настолько, насколько это нужно для данных целей. Поэтому власть получает лишь ограниченные права, необходимые для охраны личности и собственности граждан.

Таким образом, Локк является создателем норм буржуазного правового государства в его основных положениях. Локк отрицает абсолютную монархию, как несовместимую с гражданским правом. Лучшей формой государства он считает конституционную монархию. Он развил далее выдвинутую Гроцием идею разделения властей, которая потом получает окончательное завершение у Монтескье. В концепции государства Локка власть делится на законодательную, исполнительную, судебную и так называемую федеративную, под которой он понимает право войны и мира. Высшей властью он считал власть законодательную, что означало, если перевести это на язык реальных отношений конца XVII в., власть парламента. Но и власть парламента, с точки зрения Локка, отнюдь не должна быть абсолютной. Несомненно, тут сказывается влияние на Локка «Билля о правах»: власть не имеет произвольных прав на личность и имущество граждан, она не может взять у граждан имущество без их согласия. Другими словами, необходимо согласие граждан на взимание правительством налогов.

Еще выше законодательной власти, по мнению Локка, стоит власть народа, которая всегда сохраняется за ним. Но представление о «власти народа» — демагогическая фикция вигов, на которую они опирались для оправдания переворота 1688 г. В теории Локка эта «власть народа» фактически не выступает как постоянная действующая сила, какой она является в представлениях Мильтона и даже отчасти у Гаррингтона. У Локка «власть народа» как решающий фактор выступает только в исключительных случаях, в критические моменты, аналогичные событиям 1688 г.

По Локку, хотя монарх и подчинен законодательной власти, но он сохраняет известную самостоятельность как глава исполнительной власти. Он может созывать и распускать законодательное собрание, может смягчать законы, самостоятельно действовать в тех случаях, которые не предусмотрены законом, может изменять избирательный закон. Но если исполнительная власть превышает свои полномочия и это превышение не может быть остановлено законодательной властью, то должен выступить народ, который обладает в таких случаях правом братья за оружие.

В этих воззрениях Локка получила наиболее яркое и законченное выражение новая буржуазная теория государства, как она сложилась к концу XVII в. в тех странах, которые прошли к этому времени через буржуазную революцию.

Таким образом, мы видим, что политические теории XVII в. мало историчны, а учения об общественном договоре, об естественном праве или естественном состоянии очень мало связывались их творцами с изучением конкретной истории, хотя они и пытались приводить иногда отдельные иллюстрации исторического характера.

В целом же социологи и политические мыслители XVII в. относились к конкретной истории с крайним предубеждением, часто видя в ней лишь сцепление случайных обстоятельств и ложную традицию, которая в течение многих столетий совершенно исказила истинный ход вещей.

Интересно, что когда эти теоретики выступали в качестве историков и обращались к конкретному историческому материалу, они обычно оставляли в стороне свои общетеоретические представления и не поднимались выше общего уровня исторической науки своего времени в отношении критической мысли и общего построения работ. Так было с Гуго Гроцием, когда он стал писать о революции в Нидерландах, или с Мильтоном в его трактате по истории Англии.

В связи с развитием общественной мысли в XVII в. необходимо сделать несколько кратких замечаний о развитии экономической мысли XVI—XVII вв. Это было время усиленной работы ряда экономистов в Италии, в Испании, но больше всего в Англии и Голландии. Сначала они разрабатывали теорию меркантилизма. В этой связи надо отметить анонимное сочинение «Критическое изложение некоторых мыслей наших соотечественников», появившееся в Лондоне в 1581 г. и приписываемое Уильяму Страффорду¹². Т. Мэн (1571—1641) развивал теорию торгового баланса. Затем один из деятелей английской революции — Уильям Петти (1623—1687), который был главным помощником Кромвеля в экспроприации ирландского населения, — положил начало классической буржуазной политической экономии. Он ясно сформулировал основы теории трудовой стоимости, отрицательно относился к теории торгового баланса, выдвигал идею свободного обмена. Следует отметить, что разработка экономических вопросов в XVI—XVII вв. была теснейшим образом связана с текущим моментом и очень мало касалась экономического истолкования прошлого. Те законы экономики, которые устанавливались экономистами того времени, представлялись им как законы, не подверженные историческим изменениям и не нуждающиеся в проверке историей. Здесь также сказалась рационалистическая и умозрительная основа буржуазной теоретической мысли в области общественных наук, характерная для XVII в.

¹² В настоящее время автором этого сочинения считают Джона Гэлса (умер в 1571 г.), английского политического деятеля середины XVI в. Гэлс написал трактат «Рассуждение о всеобщем благе», который впервые был издан без указания имени автора Уильямом Страффордом в 1581 г. под приведенным в тексте лекции названием. (Прим. ред.)

БЕЙЛЬ. ВИКО

В прошлой лекции мы говорили о расхождении между философией истории и изучением фактической истории, которое остается непреодоленным на протяжении всего XVII в. Между тем именно в этот период идет быстрое накопление исторических фактов. В том огромном материале, который делается доступным ученым уже в XVII в., становится чрезвычайно трудно разобраться особенно ввиду того, что этот материал, проверенный критически лишь с формальной стороны, с точки зрения его подлинности содержит в себе множество противоречий. Поэтому понятно то отвращение к истории, которое мы видим, например, у Гоббса. Мы уже отмечали, что философы-социологи иронически смотрели на историю как на собрание старого хлама, который совершенно не нужен. Они считали все исторические повествования совершенно непроверенным, более или менее бессмысленным собранием басен или фактов, установить действительную связь между которыми нет возможности. Известный французский философ XVII в. Рене Декарт иронизировал над старыми книгами, говоря, что историки настаивают на многом, чего не могло быть, и даже самые надежные из них изменяют и преувеличивают значение событий для того, чтобы сделать их более занимательными для чтения. Интересны в этом смысле скептические высказывания Генри Болингброка (1678—1751), одного из наиболее тонких умов начала XVIII в., знаменитого торийского политика и публициста. Его известные «Письма об изучении и пользе истории»¹ (1751) представляют собой в сущности издевательство над «ученым хламом, заполняющим голову знатока древности». История ему представляется хаотическим накоплением событий, в которых нет возможности научно разобраться, собранием памятников лживости, суеты, тщеты и ничтожества.

Конечно, в таком взгляде на историю сказывалось и отрицательное отношение нового класса — буржуазии — к прошлому, в котором, с точки зрения этого класса, господствовали человеческая глупость, невежество, суеверия, неумение разобраться в событиях и т. д. Поскольку все это средневековое прошлое осуждалось, постольку заодно осуждался и памятник этого прошлого в виде истории, написанной также людьми прошлого. Результатом такого подхода к истории нередко был полный скептицизм, принципиальный отказ от какой бы то ни было возможности познать прошлое.

¹ H. B o l i n g b r o c k e. Letters on the study and use of History. London, 1770.

В этом отношении большой интерес представляет знаменитый «Исторический и критический словарь»² французского ученого Пьера Бейля. Издание словаря началось в Роттердаме в 1695 г. и продолжалось в последующие годы. Это — первый большой исторический словарь.

Пьер Бейль (1647—1706) отличался совершенно исключительной эрудицией и необычайной начитанностью, которая нередко его и губит. Он знает много источников, массу сведений относительно каждого исторического события, каждого исторического деятеля, но обычно полагает, что эти сведения слишком противоречивы, слишком мало связаны друг с другом, чтобы можно было сделать на основании их какой-нибудь окончательный вывод. Мы часто находим у Бейля очень едкую, нередко раздражительную, но в конце концов бесцельную критику, потому что с помощью этой критики можно сделать только один вывод, что почти ни об одном лице, ни об одном факте нельзя сказать ничего достоверного. Это скептическое раздражение порождено постоянными противоречиями в источниках, оно часто побуждает Бейля говорить о своих источниках в легкомысленном и поверхностном тоне.

Словарь Бейля проникнут разочарованием в возможности извлечь что-нибудь достоверное даже из самого тщательного изучения источников. По мнению автора, чем тщательнее их изучаешь, чем больше их привлекаешь, тем всё более и более темным становится рассматриваемый вопрос.

Бейль — человек с большими научными запросами. Он задыхается в той массе мелочного материала, которым сам загромождает свой словарь. К каждой, даже маленькой, статье в словаре, которая занимает всего несколько слов, дается огромное примечание, представляющее собой собрание противоречивых сведений, служащих предметом для скептицизма и иронии. В этом критическом словаре особенно резко обнаружилось неумение автора объединить критический, научный подход к истории с овладением огромной массой фактического материала, которая нахлынула на историка и в которой он не может разобраться. Это расхождение теории и фактического материала, это неумение их объединить приводят к полному скепсису, который препятствует обнаружению общего смысла истории. Критика Бейля поверхностна, она сводится лишь к указанию бесчисленных противоречий. Путем сопоставления различных источников Бейль старается, по возможности, развенчать героев и доказать, что те исторические личности, которых считают героями, в действительности были обыкновенными людьми, в своих поступках руководствовавшимися лишь низкими побуждениями. Это еще больше подчеркивает общее впечатление разочарования в истории и безнадежности ее как науки.

Результатом того скептицизма, которым проникнуто все историческое мировоззрение Бейля, является глубочайший пессимизм. Он считает, что на земле не существует ни награды за добродетель, ни наказания за причиненное зло. Это скептическое направление в истории не является чем-то новым; оно начало сказываться уже и в XVI в.

Но особенно большое число такого рода скептических работ появляется в конце XVII в. и в XVIII в. Такова, например, работа Луи Бофора (ум. 1795)³, который в 1738 г. написал и издал в Утрехте «Диссертацию о недостоверности пяти первых веков римской истории»⁴.

² P. B a y l e. Dictionnaire historique et critique, vol. 1—16. Paris, 1820—1824.

³ Год рождения Бофора точно не установлен. (Прим. ред.)

⁴ L. B e a u f o r t. Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire romain. Paris, 1738.

Бофор в первую очередь подверг резкой критике Тита Ливия. Он доказывал, что не могло сохраниться никаких источников по истории Древнего Рима за первые пять веков его существования, потому что Рим был взят и разгромлен галлами, а следовательно, должны были погибнуть все источники по истории Рима. Анализируя Тита Ливия, он доказывает, что материалом ему послужили отчасти греческие легенды, отчасти надгробные речи, старые песни, смысл которых был частично утерян, толкование фамильных прозвищ, фамильных преданий и традиций. Но Бофор не пробует сам как-нибудь разобраться в этом материале и не ставит вопрос о том, что этот материал может быть всё же использован для воссоздания эпохи Древнего Рима. Поскольку он считает эти данные недостаточными и недостоверными, то, с точки зрения Бофора, и история первых пяти веков Рима вообще не может быть восстановлена.

Скептически подошел к истории и один из крупнейших историков начала XVIII в. итальянец Джамбаттиста Вико. Однако у Вико мы в то же время видим уже и попытку отчасти преодолеть этот скептицизм и путем глубокого анализа остатков прошлого восстановить действительные стадии развития человечества.

Вико — исключительно оригинальный мыслитель. Историки самых разнообразных направлений стараются зачислить его в свой лагерь, причем не всегда с достаточным основанием.

В свое время, в начале XVIII в., Вико был совершенно не понят у себя на родине, в Неаполитанском королевстве, и его замечательные произведения остались почти без отклика либо вызывали протест со стороны католически настроенных критиков. Потом он на долгое время был совсем забыт. Его вспомнили только в XIX в., когда некоторые из его гениальных мыслей были уже лучше поняты. Но его постоянно искажали и приспосабливали к своим взглядам, выхватывая те или другие его мысли. Знаменитый историк Рима, один из величайших критиков римской традиции, Нибур использовал ряд мыслей Вико о римской истории. Затем в первой половине XIX в. представители «Молодой Италии» причислили Вико к числу своих героев, впрочем по недоразумению. Вико казался им одним из авторитетнейших врагов папства и католической церкви, хотя, как мы увидим, это было не совсем так.

Во Франции историк-поэт XIX в. Жюль Мишле, отчасти близкий Вико по духу, вознес Вико очень высоко, но можно сомневаться, вполне ли он его понял. Мишле понял Вико по-своему, сделал его представителем своей рационалистической романтики. Можно отметить влияние Вико и на более поздних писателей, как, например, на Фюстель де Куланжа. Но главным образом использовали Вико, подчеркивая у него момент идеалистической философии, итальянские философы-идеалисты, которые являются отчасти родоначальниками итальянской фашистской философии.

С другой стороны, мы должны отметить тот отзыв, который дает о Вико Маркс. В письме к Лассалю от 28 апреля 1862 г. Маркс рекомендует ему изучать «Новую науку» Вико, потому что Вико впервые дал глубокую философию римского права. Маркс отмечает, что Вико гениально предвосхитил многие идеи, которые были развиты только в XIX в., что он открыл настоящего Гомера, утверждая, что Гомер не был какой-нибудь определенной личностью, написавшей две большие поэмы, а что в имени Гомера воплотился весь греческий народ, который рассказывает свою историю в песнях. Маркс отмечает также, что Вико подверг критике историю древнего мира, что в его «Новой науке» «имеется в зародыше Вольф («Гомер»), Нибур («История римских

царей»), основы сравнительного языковедения (хотя и фантастические) и вообще не мало блесков гениальности»⁵.

Говоря о Вико, многие из авторов в XIX и XX вв. изображают его не как историка, а, скорее, как поэта-фантаста, который гениально предвидел многое, но гораздо больше строил свои выводы на фантазии и интуиции, чем умел доказать.

Годы жизни Вико (1668—1744) — время наибольшего упадка Италии. Особенно глубоким был упадок культуры и образованности в Неаполитанском королевстве, представлявшем самый глухой угол Италии, с монархическим абсолютистским режимом.

Вся жизнь Неаполитанского королевства была опутана сетью католической церкви. Иезуиты пользовались в этом государстве огромным влиянием. Душная атмосфера засилья иезуитов в школе, где они насаждали систему образования в ложно-классическом стиле с непрерывными богослужениями, была мало подходящей для такого своеобразного, оригинального и самостоятельного ума, каким был Вико.

Джамбаттиста Вико был сыном мелкого книготорговца. Он учился в иезуитской школе, где получил хорошее знание классиков. Но он не был удовлетворен своими учителями и уже в 16 лет бросил учиться и начал адвокатскую практику, выступив по одному делу своего отца и выиграв его. Речь его на этом суде была настолько блестяща, что адвокат противной стороны ожидал его у здания суда, чтобы поздравить с успехом. Потом Вико стал домашним учителем в замке одного аристократа недалеко от Неаполя. Здесь у него было много досуга, который он употреблял для пополнения своего образования чтением. С 1694 г. он стал профессором в Неаполитанском университете, но по кафедре риторики, которая меньше всего соответствовала его дарованиям. У него была большая семья, жалованья профессора риторики ему не хватало, и он старался приработать всевозможными способами, главным образом сочинением разного рода речей, стихотворений для торжественных случаев в честь неаполитанских сеньоров и австрийских и испанских наместников. Стихотворения его, по отзыву некоторых знатоков, содержат в себе блески гениальности, хотя трудно себе представить, чтобы при таких условиях, когда стихотворения писались на заказ, для восхваления лиц, чуждых Вико, можно было бы сколько-нибудь широко развернуть свой гений. Только к концу жизни Вико король Карл Бурбон, который старался создать себе славу мецената и окружить себя выдающимися учеными, дал Вико должность придворного историографа с более высоким жалованьем. Но к тому времени Вико был уже совершенно сломлен бедственной жизнью, быстро потерял память, прекратил работу и вскоре умер.

Главное сочинение Вико, которое дало ему право на бессмертие, — это его «Основания новой науки об общей природе наций»⁶ (1725).

Ему принадлежит еще одна работа, которую, очевидно, имеет в виду Маркс, когда он говорит о Вико как «о философе права». Это — сочинение «О едином принципе всеобщего права»⁷ (1720).

При изложении воззрений Вико нам придется опираться главным образом на его «Основания новой науки». Чтение этого произведения — довольно трудная задача. Оно не представляет собой ясной, логической,

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 399.

⁶ G. Vico. *Principi della scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni*. Torino, 1952; Д. ж. Вико. Основания новой науки об общей природе наций. ГИХЛ, М.—Л., 1940.

⁷ G. Vico. *De universi juris uno principio*, 1720.

по плану построенной работы. Здесь мы видим частую смену тем, образов, доказательства часто сменяются фантастическими картинками. Кроме того, аргументация Вико, особенно филологическая и лингвистическая, настолько чужда представлениям нашего времени, что за ней очень трудно следить. Надо сказать, что этот профессор риторики не умел ясно писать. Он излагал свои мысли очень тяжелым, туманным и путанным языком, не выделяя основных линий, смешивая свое с заимствованным у других. У Вико мы видим постоянное смешение фантазии с доказательством, причем фантазия иногда интереснее доказательства. Часто встречаются у него мистические настроения. По всему складу своего ума и своей натуры, а не только по философской своей системе Вико находился в резком противоречии с физическим и механистическим объяснением общественного процесса, характерным для социологов XVII и XVIII вв. У него мы видим совсем другое объяснение, которое в некоторых отношениях нам ближе, но я должен заранее сказать, что у меня нет никакого желания модернизировать Вико и подчеркивать в нем только то, что сближает его с нашими представлениями. Вико был человеком своего времени и во многих отношениях стоял на более отсталых позициях, чем его идейные противники — рационалисты.

Вико понимал исторический процесс как органический процесс. По его мнению, народы развиваются из самих себя, в силу известных внутренних законов, присущих человеческой природе. Механистической теории общественного договора Вико противопоставляет исторический закон развития от низшего к высшему, закон эволюции, как сказали бы мы. Сочинение Вико называлось «Основания новой науки об общей природе наций». И это не случайное название. Вико считает, что исторические явления закономерны и повторяемы и что у всех народов имеется одна идеальная схема истории, по которой уже строится то, что можно назвать конкретной историей каждого народа. Таким образом, Вико внес в историю человечества принцип внутреннего развития. Но, по мнению Вико, этот принцип установлен божеством, которое вмешивается в историю. Однако это вмешательство божества рисуется Вико в конечном счете лишь как вечный идеальный закон, который управляет развитием человеческих обществ. Вико относится очень скептически к сведениям, которые дошли до нас в сочинениях историков о первоначальных эпохах развития народов. Он отрицает существование Гомера как исторического лица и, тем более, историческую правильность тех событий, которые описывает Гомер. Но вместе с тем он считает, что материал мифов, сказаний о героях, материал поэтических произведений вообще есть богатейший источник для воссоздания первоначальных стадий развития народов. Это, по его мнению, своеобразные памятники, или символы, той или другой эпохи. По этим остаткам можно восстановить отчасти историю этих эпох, от которых не уцелело достоверных памятников. Не считая Гомера исторической личностью, Вико объявляет «Илиаду» и «Одиссею» двумя совершенно различными произведениями, не принадлежащими к одному циклу, отделенными друг от друга веками и местом их возникновения. Вико рассматривает Гомера как своего рода коллективную личность, как отражение самого греческого народа, который в «Илиаде» и «Одиссее» в поэтической форме рассказал свою историю. Но этот рассказ надо понимать не буквально, а лишь как символ, который требует анализа и толкования.

Вико различает три эпохи развития человечества — божественную, героическую и человеческую.

Первая эпоха — божественная; это — детство человечества, когда оно находится в первобытном состоянии. Большинство философов-рационалистов (за некоторым исключением, как, например, Гоббс) рассматривало естественное состояние как своего рода «золотой век» человечества. Вико тоже говорит о «золотом» веке, каким он считает пребывание человечества в раю, до грехопадения. Но у него совершенно другое представление о первобытном человечестве по сравнению с философами-рационалистами, которым этот период рисовался крайне отвлеченно. Люди этой эпохи рисовались им как какие-то атомы, которые либо притягиваются друг к другу, либо отталкиваются друг от друга, результатом чего в конечном итоге является общественный договор. У Вико гораздо более реальное представление о первоначальном состоянии человечества. Он рисует себе первобытных людей в виде гигантов с чрезвычайно развитой мускулатурой, обросших волосами, с острыми зубами и когтями. Они не умеют держаться прямо, а ходят согнутыми. Трудно представить себе общественный договор между такими полулюдьми-полуживотными и назвать жизнь этих существ «золотым веком» человечества. Такое представление ближе к тому представлению о первобытном человеке, которое имеется в современной науке.

Духовная жизнь у людей, по мнению Вико, пробуждается с первыми ударами грома. Здесь у Вико его интуитивная прозорливость сменяется самыми наивными рассуждениями. Он полагает, что гром есть результат «всемирного потопа», так как после «всемирного потопа» образовались большие болота, озера, значительные пространства воды, которые, испаряясь, создали большое количество туч. С этим и связаны грозы. Духовная жизнь людей пробуждается благодаря тому страху, который порождается ударами грома. Страх заставил людей разбежаться по пещерам, причем отдельные мужчины захватили с собой женщин. Таким образом возникли семьи.

Гром заставил людей признать существование какого-то страшного, сверхъестественного существа — Юпитера, или бога грома. Страх перед гневом этого божества научил их отличать дозволенное от недозволенного. Тут Вико пускается во всевозможные филологические рассуждения и догадки довольно сомнительного свойства. Он полагает, что Юпитер — это отец закона, или отец права. Слово «Юпитер» того же корня, что и слово «право» (jus).

Страх перед Юпитером дал людям представление о добре и зле, затем заставил людей стараться умиловить божество, смягчить его, ввел культ божества. На основе культа вырастает особый, мистический язык, особое, мистическое искусство. Интересно представление Вико о происхождении языка и искусства. По его мнению, они тесно связаны с этим первоначальным культом. Возникающий на этой стадии язык состоит из имен богов, вообще из собственных имен. Тут слова не соединяются в фразы, тут имеются лишь существительные, причем не отвлеченные, а только собственные названия отдельных лиц и предметов. При этом Вико отмечает, что этому языку предшествует язык жестов и движений. Письмо в то время тоже начинает развиваться, но тоже символическое, в виде рисунка, из которого потом вырабатываются иероглифы.

Первый — божественный — период истории человечества сопровождается возникновением мифов. В мифологии Вико видит бессознательную летопись первых шагов культуры. Для него мифология — это не собрание бессмысленных басен, изобретенных для тех или других целей, не является она также и описанием действительных событий. Он не пы-

тается дать рационалистическое толкование представлениям о богах как обожествленных героях. В возникновении культа богов он видит отражение определенных отношений, определенных событий в истории человеческого общества. Каждый новый шаг в общественном развитии создает новых богов. Так, для освящения брака создается новая богиня Юнона, обычай хоронить мертвых создает нового бога Аполлона и т. д.

В эту эпоху обоготворения сил природы вся власть принадлежит тем, кто является посредниками между богами и людьми. Такими посредниками выступают отцы семейств, которые основали семьи в пещерах. Этим отцам семейств, или патриархам, принадлежит полная и безусловная власть. Власть патриархов обычно сурова, она должна приготовить грубых и диких людей к осуществлению гражданских законов.

Кроме людей, подчиненных патриархам и живущим в горах, имеется еще много людей, живущих по долинам. Это — еще полужвери-полулюди, которые ведут яростную борьбу за существование. Среди них имеются более слабые и более сильные. Более слабые бегут в горы, под защиту патриархов, отцов первых семейств. Патриархи принимают под свою защиту этих людей. Затем, спустившись с гор, они истребляют остатки наиболее сильных жителей долин, разбойников, которые притесняли более слабых, бежавших в горы. С этим Вико связывает миф о гигантомахии, о низвержении богами гигантов, в частности миф о Геракле.

С этого момента Вико начинает новый век — век героев. Люди, истребившие гигантов-разбойников, подчиняют себе тех, которые прибегли к их защите. Они заставляют их работать на себя, ставят их в положение рабов. У этих рабов нет ни религии, ни брака, ни собственности, но они не мирятся со своим подчиненным положением, они начинают требовать лучшей участи, и это обстоятельство заставляет верхушку из героев объединиться в государство и построить укрепленные города. Таким образом, Вико высказывает здесь интересную мысль о том, что именно социальная борьба является причиной образования государства, что государство выступает в ответ на восстания низших классов, с целью их подчинения.

Правление в этом государстве, конечно, носит чисто аристократический характер. По мнению Вико, первая форма правления в государстве — аристократическая. Большинство рационалистов, как мы видим, выдвигало монархию как первую форму правления.

Отцы семейств образуют сенат. Эта эпоха, по мнению Вико, и запечатлена в поэмах Гомера. Изучение поэм Гомера, как он считает, позволяет восстановить эту героическую эпоху — эпоху господства аристократии.

Такие фигуры, как Ромул для Рима и Ликург для Спарты, тоже являются отражением этой героической эпохи. В «Законах 12 таблиц» также отразилась, по мнению Вико, эта эпоха. Здесь устанавливается власть родовой аристократии, воинственной, резко обособленной от народной массы. Аристократия дает клятву ненавидеть народную массу, не давать ей никакой свободы.

Героической эпохе соответствует особый язык. Если язык предыдущей эпохи был преимущественно языком мифов, связанных с именами богов, то в героическую эпоху господствует язык метафорический, связанный со всевозможными уподоблениями. Это эпоха грубых нравов, судебных поединков, резкого сословного разграничения, подчинения низших классов высшим.

Таким образом, социальные отношения, язык и культуру — все это Вико не берет как независимые друг от друга явления, а связывает в одну общую картину. Язык и культура зависят, по его мнению, от общественного строя. Опять-таки очень глубокая для своего времени мысль.

Но и «героический век» также приходит к концу вследствие того, что низшие слои, в частности плебейство, начинают все чаще восставать против аристократии, которой приходится идти на уступки и допустить эти низшие слои в свою среду. Таким образом, наступает третий век — «век человеческий».

В этой человеческой эре общественные отношения складываются иначе. Рядом с родовой знатью появляется знать, выдвинувшаяся за заслуги и богатство. Устанавливается новый общественный строй, созданный новым общественным классом, плебейством, — демократия.

Изменяется весь стиль культуры, меняются язык, понятия, обычаи, самый способ мышления. Язык, который раньше носил конкретный характер, теперь принимает характер отвлеченный; начинают вырабатываться отвлеченные понятия, господствует не ритмическая речь, а проза.

Таким образом, у Вико несколько иная смена форм власти, чем мы это видели у мыслителей XVI—XVII вв., которые считали монархию первоначальным строем. У Вико за первоначальным общественным строем — аристократией — следует демократия. Но порок этого демократического строя заключается в том, что в нем все время идет борьба между богатыми и бедными, которая порождает гражданскую войну и анархию. Это заставляет людей в конце концов прибегнуть к установлению монархии, царского закона. Монархия, в изображении Вико, носит идеализированный, демократический характер. Монархия утверждается для охраны слабых, для нее характерна мягкость законов, сословия и национальности растворяются здесь в общем гражданстве. Эта идеализированная картина Римской империи в первом столетии ее существования.

Однако, с точки зрения Вико, и монархия несет в себе определенные опасности. Прежде всего она уводит людей от активного участия в политической жизни и тем самым развращает и принижает людей, заставляет их утрачивать чувство взаимной связи. Это приводит к новому огрубению нравов, новому варварству, но варварству не первобытному, богатому семенами дальнейшего развития, а варварству вырождающемуся, упадочному.

Вико ставит вопрос — каков же выход из этого положения, из этого замкнувшегося круга, который начинается молодым, свежим варварством, а заканчивается тоже варварством, только старческим, упадочным, бессильным?

Вико видит здесь два возможных выхода. Первым, лучшим, с его точки зрения, выходом является завоевание таких упадочных обществ молодыми, свежими варварами, как это было с Римской империей в V в. По его мнению, средневековое варварство, сменившее упадочное варварство поздней Римской империи, явилось как бы новым возрождением «божественного века», с которого начинается новый цикл развития. За этим последовал новый «героический век», который Вико видит в средневековой феодальной Европе, и затем новый «человеческий век», который ему представляется в виде современности. Поэтому Вико считает монархию нормальным строем для Европы своего времени. В таких аристократических государствах, как Англия или Польша, где власть короля была очень слаба, должна, по мнению Вико, установить-

ся более прочная монархия. Словом, современность, по его мнению, лежит на еще не замкнувшемся круге, у нее еще есть будущее.

Итак, новый круговорот, как считает Вико, начинается в том случае, если старое, разложившееся общество завоевано новым, свежим варварством. Но возможны случаи, когда поблизости от разлагающегося общества нет такого народа, который мог бы своим первобытным варварством освежить и обновить упадочное варварство поздней эпохи. Тогда выродившийся народ бывает предоставлен своей судьбе, распри и междоусобия погружают его окончательно в дикость, ему предстоит несколько веков культурного упадка, которые должны возвратит ему мужество, вернуть его к первобытному состоянию, привести его в божественный период, и тогда цикл начинается сначала.

Такова наиболее известная из идей Вико — идея круговорота. Этот круговорот уже проделан античным миром, и теперь происходит повторение того же круговорота в современной ему Европе.

Интересно то, что у Вико все смены между отдельными периодами, равным образом и смены между двумя большими циклами, связаны так или иначе с общественными переворотами, которые ему нередко рисуются в форме классовых столкновений — отцов семейств (или родовых старшин) и феодалов, аристократии и плебса, наконец, богатых и бедных. Мы видим, что у Вико, хотя и в очень неясной, часто извращенной форме, все же выдвигается принцип социальной борьбы как одной из основных движущих сил развития общества. При этом государство и право рассматриваются им как органы насилия и подчинения со стороны богатых по отношению к бедным.

Возникает вопрос, является ли тот круговорот, который рисует Вико, движением на месте, вечным возвращением к одному и тому же началу? Предстоит ли, с точки зрения Вико, новым европейским народам проделать все сначала и возвратиться к упадку или же новый цикл все же связан с каким-то поступательным, прогрессивным развитием истории?

Ясного ответа на этот вопрос у Вико нет. По одним его высказываниям выходит, что как будто бы действительно предстоит регресс, и он уже начался.

Но в то же время Вико рисуется и какая-то идеальная республика, которая должна состоять из союза монархий и главой которой является бог. Но это, скорее, идеальная картина, чем сколько-нибудь конкретное представление. По-видимому, все-таки Вико рисовал себе и второй цикл, опять-таки с тенденцией к упадку и замыканию круга новым варварством.

При общей оценке идей Вико надо отметить несколько чрезвычайно ценных его мыслей, или, скорее, интуитивных догадок. Его работа действительно заслуживает того названия поэмы или «божественной комедии», которое ей нередко давали.

Прежде всего необходимо отметить, что у Вико есть представления об органической связи всех сторон человеческой истории, об органической связи между общественным строем и идеологией. У Вико мышление людей имеет совершенно различный характер, в зависимости от условий эпохи. Язык, письменность — вся совокупность культуры определяется в конце концов общественным строем данной эпохи. Все развитие человеческих идей, которое выражается прежде всего в обычаях и языке, зависит от развития «вещей». Порядок идей, как он говорит, следует за порядком «вещей». Например, в развитии языка кроме указанных периодов Вико устанавливает и другие: он говорит,

что язык имеет сначала лесной характер, потом земледельческий, наконец, городской, в зависимости от того, в какой среде он формируется; наконец, он отличает еще научный, отвлеченный язык, который начинает вырабатываться в академиях и других научных учреждениях.

Попытки Вико установить порядок развития любого общества в значительной степени основываются на изучении римской истории. Римский народ для него тип народа вообще, по которому история воссоставляет жизнь других народов. Вико говорит, что если использовать применяемый им метод исторических параллелей, то «окажется разъясненной История, но не отдельная и временная История Законов и Деяний Греков или Римлян, а История идентичная в уразумеваемой сущности и разнообразная в способах развития. Таким образом мы получили Идеальную Историю вечных Законов, соответственно которым движутся Деяния всех Наций в их возникновении, движении вперед, состоянии, упадке и конце, даже если бы (что безусловно ложно) в Вечности время от времени возникали бесчисленные Миры. Поэтому мы и осмелились дать настоящему Произведению завидное заглавие «Новая Наука», так как оставить его без этого заглавия было бы слишком несправедливым нарушением его законного права на столь Универсальный Предмет»⁸.

Вместе с тем Вико подвергает очень интересной критике традиционную римскую историю. Он проявляет значительное критическое чутье при анализе Тита Ливия, и в частности его сообщений о первых веках римской истории, о существовании царского периода, а затем о первых веках республики. Он полагает, что именно в силу исторического своеобразия данного периода здесь не может быть точных исторических записей, которые все носят символический, религиозный характер. Они являются отражением мировоззрения эпохи, но никак не исторической действительности. С этой точки зрения он подвергает сомнению традиционную историю первых пяти веков римской истории, считает ее легендарной.

Как будто бы нарушением этой картины круговорота, нарисованной Вико на основании истории Рима, представляется наличие одновременно с Римской республикой монархий в других странах древнего мира, на Востоке. Но Вико рассматривает их как результат ранее совершавшегося и дошедшего до конца своего развития цикла. Таким образом, Вико выделяет древний Восток в особый цикл, отделяя его от античного мира в тесном смысле этого слова.

Вико резко выступает и против рационализма с его полным презрением к эмпирике, к традиции и против механистического подхода к истории. Он не верит в возможность применения геометрического метода к изучению законов развития общества и противопоставляет ему органическое их понимание. Более того, и естествознанию, с точки зрения Вико, более приличествует не математическое построение, не чистое умозрение, но только опыт. Вико считает, что можно вполне познать только то, что сотворено познающим. Поэтому, с его точки зрения, мир, изучаемый естествознанием, вообще никогда не может быть познан, так как он сотворен богом и познать его вполне может только бог. Что же касается человеческого общества, то оно является в значительной мере творением людей, поэтому человек и человеческое общество есть именно то, что может быть познано человеческой наукой и что должно составить основное ее содержание.

⁸ Д. В и к о. Основания новой науки об общей природе наций, стр. 460.

История, к которой так презрительно относились рационалисты XVII—начала XVIII в. (Декарт, Гоббс), ставится Вико в центр человеческого познания⁹.

Повторяю, для Вико характерно чувство и понимание истории как живого и органического процесса, в отличие от того механистического атомизма, который мы видели у политических мыслителей-рационалистов XVII в. У Вико нет отвлеченного представления о первоначальном счастливом дообщественном состоянии, которое приводит затем к обществу по договору, являющемуся результатом разумного, целесообразного действия. Дикарь у него является действительно дикарем, полным всякого рода страхов; семья и государство создаются у него не из соображений пользы, а в силу повелений бессознательного страха перед опасностями, подстерегающими людей, если они живут в одиночку, в силу борьбы между общественными группами. Таким образом, Вико выступает против рационалистической теории происхождения государства, против рационалистических объяснений религии.

Однако все это не дает нам основания модернизировать взгляды Вико, как это неоднократно пытались делать современные буржуазные историки, выдергивая из богатого, своеобразного и противоречивого запаса его идей то, что более всего подкрепляло их собственные теории. Нужно всегда помнить, что Вико был человеком своего времени.

В понимании истории Вико был идеалистом. Рисуя первобытного человека реальным дикарем, он в то же время не мог расстаться с библейскими преданиями и не пытался оспаривать их достоверность. «Золотой век» человечества, как мы отмечали, он совершенно серьезно относился к тем временам, когда люди, согласно этим преданиям, жили в раю.

Мы видели также, что Вико верит в божественный промысел. С его точки зрения, божество является движущей силой, которая направляет историю к определенной цели, ведя человечество от анархии к порядку. С этих позиций он нападает на Гроция, для которого бог является лишь отвлеченным философским принципом, а не реальной действующей силой в истории. Правда, Вико в противоположность средневековым историкам не придает исключительного значения такому факту, как рождение христова. История, по его мнению, идет после этого события тем же путем, что и раньше, но в целом элементы теологии в исторических представлениях Вико выступают с достаточной силой.

Вико, например, говорит, что все развитие человечества направляет «Божественная Справедливость, руководимая для нас Божественным Провидением ради сохранения Человеческого Общества»¹⁰. О своей «Новой науке» он замечает, что она «должна быть доказательством, так сказать, исторического факта Провидения»¹¹. Об этом Вико говорит и в своей более ранней работе — «О едином принципе всеобщего права». Не случайно свое учение о праве он сам называл «Рациональной Гражданской Теологией Божественного Провиде-

⁹ Признавая большой историзм Вико по сравнению с представлениями философов-рационалистов XVII в., нужно также иметь в виду, что в вопросе о возможности познания природы Вико стоял на гораздо более реакционных позициях, проповедуя в сущности агностицизм и неспособность человеческого разума познать природу. В этом вопросе философы-рационалисты XVII в., многие из которых в области познания природы были материалистами, занимали неизмеримо более прогрессивные позиции. (Прим. ред.)

¹⁰ Д. В и к о. Основания новой науки об общей природе наций, стр. 114.

¹¹ Там же, стр. 115.

ния»¹². И в практической своей жизни Вико находился в значительной степени под влиянием католических идей. Он, например, начал было издавать сочинения Гуго Гроция, но бросил, найдя, что ему как католику не следует содействовать славе еретика. Мы находим у него слова о том, что безбожник не может правильно судить ни о государстве, ни о праве.

Я уже указывал на некоторые очень мало научные высказывания Вико, которые он вводит в свою теорию, например представление о том, что грозы возникли в результате «всемирного потопа». Эти свои представления он берет из «Библии», подтверждая их соответствующими мифами других народов.

В конце своей книги «О новой науке» Вико высказывается следующим образом: «все Ученые удивляются и благоговеют перед бесконечной Мудростью Бога и жаждут объединиться с нею»¹³. Из этого всего делается вывод, что «Наука нераздельно несет с собой Усердие в Благочестии, и тот, кто не благочестив, тот поистине не может быть Мудрым»¹⁴.

Надо, конечно, помнить, что книга Вико не могла бы увидеть света в отсталой католической Италии, если бы в ней не высказывались такого рода благочестивые размышления. Может быть, это делалось до известной степени для того, чтобы облегчить книге выход в свет. Но надо все-таки признать, что в «Основаниях новой науки» Вико слишком много религиозного элемента, чтобы его наличие можно было объяснить только цензурными соображениями.

Резюмируя, мы можем сказать, что «Основания новой науки» Вико — чрезвычайно своеобразная книга. Она представляет собой очень редкое и причудливое сочетание интересных интуитивных прозрений автора в отношении законов развития общества, прозрений, во многом опередивших господствующие в историографии того времени представления, с такими совершенно ненаучными положениями, которые ставят эту книгу много ниже произведений социологов-рационалистов XVII—XVIII вв., решительно изгнавших бога из истории или сводивших понятие божества к отвлеченному философскому принципу.

¹² Д. В и к о. Основания новой науки об общей природе наций, стр. 114.

¹³ Там же, стр. 473.

¹⁴ Там же.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ XVIII в. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Тот разрыв между изучением конкретного исторического материала и теориями развития человеческого общества, о котором мы неоднократно говорили в предыдущих лекциях, был устранен только в позднем рационализме, в так называемую эпоху Просвещения. Подобно тому как главные мыслители раннего рационализма выступают перед нами главным образом (но не исключительно) в тех странах, которые раньше других пережили буржуазную революцию, именно в Нидерландах и Англии, так и поздний рационализм эпохи Просвещения особенно ярко проявился во Франции, где с середины XVIII в. назревала буржуазная революция.

Под Просвещением обыкновенно понимают довольно сложный комплекс идей, развившийся в XVIII в. главным образом во Франции. В нем имеется ряд этапов, которые надо отличать друг от друга, но в классической своей форме идеология Просвещения выступает перед нами к середине XVIII в. в творениях крупнейших французских философов того времени — Вольтера, Монтескье, Дидро, энциклопедистов.

Наиболее характерные черты идеологии Просвещения вообще и историографии этого направления в частности можно определить следующим образом.

Прежде всего они характеризуются господством рационализма, который своими корнями уходит в XVII и даже XVI вв. Основным моментом идеологии Просвещения является вера в разум, стремление основываться на разуме как последнем и верховном авторитете. С этой точки зрения историография Просвещения подвергает полной переоценке все старые исторические ценности. Бог изгоняется из истории и сводится либо к философскому началу всех вещей, либо к понятию закономерности, — бога как создателя законов, которым подчиняется всё в природе и обществе. Эти законы, самим богом однажды установленные, даже им нарушены быть не могут. Всемогуществу и величию божества, с точки зрения рационализма, противоречит мысль о том, что бог сам может нарушить установленные им законы.

Таким образом, с точки зрения разума подвергаются критике и исследованию все проблемы истории, которые до того времени считались, скорее, достоянием религии, чем знания. Сам вопрос о происхождении

религии становится теперь предметом изучения. Только теперь становится возможным сколько-нибудь научный подход к истории.

Изгнав из истории теологический момент, историки-рационалисты стали на путь правильной не только формальной (как это было у эрудитов), но и более глубокой исторической критики источников, что сообщало их историческим сочинениям гораздо более научный характер. Далее, во всех построениях политических мыслителей и историков Просвещения надо отметить еще одну характерную черту — их всемирно-историческую точку зрения, представление о человечестве как едином целом, веру в человечество в целом. Они всегда говорят не столько о человеке определенного народа, определенной эпохи, сколько о человеке вообще, о человечестве и его задачах в целом.

С глубокой верой в торжество разума у большинства просветителей была связана оптимистическая вера в прогресс. Буржуазия, которая в то время представляла собой прогрессивный класс, отождествляя свое дело с делом всего человечества, настойчиво выдвигала веру в прогресс знаний, который, по мнению ее идеологов, должен был в конечном счете привести к прогрессу социальному и политическому.

Таким образом, просветители XVIII в. могут считаться создателями буржуазной теории прогресса. В то же время их мировоззрение носило идеалистический буржуазно-ограниченный характер. Как и рационалисты XVII в., мыслители XVIII в. подходили к истолкованию исторических явлений механистически. Для них общество представляло собой совокупность индивидуумов, отдельных атомов, которые вступают друг с другом во всевозможные отношения и комбинации.

Чтобы объяснить самый факт объединения этих разрозненных индивидуумов в общество, рационалисты пользовались главным образом теорией «общественного договора». Мы видим здесь механистическое упрощение всего исторического процесса, стремление объяснить историю так, как объясняли в то время явления физического мира. В XVII в., как уже отмечалось, был очень в ходу термин «социальная физика». Этот термин в значительной степени применим и к рационалистам XVIII в. В основе этого механистического подхода к истории лежал еще крайний идеализм. С представлением о человечестве как совокупности индивидуумов, которые выступают в различных числовых комбинациях, связывалась непоколебимая вера в то, что правильное общественное устройство может быть достигнуто лишь путем просвещения, путем уразумения истины возможно большим количеством людей. Все неурядицы, все недостатки общественного строя в прошлом рассматривались рационалистами лишь как результат незнания, заблуждения. Они считали, что путем разъяснения этого заблуждения, путем установления истинного знания можно устранить все общественные неполадки. С этим была связана мысль о том, что истинной движущей силой прогресса и истории является сравнительно небольшой круг лиц, стоящих на высоте просвещения и способных воспринять ту новую науку, начало которой рационалисты относили к XVI в. Самый исторический процесс заключается, с их точки зрения, прежде всего в усовершенствовании человеческих знаний, которые должны в конечном счете создать лучший общественный строй. Эта классово ограниченная точка зрения, предоставляющая активную роль в историческом процессе лишь сравнительно небольшой группе людей, соответствовала уровню развития тогдашней буржуазии, которая отождествляла свое дело с делом народа и считала просвещение, которое было доступно лишь

сравнительно небольшой группе людей, ведущим моментом всего исторического процесса.

Когда мы сравниваем французский рационализм середины XVIII в. с его предшественниками — английским или нидерландским рационализмом XVII в., то мы должны отметить ряд различий между ними. Прежде всего писатели-рационалисты XVIII в. находят гораздо более широкий отклик на свои произведения, гораздо больший круг читателей, чем представители рационализма XVII в. Влияние последних, как оно ни было значительно, все же ограничивалось учеными кругами. Но теперь — в XVIII в. — возник уже значительный слой образованного общества, прежде всего слой буржуазной интеллигенции, которая являлась создателем того, что можно назвать общественным мнением. На это общественное мнение и опираются мыслители XVIII в. Это общественное мнение не ограничивается, однако, только буржуазной интеллигенцией, оно захватывает даже известные круги аристократии. Монархия, которая вынуждена в то время идти на некоторые уступки буржуазии, прислушивается к мнению просветителей и пытается приспособить их учение для своих целей. Екатерина II, Густав III Шведский, Фридрих II Прусский приглашают философов-просветителей к своим дворам, переписываются с ними¹. Но так или иначе связь философов-просветителей с широкими (сравнительно с предшествующими эпохами) кругами читающей публики — важный момент в общественном развитии того времени. И самый характер рационалистической философии несколько меняется. Философия перестает быть занятием кабинетных специалистов и изменяет свое значение. Термин «философия» означает теперь мировоззрение, при этом мировоззрение новое, противопоставляемое религиозному. Это совокупность новых, научных, моральных, политических идей, новая система взглядов, усиленно пропагандируемая в широких буржуазных кругах. В этих кругах наблюдается необыкновенное стремление к самообразованию. Ищут общего метода, связи знаний, основ мировоззрения, научного духа, понижающего все области человеческого знания. Особенно сильно влияние публицистов-популяризаторов типа Вольтера. Философия просветителей приобретает популярный характер, рассчитанный на широкий круг читателей, она постоянно апеллирует к общественному мнению.

Если мы возьмем философские идеи эпохи Просвещения, то увидим, что в основном они представляют лишь дальнейшее развитие тех идей, которые были высказаны достаточно четко великими рационалистами XVII в. Но эти идеи теперь широко популяризуются, что идет рука об руку с сокрушением старых, прежде всего религиозных, взглядов. В этом огромная заслуга этой эпохи.

Рационализм XVII в. делал некоторые уступки религиозному мировоззрению. Проводилось известное различие между тем, что доступно человеческому познанию, что может быть познано при помощи рационального научного метода, под которым понимали прежде всего дедуктивный механистический метод, и довольно широким кругом вопросов, которые считались непознаваемыми для человеческого ума и отводились в удел религиозным воззрениям.

¹ Правда, великим мыслителям иногда доводилось играть довольно незавидную роль при дворах самодержавных государей. Например, Вольтеру не всегда сладко приходилось при дворе Фридриха II, высчитывающего, во сколько талеров обходится ему этот «шут», который обязан был выправлять плохие стихи Фридриха и улучшать французский стиль в писаниях этого самодержавного деспота, стремившегося разыгрывать из себя просвещенного философа. (*Прим. автора.*)

Рационализм XVIII в. носит гораздо более воинствующий характер. Он стремится окончательно изгнать религию из человеческого мироздания. Правда, такие последовательные материалисты, как Гольбах, вызывали к себе отрицательное отношение у некоторых из крупнейших представителей идеологии Просвещения, в частности у Вольтера, но все-таки именно их воззрения определяли общий дух этого времени. Все представления о боге, о душе, о свободе воли в теологическом смысле этого слова, о бессмертии изгоняются из нового мировоззрения. Если же некоторые представители эпохи Просвещения, например тот же Вольтер, придерживаются деизма и признают бога, — то как первопричину, а не как постоянно вмешивающуюся, определяющую волю человека силу, что мы видели, например, у Вико.

Резко отрицательное, почти не допускающее компромисса отношение Вольтера к церкви было связано у него со стремлением обновить все человеческое мировоззрение, все идеи сверху донизу. Постоянная борьба с церковью, знаменитый лозунг Вольтера: «Ecrasez l'infâme!» («Раздавите гадину!») — характерны для той эпохи.

Но в то же время мы должны отметить довольно своеобразную черту у просветителей типа Вольтера, именно то, что они, решительно борясь с разного рода суевериями, жадностью духовенства, злоупотреблениями церкви и вообще считая религию неприемлемой для мировоззрения просвещенного меньшинства, в то же время думали, что религия нужна для народа, как надежная узда. «Если бы бога не было, его нужно было бы изобрести»². «Чернь не заслуживает разумной религии»³, — говорил Вольтер.

Для этой группы просветителей, которые являются яркими выразителями буржуазных стремлений, чрезвычайно характерно настороженное отношение к народу. В своей пропаганде новых идей буржуазные идеологи Франции обращались не к народу, а к образованным кругам. Правда, Вольтер с очень горячим сочувствием отзывался о страданиях народа, говорит о жестокостях крепостного права, но в то же время он далек от каких бы то ни было социально-уравнительных тенденций. Вольтер опубликовал «Завещание» аббата Мелье, но его в нем привлекали главным образом резкие нападки на религию, и он совершенно отмежевался от нападков Мелье на частную собственность. Уравнительная теория Руссо вызывала лишь насмешки Вольтера. Он думал, что общество должно состоять из двух классов: с одной стороны, богатых и образованных, с другой стороны — тех, кто ничего не имеет и обязан работать на эти господствующие классы. Поэтому он возражал против просвещения народных масс. «Если народ начнет рассуждать, то все погибло»⁴, — пишет он Дамилавиллю. А в письме к Табору: «Народ всегда туп и груб... Это воля, которым нужно ярмо, погонщик и корм»⁵. «На нашем несчастном земном шаре невозможно, чтобы люди, живущие в обществе, не были бы разделены на два класса, класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат»⁶.

² F. V o l t a i r e. *Épître a l'auteur du livre des trois imposteurs*. F. V o l t a i r e. *Oeuvres complètes*, ed. Garnier, vol. 10. Paris, 1877, p. 403.

³ F. V o l t a i r e. *Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire*. F. V o l t a i r e. *Oeuvres complètes*, vol. 11. Paris, 1878, p. 179.

⁴ F. V o l t a i r e. *Oeuvres complètes*, vol. 44. Paris, 1881, p. 256.

⁵ F. V o l t a i r e. *Oeuvres complètes*, vol. 46. Paris, 1882, p. 251.

⁶ F. V o l t a i r e. *Dictionnaire philosophique*. F. V o l t a i r e. *Oeuvres complètes*, vol. 18. Paris, 1878, p. 475.

Дидро при всем его сочувствии к бедным писал, что человек из простонародья — самый глупый и злой из всех людей и что отрешиться от народа или стать лучше — это одно и то же. «Огромное большинство рода человеческого, — пишет Вольтер, — было и еще очень долго будет безумно и глупо»⁷.

Вольтер рисует участь крестьян сочувственным, но в то же время презрительным тоном. Они «живут в хижинах со своими самками и со скотом... говорят на языке, непонятном горожанам; у них мало мыслей, и они с трудом могут их выразить; подчиняясь, сами не зная почему, человеку с пером за ухом (т. е. королевскому чиновнику. — *Е. К.*), они отдают ему половину того, что зарабатывают в поте лица своего; они собираются по определенным дням в какой-нибудь риге и там совершают непонятные обряды, слушая человека, одетого иначе, чем они (т. е. священника. — *Е. К.*), которого они совершенно не понимают; иногда они покидают свои хижины под звуки барабана, готовые идти убивать себе подобных за ничтожную плату, которую они легко могли бы заработать дома. Такие дикари имеются во всей Европе»⁸.

Таково отношение многих просветителей XVIII в. к широким народным массам. Их пропаганда преследует определенные классовые интересы.

Французских просветителей XVIII в. от просветителей XVII в. отличает еще одна черта, которая представляет для нас особенно большой интерес, именно их отношение к истории. Мы видели, что рационалисты XVII в. в общем отрицательно, презрительно относились к истории, считая возможным изучать человеческое общество чисто умозрительным путем. Наоборот, просветители XVIII в. разделяют с Вико то убеждение, что человек есть главный предмет изучения и в истории они находят основной материал для своей политической и философской пропаганды. Они ищут здесь самые сильные доводы для нападения на угнетение, на несправедливости феодального строя и особенно для изобличения всевозможных глупостей, жестокостей и суеверий церкви.

История, по их мнению, показывает, как людей обижали, притесняли, как эксплуатировали их невежество. Такой подход к истории вносил в ее изучение политическую страстность. Мы видим в то время мало историков, которые писали бы с научным «беспристрастием». История прошлого рисуется всеми ими как история тирании, невежества, в противоположность несколько преувеличенному представлению о просвещенности своего времени и радужным надеждам на будущее. Эта политическая страстность придала новый интерес изучению истории и сообщила ему сильный толчок. Именно тогда, в XVIII в., начала зарождаться историческая наука в том смысле, как мы ее понимаем. Но вместе с тем историки этой эпохи часто были ослеплены политическими страстями.

Поэтому мы часто видим у просветителей неправильное понимание прошлого, особенно в тех случаях, когда дело касается истории религии. Здесь они не видят ничего, кроме грубости, суеверий и поповского обмана.

Я возьму классический пример, заимствуя его из знаменитого сочинения Вольтера — его «Опыта о нравах и духе народов и о главных событиях истории». В 3-м томе этого шеститомного труда мы находим историю Жанны д'Арк. Посмотрим, как ее излагает Вольтер. Это характерно для всей манеры его письма. Заметим, что одним

⁷ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 15.

⁸ Ibid., pp. 18—19.

из главных орудий просветителей XVIII в. была едкая сатира, злая насмешка, беспощадно развенчивающая все то, перед чем преклонялись в предшествующие эпохи.

Вольтеру надо разрушить ту религиозную легенду, которая выросла вокруг Жанны д'Арк. Он это делает путем иронического разоблачения ее деятельности. По его словам, дело обстояло следующим образом.

Некий дворянин с лотарингской границы, Бодрикур, нашел в Вокулере Жанну, трактирную служанку (Вольтер отрицает, что она была пастушкой, профессия служанки звучит более реалистически и срывает с нее поэтический ореол), которая согласилась разыграть роль воинственницы и посланницы бога и стать путем обмана орудием спасения Франции.

Жанна, по словам Монстреле — хрониста, у которого Вольтер нашел указание, что она была трактирной служанкой, — была здоровенная женщина, ездившая на неоседланных лошадях и способная к другим вещам, которых девушки обычно не делают. Ее выдали за пастушку 18 лет, тогда как на самом деле ей было 27 лет.

Жанну привели к дофину в Бурж, где женщины ее освидетельствовали и нашли, что она девственница, а доктора университета и советники парламента признали ее вдохновенной свыше, потому ли, что она их обманула, или, может быть, потому, что они оказались достаточно сметливыми, чтобы стать участниками этого обмана. Народ, т. е. толпа, поверил и был этим доволен.

Англичане же в это время осаждали Орлеан. И вот воинственная девушка, одетая в мужское платье, под руководством опытных полководцев (Вольтер это подчеркивает, чтобы изгнать всякий момент чудесного) отправляется на выручку этому городу. Жанна говорит с солдатами от имени бога и внушает им храбрость и энтузиазм, ибо они проникаются уверенностью, что бог сражается за них. Далее Вольтер рассказывает об освобождении Орлеана, о коронации Карла в Реймсе и взятии Жанны в плен. Самый процесс над ней он объясняет тем, что регент Бедфорд счел необходимым ее уничтожить, чтобы поднять дух англичан. Парижский университет предъявил ей обвинение в колдовстве и ереси, и эта героиня, как ее называет Вольтер, которой в других условиях были бы воздвигнуты алтари как спасительнице отечества, была сожжена⁹.

Как мы видим, в «Опыте о нравах» тон несколько иной по сравнению с тем, который Вольтер усвоил по отношению к Жанне д'Арк в своей знаменитой поэме «Девственница». Тут нет беспощадной иронии и издевательства, он признает Жанну д'Арк героиней и спасительницей отечества, но старается разрушить всякого рода религиозные легенды, возникшие вокруг ее имени. Для Вольтера Жанна д'Арк — не одержимая той или иной религиозной идеей, но прежде всего обманщица, хотя бы и во имя благой цели. С другой стороны, народ (*le vulgaire*) описывается в качестве пассивной массы. Само воодушевление народа, который выдвинул Жанну, Вольтеру совершенно непонятно. В первую очередь он думает о disproвержении суеверий, он старается подыскать естественное объяснение для всего чудесного. И хотя он писал, что цель его всегда состояла в том, чтобы соблюсти дух эпохи, ибо им определяются великие события мировой истории, но именно этот дух эпохи давался ему очень плохо.

⁹ См. F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 12, p. 49.

Главный вывод, который делает Вольтер из повествования о Жанне д'Арк, — что ее сожжение нельзя объяснить только жестокостью. Такие казни вызывались еще фанатизмом, соединяющим суеверия с невежеством. Он приводит ряд других случаев сожжения и делает следующее характерное замечание:

«Пусть граждане огромного города, где ныне царствуют искусство, удовольствия и мир, куда начинает даже проникать разум, попробуют теперь жаловаться на свою жизнь, если они посмеют. Это размышление уместно почти на каждой странице этой истории»¹⁰.

Как видите, здесь есть стремление противопоставить темноту, жестокость, насилия эпохи, когда господствовала религия, более мягким нравам эпохи, когда в общество «начинает уже проникать разум», стремление показать превосходство настоящего над прошлым, просвещения над суеверием.

Если мы перелистаем другие страницы «Опыта о нравах», то увидим, что Вольтер всячески старается выдвинуть вперед мудрость индусов, финикийцев, китайцев, чтобы подчеркнуть отсталость, фанатизм и невежество древних евреев, так называемого «избранного» народа, который был центром изучения в старых книгах, у Боссюэ и других историков, писавших с теологической точки зрения.

У Вольтера в полную противоположность Вико совершенно отсутствует понимание такого явления, как миф. Рассказывая об античных мифах, о различных превращениях богов, он говорит, что человек чувствует себя в этой обстановке, как в доме сумасшедших или перед мошенниками, которые очень грубо работают из-за денег. Он говорит: «Можно было бы написать на эту тему целые тома, но все эти тома можно свести к двум словам: огромное большинство рода человеческого было и еще очень долго будет безумно и глупо. Но самые безумные, быть может, те, кто хотел найти смысл в этих нелепых сказках и кто хотел внести рассудок в сумасбродство»¹¹.

О «Божественной комедии» Данте Вольтер говорит, что всякий человек с искрой здравого смысла должен покраснеть, читая описание этой собравшейся в аду чудовищной компании из Данте, Вергилия, святого Петра и синьоры Беатриче. Готическое искусство — это, по его мнению, стиль вандалов, фантастическая смесь грубости и мелочной отделки деталей.

Понятно, что Вольтер не в состоянии понять религиозные течения средневековья. Идеи Томаса Мюнцера, по мнению Вольтера, — крайне опасны, их вообще не следует доводить до народа. Признавая как будто бы до известной степени их справедливость, Вольтер говорит вместе с тем, что сторонники Мюнцера проводили эти идеи в жизнь, как дикие звери¹².

Таким образом, вся картина прошлого у Вольтера и других писателей этой эпохи выступает как сплошная история мрака, невежества и фанатизма.

Мабли в своем сочинении «Об изучении истории» первую главу называет так: «История должна быть школой морали и политики». Именно только с этой точки зрения и смотрели просветители XVIII в. на историю. Правда, это сочинение Мабли было написано для герцога Пармского, в получении этому монарху, но и другие историки эпохи Просвещения разделяли тот взгляд, что история должна быть орудием

¹⁰ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 50.

¹¹ Ibid., p. 15.

¹² F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 12, pp. 299—300.

пропаганды. Таким образом, здесь часто смешиваются историк и публицист, причем публицист нередко превалирует над историком. При этом в представление об истории проникают определенные политические тенденции, характерные именно для данного поколения просветителей, т. е. представление о том, что народ в широком смысле этого слова, или нация, представляет собой в сущности ряд отвлеченных единиц, которые сравнительно мало меняются в течение истории и над которыми возможно производить всякие манипуляции,— легко можно изменять, перестраивать теми или другими приемами. Для философов-просветителей народ — это пассивная масса; в руках законодателя, в руках мудрого правителя она может легко изменять свои формы. Мысль о том, что историю творят лишь определенные личности, государи, что реформы должны проводиться сверху и что эти реформы могут так или иначе обеспечить народам относительное благоденствие,— эта мысль характерна для той группы буржуазии, которая видела на данном этапе свою опору в монархии. Это была идея так называемого «просвещенного абсолютизма», подхваченная монархией с большой готовностью, по крайней мере на словах. Правда, дела слишком часто расходились со словами, но так или иначе монархия в эту эпоху любила рядиться в тогу поборницы просвещения и шеголяла этим нарядом.

Тот органический рост общества, ту органическую связь всех сторон общественной жизни друг с другом, которые так прекрасно понимал Вико, просветители XVIII в. не понимали именно потому, что они слишком отрицательно относились к прошлому. Все то, что относится к прошлому, все феодальное, представляется им устарелым, тормозящим общественное развитие, эгоистическим обманом. Они отказываются принять это как неизбежный элемент развития, они думают, что все легко может быть перестроено сверху. Даже такие самостоятельные мыслители, как Гольбах, прославляют государя как основную движущую силу в обществе. Правитель, правда, должен принимать во внимание общественное мнение, основывать свои действия на сотрудничестве с философами, но он сам двигает вперед историю.

Дидро внушает государям только одно — им надо быть мягкими и благосклонными к народу.

Для историков эпохи Просвещения характерна идеализация фантастического Китая, где правит мудрый монарх вместе с философами-мандаринами. Китай в то время был убежищем для публицистической мысли. Часто вместо того, чтобы говорить «Франция», говорили «Китай». Те или другие события, которые надо было завуалировать, переносили в Китай; и политические идеалы тоже нередко переносились в Китай.

Говоря о том, что внесли историки этого направления в историческую науку, надо отметить их очень крупную заслугу в той области, которую мы называем историей культуры. Творения великих просветителей оказали исключительно большое влияние на все дальнейшее развитие исторической науки. Они внесли представление о ценности человека вообще. Мы видим у них интернационализм и отсутствие европоцентризма. В своем «Опыте о нравах» Вольтер стремится охватить всю историю человеческого рода. Мы видим и у других просветителей большое внимание к внеевропейским странам, широкий взгляд, присущий прогрессивному в то время общественному классу.

Надо отметить также и другой очень существенный момент — то, что историки XVIII в. широко привлекали фактический материал, при-

чем они стремились устранить из него все случайное. Историки XVII в., историки типа Мабильона, эрудиты дали огромные исторические труды, но там было колоссальное нагромождение фактов, огромная масса деталей без руководящей идеи. Напротив, историки рационалистического направления того времени, пытавшиеся осмыслить историю, пренебрегали эрудицией, слабо использовали огромный накопленный исторический материал. Историки XVIII в. хотя и не пренебрегали конкретной историей, но нередко ограничивались использованием лишь какого-нибудь одного источника. Часто это было их слабостью в том смысле, что они недостаточно критически обращались с фактами, просто подбирая те из них, которые находили у какого-нибудь одного историка, и давали им свое объяснение. Зато они, отбрасывая все детали, стремились всегда расположить все исторические факты по определенному плану, который преследует определенную цель — найти пути к улучшению общественного строя, как они это понимали.

Вольтер пишет в предисловии к своему «Опыту о нравах», что цель его труда «не в том, чтобы показать, что в такой-то год один недостойный государь следовал за другим жестоким правителем... Зачем вам детали столь мелких интересов, ныне совершенно исчезнувших...?» — спрашивает Вольтер. Что надо изучать? — «Дух, нравы, обычаи главных народов»¹³.

По его словам, тысячи сражений не принесли человеку никакой пользы, тогда как произведения великих людей — Мольера, Декарта и других — будут служить вечным источником наслаждений для последующих поколений. «Шлюз канала, соединяющего два моря, картина Пуссена, прекрасная трагедия, открытие новой истины имеют в тысячу раз большую ценность, чем все летописи двора и все рассказы о военных кампаниях»¹⁴, — пишет он Тьерю.

Таким образом, здесь разворачивается программа нового понимания истории, понимания ее как истории культуры. Вот как пишет Вольтер в письме к Шувалову о задачах исторической науки своего времени. «Теперь хотят знать, как росла нация, каково было ее народонаселение в начале эпохи, о которой идет речь и в настоящее время; как выросла с тех пор численность войск, которые она (нация) содержала и содержит; какова была ее торговля и как она расширилась, какие искусства возникли в самой стране и какие были заимствованы ею извне и затем усовершенствованы; каковы были приблизительно государственные доходы в прошлом и в настоящем, как возникли и развивались морские силы; каково было численное соотношение между дворянами, духовенством и монахами и между ними и земледельцами и т. д.»¹⁵.

И действительно, Вольтер в этой своей работе отмечает всюду рост техники и изобретений, выдвигая таким образом на первый план экономику, технику, историю культуры.

Внимание к истории культуры, к экономической истории, к истории промышленности, торговли, истории технических успехов человечества — все это, конечно, является крупнейшей заслугой историков-просветителей, важнейшим шагом вперед по сравнению с тем, что дали предшествующие эпохи. Мы как историки, расценивая историков середины XVIII в., в первую очередь, конечно, должны видеть в них людей своего времени, своего класса и вовсе не должны подходить к ним

¹³ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, pp. 157—158.

¹⁴ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 33, p. 506.

¹⁵ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 39, p. 233.

с какой-нибудь другой точки зрения. Мы видим в них идеологов идущей в то время к власти буржуазии, еще не вполне, не окончательно осознавших свои политические задачи, но тем не менее выдвигающих с достаточной силой программу борьбы с устаревшим феодально-церковным мировоззрением. И в этом отношении они смотрели на вещи гораздо шире и в гораздо большей степени содействовали созданию научной теории, чем это делали их предшественники.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных конкретных работ историков этого времени и начнем как раз с Вольтера, характеристику которого мне приходилось очень часто давать в связи с общей характеристикой исторической науки эпохи рационализма XVIII в.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ. ВОЛЬТЕР КАК ИСТОРИК

Франсуа Мари Аруэ, который принял псевдоним Вольтер, жил в 1694—1778 гг. Я буду говорить только об его исторических произведениях, но мы не должны забывать, что исторические работы представляют лишь незначительную область в огромном, разностороннем творчестве этого величайшего представителя просветительной мысли XVIII в.

Вольтер был сыном судейского чиновника. Он учился в иезуитской коллегии, где его обучали, как он говорил, «латыни и всяким глупостям». Его готовили для юридической карьеры, но он не пошел по этой дороге, увлекшись литературным творчеством. Сначала он выступает как поэт, причем едкое, сатирическое направление его творчества создает ему очень много врагов. Некоторые его сатиры на высокопоставленных особ довели его сначала до Бастилии, а потом до ссылки за границу. С 1726 по 1729 г. он жил в Англии. Это сыграло большую роль в его жизни. Он внимательно изучал политический строй Англии, а также английскую философию, особенно Локка, которого считал величайшим философом всех времен. Изучал он в Англии и достижения точных наук. Ньютон был для него одним из величайших авторитетов. Наконец, он много читал английских поэтов и драматургов: Шекспир, Мильтон и Поп были его любимыми авторами.

По возвращении из Англии он в 1734 г. опубликовал «Философские письма» об Англии¹. Это издание было конфисковано, и Вольтеру после этого пришлось скрываться. В 1736 г. он вынужден был бежать в Голландию. Его обвинили в насмешках над религией, что было вполне справедливо. Через некоторое время Вольтер возвратился во Францию. Удачно написанной, в почтительно-монархическом тоне, пьесой он добился звания придворного поэта и историографа (1746), но вскоре навлек на себя недовольство королевской фаворитки маркизы Помпадур и опять вынужден был покинуть Францию.

В 1750 г. Вольтер отправился ко двору Фридриха II Прусского, с которым он уже давно находился в переписке.

¹ F. Voltaire. *Letters philosophiques*. Paris, 1939.

После разрыва с Фридрихом II Вольтер поселяется в Швейцарии, в купленном им имении Фернее, на франко-швейцарской границе. Это время наивысшего расцвета литературной деятельности Вольтера и наибольшего роста его авторитета. Он становится известен всему образованному миру, сочинения его читают всюду, с его словами считаются государи. Общественное мнение прислушивается к словам Вольтера и во многих случаях направляется ими.

Только в глубокой старости, 84 лет, незадолго до смерти Вольтер вернулся в Париж, где был восторженно встречен и назначен директором Академии. Вот внешние события жизни Вольтера.

В своих исторических работах, в своей литературной деятельности вообще, в своих романах и драмах Вольтер выступает как идеолог верхов французской буржуазии.

Основы мировоззрения Вольтера были уже изложены в предыдущей лекции в связи с общей характеристикой французского Просвещения.

Пафос Вольтера был направлен прежде всего против основной идеологической опоры феодального общества, против католической церкви. Правда, Вольтер, как мы видели, не совсем чужд религиозных представлений. В сочинениях Вольтера мы нередко встречаем выступления против атеистов и материалистов типа Гольбаха и Гельвеция. Но религия Вольтера носит, скорее, философский характер. Эта религия заключается лишь в вере в божество как первопричину всего существующего, установившую законы природы, которым подчиняется все сущее и которые не могут быть никем изменены. Божество не вмешивается в уже раз установленные законы. Вера в какие бы то ни было чудеса, в какое бы то ни было провидение, которое специально путем своего вмешательства ведет историю к тому или другому результату,— все это, с его точки зрения, есть нарушение представления о боге как первопричине всего сущего. Таким образом, по своему смыслу это религия, которая устранила бога из истории, но признает его существование из-за неумения объяснить другим способом начало мира и установление мировых законов. Кроме того, Вольтер не считает возможным полностью отбросить религию, так как считает, что религия полезна с политической точки зрения. Религия—это узда для народа, этой «темной массы», о которой Вольтер иногда говорит с пренебрежением, а иногда с состраданием.

Главная задача литературы и истории, по мнению Вольтера,— это борьба с предрассудками, в первую очередь с тем, что он считал религиозными предрассудками.

Политическая программа Вольтера очень умеренна. Это программа верхов буржуазии его времени. Он стремится прежде всего к экономическому укреплению Франции, т. е. к усилению позиций французской буржуазии, для чего главным политическим средством считает просвещенный абсолютизм. Он считает, что во Франции необходимо создать такие же условия для свободного развития промышленности и торговли, какие существуют в Англии, и устранить все те многочисленные феодальные пережитки, которые представляются ему препятствием для развития французской промышленности и торговли. Сделать Францию столь же могущественной экономически и политически, какой является Англия,— вот что было его целью. Он полагал, что это вполне возможно и достижимо на почве просвещенного абсолютизма. Здесь до известной степени сказался рационалистический подход Вольтера к истории, его представление, что человечество является лишь суммой определенных величин, атомов, которые можно известным образом ком-

бинировать и расстановка которых зависит от воли правителя; в то же время Вольтер был выразителем культурных запросов растущих верхов буржуазии.

Идеалом Вольтера является просвещенное государство, где процветают науки и искусства. Идеальный государь для Вольтера — покровитель наук и искусства вроде римского Августа. Его «Век Людовика XIV»² имеет целью нарисовать именно такого идеального правителя.

В развитии исторических взглядов Вольтера мы можем отметить два этапа. Если на более раннем этапе развития его исторических представлений, в соответствии с идеями Просвещения, культурные идеалы буржуазии играют решающую роль, то в дальнейшем все более и более выступает на первый план проблема экономического процветания, как основной стержень его политической концепции. В своем наиболее зрелом историческом труде «Опыт о нравах и духе народов» он уже начинает пронизывать над манерой судить людей, эпохи и правителей только по степени расцвета наук и искусств.

В работе «Век Людовика XIV» Вольтер доказывает, что в конце концов Людовик XIV не был просвещенным абсолютным монархом в том идеальном смысле, в каком это понимал сам Вольтер. Просвещенный абсолютизм, с точки зрения Вольтера, — это средство против всех политических зол. При этом Вольтер не является здесь сторонником какой-нибудь определенной политической формы правления. Ему безразлично — монархия ли, республика ли, лишь бы имелась сильная центральная направляющая власть, лишь бы власть эта не попадала, с одной стороны, в руки «бессмысленной черни», которая не может управлять, с другой стороны, в руки грубых деспотов. Он хочет, чтобы управление государством находилось в руках просвещенных классов, возглавляемых абсолютным монархом. Идеалом ему представляется Китай, где будто бы осуществляется подобного рода правление. Аристократические государства, как Англия или Голландия, по мнению Вольтера, также могут осуществлять этот идеал сильного центрального правления. Идеальная аристократия рисуется Вольтеру не в виде феодальной аристократии, а в виде аристократии ума, аристократии культуры, в виде той новой интеллигенции, которая выдвигается развитием буржуазии.

Задачей государства является обеспечение спокойствия, мира, хорошей финансовой политики, правосудия и, как результата всего этого, процветания наук и искусств. Для внутреннего спокойствия государства прежде всего необходимо, чтобы оно придерживалось религиозной терпимости, чтобы оно держало в узде духовенство и фанатическую толпу. Религиозная терпимость необходима из политических соображений, потому что религиозные столкновения всегда приводят к гражданским смутам, к войнам и в конечном счете к падению материального благосостояния государства. Но терпимость не должна простираться на атеистов: без веры в бога невозможно управлять массами.

Вполне понятно, что не только буржуазные круги, но и значительная, наиболее дальновидная часть дворянства того времени восприняла эти идеи. Даже в отсталой крепостнической России дворянство, стремившееся влиять на политическую жизнь, сочувствовало этим идеям Вольтера. Вольтерианство было популярно и в Восточной Европе. И абсолютная монархия, которая в XVIII в. уже видела необходимость компромисса с растущей буржуазией, легко восприняла, правда в иска-

² F. Voltaire. Siècle de Louis XIV. F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 14.

женном виде, многое в этих идеях Вольтера, который в конце концов всюду обращается к просвещенным группам господствующих классов, прежде всего к просвещенной буржуазии и той части дворянства, которая примыкает к этой буржуазии, способна пойти на компромисс с ней и может в той или иной мере усвоить ее идеологию.

Перейдем теперь к рассмотрению отдельных исторических произведений Вольтера.

Одним из его наиболее ранних исторических произведений является «История Карла XII»³, написанная в 1731 г. Это не вполне зрелое произведение, в котором Вольтер еще не выступает во всем своеобразии как историк. Он дает здесь биографию романтического, приключенческого характера. Это, скорее, занимательный исторический роман, чем историческое повествование, хотя Вольтер довольно строго придерживается рамок истории. Но самая работа над этим произведением показала Вольтеру все несовершенство тех приемов исторического исследования, которые применялись в его эпоху. Вольтера прежде всего интересовал вопрос о том, каково было политическое и экономическое состояние Швеции в эпоху Карла XII. А у кого из писателей той эпохи он мог бы найти ответ на этот вопрос? Пуфендорф, который писал о Швеции, экономикой Швеции интересовался очень мало. По финансовым вопросам, которые хотел выяснить Вольтер, он у Пуфендорфа также ничего не нашел. Очевидно, надо было начинать писать историю как-то по-новому.

Вторым крупным историческим произведением Вольтера, которое многие критики считают лучшим его произведением, хотя с этим можно и не согласиться, является «Век Людовика XIV». Эта работа была начата в 1735 г. и окончена в первой редакции в 1739 г. Потом, в 1750 г., во время пребывания в Берлине, Вольтер ее совершенно переработал. В переработанном виде она вышла в Берлине в 1753 г.

Здесь мы видим уже совершенно новую манеру писать историю. Читая «Век Людовика XIV», легко забыть, что это произведение написано в середине XVIII в. У вас часто создается впечатление, что вы читаете современного историка. В этой работе Вольтер не интересуется деталями событий и политическими интригами, которые главным образом занимали историков-эрудитов. Его интересует прежде всего история внутреннего управления, история финансов, церковных дел и история культуры. Всякого рода сенсационные случаи Вольтер ставит на второй план. Для него прежде всего важен правдивый и трезвый рассказ о событиях, который может быть полезен для государственного деятеля и для любого человека.

Мы видим даже не столько рассказ о событиях, сколько анализ этих событий. Это произведение нового исторического стиля. Вольтер здесь решительно порывает с ранее принятой формой исторического повествования. Он оставляет хронологическую последовательность и начинает анализировать явления в их внутренней связи. Рассматривая отдельные ряды явлений в их внутренней последовательности, он возвращается затем хронологически назад, чтобы рассмотреть другие ряды явлений.

На эту структуру повествования нередко нападали, называли ее системой выдвижных ящичков (*systeme des tiroirs*); говорили, что здесь политика и финансы оторваны друг от друга и не связаны хронологически. Например, Вольтер рассматривает войны Людовика XIV,

³ F. V o l t a i r e. Histoire de Charles XII. F. V o l t a i r e. Oeuvres complètes, vol. 16. Ф. В о л ь т е р. История Карла XII, короля шведского. СПб., 1909.

которые были вызваны экономической политикой Кольбера, раньше, чем рассматривает самую эту экономическую политику. Но эти обвинения носят внешний характер, потому что у Вольтера отдельные стороны в жизни государства достаточно четко увязаны в одно целое. Тенденция первого варианта этого произведения несколько иная, чем второго.

В первой редакции Вольтер сначала перечисляет те благотворительные меры, которые были приняты абсолютистским государем для установления внутреннего порядка в государстве. Это победа над внутренней анархией — фрондой, чему он придает особое значение. Затем излагаются войны, система управления, финансовые и церковные дела. Наконец, как следствие, — процветание наук и искусств, блестящая, несколько прикрашенная картина культуры в век Людовика XIV.

Как раз в картинах культуры Вольтер особенно интересен. Правда, здесь далеко не всегда можно найти связь между социальным строем эпохи и ее культурной жизнью, здесь нет исторического анализа, это, скорее, литературная критика, но литературная критика чрезвычайно тонкая и острая, даваемая большим знатоком литературы.

Таково основное построение этого исторического труда в первой редакции. Основное здесь — установление твердой власти абсолютного государя и расцвет культуры, как результат этого. В изложение включены также отдельные главы, касающиеся частной жизни короля, нравов эпохи и т. д.

Во второй редакции мы видим другое построение. Сокращены те части, которые касаются наук и искусств, усилены нападки на католическую церковь. Религиозные столкновения отнесены на конец изложения. Цель этой второй редакции — показать, что Людовик XIV не был просвещенным монархом в том смысле, как это понимал Вольтер, что он был человеком верующим и нетерпимым и следствием этого был ряд смут религиозного характера, переживаемых тогда Францией.

В связи с этим интересна глава 39-я, которой заканчивается «Век Людовика XIV». Эта глава озаглавлена: «Споры о китайских церемониях». Вольтер рассказывает в ней о раздорах, которые начались среди христианских миссионеров в Китае в XVIII в. Иезуиты, чтобы содействовать большому успеху христианской пропаганды, позволили обращенным в христианство китайцам сохранить свои старые церемонии, но доминиканцы, которые были врагами иезуитов, донесли об этом папе. Папские легаты явились в Китай для того, чтобы запретить эти религиозные церемонии, но дело кончилось тем, что всех христианских миссионеров — и иезуитов, и доминиканцев — выгнали вон из Китая и этим устранили причину религиозных смут. По мнению Вольтера, Людовик XIV должен был всех гугенотских и католических проповедников выгнать вон из Франции, но он этого не сделал, и поэтому в данном случае он не заслуживает названия просвещенного монарха. Это не сказано всеми словами, но смысл главы именно таков. Она ясно показывает, что направленность второй редакции «Века Людовика XIV» несколько иная, чем первой. Она служит прежде всего борьбе с фанатизмом и суеверием.

Вольтер совершенно чужд национальных пристрастий. Людовик XIV одобряется не как национальный государь, а лишь постольку, поскольку те или иные его поступки соответствуют идеалу просвещенного деспота.

Надо сказать, что эта книга ни в какой мере не является панегириком Людовику XIV, которого, впрочем, Вольтер ставит довольно вы-

соко. Он подчеркивает ту роль, которую играли при Людовике его крупные советники и полководцы — Кольбер, Вобан, Лувуа, Тюрени и др. В частности, он очень критически и иронически относится к претензиям, на которых Людовик обосновывал свои захваты. И все же «Век Людовика XIV» написан несколько торжественным языком, не таким, как позднейшие произведения Вольтера.

Перейдем к крупнейшему историческому произведению Вольтера, к его знаменитой работе «Опыт о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII»⁴. Эта работа является общим обзором всемирной истории. Основным ее главам предпослана вводная часть, в которой Вольтер начинает свое изложение от самых ранних времен. Изложение всего материала он доводит до времени Людовика XIII. В дальнейшем сюда был присоединен «Век Людовика XIV» и сжатый очерк истории Людовика XV. Таким образом, мы видим здесь всемирную историю от древнейших времен и до дней самого Вольтера. Конечно, такого рода произведения требовали исключительных знаний, особенно потому, что здесь Вольтер не мог основываться на сочинениях предшествовавших ему историков. Очень легко критиковать этот «Опыт» Вольтера, очень легко говорить, что у Вольтера не было нужной суммы знаний для того, чтобы написать такое произведение, что очень часто его работа носит отрывочный характер и является изложением случайно взятых фактов, что он не дает последовательного и цельного изложения. Все это совершенно справедливо, но в ту эпоху невозможно было дать больше того, что дал Вольтер. Говорят о том, что культурно-исторический раздел в «Опыте» Вольтера слаб, что экономическая история представлена здесь совершенно недостаточно. Но где бы он мог все это взять? Предшествующие историки совершенно или почти совершенно этим не интересовались, и Вольтер никогда бы не написал своей истории, если бы он стремился дать всюду равномерное и последовательное изложение.

Главной задачей Вольтера в этом труде является историческая критика, которая, однако, не всегда достаточно обоснована источниками; это критика, которая идет от здравого ума. Материал здесь действительно часто случайный. Например, о такой крупной проблеме, как схоластика, Вольтер почти ничего не говорит. Между тем, казалось бы, что это очень выигрышная для него тема. То же самое относится к монашеским орденам, упомянутым только в связи с выступлениями Лютера. А ведь «Опыт о нравах» в гораздо большей степени, чем предыдущие произведения Вольтера, должен был служить целям антирелигиозной пропаганды. Главная цель его — показать нелепость богословской доктрины, которую проводит Боссюэ в своей всемирной истории, доктрины, проникающей всю средневековую историографию и сохранившей свое значение до Вольтера. Вольтер смотрит на свою работу прежде всего как на борьбу с религиозным фанатизмом.

«Опыт», действительно, — первая по-настоящему всемирная история. Вольтер здесь порывает с тем, что можно назвать европоцентризмом, он дает не только историю Европы, но и историю азиатских народов, историю Китая, Индии, Персии, арабов. Если Европе отведено здесь первое место, то это потому, что история Европы была лучше известна Вольтеру. Изложение истории других стран большей частью заключается в ниспровержении тех представлений, которые существовали о них раньше. Вольтеру чуждо стремление показать превосход-

⁴ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11—13.

ство Европы над другими странами. Он часто сравнивает европейские учреждения и нравы с нравами и учреждениями других стран, причем далеко не всегда в пользу Европы. Мы видим у Вольтера попытку дать реалистическое изложение истории. Но материал у него был далеко не всегда доброкачественным, и особенно в изложении истории народов Востока мы встречаем у него чрезвычайно мало достоверных исторических конструкций.

Вольтер один из первых показал, насколько западная цивилизация зависела от восточной, насколько крупную роль сыграли арабы и другие народы Востока в истории европейской цивилизации.

Наконец, для самой истории Европы Вольтер дал очень много. Он первый сделал попытку обобщить историю средних веков, свести ее к главнейшим линиям. Эта попытка, правда, очень поверхностна. Связать политическую историю с историей экономической Вольтер не смог. Он понимал эту связь, но не сумел провести ее реально в своей истории. И вообще органическая связь всех сторон исторического процесса, которая так ярко выступает у Вико, Вольтером ощущалась значительно слабее.

В этом произведении, которое сам Вольтер назвал «Опыт» («Essai»), очень много пробелов и недоработок, это не законченное произведение, а скорее лишь беглый очерк, но очерк гениальный, представляющий собой огромный шаг вперед. Как мы уже говорили, главное в «Опыте» Вольтера — это критика. Она в корне отличается от той исторической критики, которую давали в своих трудах болландисты и бенедиктинцы. Вольтер не вдается в палеографическую и дипломатическую критику, но он с полной убедительностью показывает несостоятельность некоторых исторических источников. Его замечания полны глубокого смысла, он дает критику не формальную, в которой сильны были болландисты и бенедиктинцы, но критику по существу. Вольтер показывает, сколько, при всей своей формальной критике, болландисты и иезуиты вносили в историю нелепых, непроверенных, невероятных фактов.

Для Вольтера характерно стремление к ниспровержению авторитетов, безразлично религиозных или светских — вроде античных авторов, перед которыми так преклонялись гуманисты. Никакая древность, никакая ученость не заслуживают его уважения, наоборот, ему доставляет особое удовольствие разоблачать своими сарказмами те кумиры, которые были вознесены предшествующей традицией. Он видит нелепости там, где академики и ученые монахи сквозь свои очки ничего не замечали. Его политический опыт, его большое знакомство с государственными людьми, с политической жизнью Англии, с политической экономией, его исключительные знания в области литературы, науки и философии, в области культуры вообще, его крупные технические познания — все это позволяет ему давать историческую критику гораздо решительнее и реальнее, чем это делали ученые XVII в.

Его критика действительно отличается исключительной решительностью. Он сравнивает прошедшее с настоящим и не ограничивается устранением явно неправдоподобного; он исходит из положения, что каждое историческое произведение в известной степени является выражением определенных партийных взглядов и поэтому к нему можно применить те же приемы критики, какие применяются к публицистике. По мнению Вольтера, произведения историков средневековья можно рассматривать так же примерно, как партийную или памфлетную литературу его собственного времени. Он замечает по этому поводу, что

если бы в Столетней войне победа осталась за англичанами, то историки описывали бы эти события совсем иначе, чем они описали их после победы Карла VII и создания сильной французской монархии. «...Если бы преемники Генриха V-го,— пишет он,— удержали то здание, которое было воздвигнуто их отцом, если бы они теперь были королями Франции, нашелся ли бы хоть один историк, который не утверждал бы, что право было на их стороне... Не посылали ли бы им папы буллу за буллой?.. Не сочли ли бы Салический закон химерой? Сколько бенедиктинцев стали бы предоставлять королю династии Генриха V-го старые дипломы в опровержение Салического закона? Сколько остроумцев стало бы над этим законом издеваться? Сколько проповедников стало бы превозносить до небес Генриха V-го, мстителя за убийство и освободителя Франции!»⁵. (Вольтер имел в виду убийство герцога Жана Бургундского, совершенное по приказанию дофина Карла в 1419 г.)

Словом, характер произведения историка зависит всецело от того, чью сторону он держит и чьи интересы он представляет. Вольтер думает, что в случае изменения характера этих интересов совершенно изменился бы весь характер истории. Он знал, как часто не обоснован и легковесен тот материал, на котором базируются журналисты и памфлетисты его времени, и ничего другого не ждал и от прошлого. Он знал, как мало стоят мемуары и один из первых усомнился в правдивости Тацита. По его мнению, «Германия» Тацита — это чисто публицистическое произведение, написанное с целью противопоставить в виде контраста добродетельных германцев развращенным римлянам. Вольтер думает, что жизнеописания цезарей, которые мы находим у Тацита и Светония, основаны на сплетнях и слухах.

Характер критики Вольтера ярко сказывается в его отношении к цифровым материалам, которые приводят средневековые историки. Он подвергает сомнению цифры (число участников сражений, численность огромных армий), которые приводятся в хрониках. Правда, он ошибается в тех поправках, которые делает, но сами его сомнения вполне обоснованны.

Таким образом, историю в изложении Вольтера можно назвать в первую очередь реалистической критикой исторических традиций. До этого времени античная и библейская история была окружена почтением, а история средних веков окрашена сентиментальным патриотизмом. Вольтер со всем этим покончил. Он развенчал героев древности, особенно греков, развенчал героев библейской истории, а всю средневековую традицию подверг уничтожающей критике.

Итак, критика — это самая сильная сторона дарования Вольтера как историка. Когда же он начинает строить свою философию истории, то ничего цельного у него не получается. Его представления о движущих силах истории не ясны и смутны. Собственно, единственно выдержанной линией является систематическое устранение богословской точки зрения, устранение какого бы то ни было вмешательства божества в историю. Но когда Вольтер сам пробует давать связь фактов, то здесь мы видим у него отсутствие какой бы то ни было определенной точки зрения или колебания между несколькими точками зрения. То он говорит о «духе времени», который производит важнейшие события, не определяя точнее это понятие, то он приписывает прогресс развитию естественных наук и техники, то обосновывает исторические

⁵ F. V o l t a i r e. Oeuvres complètes, vo 1. 12, pp. 46—47.

события гением каждого народа. Он считает, что каждому народу свойственны особые национальные черты, которые сказываются в течение всего хода его истории⁶. Наряду с этим исторические события часто являются в представлении Вольтера результатом сознательной деятельности тех или иных личностей.

Мне уже приходилось отмечать отношение Вольтера и вообще просветителей его поколения к так называемому «просвещенному абсолютизму». По их мнению, общество может быть преобразовано деятельностью просвещенного деспота. Это убеждение отражается и на их исторической концепции. Роль личности при этом иногда крайне преувеличивается. Когда Вольтеру нужно подтвердить эту точку зрения, он любит ссылаться на Петра Великого, который, по его словам, превратил варварскую страну в страну, находящуюся на уровне современного просвещения, сделал огромное дело, не имеющее примера ни в новой, ни в древней истории. В связи с таким преувеличением роли личности Вольтер иногда крупнейшие исторические события объясняет мелкими причинами, что вообще характерно для историографии рационализма. Так, объясняя причины крестовых походов, он сводит их к действиям одного человека — Петра Амьенского. Вольтер пишет по этому поводу: «Он нам известен под именем Петра Пустынника. Этот житель Пикардии, отправившись из Амьена в паломничество в Аравию, был причиной того, что Запад вооружился против Востока и что миллионы европейцев погибли в Азии. Так сцепляются между собою мировые события»⁷.

Или, например, когда он объясняет причины реформации, он говорит так: «Когда доминиканцам была передана на откуп продажа индульгенций в Германии, то августинцы, пользовавшиеся издавна этим правом, почувствовали зависть, и этот ничтожный интерес монахов саксонского захолустья дал в результате больше 100 лет раздоров, неистовства и бедствий для 30-ти наций»⁸.

Тут можно усомниться, действительно ли Вольтер думал, что вражда между двумя монашескими орденами из-за выгод от продажи индульгенций могла вызвать такие события и действительно ли он выводил крестовые походы из того, что какой-то монах совершил паломничество на Восток. Это в значительной степени литературный прием, имеющий совершенно определенную цель, а именно желание принизить историческое значение того или иного факта. Поскольку крестовые походы играли крупную роль в теологическом построении истории, Вольтер хотел показать, что эти походы, вдохновляемые фанатизмом, произошли, собственно говоря, от совершенно ничтожной причины. Точно так же все споры и раздоры, вызванные реформацией, историческое значение которой он хочет принизить, произошли от глупой и нелепой причины. Словом, в иных случаях объяснение исторических событий мелкими причинами не столько отражает действительные исторические взгляды Вольтера на связь между историческими фактами, сколько является определенным критическим приемом.

Но в большинстве случаев Вольтер дает событиям возможно более реалистические объяснения.

Разберем несколько подробнее построение его «Опыта». В начале

⁶ Последняя точка зрения получила весьма широкое распространение в историографии начала XIX в. под названием теории «народного духа». См. ниже лекции XX, XXII, XXIII. (Прим. ред.)

⁷ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 440.

⁸ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 12, p. 283.

его он дает своего рода введение — «Discours préliminaire», которое посвящено очерку истории древнейших времен и античной истории. История же средних веков, от эпохи Карла Великого, составляет главное содержание самого «Опыта».

Вольтер начинает свое изложение с геологических переворотов, которым подвергалась земля. Однако о них у него самое неясное представление. Он связывает их главным образом с действием океанов на земную поверхность. Он едко критикует миф об Атлантиде и объясняет его чисто рационалистически, полагая, что здесь, вероятно, имеется в виду остров Мадера, открытый сначала финикийцами, а потом забытый. Воспоминания об этом потерянном острове и дали толчок к мифу об Атлантиде. Далее Вольтер делает попытку охарактеризовать отдельные расы, на которые распадается человечество. Но надо сказать, что это, пожалуй, наименее удачная часть его введения, поскольку и самое знание внеевропейских рас было в это время чрезвычайно слабым. Он говорит, например, о какой-то особой расе альбиносов, живущей в Африке, допускает существование сатиров, полулюдей-полуживотных, происшедших от совокупления женщин с обезьянами и козлами.

Интересно мнение Вольтера о происхождении человека и человеческого общества. До Вольтера человеческую историю рассматривали как нечто чрезвычайно кратковременное, исчерпывающееся несколькими тысячами лет. Вольтер, не ставя вопроса о возникновении человека, говорит, однако, что человек пребывал в первобытном состоянии тысячу столетий.

Когда он говорит о происхождении человеческого общества, то заявляет, что утверждение о дообщественном состоянии человечества — это нелепая выдумка. Тем самым отпадает и вопрос о происхождении человеческого общества, которым занимались рационалисты XVII в. Человеческое общество, с точки зрения Вольтера, такое же древнее, как и человек.

Вольтер задается вопросом и о происхождении языка. По его мнению, язык — это нечто искусственное, созданное некоторыми наиболее талантливыми и одаренными людьми, которым понадобилось очень много времени для того, чтобы обучить этому языку других. Здесь Вольтер стоит, конечно, в значительной степени на чисто рационалистической, механистической точке зрения и его концепция сильно уступает той, которая была высказана Вико.

Рассматривая вопрос происхождения религии, Вольтер все время пользуется аналогиями с известными в его время дикими племенами. Он допускает первоначальное безрелигиозное состояние человечества. Возникновение религии он объясняет также чисто рационалистическим путем: из природных бедствий у людей рождается представление о высшем существе, которое необходимо умиловать подарками. Когда создается большое общество, это представление создает бога — покровителя народа. Жрецы, выделяясь в особую касту, в целях обогащения развивают и укрепляют подобного рода идеи.

В связи с этим он и делает уже цитированное замечание о том, что можно написать множество томов по этому вопросу, но все это сводится к двум словам, а именно, что огромное большинство человеческого рода было и остается глупым и бессмысленным⁹.

Вольтер отмечает, что мифы, религиозные представления и обряды

⁹ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. II, p. 15.

у всех народов одинаковы, потому что они возникают от одних и тех же причин, из невежества в первую очередь.

Ставя вопрос о человеческом обществе и человеческой культуре первобытных времен, Вольтер прибегает к совершенно правильному приему, к аналогии с дикими племенами. Однако он рисует эти племена несколько идеализированно. У него, правда, нет той идеализации дикаря, которая характерна для Руссо, но все же черты, которыми он рисует дикарей, не вполне реальны. Он пользуется этим материалом для того, чтобы обличить современное ему общество. Я уже приводил его замечание, в котором он характеризует современных ему дикарей, т. е. крестьян. Когда он сравнивает с ними первобытных дикарей, то отдает предпочтение последним, гораздо более искусным в приготовлении всего, что им нужно, но, кроме того, свободным, тогда как современные дикари не умеют завоевать свободу¹⁰.

Первобытные дикари знают, что такое честь, что такое отечество, они храбры, патристичны, чего никак нельзя сказать, по мнению Вольтера, о «дикарях» цивилизованных обществ.

В развитии культуры он придает огромное значение совершенствованию орудий. Очень долгое время техника находилась на крайне низком уровне. Первобытные люди пользовались каменными орудиями. Но у человека, по мнению Вольтера, существует «инстинкт механики», равным образом как и «инстинкт морали». Здесь явно обнаруживается идеалистическая точка зрения Вольтера на исторический процесс.

Признавая бога как своего рода философскую причину, как начало всех вещей, он и человеческую природу в ее основе считает созданием бога. «Инстинкт механики», как и «инстинкт морали», полагает Вольтер, заложен в человеке богом.

Наиболее древней формой правления Вольтер считает теократию — управление, осуществляемое жрецами. Он говорит, что теократия не только господствовала чрезвычайно долгое время, но она создала необычайно жестокие формы тирании, довела их до самых невероятных жестокостей, каких только может достичь человеческое безумие; чем более это теократическое правление считало себя божественным, тем более оно было жестоко и ужасно. Из всех народов, которые, по его мнению, неправильно носят название цивилизованных, только один народ избег этого ужасного господства теократии — это китайцы, которые, с его точки зрения, имеют наиболее разумные формы религиозного устройства. Китайцы имеют в лице императора просвещенного деспота, который правит при помощи философов-мандаринов¹¹.

Конфуций — философ, и его учение не может быть названо религией. Что же касается народных масс, то среди них господствуют грубые суеверия, и правящая верхушка — богдыхан и его мандарины — не ведет прямой борьбы с этими суевериями, потому что считает их необходимыми для невежественного народа, для которого ничего лучшего придумать нельзя. Но они во всяком случае борются за то, чтобы постепенно уничтожать некоторые суеверия и, следовательно, медленно, постепенно возвести народ на более высокую ступень религиозного сознания. Они пользуются для этого подходящими случаями. Когда происходит какое-нибудь бедствие и народ начинает роптать на своих богов, тогда философы-мандарины уничтожают культ того или иного божества и разрушают его храмы.

¹⁰ См. F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 19.

¹¹ См. Ibid., pp. 85—87, 176—184.

Конечно, это картина совершенно фантастическая, и сам Китай нужен Вольтеру, собственно, для того, чтобы противопоставить его идеальное устройство, отсутствие в нем всякого рода теократии тому, что мы видим в Европе. Точно так же он противопоставляет цивилизацию Китая, Индии и Финикии грубости маленького, безвестного, затерянного в пустыне между Сирией и Аравией еврейского народа. Касаясь Греции, он говорит, что свобода мысли сделала греков наиболее умным народом в мире.

Он сравнивает греков с англичанами и говорит, что в настоящее время английская нация сделалась наиболее просвещенной, потому что англичане могут у себя в стране думать безнаказанно. Свобода мысли представляется Вольтеру величайшим благом, достигнутым греческой философией, но в то же время греческая философия, как он считает, показывает одновременно и ум, и глупость, и величие, и слабость человеческого духа. Он посвящает целую страницу карикатурному изображению философии Платона и говорит, что лишь темнота и непонятность придают кажущуюся глубину этой философии. Читатели Локка не станут терять время на галиматью Платона. В заключение он замечает, что греки были настолько умны, что иногда злоупотребляли своим умом.

Критика Вольтера опрокидывает все авторитеты, развенчивает всех ложных героев, показывает глупость того, что считалось мудрым. Но под видом критики и насмешек над религией дикарей и древних скрывается самое едкое издевательство над католичеством. Книга Вольтера вышла вполне легально, и прямых нападок на католическую религию в ней не содержится, но зато те фразы почтения, которыми Вольтер говорит о католической религии, проникнуты таким ядом, что большей силы разрушительности не достигли бы самые резкие выпады. Он никогда не упускает случая показать превосходство других религий над христианством. Он берет, например, вопрос о пророчествах и предсказаниях у первобытных народов. «Кто изобрел пророчества?» — задает он характерный для рационализма вопрос. И дает не менее характерный ответ: «Изобрел пророчества первый мошенник, который встретил дурака» («Le premier fripon qui rencontra un imbécile») ¹².

Вольтер зло издевается над евангельским апокалипсическим предсказанием второго пришествия Христа, при этом ядовито замечая, что христианская религия основывалась на таких веских доводах, что даже эта груда ошибок не могла ее поколебать. Он издевается над верой в чудеса, хотя и делает такую оговорку: конечно, мы верим без всяких затруднений в истинные чудеса, именно те чудеса, которые перешли к нашей святой религии из еврейской религии, подготовившей нашу. Мы говорим здесь исключительно о других национальностях. Но вслед за этим он высмеивает библейские и евангельские чудеса под видом насмешки над языческими. Например, рассказывая об известном мифе о Юпитере и Алкмене, согласно которому Юпитер будто бы продлил ночь и она продолжалась 24 часа вместо 12-ти, Вольтер иронически замечает, что для этого пришлось бы прекратить вращение земли и планет, произвести полный переворот в небесной сфере и т. п. Здесь нельзя не видеть явное издевательство над чудом Иисуса Навина, который, по «Библии», остановил солнце и луну для того, чтобы дать возможность окончить сражение.

Вольтер издевается над верой в возможность воскрешения мертвых через несколько дней после смерти, приводя миф об Ипполите и

¹² F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 88.

Пелопсе, но явно имея в виду евангельский рассказ о воскрешении Лазаря. Он иронизирует над верой в чудесные исцеления, имея, в частности, в виду приписываемую английским и французским королям способность исцелять золотушных.

Вольтер замечает, что вся библейская история представляет собой описание необычайных жестокостей, которые совершались по приказанию божества. Но тут же делает такое замечание: «Я здесь вовсе не касаюсь вопроса о том, являлись ли эти книги вдохновенными богом. Наша святая церковь, которая с ужасом и отвращением относится к евреям, учит нас, что еврейские книги были продиктованы богом, создателем и отцом всех людей. Я не только не смею высказывать какое-нибудь сомнение в этом вопросе, но даже не смею о нем рассуждать»¹³.

Историю евреев, библейскую историю Вольтер пишет так же, как историю других народов, греков или скифов, между тем как до него историки выделяли ее отдельным разделом, ибо в ней действовали не обычные силы истории человечества, а откровение божества. До Саула, по мнению Вольтера, это была маленькая арабская орда в пустыне, не имевшая никакой силы и влияния¹⁴.

Он перечисляет все противоречия и нелепости библейских рассказов и иронически замечает, что постоянное нарушение законов природы в еврейской истории есть одно из чудес, которое было сделано богом для своего избранного народа. Приводя ряд нелепостей и противоречий, содержащихся в «Библии», он всякий раз сопровождает это таким рефреном: так хотел бог, церковь, и мы должны в это верить. И именно этим, говорит он, отличается эта история от всех других.

Разделавшись, таким образом, с библейской историей, Вольтер обрушивается на идеализацию римлян, которая была так характерна для гуманистов.

Кто такие римляне, по его мнению? Это «маленький разбойничий народ» («un petit peuple de brigands») ¹⁵, который отличают, по его мнению, два свойства — разбой и любовь к отечеству. Причем он отмечает, что любовь к отечеству у римлян — это «добродетель воров и разбойников». Для них любить отечество означало грабить других людей. Правда, он отмечает превосходство римской религии; хотя она полна диких нелепостей, но в ней, по его мнению, есть ряд здравых принципов — это вера в высшее божество, терпимость и свобода совести¹⁶. О Риме он говорит очень кратко, вообще только в виде постановки вопроса. Но он останавливается довольно подробно на проблеме, представляющей для нас большой интерес, именно на проблеме падения Рима.

На вопрос, почему Рим был разрушен варварами, Вольтер дает очень примитивный ответ: отчасти потому, что варвары были сильнее и воинственнее, чем впаавший в изнеженность Рим. Но главную причину он все же видит в теологических спорах и политических раздорах внутри империи. Он говорит, что слабость императоров, интриги министров и евнухов, ненависть старой религии к новой, кровавые раздоры, начавшиеся в христианстве, теологические диспуты, заменившие искусство владеть оружием, ложь и изнеженность, сменившие храбрость, и множество монахов вместо земледельцев и солдат — все это

¹³ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 104.

¹⁴ См. Ibid., p. 110.

¹⁵ Ibid., p. 145.

¹⁶ Ibid., p. 146.

призвало тех же варваров, которые не могли в свое время победить воинственную республику (кимвры и тевтоны), но покорили Рим при жестоких и благочестивых императорах.

Какие меры были приняты к отражению варваров, когда они вторглись в Рим? Велись только бесконечные споры, смущавшие Запад и Восток, шло преследование ересей. Все это окончилось гибелью. Пока велись бесконечные споры о пустяках, варвары захватили Европу и Африку.

Свой вступительный очерк Вольтер заканчивает характеристикой начал историографии. По его мнению, началом известных о ранней истории всех народов являются легенды, не заслуживающие доверия. В этом смысле он обнаруживает не меньше критического чутья, чем Вико. Он говорит, что ранняя история — это сборник мифов. До Геродота — у греков, до Пунических войн — у римлян не было истории. Ранняя история у Тита Ливия полна противоречий. Говоря о Григории Турском и франкских летописцах-монахах, он замечает, что они передают самые невероятные басни и, что самое худшее, скучные басни. Он указывает на ряд нелепостей в рассказах Григория Турского. Например, рассказ о Брунгильде, которую будто бы привязали к хвосту лошади за волосы. Он говорит, что волосы у старухи должны были оторваться. Утверждают, что она была разнесена на куски конем, но известно место ее погребения¹⁷. Он говорит, что все эти века варварства — века ужасов и чудес. Монахам-летописцам вообще верить невозможно и, прежде всего, невозможно верить тем характеристикам, которые они дают. Идеальными королями они считали тех, которые давали им богатые подарки и, наоборот, всячески старались очернить тех, даже хороших королей, которые по отношению к ним были скупы. На этом оканчивается его «Введение».

Затем Вольтер переходит к истории средневековья (хотя этого названия у него и нет).

Он рассматривает свою историю как продолжение истории Боссюэ, доведенной до Карла Великого, но это, так сказать, щит, которым он прикрывается. На самом деле он дает опровержение исторической концепции Боссюэ, постоянно с ней полемизируя и критикуя ее.

Прежде всего у Вольтера несравненно более широкий всемирно-исторический подход, чем у Боссюэ, — историю средних веков он начинает с обзора Китая, Индии, Персии, Аравии, возникновения мусульманства, особенно много внимания он уделяет таким вопросам, как начало христианства, его распространение, значение папства и т. д.

По его мнению, теория, на которой папы строили свои притязания на светскую власть, опирающаяся на легенду о том, что апостол Петр когда-то был римским епископом, является плодом невежества и фанатизма. У христиан в течение первого столетия, полагает Вольтер, вообще не существовало никакой иерархии; иерархия стала возникать не раньше Траяна, когда только и появляются епископы и т. д. Апостол Петр, по его мнению, никогда не был в Риме, и тех, кто думает иначе, Вольтер называет просто идиотами. Эта нелепая басня была разоблачена в эпоху возрождения науки. Все источники, говорящие о пребывании Петра в Риме и об епископстве апостола Петра, подложны. Ни деяния апостолов, ни послания Павла об этом не говорят. Но в то же время на этой нелепой басне папы основывают свое могущество. Вообще Вольтер говорит, что история начала существовать только

¹⁷ См. F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 154.

с XVI в., так как разум только недавно родился на свет. До Макиавелли и Гвиччардини, по его мнению, настоящей истории не было.

Остановившись на истории христианских мучеников, Вольтер говорит, что все эти басни о житиях святых — сплошная нелепость. Он показывает, на какие сомнительные доказательства опирается ранняя история церкви и какие бредни передают, не краснея, ученые иезуиты Болланд и Палемброш. Здесь обнаруживается разный подход к источникам у Вольтера и его предшественников. Он не жалеет крепких слов, когда характеризует эту житийную литературу, в которой «столько обмана, надувательства, столько ошибок и столько отвратительных глупостей»¹⁸, и с издевкой замечает, что религия действительно была чем-то чудесным, если даже такое нагромождение мошенничества и глупости не смогло ее окончательно разрушить¹⁹.

В то же время здесь у него имеется интересное замечание о том, что сама грубость исторических памятников средневековья позволяет видеть дух эпохи, каким он был, и самые фантастические легенды нам могут разъяснить нравы народов²⁰.

Говоря это, он несколько противоречит своему же высказыванию, что бесполезно искать в мифах и легендах какой-либо смысл.

Вольтер доказывает подложность «Константинова дара» и при этом добавляет, что еще в конце XV в. в Страсбурге были сожжены люди, которые отрицали подлинность этого дара. У пап не было никогда никаких политических прав, не было также и верховных прав над церковью.

Очень интересно то, что говорит Вольтер о так называемом «Великом переселении народов». Он решительно отрицает достоверность известий Прокопия и Иордана. При этом любопытно, что он не считает готов германцами. Он считает совершенно невероятным, чтобы гунны могли гнать перед собой, как стадо баранов, такие сильные и воинственные народы, как народы, населявшие Молдавию, Валахию, Украину, Польшу. Он полагает, что все эти народы один за другим приходили по своему почину, чтобы грабить Римскую империю.

Вольтер дает очень яркую картину начала средневековья. Он говорит, что при переходе от истории Римской империи к истории тех народов, которые расчленили ее на Западе, испытываешь чувство, похожее на чувство путешественника, который покинул великолепный город и оказался в пустыне, покрытой терниями. Вместо прекрасного латинского языка — 20 варварских наречий, вместо культуры и законов — только варварские обычаи. Цирки и амфитеатры, возвышавшиеся во всех провинциях, сменились хижинами, крытыми соломой²¹. «Большие дороги, такие красивые и прочные, проведенные от подножия Капитолия до гор Тавра, покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел в умах; Григорий Турский и монах Фредегар из Сен-Галлена — это наши Полибий и Титы Ливии. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий... Вся Европа коснеет в этом унижении до XVI в. и освобождается от него лишь путем ужасных судорог»²².

Это характерно для подхода к средневековью со стороны писателя эпохи Просвещения. Несмотря на то что Вольтер, в противоположность

¹⁸ F. Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 11, p. 235.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid., p. 237.

²¹ Ibid., p. 246.

²² Ibid.

гуманистам, развенчал историю античности, все же переход к средним векам, к эпохе, когда зарождаются и крепнут самые ненавистные для буржуазии XVIII в. учреждения — католическая церковь и феодализм, представляется ему как глубочайшее падение культуры и в то же время как рост самых глупых и бессмысленных суеверий. Здесь у Вольтера выступает уже известная нам новая периодизация истории, деление ее на древнюю, среднюю и новую с характеристикой эпох преимущественно по культурному признаку. Грубое варварство отличает Европу после германского нашествия; города и торговля приходят в упадок, нравы грубеют. Вольтер издевается над варварскими «Правдами», которые оценивают человеческую жизнь в солидах, и говорит, что вообще правосудие отличалось дикостью и суеверием. Вся история тогдашних королевских домов, особенно Меровингов, является сплошным рядом ужасающих преступлений, свидетельствующих о глубочайшем упадке нравов.

Подводя итог рассмотрения Вольтера как историка, необходимо еще раз подчеркнуть, что его основной заслугой перед историографией является ниспровержение теологического взгляда на историю, особенно ярко проявившееся в его «Опыте о нравах». Эта разрушительная критическая работа является самой сильной стороной этой книги. Кроме того, Вольтер дал в ней впервые очерк истории с действительно всемирно-исторической точки зрения, рассмотрев в ней не только историю Европы, но и всего человечества в целом.

Несомненной заслугой Вольтера является то, что он по-новому сформулировал требования и задачи историографии. Можно сказать, что именно у Вольтера мы видим впервые отчетливо осознанное представление о научных задачах истории, указание на необходимость изучения не только и не столько церковной и династической истории, но также экономической, культурной и политической истории в самом широком смысле слова. При этом Вольтер отчасти осуществил сам намеченную программу не только в критическом, но и в положительном плане, дав в своей работе «Век Людовика XIV» очерк важнейших сторон общественной и политической жизни Франции XVII в. в духе этой программы.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ. МОНТЕСКЬЕ. МАБЛИ

Вольтер, изложению взглядов которого мы посвятили предыдущие лекции, не был систематическим умом. У него не было системы в построении истории. В этом смысле для нас интереснее другие представители историографии эпохи Просвещения, у которых систематическое изложение основ намечающегося теперь буржуазного мировоззрения выступает отчетливее. Вольтер дает преимущественно критику старого феодально-теологического мировоззрения, ряд других мыслителей эпохи Просвещения пытаются дать систему нового мировоззрения. Вольтер в политическом отношении представляет собой чрезвычайно умеренную фигуру. Его политические идеалы дальше просвещенного абсолютизма не идут. В несколько большей степени отражают стремление буржуазии к политической власти взгляды современника Вольтера — Монтескье, который являлся не только политическим мыслителем и философом, но и крупным историком.

Шарль Монтескье (1689—1755) происходил из мелкого, захудалого дворянства и получил по наследству должность председателя бордосского парламента. Таким образом, он принадлежал к особой, промежуточной социальной группе, которая во Франции получила название «дворянства мантии» («noblesse de robe»). Это был представитель должностной аристократии, связанной своими интересами с буржуазной верхушкой и в то же время с монархией.

Монтескье совершил большое путешествие по Европе. Пребывание в Англии, где он провел два года, оставило в его жизни заметный след, как и в жизни Вольтера. Но в то время, как Вольтера привлекала к себе главным образом английская наука и философия, Монтескье заинтересовался преимущественно политической жизнью Англии, вопросами применения принципов этой политической жизни к тем реформам, которые он считал необходимым провести во Франции.

Политический идеал Монтескье — конституционная монархия, но очень умеренная и далекая от демократии. Англия, которая представляла собой в то время буржуазно-аристократическое государство, дала ему в этом отношении яркий образец.

У Монтескье мы видим ряд ценных общесторических идей, с которыми мы уже встречались раньше, но которые у него выступают бо-

лее отчетливо, чем у Вольтера. Так, например, идеи о влиянии климата и географических условий на историю на историческом мировоззрении Вольтера почти не отразились.

Монтескье же, наоборот, старается провести теснейшую связь между историческим развитием и географическими условиями, в которых живет тот или другой народ. Для Монтескье, который был по профессии юристом, характерно юридическое мышление, поэтому он гораздо большее значение, чем Вольтер, придает законам, искусно составленным конституциям и другим правовым установлениям. В теории для него законы «должны» находиться в согласии с внешними условиями, прежде всего с географическими условиями, нравами народа, торговым его положением, но в то же время он думает, что искусный законодатель может придать иное направление историческому развитию страны.

Монтескье больше, чем Вольтер, связан с античностью и с гуманизмом. В работе «Размышления о причинах величия и падения римлян»¹, которая дала ему громкую известность, Монтескье подходит к источникам как юрист, который читает свод законов и хочет найти в нем места, могущие защитить то или другое его положение. В сущности говоря, это формально-юридическое отношение к материалу, без той острой критики источников, которую мы видели у Вольтера. Если Вольтер подвергает сомнению все сведения, которые дает Тит Ливий, то Монтескье относится к первой книге Тита Ливия так, как к ней относился, ну, скажем, Макиавелли, т. е. он берет сведения, которые там даются, как факты для подтверждения своей основной идеи, что величием своим Рим обязан гражданским добродетелям римлян. Для него, как и для Макиавелли, основным является гражданский дух, т. е. способность жертвовать своими личными интересами для интересов общих.

Если мы возьмем основное, наиболее знаменитое произведение Монтескье — «Дух законов»², опубликованное анонимно в Женеве в 1748 г., то мы увидим, что его исторические соображения часто основаны на непроверенных фактах, подкреплены довольно шаткими аргументами. И все же Монтескье оказал огромное влияние на дальнейшую буржуазную историографию, он своим авторитетом подкрепил и подтвердил то, что было на практике в значительной мере сделано Вольтером, именно он окончательно изгнал теологию из истории. Монтескье пошел по пути Вольтера и в другом отношении — он распространил историю на весь земной шар, не ограничивая ее пределами небольшого числа избранных народов Европы и Ближнего Востока.

Но у Монтескье есть одна сторона, в которой он сильнее Вольтера, — его способность к конструктивному мышлению, способность строить систему. Монтескье хочет установить законы, которые управляют человеческими обществами. Само понятие «законы» принимает у него известный юридический оттенок. В его представлении законы, в смысле законов природы, часто сливаются и незаметно переходят в законы, регулирующие жизнь общества в виде каких-либо писанных норм.

Объективный смысл исследований Монтескье состоит в том, чтобы определить политические формы, которые соответствовали бы интересам нарождающегося буржуазного общества, при допущении, однако, весьма широкого компромисса с феодализмом.

¹ Ch. Montesquieu. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. Paris, 1911; Ш. Монтескье. Избр. произв. Госполитиздат, М., 1955.

² Ch. Montesquieu. De l'esprit des lois. Paris, 1927; Ш. Монтескье. Избр. произв. Госполитиздат, М., 1955.

Основной материал для такого рода построений Монтескье мог брать там, где буржуазное общество более или менее определилось в его время, т. е. прежде всего в Англии. Но в «Духе законов» дается вовсе не описание английской конституции, а теоретический анализ этой конституции с точки зрения того, что представляется идеальной конституцией самому автору и что во многих отношениях значительно отличается от реальной конституции, существовавшей в Англии в XVIII в.

Монтескье рассматривает три основных вида правления. Нам уже не в первый раз приходится встречаться здесь с тройным делением, которое перешло к гуманистам еще из античности. Но у Монтескье это деление несколько иное. На место традиционных, идущих еще от Аристотеля форм — монархии, аристократии и демократии — Монтескье ставит республику, монархию и деспотию. Он берет в своей классификации не столько социальное содержание, которое было в ходу в античности и которым пользовалось большинство рационалистов XVII и XVIII вв., сколько формальный признак формы правления. При этом республиканский способ правления Монтескье делит на две формы — на аристократическую республику и демократическую республику. В противоположность античным писателям, которые рассматривали деспотию как известную форму монархии, он проводит очень резкую грань между этими политическими формами. Если республику — как аристократическую, так и демократическую, — а также монархию он считает законными формами правления в том смысле, что там управляют законы, то деспотию он противопоставляет им как такую форму правления, где правит произвол, где законы не имеют силы. С точки зрения Монтескье, монархию отличает от деспотии наличие посредствующих властей. Деятельность монарха должна осуществляться через законные органы. Самой же естественной посредствующей властью является дворянство. В монархиях по тем же соображениям полезна и власть духовенства. Наконец, здесь нужно особое политическое учреждение, охраняющее законы, самостоятельное и достаточно многочисленное представительное собрание (парламент).

В рассуждениях о деспотии имеется определенная оппозиция абсолютизму, который царил в то время во Франции, хотя Монтескье и избегает здесь говорить о Франции. Там, где идет речь о деспотизме, он предпочитает говорить о Турции, но намеки эти были ясны для читателя его эпохи.

В основе каждой политической формы, по мнению Монтескье, лежит определенный принцип, или оживляющая эту форму нравственная сила. Таким принципом в демократии является доблесть, любовь к общему делу (*la vertu*), то, что он подчеркивает, говоря о ранней истории Рима, Спарты, Афин.

В аристократических республиках этот принцип — любовь к общему делу — ограничивается только правящей верхушкой. Поэтому он выступает здесь в измененном виде, ибо правящая верхушка всячески должна ограничивать свои стремления к возвышению за счет других. Основным принципом аристократии, с точки зрения Монтескье, является умеренность.

Что касается монархии, то здесь основной принцип определяется отношением граждан к высшей власти, стремлением быть ближе к этой высшей власти, другими словами, стремлением к почестям. Поэтому честь (*l'honneur*), или, точнее, стремление к почестям, и есть основной принцип монархии.

Свой основной принцип имеется и в деспотии, но это уже принцип не нравственного порядка. Таким принципом является страх. Здесь от подчиненных не требуется ничего, кроме безусловного повиновения, основанного на страхе.

По мнению Монтескье, республиканский образ правления свойствен преимущественно мелким государствам, таким, как государства Древней Греции, Венеция и т. д. Монархия свойственна государствам средних размеров, а деспотия — огромным государствам. Поэтому он призывает монархию воздерживаться от завоевательной политики, которая неизбежно приводит к деспотизму. Кроме того, такая политика создает роскошь в столице и истощение в провинциях.

Законные, или умеренные, правления, т. е. республика и монархия, отличаются от деспотии тем, что в них имеются определенные гарантии свободы, т. е. возможность делать то, что разрешается законом. Если бы каждый мог делать все, что хочет, то он этим бы стеснял свободу других. Монтескье различает политическую свободу и свободу личную. Первая относится к государственному устройству, а вторая — к отдельным лицам.

С точки зрения Монтескье, гарантией политической свободы является разделение властей. Пример этому он хочет видеть в Англии³. Знаменитая 6-я глава II книги его «Духа законов» посвящена анализу английской конституции. Она стала основой для всей буржуазной науки государственного права.

Монтескье делит власть в государстве на законодательную, исполнительную и судебную. Наилучшей гарантией свободы, с его точки зрения, является разделение властей и их равновесие, которое лучше всего достигается в умеренной монархии, между тем как в республике и в деспотии эти власти обычно сливаются друг с другом. Тот анализ, который затем дает Монтескье, основан главным образом на английской конституции, но некоторые примеры и образцы он берет также и из античных конституций, в частности из истории Афин.

Законодательная власть, говорит Монтескье, должна принадлежать народным представителям, которым поручается составление законов и надзор за их исполнением, а право голоса должны иметь все граждане. Это как будто бы очень широкий демократический принцип, но затем следуют ограничения, которые сразу же лишают его этой широты. По мнению Монтескье, право голоса должны иметь все граждане, «кроме тех, низкое положение которых лишает их самостоятельной воли». Это люди так или иначе зависимые от других. Этой оговоркой огромное большинство трудящегося населения исключается из числа избирателей. Кроме того, Монтескье отмечает, что в государстве есть люди, которые возвышаются над другими своим происхождением, состоянием или почетным положением. Если их уравнивать с другими, хотя бы в отношении законодательных прав, то это было бы для них не свободой, а, наоборот, рабством, поэтому их участие в законодательстве должно быть соразмерно с их высоким положением в обществе. Для того чтобы быть к ним вполне справедливыми, необходимо создать особую аристократическую палату, соответствующую палате лордов в

³ В действительности, в английской конституции как раз нет того разделения властей, о котором говорит Монтескье. В Англии исполнительная власть, кабинет министров, во всяком случае формально, зависит от парламента, так как создавался парламентамским большинством. Король же не располагал полностью исполнительной властью потому, что министры хотя формально назначались королем, но фактически отражали интересы партии, составляющей большинство в парламенте. (Прим. автора).

Англии, которая уравнивает палату народных представителей. Эта палата в силу самого характера входящих в нее лиц должна быть наследственной.

Чтобы не иметь возможности подчинять общую пользу своей частной выгоде, т. е. чтобы соблюдать ту умеренность, которая является основным принципом аристократии, верхняя палата должна иметь право лишь приостанавливать решения нижней палаты в делах бюджета, как это было в Англии.

Что касается исполнительной власти, то она должна быть сосредоточена в руках временно выбранных народом органов, а не постоянных коллегий. Здесь Монтескье уже переходит из области английской конституции к тем порядкам, которые существовали в демократических Афинах. Он против того, чтобы судебная власть находилась в руках постоянных коллегий, подобных коллегиям, которые существовали в Англии и Франции. По мнению Монтескье, право заключать в тюрьму должно быть исключительной принадлежностью судебной власти. Только в особых, редких случаях законодательная власть может передать это право исполнительной власти.

Таким образом, эти три власти — законодательная, исполнительная и судебная — должны быть разделены, но они не являются вполне изолированными, так как исполнительная власть в лице монарха принимает известное участие в законодательстве, имея право собирать и распускать палату, право останавливать решения властей, а законодательная власть имеет право контролировать исполнительную и наблюдать за проведением в жизнь законов. Но к ответственности могут быть привлечены лишь министры, а не монарх, причем суд над ними должен быть предоставлен более независимой и беспристрастной палате, именно верхней палате, являющейся в то же время посредницей между государем и народом. Это тот порядок обвинения министров в верхней палате, который существовал в Англии.

Исполнительная власть пользуется такой важной прерогативой, как финансы и войско, которые находятся в ее распоряжении. Поэтому здесь необходимы особые гарантии, именно чтобы право содержать армию и бюджет втировались каждый год. Это тоже порядок, который существовал в Англии (в силу «Билля о правах»).

По мнению Монтескье, система разделения, взаимного ограничения и сотрудничества властей, которая представляет собой мудрую систему взаимных равновесий, существовала еще у древних германцев, в эпоху Тацита. Он говорит, что эта прекрасная система была найдена в лесах.

По мнению Монтескье, именно у Тацита англичане заимствовали эту совершенную систему, имея в виду совет старейшин (*principes*) и народное собрание у германцев, о которых говорит Тацит.

Эта ссылка на Тацита вызвала насмешливое замечание со стороны Вольтера, что если палату пэров, палату общин и суды справедливости и адмиралтейства можно найти у Тацита, то в том ремесле, которым занимались древние германцы, вполне можно найти и английские суконные мануфактуры.

Законы, по мнению Монтескье, стоят в определенной связи с естественными условиями страны. Он говорит о влиянии географических условий на законы, на политическое устройство народов, указывая, что самый характер народов меняется в зависимости от той широты, под которой они живут. У северных народов больше силы и храбрости, меньше впечатлительности, тонкости чувств, силы страстей, чем у южных.

Но законы, или политический строй, по идее Монтескье, должны соответственно противодействовать этим естественным свойствам народов и видоизменять их, уничтожая их отрицательные стороны. Например, рабство, по мнению Монтескье, заложено в природе южных стран; оно возникает на Юге, где людям свойственна лень, изнеженность, бездельность. Поэтому на Юге никто не пойдет на трудную физическую работу иначе, как в силу принуждения, под страхом наказания. Те же самые естественные причины вызывают на Юге и семейное рабство. Женщина на Юге достигает физической зрелости рано, когда еще не развился ее ум, поэтому она должна быть в подчинении у мужа. Равным образом чрезмерная пылкость южных нравов заставляет на Юге держать женщину взаперти, тогда как на Севере она может пользоваться большой свободой.

Свойства, характерные для жителей Юга,—отсутствие храбрости, изнеженность, лень—содействуют развитию деспотизма. Огромные равнины, которые существуют в Азии, содействуют развитию больших государств и, следовательно, деспотий. Таким образом, благоприятными моментами для развития деспотий являются жаркий климат и большие равнинные пространства. Равным образом Монтескье думает, что плодородная почва содействует развитию деспотизма, а неплодородная—свободе. Плодородие вызывает изнеженность и любовь к жизни. Бесплодная почва—основа для войны, промышленности, всякого рода деятельности. Плодородны обычно равнины, которые с трудом защищаются от нападений; бесплодны горы, где удобно отстаивать свою независимость. Жители островов более склонны к свободе и независимости, поскольку их островное положение защищает их от завоеваний.

Таким образом, нравы и дух народов находятся в зависимости от климата и почвы, но не от расы. Этого момента у Монтескье нет. Он считает, что законы должны приспособляться к внешним условиям, иначе они не достигнут цели. Но в то же время законы, как уже было замечено, могут, по мнению Монтескье, действовать на нравы и таким образом ослаблять действие естественных законов. Так, в Англии очень большое влияние на нравы оказала политическая свобода. Законы могут преодолевать действие природы и климата. Так, например, в Китае, где как будто бы имеются все условия для развития деспотии, лень, порожденная климатом, побеждена мудрым законодательством.

Религия тоже влияет на форму правления. Христианство благоприятствует умеренному правлению, а мусульманство—деспотическому. Из христианских исповеданий католичество больше свойственно неограниченной монархии, протестантизм—свободным государствам.

Коренными особенностями законодательства, обеспечивающими свободу, Монтескье считает умеренность, терпимость, иначе всякое управление легко может скатиться к деспотизму. У Монтескье мы видим, таким образом, утверждение о взаимном влиянии права и культуры.

Свой «Дух законов» Монтескье заканчивает рядом интересных исторических экскурсов. Особенно интересно то, что он говорит об истории феодальной системы во Франкском государстве (главы 30 и 31).

Самое начало средневековья Монтескье связывает с падением Рима, вызванным, по его мнению, прежде всего упадком тех гражданских добродетелей, которыми отличался Рим на первых стадиях своего развития, падением прежней храбрости и доблести—основных свойств римского народа. Сыграло роль в падении Рима и то, что если на первых стадиях своего развития, когда он вырастал из маленькой респуб-

лики в мировую империю, Риму пришлось иметь дело со своими врагами в строгой постепенности и он сокрушал их одного за другим, то в момент его падения, с конца IV в., на западную половину империи обрушиваются сразу все ее враги. Он рассматривает переселение народов, вторжение варваров как одновременное нападение на Рим с разных сторон, которое и положило конец ослабевшей Римской империи.

Здесь Монтескье подходит к вопросу о происхождении феодальных учреждений, излагая их историю в форме полемики со своими предшественниками.

Еще в начале XVIII в. возникла ученая полемика, в которой, можно сказать, оформились те точки зрения, с которыми нам приходится до сих пор постоянно встречаться при изучении средневековой истории, именно точка зрения «германистов» и «романистов». Если мы будем искать корни этих теорий, то нам придется уйти очень далеко, но окончательное или во всяком случае более или менее четкое оформление эти теории получили в начале XVIII в. Здесь надо прежде всего упомянуть работу графа Буленвилье — «История древнего политического строя Франции»⁴.

Граф Анри де Буленвилье (1658—1722) не историк-специалист, это аристократ, дилетант, любитель истории ради фамильных древностей, титулов, ищущий в истории прежде всего то, что могло бы так или иначе удовлетворить его аристократическое тщеславие. У него есть и определенные политические идеи. Он представитель феодальной оппозиции времени Людовика XIV, представитель тех групп среди аристократии, которые были недовольны «уравнительными» тенденциями французской монархии. Под этим разумелось то, что монархия возводит в дворянское достоинство людей третьего сословия, что она поручает важные отрасли государственного управления не людям высокого аристократического происхождения, а выходцам из среды буржуазии, наконец, то, что дворянство лишается его прежнего политического значения. Это направление резко выразилось в мемуарах герцога Сен-Симона⁵. Представителем этого же направления был и граф Буленвилье. У него имеются попытки осветить историю Франции с точки зрения аристократической оппозиции.

Главным источником для Буленвилье являются законодательные памятники эпохи Меровингов и Каролингов, изданные Балюзом. Буленвилье возводит привилегии французской аристократии еще к эпохе древних германцев. По его мнению, основной принцип — «свобода», якобы выдвинутый еще Тацитом, является наследственной привилегией знати. Каковы же признаки этой свободы? Это право личной расправы, право мстить за нанесенные обиды, право частной войны, даже право войны против короля. Все это Буленвилье стремился придать возможно большее значение в истории. Эти привилегии знати он противопоставляет абсолютизму монархов. На этом он строит свою историческую концепцию, с этим связано у него полное презрение к третьему сословию, под которым он подразумевает всех непривилегированных, начиная от буржуазии и кончая крепостными крестьянами. Таким образом, по мнению Буленвилье, основы привилегий аристократии лежат еще в лесах древней Германии, подобно тому как, по мнению Монтескье, в этих же лесах лежат начала английской конституции.

⁴ H. Boulaingvilliers. Histoire de l'ancien gouvernement de la France, vol. 1—3. Naue, 1727.

⁵ Л. Сен-Симон. Мемуары, тт. 1—2. «Academia», М.—Л., 1934—1936.

Решающим в образовании современного французского общества, по Буленвилье, был момент завоевания Галлии франками. Именно тогда складываются основы французского общественного строя. Буленвилье очень часто называет франков французами. Он говорит, что французы завоевали Галлию и установили там свой строй, между тем как местное, галльское население получило особое устройство, которое представляет собой нечто среднее между свободой и римским рабством, т. е. крепостное состояние. Эта масса галлов была лишена всех политических прав. В значительной степени она была лишена и права собственности и была предназначена завоевателями для обработки земли. Таким образом, галлы стали подданными, а франки, принесшие из лесов Германии свободу, — господами. Он говорит, что все франки стали дворянами, а все галлы — простонародьем. Французы, или франки, по происхождению, именно по своей племенной принадлежности стали знатью. Все они были свободны и равны между собой. Буленвилье не устает подчеркивать тот момент, что для германской свободы характерно также и равенство. Но это не демократический принцип. Он говорит о равенстве знати — все знатные, все дворяне равны между собой. Эта идея очень ценна для него с политической точки зрения. Отсюда вытекает, что и король не имеет особых причин возвышаться над прочей знатью. Хлодвиг, по его мнению, являлся лишь выборным предводителем войска равных.

Эти франки, или французы, т. е. верхний слой населения Франции, пользовались рядом привилегий: прежде всего изъятием из-под действия налоговой системы, т. е. освобождением от всех податей, исключительным правом пользоваться государственными доменами (по мнению Буленвилье, *terra Salica* — это государственный домен), правом пэров, правом суда над подданными галлами, правом частной войны, правом защищаться и нападать с оружием, правом голосовать и обсуждать законы на общем собрании французов. Вот, с точки зрения Буленвилье, та основа, из которой развились все дальнейшие французские учреждения.

Таким образом, для Буленвилье самое племенное происхождение — от галлов или от франков — является основой для социального разделения⁶.

По мнению Буленвилье, народное собрание, на котором будто бы франки, т. е. аристократическая часть французского общества, принимали законы, было укреплено Карлом Великим. При Карле Великом это собрание издавало законы, определяло порядок управления и раздачу должностей, судило по важнейшим делам. Но в конце царствования династии Каролингов эти собрания прекращаются в связи с общим распадом страны.

Передача власти Капетингам, по мнению Буленвилье, была актом незаконным. Капетинги не имели никакого права на корону. Но в то время французская аристократия еще сохраняла свои прежние права, сохранилась и система феодалов, установленная Карлом Великим. Кроме того, хотя собрания аристократии в то время уже теряют свое значение, но все же аристократия пользуется привилегией политического влияния и почета. Из представителей аристократии состоял Совет государя, они командовали войсками. Но это почетное верховное положе-

⁶ Эта точка зрения не является еще расистской теорией (хотя расисты впоследствии отчасти использовали Буленвилье), потому что здесь говорится еще не о преимуществах одной расы над другой, а лишь о праве завоевателей. (Прим. автора.)

ние аристократии, являющейся прямыми потомками франков-завоевателей, было поколеблено двумя событиями большой важности: прежде всего освобождением крепостных — сервов, которые были галлами по происхождению. Это освобождение, которое началось с городов и потом распространилось на деревню, подорвало прежнее положение аристократии.

Другим важным моментом явилось то, что бывшие крепостные стали подниматься до положения, равного с их господами. Короли дают им дворянское достоинство, назначают на высшие должности и оттесняют родовую знать. Здесь мы слышим голос обиженного возвышением третьего сословия аристократа. Все короли Капетинги проводили сознательную политику унижения знати ради своего деспотизма. Филипп II Август начал эту политику, Филипп IV ей следовал, Людовик XI дал ей завершение. Самой фатальной политикой была политика кардинала Ришелье и Людовика XIV, которые за 50 лет сделали в этом направлении больше, чем все их предшественники.

Таковы идеи, развитые Буленвилье в его «Истории». Это произведение было написано настолько в антиабсолютистском духе, что при его жизни оно не появилось, а было издано за границей уже после его смерти, в 1727 г.

В другом своем сочинении — «Письма о парламенте»⁷, тоже опубликованном уже после его смерти, Буленвилье дает историю Генеральных штатов в XIV—XV вв., резко противопоставляя сословную монархию монархии абсолютной.

После смерти Людовика XIV Буленвилье подал регенту записку, в которой предлагал созвать Генеральные штаты. Он думал, что Генеральные штаты могут послужить делу восстановления влияния аристократии во Франции.

Из всех идей Буленвилье наибольшую популярность среди дворянства и наибольшую критику среди передовых слоев французского общества вызвала его идея двух рас — франкской и галльской, — согласно которой франки — завоеватели галлов, а галлы — покоренный ими народ. (Я говорю здесь о расах не в расистском смысле, этот момент, как уже упоминалось, не является решающим у Буленвилье.)

Теорию Буленвилье еще нельзя назвать германистической теорией. Это теория двух рас — теория до известной степени дуалистическая, не дающая никакого высшего синтеза, а как бы разрубающая французскую нацию на две части, но в ней уже содержатся элементы будущей германистической теории.

Книга Буленвилье вызвала целый ряд возражений. Среди этих возражений особым вниманием пользовались возражения, выдвинутые в книге аббата Жана Дюбо (1670—1742), который был непременным секретарем Французской академии и обладал весьма солидной ученостью. Книга Дюбо «Критическая история установления французской монархии в Галлии»⁸ (1734) оказала огромное влияние на историографию XIX в., в частности на Савиньи, Фюстель де Куланжа, отчасти на Дюпша.

Она является ответом на трехтомную работу Буленвилье, но работа Буленвилье состоит из трех маленьких томов, а те три тома, которые составляют ответ Дюбо, являются огромными томами in quarto.

⁷ H. Boulainvilliers. Lettres sur les anciens parlements de la France. Londres, 1753.

⁸ J. Du Bois. Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. Paris, 1734.

Уже по своим размерам эта работа действительно подавляет сравнительно небольшую работу Буленвилье. Ученость Дюбо обширна, она гораздо больше, чем у Буленвилье.

Посмотрим, каковы же идеи Дюбо, который выступил как защитник интересов третьего сословия. В качестве отпора теории аристократа Буленвилье Дюбо выдвинул романнистическую точку зрения на происхождение феодализма.

Он утверждал, что завоевание Галлии франками есть историческая фантазия. Франки никогда не завоевывали Галлию, они явились в Галлию как союзники римского народа, а вовсе не как его враги. Если их короли стали самостоятельными королями, то в силу того, что они получили титул от императора, который передал им управление Галлией формальным образом. То обстоятельство, что франкские короли стали правителями Галлии, ни в какой мере не изменило политической системы, которая существовала в Галлии до этого времени. Вся система администрации, все права отдельных лиц, все гражданские и политические порядки остались прежними. Таким образом, не было ни завоевания, ни покорения, ни порабощения одной расы другой.

Каким же образом произошло это резкое разделение на господ, с одной стороны, и на крепостных — с другой? Это уже результат дальнейшего развития, результат развития феодализма. Только четыре века спустя раздробление общества, превращение должностей в наследственные, превращение земельных наделов в сеньории дало результаты, которые Буленвилье рассматривал как результаты завоевания. Именно тогда между королем и народом возвысилась каста господ и Галлия превратилась в завоеванную страну в полном смысле этого слова, где огромная масса населения, то, что можно назвать третьим сословием, была подчинена небольшой кучке аристократии.

Так рисуется представителю третьего сословия процесс образования аристократии. Таким образом, право завоевания, о котором говорит Буленвилье, было отброшено Дюбо совершенно. Знать является поздним произведением феодализации, этого до известной степени упадочного процесса, между тем как королевская власть и третье сословие — буржуазия теснейшим образом связаны с Древним Римом. Я говорю — буржуазия, потому что Дюбо определенно говорит о жителях римских городов как предшественниках французской буржуазии. По его мнению, римские города и после прихода франков сохранили свои муниципальные учреждения, сенат, самоуправление, и все это передалось французским городам, которые являются прямыми наследниками тех учреждений, которые существовали еще в Римской империи. Тот феодализм, который устанавливается во Франции четыре века спустя после прихода франков, этот феодализм, как говорит Дюбо, по своим корням является римским. В Римской империи он находит бенефиции, или феоды. Он думает, что эти феоды, условное владение землей, давались за обязательство нести военную службу. Наследственными они были только в том случае, если они передавались лицу, имеющему возможность носить оружие. Словом, феодальная система в смысле системы бенефициев, или феодалов, существовала уже у древних римлян. У Дюбо в этом отношении было большое смешение понятий. Он смешивал военные бенефиции римских императоров с королевским доменом (*terga Salica*) меровингской эпохи.

Дюбо является представителем интересов третьего сословия. Для него господа и третье сословие вовсе не две разные расы — завоевателей и побежденных. Он видит в лице знати кучку узурпаторов, а в пред-

ставителях третьего сословия — наследников старинных римских вольностей и прав. Третье сословие, как и монархи, с его точки зрения, является наследником Римской империи.

Надо сказать, что Дюбо дает своим взглядам чрезвычайно ученое по видимости обоснование, которое, однако, может вызвать часто лишь досаду у читающего: трудные вопросы он старается утопить во множестве приводимых им текстов. Читатель прямо теряется в массе доказательств, причем часто то или другое положение сначала высказывается только как гипотеза, а затем, после целой кучи аргументов, часто не имеющих прямого отношения к этому положению, Дюбо пишет о высказанной им гипотезе как о чем-то не подлежащем сомнению.

Дюбо также свойственна манера цепляться за юридические определения. Всякие внешние моменты, вроде передачи титула франкским королям римскими императорами, он принимает за основание для вывода, что власть франкских королей была делегирована римскими императорами и представляет собой непосредственное продолжение их власти.

Таким образом, выводы Дюбо следующие: монархия Меровингов и Каролингов является продолжением римской монархии. Под властью этих монархов (но отнюдь не аристократии) Галлия сохранила римское право и прежний социальный строй. Каждый город сохранил свое муниципальное устройство, свой сенат, свою милицию и свое самоуправление. Как франки, так и галло-римляне, которые управлялись разными законами, жили рядом и жили на равном положении. Все они были одинаково допущены к государственным должностям и все были обложены податями. Дюбо решительно отвергает утверждение Буленвилье о том, что франки-завоеватели были освобождены от уплаты податей.

Книга Дюбо пользовалась очень большой популярностью и признанием в ученых кругах Франции того времени. Буке в своем издании «Recueil des historiens de la Gaule et de la France» постоянно ссылается на книгу Дюбо и называет ее автора *doctissimus abbas Dubos*. Эта книга, несмотря на свой объем и огромный ученый аппарат, неоднократно переиздавалась в XVIII в.

Когда Монтескье писал свой «Дух законов», то в вопросах, связанных с происхождением феодальных учреждений во Франции, господствовали эти две основные теории — теория Буленвилье и теория Дюбо. Монтескье старается занять среднюю позицию. Он говорит о больших трудностях, стоящих перед историком, который пожелает среди этих противоречивых, отрицающих друг друга мнений найти истинный путь. По его мнению, истинный путь лежит посередине, но надо сказать, что занять эту среднюю позицию Монтескье не всегда удается. Главным образом он обращает свою критику против Дюбо. Слабые стороны его теории ясны для проницательного ума Монтескье. Прежде всего, он сразу же отмечает манеру Дюбо засыпать читателя фактами и текстами для того, чтобы протащить таким образом слабо обоснованную гипотезу. Затем, он очень легко опровергает основную мысль Дюбо о том, что якобы не было никогда франкского завоевания. Он доказывает, что франкское завоевание было, что имело место разорение и т. д. Но это вовсе не значит, что Монтескье хочет стать на точку зрения Буленвилье.

При всей умеренности своего мировоззрения Монтескье отражает во всяком случае буржуазную, а не феодальную точку зрения, на которой стоял Буленвилье. Поэтому он ослабляет значение франкского завоевания, утверждая, что, по его мнению, вслед за завоеванием вовсе

не наступило резкого деления на два сословия, соответствующих двум расам, как думал Буленвилье. По Монтескье, завоевание повлекло за собой, скорее, установление более демократического строя, чем резкое деление на сословия.

Хотя, может быть, теория Монтескье более верна, чем идеи Дюбо и Буленвилье, но обосновывает он ее чрезвычайно неудачно, ссылаясь на совершенно неправильно понятые источники. Например, он говорит о так называемом «персональном праве». Это «персональное право» в эпоху раннего средневековья заключалось в том, что каждый жил по праву своего племени, и право, таким образом, было связано с личностью, а не с территорией, на которой жило данное лицо. Монтескье же считает, что «персональное право» заключалось в том, что каждый мог сам выбирать, по какому праву он желает жить. У каждого, по мнению Монтескье, была свобода такого выбора. Таким образом, салическое право стало основным правом для всего населения и галло-римляне, естественно, желали жить по тому салическому праву, по которому жили варвары. Кроме духовенства, которое пользовалось старым римским правом, все население Галлии после завоевания стало жить по салическому праву.

Неправильно истолковывая некоторые тексты, касающиеся одного или немногих городов Галлии, Монтескье приходит к убеждению, что там сохранилось какое-то представительное учреждение для всего населения, как франкского, так и галльского, какое-то подобие сената, которое продолжало существовать во Франкском государстве. Таким образом, выходит, что представители третьего сословия с ранних пор образовали какое-то политическое собрание и участвовали тем самым в ограничении суверенных прав монарха. Словом, орган, подобный Генеральным штатам, по мнению Монтескье, появляется чуть ли не на заре существования Франции.

Надо сказать, что у Монтескье имеется большое количество чрезвычайно интересных соображений по истории феодального права во Франции, разбросанных по всему «Духу законов» и особенно сконцентрированных в последних его главах. Но наряду с чрезвычайно верными и правильными суждениями, которые часто основываются на историческом чутье этого исключительно одаренного человека, мы часто находим у него весьма поверхностное и неправильное толкование источников, что лишает его суждения научного значения.

Взгляды Монтескье были доведены до гораздо большей систематичности и отчетливости в исторической концепции аббата Габриеля де Бонно де Мабли⁹. Его концепция во многом не соответствует историческим фактам, но необычайно характерна для идеологии третьего сословия — буржуазии, уже отчетливо сознающей свои классовые интересы и выставляющей для их подтверждения определенную историческую концепцию.

Мабли известен прежде всего как один из представителей утопического социализма XVIII в.¹⁰

⁹ Габриель Мабли (1709—1785) — выходец из дворянской семьи, аббат. Отказавшись от карьеры на церковном и политическом поприще, посвятил свою жизнь научным занятиям, в частности в области истории. Испытал на себе известное влияние взглядов Руссо, хотя во многих вопросах с ним расходился. В XVIII в. его работы и идеи пользовались во Франции большим авторитетом. (Прим. ред.)

¹⁰ Ф. Энгельс отмечает Мабли как одного из родоначальников «прямо коммунистических теорий» XVIII в. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 18) (Прим. ред.)

Но надо сказать, что его коммунистические взгляды оставались в области чистой теории. Когда дело доходило до практического их применения, то Мабли становился чрезвычайно осторожным и выступал, скорее, как идеолог буржуазии и при этом весьма умеренной. В этом любопытная двойственность Мабли. Мы у него видим большой радикализм в теории и чрезвычайно умеренные и приспособленческие точки зрения, когда дело доходит до практики.

Мабли также стоит на почве рационализма. В основу своей исторической теории он кладет естественное право, основанное на естественных свойствах человека и на тех социальных качествах, которые толкают человека к обществу. По Мабли, первоначальный строй общества — это строй коммунистический. Общее владение землей и равенство всех людей есть естественное состояние человечества. На первых порах существования человечества оно было связано с тем, что население было очень редкое, занималось охотой и рыболовством. Таким образом, для создания частной собственности не было предпосылок. Но рост населения постепенно толкает человечество к земледелию. При этом земледелие само по себе вовсе не требует отказа от общности владения землей и не предполагает возникновения частной собственности. Возникновение частной собственности, с точки зрения Мабли, является результатом невежества людей и злоупотреблений. Некоторые ленивые субъекты, не желая работать столько же, сколько остальные, уклонялись от работы. С другой стороны, правители злоупотребляли своими правами, и это привело к тому, что решено было произвести передел земли, отдать каждому часть земли в частную собственность. При этом по невежеству никому не пришло в голову, к каким ужасным последствиям все это должно привести. Частная собственность была нарушением закона природы, поэтому она привела к искажению человеческой природы, к развитию пагубных страстей, к росту неравенства, к разделению общества на классы. Мабли прекрасно видит, какие последствия имеет развитие частной собственности для общества, но не видит никаких практических путей к ее ликвидации, к возвращению людей к прежнему состоянию. Поэтому коммунизм для него является золотым сном прошлого, навсегда пройденным этапом. Он не видит никаких путей к восстановлению этого порядка в настоящем. По его мнению, богатые люди себялюбивы и жадны, они не откажутся от своего. Он не верит, что путем убеждения можно заставить богатых отказаться от их богатства, а бедные, как он думает, приучены к неравенству, задавлены, невежественны, и нет никакой возможности рассчитывать на то, чтобы они могли сами себя освободить. Поэтому если и можно о чем-нибудь думать, то только лишь о частичном смягчении наиболее вопиющих из зол современного общества, главным образом тех, которые связаны с феодальной собственностью.

Таким образом, на практике Мабли из отрицателя собственности вообще превращается в ее охранителя. На практике он выступает как буржуазный реформатор, а не как революционер, как можно было бы думать, если судить по его теоретическим воззрениям, согласно которым естественным строем для человечества является коммунизм.

Политические взгляды Мабли тоже в теории отличались крайним радикализмом, а на практике весьма большой умеренностью. В теории Мабли исходит из учения о неотъемлемых правах человеческой личности. Источником всякой верховной власти для него является народ, который создает власть для улучшения своего благосостояния. Если народ ошибся и создал плохую власть, то он может исправить эту ошибку

ку и изменить власть. Народ обязуется повиноваться власти лишь до тех пор, пока она преследует ту цель, для которой была создана, именно счастье народа. Если же правитель нарушает права народа, последний имеет право на восстание. Для того чтобы иметь хорошие законы, народ должен быть сам себе законодателем. В своих наиболее зрелых произведениях Мабли высказывал сочувствие к республиканским формам правления.

Но опять-таки Мабли не делает всех выводов из этих теоретических положений. На практике он советует осторожные полумеры и не идет дальше требования ограничить власть короля с помощью парламентов и регулярно созываемых Генеральных штатов. Он считает, что во Франции политические преобразования могут быть произведены мирным путем, поскольку там имеются эти учреждения.

Для нас Мабли интересен как историк — автор восьмитомной работы «Замечания по поводу французской истории»¹¹ (4 тома были изданы в 1765 г., а последние 4 тома — в 1788 г., уже после его смерти).

В этом историческом труде Мабли проповедует гражданские доблести, взятые им главным образом из античных примеров, дает целый ряд лозунгов и крылатых слов, которые затем будут непрерывно звучать во время французской революции. Он призывает к свободе, патриотическому самопожертвованию, строгости нравов, республиканским добродетелям. У него постоянно фигурируют такие термины, как «отечество» («la patrie»), «гражданин» («le citoyen»), «общая воля» («volonté générale»), «народный суверенитет» («souveraineté du peuple»). Все эти формулы, взятые из античности, Мабли старался использовать применительно к французскому народу, решительно разрывая со взглядами, которые высказывались Буленвилье и Дюбо, в целом ряде пунктов примыкая к взглядам Монтескье и развивая их более последовательно.

Составить представление о взглядах Мабли на задачи истории можно хорошо по его небольшой книге «О способе писать историю»¹², опубликованной в 1783 г. Здесь он в полубеллетристической форме, в форме советов другу, который хочет заняться писанием истории, высказывает свои теоретические взгляды на задачи истории.

Мабли предъявляет к историку ряд требований. Историк должен ясно представлять себе, зачем он пишет историю и какие цели себе ставит. Мабли считает, что историк должен быть прежде всего знаком с естественным правом, знать происхождение государственной власти в обществе, знать права и обязанности человека как гражданина и как должностного лица.

Другое требование Мабли к историку — знание политики. Мабли различает два вида политики. Одна основана на законах, установленных природой для счастья человека. Эти законы, по мнению Мабли, неизменны, как сама природа. Другая политика — это порождение страстей, затемняющих наш разум. Надо изучать, конечно, в первую очередь первую политику, другими словами, нужно изучать то, что можно назвать моральной философией. Она покажет, чем является то счастье, к которому мы должны стремиться, и те способы, которыми его можно достичь. Из диалога, который при этом разворачивается, видно, что идеалом счастья для Мабли является утопия Томаса Мора. Только стоя на такой точке зрения, по мнению Мабли, историк может найти вер-

¹¹ G. B. M a b l y. Observations sur l'histoire de France, vol. 1--8 (nouvelle édition, revue par M. Guizot). Paris, S. d.

¹² G. B. M a b l y. De la manière d'écrire l'histoire; G. B. M a b l y. Oeuvres complètes, vol. 12. Londres, 1789.

ный путь, т. е. сказать, насколько то или другое государство приближается к этой естественной политике — «политике природы» («la politique de la nature») или удаляется от этого идеала. Но в то же время Мабли считает, что нужно изучать и политику страстей, которую мы видим в действительной истории, которая постоянно извращает управление государством.

Мабли отрицательно относится к тому очерку всемирной истории, который дал Вольтер. Вольтер для него является постоянным предметом критики и иногда очень резких выпадов. Мабли — представитель нового, более молодого поколения просветителей, которое Вольтер уже не удовлетворяет. Мабли полагает, что Вольтер преподает плохую политику и плохую мораль и в своих исторических экскурсах обнаруживает невежество и искажение фактов.

Ему кажется крайне безнравственной мысль Вольтера, что морально отрицательные явления в конечном итоге могут иметь благие результаты. Утверждение Вольтера, что развращенный двор папы Льва X содействовал развитию культуры в Европе, приводит Мабли в негодование. Он говорит, что аморальное явление никогда не может содействовать развитию истинного просвещения, а содействует лишь падению нравов. Он не может простить Вольтеру иронию, которая постоянно сопровождает у Вольтера описание ошибок людей. Он с негодованием говорит о «шуточках» Вольтера, который искажает историю, вместо того чтобы ее разъяснять.

Для Мабли история — это прежде всего школа гражданской добродетели. История должна не только просвещать разум, но и направлять сердце, побуждать людей любить добро, общественное благо, отечество, справедливость. Поэтому историк должен углубленно изучать мораль и этому должен учиться прежде всего у древних историков. Мабли оплакивает упадок нравственного чувства у современных ему историков. Историк, по его мнению, должен превозносить добродетель и бичевать все пороки общества, отошедшего от природы. Итак, по мнению Мабли, возвышенная, моральная философия должна лежать в основе всей работы историка.

Мабли протестует против какого бы то ни было внесения историком «божьей руки», «божьей воли» в ход истории. С этой точки зрения он возмущается Страдой, который все победы и успехи испанцев в борьбе с Нидерландами приписывает «божьей воле». Если вводить бога, то нужно его сделать ответственным также за всевозможные глупости и подлости, которые совершаются в истории.

Задачу всемирной истории Мабли рисует примерно так же, как Тит Ливий, который в начале своей истории говорит: «Не останавливаясь на баснях, которыми наши грубые предки старались прославить свое происхождение, ограничимся тем, что узнаем нравы и законы, гражданские и военные, и знаменитых мужей, которые распространили власть республики на весь мир, а так же как наше благополучие обмануло нас и довело до того фатального исхода, когда под бременем нашей жадности и тщеславия у нас нет даже необходимых сил, чтобы исправиться»¹³.

Мабли кажется, что здесь дана программа изучения всей мировой истории, которую можно применить к истории Англии, Франции, Италии, Испании, Германии. Везде сначала наблюдаются варварские нравы в течение ряда столетий, затем ряд, как он говорит, революций, или переворотов. С помощью таких переворотов эти народы были приведены

¹³ G. B. M a b l y. Oeuvres complètes, vol. 12, pp. 357—358.

к цивилизации (*politesse*), которой мы теперь гордимся, но которая представляет лишь новое рабство, потому что она есть результат изнеженных нравов, низких пороков, а не законов, которые приблизили бы нас к Законам Природы (с большой буквы). Заметим, что понятие «Природа» у просветителей вообще играет довольно своеобразную роль. Законы Природы — это то, что сообразно с природой естественного права, это также то, что согласно с разумом, что может осчастливить, облагодетельствовать человечество и в конце концов это те рецепты, которые тот или иной писатель прописывает человечеству. Свои собственные рассуждения, свои соображения, рецепты для облагодетельствования человечества писатели-просветители часто отождествляют с требованиями природы.

Мабли замечает, что писать всеобщую историю не легко. Прежде всего он боится, что если он напишет историю так, как она есть, то может прослыть плохим гражданином. Да к тому же нельзя доверяться тем грубым и невежественным историкам, которые оставили нам историю новых стран Европы, особенно раннюю их историю. Разве можно доверять такому историку, как Григорий Турский? Здесь необходимо изучить огромную массу документальных материалов — дипломов, формул. На это нужно убить целую жизнь. А в истории, говорит он, для историка гораздо более важно высказать правильные суждения, чем большую эрудицию.

Мабли высоко ставит Боссюэ, и морализирующий характер истории Боссюэ находит у него сочувствие, хотя общее мировоззрение Боссюэ чуждо Мабли, потому что Боссюэ вводит бога во все акты истории.

Морализирующий характер истории самого Мабли находит яркое выражение в его стремлении вводить в изложение событий речи тех или иных персонажей. Мы знаем, что историки-гуманисты также вводили речи в свое изложение событий, но к XVII в. этот обычай вышел из употребления, а в XVIII в. он был совершенно оставлен. Мабли вовсе не думает, что эти речи могут кого-либо ввести в заблуждение и кто-нибудь подумает, что они были действительно произнесены. Но, с его точки зрения, они являются прекрасным способом морализировать по поводу исторических событий. Мабли полагает, что никогда не будет истории, которая являлась бы одновременно и поучительной, и занимательной, без введения речей.

Какова же общая концепция истории у Мабли? Вся история рисуется ему в основном как регресс, как отход от законов Природы, согласно которым собственность есть величайшее зло и все люди созданы равными, с одинаковыми правами. Этот глубокий пессимизм сказывается и в описаниях у Мабли современной ему Европы, где он видит только упадок и разрушение и никакой надежды на возвращение к лучшему; всюду люди потеряли всякий интерес к общественным делам. О Франции он говорит так: «Я устал заниматься этой нацией, которая погибла безнадежно и которая вследствие своей непредусмотрительности и легкомыслия вполне заслуживает того, что наши министры всеми презираются»¹⁴. К такому печальному и безвыходному положению человечество привел рост богатств, главный враг Природы и чистоты нравов. Падение человечества усилилось особенно в XVI в., который, по мнению Мабли, оказался наиболее губительным, так как с этого времени началось быстрое развитие торговли и роскоши. Торговля, как считает Мабли, — это нечто чудовищное, само себя разрушающее; купец — это

¹⁴ G. B. M a b l y. *Observations sur l'histoire de France*, vol. 3, p. 267.

человек без родины; мануфактуры портят рабочих, превращая их в самый низменный сорт людей.

Мабли сочувствует американцам, которые ведут с Англией борьбу за независимость, но боится, что их погубит промышленность и торговля. По его мнению, государство не должно быть богато. Он вообще желал бы, чтобы не было ни финансов, ни государственных долгов и т. п. Он вопреки историческим фактам считает, что бедные народы всегда были победителями богатых народов.

Таким образом, Мабли остается только вздыхать и жалеть о прошлом, но никаких путей к возвращению в это лучшее прошлое, никаких путей к коренному исправлению общества Мабли не видит. По его мнению, общество зашло в тупик и нет ничего, что бы могло его оттуда вывести.

Значительный интерес для нас представляют взгляды Мабли на историю средних веков. Мабли вопреки Буленвилле полагает, что франки и галлы после прихода франков в Галлию составили один народ. Демократия франков передалась и галлам; она освободила их от римского господства. Таким образом, по его мнению, германская демократия является началом политического развития Франции. Это представление о слиянии франков и галлов в один народ у Мабли, так же как и у Монтескье, основано на неправильном понимании некоторых текстов и особенно на неправильном толковании понятия «персонального права». Мабли, так же как и Монтескье, думает, что «персональное право» заключалось в праве каждого выбирать тот закон, по которому он будет жить. Галло-римское население выбрало франкский закон — «Салическую правду» и тем самым объединилось с франками. Мабли не согласен и с Дюбо. В отличие от него Мабли не приписывает решительно никакого значения римским традициям, в частности муниципальным вольностям, которые, по мнению Дюбо, третье сословие унаследовало еще от римских времен.

Подобно Монтескье, Мабли рисует политическое устройство Франкского государства при Карле Великом как некую идеальную монархию, хотя нарисованная им картина не имеет ничего общего с действительной историей этого периода. В этой идеальной монархии якобы соединились три основные формы государства: монархия, аристократия и демократия с тремя сословиями (штатами) — духовенством, знатью и народом. Последний, как утверждает Мабли, также принимал участие в законодательстве, осуществлявшемся в периодически созываемых собраниях.

Карл Великий, в изображении Мабли, — своеобразная фигура. Это — народолюбец, признающий права народа, философ школы естественного права, подобный просветителям XVIII в. Мабли рисует этого короля как философа и защитника третьего сословия, который внушает этому сословию историческую гордость. Такой идеализированный образ Карла Великого, конечно, очень далек от подлинного облика этого деятеля истории.

В сущности вся книга Мабли представляет собой историю народа, или, лучше сказать, историю тех слоев населения, из которых образуется третье сословие. Но эта история, конечно, совершенно фантастическая. Так же фантастична и история Генеральных штатов при Карле Великом и в более поздний период, которую дает Мабли, хотя, как известно, этого учреждения в то время вовсе не было. Между тем Мабли замечает, что при Карле Великом основным недостатком Генеральных штатов было разделение на три отдельных и независимых сословия и что при преемниках Карла Великого согласие между сословиями нару-

шается, и народ уже ни во что не ставится. Наследственность должностей, судебные права сеньоров и прочие нововведения довершают этот переворот, совершенно поработивший народ.

Освобождение коммун, борьба городов за свою независимость, по мнению Мабли, отчасти возвращают третьему сословию его былую свободу. Отчасти его права восстанавливаются в Генеральных штатах XIV в. Но в целом Генеральные штаты, установившиеся при Филиппе IV, — лишь тень тех идеальных Генеральных штатов, которые, по мнению Мабли, существовали при Карле Великом. Ближе всего к пониманию прав нации подошли Генеральные штаты 1356—1357 гг. — времени Парижского восстания Этьена Марселя, но их неспособность и непредусмотрительность сделали бесплодной их попытку восстановить свободу. Источником всех дальнейших зол, всего дальнейшего политического порядка Франции, говорит Мабли, является король Карл V, разрушивший Генеральные штаты, чтобы поставить на их место произвол. Правление Карла V было причиной всех дальнейших зол, которые с тех пор удручали монархию. «Нетрудно показать, — пишет Мабли, — что восстановление этих штатов не таких, какими они были, а таких, какими они должны быть, единственный способ вернуть нам добродетели, которые стали нам чужды и без которых государство в вечной тоске ждет момента своего разрушения»¹⁵.

Несмотря на свой пессимизм, Мабли все же видит некоторый выход, некоторую возможность улучшения положения Франции — именно в возрождении третьего сословия и в союзе Генеральных штатов. Здесь намечена та позиция, которую буржуазия заняла перед революцией во Франции и которая получила свое осуществление в союзе Генеральных штатов 1789 г.

Многотомная работа Мабли интересна еще своими многочисленными примечаниями, так называемыми «*remarques et preuves*», содержащими большой полемический материал. Мабли критикует целый ряд авторов и в особенности обрушивается на Дюбо, который тоже был, как мы видели, идеологом буржуазии, но старался связать ее исконные вольности не с франкским периодом, не с эпохой освобождения от владычества Рима, а с римскими временами. Мабли нападет на основную идею Дюбо — сохранность римских учреждений. И здесь он обнаружил большую историческую проницательность, отмечая искусственность всех построений Дюбо, который старается позднейшие средневековые городские институты связать с римскими муниципальными учреждениями. Он указал на ряд ошибок Дюбо, смешивавшего, например, римские бенефиции с *terra Salica*, и др.

Таким образом, «Замечания по поводу французской истории» Мабли дают нам историю средних веков, написанную с позиций буржуазии, политическую программу третьего сословия XVIII в., опрокинутую в прошлое.

Успех книги Мабли был огромен. В ней вершущиеся слои буржуазии Франции нашли свою историческую идеологию. В 1787 г., совсем незадолго до революции, Академия надписей и изящных искусств объявила конкурс на похвальное слово Мабли. Премию получил аббат Бризар за свою работу «Историческое восхваление Мабли»¹⁶. Что именно отмечал Бризар как особенную заслугу Мабли? Это чрезвычайно

¹⁵ G. B. M a b l y. *Observations sur l'histoire de France*, vol. 3, p. 253.

¹⁶ B r i z a r d. *L'éloge historique de Mably*. G. B. M a b l y. *Collection complète des oeuvres*, vol. 1 Paris, 1794—1795.

интересно, потому что показывает, как воспринималась современниками историческая концепция Мабли. Бризар прежде всего отмечает, что в истории Мабли видно, как свобода выходит вместе с франками из лесов Германии и освобождает Галлию от угнетения римлянами и как на почве этой свободной и республиканской конституции древних франков утверждается основание французской монархии.

Другой заслугой Мабли Бризар считает характеристику правления Карла Великого, то, что он показал этого короля как патриота, как мудрого законодателя, признающего неотъемлемые права человека, как своего рода пример современной монархии.

Мы видим, таким образом, что уже в XVIII в. складываются те основные направления в трактовке проблемы отношений средневековья к античности, с которыми нам приходится встречаться постоянно и до настоящего времени.

Наиболее последовательно «германизм» представлен у Буленвилье, для которого весь государственный и общественный строй раннего средневековья порожден германским завоеванием. Германцы, завоеватели римлян, господа в силу своего права завоевания, устанавливают свой общественный строй. Это свобода, но свобода только для господ, только для господствующего класса, для дворянства. Что же касается галло-римлян, то это — бесправные крепостные, у них нет ни политических прав, ни политических традиций. Буленвилье отмечает отрицательную роль монархии, которая, по его мнению, систематически подрывала права сеньоров.

Если германистическая точка зрения была наиболее ярко выражена у Буленвилье, то романистическая точка зрения была в законченной форме выражена Дюбо. Когда мы его читаем, то нам может показаться, что мы читаем Фюстель де Куланжа. Для Дюбо германского завоевания вовсе не было. Германцы выступают не как завоеватели, а как союзники римлян. Они подчиняются римским учреждениям. Германские короли получают свои полномочия от римского императора; германцы усваивают римскую культуру; галло-римское население, особенно население городов, сохраняет свои муниципальные вольности, которые оно унаследовало от римлян; франки и галлы живут рядом на данной территории на одинаковых правах. Отношения между ними складываются вовсе не по линии расовой или племенной, а в результате развития общих для всех феодальных учреждений.

Монтескье пытался дать синтез обеих точек зрения. Он полагал, что завоевание имело место, но оно принесло галло-римскому населению не порабощение, а, напротив, освобождение от деспотизма Римской империи. Галло-римляне начинают жить по франкскому праву, но сохраняют некоторые учреждения от римской эпохи, например фантастическое подобие сената, о котором говорит Монтескье.

Мабли ближе всех своих современников подошел к правильному решению проблемы происхождения феодализма, хотя некоторые документы он понял и истолковал неверно. Он был прав, утверждая, что франкское завоевание освободило галло-римлян от римского деспотизма и дало им демократические учреждения, которые только в дальнейшем стали развиваться в феодальные. Но, конечно, нарисованная Мабли картина Генеральных штатов при Карле Великом и вообще изображение политики этого короля — совершенно фантастичны, тут очень мало исторической правды.

Когда мы говорили о Мабли, нам пришлось указывать на его отрицательное отношение к историческим взглядам Вольтера. Это, видимо,

связано и с некоторыми расхождениями в их политических взглядах. Для Вольтера политическим идеалом являлась абсолютная монархия, правда в форме просвещенного абсолютизма, направленного на благо народа. У Мабли идеалы третьего сословия высказаны более решительно, что выражается в его требовании созыва Генеральных штатов. Но в целом политические взгляды Мабли очень туманны и противоречивы. Мабли в некоторых своих теоретических высказываниях подошел к идеям буржуазной демократии и даже социализма, но эти идеи выражены у него еще в неясной, утопической форме и крайне непоследовательно.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ. РУССО. КОНДОРСЭ

Гораздо больше последовательности в проведении идей буржуазной демократии, чем у Мабли, мы видим у знаменитого его современника — Жан Жака Руссо.

Жан Жак Руссо (1712—1778) родился в Женеве в протестантской мелкобуржуазной семье. Чувствительный, самолюбивый, замкнутый мальчик рано попал в суровую школу жизни. Тринадцати лет он был отдан в ученики грубому, ограниченному и жестокому мастеру. Голод, побои, унижения — все это Руссо испытал на себе с ранних лет. Шестнадцати лет он убежал от своего хозяина. Между годами ученичества и началом литературной деятельности Руссо лежит большая полоса жизни, заполненная скитаниями, бесплодными попытками получить работу и унижениями. В эти годы Руссо прошел через самые разнообразные жизненные положения. Он переменял веру (принял католичество), учился в католической семинарии, учился музыке, преподавал музыку, был мелким служащим в канцелярии и даже лакеем. Руссо пришел, таким образом, в литературу с исключительно тяжелым и сложным жизненным опытом. Но жизнь не сломила его. Она лишь развила в нем чувство глубокой ненависти к существующим социальным отношениям и болезненную чувствительность к страданиям бесправных и угнетенных масс. Руссо выступает в своих работах как их естественный представитель, как защитник их интересов. Но воспринимает он их страдания сквозь призму мелкобуржуазного миропонимания. Он ищет спасения на путях укрепления мелкобуржуазных отношений.

Хотя Руссо и не был историком и сравнительно мало занимался чисто историческими предметами, он оказал огромное влияние на историографию XVIII—XIX вв. — причем не столько во Франции, сколько в Германии. Поэтому следует подробнее остановиться на его исторических взглядах.

Руссо как представителя мелкобуржуазной, демократической точки зрения мы должны резко противопоставить его предшественникам-просветителям. Всякого рода выражения любви и сочувствия к народу встречались и у просветителей старшего поколения, но у них они сопровождались значительной долей пренебрежения к массам. Даже Мабли думал, что темный, задавленный нуждой народ не в состоянии прини-

мать какое бы то ни было участие в решении своих судеб и что это должно быть предоставлено просвещенным людям.

От всех своих предшественников Руссо резко отличается тем, что он — истинный плебей, демократ. Он называет себя человеком, который сокрушается о несчастном народе и испытывает его несчастья. Он говорит о неистребимой ненависти, которую он чувствует при виде страданий народа и тех притеснений, которым подвергается народ. Всем горьким опытом своей жизни — жизни интеллигентного пролетария, который сам хорошо изведал унижения бедности, Руссо пришел к глубокому убеждению, что богачи воруют хлеб у бедняков, что невозможно обогатиться без того, чтобы не сделать другого бедным, что благотворительность как попытка смягчить бедность есть лишь «забава грабителей». Это глубокое и искреннее чувство, сложившееся у Руссо, осложняется болезненной раздражительностью плебея, который чувствует себя чужим в избранном обществе. Даже когда он стал прославленным писателем, когда все стали искать его общества, он не мог избавиться от этого чувства. Руссо все воспринимал необычайно болезненно и чутко. Он и сам сознавал эту чрезмерную восприимчивость и считал себя чем-то особенным, не подходящим под обычные мерки. Он говорил: «Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете»¹. И это он говорил в самой человеческой из своих вещей, в мучительной «Исповеди», которая свидетельствует как раз о том, что он был похож на всех людей, что он был человеком в истинном смысле этого слова.

Руссо — глубоко эмоциональная натура. Выше всего он ставит жизненный инстинкт, непосредственное ощущение, способность поддаваться чувству, сливаться с природой. Этим он резко отличается от других просветителей, которые первое место отводили разуму; то, что они называли «размышлением» (*réflexion*), с точки зрения Руссо, естественно. В этом отношении, впрочем, его взгляды отчасти похожи на взгляды Мабли, который видел в развитии культуры падение человечества. Руссо глубоко возмущает изнеженность современной ему культуры, он — сторонник простоты нравов идеализированной Спарты, которую он противопоставляет порочным Афинам. В заслугу Спарте он ставит, в частности, то, что она изгнала из своих стен искусство и артистов, науки и ученых.

Понятие естественного, которое мы видим у Руссо, совсем другое, чем у просветителей. Под понятием естественного Вольтер и другие просветители понималисообразное законам природы. Эти законы природы могут быть поняты только глубоко культурным, философским умом, но никак не инстинктом, не простым человеческим чувством. В то же время просветители старшего поколения, хотя они и боролись против привилегий феодалов, считали законом природы неравенство в интеллектуальной области, оправдывая тем самым, сознательно или бессознательно, новый буржуазный порядок, в котором люди все же, несмотря на все декларации, остаются неравными. Одно дело — работать, другое дело — руководить этими работниками. Об этом говорил Вольтер. Сама добродетель, с этой точки зрения, была неразлучна с просвещением. Мы видели, как далек был Вольтер от всякого демократизма, как Мабли, демократ в теории, на практике приходил к отрицанию демократии. Просветители в сущности считали, что мировая история происходит для

¹ Ж. Ж. Руссо. Избр. соч., т. III, ГИХЛ, М., 1961, стр. 9; J. J. Rousseau. *Les confessions*. Paris, 1933.

«хорошего общества», для изысканной верхушки, для цвета интеллигенции. Именно для него трудились и мыслили все философы мира.

У Руссо мы видим взгляды совершенно другого рода, проникнутые глубоким, искренним демократизмом. Природным, естественным для него является то, что непосредственно близко к чувству, к инстинкту и поэтому доступно самому простому человеку даже легче, чем образованному.

Как представлял себе Руссо развитие человечества, наиболее отчетливо видно в его произведении «Рассуждение о происхождении и причинах неравенства между людьми»² (1755), в котором он дал краткий очерк развития человечества.

Руссо считал, что человечество в своем развитии прошло стадию дообщественного состояния, когда человек был близок к животным. Картина, нарисованная Руссо, послужила поводом к бесчисленным нападкам на него. Вольтер обвинял его в том, что он хочет заставить людей ходить на четвереньках, в том, что Руссо будто бы хотел эту картину дообщественного состояния людей сделать идеалом для современного общества. Это, конечно, неверно. Руссо и не думал о возможности возвращения современного общества к дообщественному состоянию, когда люди были счастливы, но счастливы так, как счастливы звери.

Руссо рисует жизнь этих первобытных людей, подчеркивая их близость к природе, их ловкость и силу их крепких, здоровых органов, которые прекрасно служат им при их постоянном общении с природой. У этих людей имелись, по его мнению, два основных инстинкта, из которых развились все добрые и злые страсти людей. Это — себялюбие, чувство самосохранения индивидуума и жалость к другим. Из жалости возникло всё то, что называется добродетелью.

Первобытные люди не знали несчастья, свойственного цивилизованным обществам, — у них не было угнетения. По словам Руссо, если бы тогда один человек и сумел бы заставить работать на себя другого, то ему все время пришлось бы следить за ним, и самый этот надзор потребовал бы гораздо больше усилий, чем если бы он захотел выполнить эту работу сам.

Первобытный человек — это животное, но животное, способное к развитию. По мнению Руссо, в человеке есть одна способность, которая отличает его от других животных, — это способность хотеть, или, вернее, выбирать, независимо от инстинкта. Человек способен не поддаваться внушению инстинкта. Это, говорит Руссо, ведет его к совершенствованию, хотя, по его мнению, это совершенствование едва ли является благом.

Толчком к развитию, толчком к совершенствованию, с точки зрения Руссо, послужило размножение людей и связанные с этим затруднения в добывании пищи. Человек начал использовать орудия, применять огонь. На этой почве возникает более тесное общение между людьми, образуется язык, создаются жилища. Появление жилищ приводит к образованию семьи, а применение орудий — к тому, что у человека появляется досуг, так как он может теперь добыть себе пищу в более короткое время. Наличие досуга ведет к новым изобретениям, к созданию новых удобств и к росту потребностей.

Этот период Руссо рассматривает как счастливую молодость человечества, которая, однако, несет в себе зародыш будущих несчастий.

² J. J. Rousseau. Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Paris, 1954; Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства. СПб., 1907.

Главные несчастья начинаются тогда, когда человек переходит к обработке металла и земледелию. «Железо и хлеб,— по мнению Руссо,— погубили человеческий род»³. Обработка земли ведет к ее присвоению, а возникновение собственности — к неравенству и эксплуатации.

С увеличением населения появляются нищие, которые могут жить только грабежом, и в то же время богатые притесняют и грабят бедных. Таким образом, начинается всеобщий грабеж, драки и убийства.

Только на этой стадии, по мнению Руссо, когда уже произошло значительное классовое расслоение, возникает государство, причем оно возникает по инициативе богатых. Это — тот самый общественный договор, которому посвящена, правда окончательно незавершенная, но пользующаяся наибольшей известностью работа Руссо «Об общественном договоре»⁴.

Государство возникает потому, что богатые предлагают заключить договор, который гарантирует каждому имущество и безопасность. Руссо рассуждает так: «Таково было, или должно было быть, происхождение общества и законов, которые ещё более увеличили силу богатых, безвозвратно уничтожили свободу, навсегда упрочили собственность и неравенство, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и обрекли, к выгоде нескольких честолюбцев, весь род человеческий на труд, нищету и рабство»⁵.

Установленное таким образом государство неизбежно приводит к устранению народных масс от всякого участия в управлении, а потом и в законодательстве. Правитель получает все большую силу и от законов переходит к произволу, возвращаясь, в сущности говоря, опять к простому праву силы, но праву, укрепленному и узаконенному государством. Следовательно, говорит Руссо, начавшись вследствие неравенства, государство само усиливает это неравенство. Вершиной всего этого процесса является развитие роскоши и богатства в городах и обеднение и эксплуатация деревень.

У Руссо мы видим здесь очень важную и верную мысль, что государство возникает вследствие общественного неравенства и само является орудием подчинения и эксплуатации масс. Он высказывает и другую правильную мысль, что человеческий род одной эпохи был не таков, каким он был в другую эпоху, что природа человеческой души и страстей и психология человека меняются. По словам Руссо: «Первобытный человек постепенно исчезает, и общество представляется глазам мудреца лишь собранием искусственных людей с деланными страстями, которые являются плодом новых отношений и не имеют истинного основания в природе»⁶. Потребности людей растут, и по мере их роста люди становятся ненасытными. Для удовлетворения их люди причиняют друг другу неисчислимое зло.

Таким образом, говорит Руссо, люди делают друг другу добро и зло именно в силу данных общественных отношений. Это совсем не та рационалистическая идея, которую мы встречаем у просветителей старшего поколения, считавших, что поведение людей зависит от их верных или ложных идей, что люди делают зло потому, что у них ложная идея о добре. Это учение просветителей вызвало не мало заблуждений в XIX в., когда социалисты-утописты думали, что достаточно внушить

³ Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства, стр. 78.

⁴ J. J. Rousseau. Du contrat social. Paris, 1934; Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре, или принципе политического права. Соцэкгиз, М., 1938.

⁵ Ж. Ж. Руссо. О причинах неравенства, стр. 87.

⁶ Там же, стр. 105.

людям истинное представление о добре и они немедленно отдадут свои богатства бедным и вступят в устроенные по разумному плану общественные отношения.

Конечно, Руссо глубоко ошибался, допуская существование дообщественного состояния и возможность сознательного установления общественного договора, но это была ошибка всех его современников. Они все представляли общественный договор как акт, который действительно имел место в истории человечества, и Руссо еще был в этом отношении осторожнее других. Он лишь говорил, что таким было или должно было быть основание государства, но он не приурочивал этот акт к определенному историческому моменту и не придавал ему определенную историческую форму. Для Руссо важен только самый акт основания и происхождения государства. И в целом идея Руссо о происхождении государства из неравенства, из социальной борьбы, трактовка государства как органа имущих, безусловно, правильна.

Как уже было замечено, Руссо часто приписывали желание вернуть человечество к дообщественному состоянию. Это совершенно неверно. У Руссо иное представление об идеальном обществе. Это — отнюдь не первобытное животное состояние человека, не тронутое всем тем злом, которое дает дальнейшая цивилизация. Идеальное общество, по его мнению, существовало в то время, которое непосредственно следует за общественным договором. Хотя тут уже имелась известная дифференциация, известные элементы угнетения человека человеком, но они еще недостаточно развились и не представляли такого большого зла, каким стали в современном обществе. Анализ того состояния в развитии человечества, которое идет вслед за общественным договором, и посвящен знаменитый труд Руссо «Об общественном договоре, или принципе политического права». Это — часть большого трактата, над которым он долго работал, но от которого остался только этот фрагмент.

Каковы те цели и задачи, которые ставил Руссо в этой книге? Он говорит об этом так: «Человек рожден свободным, а между тем, он везде в оковах... Каким образом произошла эта перемена? Я не знаю. Что может сделать эту перемену законной? Думаю, что я могу разрешить этот вопрос»⁷.

По мнению Руссо, всякая попытка доказать право господства меньшинства над большинством есть бессмыслица. Ни право завоевания, ни другое какое-либо право здесь не имеет смысла. Сила — вот что в конце концов определяет господство, и она, собственно, и есть право. Что касается самого общественного договора, то сначала в него были включены определенные условия, которые в дальнейшем были нарушены. Не следует представлять себе взгляд Руссо на общественный договор слишком упрощенно. Руссо не был так наивен, чтобы считать, будто в какой-то момент собрались люди и составили точный договор, включив в него определенные условия. Он считал, что общественный договор представляет собой неписаное соглашение, подразумевавшее условия, которые должны были так или иначе входить в самое понятие государства. Эти условия были потом нарушены властью имущими. Одним из главных таких условий, впоследствии нарушенных, Руссо считал принцип прямого народоправства.

Руссо полагал, что существует глубочайшее различие между законом как выражением воли народа и приказанием как повелением пра-

⁷ Ж. Ж. Руссо. Об общественном договоре, или принципе политического права, стр. 3.

вящего меньшинства. По его мнению, законы возможны только там, где имеется общее волеизъявление, другими словами, непосредственное голосование всех граждан — прямое народоправство.

Мысль об общей воле как основе всех законов высказывалась задолго до Руссо. Ее можно встретить у Гроция и почти у всех рационалистов XVII—XVIII вв. Но что тогда подразумевалось под этой общей волей? Нечто отвлеченное. Общая воля — это то, что полезно для общества в целом, а никак не конкретное право всего народа, и в частности простонародья, решать свои судьбы и принимать участие во всеобщем голосовании.

Для Руссо же каждый закон является законом лишь постольку, поскольку он выражает волеизъявление народа в конкретном смысле этого слова, поскольку он был проголосован всеми взрослыми мужчинами данного государства. Для того чтобы общая воля стала законом, достаточно лишь решения большинства, но при этом важно, чтобы все имели право голоса. Для меньшинства обязательно подчинение — это условие самого общественного договора. При этом Руссо думает, что это право голоса не может быть никому передано. Закон существует лишь там, где имеется прямое народоправство, где нет никакого представительства. Передача права голоса представителям есть нарушение этого основного закона. Где нет прямого народоправства, там есть лишь господство принуждения.

Исходя из этого положения, все государства современной ему Европы зачисляются Руссо в деспотии, в которых нет законов, где люди подчиняются не законам, а приказаниям, даваемым большинству народа правящим меньшинством.

По форме организации исполнительной власти Руссо считает возможным разделить государства на демократии, аристократии и на монархии. Он полагает, что возможно участие всего народа в управлении, т. е. организация исполнительной власти по принципу демократии, путем часто сменяющихся выборных коллегий или непосредственно народных собраний, участвующих в управлении. Затем может существовать аристократия, когда народ передает управление нескольким аристократическим семьям. Это может быть либо наследственная аристократия, что он считает худшей формой, либо выборная аристократия. Но здесь есть опасность, что выборная аристократия, а тем более наследственная, захватит власть в свои руки.

Наконец, возможна исполнительная власть в форме монархии — одного выборного или наследственного лица, но при условии прямого участия народа в законодательстве.

Но уже аристократия, а тем более монархия, говорил Руссо, носят в себе зародыши деспотизма, возможность перехода всей власти в руки небольшой группы или одного человека.

История развития политических форм представляется Руссо следующим образом: демократия, аристократия, монархия и деспотия, причем под деспотией он понимал все те формы, при которых нет прямого участия народа в законодательстве.

Демократия, по мнению Руссо, возможна только в маленьких государствах, так как она требует значительного равенства имущества и состояния и высокой степени гражданских добродетелей, невозможных в больших государствах. К тому же там имеет место борьба между богатыми и бедными, и законы в конце концов начинают охранять интересы богатых. Таким образом, по мнению Руссо, большое государство всегда стремится к деспотическим формам правления.

Руссо говорил, что ему в качестве возражения могут указать на такие большие демократические государства с прямым участием народа в управлении, как античные государства — Афины и Рим. Но на это он, проявляя большую пронизательность, справедливо возражал, что там демократия была основана на рабстве. Там свобода граждан могла иметь место только потому, что большинство находилось в состоянии рабства и, освобождая своим трудом полноправных граждан от всякого рода забот, предоставляло им возможность отдаваться политическим интересам.

Руссо считал деспотической и такую форму государства, при которой законодательство осуществляется представительным собранием. Поэтому у Руссо вовсе нет того преклонения перед английской конституцией, какое мы видели у Монтескье. Так называемые «представители народа» в парламенте, говорит он, вовсе не выразители воли английского народа, а его господа. В Англии большинство народа не принимает даже участия в выборах, а главное — интересы богатых и бедных непримиримы, и парламент является выразителем интересов только богатых. Руссо предпочитает даже польскую конституцию (о которой он, впрочем, имеет не совсем точное представление), поскольку там депутаты сейма получают наказания от своих избирателей и могут быть отозваны, когда избиратели сочтут это необходимым. Но все же Руссо считает, что английское правление несравненно выше того, которое имеется во Франции, где он видит деспотию в чистом виде.

Идеалом Руссо является, следовательно, маленькое демократическое государство с прямым народоправством, где все взрослые мужчины пользуются прямым правом голоса и принимают участие в законодательстве, без посредничества каких бы то ни было представительных органов.

Но большинство государств Западной Европы уже вышло из этой примитивной формы и усвоило те культурные формы, которые Руссо считает враждебными природе. Возможно ли возвращение к прошлому для тех обществ, которые вышли из первобытной стадии? Руссо отвечал на этот вопрос отрицательно. Культура и ее пороки, по его мнению, неизбежны по крайней мере для тех обществ, которые подверглись ее влиянию. Относительно культуры Руссо говорит, что она так же свойственна всему роду человеческому, как дряхлость — отдельной личности. Это неизбежная, хотя и нежелательная стадия в развитии. И на этой стадии дряхлости человечества, говорит Руссо, народам нужны искусственные законы, как старикам костыли. Но, конечно, для людей лучше было бы остановиться на более простой и ранней стадии, образцы которой еще уцелели кое-где в захолустных городах и деревнях. Руссо идеализирует жизнь швейцарских горцев, жизнь корсиканцев, с их простыми потребностями и отсутствием разделения труда. В своей «Новой Элоизе»⁸ Руссо воспекает натуральное хозяйство, центром которого является патриархальная семья. Эта идеальная семья почти совсем обходится без всяких покупок, все добывает своими собственными средствами. В своем проекте конституции для Корсики Руссо выступает сторонником натуральной организации финансов, предлагая заменить денежные налоги натуральными повинностями и выдавать чиновникам плату натурой. Он вовсе не является сторонником отмены частной собственности, но думает, что собственность должна быть заключена в самые тесные

⁸ J. J. Rousseau. La nouvelle Héloïse. Paris, 1925; Ж. Ж. Руссо. Избр. соч., т. II. М., 1961.

рамки. Таким образом, идеалом Руссо является сохранение если не примитивного, то малоразвитого общественного строя мелкобуржуазного типа. В конце концов те громы, которые он мечет по адресу больших городов, представляют в сущности выражение идеологии разоряющегося, идущего к гибели в связи с ростом крупной промышленности мещанства маленьких городов.

Эта идеология мелкой буржуазии нашла потом яркое выражение во время французской революции в мелкобуржуазном утолизме якобинства. Но влияние Руссо на историографию в самой Франции было довольно ограниченным. В этой области идеи Руссо пользовались влиянием преимущественно в Германии.

Идеи предреволюционной и революционной буржуазии, идущей к власти и захватившей ее во Франции во время революции конца XVIII в., нашли свое, может быть, наиболее яркое выражение в исторических взглядах Кондорсэ.

Жан Антуан Кондорсэ (1743—1794) был одним из крупнейших ученых своего времени, по преимуществу математиком и физиком. За свои математические работы он получил звание академика, затем был секретарем Академии. Перу Кондорсэ принадлежит также ряд замечательных биографий крупных ученых XVIII в., в том числе Тюрго и Вольтера, с которыми он был близок. С Тюрго он работал в его министерстве, где заведовал управлением мер и весов.

Кондорсэ был сторонником идей Тюрго, сторонником физиократов. Вопрос о реформах, которые, по его мнению, следовало бы провести во Франции в духе программы Тюрго, был разработан Кондорсэ в целом ряде статей. Во время революции он перешел на республиканские позиции. Им была основана первая во Франции республиканская газета. В 1791 г. он был избран в Законодательное собрание и одно время был его председателем. Основное внимание он сосредоточил на вопросах народного образования. Кондорсэ развернул широкую программу народного образования, требовал всеобщего бесплатного обучения за счет государства, образования для женщин и вообще женского равноправия. Он также был сторонником совместного обучения мальчиков и девочек. Особое значение Кондорсэ придавал обучению взрослых. Он требовал введения светской школы, свободной от какого бы то ни было влияния церкви, хотя и не вполне свободной от религиозных идей. Кондорсэ рисовал себе образование именно как широкое общее образование и в основу этого образования предполагал положить физико-математические науки. В то же время он проповедовал независимость школы от какой бы то ни было политической власти. В этом отношении он разошелся с якобинцами, которые не считали возможным такое орудие, как школу, сделать независимым от политики и государственной власти.

Кондорсэ был сторонником буржуазных прав и свобод и в том числе права буржуазной собственности. Он выступал за отделение церкви от государства. У него было ярко выраженное стремление уничтожить всякого рода расовое и национальное угнетение. Он был противником работорговли, высказывался за отмену телесных наказаний, говорил о международной солидарности. В лице Кондорсэ мы видим одного из лучших и последовательных представителей идеологии прогрессивной буржуазии конца XVIII в. В Конвенте, где он был вице-президентом, Кондорсэ, не примыкая ни к какой определенной партии, ближе всего стоял к жирондистам. Он очень резко выступил против казни короля. Будучи членом комиссии по выработке конституции, он составил вве-

дение к этой конституции, в котором развернул свою программу. Это введение было отвергнуто якобинским большинством комиссии. Тогда Кондорсэ выступил в печати с протестом против якобинской конституции, за что был обвинен в агитации против республики и приговорен к смертной казни. После этого он некоторое время скрывался, но затем был арестован и в 1794 г., находясь в заключении, отравился.

Во время пребывания на нелегальном положении Кондорсэ написал свое знаменитое сочинение «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»⁹, в котором чрезвычайно последовательно и убедительно изложил буржуазную теорию прогресса. Он является ярким представителем оптимистических настроений шедшей к победе французской буржуазии конца XVIII в. Личные переживания, которые были связаны с его осуждением и с необходимостью скрываться и т. д., не придали его взглядам горьких пессимистических черт. В основе его работы лежит идея о способности человека по самой своей природе к бесконечному совершенствованию. В соответствии с этим первой и основной задачей самих людей является содействие этому беспредельному совершенствованию. Кондорсэ думает, что ниспровержение феодально-монархического строя во Франции есть важнейший этап этого прогресса общества. Для него представление о росте наук и знаний, в чем он видит главное содержание прогресса, тесно связывается с представлением о росте политической свободы. Движение вперед ускоряется, по мнению Кондорсэ, общением между людьми и развитием знаний и техники. Прогресс — основное содержание истории. Но Кондорсэ не представляет себе общество как нечто органически целое. Этот взгляд, как мы видели, был вообще характерен для буржуазного мировоззрения той эпохи. Весь смысл прогресса поэтому он видит в развитии отдельной личности. Он говорит, что прогресс общества «подчинен тем же общим законам, которые наблюдаются в развитии наших индивидуальных способностей, ибо он является результатом этого развития, наблюдаемого одновременно у большого числа индивидов, соединенных в общество»¹⁰. Для него прогрессирующее общество есть лишь сумма развивающихся личностей. С его точки зрения, прогресс задерживается главным образом предрассудками — местными, сословными и т. д. Развитие свободы политической и свободы умственной — необходимое условие прогресса. Таким образом, интеллектуальный и социальный прогресс у Кондорсэ тесно связаны между собой, но второй зависит от первого.

На основе этого чисто рационалистического мировоззрения Кондорсэ дал широкую картину всемирной истории. Не называя Руссо по имени, он все время с ним полемизирует, возражая против основной мысли Руссо о том, что культура, наука, знания — все это лишь старость человечества, что это неизбежное зло. Кондорсэ же утверждает, что наука не губит лучших свойств человеческой природы, а, наоборот, их развивает.

Как и большинство просветителей XVIII в., Кондорсэ глубоко враждебно относится к религии. С его точки зрения, религия не играет никакой роли в прогрессе или играет только отрицательную, задерживающую роль. Мистицизм всегда только помрачал сознание людей. Христианство, между прочим, было одной из причин гибели античной культуры, потому что оно принесло презрение к наукам. Основным двига-

⁹ M. J. Condorcet. Esquisse d'une tableau historique de progrès de l'esprit humain. Paris, 1933; Ж. А. Кондорсэ. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Соцгиз, М., 1936. (В дальнейшем: Уж. соч.)

¹⁰ Ж. А. Кондорсэ. Уж. соч., стр. 4—5.

телем истории человечества, по мнению Кондорсэ, является развитие наук. Именно развитие наук, знаний, человеческого ума и представляет собой основу деления на общественные классы. Знающие, просвещенные люди по праву господствуют над другими. Однако Кондорсэ отмечает, что остатком такого класса людей, у которого было больше знаний, является, например, и духовенство, которое задерживает общее развитие. Жрецы и раньше были носителями неполной, лживой науки, таковыми они и остались, став к тому же орудием деспотизма. Начало распространения истинного знания было началом освобождения человечества.

Для Кондорсэ важнейшими этапами в прогрессе человечества являются такие крупнейшие мыслители, как Сократ, Декарт, и такие величайшие изобретения, как компас, книгопечатание и пр. Особенно он подчеркивает роль книгопечатания, а в более позднее время — такие моменты, как успехи астрономии, индустриальной техники, математики. В общем, если мы всмотримся в построения Кондорсэ, то увидим, что для него смысл истории сосредоточивается в основном на истории просвещенной, мыслящей верхушки, которая является активным двигателем прогресса. Что касается массы, то она представляет собой нечто пассивно воспринимающее это просвещение. В дальнейшем Кондорсэ рисует постепенное приобщение этой массы к просвещению, но, в общем, в истории как действующий фактор выступает именно интеллектуальная верхушка, а масса является лишь пассивно воспринимающей средой.

С этой точки зрения ход исторического развития представляется Кондорсэ очень упрощенно, как развитие просвещения, наук. Прогресс, по его мнению, не является непрерывным, так как его задерживают предрассудки и заблуждения. Но все-таки он продолжается, хотя, может быть, с некоторыми задержками и возвращениями назад.

С этой точки зрения Кондорсэ делит историю человечества на 10 периодов, или эпох.

Первая эпоха — когда люди объединяются в племена. Это — начало общества. Никаких сведений об этом периоде не сохранилось. Эта эпоха может быть сконструирована только гипотетически. Кондорсэ делает попытку построения возникновения человеческого общества в стиле рационалистов, заранее оговариваясь, что это — исключительно гипотеза.

Второй период — эпоха перехода к земледелию.

Третий период — период развития земледельческих народов до изобретения алфавитного письма. Такая периодизация истории характерна для общего рационалистического мышления Кондорсэ. Для третьего периода он подчеркивает именно изобретение алфавитного письма, ибо письмо идеографическое, письмо путем рисунка, было изобретено еще в первый период.

Четвертый период — период прогресса человеческого разума в Греции до момента разделения наук. Кондорсэ думает, что сначала разделения наук не было и каждый философ был представителем всего знания в его совокупности. Но постепенное развитие наук привело к специализации. Кондорсэ считает, что эта специализация относится к эпохе Александра Македонского. Появление великих греческих философов в этот период Кондорсэ отмечает как важнейший этап в истории человечества. Как одно из важнейших событий он отмечает смерть Сократа: это было первое преступление, отметившее ту войну между философией и суеверием, которая продолжается еще и теперь. История как борьба

между философией и суеверием — это одна из наиболее важных частей той общей картины развития человечества, которую хочет дать Кондорсэ. Жрецы всегда боялись, что философы разоблачат их лженауку, и вели против них ожесточенную борьбу. Основное содержание четвертого периода и характеризуется развитием наук и разделением их. Особенно подчеркивает Кондорсэ большую роль Аристотеля в развитии наук.

Пятый период — эпоха от разделения наук в Древней Греции до их упадка. Здесь рассматривается история античного мира до падения Римской империи, которое, с точки зрения Кондорсэ, было одновременно торжеством невежества и христианства. Христианство было той религией, которая подходила к этому времени упадка и несчастья. Кондорсэ рисует героическую фигуру Юлиана Отступника, который хотел освободить империю от такого бедствия, как христианство. Но в то же время он упрекает Юлиана за его приверженность к старинным суеверным культам. Кондорсэ подчеркивает, что презрение к человеческим знаниям, особенно к знанию природы, было одной из первых отличительных особенностей христианства. Познание природы всегда было для христианства подозрительно и ненавистно. Просвещение в античном мире было слишком мало развито, и поэтому после падения Римской империи мрак, варварство и невежество восторжествовали в Европе.

Шестая эпоха, по Кондорсэ, — период от упадка просвещения до его восстановления ко времени крестовых походов, которым он придает важное значение в умственной истории европейских народов. Характерная черта этой эпохи — быстрый упадок человеческого духа, или разума¹¹, с той высоты, на которую он поднялся в античном мире. Это эпоха торжества невежества, дикости, жестокости, продажности, вероломства. Для изображения средних веков Кондорсэ не жалеет темных красок, мрачных эпитетов. Это время богословских бредней, суеверий, нетерпимости. «Европа, сдавленная между тиранией духовенства и военным деспотизмом, вся в крови и слезах, ждет момента, когда новое просвещение позволит ей возродиться к свободе, гуманизму и добродетелям»¹², — пишет он.

Кондорсэ делит средневековый мир на две части — Запад и Восток. Судьба их различна. На Западе упадок культуры был сначала более полным, чем на Востоке. Но затем на Западе вновь возрождается разум, чтобы более не угасать, на Востоке же, в Византийской империи, где это угасание шло медленно и постепенно, разум и знание никогда больше не возродились.

Однако Кондорсэ отмечает и известные зародыши прогресса в средние века. Прежде всего он отмечает такой момент, как исчезновение рабства, наличие которого обесчестило Древнюю Грецию, и замену его крепостничеством. Это было важнейшее событие в истории человечества, которое должно было со временем принести свободу. Говоря о прогрессивном значении крепостничества по сравнению с рабством, Кондорсэ тут же замечает, что в первое время это была лишь незначительная перемена.

Варварские завоевания повергли весь Запад в анархию, во время которой народ страдал от тройной тирании — королей, военных вождей и попов. Но уже эта анархия носила в себе некоторые зародыши свободы.

Кондорсэ очень внимательно останавливается на истории арабов. Роль арабов в истории западноевропейской культуры была ему так же

¹¹ Слово «esprit» может иметь и то, и другое значение. (Прим. ред.)

¹² Ж. А. Кондорсэ. Уж. соч., стр. 100—101.

ясна, как и Вольтеру. Он много говорит о роли Мухаммеда. По мнению Кондорсэ, Мухаммед являлся одновременно законодателем, пророком, верховным жрецом, судьей и полководцем. У него в руках были все средства для подчинения людей. Он использовал их с умением и величием. Энтузиазм, который он сообщил своему народу, изменил положение трех частей света.

Конечно, Кондорсэ здесь идеализирует фигуру Мухаммеда, считая его основными целями, цели политические, а не религиозные, и полагая, что главной его задачей было объединение арабских племен, создание единого государства.

Самыми привлекательными красками Кондорсэ рисует культуру арабов. Науки у них были свободны, и это позволило им раздуть ту искру, которую они унаследовали от Греции. Правда, скоро эти свободные науки были уничтожены деспотизмом религии, но еще до этого времени арабы успели передать свою науку на Запад, особенно в Испанию.

Напротив, самыми мрачными чертами рисует Кондорсэ роль папства в средние века. Он говорит, что папы господствовали над невежественными умами при помощи грубо сочиненных фальшивых актов, вмешивали религию во все гражданские дела, чтобы добиться господства. При помощи армии монахов они поддерживали суеверия и фанатизм, вызывали смуты и во имя божие предписывали измену, клятвопреступления и отцеубийства. Симпатию в области религии вызывают у Кондорсэ только ереси.

Седьмая эпоха — время от первых успехов наук, после их восстановления на Западе, до изобретения книгопечатания. Здесь Кондорсэ говорит о развитии ересей, о подъеме литературы, о раннем Возрождении. Все эти явления он в значительной степени приписывает крестовым походам, которые способствовали знакомству европейцев с восточной культурой, что и двинуло вперед их просвещение.

Восьмая эпоха носит такое название: «От изобретения книгопечатания до того времени, когда наука и философия страхнули иго авторитета». Изобретению книгопечатания Кондорсэ придает огромное значение в истории человечества. Новый период в истории начинается именно с изобретения книгопечатания. Это изобретение дает возможность в корне пресекать различные древние заблуждения и искоренять их, распространять успехи человеческого разума, подвергая каждый вопрос обсуждению. Главной заслугой книгопечатания, с точки зрения Кондорсэ, является то, что оно освободило образование от всяких политических и религиозных пут.

Это, конечно, идеализированное представление. Книгопечатание часто оказывалось орудием и обратных тенденций, но Кондорсэ кажется, что как бы ни давил деспотизм, книгопечатание всегда дает возможность проникнуть истине, всегда найдется уголок на земном шаре, где есть возможность свободно печатать книги, а следовательно, они могут быть доставлены в те страны, где господствует деспотизм. Примером этого была сама Франция XVIII в. Книги французских авторов зачастую печатались в Голландии и Швейцарии и оттуда ввозились во Францию. Невозможно истребить книгу, говорил Кондорсэ, которая напечатана в тысячах экземпляров, и человеческая мысль, заключенная в напечатанной книге, не может пропасть, как пропали творения многих мудрых людей древности и средних веков.

В картине, которую рисует Кондорсэ, изобретение книгопечатания почти совпадает с двумя другими фактами огромной исторической важ-

ности. Это взятие Константинополя турками и великие географические открытия. Но и эти события интересуют Кондорсэ главным образом с точки зрения распространения наук. Не они определяют для него начало новой эпохи. Для него важно главным образом то, что после взятия Константинополя турками греческие ученые переселились в Европу и занесли туда греческую науку.

Рисуя великие географические открытия как один из важнейших этапов в развитии человеческого прогресса, восхваляя благородную любознательность и дух беспокойства первых великих путешественников, Кондорсэ в то же время с ужасом и отвращением пишет о тех жестокостях, которыми сопровождался захват новых земель испанскими и португальскими колонизаторами, об их ненасытной жажде крови, жадности, суевериях. Кондорсэ говорит, что люди всех рас, климатов и наций — братья и что гибель 5 миллионов людей в колониях не может быть ничем оправдана.

Переходя к периоду реформации, Кондорсэ отмечает тот дух нетерпимости, который, по его мнению, запятнал все религиозные секты без исключения, и ту страшную борьбу с наукой, которую ведет религия всех сортов. Он говорит, что эта эпоха больше, чем какая бы то ни было другая, запятнана страшными жестокостями. Это эпоха религиозной резни, священных войн, истребления людей в Новом Свете. Это время страшной жестокости торгашей-колонизаторов, время фанатизма и костров, на которых сжигаются лучшие люди, но в то же время это и время первых великих побед истинной науки. Он отмечает великие имена этого периода — Бэкона, Галилея, Декарта. С Декарта Кондорсэ начинает новую эпоху — девятую, которая продолжается до Французской республики. В эту эпоху уже начинают приносить свои плоды постепенное ослабление предрассудков и общий прогресс просвещения. Кондорсэ характеризует здесь то мировоззрение, или ту философию, которая потом получает название философии Просвещения.

Как важный этап в росте и развитии человеческой мысли Кондорсэ отмечает идею общественного договора, который, с его точки зрения, должен гарантировать каждому человеку наибольшую свободу индивидуального развития. Каждый, развивая свою собственную личность, служит интересам целого. Это — идея буржуазного индивидуализма, которая получила широкое распространение в буржуазной идеологии XIX в.

Кондорсэ указывал, что хотя великим просветителям XVIII в. приходилось часто быть полукроткими, сдержанными в борьбе с религией и деспотизмом, но их лозунгами всегда были разум, терпимость и гуманность. Наконец, говорит Кондорсэ, было создано новое учение, которое нанесло последний удар пошатнувшемуся зданию предрассудков. Это учение физиократов и учение о беспредельном совершенствовании человеческого рода, первыми апостолами которого были Тюрго и другие физиократы. Это учение открывает десятую эпоху.

В девятую эпоху, одновременно с ростом освобождения разума, Кондорсэ отмечает начавшееся политическое освобождение человечества. Он останавливается на американской войне за независимость и переходит к французской революции. Очерк этой эпохи он заканчивает изображением огромного прогресса точных знаний, которым он придает огромное общественное значение. Он говорит: «Все заблуждения в области политики и морали покоятся на философских заблуждениях, которые, в свою очередь, связаны с заблуждениями в области физики. Нет ни одной религиозной системы, ни одной сверхъестественной неле-

пости, которые не основывались бы на незнании законов природы»¹³. Но прогресс уже сделал большие успехи и так укоренился в разных нациях, так укрепился благодаря книгопечатанию, средствам сообщения и т. д., что нет оснований бояться за него в дальнейшем. Но это еще не значит, что в девятую эпоху прогресс человечества достиг своих целей. Многое сделано для знаний человека, но почти ничего не сделано для его счастья. Все еще черная тьма покрывает значительную часть горизонта. Еще слишком много, по мнению Кондорсэ, остается глупости, варварства, рабства. (Горькие нотки, звучащие здесь, может быть, связаны с его личной судьбой.) Кондорсэ заканчивает описание этого периода таким образом: «Друг человечества может вкушать удовольствие без помех, только предаваясь сладким надеждам на будущее»¹⁴.

Этим мечтам о будущем посвящен очерк десятой эпохи, названный «О будущем прогрессе человеческого разума».

От будущего Кондорсэ прежде всего ждет разрушения неравенства между нациями, затем прогресса равенства внутри отдельных наций и, наконец, действительного усовершенствования человечества.

Что значит прогресс равенства внутри наций? Под этим он понимает прежде всего смягчение неравенства, которое, по его мнению, создается образованием. Неравенство должно быть сглажено путем распространения просвещения. Но Кондорсэ не представляет себе полного равенства. Он думает, что всегда будет существовать известная часть людей, которые находятся на вершине знаний, на вершине умственного развития, между тем как массе в целом придется довольствоваться более упрощенной наукой, известной популяризацией знаний тех людей, которые одни могут двигать эти знания вперед. Таким образом, Кондорсэ не имеет в виду полного равенства. Он говорит лишь о некотором прогрессе и развитии в направлении равенства. Неравенство стирается до известной степени, но не окончательно. С точки зрения Кондорсэ, такое неравенство, наличие группы, стоящей на вершине знаний, необходимо для того, чтобы двигать науку вперед.

Кондорсэ говорит и о прогрессе имущественного равенства. Но и здесь он не имеет в виду полного равенства, а лишь возможное, относительное равенство в определенных границах. Он не допускает мысли об уничтожении частной собственности, полагая, что частная собственность должна быть сохранена. В этом вопросе он стоит на чисто буржуазной точке зрения. Правда, Кондорсэ предполагает, что собственность должна постепенно уравниваться и что в будущем обществе между людьми не должно быть тех резких различий в вопросах собственности, которые существуют в его время. Это будет достигнуто путем уничтожения всякого рода привилегий, которыми пользуется крупная, в частности земельная, собственность. По мнению Кондорсэ, отмена феодальной собственности должна привести к тому, что люди в имущественном отношении не будут так неравны, как раньше. При этом ему рисуется определенная политика мудрых законодателей, которая вводит известные ограничения собственности. На крупную собственность накладываются более тяжелые общественные обязанности. В частности, он говорит о возможности введения подоходно-прогрессивного налога, который тоже должен содействовать уравниванию имущества. В будущем обществе, по мнению Кондорсэ, должны установиться идеальные условия для развития человеческой личности. «Настанет, таким образом, момент,— говорит он,—

¹³ Ж. А. Кондорсэ. Ук. соч., стр. 208—209.

¹⁴ Там же, стр. 216.

когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума; когда тираны и рабы, священники и их глупые или лицемерные орудия будут существовать только в истории и на театральных сценах»¹⁵. В этом новом обществе, как полагает Кондорсэ, будут созданы неограниченные возможности для развития человеческих знаний.

Кроме этого общего наброска Кондорсэ дал еще некоторые отрывки, где он более подробно разрабатывает отдельные главы своей незаконченной работы. Для нас в этой связи представляет особый интерес последняя часть его труда под названием «Атлантида или соединенные усилия человеческого рода для прогресса наук». Здесь Кондорсэ рисует целую программу того прогресса, который ожидает человечество в будущем. Ему представляется колонизация диких материков, грандиозное развитие средств сообщения. Вместо правительства во главе общества стоит какая-то академия, средоточие лучших умов и представителей передовых идей. Под руководством этой академии совершаются новые шаги по пути прогресса.

Кондорсэ мечтает о распространении единого языка, особого, отвлеченного языка науки и мысли, который может существовать и развиваться рядом со старыми языками.

Он говорит, что границы между народами должны быть стерты, все человечество должно образовать единую республику, которой будут руководить ученые. Для масс должна существовать широкая система всеобщего образования, но при этом он повторяет, что для масс должна быть упрощенная наука. Ученые должны создать условия, при которых исчезнут все бедствия современности. Будут устранены социальные бедствия. Подвергнется переделке вся природа человечества, психическая и физическая, исчезнут все болезни и физические страдания, всякие дурные страсти, разрушающие человеческую психику, и останется одна всепоглощающая страсть к знанию.

Так рисует себе Кондорсэ эту десятую эпоху в развитии человечества, которая открывается идеями физиократов, идеями бесконечного совершенствования человечества и ниспровержением монархии во Франции.

Конечно, сам Кондорсэ не сознавал классовой буржуазной природы своих идей и того общества, будущее которого он старался нарисовать. В идеях Кондорсэ отразился бурный расцвет буржуазной идеологии, вера буржуазии в себя и в свое будущее. В его взглядах мы находим все лучшее, что смогла создать буржуазная политическая мысль в эпоху, когда буржуазия была еще прогрессивным классом. Его идеи нашли отражение и развитие в представлениях лучших буржуазных мыслителей XIX в. Но при всей прогрессивности идей Кондорсэ они во многом утопичны и внутренне порочны.

Прежде всего бросается в глаза идеалистическое построение его концепции. Для Кондорсэ главным двигателем прогресса является развитие знаний. Кондорсэ не понимал классового характера всякой идеологии, не мог знать и предвидеть, что буржуазия не сможет быть последовательным носителем его идеалов, выдвинутых на определенной стадии развития буржуазии как класса. Он не умел отличить буржуазию от народа, проигнорировать ее интересы интересам народа. Ему казалось, что свобода личной деятельности ведет к всеобщему счастью. Эта идея полного совпадения интересов личности с интересами общества

¹⁵ Ж. А. Кондорсэ. Ук. соч., стр. 227.

при буржуазном строе, конечно, является совершенно порочной и утилитарной. По существу — это идея благотельной конкуренции, которую выдвигает школа буржуазного утилитаризма, но которая, как мы знаем, ведет не к благу человечества, а лишь к благу сильных и преуспевающих. Кондорсэ думал, что ликвидация феодальных привилегий и создание свободного государства приведут к ограничению имущественного неравенства даже без уничтожения основ буржуазного общества и частной собственности.

История показала всю несостоятельность подобного рода иллюзий. Буржуазия очень скоро выявила свое лицо эксплуататорского класса, показала, что в ее развитии заложены тенденции не к равенству, а, наоборот, ко все возрастающему неравенству и обнищанию трудящихся масс. Буржуазия, наконец, обнаружила в своем дальнейшем историческом развитии, что из последовательной носительницы прогресса, какой она являлась на ранних стадиях своей истории, она в конце концов неизбежно превращается в злейшего врага всякого прогресса. Вместо провозглашенных Кондорсэ идеалов равенства наций, равенства внутри наций и совершенствования человечества вырождающаяся буржуазия эпохи империализма провозгласила неравенство людей законом природы и дошла до человеконенавистнической теории неравноценности народов и рас, до идеологии неприкрытого зверства. Кондорсэ не мог этого предвидеть, как не мог он предвидеть той страшной борьбы, в которой обездоленные классы возьмут знамя человеческого прогресса и понесут его к победе на гораздо более широкой основе, чем та, которая рисовалась ему даже в его фантазиях.

При всех совершенно ясных для нас недостатках построений Кондорсэ, при всем его идеализме, при всей доказанности историей ошибочности тех надежд, которые он возлагал на развитие общества, основанного на частной собственности, мы все же можем видеть в нем одного из благородных мыслителей прогрессивного человечества. Мироззрение Кондорсэ — это вершина прогрессивной буржуазной идеологии той эпохи, когда буржуазия в борьбе с феодализмом сама являлась еще классом прогрессивным.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В АНГЛИИ

Подъем буржуазной идеологии, связанный с началом французской революции 1789 г., сделал Францию передовой страной в развитии буржуазной общественной мысли XVIII в. Французский рационализм сам уходил корнями в рационалистическое мировоззрение тех стран, которые раньше пережили буржуазные революции. Мы видели, что в XVII в. Англия и Голландия шли впереди Франции в развитии буржуазной идеологии. Но в XVIII в. становится очевидным растущее влияние предреволюционного подъема буржуазной идеологии Франции на общественно-политическую мысль стран более ранней буржуазной культуры. Еще заметнее это влияние сказывается на отсталых странах Европы, в частности на Германии.

На английскую историографию XVIII в. очень сильное влияние оказала французская историография, в частности Вольтер и его исторические произведения, особенно его «Век Людовика XIV». Влияние идей Вольтера, его борьбы с религиозными предрассудками, с церковью не трудно заметить во взглядах многих английских историков в XVIII в. Однако хотя они как будто разделяли те же идеи, но у них была совершенно другая общая настроенность. Для идейной жизни Франции XVIII в. были характерны увлечение, порыв, сокрушительная критика, можно сказать, вихрь идей, которые невольно захватывают и увлекают. В Англии же в это время царили покой, самодовольство и наслаждение достигнутым. Английская буржуазия и обуржуазившаяся аристократия победили феодализм, и «жирные» виги в это время спокойно сидели в удобных креслах, предоставленных им английской конституцией, у них уже была та «свобода», к которой так страстно стремились во Франции, хотя это была свобода только «для себя», у них уже была буржуазная конституция, которую они считали лучшей в мире, их хлопчатобумажные ткани и сукна завоевывали весь мир, у них был непобедимый флот, колонии. Кроме того, в процессе промышленного переворота новые классовые противоречия между рабочим классом и буржуазией выступали все яснее. Поэтому в Англии буржуазия в XVIII в. уже утратила свою революционность, ее героический период борьбы с феодализмом был в прошлом. Английская буржуазия и аристократия в XVIII в. уже научились не замечать страданий угнетенных, они отгородились стеной самодовольства и чванства от всего, что так еще тревожило предреволюционную французскую буржуазию.

Поэтому и в произведениях английских буржуазных историков XVIII в. преобладает спокойный, самодовольный тон. При этом их подход к истории обычно гораздо поверхностнее: им незачем углубляться в исторические вопросы, а то можно еще натолкнуться на что-нибудь неприятное, увидеть что-нибудь такое, что может подорвать их самоуверенность и самодовольство.

У английских историков эпохи Просвещения, пожалуй, больше эрудиции, больше основательности в изложении фактов, чем у большинства французских историков XVIII в., в частности у Вольтера или Кондорсе, но они не увлекают читателя и кажутся скучными и плоскими. Английские историки предпочитают рассказ анализу, они повествуют занимательно, прагматически, но довольно бесцветно. У них в большей степени сохранились старинные приемы исторического изложения, от которых совершенно отказался Вольтер в «Опытах», не говоря уже о Кондорсе. Они стремятся придать истории занимательный характер, наполняют ее всякого рода занятными анекдотами, риторическими украшениями. В этом отношении у них сильна еще гуманистическая традиция. Из истории они желают извлечь поучение, которое не нарушало бы их спокойствия, но вместе с тем давало бы и удовольствие.

Типичным представителем этого рода историографии был знаменитый философ-агностик Давид Юм (1711—1776), который в то же время был одним из известнейших английских историков¹. Его главное историческое произведение — «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г.»². Это сочинение печаталось частями, начиная от 1754 до 1761 г. При этом Юм начал печатание этой «Истории» с конца, с последней эпохи, т. е. с эпохи Стюартов. Потом она была издана целиком в 1763 г. Ряд других историков писал продолжение истории Юма. Обычно все новые издания печатались с продолжением, написанным современником Юма Смоллеттом, который довел изложение до 1760 г.

Имя Юма известно как имя одного из крупнейших философов XVIII в. Он долго жил во Франции, был знаком с виднейшими представителями французского Просвещения, испытал непосредственное влияние Вольтера. В частности, на него оказал влияние «Век Людовика XIV» Вольтера.

Надо сказать, что Юм, этот бесстрастный скептик и агностик в философии и религии, который отрицал достоверность опыта, существование бога, отрицал душу как субстанцию, свободу воли и причинность, — в политике был монархистом, убежденным поклонником английской аристократической конституции. Он был умеренным тори, так что правые виги в значительной степени могли считать его своим, поскольку между ними не было резко выраженной грани. Как консерватор он не подвергался нападкам со стороны церкви. Церковь простила ему многое из его вольнодумных выхонок. У него были кое-какие неприятности из-за религиозных вопросов, но не такие, чтобы испортить ему жизнь.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» сочувственно цитирует слова, сказанные впоследствии Коббетом, который говорил, что Юм «был огромным толстяком, откормленным в значительной степени на общественные средства, никогда не заслужив этого какой-нибудь действительно общественной службой»³. Маркс использовал работу Юма в «Хронологических выписках», но не столько для того, чтобы следовать его изложению,

¹ Давид Юм был по происхождению шотландцем. (Прич. ред.)

² D. Hume. The history of England from invasion of Julius Caesar to the revolution of 1688, vol. 1—8. London, 1786.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 252.

сколько для того, чтобы полемизировать с ним в его оценке английской реформации.

Поражает необычайная широта интересов Юма, исключительно широкий диапазон его знаний. Я не буду подробно останавливаться на его философских идеалах. Из них наиболее интересна его теория утилитаризма, согласно которой целью морали является создание счастья возможно большего количества людей. Как будто бы великолепная идея, но в сущности она являлась у Юма лишь прикрытием другой, чисто буржуазной, идеи о том, что каждый человек, преследуя свои эгоистические цели, содействует благу других. Эту мысль мы встречали у Кондорсе, но у него она выражена в совершенно другой эмоциональной тональности.

Юм отрицает связь морали с религией. Для него религия всегда безразлична. В этом взгляде отразилась идеология буржуазии XVIII в., которая, по словам основоположников марксизма, «в ледяной воде эгоистического расчета потопила... священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности»⁴.

Юм был также и экономистом. Он был противником меркантилизма, проповедником свободной торговли, хотя с рядом оговорок. Ф. Энгельс, подвергший в «Анти-Дюринге» критике его экономические взгляды, называет их почтенными, но совершенно неоригинальными, отнюдь не составляющими эпохи, как думал Дюринг. Энгельса возмущала идея Юма о том, что национальное богатство возможно только на почве нужды широких классов населения, что только народная нужда, которая заставляет эти классы населения усиленно работать для своего пропитания, «не повышая цены своего труда», может создать основу для национального богатства⁵.

Энгельс объясняет влияние экономических очерков Юма на тогдашние образованные круги тем, что «они являлись прогрессивно-оптимистическим дифирамбом расцветавшим тогда промышленности и торговле, другими словами, были прославлением быстро развивавшегося тогда в Англии капиталистического общества...»⁶.

Для Юма история не столько поучение, сколько, скорее, развлечение философского ума, который желает отдохнуть, созерцая превратности человеческой страсти и стремлений. История не имеет для него ни политической, ни социальной ценности, какую она имела для французских просветителей. Юму не приходилось искать лучшей формы политического устройства; эта форма, по его мнению, уже найдена в английской конституции. У него было, может быть, некоторое сочувствие к просвещенному абсолютизму, который он связывал со Стюартами, но еще больше мы видим у него симпатии к «просвещенной аристократии», господство которой он наблюдал в современной ему Англии.

Основная историческая работа Юма, как мы видели, посвящена только Англии. В ней он не поднялся до той всемирно-исторической точки зрения, которая господствовала в работах французских просветителей. Самое представление о движущих силах в истории у Юма гораздо более поверхностное, чем у французских историков XVIII в. Он совсем не придавал значения экономике в истории, хотя и являлся специалистом в вопросах политической экономии. Для него история есть поле деятельности, на котором отдельные личности добиваются осуществле-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 426.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 248—251.

⁶ Там же, стр. 250.

ния сознательно поставленных целей, или, лучше сказать, действуют на основании точных расчетов. Очень мало интересуют Юма и такие вопросы, как развитие культуры, наук и искусств.

История Англии Юма может быть разделена на три части. Слабее всего написана первая часть, посвященная истории средних веков, которая его меньше всего интересует, как время бесправия и беззакония. Это отсутствие интереса еще усиливалось антипатией протестанта-англичанина и свободомыслящего человека, каким был Юм, к католицизму. Эта часть «Истории» Юма представляет собой очень поверхностное воспроизведение традиционных взглядов, которое время от времени прерывается выпадами против церкви, против варварства, но эти выпады настолько однообразны, что они быстро становятся скучными; они не убеждают, не волнуют, как выпады Вольтера. Никаких попыток исторической критики в этой части Юм не предпринимает.

Интереснее составлен у него следующий раздел — история эпохи Тюдоров, хотя и сюда он вносит сравнительно мало самостоятельного материала. Здесь важна его новая по сравнению с предшествующими историками мысль. Он выдвинул свою точку зрения на эпоху Тюдоров, которая потом делается господствующей в исторической литературе. Юм доказывал, что при Тюдорах никаких парламентских вольностей не допускалось, что при этой династии были установлены порядки, очень близкие к абсолютизму, были очень усилены королевские прерогативы. Поэтому, с точки зрения Юма, Стюарты не нарушили никаких народных прав, они только продолжали ту политику, которая до них проводилась в Англии. Они только защищали установившиеся традиции, а наступающей стороной, захватчиком, был именно парламент.

Для Юма характерно крайне отрицательное отношение к английской революции. Сильнее всего в его книге дана именно история Стюартов, но, как отмечал сам Юм, появление этой части вызвало негодование не только у виггов, но и у тори — они не могли примириться с тем, как он в сочувственных тонах изобразил политику Карла I и Страффорда.

Юм ненавидел религиозный фанатизм. В английской революции он видел только проявление духа пуританства и сектантства, которые считал образцом грубости, суеверий и невежества. Карл I ему гораздо симпатичнее пуритан, хотя он слегка порицал его за приверженность к епископальной системе церкви. Однако, по мнению Юма, Карл I допустил ряд неосторожностей; он должен был проводить свою политику с большим тактом. Но, конечно, революция вызвана не одними ошибками Карла. Чем же она вызвана? Юм отвечает на этот вопрос, как подобает стороннику идей Просвещения. По его мнению, вся эта смута, называемая революцией, вызвана религиозным фанатизмом, или, как он говорит, «богословской ненавистью». В его представлении вся английская революция произошла из-за разных глупостей: из-за обрядов, облачений, преклонения пред алтарем и т. д. Религиозное лицемерие, самомнение, мрачность и нетерпимость — вот что отличало сектантов эпохи революции и что наложило неизгладимый отпечаток на психологию всего английского народа. Верхом глупости, по мнению Юма, было индипендентство.

Он приписывает индипендентам покушение на основу всей культуры и цивилизации, стремление установить равенство состояний. Идеи левеллеров он тоже представляет себе очень неточно, хотя и отмечает, что у них было большое достоинство — религиозная свобода, религиозная терпимость. Юм горячо приветствовал реставрацию. Признавая, что

она не принесла с собой полного успокоения, он считал, что религиозное ожесточение, характерное для революции, при ней затихло.

Юм отрицательно относился к вигам и рисовал их чертами, которых они не заслужили. Он изображает их демократами, сторонниками неограниченной политической свободы, т. е. он принимает (или делает вид, что принимает) всерьез те лозунги, в которые виги сами не верили и которыми они лишь прикрывали свои классовые интересы.

Переворот 1688 г. он восхваляет, так как, по его мнению, он установил в Англии лучшую в мире конституцию, полную гарантию действительной политической свободы.

Общие выводы у Юма очень редки; если у него и есть какие-нибудь обобщения, то это, скорее, обобщения психологического характера в виде характеристик отдельных личностей. Юм следует старинным, традиционным формам изложения. История у него делится на отдельные царства, его интересует в первую очередь внешняя политика, история государей и министров, войны и дипломатия; он мало касается вопросов законодательства и права; у него очень много анекдотического и мало проверенного материала.

Черты, присущие Юму как историку, не менее характерны и для его младшего современника — шотландского историка Уильяма Робертсона (1721—1793).

Робертсон был пресвитерианским священником и профессором богословия в Эдинбурге. Хотя он и находился под влиянием критических идей Вольтера, особенно его «Опытов», но не был деистом, как Вольтер; он был настоящим конфессиональным христианином, для которого Христос являлся сыном божьим, а искупление грехов человеческих — историческим фактом.

Основные работы Робертсона — «История Шотландии»⁷, доведенная им до 1603 г., и «История царствования Карла V»⁸. Робертсон написал еще «Историю Америки», но эта работа осталась незаконченной. Сначала в ней излагалась только история испанских и португальских колоний, а затем была прибавлена история английских колоний.

В «Истории Карла V», изданной в Лондоне в 1769 г., наибольший интерес представляет введение; сама же история Карла V мало интересна. Это довольно поверхностное и беглое изложение материала источников, слабо связанное некоторыми политическими и психологическими суждениями автора, довольно неглубокими по своему содержанию. Во всяком случае эта история гораздо ниже работы Вольтера, посвященной истории Людовика XIV. Но введение, которое написано в подражание «Опытам» Вольтера, несомненно, представляет ценность. Оно излагает историю Европы от падения Римской империи до начала XVI в. — до времени Карла V. В этом введении в духе Вольтера проводится восхваление просвещенного абсолютизма как наиболее совершенной политической формы. Робертсон дает здесь стройную, буржуазную в своей основе, историческую концепцию о постепенном переходе от хаоса феодализма к политическому порядку монархии.

Робертсон в противоположность Юму под влиянием Вольтера пытался изложить историю ряда стран; у него — всеевропейская точка зрения. Самый выбор темы его работы о Карле V определялся тем, что со

⁷ W. Robertson. The History of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Ipswich, 1847.

⁸ W. Robertson. The History of the reign of Emperor Charles the fifth, vol. 1—2. London, 1854; У. Робертсон. История государства императора Карла V, тт. 1—3. М., 1859.

времени Карла V, как он считает, государства Западной Европы составляют единую политическую систему. Его интересует значение империи Карла V для истории Европы в целом.

Хотя Робертсон — мало оригинальный мыслитель, но его исторические взгляды были своего рода итогом историографии эпохи Просвещения в области изучения истории средних веков. Он выдвинул первую более или менее законченную концепцию истории средних веков, которая стала общепринятой схемой в буржуазной историографии конца XVIII — начала XIX в.

Робертсон полагал, что Римская империя являлась мировой державой, которая дала покоренным странам мир и относительное материальное благополучие, но она не создала благоприятных условий для улучшения или усовершенствования человеческого духа. Надо заметить, что термин «дух» — *esprit*, — который мы часто встречаем у Вольтера и Монтескье, имел в XVIII в. несколько другой оттенок, чем тот, который мы ему теперь придаем. Каждый термин имеет свою судьбу, каждая эпоха понимает его по-своему. Термин «*esprit*» означал в XVIII в. не столько дух, сколько, может быть, разум. Английское слово, которое ему соответствует, — «*mind*» — тоже чрезвычайно трудно перевести на русский язык, но скорее оно также означает разум, чем дух.

Итак, с точки зрения Робертсона, Римская империя не была благоприятна для развития человеческого «духа», или «разума» (*mind*), в развитии которого все просветители видели основное содержание истории. Робертсон отмечает засилье солдатчины, грабеж правительством провинций, тяжелые налоги, привычку к покорности. Все это подорвало прежний дух воинственности и независимости, отличавший римлян. Он говорит, что господство римлян, как и вообще господство всякой большой империи, унижало человеческий род. Робертсон отмечает также привычку к роскоши, изнеженность нравов, упадок экономики Римской империи накануне ее падения. Такое государство должно было пасть даже без всякого внешнего толчка. Вторжение варваров только ускорило это падение. Варвары победили римлян не численностью, а мужеством и воинственностью, воспитанной у них суровой родиной. От грабежа они перешли к переселению на территорию империи.

Варварские завоевания Робертсон называет великим переворотом. Это дало повод некоторым историкам думать, что Робертсон вообще вводит в историю понятие революционных переворотов, что он рисует себе историю в виде катастрофической смены отдельных ступеней.

По-моему, это ошибочное представление: термин «*great revolution*» («великий переворот») Робертсон использовал только применительно к варварским завоеваниям Римской империи; в дальнейшем изложении он избегает подчеркивать революционные моменты; в городах рост коммунальных вольностей он изображает как мирный процесс, умалчивает о крестьянских восстаниях. Переворот, связанный с варварскими завоеваниями, Робертсон рисует следующим образом.

Варвары подвергли Европу сильному разгрому и опустошению, опрокинули римскую культуру и установили новые формы правления, новые законы и обычаи; после завоевания появились новые костюмы, новые языки, новые личные имена и названия стран. Таким образом, Робертсону рисуется, что Римская империя, римская культура, весь римский уклад жизни были совершенно уничтожены варварским нашествием.

Из той анархии, которая была характерна для варваров-завоевателей, постепенно возникает новый порядок — феодальная система. Ро-

Робертсон правильно подмечает, что этот порядок является общим для всех европейских стран и объясняется одинаковостью условий жизни варваров как на родине, так и после завоевания Римской империи. Самое понятие о феодализме для него преимущественно связывается с политическими формами или даже с военной организацией феодального общества. С точки зрения Робертсона, феодализм возникает именно как военная организация для защиты от новых нападений. При этом каждый свободный воин должен был поступиться частью своей свободы для общего блага, ради организации общей защиты. Он получал землю на условии военной службы. Раздача земли королями создала систему феодальной иерархии. Это — чисто военная система. Как таковая она довольно совершенна, но в политическом отношении она, по мнению Робертсона, была несостоятельной, так как таила в себе элементы разложения. Политическая связь между отдельными феодальными владениями была очень слаба, усилилась анархия, не было необходимого равновесия между монархом и аристократией, что вело к постоянным столкновениям. Робертсон считал, что введение наследственности должностей и титулов во Франкском государстве создало независимую аристократию и привело к политическому распаду. В связи с этим падает авторитет королевской власти, усиливаются насилия и произвол, начинаются мелкие войны, наступает то, что он называет феодальной анархией. С этим связан глубокий упадок культуры. Христианство вырождается в суеверие; в то же время наблюдается и падение нравов, дух власти развращает знать, а иго рабства унижает народ. Таким образом, исчезают первобытные добродетели завоевателей и первобытная простота нравов, а те добродетели, которые создаются просвещением, еще не появились. Следовательно, эпоха феодализма — это царство жестокости, вероломства, мести и мелкой войны. Это состояние достигает своей вершины в XI в. Но с этого момента замечен уже поворот к прогрессу.

В этом процессе, по мнению Робертсона, важнейшую роль сыграли крестовые походы. Вполне в духе Вольтера он характеризует крестовые походы как памятник человеческого безумия и суеверия, но считает, что они имели ряд непредвиденных для их организаторов последствий. Они развили торговлю, привели Запад в соприкосновение с более культурно развитым Востоком. Взгляды европейцев стали шире, они избавились от предрассудков, в их головах зародились новые идеи, они почувствовали грубость своих нравов по сравнению с более культурными народами⁹.

Это культурное влияние Востока после крестовых походов начинает сказываться постепенно. Интересна мысль Робертсона, что непосредственным следствием крестовых походов было влияние их на распределение собственности, а тем самым и на власть. (Эта идея близка к представлениям Гаррингтона.) Крестоносцы продавали свои земли, а государи покупали их за бесценок. Затем, много баронов погибло во время крестовых походов, и королевская власть присоединяла их земли к своим владениям, используя ослабление феодального класса. Вообще длительное отсутствие баронов в Европе во время крестовых походов было бла-

⁹ Надо сказать, что просветители редко или почти никогда не употребляют термин «культурный». Они употребляют другие термины. Робертсон говорит: «более полированные» («polished»), или, точнее, «более цивилизованные», народы. Термин «культура» является термином немецкой историографии середины XIX в., но мы все-таки будем употреблять этот привычный нам термин. (Прим. автора.)

гоприятно для королевской власти и способствовало ее укреплению за счет влияния баронов. Большое значение, по мнению Робертсона, имели крестовые походы и для развития торговли.

В качестве другого важного момента в прогрессе, который начинается с XI в., Робертсон (один из первых историков) правильно отмечает развитие городов. Правда, в его изображении это развитие происходит гладко, без каких бы то ни было насильственных моментов. Отчасти это объясняется тем, что Робертсон — англичанин и имел в виду в первую очередь развитие английских городов. Эту концепцию истории английских городов он применил к Европе в целом, дав, таким образом, не совсем верное, сглаженное изображение этого важного социально-политического процесса. Рассказывая о развитии городских коммун и корпораций, о приобретении ими привилегий и муниципальной юрисдикции, он особенно подчеркивал, что короли покровительствовали горожанам, опираясь на них в своей борьбе с феодалами. Далее он говорит, что освобождение городов от крепостничества, приобретение ими разных привилегий, зарождение свободы в городах приводят к развитию промышленности и торговли (идеалистическая схема, в которой ход исторического процесса до известной степени перевернут). Вслед за тем города приобретают политическую силу; их участие в парламенте, в Генеральных штатах изменяет весь характер законов; теперь, как кажется буржуа Робертсону, законы принимаются ради всеобщего блага и свободы. Освобождение городов влечет за собой и освобождение сельского населения. О крестьянских восстаниях Робертсон не упоминает. Он больше подчеркивает мысль о том, что если крестьяне стремились к свободе, то и для сеньора это представляло известные выгоды. Робертсон в этой связи ссылается на знаменитый ордонанс Людовика X (1315), который толковался им совершенно неправильно, как акт полного освобождения крестьян в королевских доменах. Все эти новые явления, по мнению Робертсона, содействуют дальнейшему росту хозяйственной активности и богатства. В то же время усиление королевской власти приводит к установлению общественного порядка и юстиции. Запрещаются частные войны и судебные поединки, устанавливается апелляция к королевскому суду и все это ведет к падению феодальной юрисдикции. Он отмечает, что немало содействовали улучшению правосудия и смягчению нравов также развитие канонического права и особенно возрождение римского права.

В то же время развивался институт рыцарства, основанный, как ошибочно считал Робертсон, на доблести, храбрости и галантности не только в смысле утонченного обращения, но также и в смысле личного мужества и храбрости. Нравы меняются также с развитием наук и искусства. Латынь, правда, ограничивает изучение наук очень узким кругом лиц, но все же в ее распространении содержится фермент дальнейшего развития.

Особенно большое значение для смягчения нравов, по мнению Робертсона, имеет торговля. Тут его введение превращается в настоящий гимн торговле. Он пишет, что в период раннего средневековья, когда потребности человека были ограничены, отсутствие торговли крайне суживало развитие человеческого общества. Торговля расширяет потребности людей и их кругозор. Она уничтожает предрассудки, которые разъединяют нации, смягчает нравы народов, связывает их самыми крепкими узами — стремлением к взаимному удовлетворению потребностей. Наконец, торговля поддерживает мир. Когда торговля усиливается, появляется новый дух (*genius*) в политике, в союзах, в войнах, в международных отношениях. Такой гимн торговле вполне естествен в устах английского

буржуа XVIII в. Этим Робертсон заканчивает свой обзор истории средних веков, предпосланный его истории Карла V. В этом обзоре мы находим ряд мыслей, которые потом легли в основу общей концепции истории средних веков в буржуазной медиевистике.

Более крупным историком, чем Юм и Робертсон, был Эдуард Гиббон (1737—1794). Он приобрел славу историка своим знаменитым многотомным сочинением «История упадка и разрушения Римской империи»¹⁰, доведенным им до взятия Константинополя турками в 1453 г. Первое издание этого сочинения выходило в течение более десяти лет, с 1776 по 1788 г.

Гиббон — во многих отношениях интересная фигура. Это был человек очень холодный, равнодушный, но в то же время способный поддаваться чисто рассудочным увлечениям. Так, в молодости, прочитав «Всемирную историю» Боссюэ, он вдруг решил принять католичество и принял его, но родительской властью был возвращен обратно, в лоно англиканской церкви, и отправлен под надзор одного строгого пастыря в Швейцарию. Благодаря этому Гиббон хорошо ознакомился со Швейцарией, которая стала его второй родиной. Там он встретился с Вольтером и испытал его влияние. Затем у него был ряд других увлечений, не всегда легко объяснимых. Вдруг он поступил на военную службу, но не участвовал ни в одной войне, затем стал членом парламента, но ни разу там не выступал, потом оказался в министерстве колоний, но, по-видимому, и там тоже не проявил никакой активности.

Гиббон много путешествовал. На развалинах Рима ему пришла мысль написать историю падения Римской империи.

Его работа наделала очень много шума, потому что в ней он впервые трактовал вопрос о христианстве, о его зарождении и происхождении как специалист, научно для той эпохи. В этом главная причина успеха этой работы. Она вызвала одобрение одних и резкие нападки других. Но надо сказать, что трактовка христианства у Гиббона не очень глубока.

Гиббон был человеком вполне обеспеченным, и писал он для собственного удовольствия. Он спокойно работал на досуге, не волнуясь, не увлекаясь, интересуясь только своей литературной славой. Обладая большой эрудицией, он значительную часть источников прочел в латинском оригинале, поэтому его работа часто выглядит весьма убедительно. С греческим языком он был знаком хуже, и византийская часть его работы слабее, но все же он до сих пор ценится как византист, как автор одной из первых обобщающих работ в этой области. Свои основные взгляды, в частности свои антихристианские тенденции, он заимствовал главным образом у Вольтера, но они выражены у него гораздо менее резко и остро, чем у Вольтера. Он хуже Вольтера знает мир и людей, его критика христианства и его источников много тупее. Гиббон умеет критиковать церковных авторов, но перед античными писателями пасует. Стиль у него гладкий, правильный, но бесцветный, замечания банальные, психологический анализ поверхностен. Тем не менее это сочинение до сих пор не утратило известного научного значения, а в свое время оно произвело огромное впечатление. Гиббон стал самым модным историком своего времени.

В объяснении причин падения Римской империи Гиббон не пошел дальше Вольтера. Он видит их в религиозных раздорах, во враждебно-

¹⁰ E. Gibbon. The History of the decline and fall of the Roman Empire, vol. 1—7. London, 1896—1900; Э. Г и б б о н. История упадка и разрушения Римской империи, тт. 1—7. М., 1883—1886.

сти христианства ко всякой культуре, в его отвращении к гражданским доблестям, которые создали могущество Рима. Правда, он отмечает и другие причины падения Римской империи: ослабление воинского духа, влияние провинциалов с их рабской моралью, роскошь, падение нравов, гнет налогов, но дух христианства — это основное, что, по его мнению, вызвало падение Римской империи. Варвары только завершили это падение. Рим погиб бы и без них. Гиббон, таким образом, приходит к тем же выводам, что и Робертсон, но он не ограничивается вопросом падения Римской империи на Западе. Он рассматривает этот вопрос также применительно к Византийской империи, которую считает продолжением Римской империи. Идеи Гиббона по этому вопросу на многие годы дали тон всему дальнейшему освещению византийской истории в буржуазной историографии и отчасти оказывают на нее влияние и до сих пор. Гиббон рассматривал историю Византийской империи как историю продолжающегося упадка и окончательного падения Римской империи, затянувшегося на тысячелетие. Этим объясняется специфический подбор материала, который характерен для Гиббона, выискивающего в византийской истории только те явления, которые свидетельствуют об упадке.

Само изложение истории Византийской империи у Гиббона довольно поверхностное, хотя и занимательное. Оно изобилует всякого рода анекдотами, насмешками над теми явлениями византийской жизни, которые кажутся ему достойными осмеяния. Надо сказать, что вообще в его время, в XVIII в., в противоположность XVII в. византиноведение находилось в полном пренебрежении. Для рационалистов XVIII в., которые были враждебны к абсолютной монархии и религии, Византийская империя представляла собой лишь картины деспотизма и религиозного суеверия, ненавистные им в настоящем.

Вольтер считает историю Византии позором для человеческого духа, Монтескье отмечает в Византии лишь ряд восстаний и вероломств и удивляется, как столь испорченный государственный строй мог продержаться в течение тысячелетия. По мнению Монтескье, эта империя продолжала существовать так долго лишь благодаря случайному стечению особых причин. Такими причинами он считал: торговлю Константинополя и поселение в Придунайских провинциях варваров, которые заслонили империю от вторжений других варварских племен, а также слабость ее соседей и даже такое малозначительное обстоятельство, как изобретение греческого огня.

Таким образом, еще до Гиббона было создано представление о Византийской империи как об упадочном, застойном государстве, которое неизбежно шло к своей гибели. Гиббон в своей работе талантливо развил эту концепцию. Благодаря той исключительной популярности, которую приобрела его книга, эта картина истории Византии как истории постепенного упадка и разложения, с подчеркиванием в ней явлений застойности и косности, стала классической и до некоторой степени тяготеет над историей Византии и до настоящего времени.

Когда мы говорим о развитии английской историографии XVIII в., мы, конечно, не можем не остановиться на другой стороне развития общественной мысли в Англии, которая оказала сильнейшее влияние на дальнейшие судьбы буржуазной историографии. Я имею в виду развитие в Англии политической экономии, в частности влияние идей Адама Смита на историческую науку этого времени. Тут, собственно говоря, надо было бы вернуться несколько назад и сказать вообще о влиянии политэкономии на историческую мысль XVIII в.

Я уже касался этого момента, когда говорил о связи взглядов Кон-

дорсе с идеями физиократов. Экономические идеи физиократов — это первая концепция капиталистического способа производства, первая система политической экономии, выросшая из рационалистического учения о господстве известного естественного порядка в области экономики, который может быть открыт и объяснен наукой. Это учение оказало сильное влияние на дальнейшее развитие историографии, преимущественно в XIX в.

Основная идея физиократов — идея общего блага, которое может быть осуществлено при полной свободе действий естественных законов, при условии уничтожения всего того, что стесняет эту свободу. Эта идея, получившая дальнейшее развитие у одного из создателей буржуазной политической экономии — Адама Смита (1723—1790), как нельзя лучше отражала классовые чаяния европейской буржуазии XVIII в. Эта идея хозяйственной свободы, враждебности ко всякой опеке получила полное развитие в дальнейшем. Были провозглашены новые принципы экономической политики, которые стали принципами буржуазии.

Буржуазия этой эпохи решительно восставала против тех ограничений, которые феодальный строй накладывал на личность, в первую очередь против сословных привилегий, против крепостничества, против тех ограничений, которые в действия хозяйствующей единицы вносили всякого рода цеховые и корпоративные уставы. Экономическая система, которую проводил феодальный абсолютизм, система меркантилизма, тяжело отражалась на хозяйствующем индивидууме. Поэтому одним из основных требований растущей промышленной буржуазии был выдвинутый физиократами и наиболее полно обоснованный Адамом Смитом принцип свободы торговли и вообще личной инициативы. Фритредерский лозунг (*laissez faire*) — это требование личной свободы — вырастает в своего рода моральную, этическую догму, особенно в сочинениях английских писателей этого периода. Именно в Англии развитие промышленности особенно остро поставило вопрос о свободной торговле, об уничтожении всякого рода цеховых или государственных предписаний, тормозящих развитие личной инициативы, а также способных так или иначе тормозить и свободу эксплуатации. Практически этот принцип экономической свободы очень быстро превратился в принцип свободы эксплуатации, который и составлял по существу основное классовое содержание буржуазного требования полной личной свободы. Не случайно идея Адама Смита об эгоизме как основном двигателе человеческих поступков (правда, у него еще сильно смягченная) была затем возведена идеологами буржуазии в основной моральный принцип как в теории, так и на практике. Эта идея предустановленной гармонии между интересами личности и государства, совершенно нереальная в обществе, основанном на эксплуатации и конкуренции, оказала сильнейшее влияние на дальнейшее развитие историографии.

Я в нескольких словах остановлюсь на том выражении, которое это требование «личной свободы» получило в экономических и исторических воззрениях Адама Смита.

У Смита, в его знаменитом сочинении «Исследование о природе и причинах богатства народов»¹¹ (1776), с начала до конца проводится буржуазная идеология индивидуализма. В основе той моральной теории, которую развивает Адам Смит, лежит мысль о постоянном совпа-

¹¹ A. Smith. An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, vol. 1—2. London, 1904. А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, тт. 1—2. Соцэкгиз, М., 1931.

дении личных интересов с общественными. Преследуя свои личные интересы, индивидуум в то же время достигает высшего общественного блага. А. Смит говорит, что своего пропитания мы ждем не от доброго расположения мясника, пивовара или булочника, а от их заботы «о своих собственных интересах» и что мы обращаемся не к их человеколюбию, а «к их эгоизму». Мы никогда не говорим им о своих потребностях, а, напротив, об их выгодах. У такого лица вовсе нет намерения послужить общему благу, и оно даже не знает, в какой мере его деятельность может быть полезна обществу, и если такой человек пускает капитал в сферу национальной индустрии, то вовсе не из патриотизма: успех национальной индустрии он только потому предпочитает успеху иностранной, что имеет в виду для себя большую охрану и обеспеченность. Но, думая всюду о собственной выгоде, он в данном случае, как и во многих других, направляется «мановением невидимой руки» к достижению цели, которая вовсе не входит в его планы. И это не беда для общества. Добиваясь личного обогащения, люди часто гораздо лучше работают на благо общества, чем если бы они прямо искали этого блага¹².

Как мы видим, утверждение о совпадении личного блага с общественным облечено здесь в религиозно-мистическую форму. Смит говорит о «мановении невидимой руки», и это не просто описательное выражение или поэтический образ — у Смита имеется определенная религиозная идея о том, что бог (провидение) вкладывает в душу человека стремление к личному благу, приводя его в гармонию с общим благом. Таким образом, свобода хозяйственных интересов индивида, т. е. свобода торговли, фритред и в конце концов свобода эксплуатации предстают в теории Смита по существу как некие божественные атрибуты. Хотя сам он не делает последнего вывода из этой теории, но его сделали последователи А. Смита, утверждавшие, что чем больше будет богатеть буржуазия, тем лучше будет для всего общества.

На этой почве создается новая, чисто буржуазная мораль, которая во многом напоминает мораль кальвинизма. Кальвинист был убежден, что, работая для собственного обогащения, он творит дело, угодное богу. Это была мораль, характерная для буржуазии первых стадий первоначального накопления, преимущественно мораль торговца, купца. Теперь, в XVIII в., мораль буржуа-промышленника облекла в более рационалистическую форму теории естественного права — то, что кальвинизм принимал в религиозно-мистической форме. На деле же то, что выступает, как требование свободы личности, есть не что иное, как требование свободы конкуренции.

Для обоснования своих экономических теорий Адам Смит обращается к истории, в частности к истории средних веков. Третья книга его — «Исследования о природе и причинах богатства народов» — целиком посвящена вопросам экономического развития средневековой Европы. Высказанные в ней взгляды на историю представляют значительный интерес уже по одному тому, что А. Смит впервые в историографии специально заинтересовался экономической историей средних веков.

Вторая глава этой третьей книги А. Смита озаглавлена: «О препятствиях к развитию земледелия в древней Европе после падения Римской империи». Эта глава начинается с варварского, как он говорит, завоевания империи германскими и скифскими племенами. В наступившей смуте, продолжавшейся в течение ряда столетий, грабежи и насилия

¹² См. А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. I. Соцэкгиз, М., 1931, стр. 20—21.

варваров прекратили товарообмен между городом и деревней. Города обезлюдели, провинции, которые в Римской империи в значительной степени пользовались благосостоянием, погрузились в глубокую нищету и варварство. Так представляется Смигу начало средневековья. Он отмечает, что в это время вожди варваров захватывают большую часть земель, что положило начало крупной земельной собственности. Значительная часть земель, захваченных варварскими вождями, долгое время оставалась невозделанной, так как для обработки ее имелся ряд препятствий и прежде всего сам феодальный строй и господство крупного землевладения. По мнению А. Смита, земля в эту эпоху, как правило, становится источником власти и влияния, и поэтому ее не хотят делить. На раздел земли накладывается целый ряд ограничений, устанавливается право единонаследия.

Немедленно после варварского завоевания устанавливаются такие нормы земельного права, которые препятствуют разделению земли, способствуют ее сосредоточению в одних руках. Такой порядок, по мнению Смита, противоречит естественным правам человека, одним из которых он считает полную свободу распоряжения землей. В своем естественном развитии это право свободного распоряжения землей должно привести к разделению земли между возможно большим числом собственников. Но крупный землевладелец, который поглощен заботой об усилении своего политического влияния, мало тревожится вопросом о возделывании своей земли. Так же мало могли улучшить обработку земли и крестьяне, сидевшие на этой земле. На данном этапе все крестьяне были крепостными: хотя рабство их было более мягким, чем в античности или в колониях, но все же они мало могли заботиться об улучшении способа обработки земли, потому что они не были собственниками этой земли. Смит замечает по этому поводу, что «человек, не имеющий права приобрести решительно никакой собственности, может быть заинтересован только в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше»¹³. Поэтому крепостные крестьяне меньше всего могли заботиться об усовершенствовании земледельческой техники.

Затем место крепостных во всех странах Европы, в том числе и в Англии, заняли крестьяне-половники, обрабатывающие землю за часть урожая. Однако, по мнению Смита, половники тоже не особенно заботятся об усовершенствовании земледельческой техники, потому что земля, которую они обрабатывают, не является их собственностью, а также потому, что они отягощены огромными рентами в пользу помещика. Адам Смит отмечает, что тяжесть рент и налогов постоянно препятствует развитию земледельческой техники. Затем крестьян-половников постепенно начинают заменять фермеры английского типа, т. е. фермеры-капиталисты, которые вкладывают в землю определенный капитал. При этом А. Смит отмечает, что, чем больше положение фермеров приближается к положению собственников, тем более они склонны вкладывать свои капиталы в землю и содействовать усовершенствованию ее обработки.

Таким образом, Смит набрасывает схему аграрного развития Европы, преследуя определенную политико-экономическую задачу — выяснение условий, при которых обеспечивается возможно большая продуктивность сельского хозяйства, и приходит к выводу, что успешное развитие сельского хозяйства лучше всего достигается при системе ка-

¹³ А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов, т. 1, стр. 400.

питалистического фермерства. Другим условием успешного развития земледелия, по мнению Смита, является свобода хлебной торговли.

Третья глава третьей книги его «Исследования» озаглавлена так: «Возникновение и развитие городов после падения Римской империи». А. Смит полагает, что после падения Римской империи городская жизнь не прекращается, но значительно видоизменяется. В эпоху Римской империи в городах жили преимущественно землевладельцы, которые теперь живут в своих замках, в городах же живут представители угнетенного сословия — ремесленники и торговцы. Это приниженный слой, который также подчинен землевладельцам, как и крепостные, и несет в их пользу всевозможные повинности. Но для землевладельцев, и особенно для короля, удобно сдавать повинности городов на откуп самим же горожанам. Из этого вырастают начала свободы городской общины. Беря на откуп городские повинности, горожане постепенно освобождаются от крепостной зависимости и получают право самоуправления, которое носит сначала временный, а затем и постоянный характер: таким образом город становится свободным. Одновременно исчезают и признаки крепостного состояния горожан. Сми́ту известно о кровавых столкновениях между городами и их сеньорами, но не этому приписывает он основную роль в освобождении города. Ему кажется, что сдача горожанам на откуп городских налогов является решающим моментом в освобождении города. С помощью этого средства город становится особой корпорацией с самоуправлением, военной защитой, со своей особой юрисдикцией.

Общность интересов королей и городов в их борьбе с феодалами побуждала королей давать городам некоторые привилегии. Нуждаясь в поддержке городов, короли предоставляют им сословное представительство в королевстве. Обеспеченность владения в городах увеличивает потребности, и это содействует дальнейшему развитию промышленности. Правда, города получают свое сырье из деревни, но их развитие не всегда зависит от окружающих деревень, поскольку большие города часто связаны с очень отдаленными рынками. Смит указывает на города Италии, которые могли процветать, хотя окружающая их деревня была очень бедна. Раннему развитию городов Италии, по мнению Смита, очень содействовали крестовые походы, которые он, впрочем, характеризует с точки зрения просветительской философии XVIII в., называя их одним из самых разрушительных безумий, которые когда-либо охватывали народы Европы. Но в то же время он отмечает, что они были источником обогащения для итальянских республик.

Торговля в городах создает новые потребности и ведет к насаждению новых отраслей производства и к возникновению мануфактур. С точки зрения А. Смита, городская торговля содействует также развитию сельских местностей. Город представляет большой рынок для сельских продуктов и тем самым поощряет поднятие сельскохозяйственной техники. Кроме того, часть городского капитала идет на покупку земель, которые без этого остались бы невозделанными. Купцы являются лучшими проводниками усовершенствований в сельском хозяйстве, чем помещики, которые привыкли к расточительности и не умеют рационально вести хозяйство.

Третьим важным моментом, способствующим развитию деревни со стороны города, является, по мнению А. Смита, то обстоятельство, что успехи торговли и промышленности приводят к установлению порядка и нормального управления в государстве, а вместе с тем и к обеспечению свободы и безопасности личности. Феодалный произвол и насилия,

с которыми тщетно борется королевская власть, постепенно и бесшумно устраняются развитием внешней торговли и мануфактур. Здесь на историческом материале Адам Смит пытается обосновать свою основную излюбленную идею о том, что торговля и промышленность, т. е. деятельность отдельных предприимчивых личностей, гораздо больше содействуют успешному развитию общества, чем какое бы то ни было государственное вмешательство.

Так Адам Смит пытается обосновать свою фритредерскую теорию обращением к истории средневековья. Выясняя те препятствия к развитию техники и экономической жизни Европы, которые ставил средневековый строй, он видит эти препятствия в отсутствии свободы личности, свободы отчуждения земли и в наличии всяких феодальных ограничений личной инициативы. При этом он усиленно подчеркивает превосходство буржуазного строя над феодальным¹⁴.

Буржуазное требование свободы личности окончательно было лишено какого бы то ни было мистического покрова и приобрело чисто рационалистическую форму в трудах английского философа-моралиста Иеремии Бентама (1748—1832). Это скупнейший из скучных педантов, которого Маркс охарактеризовал как «архифилистера», «трезво-педантичного, тоскливо-болтливого оракула пошлого буржуазного рассудка XIX в.»¹⁵.

У Бентама¹⁶ вся общественная мораль сводится к простой арифметике, рационализм у него доведен до арифметической простоты. Общество, по его мнению, составляет простую сумму индивидов, каждый из которых стремится к личному благу. Моральная ценность каждого поступка измеряется тем, доставляет ли он человеку удовольствие или страдание. Если поступок доставляет чувство удовольствия, то он является моральным поступком, если же он доставляет страдания, то он аморален. Но так как большинство поступков в той или другой форме доставляет отчасти удовольствие, отчасти страдание, то надо вычислить, что является перевешивающим в данном поступке.

Количественный арифметический характер имеет и то определение, которое дает Бентам цели общественной морали. С его точки зрения, эта цель состоит в возможно большем счастье для возможно большего числа

¹⁴ В целом концепция истории средневековой Европы Адама Смита строится на той же чисто рационалистической основе, как и у всех историков эпохи Просвещения, и поэтому страдает недостатком историзма. Расценивая все явления средневековья с позиций буржуазного общества, он, естественно, видит в этой эпохе только отрицательные черты, тормозящие прогресс общества. В частности, он не видит никакого прогресса в переходе от античности к средневековью. При всем том нельзя не заметить, что в концепции А. Смита есть много весьма глубоких частных наблюдений над экономическим развитием феодальной Европы, которые носят весьма реалистический характер и затем были подтверждены конкретными исследованиями медиевистов. К их числу можно отнести замечание А. Смита о том, что крупные феодалы, как правило, мало занимались усовершенствованием своего хозяйства, и о том, что крестьяне в силу отсутствия у них собственности на землю были мало заинтересованы в труде. А. Смит одним из первых обратил внимание на общий характер аграрной эволюции феодальной Европы в смысле изменения форм эксплуатации крестьянства — от крепостной зависимости к полоничеству и далее — к фермерскому хозяйству капиталистического типа. Отдельные правильные наблюдения есть у него и по истории средневековых городов. В целом концепция истории средних веков А. Смита, разработанная им впервые на основе главным образом экономической истории этого периода, содержит ряд положений, на которых базировалась в значительной мере буржуазная медиевистика XIX в. (*Прим. ред.*).

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 623.

¹⁶ Главное произведение И. Бентама, в котором он развивает свои излюбленные идеи об общественной морали, — «Деонтология или наука о морали» (J. Bentham. Deontology or science of morality. London, 1837) — *Прим. ред.*

лиц. Против этой формулы можно было бы не возражать, если бы она не была насквозь лицемерна и лжива; потому что в качестве средства для достижения возможно большего счастья возможно большего числа лиц предполагалась полная свобода личных интересов каждого, полная свобода действий каждого в его личных, эгоистических интересах. Предполагалось, что сложение личных интересов в результате этой моральной арифметики и даст счастье возможно большему числу лиц.

Бентам совершенно устранил из этики религиозный момент, который мы еще встречаем у Смита и физиократов. Добродетель для него есть совокупность условий, создающих удовольствие, порок есть совокупность условий, создающих страдание. Человеку иногда приходится отказываться от тех или других благ, ограничивать свое стремление к удовольствию, но лишь для того, чтобы принести меньший интерес в жертву большему, чтобы временное удовольствие принести в жертву более продолжительному. Так, с точки зрения Бентама, долг — это сознание более крупного интереса, которому должны быть принесены в жертву меньшие интересы; совесть — это внимание к суждению других людей.

Бентам ставит вопрос — нужно ли выполнять взятые на себя обязательства? И отвечает, что нужно, но только потому, что невыполнение их подрывает деловое доверие.

Государство и вообще всякое общественное объединение, по его мнению, существует только для блага индивидуумов, поэтому управление должно быть возможно более слабым, чтобы не отягощать индивидов.

Бентам полагал, что в результате торжества подобного рода правильных, с его точки зрения, понятий об этике взаимоотношения между отдельными государствами должны стать мирными, столкновения исчезнут или будут сведены к минимуму и в конце концов можно будет распустить все армии, упростить судопроизводство, уменьшить налоги, ввести полную свободу торговли. Благодаря разумным конституциям обществу не будут угрожать никакие революции, все законы будут кратки и ясны. Но и тогда, по мнению Бентама, соперничество, зависть и ненависть в людях останутся, а тяжелый труд по-прежнему будет участью большинства людей. Таким образом, бентамовский принцип — «возможно большее счастье для возможно большего числа лиц» — даже в постановке самого автора вовсе не имел в виду счастье для трудящихся и отнюдь не был связан с раскрепощением от тяжелого труда огромной массы человечества. Он имел своей целью лишь обеспечение максимально выгодных экономических, политических и правовых условий для дальнейшего процветания буржуазии.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ГЕРМАНИИ. ОБЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В Германии, где буржуазные порядки в XVIII в. только еще зарождались и в основном господствовали еще феодальные отношения и мелкое производство, идеи Просвещения преломились совершенно своеобразно. Во Франции историография этого периода апеллировала к широким кругам буржуазной интеллигенции и приобрела преимущественно публицистический характер. В Германии же просветительные идеи становятся достоянием либо замкнутых университетских кругов — и тогда они находят выражение в особом направлении педантичной университетской науки — исторической науки, — либо эти идеи воспринимаются узким кругом интеллигенции и принимают характер религиозного прозелитизма, иногда облекающегося в своеобразные, полумистические формы.

Большинство немецких историков XVIII в. — это беспомощные эклектики. По большей части это профессора многочисленных немецких университетов, которые обращались с кафедры к очень ограниченному кругу слушателей, а не к той широкой и живо воспринимающей все новые идеи аудитории, с которой имели дело французские историки.

Духота и мелкость немецкой бюргерской жизни XVIII в. сказываются и в исторических теориях. Влияние идей XVIII в. сводилось здесь к тому, что в области историографии стали появляться новые модные идеи, доходившие вместе с прочими французскими модами. (Подражание же французским модам в Германии этого времени было развито часто даже до смешного.) При этом старые, рутинные идеи немецкой историографии подновлялись чисто механически, эклектически, кое-чем из новых идей.

Впрочем, у некоторых немецких историков того времени мы видим более широкие горизонты. Немцы в то время ценились как знатоки истории, как ученые специалисты. Их выписывали в другие страны, например в Россию, где в это время быстро развивались науки, в том числе историческая.

Одним из таких наиболее видных немецких историков-рационалистов, университетского кабинетного типа можно считать Шлёцера.

Август-Людвиг Шлёцер (1735—1809) был последователем Вольтера и стремился в университетском преподавании проводить идеи «Опытов» Вольтера. Впрочем, Шлёцер в гораздо большей степени принадлежит историографии России, где он жил с 1760 до 1769 г., и его главные труды посвящены истории России¹.

Основные исторические идеи Шлёцера не выходят за рамки того, что дал Вольтер. При этом подход к истории у него гораздо более узкий и плоский. В политике он, как и Вольтер, был сторонником просвещенного абсолютизма, образцом которого ему казалось царствование Екатерины II. Он считал, что народ сам не способен к прогрессу и задача правительства — вести его вперед и воспитывать.

В критике источников Шлёцер особенно уступает Вольтеру. Он лишен его остроты и проницательности. У него не хватает и знаний, и смелости, особенно в отношении библейской истории. Например, он серьезно говорил о сотворении мира, о грехопадении Адама и т. д.

Отсутствие в Германии широкой аудитории, которая могла бы принять и усвоить идеи Просвещения, отсутствие широкого общественного движения среди мелкого немецкого бюргерства заставило те небольшие интеллигентские круги, которые осваивали эти новые идеи, замкнуться в себе, выступать чуть ли не в виде заговорщиков, тем более что эти идеи не пользовались сочувствием со стороны правительства, особенно когда они выходили за пределы специальных ученых книг.

В Германии создается ряд тайных обществ, например Общество «перфектибилистов» (в 1776 г.), т. е. людей, занимающихся усовершенствованием себя и других, которое превратилось потом в Общество «иллюминатов» и приобрело более широкое влияние в Германии и вне ее. Это просветительное общество имело особую иерархию на манер иезуитов, тайные обряды; прием в члены сопровождался торжественной церемонией. Целью его считалось ниспровержение предрассудков и фанатизма посредством «братского соединения всех, кто любит божье дело». В такого рода тайных кружках сами идеи Просвещения приобретали мистический оттенок.

Подобных обществ создается в Германии XVIII в. довольно много. Для их участников характерна вера в добрые стороны человеческой природы, в беспредельный прогресс, который предстает человечеству. Но этот бесконечный прогресс часто представлялся им совсем не в тех ярких конкретных чертах, как мы видели это у Кондорса, а в крайне мистической и туманной форме.

Широкого отклика в массах идеи этих маленьких авангардов бюргерской интеллигенции не находили. Та «туманность» Германии 20-х годов XIX в., которую подметил Пушкин², сказывалась и в том, как преломлялись идеи французских просветителей в умах немецкой интеллигенции. Здесь встречается, в частности, сильное влияние идей Руссо, которые соединяются с представлением о неограниченном прогрессе, культе истины и добра и выражаются в крайне мистических формах.

Эти черты встречаются у ряда деятелей немецкой культуры, кото-

¹ A. L. Sch l ö z e r. *Neuverändertes Russland*. Leipzig, 1766—1772; A. L. Sch l ö z e r. *Geschichte von Russland*. Göttingen, 1769; A. L. Sch l ö z e r. *Allgemeine Nordische Geschichte*. Halle, 1771; A. L. Sch l ö z e r. *Weltgeschichte nach ihren Hauptlinien im Auszuge und Zusammenhange*. Göttingen, 1785—1789; А.-Л. Ш л ё ц е р. Летописи Нестора. Геттинген, 1802—1809.

² Имеется в виду знаменитая строфа из «Евгения Онегина» Пушкина, относящаяся к Ленскому:

«Он из Германии туманной
Привез учености плоды . . .» (Прим. ред.)

рые не были в прямом смысле историками, но в мировоззрении которых историческое мышление играло главную роль. Среди них надо упомянуть прежде всего знаменитого немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759—1805), который был также сверхштатным профессором всеобщей истории в Йенском университете и написал ряд исторических трудов³: знаменитую «Историю отпадения объединенных Нидерландов от испанского владычества в 1576 г.» (1788), «Историю Тридцатилетней войны» (1791—1793) и специальную работу — «Что мы называем всеобщей историей (universale Geschichte) и для какой цели мы ее изучаем».

Историческое исследование у Шиллера было теснейшим образом переплетено с его поэтическим творчеством. Его «История отпадения Нидерландов от испанского владычества» получила известное преломление в его драме «Дон Карлос», «История Тридцатилетней войны» — в трилогии «Валленштейн». Шиллер — представитель периода бурных стремлений, того бунтарского, романтического пафоса, который в несколько неопределенной форме отразил буржуазные стремления в германской общественной среде, — заимствовал у Руссо симпатии к человеку, веру в человеческое достоинство, ненависть к деспотизму и феодальным порядкам.

Этот бунтарски-романтический подъем выразился в ряде драм Шиллера — в «Разбойниках», «Заговоре Фиеско» и особенно в пьесе «Коварство и любовь», о которой Ф. Энгельс сказал, что это «первая немецкая политически-тенденциозная драма»⁴. Но с 80-х годов у Шиллера уже заметен некоторый спад этого настроения. Немецкая действительность в то время предоставляла слишком мало простора для применения этих взглядов. Начинается своего рода примирение с этой действительностью, искание других, уже не бунтарских, путей. Шиллер проповедует возможность способствовать прогрессу общества через просвещенного монарха, внушая ему истинные идеи, как это пытается делать в его драме «Дон Карлос» благородный маркиз де Поза. Исторические труды Шиллера, написанные в этот более поздний период, отразили именно эти новые, компромиссные настроения.

Самое построение истории человечества у Шиллера крайне своеобразно. Здесь сказался больше поэт, чем историк. Он строит историю человечества, как роман или трагедию. Его идеи весьма возвышенны, это идеи гуманности, блага народа. В истории его привлекает главным образом личная судьба его героев, их внутренняя драма. Это особенно относится к «Истории Тридцатилетней войны», главными героями которой являются для Шиллера Густав-Адольф и Валленштейн; с того момента, как они исчезают с исторической сцены, изложение Шиллера становится гораздо более беглым и много теряет в смысле живости и эмоциональности. В целом его работы основаны на неглубоком знакомстве с источниками и мало продуманы, но стиль его исторических сочинений великолепный. Это работа большого художника.

У другого крупнейшего писателя той эпохи — Готхольда-Эфраима Лессинга (1729—1781) заметно влияние исторических идей Просвещения, в частности идеи прогресса, но все это облекается у него опять-таки в своеобразную, туманно-мистическую форму. Его религиозные фантазии сливаются с теорией прогресса. В работе «О воспитании рода чело-

³ F. Schiller. Geschichte des Abfalls der Vereinigten Niederlande von der Spanischen Regierung. Stuttgart, 1871; F. Schiller. Geschichte der Dreißigjährigen Krieger. Berlin, 1871; F. Schiller. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte. Jena, 1790.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 505.

веческого»⁵ (1780) он изображает историю развития человечества как историю развития отдельного человека. Он рассматривает три возраста человечества — детство, юность и мужество. Для него прошедшая история человечества — это своего рода школа, причем средством воспитания в этой школе является «Священное писание» и божественное откровение.

К периоду детства человечества Лессинг относил грубый и жестокий израильский народ, на который могли влиять лишь грубые, устрашающие картины, моральные угрозы немедленной кары и обещания немедленной же награды. Христианство — юность человечества — дает, по его мнению, более совершенные формы религиозного сознания, а именно — вводит представление об отдаленном духовном возмездии, которое будет иметь место лишь в будущей жизни. Наконец, в его время, полагал Лессинг, человечество вступает в период полной зрелости — в эпоху нового вечного евангелия, когда добро будут делать ради самого добра, а не ради воздаяния за него в будущем. Картина прогрессивного развития человечества у Лессинга переходит в мистическую картину переселения душ. По его мнению, люди, которые жили один раз в прошедшую эпоху, путем ряда перевоплощений будут жить в эту более совершенную эпоху вечного евангелия.

Подобная же полумистическая картина истории человечества, но гораздо более проникнутая историческим духом, чем у Лессинга, дается у Иоганна-Готлиба Гердера (1744—1803), идеи которого оказали значительное воздействие на историографию XIX в.

Мировоззрение Гердера представляет собой своеобразное сочетание взглядов священника с идеями Просвещения. На него оказали влияние главным образом идеи Руссо, но отчасти и идеи Вольтера и Монтескье. Как и Руссо, он идеализировал естественное состояние дикаря, но в отличие от него верил в неограниченные возможности человеческого прогресса. Его главное историческое произведение — «Идеи о философии истории человечества»⁶. Эта трехтомная работа, выходящая с 1784 до 1791 г., должна была охватить историю человечества в целом, но была доведена только до середины XIII в. Кроме того, Гердер написал ряд других историко-философских работ.

Идеи Гердера представляют собой чрезвычайно интересное смешение разнородных элементов. Здесь мы видим огромное влияние естественнонаучных открытий XVIII в. Некоторые его мысли поражают нас своим прозрением, которое, однако, переходит нередко в чистую мистику. Другие вызывают впечатление чего-то недодуманного до конца, недоработанного. Да и трудно было ждать в тех исторических условиях полной обработки этих идей.

Гердер начинает историю человечества с истории солнечной системы, образования земной коры, развития животного и растительного мира. В его представлениях по этому вопросу присутствует идея эволюции, хотя еще в очень смутном виде. Его любимые слова — «генетически» и «органически». Все в его представлении развивается генетически и органически.

Он полагает, что в основе природы и истории лежит одно и то же начало, что природа и история подчинены одним и тем же общим законам. Это начало — активность. Идея как будто плодотворная и опере-

⁵ G. E. Lessing. Die Erzeugung des Menschengeschlechts. G. E. Lessing. Sämtliche Schriften, Bd. 10. Berlin, 1838—1840

⁶ J. Herder. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Berlin, 1879.

жающая его время. Однако творящая природа представлялась ему как живое существо, которое своей мыслью определяет будущие пути развития. Человечество — это тоже особый живой организм, это мировая душа, которая все более и более раскрывается с каждым новым поколением. Здесь мы видим оригинальное, крайне своеобразное и противоречивое преломление идей французского Просвещения на германской почве. Не надо забывать, что Гердер — священник, хотя и передовой по своим взглядам. Он берет, например, под свою защиту трактовку Гиббоном христианства, объявляет себя врагом всякой догматики и церковности. Но все же от теологического мировоззрения он полностью не освободился. В его книге поражает странный, экстатический стиль, когда от непосредственного изложения он переходит к фантазиям. В то же время мы встречаем в ней и глубокие мысли о строении организма, об эволюции, о сохранении энергии, хотя часто они тоже облечены в мистическую форму. Он несколько напоминает Вико. Его основная идея состоит в том, что человек — это продукт природы, и законы его развития — это законы природы.

Органического различия между животным и человеком Гердер не признает. Он пытается определить основное отличие человека от животного, утверждая, что человека отличает культура. Но к этому взгляду он примешивает какие-то библейские реминисценции. Он, например, говорит о «сотворении человека» как о моменте, когда гений природы воззвал к усовершенствованному животному и призвал его к культуре.

Гердер видит в истории человечества воспитание человечества провидением для высших целей. Эту идею мы часто встречали, начиная с Августина, и встретим ее и в XIX в. Гердер распространяет эту идею на все человечество, хотя он и сбивается иногда на европоцентризм. Его идеальный человек — это богословская абстракция. Он не может отказаться от «Священного писания». Поражает у него соединение мечтательной мистики с материалистическим прозрением. Гердер думает, что человечество, пройдя ряд этапов по пути к совершенствованию, в конце концов достигнет более высокой стадии существования, на которой человек будет лишен всякого сходства с животным. Но это чисто духовное состояние было связано в его представлении с периодом, когда человечество покинет землю, где оно проделало всю предшествующую эволюцию.

Вся история, по Гердеру, — это путь к высшей цели, к человечности, к гуманности. Эта цель заключена в самом существе человека, она достигается путем развития свойств человека, заложенных в самой его природе, путем полного освобождения духа, что и является целью исторического прогресса.

Гердер считал, что хотя человечество фактически распадается на множество обществ и народов, но тем не менее оно едино в своей истории. Правда, на пути человечества возможны тысячи отклонений и заблуждений, но они должны служить лишь окончательному торжеству этой конечной цели развития человечества. В самых страшных потрясениях, которые пережило человечество, Гердер видит начало лучшего будущего. Это уже не оптимизм Кондорсе, а какой-то, как правильно определил его взгляды Р. Ю. Виппер, «оптимистический фатализм»⁷. Лучшая участь человечества в будущем принимается Гердером как нечто заранее данное, помимо усилий человека.

⁷ Р. Ю. В и п е р. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв., стр. 83.

Развертывая теорию единого прогресса, Гердер отрицательно относился к методу, которому следовали предшествующие историки, а именно к методу сравнительного изучения политических и общественных форм, установлению типических форм. По мнению Гердера, в истории ничто не повторяется, каждая ступень, проходимая человечеством, глубоко индивидуальна, каждый народ дает что-то свое, достигает совершенства в какой-нибудь одной области, но в целом все эти односторонние линии развития дают одно общее равновесие.

Гердер либерален в религиозных вопросах, но сам он человек очень религиозный. Для него религия не враждебна культуре, как для большинства просветителей, культура и науки развиваются не вопреки религии, как полагал, например, Кондорсэ, но именно на основе религии. Вместе с тем Гердер разделяет с просветителями отрицательное отношение к церковности, к догматам, в которых он видит позор для человеческого разума. Византийская история, отмеченная господством церкви и догматов, представляется ему отвратительной, исполненной жестокости. Крестовые походы изображаются им как «святая глупость», как «бешеное» предприятие, совершавшееся распущенными шайками разбойников.

Важнейшим моментом Гердер считает влияние арабской культуры. Затем он останавливается на истории ересей и на истории городов. По его мнению, именно города, а не короли, попы и дворяне, создали объединение Европы.

Большое влияние на последующую историографию оказала идея Гердера о неизменных национальных характерах, сходная с идеей, выдвинутой в «Опытах» Вольтера. Гердер утверждает, что культура каждой нации развивается генетически и органически, но не может быть пересажена в другое место, ибо один народ не может освоить культуру другого народа. Эта идея в начале XIX в. получила самое широкое распространение на почве реакционного национализма. Причем обычно национальный характер выводили из изучения литературы и права данного народа, а затем литература и право данного народа объяснялись этим национальным характером. Получался своего рода заколдованный круг, в котором вращалась реакционная мысль начала XIX в.⁸

Таким образом, идеи прогресса, которые, как мы видели, в ясной, прозрачной и отчетливой форме были развиты у Кондорсэ, в среде германской мелкобуржуазной интеллигенции приняли своеобразный полумистический, а то и вполне мистический характер, порой совершенно отвлеченный, утопический, фантастический.

Теперь подведем некоторые итоги нашему рассмотрению историографии эпохи Просвещения. Мы видели, что в целом она представляет собой яркое выражение идеологии молодой, идущей к власти буржуазии, сознающей свою силу, опрокидывающей старые авторитеты, завешанные феодальным периодом.

Это течение всего сильнее проявилось не в Англии, где буржуазия, в сущности говоря, была уже у власти, где ей приходилось не столько завоевывать власть, сколько охранять уже завоеванное и где она уже начала вступать в антагонизм с рабочим классом. В XVIII в. ярче всего движение Просвещения проявилось во Франции, где буржуазия объявляет непримиримую борьбу пережиткам феодализма, где ей приходится резко сталкиваться с господством феодальной идеологии.

Очень много можно говорить о недостатках историков-просветите-

⁸Подробнее об этом см. в лекциях XIX—XXI. (Прим. ред.)

лей XVIII в. Можно указывать на их недостаточную критичность и в то же время резкую тенденциозность, на их стремление сделать из истории орудие политики, на их представление об истории как о сцеплении тех или иных действий правителей. Все это недостатки, которые очень легко отмечать. Мы видим у них еще нередко механистический подход к истории, малое понимание органичности развития, а в связи с этим и недостаточное понимание прошлого. Георг Белов, реакционный немецкий историк XX в., например, резко противопоставлял историкам XVIII в., которые механистически объясняли историю и, с его точки зрения, делали ее орудием революции, историков реакционно-романтического направления начала XIX в., которых он старался возвеличить как идеальных историков. Это резко отрицательное отношение к историкам XVIII в. характерно вообще для эпохи европейской реакции как начала XIX в., так и начала XX в.

Но для того, чтобы правильно оценить историков-просветителей с исторической точки зрения, необходимо сравнивать их прежде всего с тем, что было до них. Тогда мы, несомненно, должны будем отметить здесь крупнейший прогресс. Все те недостатки, которые им приписывают, существовали и раньше, у историков гуманизма и реформации, и притом в гораздо большей степени. То же самое представление об истории, как ряде актов воли тех или других правителей, то же самое обращение истории в орудие политической борьбы мы видим во все предшествующие периоды существования исторической науки. Особенно ярко это сказывается, естественно, в такой решительный момент, каким явилось общественное движение в предреволюционной Франции. Стремление изгнать из истории всякие теологические элементы, секуляризовать историю — работа, которая была начата гуманистами, но далеко не была ими завершена и, более того, была заглушена последующими историками, католическими и протестантскими, — эта работа завершается теперь просветителями. После Вольтера и других рационалистов XVIII в. нелегко было вводить бога в историю.

Историография Просвещения XVIII в. имеет огромную заслугу перед исторической наукой, заключающуюся прежде всего в том, что она изгнала из истории теологическое начало и создала возможность научной трактовки истории. Именно с эпохи Просвещения можно говорить о зарождении научной историографии. К этому же времени относится возникновение медиевистики как особой области исторической науки.

Мы видели, что весь период средневековья в тесном смысле этого слова до XVI в. вызывал у историков эпохи Просвещения крайне отрицательное отношение. Они видели в нем лишь период господства суеверий, в виде религии и религиозных авторитетов, отсутствия личной свободы, — период, в котором царили сословные привилегии, цеховые стеснения и личность была связана всевозможными сословными путями. Они полагали, что в средние века вместо прогресса и быстрого развития науки и техники господствовал полный застой.

Казалось бы, что, исходя из таких взглядов, историки эпохи Просвещения должны были пренебрегать изучением истории средневековья. Однако, в действительности, такого рода оценка средневековья не мешала историкам Просвещения усиленно заниматься именно этой эпохой. Более того, в «Опыте» Вольтера и в произведениях других историков этого направления средневековье занимает центральное место. История средних веков привлекает их прежде всего как обширное поле для той борьбы с суевериями и предрассудками, которую они считали своей главной задачей. Именно на материале средних веков — эпохи господ-

ства церкви и сословных предрассудков — они видели возможность показать всю нелепость, все ничтожество этих часто освященных исторической традицией, явлений.

С другой стороны, история средних веков нередко служила идеологам третьего сословия в качестве обоснования тех или иных политических и исторических притязаний этого сословия. В этом отношении чрезвычайно характерна полемика, возникшая в начале XVIII в. между предшественниками тех направлений, которые в XIX в. выступают перед нами как школа «романистов» и школа «германистов», — между аббатом Дюбо и графом Буленвилье. В этой полемике уже в XVIII в. наметился ряд проблем, вокруг которых будет биться историческая мысль буржуазной науки на протяжении всего XIX в. В нее, как мы видели, включились затем такие крупные идеологи третьего сословия, как Монтескье и Мабли, которые также пытались решить эти спорные вопросы средневековой истории с позиции политических и идеологических притязаний своего сословия. Мы видели, что к истории средних веков обращались, в поисках аргументации для обоснования своего буржуазного социально-политического идеала в настоящем, также Робертсон и Адам Смит. Последний в истории средних веков черпал аргументы для восхваления капиталистического строя как полной антитезы феодальному.

Именно в XVIII в. были заложены основы буржуазного византиноведения (Гиббон) и высказаны многие положения, послужившие фундаментом для ряда буржуазных концепций в медиевистике.

Таким образом, многие историки, а также экономисты XVIII в. искали в истории средних веков обоснования своих социально-политических взглядов в связи с политическими проблемами своего времени, изучая и освещая те или иные коренные вопросы истории этого периода.

ЮСТУС МЁЗЕР И ЗАРОЖДЕНИЕ РЕАКЦИОННО-РОМАНТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Наряду с историографией Просвещения в западноевропейской историографии XVIII в. возникали и другие течения. Зарождение буржуазной идеологии выражалось не только в теоретических построениях. Важнейшие идеи буржуазии осуществились затем на деле во французской революции. Это вызывало тревогу у реакционных кругов. Вот почему одновременно с распространением идей прогресса в конце XVIII в. начинают распространяться и прямо противоположные воззрения, прежде всего в тех феодальных кругах, которые непосредственно были задеты революцией. Некоторая часть буржуазии тоже испугалась той бури, которую она до известной степени сама призывала. В разгар французской революции начала поднимать свою голову и реакция. Возникает историография реакции, представляющая во многих отношениях большой интерес, потому что, в сущности говоря, она во многом предварила основные положения реакционной буржуазной идеологии конца XIX — начала XX в., и в частности фашистской идеологии.

Уже во второй половине XVIII в. — еще до начала французской буржуазной революции — идеология, и в частности историография Просвещения, начинает вызывать протест у представителей феодальных кругов и у тех промежуточных мелкобуржуазных слоев населения, которые были связаны со старыми, феодальными формами производства, постепенно уступавшими место новым, капиталистическим. Рост капиталистических отношений ударил по старым, традиционным формам производства, прежде всего по мелкому производству. Раньше всего это проявилось в Англии, но этот процесс угрожал и другим странам Европы, и эта угроза заставляла мелкую буржуазию этих стран также насторожиться против тех новых идей, которые сопровождали и прославляли вторжение капиталистических форм производства в общественную жизнь.

Одного из наиболее ранних представителей такой мелкобуржуазной реакции на идеологию Просвещения мы встречаем во второй половине XVIII в. в феодальной еще Германии, в мелком захолустном княжестве — Оснабрюк, которое представляло собой курьезный продукт Вестфальского мира 1648 г.

Я имею в виду Юстуса Мёзера (1720—1794), одного из первых немецких медиевистов¹, который оказал значительное влияние на последующую немецкую историографию средних веков.

Многие представители современной буржуазной историографии всячески превозносят Мёзера. Его называют основателем немецкой истории права и науки о немецких древностях, отцом исторической школы права, великим мастером исторического метода. Очень высокую оценку дает Мёзеру, например, А. Допш. Он говорит, что Мёзер как практический деятель и юрист хотел понять прошлое, исходя из настоящего, он ставит ему в особую заслугу то, что Мёзер отбрасывал свидетельства Цезаря о древних германцах, так как эти свидетельства не соответствовали живой действительности, наблюдавшейся Мёзером в его родной Вестфалии в XVIII в. По мнению Допша, у Ю. Мёзера индуктивное наблюдение всегда смело выступает против веры в авторитет исторического предания. Допш называет Мёзера основателем истории германского хозяйства, утверждая, что все дальнейшие исследователи по существу примыкают к нему и что в его концепции основную роль играет «принцип свободы»².

Совсем другую оценку, как мы увидим ниже, дает Мёзеру Маркс, называя его точку зрения на историю германской марки «идиотской»³.

Для того чтобы выяснить сущность исторических взглядов Мёзера, следует прежде всего познакомиться с тем, что представляло собой княжество Оснабрюк, где он жил, работал и достиг видного служебного положения и истории которого он посвятил свою главную работу — знаменитую «Историю Оснабрюка» (1768)⁴.

Оснабрюк представлял собой маленькое княжество-епископство в Вестфалии, которое должно было управляться попеременно то протестантским, то католическим епископом. Епископ выбирался обычно из рода Брауншвейг-Люнебурггов, капитулом из 25 каноников, каждый из которых должен был указать в доказательство своих прав на участие в выборах 18 предков, пользовавшихся ранее этой привилегией. Капитул представлял собой одновременно верхнюю палату епископства. Кроме нее существовала еще рыцарская палата, состоявшая преимущественно из представителей протестантского рыцарства, и городская корпорация, в которую входили главным образом представители мелкого мещанства. Мелкие города, входившие в состав княжества-епископства, пользовались значительным самоуправлением, и население их состояло главным образом из довольно мелкого ремесленного люда. Крупного производства здесь вовсе не было. Крестьяне по своему положению принадлежали к различным категориям. Было тут и свободное, и крепостное крестьянство. Формы зависимости крепостных крестьян были весьма разнообразны. Как и вообще в Германии, в Оснабрюке к концу XVIII в. стоял вопрос об освобождении крестьян, вызывавший там борьбу. Попытки освобождения крестьян, находившие сочувствие среди чиновничества, представителем которого являлся Мёзер, вызвали крайнее ожесточение со стороны дворянства.

¹ Ю. Мёзер родился и всю жизнь прожил в Оснабрюке. По профессии — адвокат. Занимал руководящие должности в управлении этого захолустного немецкого княжества. Был крупным публицистом и историком. (Прим. ред.)

² А. Допш. Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung I. Wien, 1923, SS. 8—14. (В дальнейшем: Op. cit.)

³ См. ниже, стр. 269.

⁴ См. J. M ö s e r. Osnabrückische Geschichte. J. M ö s e r. Sämmtliche Werke, Bd. 6—8. Berlin, 1842.

Во второй половине XVIII в. это крошечное княжество внезапно оказалось выдвинутым в сферу большой политики, так как на княжеский престол в Оснабрюке должен был взойти сын английского короля. В связи с этим Мёзеру пришлось бывать в Лондоне, где он познакомился с целым рядом выдающихся английских деятелей, что значительно содействовало расширению его кругозора. В Англии он имел возможность также воочию видеть результаты начинавшегося промышленного переворота, и развитие новых, капиталистических отношений чрезвычайно испугало его.

Мёзер представляет собой своеобразную и оригинальную фигуру среди писателей XVIII в. На его воззрениях отразилась мелкогерманская провинциальная сфера его деятельности, и прежде всего то, что он жил и работал в отсталой для того времени, феодальной Германии.

Идеология Мёзера, в которой очень ярко отразились отсталые немецкие отношения, и в частности воззрения консервативной мелкой буржуазии, еще уживавшейся с феодальным строем, во многом противоположна идеологии Просвещения. Правда, он часто употребляет термины, заимствованные им из просветительной литературы, но употребляет их совсем в другом смысле. Мёзер, в частности, крайне враждебен Вольтеру и весьма далек от идеи единства человечества, которой проникнута вся просветительная историография. В своей основной работе — «История Оснабрюка» — он придает особое значение национальной и местной истории. Как правильно сказал о нем один немецкий историограф, для него отвлеченная идея человека ничто, а бюргер — это все. В этом выражается его бюргерско-ограниченное, мелкое провинциальное представление о человеческой личности и об историческом процессе в целом.

Все построения Мёзера проникнуты консервативным духом. Для него характерны приверженность к старине, к традиции, недоброжелательство ко всему новому, выражается ли это новое в новых учреждениях, в новых социальных отношениях или даже в манерах или модах. Это особенно ярко обнаруживается в книге Мёзера «Патриотические фантазии»⁵ (1774—1778), представляющей собой сборник статей на самые разнообразные темы, начиная от важнейших политических вопросов и кончая такими темами, как моды, обычай пить кофе, новый тогда в Германии, и т. д.

В политике Мёзер выступает против допущения в цехи людей «бесчестного происхождения», к каковым он относит, например, пастухов, которые, по его мнению, не имеют никакого права претендовать на принадлежность к обществу порядочных людей. Он защищает старинную феодально-цеховую точку зрения, для которой святость брака способна уменьшиться, если незаконных детей будут считать полноправными. Происхождение для него всегда выше лица. Он утверждает, например, что феодальные усобицы были лучше современных войн, потому что они имели меньшие масштабы, что кулачное право выше современного международного права, потому что его санкционировал «божий суд».

Мёзер — яростный враг новшеств и в экономической жизни. Он хотел бы помешать передвижению населения, переходу его с места на место, тяге в города. Он противник всяких общих законов и предписаний, полагая, что они опасны для свободы. В частности, он решительно возражает против какого-либо общего кодекса законов для Германии, стоит за партикуляризм местного права, так как, по его мнению, общие кодексы ведут к деспотизму.

⁵ J. Möser. Die Patriotischen Phantasien. J. Möser. Sämtliche Werke, Bd. 1—4. Berlin, 1842.

Мёзер постоянно выступает против централизма и абсолютизма во имя сепаратистских политических идеалов немецкого бюргерства и зажиточного свободного крестьянства. Так, он утверждает, что каждый город или область должны управляться по своим особым законам. Естественно, что Мёзер — ярый противник просветительного мировоззрения и не упускает случая выступить против него. Особенно он ставит в упрек просветительной философии то, что она заменяет бюргера и христианина «человеком вообще» (ненавистное для Мёзера выражение), что она ставит права человека выше прав гражданина, бюргера, что она стремится всех людей превратить в равных братьев и наследников.

Мёзер выступает как яростный защитник сословно-корпоративного строя средневековья. То, что закреплено традицией, для него выше того, что провозглашено разумом.

Мёзер хочет найти историческое оправдание всем старым учреждениям, подвергавшимся нападкам со стороны просветительной литературы, не желая замечать того, что историческое объяснение и историческое происхождение не являются еще политическим оправданием для настоящего времени. В конце концов он находит историческое оправдание и для крепостного права, противником которого его считали. Хотя в теории его идеалом является свободное крестьянство, но из этого он отнюдь не делает вывода, что в Оснабрюке надо немедленно освободить крестьянство. Он предлагает всего лишь частичное смягчение крепостного права. Правда, и этого было достаточно, чтобы оснабрюжские дворяне считали Мёзера противником крепостного права, который покушается на их владельческие права, но вне Оснабрюка Мёзера считали убежденным и закоренелым крепостником. И в самом деле, в своей «Истории» он находит положительные стороны и в крепостном праве. Он утверждает, что крепостные получают защиту и поддержку от своего господина, что крепостное право обеспечивает крестьянину наследственный участок.

Мёзер дожил до французской революции и написал ряд полемических сочинений против нее. В этих работах он высказал свои общеполитические идеи.

Для Мёзера государство есть общество охраняемых землевладельцев, нечто вроде акционерного общества держателей земельных акций, к которым затем присоединяются держатели денежных акций, т. е. зажиточные бюргеры. Всех прочих он рассматривает как людей, которые не могут претендовать ни на какие политические и гражданские права, на равенство с землевладельцами и зажиточными бюргерами. По мнению Мёзера, общество всегда состоит из прежних собственников и новых переселенцев, арендаторов. Все права принадлежат только собственникам, на основе права первого захвата и добытой таким образом собственности, и собственники могут предписывать любые условия арендаторам и даже совсем их устранять от пользования собственностью. Мёзер говорит, что это право вытекает из понятия собственности и принадлежит как каждому собственнику отдельно в отношении его собственности, так и всему классу в совокупности. Поэтому следует считать чистым насилием, когда пришлые арендаторы, переселенцы, члены второго класса соединяются и провозглашают себя равными членам первого класса и наравне с ними присваивают себе право распоряжаться земельной собственностью.

Мы видим здесь характерное для феодальных воззрений смешение частного и публичного права. Всякое право для Мёзера есть частная собственность. Основой политических воззрений Мёзера является учение

о том, что наследственная собственность определяет политические права человека. По его мнению, государство находится в руках тех, кто имеет в силу исторической традиции преемство прав собственников, с исключением всех остальных. И это Мёзер провозглашает принципом «германской свободы», очевидно понимая «свободу» в смысле «феодальной» привилегии.

Что же является тем центром, вокруг которого группируются собственные исследования Мёзера, что его главным образом привлекает в прошлом? Он ищет в нем опоры против всякого рода переворотов. Фигура крепкого крестьянина-собственника представляется ему наиболее прочным оплотом общества. Крепкий крестьянин-собственник, а затем такой же городской ремесленник — вот главные охранители свободы и собственности. Мёзер нередко пользуется термином «свобода», который был в большом ходу у просветителей, но придает ему совсем иное значение. Для него «свобода» — это то, что в средние века называлось «libertas» и что мы переводим обычно словом «вольность». Это известные сословные привилегии, которые противопоставляются Мёзером нивелирующему влиянию абсолютистского государства, а также тем политическим требованиям, которые выдвигали в XVIII в. идеологи буржуазии — просветители.

Основная идея Мёзера заключается в том, чтобы связать прошедшее с настоящим, не только в том смысле, чтобы искать в прошлом оправдания для настоящего, но также и в том отношении, что прошлое можно понять только из настоящего. Он указывает прежде всего на те аграрные порядки, которые существовали в Оснабрюке в его время, и утверждает, что эти порядки без особенно крупных изменений сохранились здесь с древнейших времен⁶. Эти свидетельства современности Мёзер противопоставляет показаниям Цезаря и Тацита о древних германцах и на этом основании подвергает их критике, опираясь на те пережитки древних отношений, которые сохранились у него на родине. Таким образом, он пользуется ретроспективным методом, или методом «переживания», который в XIX в. получил широкое применение в буржуазной историографии. Та система поселения, которая имела в его время в Вестфалии, представлялась Мёзеру исконной формой поселения германских племен. Таким образом, он впервые в немецкой историографии поставил проблему первоначальной формы поселения древних германцев.

Остановимся несколько подробнее на взглядах Мёзера относительно германского общества раннего средневековья и путей его развития, как это изложено в его «Истории Оснабрюка».

По мнению Мёзера, ядром германской нации, вокруг которого он строит всю германскую историю, является крестьянство, которое было первоначально свободным. Первые крестьянские поселения были поселениями в виде отдельных индивидуальных дворов. Он подчеркивает, что с самого начала между отдельными дворами отсутствовало земельное равенство и что каждый хозяин двора был полным и неограниченным собственником своего надела. С этими индивидуальными дворами, каждый из которых основывался там, где было удобно его собственнику и в каких было возможно размерах, связана была первоначальная германская свобода. Деревни возникли значительно позже, и самое поселение деревнями показывает, что свободной земли осталось мало, что население этих деревень обычно арендует землю и платит цenz.

⁶ На этом основании Мёзер считает возможным, исходя из современных ему аграрных порядков, характеризовать отношения землепользования у древних германцев. (Прим. ред.)

Правда, Мёзер характеризует этими чертами не всю Германию. Немецкие исследователи давно указали на то, что Мёзер рисует как индивидуальные только поселения саксов, но не других германских племен. В этом отношении он противопоставляет саксов свевам и подчеркивает, что Цезарь описал только свевов. Сवेвы, как считает Мёзер, находились в исключительноном положении, так как все время кочевали, переселялись и поэтому у них был особый строй, вызванный таким образом жизни. Саксы же всегда были оседлы. Само слово «саксы» он выводит из слова «sassen», т. е. саксы — это те, которые сидят на месте. Аргументация Мёзера почти без изменений была в наше время использована Допшем, когда ему понадобилось опорочить свидетельства Цезаря.

Мёзер доказывает далее, что тот строй, который, по описанию Цезаря, существовал у свевов, явился результатом не естественного развития, но сознательной деятельности законодателя или «военного гения», который уничтожил старинный строй и ввел новый, соответствующий военным потребностям государства. Это предполагает какой-то пересмотр — революцию, которая должна была изменить общественный строй. Допш, и в этом случае использовавший аргументацию Мёзера, называет этот строй «Государственным социализмом»⁷. Между тем как у саксов, которые до Карла Великого мало подвергались внешним влияниям, по мнению Мёзера, сохранились исконные черты древнегерманского быта.

➤ Неправильно было бы преуменьшать значение всех этих утверждений Мёзера, ссылаясь на то, что они относятся только к Вестфалии. Несомненно, он сам придавал им более универсальное значение. Идеалом Мёзера является союз мелких свободных землевладельцев, которые возделывают свои собственные земли и крепко придерживаются старинных обычаев. Этот идеал помещен им в историю ранней Германии, до Карла Великого. Здесь имеется, может быть, известное влияние некоторых до-революционных мыслителей XVIII в., в частности Руссо.

Собственники индивидуальных дворов были полными хозяевами на своих землях, жрецами и королями в своих домах, они были господами над жизнью своей семьи и своих рабов и не отдавали никому отчета. Каждый двор, по мнению Мёзера, был как бы независимым государством, он мог находиться со своими соседями или в мирных отношениях, или в отношениях войны: каждому дому соответствовал свой домашний порядок и свой домашний мир.

В таких резко индивидуалистических чертах рисует Мёзер начало германского расселения. Для него частная собственность и двор, связанный с личным участком земли, является исконной основой общественной жизни древних германцев. Такой общественный строй представляется Мёзеру идеальным.

Этот ранний период средневековья Мёзер называет «золотой порой» германской свободы, когда в каждом немецком дворе сидел еще воин, ни один холоп не был прикреплен к земле вотчинника, когда высококоразвитое чувство чести являлось общим достоянием, когда простой староста был выборным судьей.

Этот идеальный строй, по мнению Мёзера, не претерпел существенных изменений до времени Карла Великого. Дальнейшую историю Германии он рассматривает как постепенный упадок, особенно со времени Людовика Благочестивого, или, как он его называет, Людовика Слабого.

⁷ Допш полагает, что этот «государственный социализм» («Staatsozialismus») эпохи Цезаря являлся временной мерой, вызванной потребностями войн, которые в течении долгого времени велись свевами. См. A. D o r s c h. Op. cit., SS. 63—64. (Прим. ред.)

По его словам, «из-за глупости, нужды, благочестия и в угоду ложной политике этот король пожертвовал простым народом в пользу духовенства, чиновников и имперских наместников»⁸. В результате «общая честь» («gemeine Ehre») исчезла, свобода была поглощена зависимостью, земля, которая была собственностью, превратилась в лен.

Мёзер впервые поставил в своей «Истории Оснабрюка» и другую важную проблему истории средневековой Германии — проблему марки.

Мёзер признавал, что наряду с исконной частной собственностью на землю у германцев с давних времен было налицо и общее пользование лесом, пастбищем, болотами, дорогами, т. е. землями, которые нельзя было огородить и на которых вследствие этого нельзя было завести индивидуальное хозяйство. Именно этот момент — момент общего пользования лесом и другими угодьями впоследствии положил начало объединению исконно индивидуальных дворов в общине-марке. Эти общие округа, бывшие в общем пользовании, назывались марками. По мнению Мёзера, Markengenossenschaften были первыми объединениями людей — индивидуальных собственников земли и отдельных дворов⁹. Эти выводы он основывает на своих наблюдениях над земельными порядками, существовавшими в современном ему Оснабрюке, где еще в XVIII в. сохранялись отчетливо границы старых марок, не совпадавшие ни с какими церковными, административными и судебными делениями более позднего времени.

Наличие земель общего пользования, по мнению Мёзера, заставляло устанавливать некоторые общие права пользования или общие для всех членов марки законы. Марки выбирали должностных лиц, которые обязаны были следить за выполнением этих предписаний, устраивать общие собрания. По образцу марки с ее общим пользованием возникают известные политические объединения, в которых общий мир закрепляется системой вергельдов¹⁰.

У Мёзера нет никакого понятия о родовом строе: о родовой собственности на землю нет и речи. Объединение отцов семейств, владеющих дворами и являющихся одновременно также и воинами, называется, по его мнению, *манния* (*mannia*).

Объединение их с военными целями носит название *Негманния*, или *Негбанис*. Отсюда название Германия и германцы. Термин «германцы», или «каллеманы», он применяет к свевам, а не к саксам.

Каждый владелец отдельного двора, который обладал правом самозащиты, являлся как бы держателем государственной акции. Другими словами, его политические права определялись тем, что он владел опре-

⁸ J. M ö s e r. S ä m m t l i c h e W e r k e, B d. 6. B e r l i n, 1843, S. X I.

⁹ Этот взгляд Мёзера на происхождение и характер германской общины-марки подвергся впоследствии уничтожающей критике К. Маркса. В письме к Ф. Энгельсу (в 1868 г.) К. Маркс охарактеризовал его следующим образом: «Идиотский вестфальский юнкерский взгляд (Мёзер и т. д.), что немцы поселялись каждый в отдельности и лишь впоследствии образовывали села, волости...» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. X X I V, стр. 28). (Прим. ред.)

¹⁰ Концепция происхождения марки, выдвинутая Мёзером, пользовалась большим влиянием в немецкой реакционной историографии XIX и XX вв. Она оказала влияние на Эйхгорна, позднее, в конце XIX в., на Гутмана и Виттиха, а еще позже, как уже указывалось, и на Допша. Между тем эта концепция совершенно неисторична, так как Мёзер не видит никаких различий между родовой общиной древних германцев и соседской общиной-маркой раннесредневекового периода, внутри которой уже развивалась частная собственность на землю. За этот антиисторизм, а также за произвольное толкование источников Мёзера в начале 50-х годов XIX в. резко критиковал прогрессивный русский медиевист Г. Н. Грановский (Г. Н. Г р а н о в с к и й. Соч., т. I. М., 1866, стр. 129, 134). (Прим. ред.)

деленной земельной собственностью. Отдельные таппиа, представляющие собой политическую форму объединения марки, соединялись в более крупные союзы — в государства. Каждая таппиа входила в состав государства на равных правах. Здесь уже появляется знать — Adel. Мёзер дает гипотетическое объяснение происхождению знати, указывая, что в общем войске выделились должности офицеров, которые передавались более влиятельным лицам, выдающимся в военном отношении. Эти офицеры постепенно закрепляли за собой наследственное право на свое положение в Heerbanis. На их землях происходили собрания, и таким образом они превращались в знать. Их отличали большим вергельдом. Число знатных не могло быть велико. Из среды знатных выбирали королей.

Большое значение Юстус Мёзер придает дружине. Эта дружина постепенно вытеснила Heerbann, а с упадком Heerbann'a начался и упадок первоначальной свободы. Знать стала собирать в своих руках все большее и большее количество земли. На эти земли ее представители стали сажать как свободных арендаторов, так и крепостных, причем крепостные поселенцы были для них более выгодны.

До Карла Великого старые порядки менялись сравнительно медленно, долго сохранялись прежние, исконные формы. Наблюдался лишь известный рост аристократии и подчинение свободных влиянию этой аристократии. Но при Карле Великом произошло завоевание саксов франками. Мёзер делит тогдашнюю Германию на три главных племенных объединения: на северо-востоке — саксы, на юге — аллеманы, ядром которых являются свевы, на северо-западе — франки. Между аллеманами и саксами шла непрерывная борьба, но в конце концов и те и другие подчинились франкам.

Саксы так упорно сопротивлялись франкскому завоеванию потому, что в подчинении франкам они видели конец своей политической самостоятельности. Здесь отчетливо выступают мелкодержавные тенденции Мёзера. Он отказывается ставить вопрос, был ли Карл Великий прав с моральной точки зрения, завоевав саксов. Этот вопрос о праве снят успехом Карла, как он говорит. Карл сделал очень много для величия Германии, но вместе с тем все беды для германского общества начались именно от Карла. Он уничтожил старинную саксонскую свободу, разделил страну на епископства, графства и генеральные департаменты. В эти округа направлялись *missi dominici*, которых Мёзер представляет себе в виде каких-то постоянных администраторов, а не периодических контролеров. Таким образом, Карл Великий, по мнению Мёзера, создал те силы, которые на всем протяжении германской истории, вплоть до Вестфальского мира, вели непрерывную борьбу между собой — борьбу, в которой погибла собственность, честь и свобода германской нации.

Это отношение к Карлу Великому как сокрушителю исконной германской свободы, уничтожившему самостоятельность исконного германского племени саксов, и противопоставление ему Видукинда как главного героя саксонских войн впоследствии часто встречались в работах немецких историков XIX и даже XX вв.

Я не буду проследивать изложение дальнейшей истории Германии в «Истории Оснабрюка» Мёзера. Хотя оно доведено до середины XIII в., но наибольший интерес представляет та часть работы, которая посвящена древнейшему строю германцев¹¹, поскольку высказанные здесь

¹¹ Изложение Мёзера начиная с конца правления Карла Великого всё более приобретает характер местной истории и поэтому мало интересно для истории общего развития средневековья. (Прим. ред.)

Мёзером идеи были в значительной степени восприняты последующими поколениями немецких историков.

Нельзя не отметить и некоторые сильные стороны Мёзера как историка. Мёзер стоит на точке зрения географической обусловленности исторических явлений — идея в то время уже не новая. Мы видели ее у Бодена, ее развивал Монтескье, но у Мёзера она приобретает более конкретные реальные очертания и особенно настойчиво подчеркивается. Он думает, что земельное устройство вполне зависит от характера почвы и от местоположения. Он полагает, что потребности человека именно этими условиями вызываются и удовлетворяются. Нравы, законы, религия, по его мнению, должны приспособляться к этим природным условиям. Он указывает на то, что они изменяются вместе с изменением характера почвы и ее плодородия. Например, он считает, что религия жителей гор совершенно отлична от религии пастухов и землевладельцев, а также от религии воинственного народа, который живет охотой. Поэтому, по мнению Мёзера, и землеведение также должно входить в сферу компетенции историка. В связи с этим Мёзер дает подробное описание почвы Оснабрюка, того влияния, которое она должна была оказывать на историю этого епископства.

В своей «Истории Оснабрюка» Мёзер впервые в немецкой историографии попытался дать социальную историю раннесредневековой Германии, показать в органической связи экономическую и политическую жизнь целых народов. Личность играет в его построениях совершенно подчиненную роль; его мало привлекает внешняя, чисто политическая, история; он останавливается главным образом на развитии права и учреждений.

Мёзер всегда базируется на документальном материале, и в этом отношении его приятно читать. Он враг морализирования и резонерства и всегда стремится к строго эмпирическому методу исследования и изложения. Мёзер избегает поспешных обобщений и решительно против того, чтобы пользоваться материалом из вторых рук.

Во вводных замечаниях к своей «Истории Оснабрюка» Мёзер заявляет, что у него было слишком мало времени, и поэтому он вынужден был обратиться непосредственно к первоисточникам. Этим он хотел сказать, что обращение к литературе, к тому, что писали до него другие, было бы лишь бесполезной тратой времени. Он думает, что в истории факты должны говорить сами за себя. Для его книги характерен деловой стиль без риторики. В нем чувствуется хотя и дилетант, но человек одаренный большим историческим чутьем. Несомненно, это был одаренный историк, но тем опаснее те реакционные идеи, которые он внес в арсенал идеологической реакции конца XVIII — начала XIX в.¹²

В построениях Мёзера, как мы видели, основную, решающую роль играет апелляция к традиции, к историческому преемству, к неподвижности исторических явлений. Все это обращение к прошлому связано с политическим консерватизмом. Для Мёзера характерно, что мелкую крестьянскую земельную собственность, а также бюргерскую недвижимую собственность он считает своего рода государственной акцией, своего рода основой всех политических прав. В этих взглядах уже дается руководящая линия всей реакционной историографии, которая была вызвана к жизни событиями французской революции. Правда, сам Мёзер

¹² При всей его внешней добросовестности Мёзер, как было показано выше, нередко прибегал к тенденциозному и неверному толкованию источников, вопреки их явному смыслу. (Прим. ред.)

большую часть своей «Истории Оснабрюка» написал еще до революции, когда и возникли его основные идеи, но значительная часть ее была впервые издана только после его смерти (в 1824 г.), и его исторические воззрения получили известность уже во время и после революции.

Революция, особенно для тех кругов, которые или непосредственно от нее пострадали, или так или иначе находились под угрозой, рисовалась как практическое приложение идей Просвещения. Поэтому та бешеная, иступленная вражда, которую вызвала к себе французская революция в этих кругах европейского общества, выразилась в резкой критике идей Просвещения.

Сама философия рационализма, теории общества и государства, созданные просветителями, подверглись теперь резкой критике. У Мёзера нередко эта антирационалистическая тенденция выступает очень ярко. Так, например, он одобряет то, что древние германцы обращались к гаданиям, к воле богов, а не к каким-нибудь способам разумного исследования. Слово «разумный» он здесь употребляет иронически, апеллируя к вере — против разума, к традиции, к старине — против всякого прогресса.

Идеологическая реакция конца XVIII — начала XIX в. была направлена против идеи человечества как единого целого. Мёзер также противопоставлял человека гражданину определенного государства, определенной эпохи — бюргеру. Против идеи единого человечества он и его единомышленники в будущем выставляли идею национальной ограниченности, а идее национальной свободы противопоставляли сословные связи и привилегии. В противовес идее переворота, который в корне может обновить общество, ими выдвигалась идея неподвижности, косности всех общественных отношений, или идея медленного органического развития. Эта идея органического развития, сама по себе верная, использовалась и Мёзером, и другими представителями идеологической реакции этого периода лишь для оправдания неподвижности и застоя.

Французская революция и последовавшая вслед за ней реакция показали, что старые силы феодализма, монархии, церкви были в Европе гораздо более крепки и живучи, чем это казалось философам Просвещения, которые думали именно путем просвещения перевернуть старые общественные отношения.

Свою силу феодализм показал особенно в Германии. Историки реакционного лагеря усиленно призывали к историческим традициям, которые они противопоставляли искусственным построениям разума. Отсюда их особый интерес к истории, в которой они видели источник и основу всех современных им явлений. Поэтому эпоха начала XIX в. часто называется «исторической» в противоположность неисторическому рационализму предшествующей эпохи. Однако идея закономерного исторического развития, которая, действительно, отчасти была заложена в исторических концепциях этого периода, дала в дальнейшем такие робстки, которых, конечно, не предвидели выдвигавшие их в противовес историографии Просвещения реакционные школы. Эта идея закономерного исторического развития обратилась затем в ряде случаев как раз против идеи о неподвижности и косности, против идеи медленности и постепенности исторического процесса и приобрела прогрессивное значение.

Представителям рационалистической философии пути исторического развития представлялись как процесс сознательный, наоборот, идеологи реакции подчеркивали бессознательный, стихийный характер этого

процесса. Силы, которые действуют в истории, по их мнению, — это силы, не зависящие от человеческого разума, от воли человека, это силы бессознательные. Только то прочно, что создано бессознательно, а то, что создано сознательной деятельностью человека, эфемерно и быстро разрушается. С этим была связана характерная для идеологов реакции конца XVIII — начала XIX в. теологическая идея недоступности человеческого разуму мудрости истории. Человеческая личность, по их мнению, не должна претендовать на высшую мудрость, на предначертание путей исторических событий; она должна склоняться перед неизбежным, которое является в то же время и мудрым, и благом, поскольку оно ниспослано свыше.

По существу это означало восстановление старой, теологической точки зрения о божьем промысле, который ведет человечество к цели, недоступной пониманию людей, и перед действиями которого они должны покорно склониться.

Если идеологи Просвещения в истории хотели видеть уроки для полезных преобразований, то, по мнению их оппонентов, история должна показывать уроки человеческой скромности, ограниченности человеческих сил, она должна указать те тесные, раз навсегда установленные границы, которые человек не может преступать в истории. Борьба с традицией рассматривалась ими как борьба с историческими законами, даже как борьба с богом.

В связи с этим у большинства историков реакционной школы наблюдается потеря интереса к всемирной истории. Только национальная история считается предметом, достойным изучения, а в ней главный интерес представляет именно история средних веков. К которым так трицательно относились историки эпохи Просвещения. У представителей реакционной школы история средних веков из предмета насмешки или едкой критики превращается в объект идеализации. В средних веках они видят источник всех благ — «золотой век человечества». Возврат к средневековию с точки зрения исторической представляется желательным.

В силу этого реакционные и консервативные правительства в конце XVIII и начале XIX в. особенно в Германии, начинают оказывать покровительство изучению истории, пытаются использовать ее на службе реакции. История противопоставляется революционным доктринам как неисторическим. Ей ставится официальная цель — показать, что ничего нельзя достигнуть путем переворотов, путем подражания иностранцам, особенно французам. Идея органического развития каждого отдельного народа используется для того, чтобы доказать невозможность благоговящего влияния на него тех идей или тех учреждений, которые выработались у других народов. Все это делает обязательным для каждого практического деятеля, политика и особенно юриста изучение прежде всего родной истории. Это новое течение в историографии имело и некоторые преимущества по сравнению с просветительной историографией. Оно порывало с прежним, механистическим представлением об обществе как сумме индивидуумов, с идеей о возможности механического изменения этого общества по любому рациональному плану в угоду чистой теории. Характерное для историков-рационалистов признание особой роли мудрого законодателя, который создает новый политический строй, или идея жреца, который выдумывает религию, устранились из истории. Личность ставилась в историческое окружение. Историки этого направления обращали большое внимание на изучение исторической обусловленности и закономерности, ввели в историческую науку понятие слож-

ного и часто противоречивого органического исторического развития¹³.

Однако в силу реакционности их политических воззрений и их слепой ненависти к прогрессу и революциям представители идеологической реакции использовали эти, в основе своей плодотворные, идеи для обоснования невозможности революционных переворотов, для проповеди застоя и предопределенности исторического процесса. Выдвинутые ими на этом основании теологическая и телеологическая концепции исторического процесса совершенно искажали историю, в частности историю средневековья и понятие о нации. Под нацией историки этого направления понимали не продукт определенного исторического развития, а нечто искони данное и при этом постоянное, неподвижное. В этом они видели проявление какого-то мистического «народного духа» — подлинного творца истории, в недрах которого совершается развитие истории, протекающее в сфере чистых идей, вне связи с реальными человеческими интересами и борьбой. Так, например, особенности политического строя средневековой Англии или Германии они пытались объяснить не реальной историей этих стран, а особенностями англосаксонского, или германского, «народного духа».

Этот «народный дух» историки эпохи реакции изображали, в соответствии с собственными политическими идеалами, в качестве оплота неподвижности и консерватизма. Особенно это было характерно для Германии с ее крайней политической раздробленностью и отсутствием какого-нибудь объединения, культурного и исторического. Здесь, собственно, можно было говорить только о языковом единстве. Язык поэтому и считался главным проявлением «народного духа». И реакционные немецкие историки полагали, что подобно тому, как язык якобы развивается в силу каких-то внутренних, присущих ему одному сил, без всяких внешних влияний, точно так же, в силу каких-то внутренних процессов, происходит и развитие права и государства. Всякий момент борьбы здесь был заранее исключен, всё сводилось к органическому мирному развитию.

Все охарактеризованные выше доктрины реакционной историографии конца XVIII — начала XIX в. на первых порах развивались не столько историками (у историков мы видим лишь отдельные ее моменты), сколько публицистами. Поэтому, не познакомившись с реакционными политическими мыслителями этой эпохи, нельзя полностью понять и характер реакционной историографии этого времени. Нам придется в связи с этим остановиться на публицистических произведениях эпохи французской революции и начала XIX в.

¹³ В. И. Ленин в статье «Еще одно уничтожение социализма» подчеркнул, что реакционные историки (так же как философы и экономисты) начала XIX в. внесли известный вклад в общее поступательное развитие общественных наук в Европе в период, предшествовавший возникновению марксизма. По словам В. И. Ленина, «что в учениях реакционеров — историков и философов — были глубокие мысли относительно законосообразности и борьбы классов в смысле политических событий, это Маркс указывал всегда с ясностью, не оставляющей места недоразумениям». (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 183). И далее, намечая основные этапы развития общественных наук, в том числе истории, до возникновения марксизма, В. И. Ленин пишет: «Так как эту науку строили, во-первых, экономисты-классики, открывая закон стоимости и основное деление общества на классы, — так как эту науку обогащали далее, в связи с ними, просветители XVIII века борьбой с феодализмом и поповщиной, — так как эту науку двигали вперед, несмотря на свои реакционные взгляды, историки и философы XIX века, разъясняя еще дальше вопрос о классовой борьбе, развивая диалектический метод и применяя или начиная применять его к общественной жизни, — то марксизм, сделавший ряд громадных шагов вперед именно по этому пути, есть высшее развитие всей исторической и экономической и философской науки Европы». (В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 184) (Прим. ред.)

РЕАКЦИОННАЯ ПУБЛИЦИСТИКА конца XVIII — начала XIX в. В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Переходя к рассмотрению реакционной публицистики конца XVIII в., надо сказать, что наиболее полное и яркое выражение реакция получила не в произведениях представителей феодальных классов, а в произведении человека, вышедшего из среды буржуазного общества Англии, а именно в «Размышлениях о французской революции»¹ Эдмунда Бёрка². Это выступление (1790) положило начало той реакционной публицистике, которая оказала значительное влияние и на последующую историографию. Книга Бёрка была сразу же переведена на ряд европейских языков и выдержала в течение одного года четыре издания.

Эдмунд Бёрк (1730—1797) был прекрасным стилистом и одним из самых увлекательных и блестящих ораторов Англии того времени. Выступая как виг, он постоянно драпируется в плащ защитника политической свободы, защитника английской конституции, защитника чистоты политических нравов. Однако этот кажущийся либерализм лишь прикрывает реакционное содержание его взглядов. Будучи членом партии вигов, Бёрк прежде всего выражал интересы тех социальных кругов, которые эта партия представляла,— крупного землевладения, правда уже не феодального, а буржуазного типа. Одновременно с этим виги являлись и партией крупного торгового и банковского капитала. Эти круги буржуазии были, однако, очень далеки от более прогрессивно настроенной, а порой даже революционной промышленной буржуазии, идеологию которой выражали деятели Просвещения. Вигам не надо было завоевывать власть, идти на штурм этой власти, как французской буржуазии этой эпохи, ибо они уже пользовались полнотой власти. Уступая место в парламенте представителям крупного землевладения, промышленный и банковский капитал в Англии вознаграждал себя в другой области. На его долю достались огромные доходы от ограбления колоний, от эксплуатации государственного долга, от стремительно растущей английской торговли. Все эти социальные группы, являвшиеся

¹ E. Burke. Reflections on the French Revolution. London, 1935. (В дальнейшем: *Op. cit.*)

² Эдмунд Бёрк был известным политическим деятелем, философом и публицистом своего времени. Он неоднократно избирался в парламент от партии вигов и активно участвовал в политической жизни Англии конца XVIII в. (*Прим. ред.*)

опорой партии вигов, были заинтересованы не столько в завоевании политических прав (здесь они превосходно столкнулись с обуржуазившимся землевладением), сколько в том, чтобы отстоять эти права от разраставшегося в то время в Англии демократического движения.

Англия этого времени переживала период промышленного переворота, который к концу XVIII в. успел оказать значительное влияние на весь социальный строй страны. В результате этого переворота в стране быстро формировалась промышленная буржуазия, из среды которой раздавалось требование парламентской реформы, поддерживаемое широкими слоями мелкой буржуазии. В то же время шло формирование пролетариата, росту политического самосознания которого, несомненно, должны были способствовать революционные события, происходившие во Франции. Французская революция нашла живой отклик в кругах английской промышленной буржуазии и примыкающей к ней части интеллигенции, среди мелкой буржуазии и среди складывавшегося пролетариата. Корреспондентские общества, возникшие в то время во многих частях Англии и пропагандировавшие идеи французской революции, начали серьезно тревожить господствующие классы, и в частности партию вигов.

Вот почему идеологический отпор французской революции оформился в буржуазной Англии раньше, чем даже в феодальных кругах других, более отсталых стран Европы, а вигский публицист Бёрк оказался одним из первых глашатаев этого отпора идеям революции.

Бёрк не был реакционером в английском смысле этого слова, т. е. он не был тори и не принадлежал к числу тех сторонников неограниченной монархической власти, на которых опирался в своих притязаниях Георг III. Обладая известной широтой взглядов, Бёрк выступил, например, в защиту американских колоний, против политики превращения их в простой экономический придаток Англии, против попыток английского правительства подавить их политическую самостоятельность. При этом он исходил из того, что, по его мнению, в интересах самой Англии было дать колониям возможно более широкое самоуправление.

Бёрк выступал также против деспотических притязаний Георга III, против его «министерства королевских друзей», в защиту интересов парламента, т. е. в конце концов в защиту политического господства той социальной группы, которую он представлял.

Однако, прикрываясь либерализмом и отстаивая права парламента, Бёрк в конечном счете защищал лишь права определенной общественной группы внутри господствующих классов Англии. В основе же своей его политические взгляды, несомненно, носили антидемократический характер и были направлены на усиление вигской землевладельческой олигархии и подвластного ей парламента. В противоположность писателям эпохи Просвещения, которые сами себя называли «философами», Бёрк отказывался от каких-либо общих идей и принципов, которые он пренебрежительно называл метафизикой. Он вообще отказывался рассуждать о наилучших формах правления, утверждая, что никакая конституция не бывает дурна или хороша сама по себе и что обстоятельства делают любую гражданскую или политическую систему благодетельной или вредной для человечества. Бёрк решительно отрицал идею общественного договора, которая была основной политической идеей философской и исторической мысли эпохи Просвещения, и считал, что те связи, которые существуют в обществе, устанавливаются совсем другим путем: браком, семейными отношениями, принадлежностью к одной нации. По его мнению, эти связи гораздо крепче, чем ка-

кой бы то ни было договор, поскольку они освящены богом, тогда как общественный договор такого освящения не имеет.

Но если те отношения, которые возникают в обществе, освящены богом, то как же отличить то, что в обществе является действительно достойным сохранения и развития, от того, с чем нужно бороться? Ведь даже в английской конституции, которую он восхвалял, Бёрк отмечал определенные недостатки, в частности коррупцию, разъедавшую политическую систему Англии в XVIII в.

Для того чтобы решить вопрос, что является установлением бога, а что следует отвести за счет человеческой испорченности, Бёрк призвал обратиться к опыту. По его мнению, то, что оказывается полезным для общества, является учрежденным свыше, а то, что вредно, — то «от лукавого». Существуют определенные принципы, которые позволяют отличить здоровое и заслуживающее дальнейшего укрепления и развития. Эти выдвинутые Бёрком принципы резко отличаются от критерия разумности, выдвинутого мыслителями Просвещения. Основным принципом определения достоинств или недостатков тех или иных общественных установлений Бёрк считает давность (*prescription*). Давность — самое солидное из всех прав на владение любым имуществом, а также основа всякого государства, целью которого является охрана имущества. Таким образом, давность существования того или иного учреждения служит гарантией его политической пригодности, так как является как бы его исторической проверкой. На этом принципе давности основывается даже религия. По мнению Бёрка, все религии, имеющиеся в Европе, — это религии, основанные на давности. Но помимо давности Бёрк выдвигает и другой критерий оценки общественных и политических институтов — то, что он называет презумпцией (*presumption*). Излагая теорию Бёрка, Виллер находит возможным перевести этот термин как «предрассудок»³, но это не совсем точно. Правильнее будет дать ему такое юридическое определение: это есть положение, которое устанавливает наличие фактов без полного доказательства их существования, т. е. это есть принятие на веру тех или иных фактов и их оценка, сложившихся в обществе. Такая презумпция всегда имеется в пользу уже существующего порядка. Итак, давность и презумпция в пользу существующего порядка — вот те принципы, по которым Бёрк пытается определить то, что должно быть постоянной основой общественной жизни человечества.

В противоположность индивидуалистическим тенденциям просветительного мировоззрения Бёрк отмечает, что нация не есть агрегат самостоятельных единиц, но что она имеет корпоративное существование. Конституция создается не каким-нибудь договором, а сотрудничеством многих поколений на протяжении веков. Решающую роль здесь играет не созидательная воля отдельного законодателя, а бесчисленные социальные силы, действующие в течение длительного периода. Конституция того или другого государства — это одежда, приспособленная к телу.

В противоположность индивидуализму мировоззрения эпохи Просвещения Бёрк также подчеркивает, что личность сама по себе ничтожна, личность глупа, толпа также может заблуждаться, но род человеческий в целом (*species*) — мудр и, когда ему дано время, он почти всегда поступает правильно. У Бёрка мы видим веру в бессознательную мудрость предков, в противоположность критическому духу Просвеще-

³ См. Р. Ю. Виллер. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв., стр. 116.

ния. Этим он пытается обосновать нерушимость существующего строя. То, что освящено традицией, что основывается на давности и на авторитете презумпции, то исторически оправдано⁴. Вполне понятно, что высшее место в этой традиции отводится религии. Религия, по мнению Бёрка, есть основа общества, и он считает, что английской нации в высшей степени свойственно сознание этого основного принципа общественной организации. Англичане, по его мнению, внутренне чувствуют, что религия является основой гражданского общества и источником всех благ и удобств. Он считает позором XVIII в., что основы религии подвергаются обсуждению. Законы должны искоренять атеизм. Вера должна быть укреплена запрещением всякой свободной дискуссии в религиозных вопросах.

Таковы основные политические идеи Бёрка. С этой точки зрения он рассматривает и английскую конституцию. Несмотря на отдельные ее мелкие недостатки, которые следует устранить, эта конституция представляется Бёрку идеальной. Это не временные леса, а огромное, симметрическое, пропорционально и прочно сложенное здание, которое строилось в течение столетий. Оно должно управляться аристократией, права которой основываются на давности. Аристократия, думает Бёрк, сложилась в результате отбора, происходившего в течение многих поколений. Государством, естественно, должны править люди с наибольшим социальным весом, образованием, с чувством чести, которые, как он считает, более всего присущи аристократии. Хотя он и оговаривается, что правление аристократии не должно превращаться в замкнутую олигархию, но контроль над аристократией он понимает лишь как контроль «общественным мнением», к которому правящая аристократия должна прислушиваться. Бёрк допускает существование партий, но опять-таки — только партий аристократических, типа партий вигов и торн. Бёрк является ожесточенным врагом какой-либо демократизации английской конституции. Даже избирательный закон в Англии, который представлял собой в то время грудку нелепых архаизмов, кажется ему недостаточно аристократичным. Он не только выступает против расширения числа избирателей, но думает, что это число должно быть, скорее, уменьшено. Всякие попытки сократить срок полномочий парламента вызывают его протест. По его мнению, уменьшение срока полномочий парламента до трех лет было бы убийством конституции.

Французская революция произвела на Бёрка потрясающее впечатление. Его сочинение «Размышления о французской революции» является своего рода манифестом реакции. Интересно, что оно вышло в 1790 г., когда революция еще далеко не развернулась вглубь и вширь, когда она еще, можно сказать, торжествовала свои мирные победы. Это протест не против крайностей революции, а против самих принципов революции, против ее идеологии.

Последним произведением Бёрка были письма, адресованные разным политическим деятелям и объединенные общим названием: «Мысли о перспективах мира с Директорией царевийц»⁵ (1796). Появление этих писем было вызвано намерением У. Питта заключить мир с Францией. Последние годы жизни Бёрка были посвящены борьбе с принципами французской революции, в которой он видел огромное, страшное, бесформенное привидение, отвратительный фантом. Перед французской

⁴ Эта точка зрения Бёрка очень близка к рассмотренным выше взглядам Ю. Мёзера на роль традиции и авторитет давности. (Прим. ред.)

⁵ E. Burke. Thoughts on the Prospect of a Peace with the Regicid Directory. London, 1796.

революцией он испытывал ужас, как перед чем-то сверхъестественным. Особенно яростно нападает он на революцию в своих «Мыслях о перспективах мира». Они как бы покрыты пеной бешенства, проникнуты иступленной ненавистью. На вождей революции Бёрк смотрел как на шарлатанов и узурпаторов, как на сумасшедших. Революция, по его словам, совершенно противоречащая нравственной природе, родилась в измене, обмане, фальши, лицемерии и убийствах; якобинство — это воплощенный атеизм, кощунственный апофеоз чудовищ, преступления и пороки которых не имеют себе подобных среди людей. Даже термидор не примирил Бёрка с революцией. После смерти Робеспьера он говорил, что предпочитает убитого злодея живому.

Почему этот реальный политик, о трезвости которого можно судить хотя бы по тому, как он смотрел на американскую революцию, теперь совсем потерял голову, почему он был охвачен каким-то припадком слепой, безумной, судорожной ярости? Потому что он увидел во французской революции угрозу тому аристократическому правлению, идеологом и защитником которого он был. Воззвание французской революции к демократии, не только к французской, но и к демократии других стран, — вот что выводило его из себя. Те отклики на французскую революцию, которые раздавались в Англии, казалось ему, представляли угрозу английской конституции, т. е. тем благам, которыми пользовались представители его класса. Это и заставило его объявить крестовый поход против французской революции, выступить в качестве рыцарского защитника косности и застоя и яростного противника всяких новшеств.

Вполне понятно, что у всех сторонников и защитников реакции произведения Бёрка встретили самый благоприятный прием. Георг III был в восторге, Екатерина II прислала ему поздравление с выходом в свет его «Размышлений». Ослепленный своей ненавистью к революции, Бёрк совершенно не понимал ее истинных причин и даже не хотел их понять. Он отказывался верить, что революцию могли вызвать народные бедствия, и считал, что она явилась результатом ложных учений, которые распространились в народе. В своих письмах «О перспективах мира с Директорией царубийц» он нападал на атеистов, которые, по его мнению, были главными виновниками французской революции. Кроме того, он видел здесь какой-то заговор. Он думал, что французские политики, которые воспитывались на идеях античности, на идеях Римской республики, считали, что государство с республиканским строем более способно к вооруженным захватам, чем монархическое государство, что они сделали такой вывод из опыта Римской республики и Римской империи и поэтому решили установить во Франции республику, чтобы успешнее производить расширение французских владений, чтобы захватывать все новые и новые области⁶.

Говоря о Франции, Бёрк не забывает и об Англии. Он обрушивается чрезвычайно свирепо на сочувствие к бедным трудящимся классам, которое, по его мнению, в последнее время стало распространяться и в Англии. Новый, появившийся в Англии термин «labouring poor», по его словам, совсем не так невинен, он глуп и опасен; такими словами нельзя бросаться. Уже в росте пролетариата и в том сочувствии, которое вызывают его бедствия в известных кругах английского общества,

⁶ В этом крайне наивном объяснении причин французской революции, по-видимому, косвенно отразились страхи английской торговой и финансовой буржуазии, которая видела угрозу своему господствующему положению на мировом рынке со стороны Франции в случае, если она усилится в результате революции. (Прим. ред.)

Бёрку чудится реальная опасность для вигской аристократической английской конституции.

Бёрк предсказывал, что, чем дольше во Франции будет существовать новый режим, тем большую опасность он будет представлять для соседей. Полагая, что контрреволюция не может возникнуть внутри самой Франции, Бёрк призывал к вооруженной интервенции против революционной Франции и был решительным сторонником участия Англии в этой войне.

Такова реакционная идеология Бёрка в целом. Теперь вернемся еще раз к его книге «Размышления о французской революции» и остановимся на ней несколько подробнее.

В этой книге Бёрк называет себя сторонником свободы; он заявляет, что любит мужественную, моральную, упорядоченную систему, во всяком случае он любит её не меньше, чем любой джентльмен из революционного «Общества», но он желает знать, во что выльется эта свобода во Франции, будет ли она совмещена с твердым управлением, с повиновением армии, с правильным поступлением налогов, с религией и моралью, с уважением к собственности, с миром и порядком. Бёрк сознает, что революция представляет кризис не только для Франции, но и для всей Европы. Это наиболее поразительное явление во всей истории, странный хаос легкомыслия и свирепости, сочетание преступления с глупостью, чудовищная трагикомическая сцена. Она вызывает презрение и негодование, смех и слёзы, отвращение и ужас.

В противоположность французской революции Бёрк восхваляет английскую революцию. Это кажется несколько неожиданным, но тут вопрос в том, какую английскую революцию он имеет в виду. Оказывается, что революцию 1688 г., вторую «бескровную» революцию, а подлинную революцию 1640—1660 гг. он даже не удостоивает названия революции, а называет ее «смутой» («*rebellion*»). Революцию же 1688 г. Бёрк восхваляет за ее лояльность, за ее легитимизм, за сохранение наследственности и преемственности в монархии. Английский народ, по его мнению, считает неопределимой драгоценностью свою древнюю конституцию, и революция 1688 г. произошла именно во имя сохранения этой старинной конституции, основанной на давности. По мнению Бёрка, революция 1688 г. была охранительной революцией, которая защитила наследие отцов. Она примыкает к «Великой хартии вольностей», ко всем другим хартиям английского народа, которые должны были охранять его вольности от каких-либо покушений, восстанавливать нарушенный исконный порядок, наиболее священные права и свободы английского народа, являющиеся его наследственным достоянием. По словам Бёрка: «Согласно английской конституции все вольности английского народа рассматриваются как наследственное владение, которое перешло к нам от наших предков и должно быть передано нашим потомкам; как владение, принадлежащее народу этого королевства безотносительно к какому-либо другому, более общему или более древнему праву»⁷.

Вот какую и как понятую революцию Бёрк противопоставляет французской революции. Английская конституция, считает он, вполне соответствует порядку природы, она непрерывно естественно обновляется, как человеческий род.

Франция тоже должна была бы обновиться путем обращения к своим старинным свободам, тогда ее ожидали бы всевозможные мораль-

⁷ E. Burke. *Op. cit.*, p. 31.

ные и материальные блага, но она пошла по пути бедствий и преступлений, восстала против самого кроткого и законолюбивого монарха и в результате попала в пучину бедствий. Было ли это необходимо? По мнению Бёрка, нисколько, ибо Франция пользовалась миром и благополучием.

В бездну преступлений и несчастий ее ввергли неосмотрительные и неопытные политики, устранившие от власти землевладельческую аристократию. Чтобы доказать это, Бёрк подвергает анализу состав Национального собрания. Решающую роль в нем, как признает Бёрк, играли лидеры третьего сословия, люди часто талантливые, но лишенные политического опыта, чистые теоретики. Большинство из них — неизвестные провинциальные адвокаты, люди без богатства, влияния, уважения, а стало быть, без уважения к самим себе. Они были опьянены своим внезапным величием. Это крючкотворы, которые должны были желать смуты, чтобы ловить рыбу в мутной воде. Они создали такую конституцию, которая должна была произвести перемещение собственности и дать повод ко всевозможным недоразумениям и процессам, потому что само существование этих мелких провинциальных адвокатов зависело от того, что делает собственность сомнительной и неопределенной. Другие представители третьего сословия, близорукие и ограниченные купцы, врачи, неопытные политики, не могли их обуздать.

Но главная беда Национального собрания состоит, по мнению Бёрка, в том, что в нем слабо представлена основа нации — землевладение, тогда как в английском парламенте землевладение является основой представительства. Духовенство же представлено в Национальном собрании главным образом деревенскими кюре, этими ограниченными бедняками, ненавидящими богатство: получить часть этого богатства они могли надеяться, только вызвав общую свалку. Поэтому они не только не противоречат третьему сословию, но, напротив, являются его помощниками.

Бёрк обрушивается на выдвинутую французской революцией идею равенства. Эта идея, по его мнению, извращает естественный порядок вещей. Бёрк восклицает: «Горе стране, которая неразумно и без благочестия отвергает в гражданском, военном и церковном управлении услуги талантов и добродетелей, ниспосланных ей милостью бога, чтобы они служили ей; но горе и той стране, которая, бросаясь в обратную крайность, считает, что право на власть должно принадлежать лишь людям малообразованным, с ограниченными взглядами, низших, оплачиваемых профессий»⁸. Правильным представительством Бёрк считает такое, которое отражает и таланты, и собственность, но собственности должно быть отдано предпочтение перед талантами, потому что таланты активны, подвижны, а собственность инертна и робка. Поэтому, чтобы таланты не заменили собственность, она должна доминировать в представительстве.

Характерной особенностью всякой собственности, которая вытекает из принципов ее приобретения и необходимости ее защиты, является неравенство. Для общества важно сохранить богатство в руках определенных родов. На этом принципе основана палата лордов, но земельная собственность является также и основой палаты общин.

Возвращаясь далее к идее неравенства, Бёрк осуждает тех, кто считает, что 24 миллиона французов должны преобладать над 200 тысяч французских дворян, ибо, по его мнению, конституция королевства не

⁸ E. Burke. Op. cit., p. 48.

есть проблема арифметики. Воля большинства и его истинный интерес часто расходятся. Так как собственность во Франции разрушена, то она больше не может управлять страной, и, вновь обращаясь от Франции к Англии, Бёрк старается уверить себя и других в неизбежной прочности английских учреждений.

Из изложения Бёрка видно, что происходящее во Франции землетрясение дает подземные толчки и в Англии, так что Бёрку, говоря о французской революции, всё время приходится обращаться к Англии. Он рисует все те ужасы, которые ожидают Англию, если бы она последовала примеру Франции. Английская конституция с ее неравномерным представительством, основанным на неравенстве, является, по мнению Бёрка, наиболее совершенной. Да и вообще, говорит он, не стоит спорить с защитниками «прав человека», которые не признают ни опыта, ни давности, ни компромисса.

Бёрк, правда, признает, что у человека есть определенные права. Это право на плоды своего труда, на наследство родителей. Человек может делать всё, что не нарушает чужих прав. Но в сообществе людей не все должны пользоваться одинаковыми правами. Кроме того, он полагает, что наука об устройстве государства, об его обновлении и реформах, как и всякая опытная наука, не может быть построена а priori, как это полагали философы эпохи Просвещения. Она познается долгим опытом, причем следствие не всегда непосредственно идет за причиной, иногда то, что кажется дурным, потом, в результате долгого опыта, дает хорошие результаты. Вообще опыт превосходит человеческую жизнь, здесь необходима длительная историческая проверка. И, наоборот, так как природа человека запутана, общественные объекты необычайно сложны, то теория может быть верна метафизически, но ложна морально и политически.

Бёрк оплакивает участь французского короля и особенно королевы, что вызывало насмешки у современников, которые находили его слезливые сентенции по этому поводу самым слабым местом во всем памфлете.

Полагая, что Франция должна была искать избавления от всех своих бед в восстановлении старинных французских прав и вольностей, Бёрк обращается и к истории Франции. В старой Франции он видит истинную свободу на почве благородного духа рыцарства, который смягчал деспотизм монархической власти. Новые же идеи, которые теперь господствуют во Франции, далеки от этого благородного духа. Это, по мнению Бёрка, «варварская, механическая философия», чуждая любви, почтения, благоговения, без которых не может быть истинно законного строя. «Не подлежит никакому сомнению,— пишет он,— что наши нравы, цивилизация, все блага, связанные с нравами и цивилизацией в европейском мире, в течение столетий основывались на двух принципах и были результатом их комбинации. Я имею в виду дух благородства (точнее, джентльменский дух) и дух религии»⁹. «Даже промышленность, торговля, мануфактуры — эти боги наших политэкономов — являются не чем иным, как порождением этих принципов»¹⁰, — добавляет Бёрк.

Поэтому самым ужасным в революции Бёрк считает то, что она производит переворот в чувствах, нравах, в моральных устоях. Свой памфлет он заканчивает угрозой по адресу тех, кто сочувствует французской революции.

⁹ E. Burke. Op. cit., p. 76.

¹⁰ Ibid.

Вслед за выступлением Бёрка начинаются отклики на революцию со стороны представителей феодального дворянства, пострадавших непосредственно от самой революции. Прежде всего среди них следует назвать маркиза Луи Бональда (1753—1840). Это один из самых диких, замшелых французских реакционеров того времени. В 1791 г. он эмигрировал и сражался против революции в рядах интервентов. В период наполеоновской империи Бональд возвратился во Францию; в 1815 г., после реставрации, он был выбран членом палаты, где возглавлял крайнюю католическую, ультрамонтанскую партию. Во время революции 1830 г. он отказался присягнуть новому королю Луи-Филиппу, был лишен депутатских полномочий и конец жизни провел в уединении в своем родовом замке. Находясь в эмиграции, он выпустил в 1796 г. в Констанце свой трактат «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе, показанная как путем рассуждений, так и истории»¹¹.

Л. Бональд — типичный идеолог разгромленной революцией французской феодальной аристократии. В своем трактате он ополчается против выдвинутого французской революцией и философией Просвещения принципа индивидуализма. Он нападает на теорию общественного договора. Государство, по его мнению, не есть результат соглашения, возникшего в результате свободного волеизъявления независимых индивидов, а независимое от воли людей создание природы. Общественное устройство с такой же необходимостью вытекает из природы, как и физиологическое строение человека. Поэтому человек существует только для общества и должен во всем ему подчиняться.

Первым и основным законом всякого общества Бональд считает государственную религию, вторым — единство государственной власти и третьим — сословные различия¹². Но эти основные природные законы, по мнению Бональда, теперь помрачены вмешательством разума, крушением традиций, свободным толкованием в вопросах веры. Бональд занимается долгим политическим розыском в прошлом и находит истоки этого трехопадения не только в идеях французского Просвещения, но и в идеях общественного договора XVII в. и еще ранее, в идеях реформации, даже в идеях предшественников реформации — Уиклифа и Гуса, а также у францисканцев XIII—XIV вв. Будучи представителем крайне правого течения в католической религии, осужденного католической церковью, — так называемого традиционализма, — Бональд отрицал всякую роль разума в вопросах веры. Столь же реакционны и его политические воззрения.

Бональд заявляет в своем трактате, что он предпочитает египетское государство фараонов английской конституции, в которой он видит раздробление государственного единства. По его мнению, англичане — самая отсталая нация, потому что у них самое плохое государственное устройство. На Англию Бональд переносит те упреки, которые Бёрк бросает Франции. Бёрк находит, что зараза Просвещения шла из Франции, называя при этом Вольтера, Гельвеция и др., тогда как английский ум недоступен для этой заразы. По мнению же Бональда, наоборот, философская зараза шла из Англии от политических мыслителей

¹¹ L. B o n a l d . Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile, démontrée par la raisonnement et par l'histoire, vol. 1—3. Paris, 1843.

¹² Это значит, что наиболее нормальной формой общественной и государственной организации Бональд считает феодальную абсолютную монархию, существовавшую во Франции до революции. Основные признаки этого государства он превращает в общие законы, управляющие якобы всяким человеческим обществом. (Прим. ред.)

XVII в. Сам он вообще отрицает всякую возможность философии как попытки построить рационалистическую систему. Более того, он призывает искоренить всякую философию и особенно надеется в этом деле на иезуитов, в которых он видит борцов за истинную веру. Вера же, по мнению Бональда, должна заменить философию.

Другом и единомышленником Бональда был Жозеф де Местр (1754—1821), савойский граф и воспитанник иезуитов. В молодости он учился в Туринском университете и находился под некоторым влиянием идей Просвещения, в частности Руссо, но революция, из-за которой де Местр потерял состояние и должен был эмигрировать, вызвала полный переворот в его взглядах.

В эмиграции Жозеф де Местр, лишенный средств и озлобленный, скитался по Европе. Он был в Лозанне, Венеции, Сардинии, наконец попал в обетованную страну эмиграции — Петербург в качестве посланника несуществующего сардинского короля. В Петербурге протекала основная его деятельность — с 1802 до 1817 г. Здесь он хлопотал в пользу иезуитов, давал реакционные советы министрам, особенно по вопросам народного образования. Последние годы жизни он провел в Турине. Отличаясь большой литературной продуктивностью, Жозеф де Местр за время эмиграции выпустил ряд произведений, в которых ярко сказались его реакционные взгляды.

Первое произведение Жозефа де Местра, направленное против революции, озаглавлено почти как у Бёрка. Бёрк назвал свое «Размышления о французской революции», а Жозеф де Местр — «Соображения по поводу Франции»¹³. Это сочинение, как и трактат Бональда, вышло в 1796 г.

По мнению Жозефа де Местра, который стоит на религиозной точке зрения, французская революция имеет сатанинский характер, но и в ней сказалась «рука божья», которая покарала человечество за отпадение от единой католической церкви, предназначенной для спасения людей. Выход из создавшегося в результате революции положения он видит в восстановлении религии и соответствующего с религией политического устройства.

Для Жозефа де Местра характерен озлобленный, пессимистический взгляд на человеческую природу вообще. Если Руссо говорил, что человек рождается свободным, то де Местр считает эту мысль глубоким заблуждением. По закону природы рабы, по его мнению, должны быть во всяком обществе, они составляют базу, на которой строится общество. Де Местр подчеркивает, что хотя христианство как будто бы выступало против рабства, но оно его полностью не отменило, а лишь смягчило. Исходя из этого, он делал вывод, что общество людей, которые являются дурными по своей природе, может управляться только насильственными средствами — террором, страшными наказаниями. В этом обществе всегда должен оставаться неприкосновенным, непрекаемым высший авторитет церкви и государства.

Во главу угла своей реставрационной идеологии Жозеф де Местр ставил непогрешимость папы и абсолютизм государя, причем он считал, что оба эти принципа базируются на мистическом начале, представляя собой эманацию «божественной власти». Монарх получает свою власть «по божественному праву». Поэтому, с точки зрения де Местра, идея общественного договора не только не верна, но она нечестива. Истинная основа общества — органическая связь единиц и част-

¹³ J. M a i s t r e. *Considérations sur la France*. Paris, 1936.

ных групп с государством, которое от них независимо и представляется только монархом. Обязанности подданных по отношению к монарху определяются не правом, не договором, а религией, они являются религиозной и нравственной обязанностью людей и власть государя абсолютна, не менее абсолютна и власть папы, который должен стоять над всеми монархами. Даже попытки французских королей ограничить власть папы (в период формирования галликанской церкви) возбуждают его возмущение.

У де Местра мы как будто бы не видим таких крайностей, как у Бональда, который отрицает всякий разум, признает только существование знания, которое дает религия. Де Местр говорит, что необходимым вышший синтез трех принципов — веры, философии и положительной науки. Однако поскольку он при этом считает, что вере должно принадлежать первое, определяющее место, а положительным наукам — последнее, подчиненное, то по существу он отрицает сколько-нибудь действительную роль науки.

Характерно, что один из своих трактатов де Местр специально посвятил нападкам на философию Ф. Бэкона¹⁴, обвиняя его в том, что он хотел придать естественным наукам значение основы всякого знания. В философии Бэкона де Местр видит подлинный источник всех зол, постигших европейское общество.

В своем произведении, где он наиболее ярко высказывает свои общие реакционные взгляды, — в «Петербургских вечерах»¹⁵ (1821), написанных в виде вымышленных разговоров с разными людьми, де Местр также выступает против всякого критического, анализирующего духа науки. Он доходит до такого обскурантизма, что нападает на книгопечатание, в котором философы эпохи Просвещения видели один из важнейших показателей прогресса знаний и разума. Де Местр не одобряет также развитие химии, считает нечестивой мысль о том, что вода представляет собой сложное соединение элементов. Такие новые слова, как азростат или кислород, вызывают в нем отвращение. Его идеал — средние века. Он дает идеализированную картину средневековья, когда папский трибунал решал все дела, касающиеся веры и знания, и таким образом, по его мнению, охранял культуру, и выражает надежду, что настанет время, когда епископы будут разрешать все вопросы, касающиеся культуры и знания.

Подобно Юстусу Мёзеру, де Местр ненавидит понятие — «человек вообще». По его словам, он никогда не встречал человека вообще, но всегда встречал только разных людей. Он знает немцев, итальянцев, русских, но «человека вообще» он никогда не видел. Это нечестивое мышление философии Просвещения. По мнению де Местра, участие народа в делах управления есть лживый призрак. Всякая писаная конституция — негодный клочок бумаги. На ней нет таинственной печати помазания, нет той силы, которую придают учреждениям темные и иррациональные их истоки. Здесь он, подобно Бёрку, высказывает взгляд, что именно в отдаленном прошлом, в иррациональном начале, в презумпции лежит основа прочности всех учреждений. Такие темные и иррациональные истоки имеют нравы, обычаи, предрассудки, которые господствуют над людьми независимо от их воли и сознания.

Писаная конституция всегда бездушна, вся суть — в «народном духе». Государство — живой организм и живет силами и свойствами,

¹⁴ См. J. Maistre. Examen de la philosophie de Bacon. Paris, 1836.

¹⁵ J. Maistre. Les soirées de Saint Pétersbourg. vol. 1—2. Paris, 1888.

коренящимися в далеком прошлом. Де Местр думает, что именно в монархии государство находит наивысшее свое выражение. Монархия есть не что иное, как видимая и осязательная форма патриотического чувства. Монархия — это воплощение отечества в одном человеке, который выступает в качестве священного носителя и представителя идеи родины. Поэтому де Местр против всякого ограничения монархии не только в пользу демократии, но и в пользу аристократии. Сословное деление вовсе не есть основание для политической самостоятельности сословий. Сословия являются лишь органами монархии. Высшее сословие — дворянство — является главным исполнителем монаршей воли. Дворяне — прирожденные стражи охранительных принципов государства. Для установления твердой монархии, для подавления революционного движения лучшим средством является инквизиция, смертная казнь. Вот почему де Местр доходит до того, что без всякого стеснения пишет свою знаменитую «Апологию палача». Таков этот реакционер из реакционеров.

К той же группе, как Бональд и Жозеф де Местр, принадлежит и известный французский писатель — виконт Шатобриан (1768—1848). Он проводил реакционные идеи в художественной литературе, но не был чужд и политической публицистике.

В 1797 г. он, находясь в эмиграции в Англии, выпустил свой «Политический, исторический и моральный опыт о революциях древних и новых»¹⁶. Это обозрение всех политических переворотов, которые он называет общим именем революции, от Древней Греции до настоящего времени, носит совершенно хаотический и сумбурный характер.

Гораздо важнее для истории развития реакционной историографии начала XIX в. другое его произведение — «Гений христианства, или красота христианской религии»¹⁷.

В этом 8-томном произведении полубеллетристического характера, которое вышло в 1802 г., Шатобриан хочет доказать, что счастье человечества — в христианской вере, что из всех религий христианство есть самая человеческая, самая благоприятная для свободы, искусства и науки, что современный мир обязан христианству всем. В средневековье, когда, по его мнению, этот «гений христианства» господствовал, Шатобриан видит истоки высшей морали, высшей поэзии и высшего искусства, идеал общественного и политического устройства. Он говорит, что нет ничего божественней морали христианской религии, ничего привлекательнее и прогрессивнее ее догматов, ничего торжественнее ее культа. Она якобы покровительствует гению, развивает вкус, благородные страсти, дает мысли силу, сообщает писателю прекрасные формы и художнику совершенные образы. К. Маркс в одном из писем к Ф. Энгельсу дал уничтожающую ироническую характеристику Шатобриана как писателя и мыслителя. В этом письме К. Маркс пишет: «Читал книгу Сент-Бева о *Шатобриане*, писателе, который всегда мне был противен. Если этот человек во Франции сделался так знаменит, то потому, что он во всех отношениях являет собой самое классическое воплощение французской *vanité* [тщеславия], притом *vanité* не в легком фривольном одеянии восемнадцатого века, а романтически замаскированной и важничавшей новоявленными выражениями; фальшивая глубина, византийские преувеличения, кокетничанье чувствами, пестрое

¹⁶ F. Chateaubriand. Essai historique, politique et morale sur les révolutions anciennes et modernes, vol. 1—2. Londres, 1814.

¹⁷ F. Chateaubriand. Génie du christianisme, ou Beautés de la religion chrétienne. Paris, 1885.

хамелеонство, word painting [словесная живопись], театральность, sublime [напыщенность], одним словом — лживая мешанина, какой никогда еще не бывало ни по форме, ни по содержанию»¹⁸.

То, что выражают в публицистической форме Бёрк, Бональд, Жозеф де Местр и в поэтической — Шатобриан, то в тяжеловесной форме выразил профессор государственного права Бернского университета Карл-Людвиг Галлер (1768—1854). Галлер, как и Мёзер, происходил из провинциального угла Европы, правда несколько менее захолустного, чем Оснабрюк. Он был родом из Швейцарии, из города Берна, и принадлежал к бернскому городскому патрициату. Надо сказать, что Бернская городская республика в то время представляла собой интересную коллекцию разных феодальных и архаических форм. Город Берн, управление которым носило аристократический, олигархический характер, держал в полной от себя зависимости весь Бернский кантон. Патрициат, господствовавший в городе, представлял собой замкнутую группу богатых семей, доступ в которую был закрыт для новых людей. Только члены этой группы могли входить в городской совет. Деревня была совершенно подавлена и эксплуатировалась городом. Патрицианский городской совет запрещал даже организацию школ в деревнях. Управление городом и кантоном осуществлялось при помощи полицейского террора. Смертная казнь полагалась за самое маленькое преступление.

Но повсюду в Швейцарии в конце XVIII — начале XIX в. быстро развивалась промышленность, росла буржуазия, возникал промышленный пролетариат. В связи с этим даже в Берне началось движение, направленное против городской олигархии. Вместе с тем из Франции сюда етали проникать идеи просветительной философии. Деятельность Руссо, протекавшая в Швейцарии, способствовала распространению его идей среди швейцарской буржуазии, несмотря на то что олигархия Берна и других городов-кантонов пыталась противодействовать этому с помощью свирепой цензуры.

К.-Л. Галлер занимал высокие должности в Бернском городском управлении. В 1798 г., когда началась война с революционной Францией, Берн дольше всех оказывал сопротивление. Однако результатом этой войны было уничтожение прежнего швейцарского политического устройства и основание Гельветической республики. В 1798 г. Галлер вынужден был эмигрировать. Он бежал в Австрию, опорный центр европейской реакции того времени, и в Вене провел годы эмиграции. В 1806 г. Наполеон восстановил Бернский кантон, и Галлер вернулся в Берн, где у власти снова оказались его друзья. Но сам он уже никакой административной должности не занял, а сделался профессором государственного права в Бернском университете.

После реставрации 1815 г., когда в Берне был восстановлен прежний политический строй, Галлер снова получил место в правительстве, но в 1821 г. он, проникутый преклонением перед средневековьем, принял католичество, вследствие чего уже не мог занимать административный пост и оставаться профессором в протестантском Берне. Он вынужден был эмигрировать в Париж, где служил в министерстве иностранных дел, был профессором в Ecole de chartes. После июльской революции он был лишен должностей и опять вернулся в Швейцарию, где прожил до глубокой старости, продолжая писать и высказывая в своих писаниях озлобленное непонимание всей новой истории Европы

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 425.

и видя во всех совершавшихся вокруг него событиях интриги якобинцев и масонов.

Главным сочинением Галлера является «Реставрация государственной науки, или теория естественного общественного состояния, противоположенная химере искусственного гражданского»¹⁹.

Этому тяжеловесному названию вполне соответствует и чрезвычайно тяжеловесное содержание этого произведения. Всего с 1816 по 1825 г. вышло 6 томов.

В этом труде Галлер, как все представители реакционного направления в историографии, прежде всего обрушивается на еретическую, по его мнению, идею общественного договора. С ненавистью и ожесточением говорит он об учении Руссо о первоначальном равенстве людей. Вместе с тем, подобно представителям просветительной философии, он пытается основывать свои взгляды на законах природы. В терминологию просветительной философии он вкладывает совершенно другое содержание. Просветители говорили о естественном праве, противопоставляя его традиции. Галлер же, напротив, выводит «естественное состояние» из традиции²⁰. Закон природы, по его мнению, требует, чтобы господствовал сильнейший. Естественным законом, следовательно, является господство и подчинение. Своё выражение этот закон находит в том, что всегда муж правит женой, старик — молодым, землевладелец — батраком, врач — больным, учитель — учеником, юрист — подзащитным. Равенство противоречит законам природы, оно глубоко несправедливо. Конечно, отношения господства и подчинения должны быть в какой-то мере смягчены законами долга и любви, но это смягчение не является результатом какого-нибудь договора, вообще какого-нибудь политического учреждения. Гарантией против злоупотреблений могут быть только религия и нравственность. Злоупотребления властью, конечно, возможны, но такие злоупотребления Галлер предпочитает возмущению подданных против божественного порядка.

Власть в государстве существует не по поручению народа, а в силу приобретения. Приобретается же она как всякая частная собственность, которую можно захватить, купить, обменять, взять в приданое.

Галлер различает две формы управления — монархию и республику. Монарха он определяет как типичного феодального властителя. По его словам: «Это богатый, сильный и поэтому независимый человек». Он повелевает другими, сам же он никому не служит. Если в таком положении оказывается не один человек, а целая корпорация, тогда имеет место республика. Республика, по мнению Галлера, — это сильная, богатая, независимая община. Республиканскую форму правления он избирает по образцу аристократической республики Берна.

Государь — первое должностное лицо в стране, его полномочия выводятся из начал его свободы и собственности. Государь, по мнению Галлера, существует не для народа, но прежде всего и главным образом для себя.

Уже такое понимание государственной власти свидетельствует о том, что политическому идеалу Галлера больше всего соответствует

¹⁹ K. L. H a l l e r. Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie der natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des Künstlichbürgerlichen entgegengesetzt, Bd., 1—6. Winterthür, 1820—1834.

²⁰ Галлер всё время старается доказать, что его философия и политическая теория также основываются на законах человеческой природы и на естественных правах человека. Но эти естественные права и законы он понимает только как результат традиции. (Прим. ред.)

патримониальное, или вотчинное, государство, описанию которого он и посвящает второй том своей «Реставрации». При такой патримониальной организации правитель владеет государством, как помещик владеет своей вотчиной. Суверенитет государя — это его личная свобода и независимость. Он подчиняется только богу и естественным законам. Должностные лица — только его слуги. Подданство Галлер понимает в чисто феодальном смысле слова. Подданные такого государя вовсе не обязаны помогать ему во время войны, если только они не связаны особым служебным договором, не обязаны также уплачивать подати, если они добровольно не берут на себя это обязательство. Исходя из этого, Галлер выступает против понятия патриотизма, которое может объединить подданных и породить в их среде идею единства, тогда как в действительности единство подданных может исходить только от власти их вотчинного государя.

Галлер выступает против всеобщей воинской повинности, так как государь, по его мнению, должен вести войны за свой счет. Да и вообще он считает, что каждый имеет право вести войну, если обладает для этого достаточными силами и средствами. Если человек независим, имеет собственное войско, то он государь и может вести войну. Каждый может защищать свое право сам, если у него есть надлежащие силы. С этой точки зрения Галлер рассматривает закон как личное волеизъявление государя. Все гражданские и уголовные законы — это не более как инструкция для слуг государя. Судебная власть не есть привилегия верховной власти, она принадлежит каждому, кто имеет для этого достаточно могущества. Это право юридической защиты, которую может давать каждый. Поэтому Галлер допускает самосуд и кулачное право в случае, если власть не дает юридической защиты. Он считает, что можно защищаться частным образом даже от государя. Он полагает, что было бы очень хорошо, если бы в государстве существовали местные частные союзы, которые могли бы использоваться даже для вооруженной защиты²¹.

Хотя Галлер ратует против индивидуализма просветителей, сам он в конце концов приходит к еще более крайнему индивидуализму, к идее полного распада государства, хотя на совершенно другой основе, чем философы Просвещения. С точки зрения Галлера, правом свободы и независимости в государстве может пользоваться не всякий человек, а лишь богатый, сильный, обладающий собственными средствами, т. е. сильный и независимый человек, в феодальном смысле, — феодальный сеньор.

В качестве феодального сеньора государь сам может свободно распоряжаться доходами и расходами. Финансы — это личное хозяйство государя, а не общественное распоряжение его личным имуществом. Все, что делает государь для подданных, для их безопасности, благосостояния и образования, — это есть его благодеяние, но ни в коем случае не обязанность. Одним словом, с точки зрения Галлера, право государя и граждан — это частное личное право. Государственное право является лишь усиленным частным правом.

Таким образом, мы видим у Галлера откровенную идеализацию феодальных отношений, стремление реставрации феодального государства, обращение к идеалам средневековья.

Итак, реакционная публицистика решительно повернулась лицом к средневековью: в средневековье ее представители видели настоящие

²¹ Галлер по существу призывает к политическому распаду государства, к реставрации даже не абсолютизма, а полной феодальной раздробленности. (Прим. ред.)

истоки того здорового социального, политического и культурного строя, который, как они считали, был затемнен и помрачен новыми идеями. Мысль о том, что развитие общества идет органическим путем, что оно связано с традицией, основано на давности и незапятнанности своего происхождения, заставляла этих идеологов реакции обращаться к средневековью, уделять ему особое внимание.

Мы видели, что реакционная публицистика конца XVIII — начала XIX в. стремилась опровергнуть идеологические установки, которые были даны историографией Просвещения. Развивая теорию постепенного органического развития, идущего изнутри самого общества, а не навязанного извне, придавая огромное значение традиции, идеология реакции стремилась обосновать отсутствие всякого развития, всякого прогресса в истории. Прогрессивной, оптимистической в основном точке зрения историков эпохи Просвещения она противопоставляла идею политического застоя. Ее представители постоянно обращались к средневековью, как ко времени, когда, по их мнению, существовали идеальные общественные формы, когда еще не произошло великое грехопадение рационализма, осмелившегося подвергнуть критике всё священное и не подлежащее критике, отчего и произошли все дальнейшие бедствия. Сама революция рассматривалась ими как результат тех ложных, еретических идей, которые вдруг охватили общество²². Реакционная публицистика призвала вернуться к органическим истокам, к средневековью, когда будто бы не было противоречий между верой и разумом. По мнению ее представителей, в XVI и даже еще в XIV в. сознание европейского общества начало отравляться этим разладом между разумом и верой, который в конце концов привел к страшной революции. Значение религии, так сильно подорванное в эпоху Просвещения, стало снова выдвигаться на первый план. Мистические представления о «народном духе», о какой-то «неизменной», изначальной, особой природе, присущей каждой нации, легли в основу этого реакционного исторического мировоззрения.

И хотя в результате особого интереса к средневековью у реакционных публицистов и политических мыслителей этой эпохи появился целый ряд важных и полезных исследований по истории этого периода, однако картина средневековья, которая давалась в исторических сочинениях писателей этого толка, часто оказывалась совершенно искаженной в угоду их политическим симпатиям²³.

²² Характерно, что, будучи убежденными противниками рационализма, на котором основывалась вся политическая мысль и социология Просвещения, реакционные писатели конца XVIII — начала XIX в. сами не могли отречься от чисто рационалистического объяснения причин французской революции, сводя их в конечном итоге к влиянию просветительных идей и совершенно отрицая наличие внутренних объективных закономерностей этого исторического явления. Таким образом, они сами также не избежали известного влияния столь ненавистного им рационалистического мировоззрения. (*Прим. ред.*)

²³ Общие идейно-методологические установки реакционной публицистики и политической мысли конца XVIII — начала XIX в. определяли в значительной мере характер нового реакционно-романтического направления в историографии, в частности в медиэвистике, которое в первой половине XIX в. получило широкое распространение во многих странах Западной Европы и более всего в Германии. (*Прим. ред.*)

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX в. ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПРАВА

В Германии в первой трети XIX в. реакционно-романтическое направление в историографии заняло господствующее положение. Одной из ветвей этого историографического направления была так называемая историческая школа права, сыгравшая большую роль в развитии европейской медиевистики XIX в.

Но прежде чем говорить об этой школе, необходимо остановиться на исторической обстановке, в которой она сложилась.

Историческая школа права возникла и расцвела главным образом в феодальной еще Германии, где отсутствие реальных предпосылок для буржуазной революции заставляло немецкую интеллигенцию погружаться в какие-то полуфантастические, мистические настроения.

Небольшая интеллигентная верхушка, выражающая идеологию слабой еще немецкой буржуазии, оторванная от народных масс, не имеющая опоры в каком-нибудь широком общественном движении, мало связанная с действительностью, мало действенная в условиях господства феодально-крепостнических отношений в Германии, своеобразно преломляла в отвлеченно-философских, поэтических или фантастических представлениях те прогрессивные идеи, которые так ярко и конкретно были выражены во Франции. Но чем более теоретическими были эти построения, чем больше они оставались в области чистой мысли, тем меньше они стеснялись какими-нибудь преградами, тем они казались революционнее. Только это была оторванная от жизни, отвлеченная революционность, которая прекрасно уживалась с мещанскими устоями общественной жизни Германии того времени. Например, идея прогресса, так отчетливо выраженная у Кондорсе, у Гердера, как мы видели, принимает какие-то неясные, полуфантастические очертания. Ему кажется, что люди должны окончательно отрешиться от своей физической природы, сохранить только свое духовное начало, превратиться в какие-то бесплотные существа. Или же идея свободы личности, получившая такое конкретное выражение у Адама Смита, в совершенно определенных экономических и политических теориях, в умах немецких мыслителей той поры принимает какой-то кабинетно-отвлеченный и вместе с тем философский всеобъемлюще-космический характер.

Отвлеченный, не связанный с практической деятельностью характер исканий свободы и «революционности» немецких мыслителей очень ярко выразился в немецкой идеалистической философии этого времени. Ее «революционность» в области мысли никогда не переходит в революционную практику. Маркс назвал философию Канта «немецкой теорией французской революции»¹. Это, конечно, относится прежде всего к его «Критике чистого разума», философский скептицизм которой является завершением философской мысли XVIII в. Но тут же мы видим другого Канта, который, испугавшись собственного скептицизма, в своей «Критике практического разума» постарался восстановить разрушенные им авторитеты.

То же самое противоречие можно заметить и в философии Фихте. Основой своей философии Фихте провозглашает личность — «я». Для него весь мир скрыт во мраке. В центре его — свет личного сознания, «я». Все прочее — это «не-я», это лишь наименование того, что находится вне личности, что, собственно, даже не существует, потому что не существует в нас, или существует лишь как бесконечное наше стремление и бесконечная наша возможность расширить границы своего познания. «Не-я» у Фихте в конце концов является продуктом творческой деятельности «я», которое само полагает «не-я», как свою противоположность. По словам Гегеля, Фихте в своей величественной и ужасной вере воздвигал чистое «я» на развалинах материального тела, светил небесных и тысячи тысяч миров.

Но никакой мировой катастрофы из этого не последовало, ибо для Фихте «практика» есть не деятельность, а, скорее, лишь мысль о деятельности.

Но все же германская интеллигенция конца XVIII в. — первых лет XIX в., особенно германская молодежь, стремится претворить в жизнь некоторые принципы революционной буржуазии, выдвинутые мыслителями Просвещения. С пренебрежением относясь к современной ей немецкой действительности, она противопоставляет мелкодержавному немецкому патриотизму идеал общности всего человечества. Поэтому катастрофа, постигшая Германию в эпоху наполеоновских войн, быстрый рост военной мощи Франции, ее захваты в самой Германии, на первых порах мало задевали немецкую интеллигенцию и не возбуждали в ней особого патриотизма, хотя уже в то время в Германии начинает складываться представление о германстве (*Deutschtum*). Великие поэты Германии — Шиллер, Гете — равнодушно относились к крушению средневековой германской империи под ударами Франции.

По словам Гете: «Германия — это ничто, но каждый германец в отдельности значит очень много».

Молодой Гегель еще до своего профессорства в Иене, находясь в Тюбингене, сажал дерево свободы, произносил якобинские речи, а затем, будучи профессором в Иене, совершенно равнодушно отнесся к судьбам Германии и приветствовал Наполеона как носителя «мировой души».

Но эти настроения постепенно меняются по мере того, как усиливаются удары наполеоновской Франции по Германии. В этом отношении особый интерес представляет эволюция взглядов Фихте.

В 1804 г. в своем сочинении «Основные черты современного мира» он еще свысока смотрит на местный патриотизм и призывает «родственный солнцу дух» отвернуться от своего государства, если оно пало, и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 88.

обратиться туда, где свет и право, т. е. где прогрессивное человечество. Еще раньше, в 1800 г., Фихте, развивая основы своей философии, в одном из писем писал, что любовь к отечеству теснейшим образом связана с представлением о единстве всего человечества, и последнему отдавал первенствующее место. Он считал тогда, что любовь к отечеству — это практическое осуществление идеи любви к человечеству. Первая — явление, вторая — внутренний дух этого явления, невидимое в видимом.

В начале 1806 г. мы замечаем уже у Фихте патриотическую скорбь, но он все еще стоит на почве идеи единства человечества. Он думает, что характер отдельных немецких племен так относится к общему немецкому национальному характеру, как последний — к общему ново-европейскому характеру. Он не высказывает вражды к французскому духу, который воспринимается им как дух Просвещения. Но дальнейшие, роковые для Германии события 1806 г., связанные с усилением Франции, пробуждают в нем национальные чувства.

В 1806 г. появляются «Диалоги о патриотизме» Фихте, где он уже говорит, что любовь ко всему человечеству нереальна, что она должна уступить место патриотизму. Правда, патриотизм, по его мнению, по существу универсален, его цель есть также цель всего человеческого рода, но человек осуществляет эту общую цель в доступном ему непосредственном национальном окружении. Он протестует против отвлеченной, ненациональной точки зрения немецких мыслителей на человечество вообще, которая пренебрегает непосредственным окружением немцев. Но все же основной целью его деятельности еще остается человечество в целом. Он считает, что деятельность в пользу нации является поэтому той формой деятельности, которую надо рекомендовать каждому, что это именно тот круг, который доступен непосредственно человеку.

Однако в дальнейшем у Фихте все более и более нарастает протест против французского владычества в Германии, а вместе с тем и против идеологии Просвещения, как французской идеологии. В 1806 г. произошел позорный разгром Пруссии под Иеной, а в 1807 г. последовал Тильзит, обративший Пруссию в третьеразрядную державу. Национальные неудачи и унижения дают новый толчок к пробуждению чувства патриотизма у Фихте. Он произносит «Речи к германскому народу», где обрушивается на идеи Просвещения, на идею универсального человечества и особенно на идею универсальной монархии. Стоя в основном еще на почве общечеловеческих идеалов, он считает, что духовная природа выявляет существо человека на различных ступенях, в индивидуальных народах, каждый из которых должен получить возможность свободного развития в соответствии со своей индивидуальностью.

Теперь Фихте уже не думает о каком-то единении всего человечества, он даже не стремится к объединению Германии. Он считает вполне возможным, что Германия навсегда останется раздробленной и что духовная природа единой немецкой нации находит свое наилучшее выражение в отдельных государствах, хотя дух немецкой нации един и должен управлять политикой германских государств. Он говорит о духе немецкой нации (Deutschheit), который он призывает сохранить от гибели в результате чужеземных влияний. В связи с этим он выступает против французского национального духа, который он отождествляет с духом Просвещения. Он обличает мыслителей XVIII в. в том, что они поставили в основу человеческого общежития эгоистические чувства, в чем, по его мнению, сказалось бездушное, мертвящее Просвещение французов и других романских народов.

Фихте с презрением говорит о пустоте и мелочности французской культуры, о французских словечках, вроде «гуманизм», «либерализм» и т. д. Он считает, что германский народ должен излечиться от иностранного влияния и найти свою собственную мощь и силу. При этом у Фихте звучат явно националистические ноты, когда он говорит, что только германцы обладают полной искренностью, что только они представляют народ в полном смысле этого слова².

Речи Фихте призывали германский народ, или, лучше сказать, германскую интеллигенцию, к перевоспитанию в национальном духе. Мысль о свободе у Фихте начинает приобретать форму мысли об освобождении отечества от французского ига, и в результате его представление о свободе начинает выражаться в протестах против той философии Просвещения, которая в XVIII в. была основой идеи свободы. Взгляды Фихте, как и всей германской интеллигенции того времени, совершили своего рода круг.

Унижения, пережитые Германией в эпоху Наполеона вплоть до войны 1813 г., а затем крушение наполеоновской империи вызвали у некоторых писателей того времени чувство какой-то зоологической ненависти ко всему французскому. При социальной и политической незрелости немецкого общества освободительные идеи толкали немецкую интеллигенцию на путь националистической реакции³.

Так, например, поэт Клейст, вдохновлявшийся в свое время идеями политической свободы, стал проповедовать теперь озлобленное человеконенавистничество. В своей драме «Арминий» он восхвалял жажду мести, орудиями которой служат провокация, предательство и даже каннибализм.

В 1809 г. был основан Берлинский университет, который должен был послужить школой укрепления национального духа в Германии. Его организовал знаменитый филолог Вильгельм Гумбольдт, собрав там лучшие научные силы Германии. Фихте был первым ректором этого нового университета.

В 1813 г., когда немецкая интеллигенция, охваченная патриотическим подъемом, добровольно шла на освободительную войну, как тогда выражались, ушли в ополчение студенты и прославленные профессора университета. Добровольцем пошел и Фихте.

После победы над Наполеоном в Европе, особенно же в Германии, наступила самая черная реакция. Умеренные реформы Штейна и Гарденберга в Пруссии были отменены⁴. Крестьяне подверглись полному ограблению. Над Европой воцарился «Священный союз». Реакция использовала национальный подъем в своих интересах. О конституции разговора больше не поднималось. Либеральное движение, еще сильное среди студенчества, всюду подавлялось. Убийство Зандом Коцебу дало сигнал к преследованиям и свирепой цензуре.

Реакция охватила и науку. Берлинский университет сделался опо-

² С этого времени Фихте окончательно отказывается от своих прежних буржуазно-либеральных убеждений и полностью примиряется с феодально-крепостнической действительностью тогдашней Германии. (Прим. ред.)

³ В условиях отсталой, политически раздробленной, феодально-крепостнической Германии, где ростки буржуазных отношений были еще очень слабы, а силы реакции очень влиятельны во всех слоях общества, бурный патриотический подъем 1806—1813 гг. не привел к победе буржуазно-демократических идей, но, напротив, активизировал реакционные настроения в разных слоях общества, и в частности в среде буржуазной интеллигенции, ранее сочувствовавшей идеям Просвещения. (Прим. ред.)

⁴ Германия осталась раздробленной, в большинстве германских государств сохранился абсолютизм. (Прим. ред.)

рой реакции, в частности реакционного национализма. Здесь и расцвела так называемая историческая школа права, всецело стоявшая на почве той реакционной идеологии, которая лежала в основе писаний Мёзера, позднее Бёрка, Бональда, Жозефа де Местра, Галлера и др. Основной тенденцией этой школы была борьба с Просвещением XVIII в., с рационализмом, обращение к прошлому для того, чтобы опереться на иррациональную традицию, на освещенное временем предание. Представители этой школы постоянно подчеркивают бессознательность, органичность исторического процесса с целью противодействовать всякой попытке насильственного изменения существующего строя. В сущности это есть оправдание старинных дворянско-феодалных политических и социальных учреждений, оправдание настоящего в прошлом. Изгнанием французов представители этой школы считали дело освобождения законченным: после этого, по их мнению, можно было вернуться к старым, феодальным формам, которые они пытались исторически и научно обосновать.

Вот какую уничтожающую характеристику дал молодой Маркс исторической школе права: «Школа, которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут... — эта историческая школа права изобрела бы поэтому немецкую историю, если бы сама не была изобретением немецкой истории»⁵.

Родоначальником исторической школы права можно считать Густава Гуго (1764—1844). Первые выступления Гуго, выражавшие идеи исторической школы права, относятся еще ко времени революции. В 1798 г. вышла его книга «Естественное право как философия действующего права»⁶. Уже из этого названия видно, что естественное право он понимает совершенно иначе, чем философы Просвещения, которые противопоставляли естественное право праву действующему, позитивному, старались вывести основы естественного права из основ разума. Для Гуго же естественное право есть не что иное, как именно действующее право. По его мнению, право и законодательство создаются не волей законодателя, не каким-нибудь вмешательством извне, а вырастают в результате собственного развития, подобно тому как создается язык. Это уподобление права и вообще исторического развития развитию языка, который слагался путем внутренних, ему самому присущих процессов, характерно для исторической школы права. По мнению Гуго, сильно ошибаются те, кто отождествляет право с законодательством. Не всякое право вырастает из законодательства. Существует много правовых обычаев и юридических форм, которые не закреплены ни в одном законодательстве, а вместе с тем они составляют важнейшую часть права. С другой стороны, не всякое законодательство является правом, т. е. не всякий закон органически претворяется в жизнь народа. Поэтому Гуго решительным образом отвергает критерий разумности, который применяла к естественному праву философия Просвещения. Гуго говорит, что право, которое органически выросло из народной жизни, сплошь и рядом неразумно. В доказательство он приводит целый ряд норм права, которые кажутся неразумными, но в действительности разумны, потому что они оправданы исторически. Гуго полагает, что нормы права

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 416.

⁶ G. H u g o. Das Naturrecht, als eine Philosophie des positiven Rechts. Göttingen, 1798.

всегда хороши в том виде, в каком они существуют, оправдывая тем самым всяческий застой и реакцию. Утверждая авторитет исторически возникшего права, Гуго призывает к изучению истории права. Это важно не только для того, чтобы проверить разумность и обоснованность существующих правовых норм, но и для того, чтобы их уяснить, чтобы предохранить их от всякого внешнего вмешательства, не вытекающего из внутреннего развития этого права. Изучать прошлое, по мнению Гуго, нужно не для того, чтобы его критиковать, как это делала философия Просвещения, а для того чтобы всемерно укреплять авторитет всех обычаев и учреждений, возникших в процессе исторического развития.

Маркс, который посвятил критике взглядов Гуго статью в «Рейнской газете» (1842), писал, что если «философию Канта можно по справедливости считать немецкой теорией французской революции, то естественное право Гуго нужно считать немецкой теорией французского апанс рёгима»⁷.

Гуго лишь приблизительно наметил основные идеи реакционной исторической школы права. Они были развиты его знаменитым учеником Савиньи, который является если не основателем, то во всяком случае крупнейшей фигурой этой школы, самым талантливым и блестящим ее представителем.

Карл-Фридрих Савиньи (1779—1861) уже 21 года от роду был профессором Марбургского университета, в 1808 г. — профессором в Ландсхуте, а в 1810 г. был приглашен читать римское право в Берлинский университет. Это был блестящий лектор, о котором говорили, что он является самым совершенным академическим преподавателем XIX в.

Приглашение Савиньи в Берлин имело определенный смысл: он должен был содействовать разрешению той культурно-политической задачи, которая была поставлена Берлинскому университету, именно воспитанию молодежи в духе германского национализма. Вильгельм Гумбольдт представил Савиньи Фридриху-Вильгельму III как человека, от которого король может ждать углубления правоповедения и правильного ведения всех занятий по юриспруденции.

Савиньи был одним из деятельнейших членов комиссии по созданию Берлинского университета и в 1812 г. был назначен его ректором. По поручению короля он обучал праву кронпринца Пруссии и вообще пользовался покровительством власти. В 1842 г. он был назначен министром законодательства Пруссии. Как политический деятель Савиньи был ярким представителем реакции. Он был противником создания какой бы то ни было конституции в Пруссии: подобно своему королю, он думал, что между королем и его подданными не должно быть никакой «бумажки». Он был против равноправия национальностей, против гражданского брака, всячески стремился сократить число поводов для развода, отвергал гласный суд и институт присяжных, отстаивал смертную казнь и телесные наказания. Савиньи всегда подчеркивал, что он не враг прогресса, но признаваемый им прогресс, медленный и постепенный, на деле был неотличим от застоя и реакции.

В 1814 г. вышла его брошюра «О призвании нашего времени к законодательству и науке о праве»⁸ — настоящий манифест исторической школы права. Она носила полемический характер и являлась ответом

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 88.

⁸ F. K. Savigny. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Freiburg, 1814.

на опубликованный незадолго до этого памфлет гейдельбергского профессора Тибо «О необходимости общего гражданского права в Германии»⁶. Основная мысль Тибо состояла в том, что в Германии необходима буржуазная реформа и унификация права. Германия освобождена от власти иноземцев, но она все еще представляет собой мозаику мелких государств. Ее право, по словам Тибо, представляет собой курьезную смесь чуждого Германии римского права эпохи упадка и старого германского права, которое полно неправильностей и аномалий и различно в разных частях страны. Тибо считал необходимым, чтобы ученые и государственные люди Германии создали простой, единый кодекс в германском национальном духе, который сможет объединить граждан отдельных германских государств, даже если они останутся политически разъединенными.

Эта мысль о новом едином кодексе для Германии была, несомненно, навеяна кодексом Наполеона, которому Тибо хотел противопоставить национальное общегерманское законодательство.

Призыв Тибо, выражавший пожелание наиболее передовой части немецкой буржуазии, произвел в Германии сильное впечатление. Савиньи поспешил ответить на него своей брошюрой, которая похоронила проект Тибо. Эта брошюра пронизана радостным чувством победы над французами, чувством возрождения германского национального духа.

Хотя Германия освободилась от Наполеона при помощи русского оружия и английских денег, однако немцы охотно об этом забывали, думая, что это было сделано их собственными силами. Теперь эта «победоносная» Германия ополчается против «французского духа». Взгляды, лишь намеченные у Фихте, получают у Савиньи дальнейшее развитие. Он решительно выступает против «отвлеченных идей», «беспочвенной гордыни», стремления к абсолютному совершенству, стоящему вне времени и исторических условий, присущих, по его мнению, мыслителям эпохи Просвещения. Он утверждает, что теперь требуется сознание связи между прошлым и настоящим, понимание органической связи права с существом и характером народа. Савиньи возражает против всякой попытки навязать немецкому народу подобие кодекса Наполеона и чуждое ему общее государственное право. Право, по мнению Савиньи, является не продуктом разума, а одной из сторон национальной сущности каждого народа, подобно языку и нравам. Здесь Савиньи по сути дела повторяет определение своего учителя Гуго.

Вся брошюра проникнута ненавистью к буржуазному кодексу Наполеона. Савиньи говорит, что этот кодекс проник в Германию и разъедал ее, наподобие рака. Вообще, по его мнению, пристрастие к кодексам есть характерная особенность ненавистного ему рационалистического XVIII в., когда в Европе распространилась страсть к «просвещению» и «образованию», были потеряны интерес и понимание всего, что составляет величие и особенность других эпох, интерес к естественному развитию народов и конституций, ко всему, что делает историю целительной и плодотворной. Вместо всего этого люди наивно ожидали от настоящего осуществления абсолютного совершенства. Этот дух рационализма сказался во всех направлениях мысли и политики, в том числе и в области гражданского права. Просветители, по мнению Савиньи, требовали кодекса, который своим совершенством придал бы охране права чисто формальный внешний характер. Эта зараза охва-

⁶ A. F. Thibaut. Über die Notwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelberg, 1840.

тила народы, и правительства тщетно пробовали с этим бороться. Если сравнить с этим положение, сложившееся в Европе после поражения Наполеона, то можно, как считает Савиньи, только порадоваться. Всюду пробудился исторический смысл и вместе с тем исчез прежний дух беспочвенной гордыни.

Но все-таки не все еще юристы усвоили правильный взгляд на право. По мнению этих юристов, право создается законами, т. е. предписаниями высшей государственной власти, а предметом науки о праве является содержание законов. При таком понимании содержание этой науки является непостоянным, меняющимся, как меняются сами законы. Некоторые юристы все еще думают, что существует какое-то естественное, или разумное, право, которое годно для всех времен и народов и которое только надо открыть. Савиньи же считает, что в действительности право развивается совсем иначе. По его словам: «С момента, когда начинается для нас документированная история, гражданское право имеет уже определенный характер, свойственный только данному народу, как его язык, обычаи, политическое устройство»¹⁰. Все эти явления действительности тесно объединены и только нам кажутся отдельными. Их объединяет общее убеждение народа, общее чувство внутренней необходимости, исключаящее всякое случайное и произвольное происхождение.

Вопрос о том, как возникают эти своеобразные особенности народов, благодаря которым они сами приобретают индивидуальное бытие, по мнению Савиньи, историческим путем разрешен быть не может. Характерные особенности народа — это нечто данное ему до того времени, как начинается писаная история. Все это заставляет Савиньи признать самую идею о едином кодексе несостоятельной и осуществление ее невозможным.

В другой своей работе, помещенной как вступительная статья в издававшемся им с 1818 г. журнале «*Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*», он писал, что, согласно воззрениям исторической школы права, содержание права дано всем прошедшим народам, а не является произвольным, что оно не может быть случайно создано тем или другим законодателем, но возникает из внутреннего существа нации и ее истории. Что касается деятельности каждого нового века, то она должна быть направлена к тому, чтобы это данное внутренней необходимостью содержание обозреть, очистить, обновить. Поэтому историческая школа права выдвигает в истории значение инстинктивного, произвольного, бессознательного. Задача законодателя заключается не в создании нового права, согласно требованиям отвлеченного разума и справедливости, а в том, чтобы старое право, постоянно присущее данному народу на всех ступенях его развития, изложить применительно к той ступени, на которой этот народ в данное время находится.

Такого рода формулировки открывают простор для всевозможных реакционных поправок. Все несогласное со старым, все, для чего нет оправдания в прошлом, на этом основании легко объявить непринадлежащим народу, несвойственным его «народному духу».

Савиньи глубоко уверен в неизменности основных качеств «народного духа». Он считает, что «народный дух» дан с самого начала и в дальнейшем совершаются лишь проявления этого «духа» народа, соответствующие отдельным ступеням его развития.

¹⁰ F. K. S a v i g n y. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, S. 5.

Идея органического развития, высказанная в свое время еще Вико, затем развивавшаяся Мёзером и Бёрком, ярко выступает в теории Савиньи. Развитие права, по его мнению, проходит определенные возрасты. Первым возрастом является детство, когда сознание развито слабо и господствуют инстинкт и чувство, а право дается не в отвлеченных понятиях, а в наглядных образах, в поэзии.

Затем следует период юности. Характерным для этого периода моментом является выделение юристов в особое сословие. Это период становления права, это время творческого порыва, направленного к разумному и целесообразному. Народ в это время принимает еще широкое участие в образовании права.

Третий период, период зрелости, характеризуется завершением науки о праве. Наука о праве, по мнению Савиньи, неотделима от самого содержания права, но базируется также и на «народном духе». Это время осознания того, что приобретено раньше, приведение права в завершенную систему.

Наконец, последний период — старость, ослабление и угасание творческой силы, стремление поддерживать старое, господство абстрактности в науке о праве, сохранение преданий, составление компендиумов, преклонение перед авторитетом.

Таковы основные черты концепции представителей исторической школы права, ясно сформулированные Савиньи. Совершенно очевидно, что если теория естественного права, выдвинутая мыслителями Просвещения, была теорией хотя и утопической, но революционной, поскольку она стремилась изменить действительность согласно требованиям разума, то теория исторической школы права, утверждавшая примирение с действительностью, была откровенно реакционной.

В основе построений Савиньи и исторической школы права лежит понятие о «народном духе». Мы уже видели, что это понятие не является изобретением исторической школы. Оно заимствовано ею из предшествующей историографии и социологии, в частности у философов Просвещения, но в него вложено совершенно другое содержание. Еще Монтескье в своем сочинении «О духе законов» говорил об отношении законов к «общему духу нации» (*«esprit général de la nation»*). Он предлагает, что законодатель должен следовать за духом нации. Германские ученые уже в XVIII в. подхватили эту идею Монтескье и говорили о «духе народа», или, точнее, о «национальном духе». Этот «национальный дух» определяется как индивидуальность нации, как ее особенность (*Singularität*), если пользоваться французско-немецким словом того времени. В XIX в. термин «*Volksgeist*» уже в полном ходу у Фихте и представителей исторической школы. Впервые он был употреблен Гегелем. Савиньи постоянно пользуется этим термином в своих позднейших работах. В его брошюре «О призвании нашего времени к законодательству» этот термин хотя и не употребляется, но понятие «народного духа» там уже содержится, так как Савиньи говорит об общем убеждении народа, об общем сознании всего народа, постоянно возвращается к вопросу о существовании и характере народа. Право, по его мнению, всегда зависит от творчества общенародного сознания, которое в свою очередь определяется, как и все историческое развитие народа, изначально данным народным характером.

Каждая эпоха в жизни народа, по словам Савиньи, является продолжением и развитием всех предшествующих эпох и не создает свой мир для себя и произвольно, а делает это в неразрывной общности со всем прошлым. Следовательно, каждая эпоха должна признать нечто

заранее данное, что одновременно является необходимым и свободным. Необходимым — потому что оно не зависит от произвола настоящего, свободным — потому что оно не исходит также ни от какого постороннего произвола, как повеление господина своим рабам, но создается высшей природой народа, как всегда создающегося, развивающегося целого. Таким образом, для Савиньи история не является просто собранием примеров, но единственным путем к правильному познанию нашего собственного состояния.

Эта концепция была окончательно сформулирована в «теорию народного духа» Савиньи в 1815 г. в первом томе его большой работы «История римского права в средние века»¹¹. Здесь термин «народный дух» впервые был употреблен Савиньи, хотя раньше он уже употреблялся другими представителями исторической школы права¹².

Так примерно рисует Савиньи основы исторического процесса. Но надо сказать, что как реальный историк права в своих конкретно-исторических исследованиях Савиньи эту свою теорию далеко не выдерживал. Ему принадлежит ряд очень ценных исследований, особенно по истории римского права. Его «История римского права в средние века» не утратила известного значения и до настоящего времени. Это сочинение выходило с 1815 до 1834 г. В нем Савиньи решительно выступает против теорий рационализма, против идей Просвещения XVIII в. Он стремится провести свою теорию органического развития права на основе «народного духа». Но надо сказать, что в целом ряде случаев ему приходится фактически отказаться от этой теории и признать влияние чужого права на право германских народов. Более того, основное содержание «Истории римского права в средние века» состоит в том, что автор исследует, как римское право влияло на право отдельных германских народов, в частности — историю рецепций римского права в Германии. Правда, Савиньи в известном смысле обходит эту последнюю тему, потому что он рассматривает историческое развитие средневековых правовых институтов Европы только до конца XI в., до зарождения Болонской школы права. Дальше же он занимается только историей теоретического развития, комментирования и изучения римского права в Европе между XI—XV вв.

Подчеркивая живую связь между правом и общей историей народа, Савиньи самый факт продолжения существования римского права считает возможным только на базе продолжения существования «римского народа», который являлся носителем этого права.

Начало средневековья в изображении Савиньи представляет картину нестройного смешения различных элементов, преимущественно римских и германских, как в смысле крови, так и в смысле языка. Он отмечает, что эти вопросы очень мало разработаны и разобраться в них мешают различия во мнениях. Поэтому Савиньи посвящает значительную часть своей работы выявлению и критике источников. Вся книга написана по первоисточникам и в этом отношении представляет большой интерес. Отдельным разделам исследования Савиньи предпосылает главы, исследующие и критикующие источники.

¹¹ F. K. S a v i g n y. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, Bd. 1—VII. Heidelberg, 1834—1851.

¹² Надо сказать, что у некоторых представителей этой школы представление о «народном духе» принимает характер совершенно мистический. Он рисуется им как какой-то действительный дух, т. е. существо, которое стоит вне людей, вне реального человечества, являясь истинным творцом права и всей истории человечества. В этой особенной сфере чистого «народного духа», вдали от всяких волнений, от всякой борьбы, от всяких внешних влияний, и творится история. (*Прим. автора.*)

Свое изложение он начинает с характеристики римского права и его применения в V в., в последнем веке существования римского государства. По его мнению, при завоевании Римской империи германцы не истребили римское население и не навязали ему своих законов. «Римская» нация как носительница права в целом продолжала существовать, несмотря на единичные случаи насилия и истребления. Две нации — германская (которая в то время представляла из себя не одну нацию, а ряд племен) и римская — жили рядом, и, несмотря на частичное смешение по территории расселения, они были разделены по праву. Здесь Савиньи останавливается на проблеме персонального права, которое, как мы видели, внесло столько путаницы в представления медиевистов XVIII в. Он правильно подчеркивает, что персональное право в то время состояло в праве каждого жить по своему племенному праву, но вместе с тем всюду продолжало существовать как особое право, римское право. Это римское право представляет собой основное персональное право представителей римского народа во всех государствах, возникших на развалинах Римской империи.

Между прочим, анализируя самое понятие «lex», Савиньи приходит к выводу, что lex вовсе не означает обязательное писаное право. По его мнению, *Lex Salica*, например, вовсе не есть та запись, которая имеется у нас под этим названием, что под «Салическим законом» понималась вся система существующего права, главная часть которого состояла в судебных обычаях и устной традиции и лишь очень малая часть вошла в записанные сборники. Римское право продолжало существовать в течение всего средневековья рядом с этими отдельными правами и их записями. По этому праву жило римское население завоеванных провинций, церковь и духовенство. Сначала римское право существовало как персональное право прежнего римского населения, а потом оно сделалось территориальным правом в ряде областей — в южной части Франции, в Италии и т. д.

Расцвет римского права Савиньи связывает с развитием городов, потому что, по его мнению, в городах сохранились римская жизнь, римские общественные порядки. И именно с ростом городов в XI в., с укреплением их влияния и мощи мы видим здесь бурное возрождение римского права.

Так как германцы селились на территории Западной Римской империи, избегая городов, города, полагает Савиньи, продолжали по существу оставаться римскими, и там сохранялись нормы римского права. Хотя завоеватели и разрушили римские государственные и административные формы, но городского устройства они не коснулись. Римское право не могло бы удержаться, если бы не существовало римского суда, где римское право и продолжало применяться. Савиньи считает, что и после германского завоевания в прежних римских городах сохранились старые римские учреждения и должности: скабины, которые осуществляют функции прежних декурионов, сенат, который называется теперь «ордо» и составляет правящую верхушку города. Савиньи говорит, что наибольшей модификации старые римские учреждения подверглись в тех городах, которые были завоеваны Византией, что греки больше, чем германцы, посягнули на свободу городов, лишив их в значительной мере самоуправления. В этих городах римское право было разрушено, но затем оно было вновь восстановлено и там. Господство пап и императоров в Италии также не разрушило старых римских порядков.

Савиньи рассматривает судьбу римских городов и в других важнейших варварских государствах (кроме лангобардской Италии) — у

вестготов, бургундов, франков — и приходит к выводу, что всюду сохранились римские порядки и при господстве германцев. Во втором томе своей работы Савиньи прослеживает применение римского права в отдельных варварских государствах, в церковных законодательных памятниках и в других документах. Он говорит, что только в одном из государств, основанных на территории Западной Римской империи — в Англии, римское право не применялось как действующее право в судах, хотя его тоже знали и отчасти изучали. Это исключение он объясняет особенно разрушительным характером англосаксонского завоевания Британии.

Третий том труда Савиньи посвящен истории изучения римского права в Западной Европе, начиная со времени основания Болонской школы права. В предисловии к третьему тому Савиньи пишет, что именно с конца XI в., особенно с начала XII в., в средневековой Европе начинается изучение римского права как научной дисциплины, его комментирование или глоссирование. При этом он связывает это оживление интереса к римскому праву с начавшимся в этот период расцветом городов.

Здесь Савиньи изменяет характер своего изложения. Если до того он внимательно, по материалам, прослеживал историю римского права как действующего права в варварских государствах, то с этого момента он ограничивается рассмотрением римского права как дисциплины, изучаемой в университетах. При этом Савиньи вынужден признать, что римское право, которое в этот период начинает изучаться в городах, влияет в известной мере на германское право, вытесняя мало-помалу варварское племенное право. Таким образом, Савиньи здесь приходится отступать от своего теоретического положения, согласно которому право развивается из внутренних национальных начал каждого народа, свойственных лишь духу этой нации. Это нарушение стройности его первоначальной концепции лишь отчасти затушевывается тем, что Савиньи вместо конкретного изучения влияния римского права на германское занимается изучением литературной истории римского права этой эпохи.

Особенно интересна глава VIII третьего тома, которая называется «Восстановление науки о праве». Савиньи показывает, как с XII в. начинается возрождение интереса к римскому праву. В Болонье появляется знаменитая школа права, слава которой распространяется далеко за пределы Италии. Ученики, стекающиеся туда со всех концов Европы, возвращаясь домой, вносят римское право в судебную практику.

По примеру Болоньи римское право начинает изучаться и в других странах, оказывая непосредственное влияние на судопроизводство. Но тут же Савиньи отмечает, что это влияние римского права не результат какого-то определенного сознательного акта, какой-нибудь отдельной исторической личности или правительства, а следствие бессознательного исторического процесса. «Это замечательное явление было вызвано не волей какого-нибудь правительства, а внутренней необходимостью»,¹³ — пишет он. Основную роль здесь, по мнению Савиньи, сыграли «потребности ломбардских городов», в которых росло население и которые быстро развивались в экономическом отношении.

Савиньи дает тут очень правильное объяснение возрождению римского права в средние века. Промышленная и торговая жизнь итальян-

¹³ F. K. S a v i g n y. Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. Bd. III, S. 84.

ских городов, в первую очередь ломбардских, действительно потребовала разработки гражданского права. Таким гражданским правом не могли служить ни германские племенные «Правды», которые отражали правовые отношения более низкой ступени общественного развития, ни то упрощенное, искаженное римское право, которым пользовалось до этого времени в первую очередь римское население городов. Надо было обратиться к источникам римского права. Научное изучение этого права соответствовало возникшим к этому времени экономическим потребностям. Но эта сторона дела не особенно занимает Савиньи.

Его больше интересует другой вопрос. Он хочет доказать, во-первых, что в этом возрождении римского права никакой роли не играла сознательная воля какого-либо законодателя, во-вторых, что возрождение римского права было бы невозможным, если бы это право не существовало еще в раннее средневековье в виде действующего права для римского населения варварских государств. Он стремится, таким образом, доказать, что в этих государствах всегда был определенный живой носитель этого права в лице римского населения, следовательно, традиции этого права здесь не прерывались. Никакие причины не могли бы возродить римское право, если бы оно не продолжало жить хотя бы и в таком захиревшем виде. Савиньи отмечает, что со времени Карла Великого все народы Европы начали ощущать известную общность. В сознание этой общности уже тогда входило представление об империи, о церкви, о латыни как языке церкви и образованных людей, а позднее, в XII в., вошло также и представление о римском праве, на которое стали смотреть не как на особое право римских провинций, а как на общее христианское европейское право. Здесь Савиньи решительно возражает тем историкам, которые хотят связать возрождение римского права с интересами Гогенштауфенов, с деятельностью Фридриха Барбароссы и Фридриха II, видевших в римском праве опору своего могущества. В этом также проявляется характерная для исторической школы права черта: Савиньи не хочет признать, что в истории возрождения римского права известную роль играла политическая борьба партий. Он не может допустить, что римское право могло служить орудием партийной борьбы, орудием укрепления императорской власти в ее борьбе со своими противниками, так как, с его точки зрения, римское право возникло бессознательно, органически, в результате определенных создавшихся в обществе потребностей.

Таким образом, с одной стороны, Савиньи правильно характеризует общие причины возрождения римского права в XI—XII вв., связывая его с экономическими потребностями итальянских городов в результате усиления их торгового и промышленного значения, но, с другой стороны, он оказывается совершенно слепым по отношению к другим политическим стимулам этого явления, отрицая влияние политической борьбы, происходившей в Италии XII в., на быстрое развитие римского права.

Мы не будем касаться изложения Савиньи подробной истории изучения римского права в средние века, которая представляет более специальный интерес.

Перейдем к характеристике другого крупного представителя исторической школы права — Эйхгорна, который для нас представляет особенно большой интерес, поскольку он положил начало серьезному изучению средневекового германского права.

Карл-Фридрих Эйхгорн (1781—1854) учился в Гёттингене, где преподавал Гуго, основоположник исторической школы права, оказавший

на Эйхгорна очень сильное влияние. С 1803 г. Эйхгорн сам стал преподавателем в Гёттингене. С 1805 г. он преподавал во Франкфурте-на-Одере. Вместе с прочей учащейся молодежью и молодыми университетскими преподавателями Германии он был охвачен в то время патриотическим воодушевлением, мечтая об освобождении своей родины — Германии, или, лучше сказать, германских государств, от ига Наполеона. Он вступил в патриотический Союз германской молодежи (Jugendbund), стал членом масонской ложи.

В 1811 г., вскоре после основания Берлинского университета, он стал профессором этого университета. В 1813 г. он вместе со многими студентами и преподавателями университета пошел добровольцем на войну против Наполеона, участвовал в ряде сражений и в 1814 г. в составе союзных войск вступил в Париж.

Патриотические настроения, одновременно направленные, как мы это уже видели на примере Фихте, против французского духа вообще, против французского Просвещения в особенности, сильнейшим образом овладели в то время и Эйхгорном. Он считал, что право не общечеловечно, как думали просветители XVIII в., а глубоко индивидуально, так как выражает индивидуальность того народа, в среде которого оно живет и развивается. Это идеи, близкие идеям Савиньи, который тоже в это время находился в Берлине¹⁴. С 1815 г. Эйхгорн и Савиньи стали вместе издавать журнал по истории права — «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», в котором сотрудничали крупнейшие представители исторической школы права и примыкающих к ней дисциплин: Гуго, историк Рима Нибур, крупнейший филолог, фольклорист и знаток древнего германского права Яков Гримм и др. Здесь Эйхгорн помещает ряд интересных статей. В 1816 г. выходит его статья «Об историческом изучении немецкого права» («Über das geschichtliche Studien des deutschen Rechts»), в 1817 г. — другая статья, представляющая наибольший интерес для историографии средних веков — «О происхождении городского устройства в Германии» («Über den Ursprung der städtischen Verfassung in Deutschland»).

В эпоху реакции, наступившей в Германии после Венского конгресса, Эйхгорну, который не сразу отказался от своих либеральных симпатий, пришлось вступить в столкновение с властями и в связи с этим переехать из Берлина в Гёттинген (в 1817 г.). Там его лекции пользовались огромным успехом и собирали настолько обширную аудиторию, что пришлось построить специальный сарай, чтобы дать возможность всем желающим слушать Эйхгорна. Он читал там вплоть до 1829 г. государственное гражданское право, церковное право, историю немецкого государственного права.

В 1829 г. ему пришлось уйти в отставку из-за расстроенного здоровья, и в 1832 г. он по приглашению Савиньи вернулся в Берлин. За это время Эйхгорн уже успел проделать известную эволюцию в сторону консерватизма и реакции и на этот раз чувствовал себя вполне в своей сфере в прусской столице. Теперь он должен был совмещать научную работу с работой в области прусского законодательства, в подготовке которого он играл уже решительно консервативную роль. Эйхгорн, которого мы встречаем в Берлине в 1833 г., уже далеко не тот, каким он был в молодости. Это — крупный чиновник, государственный

¹⁴ В этот период, однако, Эйхгорн в своих политических симпатиях, в отличие от Савиньи, был еще не чужд известного либерализма, хотя общеисторические воззрения обоих ученых были уже очень близки друг другу. (Прим. ред.)

советник, увешанный орденами, человек весьма консервативных взглядов.

В 1847 г., накануне революции 1848 г., он окончательно вышел в отставку, ссылаясь на состояние здоровья, но, очевидно, потому, что чувствовал, что жизнь его обгоняет.

Главный научный труд Эйхгорна — его «История немецких государственных учреждений и немецкого права»¹⁵. Первый том этой работы вышел в 1808 г. в Гёттингене, остальные тома были закончены и вышли в свет в 1823 г. также в Гёттингене.

Эйхгорна часто называют отцом германской истории права. До известной степени это справедливо. Савиньи писал ему: «Вы проложили путь в германское право, не имея предшественников, и дали этой науке новую жизнь и словом и пером». Действительно, Эйхгорн дал историю германского права и германских учреждений от ее истоков, от Тацита, и кончая своим временем. Здесь он не мог опереться на предшествующую разработку вопроса, ему предстояла сложная задача, и Эйхгорн, тогда еще молодой человек, не отступил перед трудностью этой проблемы и действительно дал политическую историю германского государства в целом и его отдельных частей, историю государственного права в целом и по отдельным территориям, затем историю гражданского права, гражданского процесса и уголовного права. При этом он старался рассматривать все эти стороны германского права как части одного целого, как стороны жизни народа, являющегося создателем и носителем этого права. Эйхгорн впервые установил крупные хронологические разделы, по которым он считал нужным изучать германское право: древнее германское право, франкская монархия, Священная Римская империя и возникновение системы германских государств.

Руководствуясь основными положениями исторической школы права, Эйхгорн пытался объяснить действующее право современной ему Германии его национально-историческими основами. История, по его мысли, должна была создать базис для изучения и, что особенно важно, для оправдания этого действующего права. Он стремится доказать, что современное немецкое право представляет собой вовсе не собрание каких-то старинных нелепостей, как в то время думали многие под влиянием просветительных идей, а продукт закономерного, органического развития немецкого народа. При этом он постоянно ссылается на Мёзера, которого считает одиноким и непонятым его современниками и идеи которого, несомненно, оказали на Эйхгорна значительное влияние. Мёзера более, чем кого-либо другого, он постоянно берет себе за образец.

Большой заслугой Эйхгорна является то, что вся его история германского права, от истоков до современных ему дней, написана по источникам, в результате тщательного их изучения. Конечно, в то время еще невозможно было писать историю германского права с начала до конца по первоисточникам, потому что лишь немногие из них были тогда изданы. Круг материалов, которые находились в руках исследователя, был сравнительно ограничен и мало доступен человеку, который впервые за это дело брался. Хотя Эйхгорн стремился быть объективным, но в его исследовании совершенно ясно обнаруживаются его националистическое и консервативное пристрастие к Пруссии, более того, благоговение и преклонение перед прусским юнкерским государством.

¹⁵ K. F. Eichhorn. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, Bd. 1—4. Göttingen, 1834. (В дальнейшем: Op. cit.)

Работа Эйхгорна возникла в тот момент, когда французское угнетение и наполеоновский кодекс заставили обратить особое внимание на национальное право. В первую очередь в восстановлении этого национального права были заинтересованы помещичьи круги, которые решительно выступали против кодекса Наполеона, справедливо видя в нем образец буржуазного права в Европе. То же, что называлось национальным германским правом, за восстановление которого они ратовали, представляло собой чисто феодальное право отдельных германских государств.

Огромная исследовательская работа, которую проделал Эйхгорн, ставила своей конечной целью объяснить и оправдать особенности тех феодально-крепостнических учреждений, которые господствовали в то время в Германии и которые нашли свое отражение в ее политических и правовых институтах.

С этой строго консервативной точки зрения Эйхгорн и написал свою работу. Правда, он не отрицал необходимости известной реформы действующего права, но все предлагавшиеся практические методы этих реформ он отвергал, и, таким образом, все разговоры о необходимости или желательности реформ остались у него в области чистой теории. Кроме того, Эйхгорн допускал какие бы то ни было изменения существующих отношений лишь при условии сохранения всех, как он говорит, «правильно приобретенных прав». Поэтому он, например, решительно возражал против отмены крестьянских повинностей в Пруссии, считая, что таким образом было бы нарушено «правильно приобретенное» право помещиков на крестьянский труд.

Подобно Савиньи и Фихте, Эйхгорн не являлся сторонником объединения Германии. Он полагал, что отношения между отдельными германскими государствами должны рассматриваться как отношения международного права. Для него, как и для Савиньи, основой прусского государства была непосредственная, патриархальная связь между подданными и монархом. Никакой конституции, с его точки зрения, не нужно.

Таковы основные политические и общенсторические взгляды Эйхгорна. Теперь мы можем приступить к подробному рассмотрению его основной работы и его взглядов на отдельные стороны развития германских учреждений. В предисловии к этой работе он пишет, что в данный момент, когда все общественные отношения Германии, и особенно ее государственный строй, подвергаются существенным изменениям, полезнее, чем когда-нибудь, обратиться к прошлому и уяснить его отношение к настоящему. Другими словами, он ставит себе задачу найти и сохранить исконные национальные начала права.

В предисловии к первому изданию книги он писал, что история права есть, собственно, выражение национального духа, сущность которого он старался раскрыть, так как «без точного знания того, что было, и способов, которыми совершалось развитие народа, без знания того, чем он был в прошлом, никогда невозможно правильно постичь дух народа и его отношение к тому, что выдержало испытание времени»¹⁶. А в предисловии к четвертому переработанному изданию 1834 г. Эйхгорн снова подчеркивает, что он хотел в истории германского государства и права «найти прочное историческое обоснование для существующего в настоящее время действующего права»¹⁷.

¹⁶ K. F. Eichhorn. Op. cit., Bd. I, S. IX.

¹⁷ Ibid., S. IV.

В отрицании роли личности в развитии права Эйхгорн идет еще дальше, чем Савиньи. Народ сам творит свои учреждения в некоей почти мистической среде народного духа.

Во введении Эйхгорн дает программу своего труда и его периодизацию. Он начинает исследование истории германских народов с глубокой древности, еще до прочного основания Франкского государства, рассматривая древнейшие общественные учреждения германцев как основу позднейшего устройства всех основанных ими государств. В конце этого периода и в начале следующего были собраны и записаны обычаи германских племен. Этот первый период охватывает время с 114 г. до н. э. по 561 г. после н. э.

Второй период составляет история франкской монархии. Эйхгорн рассматривает здесь происхождение королевских прав и государственных должностей бенефициальной системы, эволюцию военной организации франков и ее влияние на публичное и частное право, организацию средневековой церкви в Германии и германское государственное устройство той эпохи. Этот период, по его мнению, продолжался с 561 до 888 г.

Третий период — от 888 до 1517 г. — время Священной Римской империи германской нации.

Четвертый период — это период возникновения и дальнейшего развития германских государств от 1517 до 1815 г.

Остановимся на некоторых проблемах, которые ставит Эйхгорн в первых частях своей работы, посвященных раннему средневековью. Рассмотреть всю его концепцию в целом — это значит коснуться всех основных проблем германской истории, так как почти нет области, которой он не затрагивал бы в своем труде.

Начнем с вопроса о марке. В трактовке этого вопроса Эйхгорн в первом издании своей работы отталкивался от взглядов Юстуса Мёзера¹⁸ и дал точно такое же изображение истории возникновения общины-марки у германцев. Для него община-марка была лишь формой объединения отдельных индивидуальных поселенцев — собственников своей земли и не играла сначала существенной роли в жизни германцев.

В последующих изданиях своей работы Эйхгорн на основании исследования источников пришел к другим выводам. Допиш, критикуя эту эволюцию взглядов Эйхгорна, старается доказать, что Эйхгорн отказался от своего первоначального взгляда на марку в силу чисто юридических соображений и что он сделал это напрасно и без достаточных оснований. На самом деле у Эйхгорна были весьма веские основания для того, чтобы отказаться в этом вопросе от концепции Мёзера.

Согласно этому новому взгляду Эйхгорна, марка выдвигается на первое место, как главный институт древнейшего строя германских племен. Он прямо говорит, что у германцев «основой древнейшего политического устройства по данным как самых ранних, так и более поздних источников является объединение марок, т. е. отдельных общин, связанных совместным возделыванием и пользованием землей, в более крупные общинные объединения»¹⁹. Он считает, что возделывание почвы связывало членов марки друг с другом. Эти марки объединялись в «племенные общины» — *Volksgemeinde*. Каждый отдельный народ представлял такую *Volksgemeinde*. Марка, согласно новой точке зрения Эйхгорна, была результатом первого занятия земли для обработки той или иной группой германцев. Самый термин «марка» Эйхгорн

¹⁸ См. выше, лекция XX. (Прим. ред.)

¹⁹ K. F. Eichhorn. Op. cit., Bd. I, SS. 61—62.

определяет как округ, закрытый для тех, кто не принадлежит к марке. Марка — это граница, исключая чужих, находящихся вне марки. Внутри марки он различает земли, возделываемые и невозделываемые. Последние также иногда назывались маркой. Пользование ими в отличие от обрабатываемой земли регулировалось общиной. Но частная собственность на обрабатываемую землю, по мнению Эйхгорна, также носила на себе известные элементы этого общего маркового владения. Это было скорее не право собственности, а право пользования, регулируемое общинным управлением. Этот вывод Эйхгорн делал исходя из наблюдений над современной ему Германией, где обработка земли большей частью велась по трехпольной системе. При трехпольной системе и принудительном севообороте община непрерывно вмешивается в хозяйство каждого отдельного общинника. Она регулирует севооборот, регулирует выпас по живью. У общины имеются, таким образом, определенные хозяйственные права и на индивидуальную пахотную землю каждого общинника. На этом основании Эйхгорн утверждал, что трехпольная система сама по себе предполагает объединение отдельных дворов в деревни, — в противоположность мнению Мёзера²⁰, что каждый собственник земли владел отдельным огороженным участком и их объединение в деревни произошло впоследствии. По мнению Эйхгорна, марка является первоначальной формой германского поселения, тем основным фактом, на котором зиждется все общественное и политическое устройство германцев, но эта теория у него только намечена, хотя и довольно ясно. Дальнейшее ее обоснование и утверждение принадлежат уже Мауреру — создателю буржуазной марковой теории.

Возникает вопрос, почему же такой консервативный по своим взглядам ученый, как Эйхгорн, выступил против теории Мёзера об исконности индивидуальных дворовых поселений и частной собственности у германских народов, которую он сам сначала разделял, и пришел к противоположному заключению о том, что марка была основой древнейшего германского общественного устройства.

Дело в том, что эта теория общины и общинного владения землей вовсе не представлялась в начале XIX в. столь революционной, как она представляется сейчас некоторым консервативным или реакционным буржуазным историкам, вроде Допша. В ней тогда вовсе не видели какого-либо обоснования социалистических идей или доказательства исторического характера частной собственности. Наоборот, в марке, в общинном владении землей именно консервативные историки и политики находили гарантию против гибели крестьянства. В общине с ее принудительным уравнительством видели средство воспрепятствовать пролетаризации крестьянства, оплот против разложения аграрного строя в результате развития в деревне капиталистических отношений. Общину рассматривали как определенную гарантию сохранения старинного феодально-крепостнического устройства, хотя и признавали, что первоначально древнегерманская община была свободной. Почему бы и не отдать должное свободе и не преклониться перед свободой, если она относится к далекому прошлому!

Говоря о взглядах Эйхгорна на общину, нельзя не подчеркнуть и другую сторону его воззрений. Указывая на существование у германцев марки, Эйхгорн подчеркивает одновременно и наличие у них неравенства. С его точки зрения, уже во времена Цезаря, не говоря о временах Тацита, имелась развитая знать — *Adel*. Эйхгорн думал, что

²⁰ И своей же более ранней точке зрения. (Прим. ред.)

у германцев эта знать существовала как особое «сословие» («stand») — Adel, или edel Geschlecht. Он употребляет этот термин «stand» почти в том же смысле, как и применительно к позднему средневековью, в смысле сословия, имеющего представительство в рейхстаге. В законодательном собрании древних германцев эта знать разрешала вопросы в тех случаях, когда не созывалось общее собрание племени.

Эйхгорн считал, что, поскольку установить происхождение этой знати по историческим источникам невозможно, ее надо причислить к учреждениям, которые наряду с маркой составляют общественные основы германского народа, его особенность. Иначе говоря, существование знати, по мнению Эйхгорна, есть одна из исконных особенностей германского народа, связанных первоначально с религиозными учреждениями германцев и вообще с германским «народным духом».

Когда германским историкам начала XIX в. нужно было объяснить, что такое германский «народный дух», в чем его основное содержание, они определяли его по-разному, предпочитая говорить о «народном духе», чем выяснять действительное содержание этого понятия²¹. При этом обыкновенно подчеркивался только один момент — индивидуализм. Такое определение германского «народного духа» мы находим и у Эйхгорна, который видел во всех средневековых германских учреждениях специфически германский, индивидуалистический характер.

Еще более четкие высказывания на этот счет имеются не у историков, а у немецких писателей-романтиков начала XIX в., например у Ф. Шлегеля, который прямо говорил, что германскому «национальному духу» присуще стремление к индивидуализму и что истинное, наиболее соответствующее этому духу государственное устройство немцев — это анархия.

Эйхгорн пытается согласовать в своей концепции этот германский индивидуализм с исконным существованием у германцев общинного элемента следующим образом: община была организацией для крестьянства; что касается знати, то у нее отличительным признаком является этот неограниченный дух свободы и индивидуализма, который, по мнению Эйхгорна, нашел свое выражение в наличии дружинного начала и знати у германцев с древнейших времен. Существование дружины и знати сыграло, по словам Эйхгорна, решающую роль в германской истории. Он не сомневается, что самое завоевание германцами Римской империи было делом вовсе не общенародным, а делом знати и дружины. Этим объясняется, по его мнению, характер раздела земель между германцами, при котором не все получили одинаковые наделы. Всю землю получил король, который затем делил ее, раздавая наиболее крупные участки своим дружинникам, в зависимости от той роли, которую они играли в его дружине. Эйхгорн считает, что таким образом уже были заложены основы феодально-ленных отношений, которые были характерны для последующей эпохи.

Дружина, из которой, после того, как получив землю, она села на землю, развивались феодальные учреждения, является, согласно Эйхгорну, наиболее ярким выражением германского индивидуализма. Таким образом, феодализм, с его точки зрения, вырастает из индивидуализма древних германцев.

²¹ Так поступали, между прочим, и русские славянофилы, которым всегда было очень трудно дать положительное определение русского национального духа. (Прим. автора.)

Вместе с тем дружина — это учреждение, которое непримиримо с каким-нибудь государственным правовым центром. Она уничтожает всякую политическую связь, поэтому феодальная раздробленность есть прямое и закономерное следствие дружинного начала, искони свойственного германцам. Одним словом, феодализм с его политической раздробленностью, которая продолжала существовать в Германии во время Эйхгорна, рассматривался им как непосредственное выражение германского «народного духа».

Итак, индивидуализм древних германцев, выразившийся в дружинном начале и в политическом распылении, по мнению Эйхгорна, связан в первую очередь со знатью. Эта знать в дальнейшем подчиняет себе свободных крестьян и создает крупное поместье, которое становится определяющим моментом всей германской истории. Таким образом, большая роль общинной организации у древних германцев, подчеркнутая Эйхгорном в его концепции марки, затем в значительной степени ограничивается его теорией о решающей роли в их истории знати и дружинных отношений.

Остановимся теперь на вопросе о связи между германским и римским началом, о происхождении средневекового общества в концепции Эйхгорна и на том, как он решал пресловутую германо-романскую проблему.

В общем, Эйхгорн считает, что развитие истории средних веков вытекает из германских начал, хотя делает при этом некоторые оговорки. Он вовсе не думает, что римские учреждения были полностью сметены германским завоеванием. Он указывает на ошибочность предположения, будто германцы могли дать какую-то новую племенную организацию римскому населению провинций, на чисто германских основах, отмечая, что германцы мало касались политического устройства римского населения и их порядков, особенно в городах.

В результате слияния германцев и римлян образовался, по его мнению, какой-то совершенно новый народ. Правда, народ этот был варварский, ибо римская культура пришла в упадок и германцы внесли сюда свой дух воинственности, свои свободные обычаи и учреждения, но тем не менее, особенно в городах, старые римские учреждения остались. Эйхгорн до известной степени повторяет идеи Савиньи, соглашаясь с ним, что сохранность римских учреждений особенно заметна на истории городов, и так же настаивает на непрерывности существования римских муниципальных учреждений, но только применительно к старинным римским городам, в которых сохранились римское население и прежние римские порядки. Но в отличие от Савиньи он справедливо полагает, что большинство городов возникло позже и что развитие этих новых городов шло самостоятельно. История этих новых германских городов развивается совсем иначе, не из римских, а из германских начал. В них можно различить две части населения: свободных, которые подчинены государству через посредство графа, и крепостных людей, которые подчинены сеньору города. Таким образом, во вновь возникающих городах существует обыкновенно два режима: с одной стороны, вотчинный, а с другой стороны, государственно-правовой, которому подчинено свободное население. Это положение меняется с появлением Оттоновых привилегий, которые, по мнению Эйхгорна, уничтожили различие между двумя сословиями населения в городах, превратив всех городских жителей, на которых теперь распространялось вотчинное, сеньоральное право («Hofrecht»), в зависимых людей сеньора. Таким образом, городское развитие, по мнению Эйхгорна,

прошло через стадию вотчинного строя и городское право развилось из сеньорального права.

С того момента, как горожане оказались под властью сеньора, начинаются городские движения. Подчинение всех горожан власти сеньора создает у них общность интересов и стремление вернуть свободу всему населению города, а не только той его части, которая раньше была свободна. В этой борьбе, которая организуется городской общиной, образуется городской совет. Сначала этот совет состоит частью из вотчинных министериалов. Но постепенно община освобождается и становится свободной городской общиной с выборным советом.

Таков сложный процесс возникновения городского строя, по Эйхгорну. Его концепция содержит в себе зародыши ряда позднейших буржуазных теорий происхождения городов. Здесь имеется налицо романистическая теория по отношению к старым римским городам, элементы теории свободного общинного происхождения городов, а также вотчинной теории. Ведь Эйхгорн считает, что, хотя средневековый город создавался из объединения свободных и вотчинных элементов населения, он, однако, обязательно проходил через стадию общего закрепощения, находясь на положении вотчины. Поэтому вотчинная теория у Эйхгорна как будто бы является преобладающей.

Подведем некоторые итоги данной выше характеристике наиболее крупных представителей исторической школы права. Мы видели, что эта историографическая школа перенесла центр тяжести в изучении юридических вопросов на историю права, на происхождение тех или других правовых институтов. Ее представители доказывали органичность происхождения всех правовых институтов и утверждали, что все они в той или другой форме уже существовали в древнейших юридических нормах, так как они коренятся в «народном духе» и поэтому в течение столетий остаются одними и теми же, изменяя лишь свою форму. Происходящие в праве изменения являются результатом не творческой деятельности отдельных законодателей, а следствием глубоких процессов, происходящих внутри этого «народного духа»²².

Отойдя от понимания истории как арены творчества свободной личности и рассматривая ее как поле деятельности бессознательных народных сил, историческая школа не могла не уделить особого внимания процессу экономического развития. Конечно, на это ее толкали не только моменты чисто теоретические, но и экономический рост Европы в начале XIX в., который сказывался слишком ярко, чтобы можно было пройти мимо него. А ведь историческая школа как раз настаивала на связи настоящего с прошедшим и привлекала настоящее к изучению прошедшего. Поэтому экономическое развитие народов начинает всё больше и больше привлекать внимание историков. Пример подал уже Мёзер, который был, можно сказать, духовным отцом исторической школы. Затем Савиньи, придавая важное значение экономическому развитию в истолковании юридических памятников, показал, как новые экономические потребности создали необходимость в новых правовых отношениях, в новом праве, которое соответствовало бы данному уровню экономических отношений, прежде всего торговых и кредитных²³.

²² Понимая право как одно из проявлений «народного духа», представители исторической школы права включали в историю права и историю государственных учреждений, а отчасти также и вопросы социальной истории, такие, как, например, проблему марки, возникновения городов и т. д., хотя и подходили к ним с юридической точки зрения. (Прим. ред.)

²³ При этом, однако, всегда следует помнить, что экономические и социальные проблемы решались представителями исторической школы права всегда очень тенден-

Позднее, под непосредственным влиянием исторической школы права, в Германии возникла и историческая школа политической экономии, которая заимствовала у первой ее консерватизм, ее подчеркивание тесной связи с исторической традицией, противопоставляя себя либеральной английской (манчестерской) школе политической экономии²⁴.

Обращение исторической школы права к «народному духу», к процессам, происходящим в массах, может с первого взгляда показаться какой-то демократизацией истории по сравнению с историографией Просвещения, которая часто изображала народ как пассивный объект, воспринимающий воздействие ведущих, просвященных личностей — истинных носителей прогресса. В учении исторической школы права личность, напротив, не играет никакой роли, все творится самим народом.

Однако в действительности это обращение к народу было как нельзя более далеко от какого бы то ни было демократизма. Народ в концепции исторической школы права выступает как носитель какой-то исконной, косной, консервативной силы, противопоставленной творческим порывам отдельной личности, из которых ничего не может выйти, если они находятся в противоречии с этими истинными, исконными началами. Здесь представление о народе связывается с представлением о неподвижности, застойности правовых институтов, и совершенно очевидно, что ничего демократического в таком понимании народа нет²⁵. К тому же, несмотря на это постоянное обращение к «народу», «народной стихии», мы не находим у представителей исторической школы правильного представления о том, что такое действительная жизнь народа, жизнь масс. Им совершенно чуждо понятие о разделении народа на классы и тем более о борьбе классов, характерное для некоторых представителей буржуазной историографии во Франции того времени.

Нельзя не отметить здесь одну важную заслугу исторической школы права — постоянное стремление всех ее представителей всегда опираться на первоисточники, их особое внимание к критике источников. Правда, эта заслуга, как это можно сказать и о других сторонах деятельности этой школы, сплошь и рядом превращается в недостаток. Мы видели, как у историков этой школы подчеркивание момента органического развития в противоположность механическому подходу историков XVIII в. приводит не к пониманию, а к затемнению исторического процесса. То же приходится иногда сказать и об обращении исторической школы к первоисточникам.

Мы видели, как писали историю деятели Просвещения — Вольтер, Монтескье, не говоря уже о Кондорсе. Их в первую очередь интересо-

ционно, с тех консервативных и даже реакционных политических позиций, на которых они стояли, и все их исследования имели своей конечной целью оправдание и посвящение с помощью исторической традиции феодально-крепостнических порядков германских государств начала XIX в., политической раздробленности Германии и вообще косности и застоя. (Прим. ред.)

²⁴ Е. А. Косминский предполагал еще вернуться в своем курсе к вопросу об исторической школе политэкономии в Германии, но не успел выполнить это намерение. (Прим. ред.)

²⁵ Аналогичные идеи нашли отражение и в развитии русской общественной мысли 40-х годов XIX в., в воззрениях славянофилов, которые также выдвигали идею о народе как главной силе исторического процесса и призывали следовать «народным началам». Однако это не помешало им быть очень далекими от подлинного демократизма и прогресса. (Прим. автора.)

вали широкие обобщения. Они нередко мало думали об источниках и сплошь и рядом те или другие исторические факты брали из вторых рук. В XVIII в. мы можем назвать немало хороших знатоков источников, как Дюбо, Мабли, но и для них источник был лишь орудием для того, чтобы дать нужную им общую картину, скорее иллюстрацией, чем объектом исследования. Несомненно, огромная заслуга исторической школы состояла в том, что она требовала любое положение доказать источником: без источника, на веру она не принимала ни одного положения или обобщения. Однако слабая сторона этой апелляции к источникам заключалась в том, что историки этой школы все более и более превращали источник в самоцель и под прикрытием анализа источников старались избегать открытых обобщений. Но поскольку никакое историческое сочинение не может избежать обобщений, то у представителей исторической школы эти обобщения даются в скрытой форме, их реакционная тенденция не выступает сразу, ее надо постепенно и осторожно вскрывать, но тем не менее эта тенденция всегда налицо. Таким образом, тщательный и внешне объективный анализ источников здесь часто является до известной степени маскировкой этой тенденции, своего рода прикрытием для утверждения той идеи, которая дана уже раньше, до изучения источника, и коренится в общеисторических представлениях этой школы.

При изучении историографии XIX в. нам придется нередко отмечать такие моменты, когда источниковедение вырастает в самостоятельную дисциплину, которая угрожает заглушить историю, когда некоторые ученые считают, что все, что не может быть прямо подтверждено ссылкой на определенный источник, не может представлять предмет научного изучения. Маркс очень остроумно заметил по поводу этой стороны деятельности исторической школы права: «Историческая школа сделала изучение источников своим лозунгом, свое пристрастие к источникам она довела до крайности,—она требует от гребца, чтобы он плыл не по реке, а по ее источнику»²⁶. (Под рекой Маркс, очевидно, понимает именно историю.)

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 85.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX в.
ЛИБЕРАЛЬНО-РОМАНТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.
КРИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

Мы видели, что реакционная историческая школа, создавшаяся главным образом в Берлинском университете, обратила особое внимание на изучение средневековья. В средних веках она видела ничем не омраченный, ничем не затемненный, чистый «народный дух» германцев. Но не всегда эта идеализация германского «народного духа» принимала непременно реакционный оттенок. Даже Эйхгорн, как мы видели, не сразу стал на консервативную точку зрения, и не вся молодежь, которая шла на борьбу за свободу Германии, сразу приспособилась к режиму реакции. В германском обществе даже в эпоху реакции продолжалось либеральное движение, поддерживаемое отчасти ненавистью к тем эксцессам, которые проявлял реакционный режим, господствовавший в большей части Европы, отчасти теми либеральными движениями, которые начались в 20-х годах XIX в. в южнороманских странах — Испании и Италии. Но эта романтическая любовь к свободе Германии переносилась в прошлое и принимала безобидный, литературный характер, проявляясь лишь в области идеологии и не переходя в действительность.

Я приведу здесь характеристику, данную Марксом этой группе германских либералов, которые в древних национальных началах хотели видеть подтверждение своим туманным политическим идеалам свободы. «Благодушные энтузиасты, — пишет Маркс, — тевтономаны по крови и свободомыслящие по рефлексии, ищут историю нашей свободы по ту сторону нашей истории — в первобытных тевтонских лесах. Но чем же отличалась бы история нашей свободы от истории свободы дикого кабана, если бы ее можно было отыскивать только в лесах»¹.

Маркс здесь подчеркивает, что искание свободы у этих либеральных романтиков носило чисто отвлеченный характер, без всякого применения к тогдашней реакционной немецкой действительности. К таким либеральным романтикам в немецкой исторической науке принадлежал и один из учеников Эйхгорна и Савиньи — Рогге.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 416.

Карл-Август Рогге (1795—1827) учился в Берлинском университете, в 1813 г. пошел добровольцем на войну, был тяжело ранен, затем вернулся к научной работе, заняв должность доцента в Кенигсберге. В 1820 г. вышло его основное сочинение — «О судебном устройстве германцев»². Это исследование, основанное на тщательном изучении источников, пропитано совершенно определенной тенденцией — восторженным преклонением перед свободой. Рогге начинает прямо с утверждения, что особенности германского судебного процесса можно объяснить только благородным характером древних германцев, особенно их безусловной правдивостью. Рогге с полной серьезностью утверждает, что при тех методах, которыми велся этот процесс, добиться установления судебной истины можно было только при условии необычайного благородства и полной правдивости всех участников процесса. Он также считает, что без представления о германской свободе немислимо понимание германского суда. Как и представители исторической школы права, Рогге очень высоко ценил Мёзера и постоянно ссылаясь на него. Описывая ранний период германской истории, он употребляет мёзеровский термин — «gemeine Ehre» («общая, или всенародная, честь германцев»), считая эту «честь» характерной чертой древних германцев этого периода. Эта общая честь германцев, по его мнению, заключалась прежде всего в участии каждого в «народовласти» («Volksgewalt»), которое он считает особенностью общественного быта германцев той эпохи. Кроме того, эта честь находила свое выражение в исконной германской свободе, в силу которой «каждый свободный человек мог делать то, к чему он имел желание или силу, при помощи своих родственников или других друзей»³.

Таким образом, возможности, предоставляемые человеку этой свободой, были ограничены лишь силой других членов общества. Рогге так и говорит, что германцы ничем не были ограничены, что «рука германца могла быть остановлена только более сильной рукой его противника, но никоим образом не принудительной силой власти»⁴. К такой неограниченной свободе, по мнению Рогге, способны только люди с весьма благородной природой. Единственно господствующим принципом, который и тогда ограничивал эту свободу и регулировал поведение германцев, был обычай (Sitte).

Рогге сочувственно цитирует слова Тацита о том, что у германцев «добрые обычаи имеют большую силу, чем в других местах добрые законы». Рассматривая эту свободу с правовой точки зрения, Рогге называет ее Fehderecht, т. е. право на разрешение споров вооруженной рукой. При этом он оговаривается, что здесь ни о каком праве в обычном смысле речи нет, потому что это — право, данное природой. С помощью этого права самозащиты вооруженной рукой разрешаются всякого рода дела уголовного характера — дела об убийстве, чести, членовредительстве и т. д. Что касается имущественных, гражданских дел, то они разрешаются судебным порядком. Рогге говорит, что одна семья стоит у древних германцев против другой семьи как два отдельных государства. Каждая семья есть своего рода государство, и взаимоотношения между отдельными семьями — месть или восстановление своего права вооруженной рукой — напоминают международные отношения.

Мы видим здесь в значительной степени идеи Мёзера о крайнем

² K. A. Rogge. Über das Gerichtswesen der Germanen. Halle, 1820.

³ Ibid., S. 1.

⁴ Ibid., SS. 1—2.

индивидуализме отдельных германских семей, являвшихся собственниками земли. Права отца и каждой такой семьи приравниваются к правам государя. Представление о родовом строе, о родах, стоящих над семьями или так или иначе влияющих на семейные порядки, у Рогге вовсе отсутствует.

Рогге повторяет и другую мысль Мёзера, а именно, что наряду с таким резким индивидуальным делением на отдельные семьи, каждая из которых обладала правом полной свободы, у германцев существовали также известные объединяющие моменты: население каждого пагуса, или округа, представляло собой одно особое, отдельное от других и постоянное целое.

Иногда возникали и более крупные объединения, но временного характера, лишь для военных целей, затем исчезающие. Все политическое устройство древних германцев, по мнению Рогге, основывалось на двух моментах, объединявших этих свободных людей. Это — единство всех живущих в пагусе свободных (*Volkseinheit*) и, затем, те земельные права, которыми они пользуются. Рогге отмечает наличие у германцев маркового устройства — *Markgenossenschaft* — и мира марки — *Markfrieden*. Вслед за Мёзером Рогге в марке видел объединение свободных собственников земли. В то же время Рогге, как и Эйхгорн, отправляется от представления, что у германцев искони существовала знать, что у них было два сословия: знатные и простые свободные — *Edele* и *Freie*. Поэтому он считает, что в марке были земли двух родов: во-первых, так называемый *Feldmarken*, которые находились в полной собственности отдельных лиц — знатных людей, короля или церкви. Тем самым в этот исконный строй древних германцев Рогге привносит представление о частном домене (*villa indominicata*), который возник, как известно, в гораздо более позднюю эпоху, чем то время, которому посвящено исследование Рогге о германском судебном устройстве. Но, кроме того, внутри марки существовали *Feldmarken* и другого рода, которые заключали в себе земли ряда свободных земельных собственников крестьянского типа. Здесь основным принципом являлось общинное землепользование. Члены таких марок составляли *Markgenossenschaft*, у них были свои марковые права — *Markrecht*, они защищались миром марки — *Markfrieden*.

Таковы взгляды Рогге на исконный общественный строй германцев, имеющие отвлеченно теоретический, оторванный от какой-нибудь исторической действительности характер. Характерно, что «германская свобода», в его представлении, не была связана с равенством и с самого начала допускала существование знати (*Adel*). В этом смысле воззрения либерального романтика Рогге мало чем отличались от воззрений консервативного романтика Эйхгорна, который также считал, что знать является исконным учреждением у германцев, хотя ее происхождение никоим образом не может быть выяснено путем исследования, потому что она связана с самыми древними моментами германской истории и даже с религией⁵.

Историческая школа права развивалась в тесном взаимодействии с немецкой школой филологов первой половины XIX в., которая оказа-

⁵ Несмотря на свои как будто бы либеральные симпатии, Рогге находился под значительным влиянием исторической школы права не только в отношении исследовательских методов, но и в отношении общей концепции истории древних германцев. Разница заключалась лишь в том, что он делал особый акцент на исконности «германской свободы». Нетрудно заметить, что концепция Рогге также носила ярко выраженную националистическую окраску. (*Прим. ред.*)

ла на нее большое влияние. Савиньи и Эйхгорн постоянно подчеркивали, что развитие учреждений происходит так же непосредственно и спонтанно, как и развитие языка. Эволюция языка рисовалась им в виде мирного, закономерного процесса, где невозможны никакие резкие изменения, нарушения, никакие влияния извне, никакие перевороты.

В классической филологии еще в конце XVIII в. произошли крупные сдвиги. Здесь надо прежде всего назвать Фридриха-Августа Вольфа (1756—1824), автора знаменитого «Введения к Гомеру» (1795)⁶.

Совершенно в духе будущей исторической школы Вольф утверждал, что весь греческий эпос является не результатом творчества какого-нибудь одного лица, как это думали до того момента, а продуктом творчества всего греческого народа, или, лучше сказать, народных сказителей, певцов, рапсодов, которые были выразителями этого «народного духа». У ученика Вольфа — Лахмана эта идея получила дальнейшее развитие. Он представлял себе дело так, что каждая песнь в «Илиаде» и «Одиссее» была создана какой-нибудь особой ветвью греческого народа.

Громадное влияние оказали на историческую школу права знаменитые языковеды и фольклористы братья Grimm, особенно старший из них — Яков (1785—1863), который одно время был секретарем Савиньи. Мы находим у Гриммов ту же характерную идеализацию патриархальной древнегерманской старины, консервативного крестьянского уклада, которую мы видели у Мёзера и его последователей. При этом работы братьев Grimm были окрашены в еще более яркие националистические тона, чем работы представителей исторической школы. Яков Grimm применил к германской филологии, так же как Вольф к греческому эпосу, идею бессознательного творчества «народного духа». По вопросу о том, кто является автором «Песни о Нибелунгах», он говорил, что этот вопрос не имеет смысла, так как великие национальные произведения творят не отдельные лица, но сам народ непосредственно.

Grimмы обратились к собиранию народных сказок. В 1812 г. вышел их знаменитый сборник германских народных сказок. Это собирание сказок имело определенную научную цель. В сказках они видели древнейшую поэзию народа, в которой особенно ярко отражался народный характер. Несколько позднее, в 1816 г., вышел их сборник «Немецкие сказания»⁷.

Разница между сказками и сказаниями, по мнению Гриммов, заключалась в том, что в основе сказаний всегда лежит какое-нибудь историческое событие, они так или иначе связаны с определенной эпохой, с определенным лицом, хотя, может быть, и далеко отходят от исторической действительности. По словам Гримма, человек получает от своей родины ангела-хранителя, который сопровождает его в жизни. Это — неисчерпаемые сокровища сказок, саг и историй.

Братья Grimm работали и в области права, соприкасаясь здесь непосредственно с исторической школой права. В 1828 г. Яков Grimm издал «Древности немецкого права»⁸. В этот сборник он включил не только материал правовых источников, но и сведения по истории права, содержащиеся в языке, поэзии, в юридических обычаях. Эта книга является ценнейшим материалом для истории культуры. Здесь осо-

⁶ F. A. Wolf. Prolegomena ad Homerum. Berlin, 1872.

⁷ J. Grimm und W. Grimm. Deutsche Sagen, Berlin, 1956.

⁸ J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, Bd. 1—2. Berlin, 1956.

бенно важно то, что Гриммы собрали также данные о старинных крестьянских обычаях.

В 1835 г. вышла «Немецкая мифология»⁹ братьев Гримм. Надо заметить, что материала, который действительно является элементом старинной немецкой религии, сравнительно немного. В работе Гриммов преимущественно дана мифология, взятая из более поздних памятников.

Самой крупной работой братьев Гримм являются «Исторические исследования немецкого языка»¹⁰ (1852), до настоящего времени представляющие собой неисчерпаемый источник филологических и исторических данных.

То исключительное значение, которое историческая школа права придавала изучению источников и критике их, очень четко обнаружилось и в области филологии. Может быть, даже филология в этом отношении дала толчок исторической школе права. Та критика, которая была применена Вольфом к Гомеру, применялась затем Савиньи и Эйхгорном, а еще до них, Гуго, — к правовым источникам.

Это исключительное внимание к изучению источников дало ряд положительных результатов. Прежде всего была выдвинута на первый план проблема критики источников. Как историки права, так и историки вообще всё больше и больше начинают отходить от нарративных источников и всё больше переходят к изучению подлинных источников, какими являются в первую очередь грамоты и другие подобные документы. Уже Мёзер считал недостаточными повествовательные источники и обращался к документам. Исследования Вольфа заставили пересмотреть ряд важнейших вопросов источниковедения. Значительный шаг в этом направлении сделали Эйхгорн и Савиньи. Но больше всего для критики источников сделал знаменитый Нибур, с именем которого связывается главным образом представление о новом этапе в истории критики источников.

Нибур иногда изображается как скептическая натура, как историк, который довел критику источников до крайности, до гиперкритики. Это не совсем точно. Специальностью Нибура была классическая филология, от которой он уже позднее пришел к изучению истории, главным образом Рима и вообще древней истории. Так как он не занимался средневековьем, то я ограничусь лишь несколькими словами о нем. Но сказать о нем необходимо, поскольку в проблемах медиевистики критика источников играет центральную роль, а влияние Нибура здесь было чрезвычайно велико.

Бартольд-Георг Нибур (1776—1831) — датчанин по происхождению. Сначала он работал по финансовой части в Копенгагене, был директором Ост-Индского банка, затем был приглашен Штейном в Берлин для работы в области финансов. Но вскоре он занялся вопросами филологии и истории. Попав в 1816 г. в Рим в качестве прусского поверенного в делах при папе, он и там продолжал заниматься римской историей. В 1823 г. он сделался профессором истории в Бонне.

Нибур разделял консервативные взгляды исторической школы права и в отличие от большинства своих сверстников был консерватором с самой молодости. Он никогда не увлекался французской революцией и высказывал убеждение в непрочности республики и скором восстановлении монархии во Франции. В своей работе «Революционная эпоха»¹¹ он считает французскую революцию достойной проклятия.

⁹ J. Grimm. Deutsche Mythologie, Bd. 1—3. Berlin, 1875—1878.

¹⁰ J. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache, Bd. 1—2. Leipzig, 1868.

¹¹ B. G. Niebuhr. Geschichte des Zeitalters der Revolution. Hamburg, 1845.

Главный труд Нибура — «Римская история»¹², два первых тома которой вышли в 1811 г. В них рассматривался период до самнитской войны. Уже после его смерти был обнародован третий том, который был доведен до пунических войн. Нибур хотел исследовать период до начала приципата Августа, но этот план не был выполнен. Кроме того, остался цикл университетских курсов Нибура, записанных его слушателями, в которых он касается целого ряда других проблем по истории Рима, Греции, Древнего Востока и истории французской революции. Лекции Нибура в Берлине, которые он начал читать с 1810 г., пользовались огромным успехом. Савиньи был одним из ревностных посетителей лекций Нибура, хотя сам был уже в это время профессором.

Что дал Нибур для развития античной историографии и исторической науки вообще? Прежде всего он положил конец легендарным рассказам о существовании «темных веков» в римской истории, относящихся к эпохе так называемых царей и к первым векам республики. Он показал недостоверность источников, на которых базируется Тит Ливий в первых своих книгах. Но критика этой «первой декады» Ливия была дана еще Бофором, который подверг сомнению все содержащиеся там легенды, указывая на то, что Ливий не обладал никакими достоверными источниками и не мог опереться ни на какую достоверную традицию. Однако критика Бофора этим и ограничилась. Нибур же поставил вопрос в более общем плане, а именно: как можно от субъективного источника, каким является то или другое повествование, прийти к объективной исторической истине, как можно по данному, дошедшему до нас источнику, узнать, как совершалась история в действительности? По его мнению, нельзя получить ответ на этот вопрос, не дав прежде всего историю источников, историю самой этой традиции.

И вот Нибур впервые написал историю источников римской истории. В этом он видел основную свою задачу. Эта задача осложнялась применительно к римской истории, особенно тем, что там достоверная традиция начинается чрезвычайно поздно, ранних источников не сохранилось, их приходилось в значительной степени восстанавливать. Поэтому Нибур поставил вопрос о заимствованиях, о влияниях, сказавшихся в тех источниках, которыми приходится пользоваться историку Рима. Нибур интересен, скорее, самой постановкой вопроса, чем теми решениями, которые он дал. Сама постановка вопроса о том, что источник должен быть подвергнут исторической критике, что должна быть точно выяснена достоверность традиции, что необходимо установить историю источника, его происхождение, те заимствования, которые там имеются, те пути, которыми это заимствование шло, — эта постановка вопроса чрезвычайно существенна.

Подобно тому как это делал еще Вико и отчасти Вольф, Нибур стремился восстановить то поэтическое творчество, которое, по его мнению, лежит в основе римской традиции. Ему казалось, что в основе рассказов Тита Ливия о древнейших временах римской монархии и республики лежат поэтические произведения, какой-то не дошедший до нас римский эпос. И он пытался восстановить этот эпос, полагаясь в этом на свое поэтическое чутье и при этом постоянно делая ошибки. Сама идея о наличии первоначального римского эпоса является совершенно ничем не доказанной фантастикой. При попытках восстановить древнюю римскую историю на основании этого воображаемого эпоса по отдельным моментам, которые он считал достоверными в древней тради-

¹² B. G. Niebuhr. Römische Geschichte, Bd. 1—3, Berlin, 1873—1874.

нии, Нибур чаще всего исходит из современных ему порядков. Подобно тому как Эйхгорн и историческая школа права видели в прошлом ключ к пониманию настоящего, так и у Нибура этот метод исторической аналогии играет крупнейшую роль. Нибур думал, что для понимания прошлого необходимо знание настоящего. По его мнению, историк может описать и пощипать как следует только то, что так или иначе сам пережил. Этим открывалось самое широкое поле для модернизации, которая заметна в воспроизведении Нибуром древней римской истории. При этом он явно находится под впечатлениями порядков своей датской родины, отчасти Гольштейна и Дитмаршена. Тамощние крестьяне, которые в течение веков сохраняли свою свободу, представляют для него такой же отправной пункт, как для Мёзера вестфальское крестьянство. Он считает, как и Мёзер, свободное крестьянство прочной основой национального существования, всячески идеализируя это искони привязанное к земле и традициям свободное крестьянство. Он считал, что лишь до тех пор, пока римские граждане были крестьянами и сами обрабатывали свои поля, их государство переживало подлинный расцвет. Нибур порицает все, что уводило римлян от этого исконного, как ему кажется, крестьянского идеала. Так, несмотря на свой консерватизм, он порицает римских патрициев и крупных землевладельцев за то, что они отнимали у крестьян землю, подрывая этим мощь римской пехоты, без которой не могла бы образоваться римская держава. Золотым веком римской истории он считает древнейшую эпоху, о которой сохранилось меньше всего источников и которую он воспроизводит на основании аналогии с современностью или на основании довольно фантастического толкования исторической традиции. Нибура больше всего привлекает эта начальная эпоха римской истории. При этом для него характерна морализирующая точка зрения. Для него древняя эпоха римской истории интересна потому, что здесь господствуют неиспорченные нравы. Вообще положительная сторона работы Нибура значительно слабее его критического подхода, или, лучше сказать, тех критических проблем, которые он ставит, но надо сказать, что и в области ранней истории Рима Нибуром сделан очень крупный шаг вперед. Энгельс говорит, что «первым историком, который имел хотя бы приблизительное представление о сущности рода, был Нибур, и этим,— но также и своими почерпнутыми прямо оттуда ошибками,— он обязан своему знакомству с родами Дитмаршена»¹³.

Нибур дал ряд интереснейших указаний в области филологической критики, в области интерпретации текстов, формул права. Он пытался установить время и происхождение каждого исторического источника и дать принципы, по которым это можно установить. Так до него еще никто не работал над источниками. Поэтому, несмотря на все его ошибки, ему можно безусловно отвести крупнейшее место в истории источниковедения, в истории критики источников.

Значение, которое историческая школа придавала источнику, выразилось не только в том, что критика источников стала выдвигаться всё более и более на первый план и даже приобретать самостоятельное значение, но также в усилении публикации источников. Особенно со второго десятилетия XIX в. публикация источников приобретает все более и более широкий характер как в Германии¹⁴, так и в других странах

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 169.

¹⁴ Более подробные сведения о развитии публикации средневековых источников автор дает в лекции XXVI. (Прим. ред.)

Европы. Вместе с тем надо отметить еще один важный момент, а именно, что правительство берет теперь историю под свое особое покровительство. Если в эпоху Просвещения история иногда и была предметом покровительства меценатствующих государей, которым надо было так или иначе показать свое расположение к Просвещению, то все же эти историки далеко не всегда проводили в своих произведениях те идеи, которые были угодны монархам. Теперь же реакционная историческая школа всецело сделалась слугой монархии. Та история, которая преподавалась в университетах Германии, особенно в Берлинском университете, стояла на националистической, антилиберальной точке зрения. Правительство всячески содействовало развитию исторической науки в Германии, видя в ней противовес от всевозможных революционных идей. Историческая подготовка теперь начинает считаться необходимой для каждого политического деятеля.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
 XIX в.
 ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГЕГЕЛЯ, „СТАРО-“
 И „МЛАДОГЕГЕЛЬЯНЦЕВ“

Как историография эпохи Просвещения, так и реакционная историография начала XIX в. обнаружили в подходе к истории односторонность, которая стала заметно ощущаться уже современниками. Историография Просвещения внесла в изучение истории идею прогресса, но в соответствии с чисто механическим пониманием общества и общественного развития понимала этот прогресс крайне механистично. Что касается реакционной историографии, то хотя она выдвинула на первый план органический характер общественного развития, но представляла это развитие как крайне консервативное, сводя его в конце концов не столько к развитию, сколько к утверждению старых, традиционных форм. Эта реакционная идеология не могла полностью удовлетворять растущую германскую буржуазию, которая хотя и пошла после наполеоновских войн на соглашение с феодальными, реакционными кругами и быстро примирилась с реакционной монархией мелких германских государств, но все же продолжала развиваться и выдвигать новые требования. Компромисс, заключенный с феодально-реакционными кругами, не во всем мог удовлетворить германскую буржуазию.

В начале XIX в. в Германии бурно расцветает идеалистическая философия, которая при всей своей видимой отвлеченности также отражала историческую реальность того времени.

Прежде всего события, которые пришлось пережить Германии, да и всей Европе, — революция, наполеоновские войны, крушение наполеоновской империи, реставрация монархии во Франции — выдвинули и в области философии исторические проблемы, всё более усиливая в ней элемент философии истории. Большое внимание философии истории уделяли уже Фихте и Шеллинг.

В числе германских философов, которые сначала увлекались идеями французской революции, а потом всё больше и больше уходили в сторону примирения с действительностью, надо назвать знаменитого философа Шеллинга, который оправдывал действительность так же, как ее оправдывала и историческая школа права. При этом он исходит

из идеи, что историческая необходимость принимает форму божественной, святой необходимости, подчиняющей себе человеческую природу.

Шеллинг стремился примирить человека с действительностью, увести его от тревог и суеты мира в мир фантазии и красоты, в мир искусства. В дальнейшем Шеллинг все больше отходит в сторону реакционной мистики. С 1809 г. он начинает разрабатывать почти исключительно вопросы философии религии. В лекциях, которые он читал впоследствии в Берлине, он говорит, что государство и религия стоят в такой внутренней связи, что одно не может без другого иметь свое истинное действие. Философию религии он называет положительной философией, так как она якобы познает истинную реальность, истинное бытие, т. е. бога, между тем как отрицательная, или рациональная, философия может познать мир лишь как возможный предмет разума, как предмет, вытекающий из принципов разума. На этом основании Шеллинг выступает против попытки историко-критического анализа евангелия и вообще «Священного писания». Он не позволяет сомневаться в истинности откровения, в божественности Христа.

Огромное значение Шеллинг и другие романтики-философы придавали искусству. Эстетическая школа романтизма провозгласила, что мир познается не путем критики, не путем анализа, а путем непосредственного художественного созерцания, путем вдохновения, путем интуиции. Только поэты, художники, которые творят бессознательно, вдохновенно, являются истинными учителями жизни. Реакционная сущность этого учения очевидна. Она осуждает науку, разум, призывает к уходу от действительности, к отказу от стремления творчески изменить эту действительность. Мистическая романтическая школа с ее стремлением к самоуглублению, к религиозно-этическому самоусовершенствованию, оторванному от широких общественных задач или связанному с расплывчато-фантастическими, ни к чему не обязывающими общественными идеалами, широко распространяется в то время в Германии и имеет успех и в России, где людям с чуткой совестью и пытливым умом, но слабой волей, оставалось только одно — углубиться в свой внутренний мир.

Но этот уход от действительности, как было уже отмечено, не мог полностью удовлетворить германскую буржуазию, которая начала пробуждаться с общим экономическим развитием страны в этот период. В Германии все более и более созревают условия развития капиталистического строя, и это начинает отражаться и в области отвлеченной мысли. Весь огромный исторический опыт Западной Европы за предшествующие 150 лет, старый порядок и революция, наполеоновское господство и наступление вслед за этим реакции — все это нашло наиболее полное выражение в системе идеалистической философии, и в частности в философии истории Гегеля.

Не останавливаясь подробно на философии Гегеля и его исторических взглядах, так как эти вопросы входят в соответствующий курс истории философии, необходимо, однако, отметить то огромное влияние, которое оказал Гегель на все дальнейшее развитие историографии, особенно в Германии. Пройти совсем мимо этого в курсе историографии просто невозможно.

Гегель (1770—1831), подобно Фихте и Шеллингу, пережил в свое время увлечение французской революцией. Он ожидал от нее наступления своего рода «царства божия», которое объединило бы науку и религию. В свое время в Тюбингене он сажал дерево свободы, требовал

для Германии реформ в буржуазном духе, приветствовал Наполеона, в котором видел «мировую душу» истории. В те годы он писал, что Германия терпит военные поражения из-за несовершенства своего общественно-политического строя, что она больше не является государством, так как в ней господствуют разброд и анархия, узаконенное беззаконие. Германия того времени, по его мнению, являлась государством лишь в теории, поэтому и мышление немцев, как утверждал Гегель, носит теоретический, нереальный характер.

Гегель заимствовал у историков эпохи Просвещения идею прогресса. Эта идея владела им в юности и сохранилась у него до конца, хотя и в своеобразной, полумистической форме¹. Он был уверен, что историческое развитие представляет собой постоянное движение к лучшему, поэтому вся история в его изображении приобретает завершенность, осмысленность, строгую закономерность. Философия истории Гегеля является замечательной попыткой построить всемирную историю как связанный единым планом закономерный процесс. Ограниченному, замкнутому, консервативному «народному духу» исторической школы права он придает универсальный характер, подчинив его общему плану всемирной, а не национальной истории, плану, в котором господствует единый «мировой дух». Можно сказать, что Гегель восстанавливает в правах всемирную историю, которая была разорвана реакционными романтиками на ряд замкнутых национальных историй. По его словам: «Принципы духов народов в необходимом преемстве сами являются лишь моментами единого всеобщего духа, который через них возвышается и завершается в истории, постигая себя и становясь *всеобъемлющим*»². Таким образом, всемирная история рассматривается Гегелем как единый, органический, закономерный процесс прогрессивного развития человечества. Дух каждого отдельного народа представляет собой лишь ступень в развитии «мирового духа». Каждый народ в силу этого является носителем определенного принципа. Осуществив свое историческое назначение, он уступает место другому народу, являющемуся носителем другого, более высокого принципа.

Так, в своей картине развития человечества Гегель объединяет принцип всемирного, исторического прогресса, выдвинутый Просвещением, и принцип органического развития, выдвинутый реакционной исторической мыслью начала XIX в. «Народный дух» исторической школы у него становится лишь определенной ступенью прогрессивного развития человечества.

«Человек вообще», на которого так нападали реакционные романтики, противопоставлявшие ему человека определенной эпохи и определенной нации, здесь выступает опять, но менее примитивно, в соединении с представлением о «народном духе» и с национальной историей. Национальная история у Гегеля неразрывно связана со всеобщей, с мировой историей, а теория органического развития — с теорией прогресса.

По-новому ставит Гегель и тот вопрос, который также разделял

¹ Гегель, как известно, был объективным идеалистом, считал основой всех явлений в природе и обществе «мировой дух», или «абсолютную идею». В то же время он был создателем диалектического метода, который он впервые применил к истории, хотя и понимал последнюю лишь как отражение саморазвития абсолютной идеи. Несмотря на идеалистическую основу исторических воззрений Гегеля, применение диалектического метода к истории позволило ему наряду с совершенно ошибочными представлениями внести в развитие исторической мысли ряд плодотворных идей, как это справедливо отмечает Е. А. Косминский в данной лекции. (Прим. ред.)

² Гегель. Философия истории. Соч., т. VIII. Соцэкгиз, М.—Л., 1935, стр. 75.

историков Просвещения и представителей реакционной исторической школы,— вопрос об отношении отдельной личности к массе — народу.

Для большинства историков Просвещения личность была единственным творческим началом, а масса являлась лишь пассивным объектом воздействия личности. У представителей реакционной исторической школы личность, напротив, совершенно отступала на задний план перед бессознательно творящим «народным духом», перед народом, который рассматривался как хранитель традиций и консервативных начал. У Гегеля же личность является своего рода орудием «мирового духа». Преследуя свои цели, личность бессознательно осуществляет те задачи, которые ставит «мировой дух». «Мировой дух» вообще осуществляет свои цели через человеческие действия, которые определяются потребностями, страстями и интересами людей. Подобно тому как строитель пользуется различным материалом для постройки зданий, «мировой дух» пользуется отдельными людьми, которые служат ему материалом. Сами по себе они ничто, но важно, чем их делает «мировой дух». Цель истории известна только ему, они лишь слепое орудие в его руках.

Гегель говорит, что «мировой дух» хитер, так как «он заставляет действовать для себя страсти, при том то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред»³. Таким образом, «идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов»⁴. Но у великих людей личные их интересы и цели непосредственно отождествляются с целями «мирового духа». Это истинные герои всемирной истории. Они видят вдаль, как пророки. Они умеют распознавать цели «мирового духа», но они, как правило, глубоко несчастны, их ждет трагическая участь (как Цезаря, Александра Македонского, Наполеона).

Гегель считал, что деятельность исторических личностей отнюдь не противостоит недейтельным массам, что, напротив, она обращена на массы, интересы которых эти великие личности в конечном итоге осуществляют, хотя обычно и не осознают этого⁵. То, к чему стремятся великие люди, уже подготовлено жизнью масс. В конечном итоге и те, и другие воодушевляются одними и теми же идеями. Так, например, эпоха и народ, на которые влияла деятельность Александра или Цезаря, сами подготовили те стремления, которые одушевляли этих великих людей. Эпоха создала их, и они в свою очередь создали ее. Они были орудиями своего времени и своего народа, и в то же время они сделали свой народ орудием для свершения своих дел. Осуществив свою цель или свой принцип, народ должен сойти с исторической сцены, уступить место другому историческому народу, в котором «мировой дух» поднимается на высшую ступень.

В последние годы своей жизни Гегель читал лекции по философии истории в Берлинском университете. В них он пытался набросать общую картину развития всемирной истории, как истории «мирового духа», познающего свою сущность, которая заключается в свободе. Свобода, по мнению Гегеля, есть свойство «мирового духа», подобно тому как протяженность есть свойство материи. Всемирную историю он рассматривает как необходимый прогресс сознания свободы. История, по его мнению, подчинена законам разума и должна быть осмысливаема историками с точки зрения разума. По его словам, «кто разумно

³ Гегель. Соч., т. VIII, стр. 32.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 30.

смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно»⁶. История развивается как логический процесс. Если бы она была бессмысленна, не вела к великой цели, как можно было бы оправдать все страшные бедствия и потери человечества? Только страдание, говорит Гегель, ведет к прогрессу. Периоды спокойствия и счастья обычно бесплодны. Гегель рисует, как народ за народом выполняют свою историческую миссию и, достигнув наивысшего напряжения своей силы, сходят с исторической сцены. «Жизнь народа,— пишет Гегель,— ведет к созреванию плода, так как его деятельность клонится к тому, чтобы осуществить его принцип. Однако этот плод не падает обратно в недра того народа, который его породил и дал ему созреть, наоборот, он становится для него горьким напитком»⁷. Будучи не в силах отказаться от этого «горького напитка», народ, отведав его, погибает. Место его занимает другой народ.

Нужно сразу же заметить, что реальная история плохо укладывается в эту схему. Для утверждения этой схемы Гегелю в его лекциях пришлось до крайности сузить понятие человечества, всемирной истории и географические границы человечества. В этом смысле он далеко позади Вольтера, который старался охватить все человечество и подчеркивал, что все, даже самые отдаленные от Европы, народы земного шара внесли свой вклад в сокровищницу истории. Гегель уступает в этом отношении и Гердеру, который ставил во главу угла единое человечество, и Лессингу, который мечтал о воспитании всего человеческого рода. Для Гегеля сфера проявления «мирового духа» ограничена только Передней Азией, Северной Африкой и Западной Европой. Остальные народы, живущие в других частях света, по его мнению, вовсе не имеют истории. Они как бы исключены из истории и являются «неисторическими» народами. «Неисторическим» делается народ, уже совершивший свое предназначение и тем самым сошедший с исторической сцены. Даже если он продолжает существовать, его жизнь — «это политическая пустота и скука»⁸,— пишет о таких народах Гегель.

Ранняя история народов, которые еще не начали сознавать себя, тоже не есть предмет истории. История начинается лишь с того момента, когда народ начинает сознавать себя, т. е. сам писать свою историю. До этого народ также является «неисторическим». Таким образом, история понималась Гегелем как процесс, из которого была исключена большая часть человечества⁹.

Конкретный ход истории человечества, по Гегелю, шел следующим образом. По его мнению, «мировой дух» прошел детский возраст в истории Древнего Востока, т. е. в Передней Азии и Египте. Таким образом, Северная Африка тоже включается в границы «мирового духа». В Греции «мировой дух» пережил прекрасную юность, в Риме — зрелость, в германско-христианском мире он обрел старость. В государ-

⁶ Гегель В. Соч., т. VIII, стр. 12.

⁷ Там же, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 72.

⁹ Историческая схема Гегеля вследствие этого по существу не была всемирно-исторической. Разделение народов на «исторические» и «неисторические», впервые введенное в историографию Гегелем, являлось выражением его националистических взглядов, согласно которым главным «историческим» народом своего времени он считал немцев. Славян он считал «неисторическим» народом. Народы Востока, по его мнению, уже выполнили свою историческую функцию и тоже находятся вне истории. Эта европоцентристская националистическая схема Гегеля впоследствии широко использовалась реакционными, шовинистически настроенными немецкими историками в XIX и XX вв. (Прим. ред.)

ствах Древнего Востока человек еще не сознавал своей свободы и был полностью подчинен политическому и религиозному деспотизму. Свободен был только один человек — монарх. Остальные составляли бесправную массу. В Греции и Риме «мировой дух» уже осознал свою свободу, но еще не вполне, здесь свободны были лишь некоторые люди. Полной свободы «мировой дух» достигает, по мнению Гегеля, в германской Европе, особенно после реформации. Наступившая в эту эпоху старость, однако, не есть дряхлость. Это бодрая старость, которая может протянуться еще очень долго, но все же это старость и ждать какого-то нового этапа больше не приходится. «Мировой» же «дух» достиг в современной Гегелю Европе, и в частности в Германии, последних, высших ступеней своего развития. Завершением истории самопознания «мирового духа» Гегель, таким образом, считал современность с ее «историческим духом», т. е. эпоху, когда «мировой дух» в его философской системе окончательно познал самого себя и свою свободу и тем самым осуществил цель своего развития. В осознании свободы Гегель и видел заключительный этап истории человечества.

Таким образом, у Гегеля история как-то обрывается на настоящем. Всё прогрессивное развитие человечества, вся эта величественная картина истории народов, сменяющих друг друга и составляющих отдельные прогрессивные ступени в развитии человеческого духа, вдруг обрывается на настоящем, заканчивается тупиком, не оставляя никакой перспективы будущего развития. Здесь у Гегеля получается неразрешимое противоречие: все прошлое подчинено в его схеме закону непрерывного развития, а настоящее — это время, когда дальше идти некуда, когда всякое развитие прекращается. В конкретно-историческом плане оказывается, что конечной целью и наивысшим достижением всего длительного исторического процесса является прусская монархия в том виде, в каком она установилась в начале XIX в. В этой феодально-крепостнической, милитаристской монархии, по мнению Гегеля, осуществилось самопознание «мировым духом» его сущности — свободы.

Какой странный и неожиданный конец, какой жалкий результат развития человечества, даже по сравнению с теми картинами будущего прогресса общества, которые мы видели у Кондорсе! Надо сказать, что «Философия истории» Гегеля является наиболее слабым из всех его произведений¹⁹.

Влияние Гегеля на историков было огромно как в Германии, так и за ее пределами. Влияние это было двойственно. Дело в том, что, говоря о философском учении Гегеля и об его исторических взглядах, приходится проводить различие между его консервативной, идеалистической системой и его революционным, диалектическим методом. Система исторических взглядов Гегеля представляет собой насилие над историческим материалом: она исключает из истории большую часть человечества, так как относит большинство народов к числу «неисторических», она дает совершенно произвольное изображение смены «исторических» народов, ведущих историю, она по существу отрицает прогрессивное развитие человечества в целом, поскольку останавливает это применительно к настоящему и объявляет задачу истории достигнутой в настоящем. Цель

¹⁹ В. И. Ленин писал об этой работе Гегеля: «В общем, философия истории дает очень и очень мало — это понятно, ибо именно здесь, именно в этой области, в этой науке Маркс и Энгельс сделали наибольший шаг вперед. Здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован». (В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 310). (Прим. ред.)

человечества, к которой стремился «мировой дух», именно ту свободу, раскрытием которой является вся история, Гегель видит осуществленной в прусском государстве с его псевдоконституционным строем. Философия истории Гегеля оправдывала историческую действительность Германии начала XIX в. своим фаталистическим и двусмысленным положением, что «все действительное разумно». В своей «Философии права», где и была выражена эта формула о разумности всего действительного, Гегель дал настоящий апофеоз государства, призывая поклоняться ему, как земному богу, и утверждая, что свою ценность, все свое духовное существование личность получает от государства. В этом смысле система Гегеля вполне соответствовала реакционному направлению и несла с собой философские обоснования германской реакции. Ясно, что эта система Гегеля, сложившаяся в поздний период жизни Гегеля, когда он стал вполне на службу прусскому государству, не могла не стать орудием реакции, в частности в историографии.

Другое дело — диалектический метод Гегеля, который создавался еще в молодые годы Гегеля, под влиянием главным образом французской буржуазной революции, и представлял собой мистифицированное преломление впечатлений от этого исторического события. Это был прежде всего глубоко исторический метод, с помощью которого все в мире, особенно же в истории, воспринимается как движение, как процесс, как непрерывное изменение, как развитие и притом развитие прогрессивное. Эта идея развития не чужда была, как мы видели, и исторической школе права, но последняя, во-первых, крайне замедляла процесс прогрессивного развития, сводя его почти до полной остановки, главное же — она совершенно устраняла из развития какие бы то ни было элементы революции, элементы скачков. Ценность диалектического метода Гегеля заключается как раз в том, что он своим учением о единстве и борьбе противоположностей, законом отрицания отрицания, в силу которого всякое бытие переходит в свою противоположность, законом перехода количества в качество, согласно которому постепенно накапливающиеся количественные изменения путем скачка переходят в новое качество, — установил новые законы исторического развития¹¹. Правда, эти законы исторического развития даны Гегелем в мистифицированной, идеалистической форме, как законы развития духа, как законы логики. Диалектика в философской системе Гегеля, рассматривающей материальный мир как порождение и отражение развития духа, еще стояла у Гегеля, по образному выражению Маркса, на голове. Ее предстояло поставить на ноги. Но, будучи выведены из реального исторического опыта, из опыта старого порядка, революции, наполеоновской империи и реакции, диалектические законы исторического развития, выдвинутые Гегелем, обогатили учение об органическом развитии общества, так как внесли в него момент борьбы и революций как проявления скачкообразного развития. Естественно, что такой метод должен был оказать влияние на развитие прогрессивной исторической мысли.

В результате антагонизма между методом Гегеля и его системой среди последователей Гегеля обозначается резкое расхождение. Среди них образуются две школы (правых гегельянцев, или «старогегельянцев», и левых, или «младогегельянцев»), из которых первая склоняется преимущественно к гегелевской системе, вторая же, усвоив гегелевский

¹¹ Признав противоречивый характер этого развития, Гегель допускал закономерность революционных скачков, если не в настоящем, то в прошлом человечества. (Прим. ред.)

метод, пыталась применять его к изучению истории. Если для части левых гегельянцев учение Гегеля, и в частности его диалектика, сделалось, по словам А. И. Герцена, «алгеброй революции», то для правых гегельянцев, оно, как остроумно выразился Плеханов, было «арифметикой застоя».

Основным вопросом, вокруг которого разгоралась борьба этих двух направлений в 30—40-х годах XIX в., была религиозная проблема. Если правые гегельянцы находили в учении Гегеля новое подтверждение истинности христианского вероучения, то левые гегельянцы пришли к атеизму, поскольку у Гегеля его «мировой дух» представлял собой, собственно, возведенное в абсолют человеческое сознание, ибо, по Гегелю, нет духа и нет бога помимо человека.

Конечно, было бы грубейшей ошибкой сводить все эти разногласия лишь к одним чисто идеологическим противоречиям. За этим скрывалась борьба интересов, с одной стороны, правых, реакционных, феодальных кругов, особенно прусских, с другой стороны, более радикально настроенной растущей германской буржуазии, которая стремилась к буржуазным преобразованиям, борьба различных партийных группировок, которые черпали из наследия Гегеля то, что для них представлялось наиболее подходящим.

Мы не будем останавливаться подробно на этих проблемах гегельянского наследия, поскольку прямого отношения к истории средневековья они не имеют. Но несколько имен всё же необходимо назвать.

Так, младогегельянец Давид Штраус в своей известной книге «Жизнь Иисуса»¹² (1835—1836) удачно попытался соединить с гегельянскими взглядами критический метод Вольфа, примененный последним к гомеровским поэмам. Евангельские рассказы, с точки зрения Штрауса, представляют собой миф, результат бессознательного творчества христианских общин, как гомеровский эпос представлял собой результат творчества греческого народа. Штраус, правда, относится к христианству с величайшим уважением. Он полагает, что содержание христианства тождественно с высшей философской точкой зрения. Но наряду с этим он пользуется диалектическим методом при рассмотрении возникновения развития и разрушения отдельных христианских догматов, утверждая, что это развитие совершалось по непреложным законам диалектики. Иисус Христос для него — лишь историческая личность, лишь крупнейший исторический деятель. Штраус — идеалист, он стоит на точке зрения религиозно-пантеистической. Не признавая персонифицированного бога, он признает бога как бытие всего сущего. Он признает также и бессмертные души, хотя понимает его только как преодоление индивидуальной смертности в идее. Но, несмотря на свой идеализм, Штраус, резко порвав с традиционной церковностью, своей критикой христианства помогал борьбе с церковной идеологией.

Из левых гегельянцев кроме Штрауса надо назвать знаменитого Бруно Бауэра. Бауэр по отношению к христианству стоял на иных позициях, чем Штраус¹³. Если Штраус видел в христианских традициях результат бессознательного творчества первоначальных христианских общин, то Бауэр стоял в этом вопросе, скорее, на позициях рационалистов XVIII в. Он смотрел на христианство, на христианскую догматику

¹² D. F. Strauss. Das Leben Jesu, Bd. 1—2. Tübingen, 1838—1839; Д. Ф. Штраус. Жизнь Иисуса, тт. 1—2. М., 1907.

¹³ Взгляды Бауэра по этому вопросу высказаны в его работах: «Kritik der evangelischen Geschichte des Johannes». Bremen, 1840; «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker», Bd. 1—3. Leipzig, 1846. (Прим. ред.)

и особенно на христианские традиции как на сознательную ложь, которая была выдумана евангелистами. Это соответствовало бауэровской теории об отношении между личностью и массой, которая резко расходилась с теорией Гегеля по этому вопросу.

По Гегелю, если личность творчески действует на массу, то, с другой стороны, масса определяет характер и деятельность личности, которая является лишь выразителем идей, владеющих массой. У Бауэра же личность является демиургом истории. История творится «критически мыслящими личностями», но никак не народными массами. Эта идея, сводившая всю историю к деятельности критически мыслящих личностей, оказала огромное влияние на немецкую интеллигенцию первой половины XIX в.¹⁴

Из среды левых гегельянцев вышел также Людвиг Фейербах, который гораздо решительнее, чем его предшественники, стал на путь материализма и атеизма. В 1841 г. вышла его книга «Сущность христианства»¹⁵, в которой он рассматривает религию как бессознательный процесс обоготворения сущности человека. Фейербах утверждал, что в религии человек обоготворяет себя, свои собственные силы, но как отчужденные от самого себя. Религия есть отношение человека к своей собственной сущности, но не как к своей, а как к чужой, отличной от него, даже противоположной ему сущности. В этом ложь религии, ее ограниченность, ее противоречие разуму и нравственности¹⁶.

Фейербах в своей теории устранил всякое умозрение, которое хочет выйти за пределы природы и человека, считая такого рода представления жалкими и ничтожными. Возвращение к природе, с его точки зрения, — вот единственный источник исцеления для человечества.

Энгельс формулирует эти взгляды Фейербаха следующим образом: «Природа существует независимо от какой бы то ни было философии»¹⁷. Это, собственно говоря, и значит — поставить с головы на ноги гегелевскую диалектику. Энгельс указывает, что, согласно взглядам Фейербаха, природа «есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религиозной фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности»¹⁸. По словам Энгельса, «надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахянцами»¹⁹.

Но в сущности критика гегелевского идеализма у Фейербаха была доведена далеко не до конца. Самая сущность человека рисовалась Фейербаху как отвлеченная сущность человеческого рода, нечто вроде гегелевского «мирового духа».

Фейербах не смог до конца преодолеть теологию и идеализм, хотя резко выступал против идеализма, видя в нем пережиток теологии. Энгельс говорит, что Фейербах полностью еще не освободился от ста-

¹⁴ Эта теория, не признававшая роли народных масс в истории, отражала неверие известной части младогегельянцев в возможность подлинной народной революции и обнаруживала по существу антидемократический и антиреволюционный характер их политических воззрений. (Прим. ред.)

¹⁵ L. F e u e r b a c h. Das Wesen des Christenthums. L. F e u e r b a c h. Sämmtliche Werke, Bd. 6. Stuttgart, 1903—1911; Л. Ф е й е р б а х. Избр. философ. произв., т. II. Госполитиздат, М., 1955.

¹⁶ См. Л. Ф е й е р б а х. Избр. философ. произв., т. II, стр. 43—44.

¹⁷ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 280.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 281.

рых, идеалистических пут, что «действительный идеализм Фейербаха выступает наружу тотчас же, как мы подходим к его философии религии и этике»²⁰.

На почве левого гегельянства стояли на заре своей деятельности также К. Маркс и Ф. Энгельс. Однако это не значит, что создание диалектического и исторического материализма, этого единственного подлинно научного метода исследования общественных явлений, было подготовлено только развитием гегелевской философии. Возникновение нового, марксистского мировоззрения было подготовлено также развитием английской буржуазной политической экономии и учением великих французских социалистов-утопистов. Это новое революционное мировоззрение складывалось под влиянием как капиталистического развития современной Марксу и Энгельсу Англии, так и той революционной атмосферы, которая господствовала в Европе 40-х годов, и, самое главное, под воздействием того факта, что в Европе этого времени быстро рос и развивался пролетариат как эксплуатируемый класс, противостоявший буржуазии²¹.

Достаточно хорошо известно, что материалистический диалектический метод, созданный К. Марксом, по существу был противопоставлен им идеалистической диалектике Гегеля, как это отмечает сам Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала»²².

В задачи моего курса не входит характеристика диалектического материализма Маркса и Энгельса в целом. Это задача совсем других курсов — истории философии и исторического материализма.

В данном же курсе нам важно выяснить, как Маркс и Энгельс применяли диалектический метод в исторических исследованиях, и этому вопросу будет в дальнейшем посвящена специальная лекция²³.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 292.

Идеализм Фейербаха проявлялся прежде всего в том, что он не видел, что человек всегда зависит от общественных отношений, которые определяют характер деятельности людей и их потребности. (Прим. ред.)

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, которые были вождями и идеологами этого нового, передового, революционного класса — пролетариата, сумели критически освоить и переработать все достижения предшествующей и современной им прогрессивной общественной мысли и создать новое, революционное мировоззрение — марксизм. (Прим. ред.)

²² К. Маркс в этом послесловии пишет: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21). (Прим. ред.)

²³ Автору, к сожалению, не удалось выполнить это свое намерение. Лекции его, как указано в предисловии, обрываются на историографии первой половины XIX в. В связи с этим лекция, которая должна была быть специально посвящена историческим взглядам и произведениям К. Маркса и Ф. Энгельса, так и не была прочитана Е. А. Косминским. (Прим. ред.)

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. Л. РАНКЕ

Чтобы закончить характеристику германской исторической науки первой половины XIX в., нам надо остановиться еще на нескольких именах, сыгравших большую роль в свое время и оказавших значительное влияние на дальнейшее развитие европейской исторической науки.

Прежде всего нужно назвать громкое имя Леопольда фон Ранке, который в течение последних десятилетий изображается в немецкой науке как недостижимый образец исследовательского мастерства в области истории. Это любопытная фигура, на которой стоит несколько задержаться.

Леопольд Ранке (1795—1886) прожил 91 год и до конца своей жизни продолжал работать. В последние годы жизни, когда он уже не мог писать сам, он диктовал свои произведения. Поэтому нас не должно удивлять, что посмертное издание его сочинений вышло в 54 томах.

Все предки Ранке, за исключением его отца — юриста, были протестантскими духовными лицами. Он вырос в религиозной и консервативной обстановке.

Его исторические воззрения складывались под разными влияниями. Здесь надо указать прежде всего на исторические работы Нибура, на философские (по-видимому, главным образом, патристические) произведения Фихте и, наконец, на Вальтер Скотта, оказавшего большое влияние на литературную форму работ Ранке.

Ранке в течение 7 лет был учителем в гимназии во Франкфурте-на-Одере. Он преподавал главным образом древнюю и средневековую историю, стремясь при этом к широкому использованию источников. Плодом этого изучения источников была вышедшая в 1824 г. «История романских и германских народов с 1494 до 1535 г.»¹ — первое крупное произведение Ранке. Уже в этой книге сказались характерные для него в дальнейшем общенсторические взгляды. Прежде всего Ранке интересуется историческая личность в ее индивидуальности. Главной творческой силой истории он признает личность. Поэтому характеристика исторических личностей, обрисовка их индивидуальности, по мнению Ранке, —

¹ L. R a n k e. Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1535. L. R a n k e. Sämmtliche Werke, Bd. 33—34. Leipzig, 1875—1900.

одна из основных задач историка². Но вообще основной задачей историка Ранке считает объективное изложение событий. Историк не должен судить историю и поучать. Цель его — показать, «wie es eigentlich gewesen» («как было на самом деле»). Эта формула цитируется современными германскими историографами на все лады, но, если вдуматься в нее, она лишена смысла, ибо кто же хочет писать историю не так, как она была в действительности. Если же это заявление Ранке должно было подчеркнуть требование к историку быть объективным и выражало его отрицательное отношение к философскому подходу к истории, то оно должно было оказать и действительно оказало в дальнейшем пагубное влияние на немецкую историографию.

К названной работе Ранке был приложен интересный критический очерк — «К критике новой историографии»³, рассмотрение которой он начинает с конца XV в.

Эта книга, в которой, в частности, содержится критика ряда историков-гуманистов, сразу дала Ранке известность в ученых кругах, и в 1825 г. он был приглашен в Берлинский университет, где стал читать общий курс истории Западной Европы. Особое внимание при чтении этого курса он обратил на изучение одного вида источников, именно дипломатической переписки, в частности дипломатической переписки венецианских послов, которая действительно представляет собой исключительно ценный источник.

Внимание Ранке особенно привлекают международные отношения и донесения дипломатов. Международные отношения, по его мнению, являются как раз той сферой, где ярче всего проявляются всемирно-исторические связи. В 1827 г. вышла его важная работа «Государи и народы Южной Европы»⁴. Затем Ранке много путешествовал по Италии, собирая там архивные материалы.

С 1832 по 1836 г. Ранке, по предложению Савиньи, был редактором исторического журнала «Historisch-politische Zeitschrift», целью которого была борьба с либерализмом. Журнал этот прочно стоял на позициях исторической школы права и должен был быть направлен, по мысли Ранке, против «современной схоластики», которая хочет управлять миром по своим школьным теориям. Журнал должен был выступать против «разрушительных нововведений» и особенно предостерегать Германию против увлечения «иностранными доктринами». В этом журнале был напечатан ряд статей Ранке по разнообразным вопросам истории.

В 1834 г. Ранке начинает вести в Берлинском университете семинар, который сыграл крупнейшую роль в развитии немецкой историографии. Здесь складывалась историческая школа Ранке, из которой вышли впоследствии такие известные историки, как Вайц, Гизебрехт, Зибель и др.

Темы семинара Ранке брались главным образом из ранней истории Германии, из истории салических и швабских императоров.

В 1837 г. в результате работы этого семинара Ранке опубликовал первый том исследований своих учеников — «Летописи Германского го-

² В этом отношении Ранке совершенно расходился с представителями исторической школы права, которые мало интересовались деятельностью отдельных исторических личностей, выдвигая на первый план в истории развитие «народного духа» в его различных проявлениях. (Прим. ред.)

³ L. R a n k e. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. L. R a n k e. Sämmtliche Werke, Bd. 34.

⁴ L. R a n k e. Fürsten und Völker von Süd-Europa, Bd. 1—4. Berlin, 1837—1845; Л. Р а н к е. Государи и народы Южной Европы. СПб., 1856.

сударства»⁵, где давалось фактическое, год за годом, изложение истории Германии, начиная от Генриха I.

В 1834—1836 гг. вышел первый том работы Ранке «Римские папы, их церковь и их государство в XVI и XVII вв.»⁶, основанной исключительно на архивных материалах. Закончив эту работу, Ранке — неутомимый исследователь — начал новую — по истории реформации, для которой им был изучен огромный материал в немецких архивах.

В 1839 г. вышел первый том «Немецкой истории в эпоху реформации»⁷. (Последующие 5 томов его выходили до 1847 г.) Этой своей работе Ранке придавал определенное политическое значение. Дело в том, что в отличие от корифеев исторической школы права Ранке был сторонником не мелкочерковой, княжеской Германии, а объединенной Германии, и в реформации он видел момент, когда немецкий народ впервые осознал свое внутреннее единство. Однако эпоха реформации была изучена им главным образом с политической стороны, и на первый план в ней были выдвинуты международные моменты. Социальным движениям этой эпохи он почти не уделял внимания. Изложение «Истории в эпоху реформации» крайне бесформенное, очень часто дается простой пересказ источников. Это признавал и сам Ранке. «Я, — писал он, — чувствую себя так, как мать-природа, когда она создала слона».

После этого Ранке занялся историей Пруссии, вновь отдавшись изучению архивов, в частности в Париже. В 1847 г. вышел первый том его работы «Девять книг прусской истории», которая затем была переработана в «Двенадцать книг прусской истории»⁸. Эта работа была пропитана прусским националистическим духом. Ранке писал здесь, что он считает счастьем принадлежать к государству, с направлением которого он вполне согласен. Здесь опять-таки главным образом излагалась международная история Пруссии, история постепенного ее роста и усиления ее международного могущества.

Едва кончив работу по истории Пруссии, Ранке приступил к изучению истории Франции, вновь обратившись к парижским архивам. С 1852 по 1861 г. выходила его «Французская история, преимущественно в XVI и XVII вв.»⁹.

После этого Ранке перешел к изучению истории Англии и работал в английских, французских и голландских архивах. В итоге он написал большую работу по истории Англии XVI и XVII вв. (включая историю английской революции) — «Английская история преимущественно в XVII в.»¹⁰. В 1854 г. он прочитал целый курс всемирной истории баварскому королю Максимилиану II в Берхтесгадене, впоследствии изданный под названием «Об эпохах новой истории»¹¹. Этот сравнительно обширный курс он прочел, не имея под руками ни одной книги, ни одного пособия.

⁵ «Jahrbücher des deutschen Reichs», Bd. 1—3. Berlin, 1837—1840.

⁶ L. R a n k e. Die römische Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und XVII Jahrhundert. L. R a n k e. Sämtliche Werke, Bd. 37—39. Л. Р а н к е. Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII вв., тт. 1—2. СПб., 1869.

⁷ L. R a n k e. Die Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. L. R a n k e. Sämtliche Werke, Bd. 1—6.

⁸ L. R a n k e. Zwölf Bücher preussischer Geschichte. L. R a n k e. Sämtliche Werke, Bd. 25—29.

⁹ L. R a n k e. Die Französische Geschichte vornehmlich im 17 Jahrhundert. L. R a n k e. Sämtliche Werke, Bd. 8—13.

¹⁰ L. R a n k e. Die Englische Geschichte vornehmlich im 17 Jahrhundert. L. R a n k e. Sämtliche Werke, Bd. 14—22.

¹¹ L. R a n k e. Über die Epochen der neueren Geschichte. Leipzig, 1888; Л. Р а н к е. Об эпохах новой истории. М., 1898.

В 1881 г., уже в глубокой старости, Ранке начал писать «Всемирную историю»¹², которую он писал до 1885 г., но не успел закончить, доведя ее до 7-го тома (до смерти Оттона I).

Ранке уже в молодости стоял на религиозно-консервативных позициях и в политике, и в истории. Он был врагом рационализма, в котором видел одного из главных своих противников. Уже в первых своих работах он постоянно противопоставляет себя рационалистам XVIII в. Сама его формула — писать историю «так, как это было в действительности» — была направлена против историков-рационалистов XVIII в., которые стремились вершить суд над историей. Ранке резко выступал против стремления рационалистов все объяснять из низменных побуждений человеческой природы, из материальных интересов и эгоистических стремлений. По его мнению, нужно искать божественное в истории, хотя он и высказывается против манеры теологов видеть во всем божественное вмешательство. Идеи, определяющие ход истории, для него не трансцендентальны, находятся не вне истории, как для Гегеля, а являются силой, внутренне присущей истории. Однако, не умея определить происхождение этих идей, Ранке в конечном итоге полагает, что они вложены в человечество провидением, т. е. богом. «И здесь также теология», — говорит он в своей автобиографии по поводу законов истории.

Ранке находился в молодости под влиянием круга Меттерниха. (Он был лично дружен с Генцем, самым талантливым и самым бесстыдным из сотрудников Меттерниха.) Позднее, в Берлине, он был близок к высшей бюрократии, ко двору и лично к Фридриху-Вильгельму IV. Как мы видели, Савиньи возложил на него миссию защищать консервативную политику прусского правительства аргументами истории в журнале «Historisch-politische Zeitschrift».

Для политической характеристики Ранке интересны докладные записки, поданные им в революционные 1848—1849 гг. Фридриху-Вильгельму IV. В этих записках высказывается непримиримая вражда Ранке к революции, но наряду с этим и убеждение в необходимости какой-то сделки с конституционализмом. В них доказывается необходимость национального объединения Германии и уверенность, что оплотом этого объединения должна стать милитаристская Пруссия. В конце своей жизни Ранке был близок с Бисмарком, который публично признавал, что он держится одних взглядов с Ранке.

Словом, Ранке является представителем той группы наиболее консервативной немецкой буржуазии, которая пошла на соглашение с феодальными элементами Пруссии и видела осуществление своих политических целей в объединении Германии под главенством Пруссии.

Ранке находился под сильным влиянием консервативных идей исторической школы права, хотя и не разделял ее наиболее крайних политических воззрений. Это влияние, в частности, отразилось на его оценке германской революции 1848 г. Ранке полагал, что она происходила исключительно под влиянием Франции, и считал это обстоятельство самой отрицательной чертой этой революции. Он любил проводить разницу между французским и немецким духом. Подобно Бёрку, он считал характерными для французов попытки рационального переустройства государственного строя, а также механическое понимание политической жизни. В противоположность этому, по мнению Ранке, немцам свойственно органическое понимание жизни и исторического процесса, и они

¹² L. R a n k e. Weltgeschichte. Bd. 1—9. Leipzig, 1888—1902.

поэтому не способны так всецело отдаваться одному центральному влиянию — господствующей личности или преобладающей идее: им чужд дух общественного однообразия, который так существенно отличает французов. Но вместе с тем Ранке постоянно подчеркивал общность германской и романской культур. По его мнению, германские и романские народности представляют некое единство, хотя в этом единстве есть определенные различия и даже борьба, баланс которой, как полагал Ранке, складывается в новое время в пользу германского «национального духа».

Ранке отрицательно относился к конституционализму, хотя и склонен был идти на некоторые сделки с ним. Он говорил, что монархия, которая выросла из глубины веков, которая посвятила себя общественному служению, является лучшим представителем народа, чем какие-то депутаты, выражающие лишь требования преходящей минуты. Он полагал, что политические идеи представляют собой отвлечение от реальных фактов жизни данного народа, что каждый народ имеет свою политику и выражает свою особую идею. Всемирная история — это борьба таких отдельных национальных существований.

Естественно поэтому, что у Ранке все внимание во всемирной истории было перенесено на международные отношения. Он считал, что в борьбе национальных организмов, собственно говоря, правы все. Тут трудно говорить о каких-нибудь народах, которые предназначены провидением или историей на ведущую роль в истории. В этой борьбе правы победители, и виноваты те, кто не сумел себя отстоять. «Мир занят, чтобы чем-нибудь быть, надо возвыситься собственной силой», — пишет он. Стало быть, борьба за существование, за территорию, за политическое влияние — вот что составляет, собственно говоря, основное содержание истории. Эта точка зрения соответствовала условиям момента и задачам, стоявшим тогда перед германской буржуазией, которая в союзе с прусской монархией стремилась к объединению Германии и к осуществлению интересов этой буржуазии. Не вопросы внутреннего устройства и даже не вопросы политического строя, в которых германская буржуазия очень быстро сдала все свои позиции, а именно вопросы усиления внешнего могущества, отвоевания новых территорий и породили своеобразную историческую концепцию Ранке, выдвигавшую на первый план проблемы международных отношений.

Этой внешнеполитической цели, с точки зрения Ранке, должны быть подчинены и внутренние отношения государства. Он заявляет, что государство должно установить все внутренние отношения таким образом, чтобы победить во внешней борьбе. Для него это важнейший закон истории¹³.

Отказывая историку в праве творить суд над историей, считая задачей его лишь объективное изложение событий, Ранке должен был установить, однако, какой-то критерий отбора исторического материала, установить, что именно он будет считать заслуживающим внимания историка.

Он считал, что историк должен описывать прежде всего то, что возвышается над общим уровнем, — выдающиеся явления.

В сочинениях, посвященных Ранке, и в трудах его последователей для обозначения этих выдающихся явлений употребляется особый термин «важнейшие и государственные деяния» (Haupt- und Staatsaktion).

¹³ Сюжетами экономическими, социальными, даже религиозными и историей культуры отдельных народов Ранке интересуется очень мало (Прим. ред.)

Для Ранке «Haupt- und Staatsaktion» является главным предметом изложения. Этот термин имеет двойной смысл. Во-первых, он означает важнейшие события государственной жизни. В этом смысле его и употребляли историографы. Но, кроме того, так назывались драматические представления, которые в XVII в. и в первой половине XVIII в. давались в немецких странствующих театрах. Это были довольно бесформенные, зато переполненные пафосом ходульные произведения, в которых трагические события исторического характера перемежались со всякого рода грубыми фарсами.

Термин «Haupt- und Staatsaktion» встречается и в работах Маркса, например в «Классовой борьбе во Франции», но Маркс пользуется этим термином для обозначения тех событий современной ему французской истории, которые, несмотря на важную и трагическую внешность, в действительности представляют собой фарс. Ранке же, говоря о «Haupt- und Staatsaktion», имеет в виду наиболее крупные события международного характера, которые он называет также «эмергенциями».

Как правильно говорил о Ранке Виноградов¹⁴, он был историком внешнего, а не внутреннего развития народа, в противоположность исторической школе права, с которой, как мы видели, он имел много общего. Ранке полагал, что и внутреннее развитие народа определяется в значительной мере внешними влияниями. Историческая школа права смотрела на внутреннюю историю народов как на проявление национального духа, недоступного для каких-либо влияний извне. Ранке, напротив, считал, что внутренняя история народа подвержена внешним влияниям и в первую очередь ими и интересовался. Например, французская революция, с его точки зрения, была вызвана не столько внутренним положением Франции в эту эпоху, сколько переменами, которые произошли в XVI в. в ее отношениях с другими державами. В этом перенесении центра тяжести истории на внешнеполитические отношения заключается одна из наиболее слабых сторон всех исследований Ранке.

Правда, в изучении этой внешней истории Ранке является, безусловно, выдающимся мастером. При всей поверхностности его изложения оно всегда интересно и блестяще по форме. У него был своеобразный, если хотите, эстетический подход к истории. Он рассматривал историю как борьбу равноправных сил, при этом внешне не отдавая предпочтения ни одной из них. Ему как будто все равно, кто победит — католицизм или протестантизм, Испания Филиппа II или Нидерланды. Каждое историческое явление ему представляется самоцелью, он как бы эстетически любит его.

Ранке, в частности, считается большим мастером исторического портрета. Он старается выявить в каждом историческом деятеле, о котором пишет, основные черты эпохи, но при этом избегает какого бы то ни было восхваления или осуждения этого деятеля. Больше всего его привлекают деятели, требующие тонкой и сложной характеристики. Напротив, характеры очень резко выраженные, грубые, которые были свойственны многим деятелям реформации, ему решительно не удаются. Он не умеет рисовать такими крупными, сильными штрихами, которые необходимы для изображения характера, например, Лютера. Но зато изображение психологически сложных характеров, в частности некоторых пап XVI и XVII вв., особенно пап эпохи католической реакции, с их утонченной и рационализированной религиозностью, удается ему значительно лучше.

¹⁴ См. его предисловие к книге Л. Р а н к е. Об эпохах новой истории, стр. IV.

Ранке считал несправедливым по отношению к людям искать в действиях исторических личностей дурные, низменные побуждения. Он полагал, что исторические явления надо всегда объяснять возвышенными мотивами. Поэтому он несколько прикрашивает все свои портреты, убирая теневые стороны.

Так, говоря о Карле II Английском, он отмечает общеизвестные черты его характера, но делает это так, что эта довольно грязная личность выступает в его книге совершенно приличным человеком.

Ранке был исключительным стилистом. Он заново отделял стиль для каждого издания своих книг. Его стиль отличается ясностью, точностью, насыщенностью и только к старости становится несколько ма-нерным.

Но, несмотря на огромную эрудицию Ранке в области внешней политики стран Европы, живость и блестящий стиль изложения, всем работам Ранке не хватает глубины и композиционного единства. Это определяется его нежеланием рассматривать различные стороны исторического процесса, что часто приводит его к потере руководящей нити, к разбросанности, к очень поверхностному описанию событий.

Немецкие апологеты Ранке, пытаясь оправдать эти слабые стороны его работ, утверждают, что он не обязан был писать обо всем. Почему, например, он должен был писать о социальных вопросах, если его интересуют прежде всего международные отношения? Но Ранке не только не писал сам об этих вопросах, он их игнорировал вообще, не придавая им никакого значения в развитии истории¹⁵.

Нужно сказать, что Ранке и до настоящего времени является самым прославленным историком Германии.

Те националистические прусские тенденции, которые он проводил в своих исторических работах, та идеология, которую он ставил во главу угла, требования завоевания политического места под солнцем и территории для Германии, и в частности Пруссии,— все это соответствовало в то время и соответствует до сих пор вкусам определенной части буржуазии. Всё это создало ему значительную популярность в кругах немецкой консервативной буржуазии при его жизни. В последние же десятилетия¹⁶ эта популярность всячески подогревалась представителями германской реакционной исторической науки. Те буржуазные историки новейшего времени, которые стремятся обосновать с помощью истории свои партийные и классовые воззрения под прикрытием якобы объективного изложения фактов и под предлогом этой объективности выхолостить историю, сделать ее безвредной для своего класса, выбросить из истории всякого рода обобщения и оставить в ней только индивидуальное, подняли Ранке на высоту, которой он не заслуживает. Очень характерно, что такой крупный представитель немецкой реакционной историографии более позднего времени, как Белов¹⁷, придает Ранке совершенно не соответствующее его заслугам значение. Белов пишет, что Ранке поднял историческую науку на небывалую высоту¹⁸.

¹⁵ Здесь проявлялся не только исследовательский метод Ранке, но и его методология подхода к истории. (Прим. ред.)

¹⁶ Автор имеет в виду первые десятилетия XX в. до конца 30-х годов. (Прим. ред.)

¹⁷ G. Below. Die deutsche Geschichtschreibung von den Befreiungskriegen bis unseren Tagen. München und Berlin, 1924.

¹⁸ Такая оценка Ранке в устах Белова явно свидетельствует о том, что пресловутая «объективность» Ранке являлась лишь прикрытием для определенной, весьма консервативной тенденции, свойственной его историческим воззрениям, которая вполне удовлетворяла такого законченного реакционера, как Белов. (Прим. ред.)

Следует заметить, что созданная Ранке историческая школа подхватила как раз наиболее слабые стороны его методологии и исследовательских методов. Ранке готовил эту школу своеобразным способом. В этой связи интересно напомнить одно место из письма Маркса к Энгельсу от 7 сентября 1864 г., где он говорит о Ранке. (Это единственный случай, когда он вообще упоминает о Ранке.)

Для того чтобы оценить едкое остроумие этих замечаний Маркса о Ранке, нужно иметь в виду, что Ранке был небольшого роста, с огромной головой, заросшей выщипными волосами, которые развевались по плечам. Он был чрезвычайно подвижен, читал лекции, непрерывно жестикулируя, подпрыгивая, то говорил с необычайной быстротой, то вдруг останавливался, искал какое-нибудь подходящее выражение. Потом опять начинал говорить очень быстро. Слушать его не всегда было легко. Так рассказывает о нем один из его ближайших учеников — известный немецкий историк Зибель.

Маркс говорит в упомянутом выше письме к Энгельсу об одном из учеников Ранке — Деннигесе. Заметив, что Деннигес принадлежал сначала к «молодым людям» маленького гриба Ранке», которых он заставлял издавать «ужасные анналы немецких императоров», Маркс затем дает уничтожающую характеристику самого Ранке: «То, что танцующий карлик Ранке считал делом «духа», — собрание анекдотов и сведения всех великих событий к мелочам и пустякам, — было этим *young men from the country* [провинциальным молодым людям] строжайше воспрещено. Они должны были придерживаться «объективного» и область духа предоставить своему наставнику. Наш друг Деннигес считался до некоторой степени крамольником, так как он оспаривал у Ранке монополию духа, по крайней мере фактически, и различными способами *ad oculos* доказывал, что он не в меньшей степени, чем Ранке, является прирожденным «камердинером истории»¹⁹.

Этот отзыв Маркса о Ранке представляет интерес как в смысле характеристики метода самого Ранке — собирания анекдотов и сведения всех великих событий к мелочам и пустякам, так и для характеристики исторической школы, созданной Ранке. Маркс особенно подчеркивает, что его ученикам разрешалось заниматься только изучением источников и хронологическим изложением событий.

В чем же заключалась та критика источников, за которую Ранке обычно так превозносят? Белов считает Ранке одним из величайших умов XIX в. на том основании, что он создал новые методы критики источников. По словам Белова, Ранке сделал для средних веков и нового времени то, что Нибур сделал для римской истории, но имеет при этом целый ряд преимуществ перед Нибуром, потому что он благоразумнее и хладнокровнее последнего. Действительно, в методах критики источников у Ранке есть много здравых положительных черт, но в основном она очень поверхностна, разбросанна, носит односторонний характер. Так, критикуя некоторых историков XVI в., с точки зрения достоверности их сведений, Ранке обрушивается больше всего на Гвиччардини, справедливо указывая, что историки прошлого, особенно историки таких отдаленных времен, как XVI в., сами были порождением определенного времени, определенных воззрений и, стало быть, прежде чем использовать их данные, необходимо сначала составить себе представление о самом историке, психологическая одаренность и направленность интересов которого всегда играют немалую роль в освещении

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 201—202.

описываемых им событий. Дав очень яркую, художественную характеристику Гвиччардини, Ранке высказывает мысль, что, чем ярче выражена индивидуальность историка, тем менее можно ему доверять. Надо всегда разложить его произведение на источники, которыми он пользовался. Ранке показывает, что Гвиччардини мало дает от себя, что он пользуется другими источниками, которые передает не всегда точно. Все эти соображения во многом правильны. Но Ранке сам противоречит себе, когда в противоположность Гвиччардини превозносит как наиболее достоверного свидетеля другого историка XVI в. — Джовио, который, как мы видели, являлся продажным публицистом, но который, по мнению Ранке, черпал сведения из первоисточников, сам расспрашивал участников событий, имел множество корреспондентов и, наконец, живя в Ватикане, имел возможность получать наилучшую информацию.

В действительности Джовио, конечно, возбуждает не меньше, а больше сомнения, чем Гвиччардини²⁰.

Сам Ранке пользовался всегда весьма ограниченным кругом источников: преимущественно дипломатической перепиской, донесениями всякого рода дипломатических агентов, к которым он относился совершенно некритически. Он наивно полагал, что в этой переписке — неисчерпаемый источник подлинных и достоверных сведений. Между тем не подлежит никакому сомнению, что послы сплошь и рядом либо перевирали события, которые были им не совсем понятны, либо нарочно вводили свое правительство в заблуждение, либо, наконец, выдумывали сведения, когда им нечего было писать, занимались изобретением фактов, которых никогда не было. Вообще дипломатическая переписка — это один из очень мутных и сомнительных источников, но именно по отношению к этому мутному источнику Ранке теряет свое критическое жало. Не приходится уже говорить о том, что, обращая основное внимание на источники политической, и особенно дипломатической, истории, Ранке в конце концов может дать и дает лишь очень поверхностное изложение истории. Например, в истории английской революции он совершенно упускает из виду все экономические сдвиги, которые произошли в Англии в эпоху Тюдоров, и сводит ее причины к деятельности правительства. Что делать с документальными материалами, которые касаются социальной истории, он просто не знал. Он не умел с этими материалами обращаться. Правда, многие из его учеников были в этом смысле большими мастерами, но все они от него восприняли односторонний подход к истории, взгляд на историю как на историю только выдающихся событий.

Для того чтобы эту общую характеристику Ранке сделать более наглядной, я позволю себе изложить взгляды Ранке на всемирную историю, используя в основном его сочинение «Об эпохах новой истории», но привлекая сюда материал и из других его работ. В этих лекциях Ранке высказал ряд общих теоретических установок. Он не имел здесь возможности растечься во множество подробностей и мелочей и должен был давать какие-то обобщения. Поэтому в лекциях очень ясно обнаруживается поверхностный, неглубокий характер этих обобщений.

Начав с выяснения понятий прогресса, Ранке нападает на гегелев-

²⁰ Совершенно очевидно, что продажный публицист Джовио, даже если он располагал лучшей информацией, чем Гвиччардини, фальсифицировал ее гораздо больше и гораздо более сознательно, чем Гвиччардини, писавший большую часть своих работ вообще не для печати. На этом примере очень ярко виден чисто формальный характер критики источников у Ранке. (Прим. ред.)

скую концепцию истории и вообще на всякую телеологическую теорию прогресса. Он полагает, что у человечества нет никакой положительной цели в истории и что точка зрения Гегеля устраняет человеческую свободу и делает людей безвольным орудием истории. Вообще в истории человечества прогресс, с точки зрения Ранке, не представляет общего закона. Масса народов вообще находится в течение тысячелетий в состоянии первобытном, а, например, на Востоке, по мнению Ранке, замечается не прогресс, а регресс. Там наивысшие стадии развития пережиты были в начале истории. Собственно говоря, по пути прогресса идет только очень небольшая группа народов. Это германо-романские народы, да и то этот прогресс, по мнению Ранке, происходит неравномерно, не для всех стран и не во всех отношениях. Так, например, искусство достигло наивысшей точки в эпоху Возрождения, а потом пошло назад. Прогресс нельзя считать руководящей линией исторического развития. Но все-таки о прогрессе говорить в каком-то смысле можно. По мнению Ранке, прогресс покоится на том, что великие духовные тенденции, господствующие над человечеством, то расходятся, то встречаются. В этих тенденциях, однако, есть всегда определенное частное направление, которое является преобладающим и оттесняет остальные направления на задний план.

Другими словами, Ранке считает, что нельзя установить общую линию прогрессивного развития человечества, но можно установить известную тенденцию прогресса для каждой отдельной эпохи, что в жизни человечества имеются какие-то отдельные эпохи, а в каждой из этих эпох — определенное господствующее направление развития. Так, например, во второй половине XVI в. религиозный элемент был настолько преобладающим, что литература отступала перед ним. В XVIII в. утилитарное направление захватило такое мировое поле, что перед ним должно было отступить искусство.

«В каждой эпохе человечества проявляется таким образом определенная великая тенденция и прогресс покоится на том, что известное движение человеческого духа обнаруживается в каждом периоде, выдвигая то одну, то другую тенденцию и своеобразно проявляясь в ней»²¹.

Поэтому, по мнению Ранке, неправильно думать, что в каждую последующую эпоху человеческая жизнь достигает более высокой ступени, чем в предыдущую. Это было бы несправедливостью со стороны бога. Нужно сказать, что историк-реалист, каким Ранке себя считает, все-таки постоянно апеллирует к богу. Объясняя происхождение этих тенденций, руководящих человечеством в каждую новую эпоху, он пишет:

«Каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к богу, и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «я»²². Поэтому, с точки зрения Ранке, несправедливо говорить, что одна эпоха является предшественницей другой или ступенью к ней. Каждая эпоха непосредственно связана с божеством и имеет свой непосредственный смысл существования. Каждая эпоха, таким образом, ценна сама по себе и поэтому всегда достойна рассмотрения. В общем, как замечает далее Ранке, прогресс заметнее в области материальных благ и естествознания. В нравственном отношении нельзя проследить прогресс, разве только в смысле интенсивности просвещения. Но это он не считает существенным.

²¹ Л. Р а н к е. Об эпохах новой истории, стр. 4. (В дальнейшем: Ук. соч.).

²² Там же.

Кроме того, по его мнению, все высоты в области культуры достигнуты уже в далеком прошлом и недостижимы для современного человечества. Не может быть в настоящее время эпического писателя, который был бы выше Гомера, историка, который был бы выше Фукидида, автора трагедий выше Софокла, философа — выше Платона.

Ранке решительно высказывается и против гегелевской диалектики, по которой развитие человечества движется, как логический процесс. Он говорит, что «в этой схоластике погибает жизнь»²³, и замечает, что последовательное применение идей Гегеля может привести только к пантеизму²⁴.

Значит, под руководящими идеями истории Ранке понимает только господствующие тенденции каждого века, которые он и пытается установить для каждого отдельного периода истории. Эти тенденции могут быть лишь описаны, а не суммированы в какое-нибудь определенное понятие, возведены в какую-либо общую закономерность. По словам Ранке: «С точки зрения божественной идеи я могу себе представить дело только так, что человечество скрывает в себе бесконечное разнообразие процессов, которые проявляются, мало-помалу, по законам нам неизвестным, гораздо более таинственным и великим, чем обыкновенно думают»²⁵.

В итоге оказывается, что Ранке не только признает прямое влияние божества в истории, но и полагает, что пути господни неисповедимы и что задачей историка не может быть познание глубин истории. Историк должен преклониться перед неисповедимым, не исследовать глубоких основ исторического процесса и изучать лишь то, что поднимается над поверхностью. Таким образом, Ранке приходит к своеобразному теологическому агностицизму, к признанию непознаваемости общих закономерностей истории. При этом он прочно стоит на точке зрения христианства. Христианство для него — истинная религия, носитель истинной нравственности. Он полагает, что христианство возникло внезапно, как божественное явление. Так его наивная теология является оправданием для его нежелания углублять свой исторический анализ.

Переходя далее в своих лекциях к изложению конкретной истории, Ранке начинает с Рима. История Рима, по его мнению, является историей мировой, так как в нее вливается история всех остальных народов, современных той эпохе. Рассматривая римские завоевания в Западной Европе, которые он считает основным фактом истории того времени, Ранке утверждает, что их целью было внести в варварские страны культуру и цивилизацию. В этом заключается главная заслуга Цезаря и Августа.

Вообще же заслуги Рима в истории были следующие. Он создал всемирную литературу, преобразовал римское право, право римского государства в право всеобщее, образовал монархический строй и в связи с этим создал правительственную централизацию и, наконец, возвысил христианскую церковь до господствующего положения.

При этом Ранке абсолютно не интересуется социальным строем Римской империи. Например, о том, что в Римской империи было рабство, у него нет ни одного упоминания. Равным образом, при изложении истории средних веков он ни разу не упоминает о существовании крепостничества и вообще о существовании феодализма. Это лишний

²³ Л. Ранке. Ук. соч., стр. 6.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

раз подтверждает, насколько поверхностен тот анализ, на котором основывает Ранке свое построение всемирной истории.

Белов долускает большое преувеличение, когда говорит, что Ранке не игнорировал социальной истории, что он признавал ее значение. Если бы это было так, то в обзоре всемирной истории он бы не мог не упомянуть о рабовладении в Римской империи или о крепостничестве в средние века, не мог бы ничего не сказать о значении феодализма, об исторической роли городов в создании нового европейского общества.

После краткого обзора истории Рима он переходит к тем изменениям, которые произошли в Римской империи под влиянием нашествия германцев и завоеваний арабов.

Рисуя германцев по Тациту, он отмечает у них ряд особенностей и прежде всего — наличие у них старинной монархии, которая покоится на религиозном основании, хотя Тацит не упоминает о подобной политической организации. С другой стороны, такой особенностью Ранке считает дружину; основанную на принципе личной и наследственной верности. Это опять-таки нечто привнесенное в изложение Тацита. Ранке особенно настаивает на этой «всепроникающей связи верности», которая, с его точки зрения, сообщила всей германской истории особенный отпечаток.

Напомним, что та же идея, которая кладет дружинные отношения верности в основу общественного строя германцев, проводилась представителями исторической школы права, например Эйхгорном.

У Ранке эта идея служит для приспособления истории древних германцев к политическим потребностям правящих классов современной ему Германии. Если подставить на место «древнегерманской» монархии прусскую монархию, а наследственное подчинение и верность, якобы свойственные древним германцам, перенести в историю XIX в., то легко себе представить, какую социальную цель преследовал Ранке, давая такое изображение древних германцев.

Рассматривая затем историю германских завоеваний, Ранке подчеркивает, что германцы вовсе не были разрушителями римской культуры. Он рассматривает германо-романский мир как нечто цельное, не противопоставляет резко германскую культуру римской культуре и считает, что римское начало в той или другой мере, может быть в несколько огрубелой форме, вошло в основы общественного строя средневековой Европы.

Германо-романская Европа получила в наследство от Римской империи прежде всего церковь, власть государя, организацию управления, право, литературу. Всё это теперь легло в основу нового германо-романского мира.

Огромное значение Ранке придает эпохе Карла Великого. Насколько поверхностно подходит он к характеристике этой эпохи, можно видеть из того, что все войны Карла Великого (борьбу с саксами, походы против арабов) он рассматривает как борьбу христианства с язычеством.

При этом Ранке характеризует Карла как высококультурного государя. Благодаря ему Германия, Франция и Италия получили сознание своей национальности. В то же время он создал между ними связь, которая с тех пор непрерывно чувствуется в европейской истории и является основой этой истории.

«Одним из главнейших представлений, составившихся у меня и вполне на мой взгляд истинных,—говорит Ранке,—я считаю мысль о том, что совокупность христианских народов Европы должно рассматривать как нечто целое, как единое государство; иначе никак нельзя

правильно понять громадного различия, существующего между западным и восточным миром, ни великого сходства — между германскими и романскими народами»²⁶.

Однако при всем своем почтении к римско-романскому миру Ранке спешит отметить, что Карл Великий чувствовал себя добрым немцем, который, удерживая элементы античной культуры, не забывал также и германскую культуру.

Распад империи Карла Великого Ранке объясняет распрями между преемниками Карла Великого, возвышением магнатов, порожденным в свою очередь этими распрями, и, наконец, притязаниями пап. Но единство империи, по его мнению, все же продолжало существовать, так как императорская власть, даже и после распада империи, оставалась в руках именно германских королей.

Огромное значение придает Ранке принятию Оттоном I императорского сана. Он вполне одобрительно относится к политике германских императоров по отношению к Италии. Это право на Италию перешло к германским императорам от Карла Великого, от завоевания им лангобардского государства. С точки зрения Ранке, для германского государственного устройства очень важно было держать в руках папу.

Кроме того, Италия оказывала на Германию благотворное культурное воздействие и поэтому тоже было важно обладание Италией. Наконец, сама идея мирового господства была связана с Римом и обладанием Италией.

При объяснении причин ослабления средневековой Германской империи после смерти Оттона I у Ранке особенно ярко выступает то, что Маркс называет сведением великих исторических событий к пустякам. Он объясняет это ослабление империи, во-первых, тем, что Оттон II умер рано и оставил малолетнего сына, во-вторых, тем, что Гуго Капет создал могущество Франции, а Вильгельм Завоеватель — могущество Англии. Третьей причиной является борьба пап с императорами.

Время с XI по XIII в. Ранке называет иерархической эпохой. Ранке употребляет слово «иерархия» как синоним теократии. Он считает эту эпоху эпохой господства папства, заявляя при этом, что преобладание пап не было связано с какой-нибудь идеей, а было создано политическим путем — путем борьбы и войн.

Большое значение придает Ранке крестовым походам, которые, по его мнению, обнаружили, что истинным вождем христиан на Западе является не император, а папа. Крестовые походы, полагает он, объясняются чисто духовной идеей, стремлением вернуть святой гроб в руки христиан. Таково мнение Ранке, хотя к этому времени уже существовало исследование его ученика Зибеля, которое выяснило многообразные причины, в частности и материальные причины, лежавшие в основе крестовых походов. Для Ранке главное значение крестовых походов заключается в том, что они способствовали усилению папского могущества.

Насколько Ранке находится позади представителей исторической школы права, хотя бы Савиньи, видно из того, что стремление итальянских городов к самостоятельности в эпоху Гогенштауфенов, которое Савиньи выводит из экономических причин, Ранке объясняет «элементами их прежнего устройства». Объяснение причин усиления могущества пап в XI—XII вв. Ранке дает в стиле теории «народного духа». По его словам: «Европейское общество, составившееся, как мы видели, из слияния романского и германского мира, по природе своей было

²⁶ Л. Ранке. Ук. соч., стр. 77.

склонно к иерархическому началу, ибо в римском быту церковь имела величайшее значение. Но церковь все же не составляла всего: в германском духе было заложено бесконечное стремление к свободе и склонность к естественному росту — черта, которая не могла на долгое время найти себе удовлетворение в иерархическом начале»²⁷.

Германцы пришли из своих лесов для завоевания Римской империи, а не для служения римской церкви. Они хотели принять культуру, а не это служение. Поэтому за этой иерархической эпохой следует другая, когда это внутреннее стремление романо-германских народов развивалось чрезвычайно деятельно. «Это развитие,— пишет Ранке,— шло не по предначертанной философской программе, а выражалось в непрерывной разработке основной тенденции»²⁸.

Вряд ли это объяснение можно считать более реальным и конкретным, чем объяснение Гегеля.

Основная тенденция в XIV—XV вв. прямо противоположна тенденции XI—XII вв. В этот период единство государства и церкви распадается. Здесь Ранке говорит о падении авторитета пап, о великом церковном расколе, о Столетней войне, о смутах в Англии, Франции и Германии. «В эту эпоху общего разложения взоры снова обратились к папству, как единственному авторитету, который еще признавался почти повсюду. Но, к сожалению, рядом существовало двое пап»²⁹. Этот раскол приводит к соборному движению. Наконец, весь этот период заканчивается завоеванием Константинополя турками, которое вызвало перенесение культурного центра из Византии в Италию.

Ослабление влияния церковной культуры и церковности повысило интерес к античности. В XIV—XV вв. иерархия разлагается, личность вступает в свои права. Это вызывает расцвет искусств и изобретений, среди которых многие имеют очень большое значение, как, например, изобретение огнестрельного оружия, а также книгопечатания, положившего конец владычеству духовных корпораций над науками.

Следующий период — эпоха реформации и религиозных войн (период с конца XV до середины XVII в.). Это прежде всего эпоха великих открытий, которые Ранке считает результатом исключительно международных отношений. Открытие Америки, в частности, является, по его мнению, результатом поисков новых путей на Восток, главной целью которых была борьба с неверными. Затем, это эпоха усиления внутреннего могущества власти государей в Англии, Франции, Испании. Наконец, это период столкновений европейских держав во внешних делах. Европа распадается на две группировки — испанскую и французскую.

Причины реформации в Германии, по мнению Ранке, преимущественно политические — именно борьба князей с императором и папой, которые в данном случае выступают как союзники. Социальным движениям эпохи реформации Ранке не придает большого значения. Хотя он и говорит о Крестьянской войне, но лишь для того, чтобы высказать свое отрицательное к ней отношение. Крестьянская война, по его мнению, вспыхнула тоже из-за политических причин, из-за того, что в целях объединения империи были увеличены налоги, которых крестьяне не хотели платить. К тому же среди крестьян распространились мистические идеи. Восстание крестьян Ранке считает большим несчастьем для Германии. «Крестьянское восстание,— пишет он,— заключало в себе

²⁷ Л. Ранке. Ук. соч., стр. 90.

²⁸ Там же, стр. 90—91.

²⁹ Там же, стр. 95.

крайние последствия и грозило опрокинуть весь существующий порядок вещей в Германии. Свергали не одни иконы; Томас Мюнцер, вождь крестьян, хотел истребить всех князей и устроить совершенно новый мир... Что касается отношения Лютера к крестьянскому восстанию, надо отдать ему справедливость: он уже с самого начала не хотел иметь ничего общего с этим делом... Присоединись Лютер к этому движению, и он сам и его учение погибли бы»³⁰. Ранке полностью солидаризируется с отношением Лютера к крестьянскому восстанию и одобрительно отзывается о его выступлениях против «этого бесчинства».

Ранке всячески старается подчеркнуть близость лютеранства к католицизму. Может быть, это объясняется тем, что он читал свои лекции католическому государю. По его мнению, главное в учении Лютера — что он яснее всех выразил идею верховной власти.

Далее Ранке рассматривает католическую реакцию, которая, как он полагает, коренилась лишь в политических условиях эпохи и в гибкости, приспособленности и устойчивости католицизма. Само папство в это время меняет свой характер. Появляется новый тип папы. Здесь идет борьба двух самостоятельных сил — реформации и обновленного папства. Эту кровавую борьбу двух самостоятельных сил он видит в нидерландской и французской религиозных войнах XVI в. и в Тридцатилетней войне. Причины возникновения нидерландской войны, как он называет нидерландскую революцию, по мнению Ранке, чисто религиозные, причины же победы Нидерландов над Испанией чисто политические, именно твердость Елизаветы Английской, возвышение Генриха IV и развитие английского морского могущества. К чисто религиозным сводит он и причины возникновения Тридцатилетней войны. По этому поводу он говорит, что в Германии имело место кровопролитие, которое приобрело ужасный характер, и из-за незначительных догматических разногласий культура Германии подверглась уничтожению.

Со времени реформации, полагает Ранке, Европа разделяется на два ствола, оставаясь все же единой. Но это единство базируется уже не на единстве церкви, а на общности культуры, учреждений и взаимного влияния германских и романских наций.

Следующая эпоха — эпоха возникновения и развития крупных держав (XVII—XVIII вв.). Если в предшествующую эпоху основной тенденцией было господство церкви, то теперь в развитии Европы преобладает более светское направление. На первое место выступает принцип государства. «После того, как религиозная сторона выработалась до известной степени, человеческие силы начали двигаться больше в сторону государства в связи со светским направлением, которое приняла наука вообще»³¹. Направление этой эпохи было военно-монархическим. Основная идея, или тенденция, эпохи — борьба мировых держав за преобладание. Сначала выступает Испания, затем Голландия, потом на первое место выдвигается Франция. Ранке дает необычайно высокую оценку деятельности Ришелье и отчасти Мазарини, а Людовика XIV считает лишь продолжателем их дела, хотя и говорит, что царствование Людовика XIV было одним из самых грандиозных явлений. При этом Ранке считает, что распоряжения Людовика XIV вовсе не были делом одного насилия и что народ был ими очень доволен.

Правда, в конце своего правления Людовик XIV перешел всякую меру. В этом и заключается, по мнению Ранке, опасность всякой личной

³⁰ Л. Ранке. Ук. соч., стр. 109

³¹ Там же, стр. 124.

власти. Главным грехом его он считает отмену Нантского эдикта, но тут же замечает, что благодаря Людовику XIV Франция превратилась в удивительно стройное целое.

Эта военно-монархическая тенденция эпохи ясно выражается и в истории других стран, хотя и с известными вариантами.

Отмечая особенности развития Англии, Ранке переходит к английской революции, по его словам, «ужасному столкновению, которое в Англии носит название мятежа» (rebellion)³². Он видит в основном только политические (столкновение короля и парламента) и религиозные причины этого «мятежа».

Изложение событий английской революции в этих лекциях Ранке крайне поверхностное. Глубже она изложена в его большой работе по истории Англии, где он подчеркивает связь английской революции с некоторыми явлениями в других странах Европы, но и там он в основном все сводит к изложению запутанных ходов европейской дипломатии этой эпохи.

Несмотря на свое желание выдержать хотя бы внешне тон беспристрастия, он все же не может скрыть своего отрицательного отношения к Кромвелю, рисуя его не то фанатиком, не то лицемером. Главный упрек, который он ему делает, — упрек в цареубийстве. Кромвель — отец цареубийства. Подобно Бёрку, Ранке считает благодетельной революцией лишь революцию 1688 г., которую он противопоставляет как английской революции 1640—1660 гг., так и французской революции 1789 г.

«То, что называется революцией во Франции и в Англии, — пишет он, — две противоположные друг другу вещи: французская революция была во всяком случае народной, английская революция по своей природе была аристократической... Ее целью было воспрепятствовать всеобщему движению, которое потом осуществилось во Франции. Это является главной причиной, извиняющей революцию (т. е. революцию 1688 г. — *Е. К.*)»³³.

Интересно, как Ранке объясняет причины усиления России. Они — иного характера, чем те, которые он приводит в отношении германороманского мира. Он выдвигает следующие причины:

1. Особенности славянского национального духа, который по характеру своему более склонен к монархии и преданности, чем германский.

2. Влияние греческой церкви, по традиции преданной монархическому началу.

3. Овладение современной культурой, которую Петр I заимствовал у Западной Европы и передал России, но лишь постольку, поскольку эта культура способствовала материальному процветанию его страны³⁴.

Говоря о возвышении и могуществе Австрии, Ранке вообще утверждает, что главной причиной этого является игра случая. Зато усиление Пруссии есть главным образом результат планомерной деятельности ее государей, которые подняли ее военное могущество и увеличили ее территорию.

Он также восхваляет внешнюю политику прусских королей, осо-

³² Л. Ранке. Ук. соч., стр. 136.

³³ Там же, стр. 141.

³⁴ Здесь опять проявляется крайне поверхностный подход Ранке к важнейшим историческим явлениям и его полная неспособность вскрыть их внутренние экономические и социально-политические причины. Здесь сказалось также его пренебрежение к культурным ценностям самого русского народа, достижения которого в области культуры Ранке ставит в зависимость только от западных влияний. (*Прим. ред.*)

бенно Фридриха II, которого считает «величайшим политиком, какого произвела Германия».

Таким образом, в Европе постепенно в период XVII—XVIII вв. создаются пять главных держав, основанных на разных принципах. Для поверхностного и бессодержательного подхода Ранке к объяснению исторического процесса в целом чрезвычайно показательна данная им характеристика этих различных национальных принципов. Франция, по его мнению, основана на католическом и монархическом началах. Это принцип романский; Англия основана на германо-морском и парламентском принципе; Россия — на славяно-греческом принципе, соединенном со стремлением присвоить себе материальную культуру Запада; Австрия — на принципе католицизма, монархии и германизма; Пруссия — на принципе германизма, протестантизма, милитаризма и администрации.

Затем, вслед за периодом роста больших государств, следует период революции. Надо сказать, что самые причины революции Ранке сводит почти исключительно к идеологическим моментам. Он видит в них главным образом борьбу партий — философской, с одной стороны, и католической — с другой. Демократические идеи, по мнению Ранке, возникли в Северной Америке во время восстания американских колоний против английского господства. Поэтому возникновением демократического духа Европа обязана бестолковости министров Георга III. Революция в Америке впервые выдвинула идею, что народы сами должны собой управлять. К этому направлены и все революционные движения нового времени. Это был полный переворот принципов, эта революция была значительнее всех ранее происшедших.

Я не буду подробно излагать историю французской революции в изображении Ранке. Замечу только, что он особенно подчеркивает влияние на умы французов освободительной борьбы американцев. В Америке побывали французские офицеры, французские добровольцы, которые увидели демократизм на практике и пожелали осуществить его во Франции.

Второй причиной революции Ранке считает французскую литературу материалистического и атеистического направления. Философы-материалисты «не верили в бога и ничего не хотели слышать о короле». При этом, как полагает Ранке, эти воззрения исходили исключительно из стремления порвать все нравственные принципы и предаться необузданным наслаждениям³⁵.

Ранке, правда, отмечает, что французская революция пошла гораздо дальше американской. Но причину этого он видит не в большей остроте и глубине лежащих в ее основе конфликтов, а лишь в слабости, уступчивости короля. Благодаря этой слабости из конституционной партии постепенно развилась якобинская партия, выдвинувшая идею о том, что власть исходит от народа. Именно эта идея привела весь народ к фанатизму, с которым он пытался осуществить свой политический идеал — свободы, равенства и братства.

Последним периодом в истории Европы Ранке считал современную ему конституционную эпоху, в которой он видит борьбу двух принципов — монархии и народного суверенитета. Примирением их является строй конституционной монархии.

Я несколько подробнее остановился на изложении общен исторических взглядов Ранке в связи с тем, что его философия истории, его ме-

³⁵ Таким образом, Ранке тщательно обходит молчанием все сколько-нибудь глубокие социальные предпосылки революции, оставаясь в этих вопросах в рамках совершенно поверхностного и идеалистического понимания событий. (Прим. ред.)

тоды исторического исследования со времени Белова возносятся на небывалую высоту многими представителями современной немецкой историографии. Между тем, внимательно ознакомившись с научным наследием Ранке, невольно приходишь к выводу, что результатом гигантской работы, которую проделал Ранке за свою долгую жизнь, является нагромождение эклектических взглядов, нагромождение обобщений, которые трудно назвать иначе, как историческими пошлостями.

Невольно вспоминается характеристика Маркса, которому Ранке в области обобщающей работы представлялся сплошным ничтожеством. Ранке — огромный эрудит, но без всякой глубины. У него большой талант и небольшой ум. Это ум несомненно живой, бойкий, но поверхностный, который охватывает лишь внешние связи событий, который умеет в ловкой, но пустой фразе сформулировать бессодержательное обобщение. Всё это окрашено самоуверенностью, которая выработана темпераментом и силой. Он умеет оживлять рассказ анекдотом, характеристикой личности, которая дается живо и темпераментно. Но с первого взгляда трудно понять, почему он так превознесен, почему рассматривается современной германской историографией как великий учитель истории и образец для историков всех времен. Разгадка, очевидно, заключается в том, что Ранке ловко потрафил и своей, и последующей эпохе. Возможно, это не является результатом сознательного искажения им истории. Ему не пришлось искусственно приспособляться, поскольку это было в его натуре, но он верно отразил настроения той консервативной части немецкой буржуазии, которая искала поддержки у монархии и прусского юнкерства, искала союза с ними. Это дух ловкого компромисса, который в сущности всё оставляет по-старому, но допускает некоторые новые идейки, придает старому новую окраску. Философия истории Ранке совершенно плоская, она представляет собой полное отсутствие всякой философии, но вместе с тем она необычайно легка и доступна даже ограниченному сознанию среднего буржуа. У своих учеников Ранке воспитывал убеждение в том, что нет надобности брать исторический материал особенно глубоко и широко, он воспитывал в них дух узкой специализации, не связанный общей идеей. Он прививал им любовь к критике источника, но к критике чрезвычайно поверхностной, критике, которая часто подменяет собой действительное исследование. В основе его общей исторической концепции лежит агностицизм, под которым скрывается отсутствие философской глубины. Это своего рода обесмысленные истории, или, лучше сказать, сведение ее к мелким, пошлым, текущим целям.

Так, история, которая в его время могла показать буржуазии, а тем более феодальным классам свои острые когти, делается под пером Ранке ручной и безопасной. В то же время история в его изложении дает обильную пищу растущему германскому империализму и милитаризму. Она провозглашает, что Германии нужны территории, нужно международное влияние и что все это может быть добыто силой, независимо от какого бы то ни было принципа. А для внутреннего употребления в самой Германии рекомендуется верность монарху и тот компромисс между монархией и либерализмом, который можно охарактеризовать как лжеконституционный строй.

Словом, именно, может быть, поверхностность, отсутствие глубины, гибкость и эклектичность Ранке завоевали ему преклонение у немецкой буржуазии, тяготевшей к реакции и окончательно ставшей на реакционные позиции в конце XIX — начале XX в.

В школе Ранке, в его методе подхода к историческому исследованию, с точки зрения советских историков, можно видеть большую опасность для исторической науки, цели которой были опошлены и измельчены самим Ранке и еще больше — его учениками и последователями. Представители этой школы в конце XIX и начале XX в. открыто становятся на службу интересам империалистической буржуазии Германии.

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
 XIX в. ШЛОССЕР. ЦИММЕРМАН. ИСТОРИКО-
 ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА РИТТЕРА.
 ПУБЛИКАЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Когда мы говорим о Ранке, которого так высоко превозносит современная германская историография, то как своего рода антитеза ему припоминается другой крупный германский историк, может быть, менее разносторонний, чем Ранке, но писавший так же много, давший огромную по объему историческую продукцию и в свое время пользовавшийся не меньшим, может быть даже большим, влиянием, чем Ранке, но впоследствии совершенно утративший это влияние. Я говорю о Шлоссере. В то время как Ранке сейчас — (речь идет о Германии 30-х гг. XX в. — *Ред.*) — и превозносится, и переиздается, о Шлоссере в современной Германии говорят с полуусмешкой. Это пренебрежительное отношение до недавнего времени еще господствовало и в России.

Напомню окончание статьи о Шлоссере, которая была помещена в Энциклопедическом словаре Граната: «Популярности Шлоссера кое-как хватило до столетнего юбилея его рождения — 1876 г. Потом она сразу катастрофически пала. Сейчас его читают лишь старые чудаки».

Теперь эта характеристика перестала быть верной. Теперь в нашей стране Шлоссера читают и изучают. Начало этому положили «Хронологические выписки Маркса». Из них мы узнали, что Маркс в конце своей жизни счел возможным тщательным образом, том за томом, изучать «Всемирную историю» Шлоссера и делать из нее подробные выписки, снабжая их своими замечаниями, которые во многих случаях идут в духе Шлоссера.

Если о Ранке Маркс отзывается с презрением как о смешном ничтожестве, то к Шлоссеру у него совершенно иное отношение. Правда, он отмечал ошибки Шлоссера, в частности указывал на ряд его неправильных суждений, но все же он положил «Всемирную историю» Шлоссера в основу своих исторических конспектов¹.

В то время как Ранке прославлен на Западе, Шлоссер забыт, и забыт он не случайно, а намеренно, потому что идеи Шлоссера в основном прямо противоположны идеям Ранке.

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», тт. V—VIII.

Фридрих-Христоф Шлоссер (1776—1861) был уроженцем Иефера, в Восточно-Фризской области, к которой он в своей «Всемирной истории» проявляет особый интерес. Он был подданным князя Ангальт-Цербтского Фридриха-Августа — брата Екатерины II, одного из мельчайших германских государей. Этот государь не только играл в солдатики, как большинство немецких князей, но и широко занимался выгодной спекуляцией: именно он вербовал солдат во всех концах Германии, чтобы продавать их англичанам для подавления движения в американских колониях. Иефер был сборным пунктом для солдат, отправляющихся в Америку и для возвращающихся оттуда.

Это были первые уроки отечественной и иностранной истории для юного Шлоссера, и к этой теме о мелких германских княжествах и их дворах, об их бесстыдной торговле людьми он не раз возвращается в своей «Истории XVIII века».

Шлоссер сначала готовился к богословской карьере, так как он, оставшись с 15 лет сиротой, должен был сам о себе думать и рассчитывать, сделавшись священником, скорее всего найти себе кусок хлеба.

С огромной жадностью знаний и огромной верой в науку он поступил сначала в Гёттингенский университет, но университет его очень быстро разочаровал. По словам Шлоссера, он быстро исцелился от ошибочного мнения, будто немецкие профессора — светочи вселенной. Только для очень немногих профессоров он делал исключение. Его студенческие годы (1794—1797) дали ему очень много впечатлений от внешних событий, в частности от событий французской революции. К духовной карьере у него не было никакого призвания, и по окончании университета он стал домашним учителем и переходил из одного богатого дома в другой, обучая детей. Эти занятия имели то преимущество, что они оставляли ему свободное время для работы. Он читал очень много, причем его чтение вовсе не ограничивалось одной историей. Увлекаясь Фукидидом, он в то же время занимался математикой и французской литературой. Особенно пленял его Вольтер, и он совершенно правильно говорит, что Вольтер оказал значительное влияние на его историческую манеру. Он так же внимательно изучал философию Канта, Шеллинга, Фихте, но больше всего он сам отмечает влияние Вольтера и Канта. К этому надо присоединить увлечение некоторыми представителями германского романтизма, особенно Шлегелем.

Детей он обучал не только истории, но и естествознанию, физике, химии и ботанике. Это был человек с чрезвычайно широкими познаниями. Но больше всего он любил историю. Из-под пера этого домашнего учителя, зарабатывавшего себе хлеб преподаванием, вышел ряд выдающихся исторических трудов, которые вскоре обратили на себя внимание ученого мира.

Первая его историческая работа — «Абеляр и Дольчино»² (1807). Вторая работа посвящена Теодору Безе — «Теодор Безе и Петер Фермигль («Мученик»)»³ (1809). В этой работе дана интересная характеристика кальвинизма.

Первой крупной работой Шлоссера была «История императоров-иконоборцев»⁴ (1812), давшая ему уже широкую известность в ученом мире.

² F. Schlosser. Abälard und Dulcin. Gotha, 1807.

³ F. Schlosser. Leben des Theodor de Beza und des Peter Martyr Vermigli. Heidelberg, 1809.

⁴ F. Schlosser. Geschichte der Bilderstürmenden Kaiser der östlichen Reiches. Frankfurt, 1812.

Его назначили преподавателем истории в лицее во Франкфурте. В это время Шлоссер и начал писать свою широко известную «Всемирную историю»⁵. Первая часть ее появилась в 1816—1824 гг., а последняя — уже после смерти Шлоссера, в обработке его учеников⁶. Впоследствии Шлоссер получил ряд предложений от других университетов. В 1817 г. он переезжает в Гейдельберг, где остается профессором до самой смерти⁷. Здесь он написал свою другую капитальную работу — «История XVIII века в сжатом очерке» (1823)⁸.

Таким образом, до получения профессуры Шлоссер прошел довольно суровую школу жизни, которая так или иначе отразилась на его характере. Он отличался необычайной выносливостью и исключительной работоспособностью. Это был крупный человек крестьянского склада, с грубоватыми манерами, отличавшийся внешней неуклюжестью.

В 6 часов утра он садился за работу и работал обычно до глубокой ночи с небольшими перерывами. Шлоссер работал по призванию, весь отдаваясь работе. Кроме того, для него характерно, как он сам говорил, «влеченье к преподаванию» («ein Trieb zum Lehren»).

Как преподаватель Шлоссер пользовался исключительной популярностью, которую создало ему главным образом содержание его лекций, особенно по новой истории, а не внешняя их форма. Внешняя форма его лекций была чрезвычайно непривлекательна. Он говорил плохим языком, часто не заканчивал начатых предложений, строил их неправильно в грамматическом отношении. Эти недостатки особенно усилились к концу его жизни. Однако это не мешало аудитории слушать его с захватывающим вниманием. Его ученики сохранили восторженные воспоминания о содержании его лекций. Как говорил один из его учеников, впоследствии крупный историк, — Гервинус, «он одинаково сильно говорил и уму, и сердцу».

То обстоятельство, что он когда-то готовился к богословской карьере, потом долго был учителем, обусловило своеобразную манеру его чтения. Он, скорее, проповедовал, чем читал. Его учеников привлекала его своеобразная фигура, тот пыл, с которым он читал, но больше всего самое содержание его лекций, его подход к изображаемым событиям.

В отличие от Ранке, который провозгласил основным принципом своей школы «объективность» — принцип, за который прятались и прячутся очень многие весьма ярко выраженные партийные историки, — Шлоссер никогда не провозглашал объективность своим принципом и никогда этой объективностью не отличался. Наоборот, его изложение всегда открыто субъективно и является непрерывным судом над историей. Излагая события всемирной истории, он не относится к ним со спокойным равнодушием. Все они так или иначе связываются им с современностью, так или иначе его задевают, находят у него ту или иную оценку. В этом отношении Вольтер и его манера оказали на Шлоссера сильное влияние.

⁵ F. Schlosser. Weltgeschichte in zusammenhängenden Darstellung. Bd. 1—19. Berlin, 1882; Ф. Шлоссер. Всемирная история, тт. 1—18. СПб., 1861—1863.

⁶ Первая часть этой работы в 1826—1834 гг. была переиздана под другим названием — «Universalhistorische Übersicht der Geschichte der alten Welt und ihre Kultur». (Прим. ред.)

⁷ Созданную Шлоссером историческую школу иногда называют по имени этого университета Гейдельбергской школой. (Прим. ред.)

⁸ Впоследствии в переработанном виде эта книга вышла под названием «Geschichte des 18 Jahrhunderts und des 19 Jahrhunderts bis zum Sturz des französischen Kaiserreichs mit besonderer Rücksicht auf geistige Bildung». Heidelberg, 1836—1849. (Прим. ред.)

Шлоссера часто упрекают в том, что он морализирует в истории, чего не должен делать объективный историк. Действительно, по отношению к самым выдающимся лицам, являющимся кумирами германской историографии, он применяет иногда очень резкие эпитеты, сплошь и рядом того или иного исторического деятеля Шлоссер называет мощником, мерзавцем, дураком. Такими эпитетами он не стеснялся. Всякое историческое событие он оценивал с моральной точки зрения. Между учениками Ранке и Шлоссера была целая полемика. В частности, особенно упрекали Шлоссера ученики Ранке за эту его манеру морализировать, развенчивать великих людей, применяя к историческим лицам и к историческим событиям те моральные мерки, которые применимы только в частной жизни. Они говорили, что нельзя подходить с одной меркой к историческим деятелям и к частным лицам, что есть две морали: одна мораль политическая, более растяжимая, другая мораль для обыкновенных людей. Нельзя делать мелкие упреки человеку, который как политический деятель должен стоять выше обывательской морали. Представители школы Ранке обвиняли Шлоссера в том, что он руководствуется этой мелкой, мещанской моралью и судит величайших деятелей истории с точки зрения мелкого буржуа-бюргера конца XVIII в.

Но для Шлоссера не было двух моралей. Он подвергал своему суду политические события и политических деятелей отнюдь не с позиций мелкобуржуазной, мещанской морали. У него, скорее, пуританская мораль, и никакая слава, никакое громкое имя не могли заставить его отказаться от резкого эпитета по отношению к тому или другому деятелю, если он считал этот эпитет справедливым. Свой суд над историей Шлоссер творил с точки зрения тех демократических идей, которые он вынес еще из эпохи Просвещения. В обстановке реакции, которая наступила в Германии после освободительных войн с Наполеоном и которая породила историческую школу права и школу Ранке, Шлоссер сохранил позиции Просвещения, пожалуй, в самой их демократической форме. Самое сильное влияние на него после Вольтера оказал Руссо. Идеи демократизма пронизывают все исторические построения Шлоссера.

Его ненависть вызывает то, что вызывало ненависть у представителей французской революционной, особенно мелкой, буржуазии предреволюционного периода, — деспотизм государей, особенно деспотизм мелких немецких князей при бесчисленных немецких дворах, их чисто внешняя культурность, которая скрывала под собой настоящую дикость. Эта моральная гниль мелких и крупных дворов Германии XVIII в., угнетение народа вызывали резко отрицательное отношение у Шлоссера. Он с энтузиазмом относился к борьбе народных масс за свою свободу. Для Шлоссера мерзавцы — те, кто причиняет страдания народу, именно бедствия народных масс больше всего привлекают его сочувствие. Самые сильные страницы его труда посвящены истории народной борьбы.

Своих предков, восточнофризских крестьян, которые боролись против феодализации, против немецкого рыцарства, против бремени епископов, старавшихся подчинить их своей власти, Шлоссер рисует как национальных героев, имена которых всегда должен помнить немецкий народ.

Таким образом, в обстановке реакции и преследования всякого живого слова аудитория Шлоссера была местом, где либеральное немецкое студенчество могло услышать как раз те слова, которые находили в его душе живой отклик. Не мудрено поэтому, что именно Шлоссер до такой степени привлекал к себе слушателей и что он вызывал раздражение у другой части профессуры, у людей другого толка, в частности

у последователей Ранке, предъявлявших Шлоссеру и его школе целый ряд обвинений.

Обвинение в том, что Шлоссер судил историю, как мы заметили, едва ли может быть принято. Ведь сама историческая наука является всегда в той или иной мере судьей над лицами и событиями. Она и не может быть ничем иным. И Ранке судил историю, как судит ее всякий историк, только со своих реакционных позиций. Если же Шлоссер делал это более прямо и откровенно, то это лишь особенность его темперамента, результат его горячей, увлекающейся натуры.

Но Шлоссеру делали и другие упреки, более обоснованные. Его упрекали в том, что он не занимался серьезно критикой источников, принимал на веру тот материал, который находил у других историков, мало занимался исследовательской работой.

Последнее верно лишь отчасти. Исследовательской работой Шлоссер занимался много, но действительно не очень любил такую работу. Некоторые из учеников Шлоссера (полемика между школой Ранке и школой Шлоссера велась не самими Ранке и Шлоссером, а их учениками, поэтому аргументы приходится брать главным образом у этих учеников) подчеркивают, что он пренебрежительно относился к копанию в архивах. По их словам, он говорил, что люди «определенной школы»⁹ считают себя счастливыми, если им удастся отыскать в архиве какой-нибудь новый, никому не известный документ, хотя бы этот документ и не имел почти никакого исторического значения. Между тем имеется еще множество неизученного опубликованного материала, и этот напечатанный исторический материал настолько велик, что для обработки и обобщения его не хватит человеческой жизни. Из этого Шлоссер делал тот вывод, что незачем заниматься раскопками никому не нужных мелких документов.

В этом пункте трудно, конечно, согласиться со Шлоссером, но такова была его личная точка зрения¹⁰.

Еще один упрек, который Шлоссеру делали представители школы Ранке, заключался в том, что его лекции были бесформенны и лишены руководящей идеи, что они представляли собой, особенно с внешней стороны, нечто крайне несистематическое, громоздкое, что было трудно слушать и усваивать. В этом обвинении имеется доля истины. Безусловно, лекции Шлоссера, как и его сочинения, производят впечатление бесформенности, нагромождения огромного числа фактов и имен, причем некоторые отделы он дает очень подробно, другие — чрезвычайно бегло. Не всегда отдельные части хорошо прилажены друг к другу. Все это как будто сшито из разных кусков, из отдельных курсов, которые не были достаточно обработаны. Для Шлоссера характерно это отсутствие внешней обработки, которую он принципиально отвергал, которой он вовсе не желал заниматься, считая ее совершенно излишней. Но нельзя сказать, чтобы в изложении Шлоссера не было внутренней связи. У него всегда имеется определенная тенденция, определенная линия, которая диктуется общим его подходом к изучаемым лицам и событиям

⁹ Имеется в виду школа Ранке. (Прим. ред.)

¹⁰ Нужно иметь в виду, что эта ошибочная точка зрения Шлоссера, по-видимому, была своего рода реакцией на ту фетишизацию архивных материалов, которая прочно утвердилась в немецкой историографии со времени исторической школы права и всячески поддерживалась школой Ранке. Отвергая «копание в архивах», Шлоссер противопоставлял ему свое стремление осмыслить и обобщить уже накопленный исторический материал с тех демократических, прогрессивных позиций, на которых он стоял. (Прим. ред.)

с точки зрения демократизма. Его слог груб, шероховат, нередко он повторяется. Внешняя сторона его сочинений действительно страдает многими недостатками, но это не мешало им пользоваться огромной популярностью. По этим работам учились целые поколения и не только в Германии, но и в других странах. Его сочинения не только читались, но и изучались. У нас в России Шлоссер одно время был очень популярен. Такой деятель, как Чернышевский, не пренебрег трудом переводить и редактировать сочинения Шлоссера. Многотомная «История XVIII в.» и «Всемирная история» в свое время в России послужили воспитательной школой. Именно Шлоссера, а не кого-либо другого, Чернышевский считал нужным дать как пособие по всемирной истории для русской публики. И опять-таки его, а не кого-либо другого, стал конспектировать Маркс, когда ему нужно было составить себе общую картину истории средних веков.

Для Шлоссера характерно полное отсутствие того узкого национализма, который в той или другой мере наложил свой отпечаток на все произведения представителей реакционных школ в Германии. Правда, такого узкого национализма не было, на первый взгляд, и у Ранке, который относил романские народы к одной семье с германскими народами, но за всем этим у него нетрудно разглядеть ярко выраженную прусскую точку зрения. У Шлоссера же мы видим всемирно-исторический взгляд в духе XVIII в. Даже к таким явлениям, как национально-освободительная война в Германии начала XIX в., Шлоссер относился без всякого восторга, он видел в ней то, что в ней было на самом деле, — обман народа правительством.

Остановимся вкратце на отдельных работах Шлоссера. Главный его труд — «Всемирная история», над которой он работал всю жизнь и которая много раз переиздавалась. В ней Шлоссер дает в основном идеалистическое, рационалистическое построение истории. Он лишь изредка дает анализ социальных явлений и то довольно поверхностно. Его внимание привлекают не столько те или другие общественные состояния, сколько внешняя сторона жизни народа. Смена событий, лиц, политика — вот что интересует Шлоссера, как и предшествующих историков. Однако внешняя политика Шлоссера интересует меньше, чем Ранке, он больше обращает внимание на внутреннюю политику, жизнь народа и его борьбу против угнетателей.

В своем построении всемирной истории Шлоссер обращал также особое внимание на историю культуры, в частности на историю литературы. В литературе он черпает богатые краски для описания той или другой эпохи.

Шлоссер, несомненно, близок к идеологии XVIII в. В нем можно видеть последователя идеологов Просвещения, который сохранил свои прогрессивные воззрения в обстановке европейской реакции. Его идеи, хотя и мелкобуржуазные, не были идеями ограниченного буржуа, это были идеи Руссо, может быть отчасти идеи якобинства, только известным образом преломленные и смягченные. Для читателя и слушателя эпохи реакции начала XIX в. они звучали как обличения существующей реакции, существующих порядков в Германии.

Представители той же школы Ранке ставили Шлоссеру в упрек, что в своей критике истории он не стоит на какой-либо определенной позиции и не говорит прямо — какой общественный строй он предпочитает: республику, абсолютную монархию или монархию конституционную, одинаково резко порицая все. В этом тоже, может быть, до известной степени сказывается влияние школы Руссо, которая политическим фор-

мам придавала сравнительно второстепенное значение. Но не в этом в конце концов была сила «Всемирной истории» Шлоссера. Больше всего действовало на слушателей его стремление срывать маску со всякой лжи, со всякого притворства, постоянно проводимое им презрение к раболепию и при этом полное отсутствие лести. Он не льстит и народу. Он не верит в силу конституции и не спешит присоединиться в этом отношении к либеральной школе.

Основная тенденция «Всемирной истории» Шлоссера — это борьба с реакцией XIX в. с тех позиций, которые были намечены просветительской литературой XVIII в. Такая же тенденция характерна и для его «Истории XVIII в.», которая имеется в русском переводе. Для написания ее потребовались архивные материалы, и Шлоссер несколько раз ездил в Париж для изучения их в парижских архивах и библиотеках. Особенно большое внимание в ней он уделил литературе XVIII в.

Интересна работа Шлоссера над отдельными историческими источниками по истории средневековой Франции, свидетельствующая о его внимании к архивным материалам и умении работать с ними, в отсутствие чего сплошь и рядом упрекали Шлоссера его противники.

Шлоссера можно резко противопоставить Ранке. Их личный облик, их манеры и методы работы совершенно различны.

Маленькая, вертлявая фигурка Ранке, который все время вертелся около высокопоставленных лиц, около королевского двора, был очень гибким и приспособляющимся, очень проигрывает по сравнению с сильной, монументальной и негибкой фигурой Шлоссера.

Я не собираюсь идеализировать Шлоссера. Конечно, его историческая критика слаба, а иногда она и совсем отсутствует, ему свойственны неоправданное пренебрежение к архивным материалам, идеалистические установки, недостаточное внимание к фактам социальной истории. Но, несмотря на всё это, нельзя не отнестись с симпатией к этому человеку, который через годы реакции пронес идеи демократизма и свободы и стал учителем для многих поколений передовой немецкой интеллигенции своего времени. Шлоссер несправедливо и не случайно забыт на Западе, его стремятся унижить и развенчать ради возвеличения такого ничтожного историка, каким, при всей его учености, был Ранке.

К этому же течению мелкобуржуазной радикальной историографии, представителем которой был Шлоссер, мы можем причислить еще одного известного нам историка, который, хотя и не был непосредственно учеником Шлоссера, но испытал на себе его сильное влияние и посвятил ему важнейшее из своих произведений. Я имею в виду Вильгельма Циммермана, автора «Истории крестьянской войны» — работы, фактический материал которой использовал Ф. Энгельс для написания своей «Крестьянской войны в Германии».

Вильгельм Циммерман (1807—1878) представляет собой очень интересную, но, к сожалению, очень мало изученную фигуру. Современная немецкая историография останавливается на нем очень мало и главным образом для того, чтобы указать на односторонность и неправильность его воззрений. Однако он заслуживает несравненно большего внимания.

Циммерман был не только историком, но и поэтом. У него имеется ряд стихотворений, немало драматических произведений, в частности исторических драм. Его литературная и научная продукция очень велика.

Циммерман, как и многие немецкие историки того времени, был пастором, но настроен он был весьма радикально. Он был профессором немецкого языка, литературы и истории в высшей реальной школе и

политехникуме в Штутгарте. В 1848 г. он был избран в Национальное собрание во Франкфурте и занял место на крайней левой¹¹. В 1849—1850 гг. он был депутатом Учредительного собрания и за свои радикальные взгляды был уволен с государственной службы. В 1851—1854 гг. он был депутатом в Вюртембергском ландтаге, где также занял крайнюю левую. После окончательного поражения революции он опять вернулся к деятельности пастора. Таким образом, Циммерман оказался в центре событий революции 1848 г. История была для него не только сюжетом научного и литературного творчества, он сам принимал непосредственное участие в одном из наиболее драматических эпизодов германской истории XIX в.

Кроме широко известной «Истории крестьянской войны в Германии»¹² (1841) он написал ряд других исторических сочинений¹³: «История Вюртемберга», «История борьбы Германии с Наполеоном», «История Гогенштауфенов, или борьба монархии против пап и республиканской свободы», посвященная борьбе Гогенштауфенов с городскими республиками Италии. В 1848 г. Циммерманом была выпущена специальная книга о германской революции, а в 1851 г. вышла «История английской революции». Ему принадлежит далее ряд трудов по истории немецкой национальной и всемирной литературы и много других произведений.

Наибольшее значение имеет, однако, его «История крестьянской войны», написанная на основе тщательного изучения документальных материалов, имеющихся в Штутгартском архиве. Второе издание этой книги было посвящено Шлоссеру.

Циммерман прекрасно знает источники, хорошо ими владеет, изложение его чрезвычайно просто, легко и литературно. Большинство из вас, вероятно, читало это произведение Циммермана и знакомо с предисловием Энгельса к «Крестьянской войне в Германии», где он отмечает большие достоинства этой работы¹⁴. В то же время Ф. Энгельс отмечает и то, что Циммерману «не удается показать религиозно-политические контroversы (спорные вопросы) этой эпохи как отражение классовой борьбы того времени» и что в «этой классовой борьбе он видит лишь угнетателей и угнетенных, злых и добрых и конечную победу злых»¹⁵. Несмотря на эти отмеченные Энгельсом недостатки, книга Циммермана не утратила своего значения и до сих пор, как работа, основанная на серьезном изучении источников и проникнутая таким же горячим сочувствием к угнетенным массам, как и труды Шлоссера.

В конце своей жизни Циммерман, который развернул в молодости такую энергичную политическую и литературную деятельность как представитель мелкобуржуазной левой, постепенно начинает не то, что сдавать свои позиции, но как-то тускнеть и стареть. Он начинает снисходи-

¹¹ Ф. Энгельс видел в нем «одного из лучших представителей крайней левой во Франкфурте». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 412. (Прим. ред.)

¹² W. Z i m m e r m a n n. Geschichte des grossen Bauernkrieges, Bd. 1—2. Stuttgart, 1856; В. Ц и м м е р м а н. История крестьянской войны в Германии, тт. 1—2. Соцэкгиз, М., 1937.

¹³ W. Z i m m e r m a n n. Geschichte Württembergs, Bd. 1—2. Stuttgart, 1836—1837; W. Z i m m e r m a n n. Die Beireitungskämpfe der Deutschen gegen Napoleon. Leipzig, 1836; W. Z i m m e r m a n n. Geschichte der Hohenstaufen, Bd. 1—2. Stuttgart, 1858; W. Z i m m e r m a n n. Die deutsche Revolution. Stuttgart, 1851; W. Z i m m e r m a n n. Die englische Revolution. Darmstadt, 1851.

¹⁴ Ф. Энгельс указывает, что эта книга представляет собой «похвальное исключение из немецких идеалистических исторических произведений, она для своего времени написана еще очень реалистически». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 413.)

¹⁵ Там же, стр. 412.

тельно относиться к тому, к чему был непримирим в более ранние годы своей жизни, например к пруссачеству, к прусским политическим идеалам. Внешнеполитические успехи Пруссии, особенно франко-прусская война, настроили его на новый лад. Его работа «Героическая борьба Германии»¹⁶ является своего рода прославлением Пруссии. Для нас Циммерман ценен главным образом своей «Историей крестьянской войны» и той деятельностью, которую он развил во время революции 1848 г. как представитель крайней левой в Национальном собрании.

Говоря об историках Германии первой половины XIX в., особенно об историках-медиевистах, нельзя пройти мимо имени Фридриха Раумера (1781—1873), профессора Берлинского университета, автора известной работы «История Гогенштауфенов и их времени»¹⁷. (Об этом историке упоминает Тургенев в своем романе «Накануне», где молодой ученый Берсенева изучает «Историю Гогенштауфенов» Раумера. Для Тургенева Раумер был до известной степени синонимом чего-то скучного и педантичного.) «История Гогенштауфенов» (1823—1825) по своему общему направлению, скорее, относится к реакционно-романтической школе. Мы встречаем здесь преклонение перед средневековыми учреждениями, которые выставляются в противовес идеям эгалитаризма. Правда, у Раумера проскальзывают и другие влияния. Поэтому некоторые историографы причисляют его к либеральной школе XVIII в., к просветителям типа Вольтера, но это неправильно. Вольтер оказал на Раумера чисто внешнее влияние, которое относится лишь к форме, к манере изложения. Раумер заимствовал у него также идею просвещенного абсолютизма, идею веротерпимости, но они мало изменили общее реакционное направление этой книги. К тому же она малокритична и свидетельствует о чрезвычайно слабом понимании автором рассматриваемой эпохи. Он трактует ее с точки зрения более поздней германской истории, с точки зрения позднее сложившихся государственных учреждений. Автор «Истории Гогенштауфенов» ничего не усвоил для себя из той критики источников, которую развили Нибур и отчасти Ранке. Он некритически повторяет источники, приводя фантастические цифровые данные средневековой статистики. Если бы Раумер был действительно последователем Вольтера, он мог бы прежде всего научиться у него критическому отношению к цифровым данным, которые приводятся в средневековых источниках. Раумер был умелым рассказчиком, неплохо изображал нравы и быт эпохи, но был очень слабым мыслителем.

Прежде чем расстаться с германской историографией первой половины XIX в., мне хочется остановиться еще на одном направлении, которое нельзя назвать чисто историческим, но которое имело значительное влияние и на историографию. Я имею в виду историко-географическую школу, которая приобрела в Германии большое значение в первой половине XIX в. Крупнейшим представителем этой школы был Карл Риттер (1779—1859).

С 1820 г. он был профессором Берлинского университета. Его важнейшей работой является «Землеведение в отношении к природе и к истории людей, или всеобщая сравнительная география»¹⁸. Эта работа начата была Риттером в 1817 г. Она выдержала ряд изданий, но так и осталась незаконченной в течение всей жизни автора, поскольку

¹⁶ W. Z i m m e r m a n n. Deutschlands Heldenkampf. Stuttgart, 1870.

¹⁷ F. R a u m e r. Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit, Bd. 1—6. Leipzig, 1823—1825.

¹⁸ K. R i t t e r. Der Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Geschichte des Menschen, Bd. 1—21. Berlin, 1822—1859.

она была задумана чрезвычайно широко. Частью она переведена на русский язык.

В этой работе рассматривается та проблема, которой занимались еще античные авторы — Полибий, Витрувий и т. д. Затем ею же занимались Боден и особенно Моптескье. Это проблема о влиянии географических условий на историю человечества. У Риттера это учение о решающем влиянии географического фактора на общество определенным образом ставится на службу реакции и заострено против идей французской революции. Если учение исторической школы провозгласило обусловленность истории духовным складом народа, то историко-географическая школа Риттера связывает развитие истории с географическими особенностями. Основная идея Риттера состоит в том, что разнообразие в географической обстановке, в которой живет данный народ, не позволяет установить равенство между людьми, а также не позволяет говорить о людях вообще. Есть лишь люди, живущие в данной стране, в данных естественных условиях, в данной географической обстановке, которая обуславливает их историю.

Риттер полагает, что те учреждения, которые создаются в одной географической обстановке, не могут быть применены к другой географической среде. Например, учреждения, которые были созданы во Франции, неприменимы для Германии. Здесь дается прямое указание на историю французской революции и империи. Представители исторической школы разделяли ту же идею, но они аргументировали ее тем, что французские учреждения якобы противоречат германскому народному духу. Риттер же и его школа утверждали, что эти учреждения противоречат естественным географическим условиям жизни Германии.

Под пером Риттера и его последователей географический фактор нередко приобретает религиозно-мистический характер. Государственное устройство и вся история народа, по его мнению, зависят от географических условий, созданных господом богом. Идти против них — значит идти до известной степени против заветов господ бога. И напрасно некоторые из современных немецких историографов, как, например, Фютер, пробуют доказать, что Риттер стоит на чисто научной почве, что у него нет этого мистического начала¹⁹. Риттер рассматривает землю как храмину, устроенную провидением для воспитания человеческого рода. Особенность географической обстановки состоит в том, что она разнообразна и вследствие этого создает у каждого народа определенные, ему одному присущие специфические условия. Другая особенность географической обстановки, не менее важная для целей Риттера, состоит в том, что она изменяется чрезвычайно медленно, что рельеф местности, очертания морей, климат страны — всё это остается неизменным в течение тысячелетий. Поэтому история народов определяется одними и теми же основными факторами, и, таким образом, в ней не может быть быстрых и насильственных изменений. Перемены, которые здесь совершаются, естественно, должны быть медленны и постепенны. Медленность и постепенность изменений в географической обстановке, по мнению Риттера, должны служить основой для медленности и постепенности исторического развития.

Надо сказать, что Риттер прекрасно знаком с вопросами географии, но хуже знаком с проблемами истории. Поэтому его работа весьма полезна с точки зрения географии или антропогеографии, но содержит

¹⁹ См. E. Fueter, *Geschichte der neueren Historiographie*, München und Berlin, 1911, S. 496.

ряд довольно неудачных, насильственно притянутых объяснений в области истории. В противоположность своим предшественникам в этой области, которые иногда очень грубо говорили о влиянии климата на характер той или другой нации, о влиянии Севера или Юга, горной или низменной местности, будто бы непосредственно сказывающихся на характере народов, в противоположность им Риттер рассматривает эту проблему гораздо тольше, берет всю совокупность географических условий, причем действия последних у него выступают обычно не прямо, а в скрытой форме. У него мы встречаем пристрастие к постоянным, неизменяемым факторам, которое характерно для реакционной исторической школы в Германии. Словом, его учение — это попытка с новой точки зрения найти постоянную, неизменную в истории основу для консерватизма социального и политического.

Нечто подобное мы встречаем в другой теории, которая тоже начинает складываться около этого времени, — в расовой теории, из которой выводятся устойчивые, неизменные свойства определенных рас. Теория расы, — впрочем, скорее, в качестве культурно-исторических типов, чем антропологических, — была выдвинута еще в полемике между Булонвилле и Дюбо, которые выводили социальный строй раннего средневековья из борьбы фрайкской и галльской рас. Но в XIX в. эта теория получает новое псевдонаучное обоснование в трудах Гобино²⁰.

Не приходится говорить о том, что в теории Риттера было известное зерно истины. Географическая среда является одним из постоянных и необходимых условий развития общества. Она ускоряет или замедляет ход развития общества, но ее влияние не может быть определяющим, поскольку развитие общества происходит гораздо быстрее, чем развитие географической среды.

Остановимся теперь на другом важном вопросе, связанном с исторической школой права в Германии. Правда, тут нам придется несколько выйти за пределы первой половины XIX в. Я имею в виду начавшуюся в то время в Германии активную деятельность по изданию источников. Германия сильно запоздала по сравнению с другими странами Европы, приступившими к изданию источников гораздо раньше. В Германии такого рода изданий, как, например, издания бенедиктинцев во Франции, до начала XIX в. почти не было. Иногда такие издания на широкую ногу даже намечались, но вследствие политической раздробленности Германии и невозможности поэтому организовать это дело в национальном масштабе и изыскать на него средства эти планы оставались невыполненными. Такие планы не один раз возникали и в XVII в. (вспомним Лейбница), и в XVIII в. Были и индивидуальные попытки со стороны отдельных ученых выпустить издание источников своими силами, но все они оканчивались обыкновенно ничем или изданием очень ограниченного числа доступных им источников, потому что для этого дела нужна была большая организация, вроде организации мавристов или иезуитов или, наконец, академий, пользовавшихся субсидиями правительства. Положение изменилось после наполеоновских войн, в связи с подъемом национального чувства и усилением интереса к отечественной истории,

²⁰ Граф Гобино (1816—1882) в своей книге «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853—1855) (I. A. Gobineau. Versuch über die Ungleichheit der Menschergassen, Bd. 1—4, Stuttgart, 1901—1903) пытался использовать данные антропологии для доказательства превосходства так называемой «арийской расы» над всеми прочими человеческими расами, а также впервые выдвинул реакционную теорию о том, что древние цивилизации погибали вследствие «смещения рас» или «загрязнения» высшей арийской расы другими расами. Гобино является родоначальником современного расизма. (Прим. ред.)

изучение которой в Германии ставится на службу реакции, правительствам и поэтому заинтересовывает последние. История делается своего рода оружием пропаганды консерватизма, и правительства немецких государств, особенно прусское правительство, стараются ее насаждать и покровительствовать ей. Но для изучения истории было необходимо широкое издание источников. Это требование исходит прежде всего от историков, а затем в пользу его начинают высказываться и политические деятели.

Инициатива в этом деле исходила от знаменитого прусского государственного деятеля Штейна, который настаивал на организованном издании источников. При этом ему снова пришлось столкнуться с фактом раздробленности Германии, с нежеланием отдельных правителей приняться за это дело. Однако Штейн с присущей ему энергией взялся за это. Он объявил сбор частных пожертвований на издание источников и сам пожертвовал крупные суммы. Благодаря его деятельности в 1819 г. во Франкфурте было основано «Общество для изучения древней германской истории» и начал издаваться журнал этого общества — «Архив общества». В этом «Архиве» печатались предварительные изыскания об источниках, известия о нахождении тех или иных источников в архивах Германии, данные о рукописях, исследования отдельных историков.

Работа, которая предстояла в этой области, была гигантской из-за крайней раздробленности и разбросанности германских архивов. Каждое из мелких германских государств, каждый из городов имели свой собственный архив. Все эти архивы не были объединены никакой общей организацией. Попытки получить поддержку у отдельных правителей встречали чрезвычайно холодный прием. Далеко не все правители сознавали важность истории для политических целей, многим чудилось здесь что-то подозрительное. Дело в том, что в XVIII в. история играла, скорее, революционную роль: при умственной отсталости немецких правителей им в повышении интереса к истории мерещилось что-то очень опасное. В Австрии, например, Меттерних сразу заподозрил в деле издания источников какие-то революционные цели. Впрочем, не все вожди «Священного союза» одинаково относились к этому делу. Например, Александр I сразу понял полезность этого начинания для консервативных целей и предложил дать большую субсидию на него, но Штейн хотел непременно придать делу патриотический характер и потому отказался от предложений царя.

Некоторую, правда очень ничтожную, помощь оказало прусское правительство, но постепенно пропаганда этого дела стала проникать в тугие умы германских правителей. На это предприятие стали смотреть благосклоннее, и, наконец, в пользу него высказался сам Меттерних. Таким образом, «Общество для изучения древней германской истории» стало получать от ряда германских правителей постоянные субсидии.

Надо заметить, что это начинание на первых порах встретило скептическое к себе отношение не только со стороны германских правителей. Целый ряд ученых (в их числе и Шлоссер) высказывал сомнение в том, что его можно будет осуществить. Даже такие представители исторической школы права, как Эйхгорн и Савиньи, думали, что это дело вследствие невозможности его организовать как следует обречено на неудачу. И сами организаторы плохо представляли себе все предстоящие здесь трудности. Издание источников предполагалось закончить в 10 лет, тогда как оно и до настоящего времени еще не завершено.

Так возникло знаменитое издание источников, получившее название «Исторические памятники Германии» («Monumenta Germaniae histo-

gica»). В качестве девиза для этого издания были взяты следующие слова: «Священная любовь к отечеству вдохновляет» («Sanctus amor patriae dat animus») (очевидно, на такое большое и трудное предприятие, как издание источников. — Е. К.).

Сначала дело шло очень неорганизованно, пока во главе его в 1824 г. не встал некий Пертц, который и возглавлял его почти 50 лет. Георг Пертц — очень своеобразная фигура. Он сам не был глубоким ученым и особенным знатоком источников. При этом он был большой путаник, но обладал талантом организатора, сумел собрать вокруг себя людей и заставить их работать. Будучи неограниченным руководителем этого дела, он сумел его поставить на широкую ногу.

По инициативе Штейна Пертц совершил большую поездку по Австрии, Италии, Германии, всюду собирая рукописи. Он собрал огромный архив, который положил начало библиотеке «Исторических памятников Германии», огромного собрания рукописей, находящегося теперь в Берлине. В 1824 г. Пертцу было поручено издание источников. Им был составлен план этого издания. Оно распадалось на пять отделов: 1) «Исторические писатели» (scriptores), 2) «Законы» (leges), 3) «Грамоты» (diplomata regnum), 4) «Письма» (epistola) и 5) «Древности» (antiquitates).

Уже при Пертце была начата работа по трем первым отделам. Первый раздел «Monumenta Germaniae» («Исторические писатели») представлял особенно много трудностей. Начали было с готских, меровингских и лангобардских историков, но это оказалось настолько трудным, что пришлось публикацию их рукописей отложить на более поздний период и начать издание с каролингских анналов. Правда, они отчасти были опубликованы и раньше, но чрезвычайно неряшливо. Теперь было предпринято их критическое издание. Самое дело издания источников требовало уточнения приемов исторической критики. Наличие множества рукописей с большим числом разночтений потребовало сличения рукописей, установления семейств рукописей, выделения более достоверных из них, отделения основного текста от позднейших наслоений. Вся эта критическая работа, в которой объединились лучшие историки-исследователи Германии, в самом процессе издания дала огромные результаты.

Не рассматривая подробно, в каком порядке выходили отдельные тома, в каком порядке шла эта работа, следует назвать хотя бы важнейших ее участников — Георга Вайца²¹ и Ваттенбаха²². Позже включился еще ряд крупных известных имен.

В 1875 г. произошла реорганизация издания. Оно было взято на счет государства, во главе его была поставлена центральная дирекция с главным директором, который располагал чрезвычайно широкими полномочиями. Он был почти неограниченным распорядителем всего дела. Затем во главе каждого из отделов был поставлен особый руководитель. Первым директором издания «Исторические памятники Гер-

²¹ Георг Вайц (1813—1886) — известный немецкий историк-медиевист, ученик Ранке, придававший, однако, в отличие от своего учителя, большое значение внутренней и, в частности, социальной, правовой истории и истории развития учреждений. Его главный исторический труд «История государственных учреждений Германии» (G. W a i t z. Deutsche Verfassungsgeschichte, Bd. 1—8. Berlin, 1874—1885) выходил в большей своей части уже во второй половине XIX в. (1844—1878) и отразил состояние немецкой историографии этого более позднего периода. (Прим. ред.)

²² Вильгельм Ваттенбах (1819—1897) — немецкий историк-медиевист, большой знаток источников по истории средневековой Германии, автор капитального труда по этому вопросу: «Исторические источники средневековой Германии». (Прим. ред.)

мании» после 1875 г. был Вайц, затем Ваттенбах, дальше Дюмлер, после которого началось «междущарствие». Среди участников этой работы можно назвать таких лиц, как знаменитый историк Рима Теодор Моммзен, который издавал раздел «древнейшие авторы». Такой знаток дипломатики, как Зиккель, возглавлял отдел дипломатики. После него этим отделом заведовал Бреслау — тоже крупнейший знаток дипломов. Среди сотрудников надо назвать Цеймера, который издал собрание грамот, а затем формул. Цеймер обладал поразительной памятью. Хотя впоследствии он ослеп, но и после этого продолжал работать над изданием: он так прекрасно помнил все, что видел когда-то, что в своих лекциях совершенно безошибочно говорил об очертаниях букв, запятых и значках той или другой рукописи.

Принципом, положенным в основу издания «*Monumenta Germaniae*», но не всегда точно соблюдаемым, является точная филологическая критика и строжайший просмотр содержания с точки зрения происхождения и достоверности источника. Для каждого издаваемого источника стало правилом по возможности собрать все имеющиеся или доступные рукописи и затем класть в основу лучшую рукопись, путем сравнения добываясь лучшего текста. Затем необходимо было дать сравнительную критику, особенно в отделе «*scriptores*».

Так как древние авторы при изложении событий не только вносили кое-что от себя, но и списывали сплошь и рядом с других источников, то необходимо было отделить то, что является заимствованным, от того, что историк вносит нового. Поэтому введено было правило, что всякое заимствование должно отмечаться. Оно отмечалось особым шрифтом с указанием, откуда это заимствование сделано. Это значительно облегчало использование источников. «*Monumenta Germaniae*» сначала издавались в виде фолиантов, а позднее — томами *in quarto*.

Впоследствии кроме чисто научных публикаций в издании «Исторические памятники Германии» стали еще выходить *in octavo* учебные издания — извлечения из наиболее важных источников для учебных целей. Кроме того, после 1886 г., когда после смерти Вайца директором издания стал Ваттенбах, начали публиковаться переводы этих источников на немецком языке в серии «Историки ранней истории Германии»²³.

Деятельность «*Monumenta Germaniae*» дала значительный толчок изучению германской истории. Немецкая медиевистика благодаря этому изданию получила большие фонды печатных источников, и Германия стала в этом деле обгонять другие страны, но воздействие этих публикаций источников начало сказываться на истории немецкой исторической литературы уже во второй половине XIX в. Однако нам важно было отметить, что начало этого издания находилось в тесной связи с общим развитием германской исторической науки первой половины XIX в.

²³ G. H. Pertz. Die Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung. Berlin, 1953.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
 XIX в. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СЕН-СИМОНА.
 О. ТЬЕРРИ И БУРЖУАЗНО-ЛИБЕРАЛЬНАЯ ШКОЛА
 ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ

Если от Германии мы перейдем к рассмотрению развития историографии в это время во Франции, то увидим значительную разницу в стиле, направлении и характере исторической науки обеих стран.

Во Франции реакция, наступившая после французской революции, после наполеоновского периода и Венского конгресса, была в общем не так глубока, как в Германии. Буржуазия во Франции была несравненно сильнее, она в гораздо большей степени заставляла с собой считаться и не так легко сдавала свои позиции, не так легко шла на поводу у консервативного правительства. Хотя реставрация Бурбонов и создала ряд препятствий к развитию буржуазии, но она не могла задержать ее победоносного роста. В эту эпоху мы видим во Франции быстрый рост промышленности и торговли, усиление самой буржуазии и ее влияния. Наконец, во время революции 1830 г. французская буржуазия покончила с Бурбонами. Установление июльской монархии было в сущности установлением власти буржуазии, прежде всего финансовой и крупной промышленной буржуазии. В отличие от Германии, где буржуазная идеология выступает в туманной, мистифицированной форме, во Франции она выступает ясно и открыто. Идеологами буржуазии во Франции учитываются такие моменты, как переживаемый Францией промышленный переворот, прогресс естествознания и научного развития. В противоположность консервативной теории медленного развития, которую проповедают в то время германские ученые, во Франции особенно усиленно выдвигается теория буржуазного прогресса.

Говоря о теории прогресса, развиваемой в трудах крупнейших буржуазных историков Франции первой половины XIX в., нельзя обойти молчанием крупную и оригинальную фигуру Сен-Симона. Не будучи собственно историком, он, однако, оказал сильнейшее влияние на развитие исторических идей. Не касаясь Сен-Симона как утопического социалиста и не рассматривая его воззрений на лучшее устройство общества, попытаемся охарактеризовать лишь его исторические взгляды, его взгляды на законы, управляющие историей, и на ход прошлого развития человечества.

Вся идеология Сен-Симона создалась под влиянием французской

революции, или, лучше сказать, американской и французской революций. Аристократ граф Клод Анри Сен-Симон (1760—1825), считавший себя потомком Карла Великого, совсем молодым человеком отправился в Америку и принял там участие в войне за независимость. Возвратившись во Францию, он увлекся политическими идеями революции, отказался от графского титула, а затем, занявшись продажей национальных имуществ и нажив себе в результате ряда удачных спекуляций огромное состояние, сделался богачом и мепенатом. Его салон стал центром, где собирались выдающиеся ученые. Вскоре, однако, он разошелся на одной из спекуляций, обеднел, и тогда-то и началась его литературная деятельность (1802—1825). Его широкий жизненный опыт, несомненно, оказал влияние на его воззрения. Он много видел, много пережил, ему было о чем сказать. Он сам думал, что писателю нужно много пережить, чтобы иметь возможность писать. Энгельс называл Сен-Симона «сыном великой французской революции»¹. Несомненно, на опыте французской революции и выработались его воззрения. Французская революция — это один из важных моментов, определивших историческое мировоззрение Сен-Симона.

Другим таким моментом был промышленный переворот, который в то время не только завершался в основном в Англии, но происходил и во Франции. Сен-Симон имел возможность наблюдать те огромные сдвиги, которые произошли в экономике Англии. Он видел, как во Франции и во время революции, и в эпоху реакции происходило перераспределение земельной собственности и столкновение между дворянством и буржуазией. Он жил в то время, когда машинное производство уже проникло во Францию, когда во Франции начинаются промышленные кризисы и формируется пролетариат. Все эти впечатления и определили воззрения Сен-Симона.

Сен-Симон ставил себе чрезвычайно широкие цели. Он хотел создать новую философию, которая на основе всех общественных наук дала бы обобщение всех знаний. Ему не удалось этого сделать. Его писания очень далеки от какой бы то ни было системы. Он обладал гениальным, но порывистым, несистематическим умом и наряду с необычайным прозрением у него встречаются крайние нелепости. Сен-Симон постоянно отклоняется от поставленных им себе задач, мечется из стороны в сторону, но вместе с тем бросает множество блестящих идей, которые оказали громадное влияние на дальнейшее развитие общественной мысли. По его мнению, философия прежде всего должна базироваться на основных идеях нового периода — индустриальных и научных, — и на основе этих идей она должна дать новую организацию общества. Сен-Симон в своих работах прежде всего проводит идею закономерности общественного развития. Он считает, что жизнь человечества подчинена определенным законам. Та новая система, о которой он мечтал, должна была дать необходимое завершение развития всей предшествующей истории человечества. В отличие от рационалистов XVIII в., думавших, что они открывают стоящее вне всяких времен разумное устройство человеческого общества, Сен-Симон рассматривает историю человечества как смену определенных стадий общественного развития. Цель исторической науки, по его мнению, и заключается в том, чтобы дать человечеству возможность на основании того, что уже было, делать заключения о том, что будет². Тогда история пере-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 194.

² См. К. А. Сен-Симон. Избр. соч., т. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 235.

стает быть нагромождением фактов, она проникается определенной идеей, подчиняется определенному закону и устанавливает строгую последовательность этих фактов.

Эта глубоко верная по существу своему идея Сен-Симона покоится в то же время на совершенно идеалистической почве.

По его мнению, социальное и политическое устройство каждой эпохи вполне определяется господствующей в данный период философией. Он выражается следующим образом: «Основная задача философов заключается в том, чтобы постигнуть наилучшую для данной эпохи систему общественного устройства, чтобы побудить управляемых и правящих принять ее, чтобы усовершенствовать эту систему, поскольку она способна к совершенствованию, чтобы отвергнуть ее, когда она дойдет до крайних пределов своего совершенства, и построить из нее новую при помощи материалов, собранных учеными-специалистами в каждой отдельной области»³.

Таким образом, философия, идея мыслителя — вот что, с его точки зрения, является основным фактором общественного развития, основным строителем общества. Эта идеалистическая точка зрения выступает у Сен-Симона в грубой, неприкрытой форме. Вместе с тем он справедливо считает, что сама философия не является чем-то случайным, или самопроизвольно возникающим, а развивается закономерно, на основе успехов науки и потребностей общества. Таким образом, развитие общества определяется закономерным развитием человеческого разума.

Экономическое развитие Сен-Симон мыслит как результат применения знаний к промышленности и другим видам экономической деятельности. Идея органического развития у Сен-Симона, как и у множества других философов, более ранних и более поздних, приводит его к мысли о постепенных стадиях в истории человечества, по аналогии между развитием человечества в целом и развитием отдельного человека. Таким образом, Сен-Симон оказывается на позициях детерминизма, признавая обусловленность исторического процесса неизменными законами природы. Но в отличие от ряда других мыслителей он отмечает в этом закономерном, органическом развитии общества неравномерность, резкие скачки, бурные кризисы. По его мнению, история представляет собой смену систем социальных и политических учреждений, создающихся на основе смены философских систем, причем каждая из этих систем разрушается для того, чтобы уступить место новой. Самый ход истории рисуется Сен-Симону в виде смены так называемых «положительных», или «органических», эпох «критическими» эпохами, в виде постулатального движения, нарушаемого резкими кризисами. Эти кризисы наступают тогда, когда возникает противоречие между реальным соотношением социальных сил в обществе и формой его политической организации.

Все мировоззрение Сен-Симона проникнуто оптимистической верой в прогресс. Гегель или Августин тоже рисовали себе историю человечества в виде развития человеческого организма, но они думали, что человечество уже вступило в период старости. По мнению же Сен-Симона, человечество вступило лишь в тот самый счастливый возраст, которому в жизни человека соответствует период от 35 до 45 лет, в тот период, когда пылкое воображение соединяется с вступившим в свои права разумом. Да и вообще Сен-Симон считал, что прогресс человечества будет продолжаться бесконечно.

³ К. А. Сен-Симон. Избр. соч., т. II, стр. 273.

Как конкретно рисовал себе Сен-Симон историю человечества? На периоде детства человечества он останавливался очень мало. Важнейшим моментом, с которого, по его мнению, начинается прогресс и история делается орудием познания будущего, было установление рабства, потому что оно дало возможность господствующим классам иметь свободное время и посвящать его развитию своего ума и развитию знаний, создавая таким образом условия для прогресса. В основе этого строя, покоящегося на рабстве, по мнению Сен-Симона, лежит определенная философская, религиозная система (для Сен-Симона религия и философия не отличаются друг от друга по существу). Это система политеизма. По образцу небесной иерархии, по образцу Олимпа строится и вся общественная жизнь античного мира. Сен-Симон находит отражение Олимпа в устройстве государств античного мира. При этом политеизм представляется ему творением определенных философов, и прежде всего Гомера.

На смену политеизму приходит новая философия — монотеизм, творцом которой он считает Сократа. Но при Сократе эта теория не могла еще стать господствующей. Она восторжествовала позже — в форме христианства.

Установление новой философской системы — христианства — сопровождается сильнейшим кризисом и рядом крупнейших изменений в социальном и общественном строе. Сен-Симон рассматривает христианство и средние века как момент прогрессивный по сравнению с античностью. Этим он отличается от мыслителей XVIII в., приближаясь к взглядам исторической школы права, от которой он, однако, резко отличается прогрессивным характером своих идей. Он представляет себе средневековое христианство с его заповедью любви к ближнему как новую, более совершенную философию, получившую определенную организацию в лице папы и духовенства, которых он называет «корпорацией профессоров деизма», понимая под деизмом монотеизм.

Сен-Симон отмечает крупную культурную роль, которую, по его мнению, сыграло в свое время католическое духовенство, сохранив школы и древние памятники, сохранив просвещение в средние века⁴. Он считает, что вместе с тем христианство смягчило эксплуатацию. Рабство под влиянием христианства сменилось более мягкой формой эксплуатации — крепостничеством. К XIII в., по мнению Сен-Симона, создается более прочная общественная организация, которая дает возможность гораздо большего прогресса знания, как теоретически, так и практически. К XV в. эта система достигает полной зрелости и начинает перерастать сама себя⁵. Дальнейший прогресс ведет не к развитию этой системы, а к ее распаду. Наступает эпоха разрушения, скепсиса, когда подвергаются критике все ценности эпохи средневековья⁶. На место феодалов и духовенства становятся новые группы — ученые заменяют духовенство, а промышленники — феодалов. При этом Сен-Симон понимает под словом «промышленники» вообще «трудящихся», все производительные классы, и прежде всего лиц, занятых в любой

⁴ Взгляд Сен-Симона на католическое духовенство как носителя культурных традиций нельзя признать правильным, поскольку католическая церковь в средние века гораздо чаще выступала в роли душительницы науки, просвещения и свободомыслия. (Прим. ред.)

⁵ Период средневековья до XV в. включительно Сен-Симон считал «положительной эпохой». (Прим. ред.)

⁶ Эту эпоху, которая хронологически охватывает период XVI—XVIII вв., Сен-Симон считал «критической». (Прим. ред.)

отрасли как промышленной, так и торговой деятельности, т. е. и буржуазию, и рабочий класс.

Этот процесс появления «промышленников» можно проследить, по словам Сен-Симона, еще с начала крестовых походов.

Сен-Симон отмечает особое значение царствования Людовика XI, когда «промышленники» вступили в союз с королевской властью против феодалов. Он подчеркивает, что полного расцвета это противоречие между духовенством и феодалами, с одной стороны, и учеными и промышленниками, с другой — достигло в XVIII в., с образованием особого вида промышленности, интересы которого являются интересами промышленности в целом. Сен-Симон полагает, что банковское дело при помощи кредита связало вместе все отрасли экономической деятельности и дало им те денежные средства, которыми не располагала никакая другая сила в тогдашней Европе, в том числе и государство. Вообще банкам Сен-Симон придает огромное организующее значение в промышленности.

Французская революция, по его мнению, и явилась тем переворотом, который должен был передать власть из рук духовенства и феодалов в руки промышленников и ученых. Но французская революция не довела это дело до конца, передав власть не этим группам, а промежуточным группам, которые возникли как своего рода продукт разложения феодально-церковного строя в идеологической сфере. Власть получила группа метафизиков и легистов (законников). Таким образом, революция, собственно, не закончена. Промышленникам и ученым предстоит завершить ее и взять власть всецело в свои руки. Завершив разрушение старого общества, французская революция не создала нового общества, она была разрушительной, а не созидательной. Созидание является задачей нового времени. Сен-Симон набрасывает план этой созидательной работы. Но рассмотрение этого плана не входит в нашу задачу.

Между прочим, Сен-Симон думает, что и в Англии эта революция, этот переход власти к ученым и промышленникам еще не завершился, потому что в Англии феодалы оказались проникательнее, чем во Франции. Они вступили в союз с промышленниками против королевской власти и удержали власть в своих руках. Промежуточное состояние, в котором находится Англия, чрезвычайно устойчиво, и там труднее свергнуть власть феодалов, чем во Франции.

Таким образом, основным содержанием истории у Сен-Симона начиная с крестовых походов является борьба классов, с одной стороны, феодалов и, с другой стороны, тех, кого он называет промышленниками. Но эта борьба классов для Сен-Симона является лишь отражением идеологической борьбы между церковью и учеными.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что Сен-Симон, при всей своей проникательности, не замечает различия в самом классе промышленников, не видит, что этот класс состоит из буржуазии и пролетариата. Ему прекрасно известно о существовании пролетариата, он часто говорит о нем и даже употребляет этот термин, но он думает, что между интересами пролетариата и буржуазии нет резкого противоречия, что это противоречие является, скорее, результатом взаимного непонимания.

Изучение трудов Сен-Симона показывает, что в основном он стоит на идеалистических позициях, но тем не менее он дает ряд ценнейших реалистических представлений о ходе исторического развития. В основе всего его построения лежит идея органического и при том скачкообразного развития, которая в противоположность тому, как ее использовали

историки реакционной школы, служит у Сен-Симона идее прогресса.

Сен-Симон также выдвинул идею о классовой борьбе как основном содержании если не всей истории, то по крайней мере истории Европы периода после крестовых походов.

Это было отмечено Энгельсом⁷, который писал, что гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить основы почти всех позднейших социалистических идей, не относящихся к области чистой экономики, и прежде всего идеи классовой борьбы.

Правда, как уже отмечалось, эта идея борьбы классов выступает у Сен-Симона в идеалистическом облачении, в силу чего он не может правильно объяснить возникновение классов.

Теория классовой борьбы приобретает у него некоторую своеобразную окраску из-за того, что он пытается искать причины возникновения классов в Европе в расовом моменте, хотя, правда, не в смысле современной расовой теории. Сен-Симон рассматривает борьбу классов в средневековой Европе как борьбу рас — франков (германцев) и галло-римлян. Эта идея уже встречалась у Буленвилье и Дюбо. Для Сен-Симона французская буржуазия — это потомки галло-римлян, между тем как французская аристократия — это потомки франков, завоевателей-германцев. Борьба классов связывается здесь с борьбой этих рас. Вместе с тем в отдельных своих высказываниях Сен-Симон приближается к правильному пониманию зависимости между социальной структурой общества и отношениями собственности. Он говорит, например: «Вполне очевидно, что основным законом во всех странах является закон, который устанавливает собственность и положения об уважении к ней»⁸. В другом месте он замечает, что именно собственность служит основой общественного здания.

Учение о борьбе классов, связанное с идеей борьбы рас, проходит красной нитью и в трудах ряда буржуазных историков начала XIX в., которые, как, например, Тьерри и Гизо, стремятся в эпоху наступившей во Франции реставрации и реакции обосновать притязания буржуазии на политическое господство.

След за Сен-Симоном представители этой школы выдвигают на первый план социальную историю⁹. Гизо, например, так характеризует различие, которое существует между историками XVIII в. и той новой школой, к которой он причисляет себя. Он пишет:

«Большая часть писателей, историков или публицистов старалась объяснить данное состояние общества, степень или род его цивилизации политическими учреждениями данного общества. Было бы благоразумнее начинать с изучения самого общества для того, чтобы узнать и понять его политические учреждения. Прежде, чем стать причиной, учреждения являются следствиями; общество создает их прежде, чем начинает изменяться под их влиянием; и вместо того чтобы о состоянии народа судить по формам его правительства, надо прежде всего исследовать состояние народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство»¹⁰.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 196.

⁸ К. А. Сен-Симон. Избр. соч., т. I, стр. 360.

⁹ Эту новую школу в литературе иногда называют «французской исторической школой эпохи реставрации», иногда «философской школой». Последнее название имеет целью подчеркнуть стремление наиболее крупных представителей этого историографического направления — Тьерри, Гизо, Минье — не просто излагать, но и осмысливать ход описываемых ими событий в духе определенных политических и историко-философских доктрин, которых придерживались эти историки. (Прим. ред.)

¹⁰ F. G u i z o t. Essais sur l'histoire de France. Paris, 1860, pp. 73—74.

Здесь сформулирована основная идея этой школы. Политическое состояние общества, его политические учреждения являются своего рода надстройкой над состоянием общества.

Правда, представители этой школы не совсем ясно понимали, что, собственно говоря, подразумевается под словами «социальное состояние» общества. Но важна уже сама идея о том, что политическое устройство не есть основное содержание истории, что история в первую очередь должна заниматься социальными проблемами.

Ярким представителем этой школы был Огюстен Тьерри (1795—1856). В творчестве Огюстена Тьерри сочетался целый ряд своеобразных влияний, которые сделали его одним из интереснейших историков первой половины XIX в. У него рано пробудился интерес к истории — сначала под влиянием Шатобриана и его исторических фантазий, а затем под влиянием исторических романов Вальтера Скотта.

Тьерри еще совсем молодым человеком, 19 лет, примкнул к Сен-Симону и стал его ближайшим сотрудником и соавтором. В это время работы Тьерри носили главным образом публицистический характер. Сначала Тьерри участвовал в газетной борьбе за идеи Сен-Симона, но потом решил посвятить себя историческому обоснованию тех политических идеалов, которые он заимствовал у Сен-Симона. Он замыслил написать историю, которая представляла бы собой не «биографию власти», как называл Сен-Симон все существовавшие до этого времени исторические произведения, а «биографию народов». Его интересовало прежде всего развитие общества, а не внешние события, не смена политических форм. Социальная история, таким образом, была у Тьерри основным содержанием его исторического повествования. При этом он резко выступает против воззрений историков-реакционеров, стремившихся исторически оправдать господство дворянства. Его цель обратная — исторически обосновать права на господство третьего сословия.

Мы видели, что Сен-Симон под третьим сословием разумел весь французский народ в противоположность привилегированным группам, противопоставляя господству дворян, феодалов и священников господство промышленников и ученых, которое, как он считал, должно наступить уже в настоящее время. Притязаниям этой новой общественной группы, этого третьего сословия и решил посвятить свои исторические работы ученик Сен-Симона — Тьерри.

По мнению Тьерри, все предшествующие историки исходили из предвзятых взглядов и повторяли друг друга. Поэтому он решает прежде всего отбросить все эти наслоения в исторической науке и взяться непосредственно за первоисточники. Тьерри, подобно многим ученым исторической школы права, заявляет о необходимости проникнуться духом эпохи, не излагать историю всех эпох по одному образцу, не вводить в них современные нам понятия, а стремиться воспроизвести эпоху так, чтобы ее можно было чувствовать и осознать.

Тьерри, подобно Сен-Симону, в своих исторических построениях исходит из идеи о борьбе двух классов, с одной стороны, привилегированного дворянства, а с другой — третьего сословия в широком смысле этого слова. Притязания дворянства на господство, его привилегии, говорит Тьерри, не являются продуктом естественного развития. Они — результат насилия, завоевания, нарушения естественного хода истории. В основе этих привилегий лежит насильственное подчинение трудящихся, промышленных и земледельческих классов классу завоевателей-феодалов. Путем борьбы в течение многих столетий трудящиеся классы

постепенно оттесняют завоевателей — ставшее бесполезным военное дворянство.

Все эти идеи не новы. Тьерри в основном воспроизводит здесь взгляды Сен-Симона.

Позднее Тьерри разошелся с Сен-Симоном, хотя и остался в рядах воинствующего либерализма и даже одно время входил в тайное общество революционного характера. Однако с течением времени революционные симпатии его молодости постепенно слабели, тускнели; его убеждения постепенно мснялись и становились все более консервативными. В основе исторических работ Тьерри в эпоху реставрации лежит защита либеральной конституции и последовательная борьба с реакционной историографией.

Постепенно Тьерри все больше склоняется к идее мирной борьбы — борьбы путем лишь пропаганды, убеждения и начинает относиться к правительству реакции более снисходительно, лишь бы оно сделало известные уступки либералам.

«К ненависти к военному деспотизму, плоду реакции умов против режима империи, присоединилось у меня глубокое отвращение к революционным тираниям, без какого-либо предубеждения к какому угодно образу правления»¹¹, — писал Тьерри в середине 30-х годов XIX в.

Он готов признать *«какое угодно правительство с максимумом возможных гарантий личности и с минимумом административного воздействия»*¹².

Основная идея истории Франции, по мнению Тьерри, — это непримиримая борьба классов, или же рас. Различие в крови перешло в различие сословий и прав. Пока не будут сглажены все следы завоевания, «эта земля не даст плодов», — говорит он. Но осуществить это можно не путем компромисса, а путем полной победы буржуазии. Бывшие победители и их культура должны быть растворены в массе и культуре прежних побежденных. И Тьерри говорит: «Отцы наши составляли всю нацию».

В древней Франции именно масса трудящегося народа была носительницей культуры и начал современного строя, именно галло-римляне были носителями того, благодаря чему старая римская культура завоевала средние века.

Тьерри хочет быть историографом этих галло-римлян, «историографом французской свободы». Здесь надо отметить его небольшую работу, которая является первым очерком его теории. Это — «Истинная история Жака Простака»¹³ (1820), причем имя Жака Простака он применяет не только к крестьянству, но и ко всей народной массе в целом. В этом небольшом критическом памфлете Тьерри дает драматическое изображение судьбы французского народа, который он персонафицирует в лице Жака Простака. Жак — это олицетворение галло-римского населения Франции, которое было завоевано германцами. Это добродушный, доверчивый, непостоянный, легко поддающийся обману и готовый сам себя обманывать, а поэтому легко обираемый и эксплуатируемый всеми человек. Но наглые притеснения в конце концов его раздражают. Он сбрасывает с себя иго поработителей, но в этот момент его увлекает великий военный вождь — Наполеон. Это последнее увлечение Жака военной славой и подвигами.

¹¹ А. Тьерри. Dix ans d'études historiques. Paris, 1835, p. 11.

¹² Ibid. p. X.

¹³ А. Тьерри. Histoire véritable de Jaques Bonhomme. Paris, 1820; О. Тьерри. Подлинная история Жака Простака. О. Тьерри. Избр. соч. Соцэкиз, М., 1937.

Тьерри хочет показать, что у народа, под которым он понимает прежде всего буржуазию, такие же древние и еще более древние и славные традиции, чем у дворянства, что именно народ, третье сословие сохранило старинные муниципальные вольности римской эпохи. Затем он подчеркивает, что королевская власть с тех пор, как она становится государственной властью в полном смысле слова, должна была все время опираться как на союзника на народ, который добился уже с ранних пор основы своей свободы — права вотировать налоги.

То, что Тьерри борьбу классов рисует себе как борьбу рас, видя в этом главный закон истории, особенно ясно заметно в его работах по истории Англии, где, по его мнению, «все коренится в завоевании».

Историей Англии Тьерри интересовался уже давно, еще во времена своего студенчества. Еще будучи секретарем у Сен-Симона, он выпустил небольшой памфлет, посвященный социальной истории английской революции, — «Очерк революции в Англии» (1817), в котором рисует разделение Англии во время революции на два лагеря, причем это разделение он связывает в первую очередь с экономическими интересами и лишь отчасти — с делением населения Англии на расы — потомков завоеванных когда-то англосаксов и потомков завоевателей-норманнов.

Он пишет здесь: «Всякий, чьи предки принадлежали к числу завоевателей Англии, покидал свой замок и ехал в королевский лагерь. Жители городов и портов толпами шли в противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что армии собрались, одна во имя праздности и власти, другая во имя труда и свободы. Все праздношатающиеся, каково бы ни было их происхождение, все, кто искал в жизни лишь наслаждений без труда, становились под королевские знамена, защищая интересы, совпадающие с их собственными интересами, и, наоборот, те из потомков прежних завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились к партии общин»¹⁴. И далее: «С обеих сторон война велась за положительные интересы, все остальное было внешностью или предлогом. Люди, отстаивавшие дело подданных, были большей частью пресвитерианцами, т. е. они не хотели никакого подчинения, даже в религии. Те, которые примыкали к противной партии, принадлежали к англиканам или католическому вероисповеданию. Это потому, что даже в религиозной области они стремились к власти и к обложению людей налогами»¹⁵.

Как можно видеть, распределение этих лагерей по расам здесь несколько нарушено. Материальный интерес является, по мнению Тьерри, определяющим фактором в выборе политической позиции участниками революции. Таким образом, классовая точка зрения уже в 1817 г. была, хотя и в элементарной и наивной форме, приложена Тьерри к истории английской революции.

В 1825 г. он написал «Историю завоевания Англии норманнами»¹⁶ — произведение, которое имело с точки зрения его концепции борьбы классов и рас основное значение. Интересно, что на Тьерри оказал здесь значительное влияние Вальтер Скотт, и главным образом его роман «Айвенго», где резко противопоставляются завоеватели-норманны и завоеванные англосаксы. Сами хронологические рамки этого труда Тьерри (от завоевания Англии норманнами и до Иоанна Безземельного) соответствуют хронологическим рамкам романа. Это исто-

¹⁴ A. Thierriy. Dix ans d'études historiques, p. 54.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ A. Thierriy. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. Paris, 1883; О. Тьерри. История завоевания Англии норманнами. СПб., 1868.

рия Англии XII в., представленная как борьба двух рас. Тьерри использовал здесь очень богатый материал источников. Он стремился говорить языком источников. Но историческое построение Тьерри носит довольно искусственный характер: к борьбе рас сводятся даже такие факты, как, например, борьба Генриха II с Томасом Бекетом, происходившая внутри господствующих классов. Томас Бекет тоже был потомком норманских завоевателей, как и сам Генрих II, который, впрочем, был не прямым, а косвенным потомком норманских завоевателей.

Некоторые из сен-симонистов упрекали Тьерри в крайнем преувеличении отрицательной стороны завоевания Англии, указывая, что оно имело не только отрицательную сторону для Англии, но несло с собой до известной степени и социальный прогресс.

В этом же 1825 г. Тьерри почти потерял зрение от усиленной работы над рукописями, а в 1830 г. ослеп окончательно и, кроме того, был разбит параличом. Но еще в течение 30 лет он вел творческую работу при помощи жены своего брата, тоже историка Амедея Тьерри, и своего ученика Армана Карелля.

Теряя во все большей степени зрение, Тьерри стремится все больше внутренне погрузиться в источники, в дух эпохи, постигнуть его художественным чутьем. Он полагает, что задачей историка является восстановление своеобразного колорита эпохи. Он говорил: «Всякий раз, когда какое-нибудь лицо или событие заключало хотя бы небольшую долю жизни и местного колорита, я испытывал невольное волнение»¹⁷. Ему кажется, что, чем колоритнее историческое описание, тем ближе оно к истине, тем больше оно подходит к духу времени. Он хочет в этой связи дать обществу знакомство с первоисточниками, считая, что всё, что делалось в этом направлении раньше, жалко и лживо. Он мечтает о большом издании источников по средневековой истории Франции, полагая, что возвращение к первоисточникам даст возможность освободиться от господствовавших тогда искажений истории.

Тьерри хочет дать яркую картину прошлого с его индивидуальными чертами и полагает, что именно художественное постижение может дать гораздо больше, чем постижение путем сухого описания. Он полагает, что непосредственная художественная интуиция может открыть «идею» факта или лица и тем самым вскрыть общие законы, лежащие в основе плана «Провидения». По мнению Тьерри, становясь художником, историк ближе всего подходит к пониманию этого плана. Ему кажется, что улавливая в событии самое яркое, самое характерное, он схватывает и самый смысл явлений.

Именно в этом духе в 1840 г. им была написана очень интересная работа — «Рассказы из времен меровингов»¹⁸, представляющая собой действительно художественное произведение, что признавал даже Ранке, говоривший, что немецкий научный язык не мог создать ничего подобного.

Но при такой постановке вопроса Тьерри впадал неизбежно в ошибку. Он слишком доверял источникам, и там, где эти источники особенно красочны, Тьерри принимает наиболее яркое за наиболее характерное. У него работает в гораздо большей степени художественное, чем критическое, чутье. В этой работе он совершенно чужд всякой исторической критике. Он даже отказался от прежней своей идеи издавать источники, потому что эти источники показались ему слишком сухими, дающими слишком мало простора для художественного творчества.

¹⁷ A. Thierry. Oeuvres. Bruxelles, 1839, p. 415.

¹⁸ A. Thierry. Récits des temps mérovingiens. Paris, 1868.

«Рассказы из времен меровингов» при всем художественном их интересе представляют некритический пересказ нарративных источников, без всякого привлечения документального материала.

И в других своих произведениях, особенно в «Завоевании Англии норманнами», Тьерри часто очень некритичен по отношению к источникам. «Локальный колорит», к которому он всегда стремился, достигается порой неразборчивым привлечением черточек, взятых из различных источников — из монастырских хроник, из вымышленных разговоров тех или иных деятелей, из житий святых, анекдотов, взятых из эпических произведений, из тенденциозных измышлений хронистов, собранных вместе. Он сам ничего не выдумывал, но неразборчиво относился к тому, что было выдумано другими.

За этими художественными увлечениями Тьерри не забывал и своих политических идеалов. В 1827 г. выходит отдельным изданием его «Письма об истории Франции»¹⁹. В этом издании он опять возвращается к теме истории третьего сословия, отводя центральное место коммунальным революциям, когда, по его мнению, побежденные галло-римляне восстают против ига победителей-франков и побеждают в свою очередь. Восстание коммун и установление нового городского строя Тьерри называет «величайшим социальным движением, какое только было от установления христианства до французской революции»²⁰.

«Это была настоящая социальная революция, прелюдия всех социальных революций, которая постепенно подняла значение третьего сословия. Здесь колыбель современной свободы»²¹.

В городском движении и коммунальных революциях Тьерри видел начало нового европейского общества, рождение нового класса — буржуазии, который, с его точки зрения, являлся в начале XIX в. главным носителем культуры.

Нужно сказать, что Тьерри дает несколько модернизированное и неточное освещение этих «коммунальных революций». Он не указывает того, что целый ряд городов пошел на сделку с сеньорами и что от коммунальных движений выиграл в первую очередь только патрициат, городская верхушка. Он не замечает того, что в это время происходит раскол в среде самого городского населения: между патрициатом и цехами назревают новые противоречия.

Таковы были взгляды и деятельность Тьерри в период реставрации, когда он являлся представителем интересов либеральной буржуазии в обстановке реакции, царившей во Франции.

Революция 1830 г. положила начало июльской монархии, поставившей у власти верхушку буржуазии. Эта революция показалась Тьерри осуществлением его политических и социальных идеалов. У него установились самые лучшие отношения с правительством, которое дало ему премии и установило пенсию, и он всячески защищал июльскую революцию, подчеркивая, что она является продолжением исторических традиций третьего сословия, а не порывает с ними. Он говорил, что эта революция представляет логическое завершение той долгой борьбы, которую вела буржуазия. Революция 1830 г. все обновила, но не нарушила традиций²². Историческая цель, которую ставило себе третье сословие, осуществилась, с точки зрения Тьерри, в революции 1830 г.

¹⁹ Частично эти письма публиковались раньше, в 1820 г., в журнале «*Courrier française*». (Прим. ред.)

²⁰ А. Тьерри. *Lettres sur l'histoire de France*; А. Тьерри. *Oeuvres*, p. 415.

²¹ А. Тьерри. *Dix ans d'études historiques*. Paris, 1835, p. 1V.

²² А. Тьерри. *Considérations sur l'histoire de France*, ch. V. Paris, 1840.

Тьерри был в близких отношениях с видными политическими деятелями июльской монархии, в частности с крупнейшим историком той же школы — Гизо. По мнению Гизо, надо было создать исторический памятник борьбе третьего сословия за «свободу». Таким памятником должно было быть, по его мысли, издание источников по истории Франции, которое должно было быть для Франции тем, чем для Германии были «*Monumenta Germaniae Historica*».

Так было начато издание «Коллекции неопубликованных документов по истории Франции»²³. Специальный отдел в нем был посвящен истории третьего сословия.

Собирание и редактирование памятников для этого отдела было поручено Тьерри, и в 1850 г. он издал три тома «Собрания неопубликованных памятников по истории третьего сословия»²⁴. В качестве предисловия к этому изданию был помещен его знаменитый «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия»²⁵, в котором Тьерри прослеживает историю третьего сословия начиная с периода франкского завоевания, через периоды феодализма и освобождения городов, развития Генеральных штатов и абсолютной монархии, вплоть до XVIII в., когда начинается разрыв между королем и третьим сословием. (Позднее это предисловие было издано отдельной книгой.)

В этой истории третьего сословия, несомненно, сказался переворот, происшедший в политических взглядах Тьерри под влиянием революции 1830 г.

Восприятие истории у историка — идеолога буржуазии, стремившейся к захвату власти, в эпоху реставрации находившейся в руках у дворянства, было иным, нежели у историка победившей буржуазии, которая уже имела власть и должна была защищать ее после революции 1830 г.

В связи с этим и изображение классовой борьбы в прошлом приобретает у Тьерри несколько иной характер, заметно тускнеет. Революция, желательная до 1830 г., теряет теперь для победившей буржуазии свою привлекательность. Коммунальные восстания выступают уже не как какой-то поворотный момент в истории европейского общества, а лишь как одно из многих условий, создавших сложную социальную группу буржуазии. Самые революционные моменты в коммунальном движении выдвигаются на первый план уже в меньшей степени. Не подчеркивается уже непримиримая рознь между двумя расами и двумя классами, между дворянством — потомками германцев и третьим сословием — потомками галло-римлян. Поэтому смягчается и расовая теория. Тьерри признает, что франки и галлы постепенно смешиваются, что разница между ними исчезает и начавшаяся в XII в. социальная борьба в дальнейшем уже не может сводиться к борьбе рас, а основывается на новых моментах. С XIII в. общество складывается на новых основаниях, которые представляют собой воспроизведение старых принципов муниципальной свободы. Известную социальную роль в прошлом Тьерри признает теперь и за дворянством. Так, он полагает, что сознание общей родины, чувство патриотизма раньше полагается у дворянства, чем у горожан, занятых своими местными интересами²⁶.

²³ «Collection des documents inédits sur l'histoire de France». Paris, 1835, etc.

²⁴ «Recueil des monuments inédits de l'histoire du tiers état». Paris, 1850.

²⁵ А. Тьерри. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия; О. Тьерри. Избр. соч., М., 1937.

²⁶ См. О. Тьерри. Избр. соч., стр. 6.

Но при всех смягчениях, которые получила его прежняя точка зрения в «Опыте истории происхождения и успехов третьего сословия», Тьерри продолжает петь панегирики буржуазии. Он пишет: «Благодаря расширению торговых сношений и развитию или, лучше сказать, возникновению кредита, в среде торговой буржуазии образовался и занял первое место новый класс, класс людей, накопивших капиталы одновременно для своей выгоды и для надобности других; класс, беспрерывно заполнявший благодаря бережливости и спекуляции ту пустоту, которую в общественном богатстве образуют, с одной стороны, затраты, необходимые для производительного труда, а с другой,— непроизводительное потребление»²⁷.

Это по существу гимн буржуазии и июльской монархии. Восхваляет Тьерри и бюрократию, которая вербовалась из буржуазии, то дворянство мантии (*noblesse de robe*), которое, накопив состояние, создало королевский абсолютизм и общее право для нации. Имея в виду парламенты, Тьерри говорит, что это же *noblesse de robe* создало просвещенный контроль над действиями правительства.

Под влиянием того порядка, который установился во Франции после революции 1830 г., он подчеркивает исторические традиции союза между королевской властью и буржуазией. Каково бы ни было происхождение королевской власти, но свои силы, по его мнению, она получает только от союза с третьим сословием, и только в той мере, в какой она проникается идеалами третьего сословия, она ведет Францию к благу. Правда, он отмечает, что со времени Людовика XIV этот союз между королевской властью и буржуазией был нарушен и королевская власть стала поддерживать притязания дворянства, но результатом этого и явились великая французская революция, со всеми ее бедствиями, военный деспотизм Наполеона и реставрация. И только революция 1830 г. вернула историю Франции к ее нормальному ходу, восстановив союз между буржуазией и королевской властью. Этот труд Тьерри явился историческим обоснованием идеологии июльской монархии.

Правда, книга Тьерри вышла уже в 1850 г., когда июльская монархия пала после революции 1848 г., опрокинувшей всю историческую схему Тьерри. Революция 1848 г. ознаменовала собой не только падение июльской монархии, но и окончательный раскол третьего сословия и первое революционное выступление пролетариата как самостоятельной силы, враждебной буржуазии. Но Тьерри не понял этого урока истории 1848 г. То столкновение, которое произошло между буржуазией и пролетариатом в 1848 г., казалось ему глубоким заблуждением. Он доказывал, что такого антагонизма не было в прошлом и не должно быть в будущем. В связи с этим он начал уже по-иному относиться и к народным движениям прошлого. Исчезает его прежнее сочувствие к Жаку Простаку, которого он сделал когда-то героем французской истории.

Возьмем трактовку парижского восстания 1356 г. в его «Опыте». Он говорит об этом движении уже весьма холодно, а о крестьянском движении, о Жакерии — прямо недоброжелательно, заявляя, что Жакерия явилась помехой для буржуазии, которая готовила для Франции свободные учреждения. Жакерия, по его словам, оставила после себя лишь «ненавистное имя и печальные воспоминания»²⁸. Между тем в 1820 г. Тьерри писал, что современное третье сословие — сыны тех крестьян, которых перерезали рыцари близ г. Мо, сыны повстанцев Жа-

²⁷ О. Тьерри. Избр. соч., стр. 78.

²⁸ Там же, стр. 41.

керии. Руководящая роль, согласно «Опыту», должна принадлежать уже не третьему сословию в целом, а только верхушечному слою буржуазии.

Революция 1848 г. глубоко потрясла Тьерри. После нее он почти прекратил свою литературную деятельность. По его словам, в 1848 г. «история Франции, казалось, была опрокинута так же, как и сама Франция»²⁹.

Последние годы его жизни были годами упадка. Он погрузился в религию, в мистицизм, раскаялся в своих прежних выступлениях против церкви. Он устранил ту резкую критику папства, которая имела раньше в его «Завоевании Англии норманнами».

Подведем некоторые итоги рассмотрению взглядов Тьерри. Мы находим у него отчетливую формулировку теории классовой борьбы. Как представитель буржуазии, начавший свою работу в эпоху реставрации Бурбонов, в момент напряженной борьбы буржуазии против восстановления феодальных учреждений, Тьерри выдвинул эту формулу классовой борьбы как аргумент в пользу политических притязаний буржуазии. Хотя Тьерри и извлек уроки из истории французской революции, а также из учения Сен-Симона и рассматривал в своих сочинениях борьбу классов как основную тему истории, но всё же в его работах сказалась его буржуазная ограниченность, отражение тех процессов, через которые проходила французская буржуазия в первой половине XIX в.

Тьерри сумел во многом правильно понять ход развития своего класса — буржуазии, но он не понял того глубокого раскола, который назревал в этом классе по мере его роста и развития. Ему его класс рисуется как совокупность всего трудящегося народа. Этого раскола можно было еще не видеть в начале XIX в., но 1848 год должен был раскрыть глаза Тьерри. Да и сама история борьбы классов дается у Тьерри очень поверхностно. Для него неясно само происхождение классов и поэтому неясно происхождение классового антагонизма. Он недостаточно разбирается в вопросах экономического и социального развития средневековой Европы. В истории его занимают преимущественно яркие, поворотные моменты. Он использует источники, характеризующие главным образом именно такие моменты, — указы, речи, литературные произведения. При всем том, однако, он стремится дать анализ социальных элементов данного общества, показать интересы, преобладающие в разных классах этого общества, мотивы, которые вызываются этими интересами. Отдельные личности выступают у него главным образом как представители классов, что выгодно отличает его от историков эпохи Просвещения. По его словам, «движение народных масс по пути к свободе и благоденствию нам показалось бы более внушительным, чем шествие завоевателей, а их несчастья более трогательными, чем бедствия королей, лишенных своих владений»³⁰. Тьерри замечает, что теперь нацию надо делать главным героем истории. При этом его привлекает больше всего борьба угнетенных, поскольку он считает и буржуазию угнетенным классом в средние века.

Буржуазная ограниченность Тьерри в понимании борьбы классов сказалась прежде всего в том, что он не понял тех антагонизмов, которые давно развивались в самом третьем сословии. Борьба классов для него прекращается вместе с победой буржуазии, ибо он считает, что

²⁹ О. Тьерри. Избр. соч., стр. 5.

³⁰ А. Тьерри. Dix ans d'études historiques, p. 323.

третье сословие не есть буржуазия в тесном смысле этого слова, а весь народ. Буржуазия у Тьерри выступает как представитель интересов всего народа. В определенный исторический момент это отчасти так и было, но ко времени июльской монархии картина резко изменилась: совершенно определенно заявил свои требования пролетариат как самостоятельный класс, и третье сословие раскололось на буржуазию и пролетариат. Тьерри не видел, не понимал этого или не желал видеть и понимать. Поэтому революция 1848 г., особенно июньские дни 1848 г., были страшным потрясением для всего его исторического мировоззрения. События июня 1848 г. ему казались каким-то историческим недоразумением, каким-то страшным и непонятым заблуждением.

В этом смысле Гизо, его друг и единомышленник, принадлежавший к той же школе, оказался значительно проницательнее. Он лучше разглядел этот антагонизм и резче сформулировал буржуазную точку зрения на него³¹.

Неумение объяснить генезис классов и классовой борьбы, а также те антагонизмы, которые проявляются между классами, приводит к тому, что у Тьерри особую, решающую роль играет его расовая теория. Откуда возникает сама противоположность борющихся классов? Тьерри думает, что она происходит от завоевания, из столкновения двух рас — победителей и побежденных.

В его предисловии к «Истории завоевания Англии норманнами» эта теория происхождения классов из завоевания высказана особенно ярко:

«Высшие и низшие классы, враждебно противостоящие друг другу или борющиеся за определенные идеи и формы правительства, в настоящее время являются в ряде стран не чем иным, как народами-завоевателями и народами, поработанными в предшествующую эпоху. Раса завоевателей осталась привилегированным классом, как только она перестала быть отдельной нацией. Она образовала воинственное дворянство, праздное и беспокойное, которое постепенно пополнялось из низших слоев и господствовало над мирной массой трудящихся, пока длилась военная организация власти, вышедшая из завоевания. Побежденная раса, лишенная собственности на землю, власти и свободы, образовала нечто вроде особого общества рядом с военной ассоциацией завоевателей. Потому ли, что он сохранил в городских стенах остатки римской цивилизации или же потому, что он с помощью ничтожных заимствованных элементов последней начал создавать новую цивилизацию, но этот класс все поднимался по мере того, как ослабевала феодальная организация дворянства, т. е. потомков древних завоевателей»³².

Более отчетливо сформулировать происхождение классов от завоевателей трудно. Эта теория является первой попыткой объяснить происхождение классов. Только теперь, в XIX в., по мнению Тьерри, происходит окончательно освобождение третьего сословия во Франции, начавшееся уже давно, со времени движения городских коммун, которые представляли собой восстание угнетенной галло-римской расы против победителей-франков. Таким образом, у Тьерри проблема классовой борьбы выступает в несколько искаженном виде. Только слабое развитие экономической истории в начале XIX в. и буржуазная ограниченность Тьерри могли привести к подобному объяснению происхождения классов, хотя, впрочем, уже задолго до Тьерри делались попытки

³¹ См. лекцию XXVIII. (Прим. ред.)

³² A. Thierry. Histoire de la conquête de l'Angleterre, vol. I, p. 13.

объяснить происхождение классов иначе. Уже Уинстенли в эпоху английской революции и Руссо в XVIII в. было ясно, что основой происхождения классов является частная собственность. Но для Тьерри, с его буржуазным мировоззрением, такое объяснение было неприемлемо. Частная собственность, с его точки зрения, — это священная основа буржуазного общества, не подлежащая критике.

Интересно замечание Плеханова, что буржуазная историография этого времени, подобно буржуазной политической экономии, смотрела на буржуазные общественные отношения как на нечто естественное, присущее природе человеческого общества во все времена, а не как на переходящее историческое явление. Поэтому феодальный строй казался ей каким-то нарушением естественных законов человеческой природы, нарушением нормального хода общественного развития, и поэтому само возникновение феодального строя, казалось, можно было объяснить только насилем. Борьба третьего сословия против феодализма при таком понимании является как бы борьбой за естественный строй, против насильственного³³. По справедливому замечанию того же Плеханова, у Тьерри, конечно, больше понимания средневековья, чем у мыслителей XVIII в., которые видели в средневековье лишь мрак, насилия и глупость. Тьерри претендовал на гораздо большую справедливость по отношению к этой эпохе, но он понимал в ней только движение третьего сословия. Феодальный строй с его идеологией остался для него непонятным, особенно его происхождение. Для Тьерри феодальный строй является лишь результатом насилия, нарушением естественного хода исторического развития. Как говорит Плеханов, *«он понимал феодальный строй в его разложении, но не в его происхождении»*³⁴.

Тем не менее школа французских историков, к которым принадлежал Тьерри, сделала крупный шаг вперед. Правда, все основные ее идеи уже были даны Сен-Симоном. Вслед за ним эта школа рассматривала политические учреждения, конституции, как следствие социального состояния народов. Социальный же строй в свою очередь, по их мнению, определялся состоянием земельной собственности.

Но буржуазная школа обнаружила свою полную неспособность понять то, что для буржуазии было священным и неприкосновенным, а именно — частную собственность и ее происхождение, подобно тому как верующий не может правильно понять происхождения религии. Собственность рассматривалась либо как нечто порожденное самой природой человека — собственность буржуазная, либо как искажение, насильственное нарушение этой природы — собственность феодальная.

В основе всех этих воззрений лежало представление об «естественной», неизменной природе человека, которое мы встречали в построениях XVII—XVIII вв. о естественном праве. Это представление — естественное порождение классовой ограниченности буржуазии, которая отождествляла свою природу с природой человека вообще и не видела, что сама эта природа не остается неизменной в течение всей человеческой истории, что буржуазная собственность является таким же переходящим продуктом сменяющих друг друга способов производства, как и другие явления истории.

Маркс указал и сильные, и слабые стороны работ Тьерри в письме к Энгельсу от 27 июля 1854 г.:

³³ См. Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII. Госиздат, М.—Л., 1923, стр. 21.

³⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 22.

«Меня очень заинтересовала книга Тьерри «История происхождения и успехов третьего сословия», 1853. Удивительно, как этот господин, отец «классовой борьбы» во французской историографии, негодует в предисловии на «новых людей», которые теперь видят также антагонизм между буржуазией и пролетариатом и стремятся обнаружить следы этой противоположности уже в истории третьего сословия до 1789 года. Он изо всех сил старается доказать, что третье сословие включает в себя все сословия, кроме дворянства и духовенства, и что буржуазия играет роль представительницы всех этих остальных элементов... Если бы г-н Тьерри прочел наши вещи, то он бы знал, что резкий антагонизм между буржуазией и народом возникает, естественно, лишь с того момента, как только буржуазия перестает противостоять дворянству и духовенству в качестве третьего сословия. Что же касается «исторических корней» *«родившегося лишь вчера антагонизма»*, то как раз его собственная книга дает лучшее доказательство того, что эти «корни» возникли вместе с возникновением третьего сословия»³⁵.

Маркс высоко ценил материалы, которые были собраны в книге Тьерри. Он говорит, что «из его изложения прекрасно видно, каким образом происходит возвышение класса, в то время как различные формы, в которых в разное время сосредоточивается его центр тяжести, и различные части класса, приобретавшие влияние благодаря этим формам, гибнут»³⁶.

В этих замечаниях Маркса и сильные, и слабые стороны работы Тьерри показаны совершенно отчетливо.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 321.

³⁶ Там же, стр. 322.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. Ф. ГИЗО, Ф. МИНЬЕ

Остановимся теперь на другом крупном историке, который во многом представляет собой параллель Тьерри, придерживаясь примерно таких же взглядов, но выражая их более резко, четко и сухо. Я имею в виду Франсуа Гизо.

Если Тьерри много времени и внимания уделяет характеристикам отдельных исторических личностей, занимательным эпизодам, быту, если он в значительной степени поэт, великолепный рассказчик, художник, который восхищается красотой средневековья, то Гизо, скорее, историк-политик, в первую очередь крупный политический деятель периода июльской монархии. Он был главным вдохновителем политики июльской монархии, выразителем интересов тех групп буржуазии, которые стали у власти после революции 1830 г., интересов банковского капитала, крупной тяжелой промышленности, крупного буржуазного землевладения.

Гизо чужд романтических увлечений Тьерри. Его произведения отличаются не столько художественностью изложения, сколько риторическим пафосом. Гизо — парламентский оратор, который привык блеском фразы ослеплять своих слушателей, а иногда и скрывать свою мысль, если он не хочет, чтобы она была ясно понята. Гизо был исключительный оратор трагической складки. Знаменитая французская актриса Рашель говорила, что она хотела бы с ним выступить в какой-нибудь трагедии.

Долгая жизнь Гизо (1787—1874) была богата трудами и событиями. Гизо происходил из протестантской буржуазной семьи Южной Франции. Его отец сначала приветствовал французскую революцию 1789 г., но затем оказался в лагере контрреволюции и был казнен. Семья его эмигрировала в Женеву, где юный Гизо получил суровое кальвинистское воспитание. Гизо рано начал увлекаться историей. В юности на него оказал влияние Шатобриан и другие писатели-романтики, поэтизовавшие и идеализовавшие средневековье.

Занятия историей скоро доставили Гизо известность, и в 1812 г., еще не достигнув 25 лет, он уже получил кафедру истории в Париже. Здесь интересно привести один эпизод, характерный для Гизо. Когда

этот молодой человек должен был впервые выступить перед аудиторией, его предупредили, что император Наполеон имеет обыкновение знакомиться со всеми лекциями, которые впервые читаются в университете, и что он ожидает, что в этой первой лекции Гизо будет сказано несколько слов в похвалу императору. Однако Гизо решительно заявил, что такой похвалы он произносить не намерен и действительно прочел лекцию, не высказав никакой похвалы по адресу Наполеона. Надо заметить, что уже в то время среди буржуазии началось недовольство режимом империи. Гораздо больше надежд, чем на шатающуюся империю Наполеона, Гизо, как и многие другие, возлагал на реставрацию Бурбонов. Во время наполеоновских 100 дней он ездил к Людовика XVIII с тщетными предложениями признать либеральную платформу. Идеалом Гизо было восстановление легитимной монархии, но монархии, ограниченной на английский манер.

Позднее, во время реставрации, Гизо вместе с Деказом и Колларом представлял известное течение буржуазной оппозиции, партию конституционалистов-роялистов, или «доктринеров». (Название «доктринеры» связано с тем, что они придерживались доктрины, или учения об английском политическом устройстве как идеальной форме правления.) Гизо мечтал о каком-то компромиссе, о «золотой середине» («le juste milieu») между буржуазией и абсолютизмом. При этом он исходил из совершенно реальных соображений. Он понимал, что абсолютизм в той форме, в какой его хотели восстановить Бурбоны, неизбежно приведет к революционным потрясениям и не сможет гарантировать Франции того устойчивого общественного порядка, о котором мечтала в первую очередь крупная буржуазия.

Та группа, к которой принадлежал Гизо, во главе с Деказом временно оказалась у власти в 1817—1820 гг. Затем, после наступления в 1820 г. полной реакции, Гизо стал одним из лидеров конституционалистской оппозиции. В 1820—1830 гг. он написал ряд памфлетов и исторических работ, направленных в защиту принципа парламентского строя на английский манер. Его лекции в то время проникнуты были этой основной идеей, так что они даже одно время были запрещены. С 1822 по 1827 г. Гизо лекций не читал, но в 1827 г. он снова вернулся к чтению их. В это время его популярность вместе с ростом оппозиционных настроений среди буржуазии чрезвычайно возросла. Он был выбран в палату представителей. Революция 1830 г. выдвинула его на высокий пост министра внутренних дел. С этого момента он навсегда расстался с оппозицией, возглавил ту верхушку буржуазии, которая стала у власти, и его усилия были направлены к подавлению всяких демократических течений среди мелкой буржуазии и зарождающегося пролетариата.

Республиканская партия в то время устраивала ряд заговоров, покушений, восстаний, и Гизо являлся одним из вдохновителей борьбы против демократических движений. Он был сторонником ограничения круга избирателей лишь небольшой группой крупной буржуазии, так называемых «*rais legal*» («лояльных элементов»). Гизо решительно сопротивлялся всяким попыткам расширить этот круг избирателей. В этом отношении характерны его слова, сказанные в ответ на требование расширить круг избирателей, слова о том, что избирателей и без того довольно, и его знаменитый совет недовольным: «Обогащайтесь, трудитесь, и вы сделаетесь избирателями». При Гизо достигла полного расцвета система коррупции, система подкупа избирателей и депутатов всякого рода концессиями, субсидиями, должностями.

После неудачи майского восстания 1839 г., возглавлявшегося Бланки, Барбесом и др., Гизо стал министром иностранных дел в кабинете Сульта. Фактически он был главой правительства, а в 1847 г. он и формально стал премьер-министром.

Гизо систематически вел политику в интересах крупной буржуазии — банкиров, железнодорожных компаний, тяжелой индустрии, аграриев; вел ожесточенную борьбу со всякой оппозицией. Можно сказать, что июльская монархия персонифицировалась в Гизо. К. Маркс заметил, что Гизо, «будучи министром, воображал, что он удерживает на своих плечах равновесие между парламентом и короной, а также и европейское равновесие, в то время как в действительности он делал не что иное, как распродал в розницу все французское государство и все французское общество финансистам-ростовщикам парижской биржи»¹. Тот страшный грабеж государственных средств, о котором говорит Маркс в применении к эпохе июльской монархии, грабеж путем государственных займов — всё это в значительной степени дело рук Гизо, стоявшего у власти.

Во время революции 1848 г. Гизо, который был одной из самых ненавистных фигур июльского режима, пришлось бежать в Лондон. В 1849 г. он, однако, вернулся, выступил кандидатом на выборах в Законодательное собрание, но провалился. Он сделал попытку объединить монархические партии, существовавшие в то время во Франции, — легитимистов, т. е. партию Бурбонов, и партию орлеанистов, но эта попытка окончилась неудачей.

Эти неудачи поставили точку на политической деятельности Гизо. В последовавший затем период Второй империи и Третьей республики, до которой он дожил, Гизо уже стоял в стороне от власти.

В 1858 г. стали выходить его мемуары — «Мемуары об истории моего времени»², наполненные необычайным самовосхвалением. Свою политику Гизо изображает как единственно способную спасти Францию и Европу от революционных потрясений. Все последовавшие в дальнейшем потрясения он объясняет тем, что другие не следовали его политике.

Главные исторические работы Гизо касаются области конституционных вопросов. Я уже говорил о повышенном интересе со стороны буржуазии именно эпохи реставрации к этим проблемам. Особенно интересен с этой точки зрения памфлет Гизо «О представительном правлении и о настоящем положении Франции»³ (1816). Этому же вопросу были посвящены лекции, которые он читал от 1820 до 1822 г. Они назывались «Курс новейшей истории»⁴, но имели еще такой подзаголовок: «История происхождения представительного правления в Европе». Гизо старался в этих лекциях показать, почему представительное правление утвердилось именно в Англии, а не в других странах Европы. Он указывал, что уже в средние века имелись зачатки представительных учреждений во всех странах и что развитие Англии в этом отношении не представляет собой чего-то особенного. Вопрос только в том, почему эти зачатки представительных учреждений в одних случаях, как в Англии, расцвели, а в других — заглохли.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 219.

² F. Guizot. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, vol. 1—8. Paris, 1858—1867.

³ F. Guizot. Du gouvernement représentatif et de l'état actuel de la France. Paris, 1816.

⁴ F. Guizot. Cours de l'histoire moderne. Histoire des origines du gouvernement représentatif et des institutions politique de l'Europe, vol. 1—4. Paris, 1846.

Особый интерес Гизо проявлял по отношению к английской революции. Она чрезвычайно привлекала к себе его внимание в силу того, что в ней идея представительного правления восторжествовала над принципами абсолютной монархии. В связи с этим Гизо начал издавать источники, касающиеся английской революции. Это — его знаменитая коллекция мемуаров эпохи английской революции, переведенных на французский язык⁵. (Кроме того, он издавал также коллекцию источников, касающихся истории Франции⁶.) Затем он читал специальные лекции по истории английской революции.

Гизо написал историю английской революции начиная с восшествия на престол Карла I и собирался довести ее до реставрации Карла II. Первая часть этой работы — «История английской революции до смерти Карла I»⁷ — вышла в 1825—1827 гг. Работа в целом была закончена лишь после революции 1848 г., когда Гизо отошел от политической деятельности и имел много времени для исторической работы. В 1854 г. вышла вторая часть — «История английской республики и Оливера Кромвеля»⁸; в 1856 г. Гизо издал «Историю протектората Ричарда Кромвеля и реставрации Стюартов»⁹. В конце 20-х годов Гизо читал еще курс по истории цивилизации в Европе и во Франции. Из этого курса возникли затем две большие печатные работы «История цивилизации в Европе»¹⁰ и «История цивилизации во Франции»¹¹. Эти курсы, пользующиеся большой известностью, переведены на русский язык, как и «История английской революции» Гизо¹².

Политические события, деятельность Гизо в качестве министра июльской монархии замедлили на время его научную работу. Она возобновилась после того, как Гизо оказался за бортом политической жизни. Тут он опять возвратился к истории английской революции. Он написал брошюру «Почему удалась английская революция»¹³. (Эта брошюра подверглась едкому разбору со стороны Маркса в 1850 г.¹⁴.) Затем Гизо закончил, как сказано выше, в это время свою общую работу по истории английской революции. Он выпустил еще ряд отдельных монографий, касающихся преимущественно эпохи революции, ряд личных характеристик и т. д. Но его научная продукция этого времени слабее его первых работ.

Посмотрим теперь, каково же историческое мировоззрение Гизо, в частности, какую форму у него принимает та идея борьбы классов, которую мы видели уже у Тьерри. Если собрать отдельные высказывания, которые имеются у Гизо по этому вопросу, то с первого взгляда мо-

⁵ «Collection de mémoires, relatifs à la révolution d'Angleterre», vol. 1—25. Paris, 1827.

⁶ «Collection de mémoires relatifs à l'histoire de France», vol. 1—31. Paris, 1823—1835.

⁷ F. Guizot. Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I Jusqu'à sa mort, vol. 1—4. Paris, 1825.

⁸ F. Guizot. Histoire de la République d'Angleterre et d'Oliver Cromwell, vol. 1—2. Paris, 1854.

⁹ F. Guizot. Histoire du Protectorat de Richard Cromwell et de rétablissement des Stuart, vol. 1—2. Paris, 1856.

¹⁰ F. Guizot. Histoire général de la civilisation en Europe. Paris, 1854.

¹¹ F. Guizot. Histoire de la civilisation en France, vol 1—4. Paris, 1843.

¹² Ф. Гизо. История английской революции, тт. 1—3. СПб., 1868; его же. История цивилизации в Европе. СПб., 1892; его же. История цивилизации во Франции, тт. 1—4. М., 1877—1881.

¹³ F. Guizot. Pourquoi la révolution d'Angleterre a-t-elle réussi? Paris, 1850.

¹⁴ См. рецензию Маркса на этот памфлет Гизо. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 218—223. (Прим. ред.)

жет показаться, что идея борьбы классов у него настолько ясно и отчетливо выражена, что чуть ли не является руководящей идеей его деятельности как историка. Но, как мы увидим дальше, это далеко не так.

Мы уже заметили выше, что Гизо считал необходимым объяснять те или иные политические учреждения состоянием общества, а не состояние общества и характер цивилизации политическими учреждениями, как это было принято в историографии XVIII в.¹⁵

По словам Гизо: «Общество, его состав, образ жизни отдельных лиц, в зависимости от их социального положения, отношения различных классов, лиц, словом, гражданский быт людей — таков, без сомнения, первый вопрос, привлекающий к себе внимание историка, который желает знать, как жили народы, и публициста, который хочет знать, как они управлялись»¹⁶.

Этот гражданский быт, о котором говорит Гизо, является, с его точки зрения, следствием прежде всего земельных отношений. Но не только земельные отношения, а и имущественные отношения вообще, по мнению Гизо, определяют основу гражданского и политического общества.

Как видите, мысли очень здравые, показывающие, что Гизо как будто бы очень глубоко понимает процессы развития общественных и политических учреждений, их обусловленность социальными отношениями.

Очевидно, что опыт французской революции не прошел для Гизо даром. Те обобщения, которые он здесь делает, наводят на мысль, что идеологи оппозиционной буржуазии времен реставрации уже довольно глубоко проникли в тайны процесса общественного развития. Однако в действительности это не совсем так. Вот что пишет Гизо, например, о борьбе классов.

«В течение 13 веков Франция заключала в себе два народа — народ победителей и народ побежденных. (Мы видим здесь ту же мысль, что у Тьерри.— *Е. К.*) В течение 13 веков народ побежденных боролся за то, чтобы сбросить с себя иго народа победителей. Наша история есть история этой борьбы. В наши дни была дана решительная битва, она называется революцией»¹⁷. (Гизо здесь имеет в виду французскую буржуазную революцию 1789 г.) И далее он замечает: «Результат революции не подлежит сомнению. некогда побежденный народ сделался народом-победителем»¹⁸. Гизо это уверенно заявляет, несмотря на реставрацию. Он подчеркивает, что «история Франции полна борьбы сословий, или, вернее, создана ею»¹⁹. «Борьба различных классов нашего общества наполняет нашу историю»²⁰, — пишет он уже в более поздний период — в 1849 г.

С большей отчетливостью, чем Тьерри, Гизо выступает как идеолог буржуазии. Если у Тьерри третье сословие включает в себя и буржуазию, и крестьянство, и пролетариат, то удары Гизо направлены не только по адресу недавних господ положения — феодалов, но и по адресу нового врага — пролетариата. Не жалея горьких слов и

¹⁵ См. лекцию XXVII, стр. 370.

¹⁶ F. Guizot. *Essais sur l'histoire de France*. Paris, 1860, p. 74.

¹⁷ F. Guizot. *Du Gouvernement de la France depuis la restauration et du ministère actuel*. Paris, 1821, pp. 1—2. (В дальнейшем: F. Guizot. *Du Gouvernement de la France...*)

¹⁸ *Ibid.*, p. 3.

¹⁹ *Ibid.*, p. VI.

²⁰ F. Guizot. *De la démocratie en France*. Paris, 1849, p. 35.

упреков по адресу феодальной аристократии, этих выродившихся потомков расы, которая владела огромной силой и заставляла дрожать великих королей, он в то же время говорит не от имени всего народа в целом, как пытался говорить Тьерри. Гизо прекрасно понимает, что он сам является представителем только буржуазной верхушки общества. Он пишет:

«Я знаю также, что революция, предоставленная сама себе, свободная от страха, уверенная в торжестве, создает естественно и неизбежно свою собственную аристократию, которая станет во главе общества, но эта аристократия будет другого рода и будет организована совсем иначе, чем та аристократия, которую мы видим теперь в обломках»²¹.

Хотя он и говорит, подобно Тьерри: «Мы сыны третьего сословия, вышедшего из городских общин», но это третье сословие для него вовсе не весь народ и даже не все горожане, а лишь буржуазия, новая верхушка общества, к которой принадлежат, по его мнению, лучшие люди, обладающие особенными свойствами ума и характера. Что касается рабочей массы, то Гизо полагает, что это низшая, худшая, отстающая порода людей. Первые благодаря своему уму, хорошему поведению создают себе капитал и вступают на путь благоденствия и прогресса, другие же, ограниченные, ленивые или развращенные, остаются в стеснительных и трудных условиях существования — живут на свою заработную плату.

По мнению Гизо, всегда существовали и будут существовать рантье, предприниматели, с одной стороны, и наемные рабочие — с другой. Эти различия — вовсе не случайное или специфическое явление, присущее той или другой стране, это явление всеобщее, которое естественно для каждого человеческого общества и находится в полной гармонии с природой человека. Таким образом, буржуазные отношения представляются Гизо не только естественными, но и освященными самой природой и ее творцом — богом. Что касается пролетариата и его выступлений, то к ним, собственно говоря, у Гизо не совсем ясное отношение. Иногда, как и Тьерри, ему кажется, что это нечто противоестественное, какое-то нарушение естественного порядка вещей, которого не должно быть. Он говорит, что необходим социальный мир, сотрудничество классов, что социальная борьба при господстве буржуазии — это стыд, это бич, недостойный нашего времени. В то же время, в других случаях, Гизо как будто понимает, что выступления пролетариата неизбежны, но, несмотря на это, считает, что к ним не должно быть никакого снисхождения, никакой пощады. В 1849 г. он пишет:

«Борьба различных классов наполняет нашу историю. Теперь на арену вышел новый борец. Демократический элемент подразделился (под этим демократическим элементом Гизо понимает третье сословие.— Е. К.). Против средних классов выдвигаются рабочие классы, против буржуазии — пролетариат. И эта новая борьба также ведется насмерть, потому что новый претендент так же исключителен, как и прежние»²².

Здесь Гизо совершенно четко и ясно, без всякой сентиментальности, без всяких попыток уйти от действительности, как это имеет место у Тьерри, определяет свою классовую позицию. При этом Гизо прекрасно понимает, что борьба классов есть прежде всего борьба политическая.

²¹ F. Guizot. Du Gouvernement de la France..., p. 108.

²² F. Guizot. De la démocratie en France, p. 35.

борьба за власть. Он указывает, что это прекрасно понимала в свое время и феодальная контрреволюция, всегда ставившая своей целью захват власти. Это должна понять национальная партия, представителем которой он себя считает. Как он говорит, борьба за власть прикрывает лишь столкновения экономических интересов.

В этом смысле чрезвычайно интересны соображения Гизо относительно английской революции, тех общих предпосылок, которые ее вызвали, и тех поводов, которые послужили к ней толчком.

Гизо рассматривает главным образом политическую историю английской революции, но в то же время он заявляет в предисловии к своей «Истории английской революции», что поверхностным является мнение, будто бы революция в Англии была по преимуществу политической; по его мнению, английская революция берет свое начало в изменениях, которые произошли в социальном положении и правах английского народа. Он изображает английскую революцию как борьбу буржуазии против аристократии. По его мнению, борьба религиозных и политических партий в английской революции прикрывала собой социальный вопрос — борьбу различных классов за власть и влияние. Правда, он отмечает, что эти классы в Англии имели несколько иной характер, чем во Франции в конце XVIII в., они не были так резко разграничены и враждебны друг другу, как в других странах. Сельские дворяне и городские буржуа в течение трех столетий вместе заседали в парламенте под именем английских общин. Но в течение последнего века произошли большие изменения в соотношении сил различных классов общества, не сопровождавшиеся соответствующими изменениями в политическом устройстве. Таким образом, расхождение между социальным устройством и политическим, по мнению Гизо, является причиной революции²³.

Гизо отмечает, что буржуазия, сельское дворянство, фермеры и мелкие землевладельцы, очень многочисленные в Англии XVI — начала XVII в., не имели на ход общественных дел того влияния, которое соответствовало бы важности их общественной роли. Они выросли, но не возвысились. Отсюда в этом слое, равно как и в других слоях, лежавших ниже его, появилось стремление к сопротивлению старым, феодальным порядкам, к установлению политической свободы, к ликвидации феодальных привилегий, к ограничению королевского абсолютизма. Таким образом, с точки зрения Гизо, причиной английской революции явился рост благосостояния буржуазии, которому не соответствовало увеличение ее политического влияния.

Впрочем, занятия Гизо английской революцией направлялись интересом не столько к вопросу о борьбе классов, сколько к вопросу о конституционном порядке в Англии. Гизо прекрасно понимает значение социального строя как основы строя политического, но все же его основной интерес лежит в области политической. Этот политический вопрос — вопрос о борьбе между монархией и парламентским представительным строем — основная конституционная проблема для буржуазного историка времени реставрации.

Поэтому Гизо особенно занимает проблема истории представительных учреждений, которой, как мы видели, посвящен ряд его произведений. В то же время он стремится установить аналогию между английской и французской историей. Для него важно это прежде всего потому, что ему надо доказать, что и во Франции представительные уч-

²³ См. F. Guizot. Histoire de la révolution d'Angleterre, vol. I, pp. 9—13.

реждения так же естественны и законны, как и в Англии. Кроме того, он стремится подчеркнуть обстоятельство, которое игнорировалось и замазывалось английскими историками,— значение и роль английской революции в общей истории Англии. Английские историки были склонны смотреть на нее как на случайный эпизод, не сыгравший особой роли в истории английского развития, как на печальный случай, о котором лучше не вспоминать. Подчеркивая роль английской революции, Гизо хотел этим показать, что и французская революция не была чем-то исключительным в Европе, как считали многие реакционные историки и политики во Франции эпохи реставрации. Утверждение Гизо о том, что страна прочно утвердившегося конституционного порядка — Англия — также прошла в свое время через революцию, должно было разрушить представление о какой-то исключительности истории Франции.

Любопытно, что Гизо все время подчеркивает «консервативный» характер английской революции. С его точки зрения, не парламент, не народ нарушил установившийся порядок в Англии, а король. Король пошел по пути новшества, король стал вводить абсолютистские порядки, тогда как парламент отстаивал порядки, исконные для Англии. В этом отношении, по мнению Гизо, английская революция выражала те традиции, которым издавна следовали различные общественные слои — и дворянство, и духовенство, и королевская власть. Дворянство — английские бароны и рыцари — издавна сопротивлялось какому бы то ни было обложению налогами без их согласия. С другой стороны, духовенство и королевская власть, по мнению Гизо, всегда боролись за равенство, против феодальных привилегий: охраняли горожан и крестьян от притеснений феодалов²⁴. Революция произошла именно оттого, что дворянство, духовенство и королевская власть забыли свое прежнее призвание и стали служить своекорыстным интересам. Тогда «народ» выступил за свои права.

Основной проблемой для Гизо в английской революции является борьба за представительное правление, против абсолютизма, т. е. та проблема, которая стояла перед французской буржуазией в эпоху реставрации. В той исторической обстановке, в которой Гизо писал, например, о Карле I, легко можно было подставить другое имя — вместо Карла I английского Карла X французского.

После революции 1848 г. и крушения его карьеры Гизо значительно растерял свои прежние симпатии к английской революции. Он уже склонен был осуждать ее крайности и всё свое сочувствие отдавал теперь — подобно тому, как в Англии мы видим это у виггов, у Бёрка, — не первой английской революции (1640—1660), а второй — так называемой «славной», бескровной революции 1688 г.

Для новых взглядов Гизо характерна вышедшая в 1850 г. брошюра «Почему удалась английская революция?».

Эту брошюру Гизо начинает словами: «Да, английская революция удалась дважды. Ее творцы основали в Англии конституционную монархию»²⁵. Далее он замечает, что ее победа этим не ограничилась. Основание республики в Соединенных Штатах есть тоже отголосок анг-

²⁴ Это утверждение Гизо, конечно, совершенно неверно. Оно исходит из идеализированного представления о королевской власти как силе, которая стоит выше классовых противоречий и защищает «слабых» от притеснений «сильных», во имя всеобщего мира и порядка. Такой взгляд на роль феодального государства широко распространен и в современной буржуазной историографии. (Прим. ред.)

²⁵ F. Guizot. Pourquoi la Révolution d'Angleterre a-t-elle réussi? p. 1.

лийской революции. Но главный вопрос, вызванный текущим моментом, который здесь занимает Гизо,— это почему во Франции не удержалась конституционная монархия и обанкротилась июльская монархия, в которой, казалось, воплотились все идеалы представительного правления Гизо, тогда как в Англии это представительное правление твердо укоренилось еще в XVII в.

К. Маркс посвятил разбору этой брошюры рецензию, помещенную в журнале «Новая рейнская газета» № 2 за 1850 г. В этой рецензии К. Маркс пишет: «Из этого памфлета видно, что даже самые умные люди *ancien régime*, даже те, кому ни в коем случае нельзя отказать в своего рода таланте историка, до того сбиты с толку роковыми февральскими событиями, что утратили всякое понимание истории, даже понимание своих собственных прошлых поступков. Вместо того, чтобы понять на основании опыта февральской революции радикальное отличие исторических условий и расстановки общественных классов во французской монархии 1830 г. и в английской монархии 1688 г., г-н Гизо несколькими морализирующими фразами сводит на нет все различие между ними и клянется в заключение, что обанкротившаяся 24-го февраля политика «сохраняет государства и одна способна покончить с революциями»²⁶.

Эта брошюра Гизо, написанная под впечатлением страхов, вызванных революцией 1848 г., по своему идейному содержанию гораздо ниже того, что он писал раньше об английской революции. Гизо в ней не интересуется социальной и экономической базой английской конституционной монархии, для него теперь имеет значение, как говорит Маркс, только «политическая фразеология»²⁷. Пытаясь объяснить, почему английская революция оказалась удачнее французской, Гизо выдвигает две причины. Во-первых, английская революция была насковзь религиозна, следовательно, она не порвала полностью со всеми традициями прошлого, как французская революция. Во-вторых, она была консервативна, ибо с самого начала выступила не в качестве разрушительницы, а в качестве охранительницы парламентского режима, защищая его и старые законы от покушений короля. Согласно Гизо, суть английской революции заключается в том, что вначале и король, и парламент преступили установленные для них традицией границы власти, пока, наконец, в революции 1688 г. обе эти силы не нашли правильного равновесия и не смогли нейтрализовать друг друга. Главный результат английской революции, по Гизо, заключается в том, что король был лишен возможности править помимо воли палаты общин. Классовый анализ в этом памфлете совершенно исчезает. В изображении борьбы Карла I с парламентом Гизо выдвигает исключительно политический момент. «Крайности» революции Гизо осуждает и склонен объяснять их злой волей «смутьянов» и «фанатиков», которые не могли удовлетвориться умеренной свободой. Республика, по его мнению,— это дело рук нескольких честолюбцев, фанатиков и злодеев. Так же мало может объяснить Гизо и социальную подпочву падения реставрированной монархии в 1688 г. По словам К. Маркса: «...так как г-н Гизо повсюду опускает важнейшие моменты, то он ничего не может дать, кроме крайне неудовлетворительного и банального повествования о чисто политической стороне событий»²⁸.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 218.

²⁷ Там же, стр. 223.

²⁸ Там же, стр. 222.

Вместе с установлением парламентской конституции для Гизо прекращается вся английская история. Как пишет Маркс: «Все дальнейшее ограничивается для него приятной игрой в качели между тори и вигами...»²⁹, т. е. словесной игрой. В действительности же, как говорит Маркс, именно с момента установления парламентской конституции в Англии происходят огромнейшие сдвиги, которые совершенно меняют всё социальное лицо английского общества, совершенно перевертывают весь общественный строй Англии. Там, где Гизо видит лишь тихий покой и идиллический мир, в действительности развиваются самые острые конфликты. Там, где Гизо не умеет разрубить узел английского развития политической фразой, он прибегает к религиозной фразе, к вмешательству божества. «От своей совести, — говорит Маркс, — Гизо спасается при помощи бога, от непосвященной публики — при помощи стилия»³⁰.

Таким образом, громко провозгласив приоритет социальной истории над политической, Гизо не сумел провести это положение на практике. Его огромный политический опыт должен был как будто еще больше раскрыть ему глаза на движущие пружины политической истории, но на деле оказалось не так. Подавленный революцией 1848 г., Гизо, как и Тьерри, потерял реальное понимание и социальной, и политической истории.

Возникает вопрос, было ли у Гизо в действительности даже в более ранний период его деятельности правильное понимание соотношения между политической и социальной историей в целом, подлинное понимание сущности классовой борьбы или он высказывал лишь отдельные общие принципы, не умея их связать воедино и применить к конкретным исследованиям. Если взять любое из произведений Гизо, то нетрудно увидеть, что эти общие заявления относительно приоритета социальной истории и значения борьбы классов возникли у него как вывод из всего опыта предшествующей истории французской буржуазии, особенно из опыта французской революции. Но Гизо не способен применить их к истории человечества в целом или даже к истории Франции в целом, и они в значительной степени остаются у него висящими в воздухе. Все его конкретно-исторические построения сводятся в конце концов к борьбе между отвлеченными политическими принципами, к каким-то, как говорит Маркс, своего рода словесным турнирам между отдельными политическими доктринами³¹.

В этом отношении большой интерес представляют наиболее известные работы Гизо «История цивилизации во Франции» и «История цивилизации в Европе». Здесь он дал смелый набросок общей картины развития европейской цивилизации в средние века. Но если мы взглянем в этот набросок, то увидим, что по существу он стоит значительно ниже тех высказываний Гизо о решающей роли социальной истории, которые приводились выше. Гизо был большим эрудитом в области истории Франции, но он гораздо меньше знал историю остальной Европы. Если мы возьмем его «Историю цивилизации в Европе», то она нас удивит чрезвычайной скудостью фактов и необычайным обилием подчас утомительных рассуждений. Вообще это произведение перегружено академическими тяжеловесными тирадами, бесконечными общими местами, выводами, часто довольно банальными, иногда сомнительными, но всегда риторическими и патетическими. И здесь Гизо в тех случаях, когда у него не хватает мыслей, хватается за стиль.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 222.

³⁰ Там же, стр. 223.

³¹ См. там же, стр. 222.

Как рисует себе Гизо ход и развитие цивилизации в Европе?

Казалось бы, после всех его вышеприведенных высказываний он должен был дать в этой работе анализ социального строя средневековой Европы и его развития, хотя бы даже в тех буржуазно-ограниченных рамках, которые были доступны Гизо. Но этого-то мы как раз в ней и не находим, несмотря на то, что эта работа была написана в конце 20-х годов, т. е. в лучшую пору творчества Гизо.

Гизо начинает с того, что констатирует наличие помимо цивилизации отдельных стран общеевропейской цивилизации. Цивилизация отдельных государств Европы, по его мнению, обнаруживает известное единство, которое обуславливается однородными фактами истории европейских народов, находится в связи с одними и теми же основными началами и выражается в том, что история этих народов ведет к одним и тем же результатам. Элементы развития этой общеевропейской цивилизации надо искать то во Франции, то в Англии, то в Германии, то в Италии и Испании. Из этого перечисления очевидно, что история цивилизации в Европе ограничивается для Гизо лишь определенным кругом стран. При этом Франция, по его мнению, была всегда центром, фокусом всей европейской цивилизации.

Основным содержанием понятия цивилизации, ее основной идеей, по мнению Гизо, является прогресс, который заключается в развитии гражданской жизни и человеческих отношений, с одной стороны, и в развитии личной деятельности — с другой. Таким образом, по Гизо, две основные стороны развития цивилизации — развитие общества и развитие человека. Обе эти стороны тесно связаны одна с другой, хотя и не всегда полностью совпадают.

Гизо отмечает характерную особенность европейской цивилизации в отличие от древних цивилизаций. Древние цивилизации, по его мнению, всегда представляли собой господство какого-нибудь одного принципа, например теократии, касты, или, наоборот, демократии, потому что устройство древних обществ отличалось чрезвычайной простотой. Но для истории Западной Европы начиная со средневековья характерна бурная борьба противоположных принципов. Поэтому история средних веков менее цельна, чем история древних обществ, она труднее для изучения, но зато она разностороннее, и в ней заложено более прогрессивное начало. Результатом непрерывной борьбы противоположных начал в истории европейской цивилизации является прогресс, в частности прогресс свободы. На этом основании Гизо считает европейскую цивилизацию выше всех прочих. «Европейская цивилизация, — говорит он, — приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения»³². Всё это, как видите, громкие фразы, но за ними скрывается основная мысль Гизо, его стремление показать, что строй, соответствующий вечной истине и предначертаниям провидения, — это тот строй, в котором взаимно уравниваются разные принципы, тот строй, который, как утверждал еще Монтескье, покоится на разделении власти и в котором в форме конституционной монархии достигается примирение противоположных — демократического и абсолютистского — принципов.

Вот та весьма несложная характеристика цивилизации, которую дает Гизо. С этой точки зрения он и рассматривает историю европейской цивилизации начиная с падения Западной Римской империи.

Римская империя, по его мнению, оставила средневековью прежде

³² Ф. Гизо. История цивилизации в Европе. СПб., 1892, стр. 25.

всего муниципальное устройство, города, затем идею империи и императорской власти как власти абсолютной. Уже в этом наследии было заложено одно противоречие между идеей абсолютной власти, с одной стороны, и идеей муниципальной свободы — с другой. Это были два противоречивых принципа, завещанных Римской империей средним векам.

Кроме того, еще в недрах Римской империи возникло новое общество — христианская церковь — как сильная иерархическая организация. Эта церковь сопротивлялась распаду империи, подчинила своему влиянию варваров, стала связующим звеном между Римом и средними веками. Она одна обладала нравственной силой в эпоху господства грубой материальной силы, что составляло еще одно противоречие европейской цивилизации в средние века. Таково было наследство Рима. Но свою лепту в его развитие внесли и варвары. Гизо полагает, что кроме аланов, которых он ошибочно считает славянами, все остальные варвары, разрушившие империю, были германцами. Главный принцип, который господствовал в обществе варваров-германцев, — это стремление к личной свободе. Этот принцип, по его словам, имел не только положительное, но отчасти и отрицательное значение, ибо был связан с отсутствием дисциплины, с отвращением к труду, со зверскими инстинктами. Но в то же время стремление к свободе, согласно Гизо, — благороднейшее чувство. «Это, — по его словам, — удовольствие сознавать себя человеком, это — чувство личности, самостоятельности человеческой в свободном ее развитии»³³.

Это — то новое, что было внесено в европейскую цивилизацию варварами, что было неизвестно ни Риму, ни христианству.

Другой вклад варваров — это система военного патроната и васалитета, иерархическая, аристократическая организация, не нарушавшая начала личной свободы и постепенно превратившаяся в феодальную организацию. В основе ее, по мнению Гизо, лежала личная преданность человеку, ранним выражением которой была тацитовская дружина.

Все эти противоположные принципы, завещанные Римом и принесенные варварами, дают себя знать в первую пору средневековья, которая является временем бурного столкновения всех этих элементов.

Не останавливаясь подробно на дальнейшем изложении этой работы Гизо, проследим основной ход его мыслей. Он отмечает, что из этого бурного столкновения различных принципов возникает совершенно новый строй общества. Этому способствовали, во-первых, материальные причины — длительные переселения народов, которые не останавливаются, по мнению Гизо, до IX в.; во-вторых, нравственные причины — господство индивидуального начала, эгоизма и необузданности. Столкновение принципов усиливается этими материальными и нравственными причинами. Но в то же время в этих столкновениях заложены элементы прогресса. Сами варвары инстинктивно стремились к иной жизни, к иному назначению. По словам Гизо:

«Среди беспорядка варвара преследует и мучит неодолимое влечение к порядку и прогрессу»³⁴. В этом направлении действовали и уцелевшие остатки римской цивилизации, христианская церковь и, наконец, еще один фактор, который, по Гизо, является величайшим движущим моментом прогресса, — деятельность великих людей.

³³ Ф. Гизо. История цивилизации в Европе, стр. 38.

³⁴ Там же, стр. 52.

Все эти причины, вместе взятые, выводят европейское общество из состояния варварства. В частности, в истории Франкского государства Гизо считает определяющим моментом в этом смысле появление Карла Великого.

За этим варварским этапом развития европейской цивилизации следует феодализм. Рассматривая феодальную систему со стороны ее влияния на цивилизацию, Гизо считает, что феодализм, хотя он стал господствующим и получил повсеместное распространение в Европе, не уничтожил тех противоположных тенденций, которые наметились в более ранний период: теократической — в политике церкви, монархической — в лице королевской власти, демократической — в лице общин. Эти тенденции — теократическая, монархическая и демократическая — продолжают борьбу в европейском обществе и в эпоху феодализма.

Но, по мнению Гизо, феодальное общество отличалось крайней неустойчивостью, в нем не было никаких правовых гарантий. Хотя в феодальном обществе существовали договорные отношения между сеньорами и вассалами и известные отношения, как говорит Гизо, взаимной основанной на привычке привязанности между господами и их крепостными, но никаких гарантий, устраняющих произвол, не было. Такой гарантией могла бы быть либо сильная, централизованная власть, абсолютизм, либо же свобода. Ни того, ни другого в феодальных обществах не было, и поэтому они отличаются крайней неустойчивостью.

Поэтому, хотя феодализм, по мнению Гизо, дал много положительного — содействовал развитию великодушия, преданности, рыцарства и его литературы, — но он противился установлению твердого общественного строя, поэтому против него боролись и королевская власть, и «народ».

Гизо презрительно говорит о попытках реакционной историографии идеализировать феодализм. По его мнению, тот феодализм, о котором так умиленно говорят историки, — это утопия, которой никогда не существовало.

Уже в эпоху феодализма начинают вырисовываться черты нового общества, которое должно прийти ему на смену. Здесь громадную роль Гизо отводит освобождению городских общин, которые в XI—XII вв. начали бороться с феодалами за свою свободу. Гизо, как и Тьерри, с гордостью подчеркивает происхождение современной ему буржуазии от горожан этих городских общин XII в.

Гизо считает, что городские движения начались, вероятно, с VIII—IX вв., но об этих ранних движениях не сохранилось никаких сведений, потому что они были неудачны. Однако они подготовили то, что он называет великим восстанием XI в.

Последствием освобождения городов было рождение нового сословия — буржуазии и начало той борьбы между сословиями, которая наполняет всю последующую историю. Из этой борьбы и родилась новая Европа. С точки зрения Гизо, освобождение городов явилось самым плодотворным, самым энергичным началом развития европейской цивилизации. В борьбе и ненависти развивался общий дух, создавалась нация, создавался французский народ.

Однако Гизо отмечает, что в городах имелись различные группы, отслаивалось высшее сословие, высшая буржуазия, которая и является носителем принципов третьего сословия, и низшие слои, которые были подвержены всем заблуждениям и недостаткам черни, являлись носителями слепого, дикого, необузданного демократического духа. (Все это

писалось в конце 20-х годов, задолго до 1848 г.). Первый большой период истории европейской цивилизации Гизо заканчивает XII в.

Второй период сравнительно короткий — от XII до XV в. Он открывается крестовыми походами. Это время в целом характеризуется возвышением королевской власти, но в то же время это период необычайно жестокой борьбы противоположных принципов, из которых ни один не может добиться полной победы. Время между XII и XV вв. Гизо рисует, скорее, отрицательными чертами. Несмотря на отдельные достижения человеческого духа, это период безрезультатного кипения.

Наконец, последний период начинается с XVI в. Он открывается реформацией, в которой Гизо видит порыв свободы человеческого духа, великую попытку освобождения человеческой мысли. Сама реформация, по его мнению, была вызвана тем, что человеческий дух в результате накопившихся ранее приобретений требует свободы, а церковный авторитет в это время впадает в состояние инерции. Реформацию Гизо называет религиозной революцией — объяснение, в котором отсутствуют какие-либо социальные моменты.

Далее крупнейшим фактором, освобождающим человечество, Гизо считает английскую революцию, которой он посвящает целый раздел и в «Истории цивилизации в Европе». Уже в этой ранней работе он особенно подчеркивает значение событий 1688 г., в которых он видит осуществление главных политических целей революции, установление политической свободы, под которой он понимает известное равновесие между королевской властью и представительными учреждениями.

Гизо считает, что Англия не представляла исключения среди государств Европы, что ее развитие шло по той же линии, что и развитие других стран, но он в то же время подчеркивает, что особенности европейской цивилизации сказались исключительно четко именно в Англии. Именно в этой стране существование различных элементов и борьба между ними, которая ведет к прогрессу, выступает, по мнению Гизо, всего ярче. Поэтому в Англии раньше, чем в других странах, устанавливается общество одновременно и благоустроенное, и свободное.

Переходя к истории Франции, Гизо отмечает, что в XVII и XVIII вв. Франция была главной носительницей цивилизации в Европе по силе того влияния, которое она оказывала на все страны. Здесь проявилось влияние двух противоположных принципов, которые во Франции выступают последовательно. В XVII в. — принцип абсолютной монархии в лице монархии Людовика XIV, которую Гизо ставит очень высоко. Он говорит, что правление Людовика XIV «в первый раз представило Европе зрелище правительства, уверенного в себе, свободного от всяких внутренних врагов, спокойно обладающего своей территорией, своим народом, исключительно преданного правительственным трудам и работам»³⁵.

Но это правительство, по мнению Гизо, было односторонним в том смысле, что оно представляло только один принцип — принцип абсолютной монархической власти, и поэтому оно в конце концов пришло к упадку. Это в полной мере проявилось в XVIII в., который Гизо рассматривает как время упадка монархической власти во Франции. На смену ему выдвигается в это время другой принцип, который оказывает громаднейшее влияние на всю европейскую цивилизацию в целом, — это принцип свободного исследования, высокого порыва человеческого духа.

³⁵ Ф. Гизо. История цивилизации в Европе, стр. 256.

«Всем известно, что отличительной чертой, господствующим фактом XVIII в. служит свободное исследование, высокий порыв человеческого духа»³⁶. — говорит Гизо. Но этот принцип, который выразился ярче всего во французском Просвещении, отличался крайней непрактичностью, чистой созерцательностью, не находил себе применения в реальной жизни. Поэтому все философские и политические идеи того времени отвлеченны, беспредметны и чрезмерно смелы.

Стремление к свободному исследованию сталкивается с принципом абсолютной монархии, уже упадочной, идушей под уклон. Но сила, пришедшая на смену одностороннему принципу абсолютной монархии, страдает такой же односторонностью и такой же крайностью, как и сама абсолютная монархия. Это в конце концов и привело страну к губительным результатам. К торжеству разума присоединилась значительная доля заблуждений, а также тирания, в которую человеческий дух был повергнут вследствие упоения беспредельностью приобретенной им власти. Картины французской революции, изображавшей пагубные, по его мнению, последствия, к которым привело Францию это заблуждение человеческого духа, Гизо заканчивает свою «Историю цивилизации в Европе».

В заключение он рисует свой политический идеал, который заключается в развитии и совместном сосуществовании всех элементов и принципов европейской цивилизации.

Таким образом, по этой работе Гизо, в которой наиболее полно изложены его общие взгляды на историческое развитие средневековой и новой Европы, не трудно увидеть, как он далек от тех элементов материалистического понимания исторического развития, которые как будто бы имеются в некоторых отдельных его высказываниях. Все здесь сводится даже не просто к политической истории, но к борьбе отдельных, совершенно отвлеченных, чисто политических принципов, к чистому доктринерству, если можно так выразиться.

В заключение обзора творчества Гизо нужно хотя бы кратко остановиться на том определении феодализма, которое он дал в своей «Истории цивилизации во Франции». Это определение прочно утвердилось в последующей буржуазной литературе, которая не смогла его заменить лучшим. Наоборот, по сравнению с Гизо мы видим в современной буржуазной историографии даже известный регресс в этом вопросе.

Гизо отмечает три наиболее существенных, с его точки зрения, признака феодализма. Первый — социальный — условный характер земельной собственности, который Гизо выдвигает на первый план, тогда как теперь многие буржуазные исследователи не считают его существенным. Два других признака — политические. Это, во-первых, слияние верховной власти с земельной собственностью, благодаря которому политическая власть находилась в руках феодалов, и, во-вторых, установление иерархии в среде феодальных землевладельцев³⁷.

Эти отмеченные Гизо характерные черты феодализма³⁸, хотя и не дают полного, сведенного к единству определения его как социальной

³⁶ Ф. Гизо. История цивилизации в Европе, стр. 258.

³⁷ Ф. Гизо. История цивилизации во Франции, т. 2, стр. 20.

³⁸ Гизо в этом определении феодализма игнорирует основную специфику отношений собственности при феодализме — ее сосредоточение в руках феодалов и отсутствие собственности земли у крестьян. В силу этого он не видит эксплуататорской основы феодального строя или во всяком случае не считает это существенным. Его определение страдает неполнотой и односторонностью в силу того, что оно касается в основном только социально-политических отношений внутри класса феодалов, хотя сами по себе эти отношения охарактеризованы Гизо в общем правильно. (Прим. ред.)

системы, все же верно намечают некоторые важные особенности социальной и политической организации феодального строя³⁹.

Круг исторических и политических идей, которые развивали Тьерри и Гизо, был характерен и для ряда других буржуазных историков первой половины XIX в. во Франции, в частности для Минье.

Имя Франсуа-Огюста Минье (1796—1884) известно главным образом в связи с его «Историей французской революции» (1824)⁴⁰. Это — популярная и очень ясно изложенная история французской революции, которая иногда рекомендуется еще и теперь как пособие при изучении этого времени. Однако значительная часть работ Минье посвящена истории средних веков.

Первая и наиболее интересная его работа в этой области была написана на премию, предложенную «Академией надписей и изящных искусств» на тему об учреждениях Людовика IX и об их влиянии на историю Франции. В окончательном виде эта работа получила название «О феодализме, об учреждениях Людовика Святого и о влиянии законодательства этого государя»⁴¹. Она была премирована роялистски настроенной Академией, несмотря на ее буржуазную тенденцию. Впрочем, Минье выразил эту тенденцию в достаточной степени осторожно, чтобы не шокировать роялистских чувств Академии. Наоборот, он старался польстить этим чувствам, всячески приукрасив Людовика Святого.

Подобно Гизо, Минье в этой работе интересуется более всего проблемой происхождения представительных учреждений и подчеркивает, что эти учреждения были присущи всем странам средневековой Европы. Разница лишь в том, что в некоторых странах развитие этих представительных учреждений остановилось раньше, в других оно пошло дальше. Общими для всех стран учреждениями являются, по мнению Минье, также суды присяжных, но в ряде случаев они были вытеснены монархическими учреждениями и сохранились только в Англии, откуда в новое время распространяются по всей Европе.

Охарактеризовав возникновение и развитие феодального строя, Минье указывает на его главные особенности. Он отмечает преимущественно отрицательные стороны этого строя, решительно расходясь в этом отношении с реакционной историографией, для которой характерна идеализация феодального средневековья. Как и Гизо, Минье указывает, что отличительной чертой феодализма была политическая неустойчивость, анархия, от которой страдали все. Королевской власти он приписывает решающую роль в борьбе с этой анархией. Но для того, чтобы вести эту борьбу, королевской власти необходимо было найти опору, создать рядом с феодальным новое общество, которое одновременно было бы и врагом, и преемником феодального строя. Надо было создать новый класс людей, способный к хорошему управлению, к ко-

³⁹ В современной буржуазной историографии широко распространено еще более одностороннее и поэтому гораздо более неправильное, чем у Гизо, чисто политическое понимание феодализма, согласно которому основной, определяющей его чертой считается наличие военно-ленной системы и феодальной иерархии внутри класса землевладельцев. Примером может служить сборник статей «Феодализм в истории» («Feudalism in history»). Ed. R. Coulborn. New Jersey, 1956), в котором большая группа американских историков единодушно рассматривает феодализм как политико-юридическую систему и пытается аргументировать этот взгляд на примере истории разных стран и народов. Подобного же взгляда на феодализм придерживается большинство медиевистов Западной Германии и многие историки в Англии и во Франции. (Прим. ред.)

⁴⁰ F. Mignet. Histoire de la révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814. Paris, 1906; Ф. Минье. История французской революции. СПб., 1906.

⁴¹ F. Mignet. De la féodalité, des institutions de St. Louis et de l'influence de la législation de ce prince. Paris, 1822. (В дальнейшем: De la féodalité.)

торому были не способны феодалы. Короли должны были поставить объединение на место разъединения, твердый порядок противопоставить анархии и ее бедствиям. Средством для этого, с точки зрения Минье, было учреждение городских коммун. Подобно Тьерри, Минье не находит слов, чтобы превознести коммуну и тех государей, которые им покровительствовали. Он пишет: «Коммуны изменили все внутренние и внешние отношения европейских обществ, коммуны освободили людей, освободили земли от феодализма, создали почти неизвестный до того времени вид собственности, движимое богатство»⁴². Он отмечает, что они создали порядок, дали начало росту народонаселения. Торговля, наука начинаются с возникновения коммун и происходят от них. От того, какую позицию заняли коммуны в борьбе между феодалами и королем, зависит весь дальнейший ход исторического развития Франции, исход борьбы между ними. Где коммуны взяли власть в свои руки, там установилась «демократия», как в Италии. Где коммуны вступили в союз с королями, но оказались слабее королевской власти, как во Франции, там сложилась абсолютная монархия. Наконец, там, где коммуны вступили в союз с феодалами для ограничения королевской власти, там установились представительные учреждения, как в Англии.

Отмечая рост коммун и все те блага, которые он принес стране, Минье, в частности, указывает на возникновение особой группы людей, специально посвятивших себя занятию науками, в частности праву, а также администрации, т. е. легистов, при дворах французских королей. Возникновение коммун и все вытекающие из этого последствия Минье называет «великой революцией», для которой он не может подобрать достаточно пышных выражений. Благодеяния этого переворота, по его мнению, сказались на всех народах и сохранились на все века. Минье говорит: «Будем же этим переворотом гордиться, мы обязаны им нашим отцам. Каковы бы ни были их мотивы, их заслуги перед человечеством велики. Пусть же человечество окажет должное уважение их именам и их памяти»⁴³.

Опираясь на коммуны, монархия повела борьбу с феодальными учреждениями. Начиная с Людовика VI каждый король чем-нибудь содействовал созданию нового строя, но решающая роль принадлежит Людовику IX Святому.

Здесь Минье дает исполненную пафоса характеристику личности Людовика IX. Он называет его величайшим правителем всех времен и народов и с этих позиций излагает всю историю его правления. Политический идеал, который рисует Минье в своей работе,— это, так же как и у Гизо, равновесие между народом и королевской властью. Когда королевская власть чрезмерно усилилась при Людовике XIV, то это в дальнейшем привело к революции. Во время революции чрезмерно усилился народ. Победившая сторона позволила себе всё и лишила побежденную сторону всего. В начале XIX в., как думает Минье, установилось известное равновесие. Правда, это равновесие еще далеко от идеала, но оно может еще развиваться в сторону усовершенствования.

Таким образом, Минье ставит перед правительством реставрации определенную программу: дальнейшее развитие и усиление роли представительных учреждений. Как мы знаем, правительство реставрации не пошло по этому пути.

У Минье есть ряд других работ, посвященных истории средних веков. Он читал лекции о Лиге и протестантизме во Франции, об англий-

⁴² F. A. Mignet. De la féodalité, p. 82.

⁴³ Ibid., p. 93.

ской революции и реставрации Стюартов, он написал ряд исследований по истории реформации, отдельные труды о Карле V, о Марии Стюарт⁴⁴, но наибольшей известностью, как уже отмечалось, пользуется его книга о французской революции.

Уже в этой работе виден интерес к проблемам революции. В противоположность идеологам реакции Минье думает, что революция была неизбежна и неотвратима. Она была законным историческим явлением, но так же неизбежны были и ее эксцессы, хотя цели ее в основном были благие. Но каковы бы ни были крайности революции, с точки зрения Минье, все же цель ее достигнута — разрушен старый строй, основанный на несправедливости, и введен новый, более справедливый строй, каким он считает новое, буржуазное общество. При этом Минье, рисуя революцию, проводит, как и Гизо, известную грань внутри самого третьего сословия. Он отличает в нем, противопоставляя их даже друг другу, — средний класс — *la classe moyenne* — и толпу — *multitude*, считая, что принципом среднего класса является свобода, а принципом толпы — равенство. Все симпатии Минье на стороне среднего класса. Поэтому он восторгается конституцией 1791 г., а также конституцией Директории, которая, как он считает, возвратила перевес среднему классу, утраченный в эпоху якобинской диктатуры. Особенное его восхищение вызывает цензовая система.

Таким образом, у Минье определенно выражена идеология тех групп буржуазии, которые находились в оппозиции во время реставрации и стали у власти после 1830 г. Но в отличие от Гизо Минье всегда оставался только ученым, не принимая участия в политической борьбе и в управлении страной.

Нельзя пройти мимо еще одного историка, который по своим политическим воззрениям примыкал к буржуазно-либеральной школе первой половины XIX в., — Клода Фориэля (1772—1844). Это — очень интересный во многих отношениях историк, обладавший глубочайшими и разнообразнейшими знаниями, один из зачинателей романтической историографии во Франции, интересовавшийся литературой, и особенно народным творчеством, которым так увлекались все романтики, прославлявшие его непосредственность и красоту. Ему принадлежат переводы ряда народных поэтов — датских и греческих. Но, обладая исключительной работоспособностью и огромными знаниями, Фориэль дал науке очень немного. Он охотно делился своими мыслями и записями с другими учеными, и многие историки использовали в своих работах его материалы, но сам он написал чрезвычайно мало.

Он, как говорил его друг Гизо, отличался болезненным стремлением к недостижимому совершенству. Поэтому большая часть его работ осталась незаконченной.

Гизо почти насильно заставил его принять кафедру истории литературы в Сорбонне. Его блестящие, полные интереса лекции были записаны и изданы лишь после его смерти. Благодаря этому мы имеем возможность с ними ознакомиться.

Из его работ надо отметить «Историю Южной Галлии под господством германских завоевателей»⁴⁵, которая вышла в 1836 г. в четырех

⁴⁴ F. A. Mignet. Introduction a l'histoire de la succession d'Espagne. Paris, 1834; F. A. Mignet. Antonio Peretz et Philippe II. Paris, 1854; F. A. Mignet. Histoire de Marie Stuart. Paris, 1851; F. A. Mignet. Charles Quint, son abdication et sa mort. Paris, 1854.

⁴⁵ Ch. Fauriel. Histoire de la Gaule méridionale sous la domination de conquérants Germains. Paris, 1836.

томах. Это главное произведение Фориэля, серьезное исследование, не утратившее вполне своего значения и до наших дней. Он изображает борьбу римской цивилизации в Южной Галлии против германских завоевателей. В этой работе Фориэль в основном стоит на позициях защитника третьего сословия, в частности, в духе Тьерри идеализирует культурных галло-римлян в противоположность грубым германским завоевателям.

В связи с изучением Фориэлем Южной Франции надо отметить его «Историю провансальской поэзии»⁴⁶, вышедшую в 1846 г. в трех томах. уже после его смерти. Затем интересно его исследование о Данте и происхождении итальянской литературы, тоже выпущенное его учениками уже после его смерти. Ими также был издан интересный памятник по истории альбигойских войн с введением, очень важный для истории французского Юга⁴⁷.

На этом мы закончим рассмотрение тех историков первой половины XIX в. во Франции, у которых наиболее ярко выражено чисто буржуазное мировоззрение. Все они выступают как идеологи той части французской буржуазии, которая во время реставрации Бурбонов была отодвинута от власти, находилась в оппозиции, а затем, после революции 1830 г., снова пришла к власти. Это — верхи промышленной и банковской буржуазии в первую очередь. Мы видели, что в истории средних веков Тьерри, Гизо и Минье искали подтверждение тех политических теорий и программ, которые последовательно выставляли эти буржуазные круги, — сначала оппозиционной программы, поэтому носившей более либеральный характер, затем, после 1830 г., более консервативной и, наконец, после революции 1848 г. — явно реакционной программы.

Все эти историки имеют определенное представление о борьбе классов, но представление буржуазно-ограниченное. Они не в состоянии ясно представить себе ни происхождения классов, ни дальнейшего развития классовой борьбы в современной им Европе. Борьба классов в их представлении должна завершиться победой буржуазии, которую некоторые из них, как Тьерри, отождествляют с народом. Даже Гизо, который понимал, что интересы буржуазии и пролетариата могут резко расходиться и призывал к беспощадному подавлению пролетариата, тоже считает выступления рабочих нарушением нормального, естественного порядка.

При всем том даже это буржуазно-ограниченное понимание классовой борьбы все же давало возможность названным исследователям глубже заглянуть в тайны исторического процесса, чем это могли сделать представители исторической мысли более раннего периода.

⁴⁶ Ch. Fauriel. Histoire de la poésie provençale. Paris, 1846.

⁴⁷ См. Ch. Fauriel. Histoire de la croisade contre les hérétiques albigeois. Paris, 1837.

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. Ж. МИШЛЕ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО РАДИКАЛИЗМА В МЕДИЕВИСТИКЕ. КОНСЕРВАТИВНО-ДВОРЯНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Необходимо остановиться на характеристике еще одного очень крупного французского историка первой половины XIX в., который не принадлежал к школе Тьерри и Гизо, выражавшей идеологию крупной буржуазии, но был связан с интересами и настроениями радикальной мелкой буржуазии и крестьянства. Это очень интересный и своеобразный автор, взгляды которого очень трудно точно излагать. Я имею в виду Жюль Мишле (1798—1874). Он сам называл себя потомком крестьян, но его отец принадлежал, скорее, к городской мелкой буржуазии. При Наполеоне он был типографом, затем разорился, в связи с теми мерами, которые применялись Наполеоном против печати. Жюль Мишле уже в детстве узнал бедность. С большим трудом разорившиеся родители смогли дать ему среднее образование, и у него на всю жизнь сохранились воспоминания о страданиях и унижениях, которые ему, как бедняку, пришлось пережить в школе.

Все же Мишле удалось получить высшее образование и заняться преподаванием истории. Вскоре он зарекомендовал себя рядом трудов по истории: сначала составил хронологические и синхронистические таблицы, затем написал общий очерк новейшей истории. Уже в эту раннюю пору своей деятельности Мишле интересовался не только внешней стороной истории, но стремился дать ее философское истолкование. В частности, в 1820 г. он сделал перевод «Новой науки» Вико и дал к ней свои комментарии. В 1827 г. он получил место профессора в Парижской высшей нормальной школе (*Ecole Normale Supérieure*)¹.

¹ Это во многих отношениях интересное высшее учебное заведение. Оно было основано Конвентом, затем преобразовано Наполеоном, во время реставрации преследовалось и было закрыто, а затем было восстановлено под другим названием. Только после революции 1830 г. оно опять получило прежнее название Высшей нормальной школы. Это учебное заведение всегда было своего рода опорой либерализма и антиклерикализма в сфере высшего преподавания во Франции. Мишле оказался здесь как нельзя более на месте. (*Прим. автора.*)

Революция 1830 г. произвела на Мишле огромное впечатление. Под ее влиянием в 1831 г. он написал свое «Введение во всеобщую историю»². В этой книге он пробовал нарисовать широкими мазками развитие человечества в целом. В ней заметно влияние Гегеля, однако исторические идеи немецкого философа выступают у Мишле в модифицированном виде, освобожденном от метафизичности.

Основная идея Мишле состоит в том, что вся история есть борьба человека с природой, в которой выражается борьба духа с материей, свободы — с необходимостью. В то же время история есть постепенное движение человека к свободе. Мишле рассматривает отдельные этапы этого пути. В Древней Индии, по его мнению, человек был совершенно подчинен всемогуществу природы, что отразилось на индийской религии. История других восточных обществ — Персии, Египта, Иудеи — представляет дальнейшие этапы постепенного освобождения человека. Важнейшим этапом на этом пути была история Греции с ее чудесным расцветом, сложностью развития, которая, по мнению Мишле, является одним из важнейших признаков высших организмов. Дальнейшим шагом к свободе является история Рима, который рос, как говорит Мишле, с правильностью живого организма, ассимилируя себе весь мир. Но Рим страдал неизлечимой болезнью — варварством, которое разъедало его организм и, наконец, убило его. Варвары, христиане и рабы выступили против этого ложного единства и разрушили его.

Новым этапом в развитии свободы является, по мнению Мишле, христианство, о котором он говорил в восторженном тоне. Однако к христианству у Мишле было довольно сложное отношение. В эту первую пору своей деятельности он, несмотря на свой антиклерикализм и отвращение к католицизму в том виде, в каком оно существовало в его время, положительно оценивал роль христианства в прошлом. В средние века, в эпоху господства церкви, с точки зрения Мишле, осуществлялся принцип духовной власти церкви, которая укрощала грубую силу. В крестовых походах он видел проявление духа, который увлекает за собой материальную силу. Мишле восхищался готикой, видя в ней выражение стремления христианства ввысь, к небу. Впоследствии он в корне изменил свой взгляд на христианство, отказавшись от такой его идеализации.

Следующим этапом в развитии свободы Мишле считал новое время. Мишле подчеркивал сложность этого развития в целом. Он считал, что народы по-разному содействуют раскрытию принципа свободы, который, по его мнению, находит раскрытие главным образом в истории четырех великих наций — Франции, Италии, Германии и Англии. Мишле дает характеристику каждому из этих народов и старается найти определяющий принцип в его истории. Например, основной чертой германской нации он считает способность к самопожертвованию, основной чертой итальянцев — силу индивидуальной личности. В черных красках он рисует англичан. Мишле, у которого сильно развито национальное чувство, из всей истории Франции вынес резкую антипатию к англичанам. Наиболее резкие и саркастические страницы посвящены у него изображению англичан. Он согласен, что у англичан есть свобода, но утверждает, что это дурная свобода, которая не связана с равенством. Англичане в его изображении — это соединение жестокости, гордости, жадности. Больше всех, по мнению Мишле, дала миру Франция, отли-

² J. M i c h e l e t. Introduction à l'histoire universelle; J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 35. Paris, 1893—1899.

чительной чертой которой является деятельный дух и в то же время дух демократический, благородный социальный инстинкт.

Заканчивает Мишле эту свою книгу гимном революции 1830 г., в которой он видит воплощение идеи свободы и равенства. По-видимому, она была написана тогда, когда на этот счет еще можно было обольщаться какими-то розовыми надеждами. Эта революция, как говорит Мишле, осуществилась без героев, она совершена одним коллективным героем — французским народом.

Мишле высказывает безграничную веру в возможность прогресса человечества, причем он уверен, что Франции суждено сыграть в нем решающую роль. При этом разрешение социальной проблемы для Мишле связано также с религиозной идеей. Прогресс человечества мыслится ему как какое-то создание новой социальной религии.

После революции 1830 г. Мишле получил возможность свободно преподавать и продолжать дальше свои занятия историей. Он был назначен одним из заведующих Национальным архивом Франции. В 1834—1835 гг. он заменил Гизо как лектор Сорбонны, где читал курс по истории Франции. Еще в 1831 г. он начал писать «Историю Франции» — дело всей его жизни. Этот труд в конце концов разросся до 24 томов. В поисках материалов для своей работы Мишле совершил целый ряд путешествий по Франции и по другим странам — Англии, Фландрии, Германии, Швейцарии, Северной Италии. В 1837 г. он выпустил очень интересную работу о происхождении французского права. Эту, казалось бы, сухую тему он сумел необычайно опозитизировать. Название работы таково: «Происхождение французского права, отысканное в символах и формах универсального права»³. Это, собственно, история правовых символов, история правовых обычаев, изложенная примерно в таком духе, как ее излагали в Германии Гриммы, которые находили в истории права, в его древнейших учреждениях огромный бытовой материал. Эта история права читается как самый занимательный роман.

Уже к этому времени во Франции начала сказываться политическая реакция, идеологи которой, конечно, отрицательно относились к Мишле и к его идеям. Поэтому его лекции в Сорбонне в 1835 г. были запрещены. Правда, в 1838 г. он получил новое назначение — на кафедру истории морали в «Collège de France»⁴.

В этом относительно независимом учреждении еще была возможность в то время высказывать либеральные идеи. Мишле смотрел на свою кафедру, как на пост, на котором он обязан проповедовать демократические взгляды. В «Collège de France» подобрался в это время очень интересный контингент преподавателей. Рядом с Мишле мы видим его друга мелкобуржуазного радикала Кинэ и знаменитого польского поэта Мицкевича, который в то время занимал кафедру славянских литератур. Все они пропагандировали в своих лекциях идею общего братства народов и классов.

Революция 1830 г. не оправдала тех надежд, которые возлагал на нее Мишле. Католики, особенно иезуиты, стремились овладеть обра-

³ J. M i c h e l e t. Origines du droit français, cherchée dans les symboles et formule du droit universel; J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 38.

⁴ Это было тоже очень своеобразное учреждение, возникшее еще в XVI в., которое являлось не столько высшим учебным заведением, дававшим последовательное систематическое образование, сколько лекторием, где перед постоянно сменяющейся публикой читались лекции на всевозможные темы: по вопросам истории, морали, литературы, языковедения, математики, по естественным наукам. (Прим. автора).

зованием. Мишле и его друг Кинэ обрушились на иезуитов. Они вместе написали в 1834 г. блестящий памфлет «Иезуиты»⁵. Это сочинение выдержало множество изданий и было переведено на все языки. Затем Мишле написал другой памфлет исторического характера «О священнике, женщине и семье»⁶ (1844), где он говорит о разлагающем влиянии на семью католического духовенства. Начавшаяся политическая реакция, весь плутократический антидемократизм июльской монархии вызывали у Мишле резкую оппозицию. Он стал в ряды республиканцев и обратился к изучению французской буржуазной революции 1789 г.

Период июльской монархии был временем начала рабочего движения во Франции, начала бурных выступлений рабочих, временем быстрого развития утолического социализма во Франции. Каково было отношение Мишле к рабочему движению? Надо сказать, что Мишле его просто не понимал и не принимал. Для Мишле «народ» — это мелкая буржуазия, это прежде всего крестьянство, мелкие земельные собственники. «Земельная собственность, все равно крупная или мелкая, — говорит он, — возвышает сердце»⁷, это коренное начало народной жизни во Франции, это сердце французского народа. Он хочет доказать исконность крестьянской собственности во Франции. По его мнению, она не была создана революцией; скорее, революция вышла из мелкой собственности. Мишле восхищается привязанностью французского крестьянина к своей земле, он выступает против общинной собственности, он затушевывает наличие какой бы то ни было дифференциации во французской деревне на том основании, что даже батрак обычно владеет во Франции хотя бы крошечным клочком земли и таким образом он тоже собственник, буржуа. Поэтому у Мишле наблюдается отрицательное отношение к социализму. Героем во французской революции для Мишле является Дантон, а в Робеспьере он видит дух нетерпимости и насилия. Он говорит о «якобинских попах», о «пуританах», которые погубили революцию.

В январе 1848 г. клерикалам удалось добиться запрещения чтения курсов Мишле в «Collège de France», а в феврале разразилась революция 1848 г. Эту революцию 1848 г. Мишле также приветствовал как исполнение своих надежд. Он радостно отмечал рост революционного движения во всех странах Европы, даже в Англии, где в то время шло на подъем чартистское движение, но его пугали выступления пролетариата, он хотел бы демократического единства нации. Он верил, что этого единства можно достигнуть путем образования.

Но вот пришли июньские дни. Мишле был ими буквально раздавлен. В своем дневнике, где он отмечает важнейшие события своей жизни, он пишет по этому поводу только одну фразу: «Excidat dies illa» («Если бы этого дня не было!»).

После революции 1848 г. быстро наступила полная реакция. В 1849 г. Мишле снова вынужден был прекратить чтение лекций в «Collège de France» и на этот раз уже окончательно. В 1852 г. он отказался присягнуть Наполеону III, был отозван со своей должности заведующего отделом архивов, остался таким образом не у дел и всецело посвятил себя литературе. В это время он увлекается целым рядом тем, которые иногда поражают своей неожиданностью. У него

⁵ J. Michelet. Les Jésuites; J. Michelet. Oeuvres complètes, vol. 32.

⁶ J. Michelet. Le Prêtre, la Femme et la Famille; J. Michelet. Oeuvres complètes, vol. 32.

⁷ J. Michelet. Le peuple. Paris, 1877, p. 4.

есть книги, посвященные птицам, насекомым, морю, горам. Это не книги по естествознанию; это, скорее, книги о природе, где он предается мистическому восхищению природой. Он затрагивает и другие вопросы — вопросы, касающиеся семейной жизни, воспитания. В это время выходят его книги «Любовь», «Женщина»⁸, «Дети»⁹ — последняя книга посвящена вопросам воспитания в духе Руссо и Песталоцци. Семья, отечество, природа — вот те идеи, которые он разрабатывает в морально-педагогических целях.

В 1864 г. была опубликована «Библия человечества»¹⁰, где Мишле на основе всех существовавших религий пытается создать своего рода идеал либеральной религии для нового человечества, идеал свободы и разума. В 1862 г. он написал и издал знаменитую книгу «Ведьма»¹¹, посвященную истории ведовских процессов средневековья. В этот же период он заканчивает свою давно начатую большую работу по истории Франции. Первые шесть томов этой работы, охватывающие период средних веков до конца правления Людовика XI, были опубликованы в 1846 г. Затем Мишле прервал свою работу по истории средневековой Франции, с тем чтобы заняться историей французской революции. Написав «Историю французской революции»¹² (1853), он вернулся к истории средневековой Франции и довел ее до 1789 г.¹³, а затем написал еще историю послереволюционной Франции, доведенную до 1815 г. Эта книга вышла уже после его смерти.

Мишле — крайне своеобразный историк. Вся его сила прежде всего в его искреннем демократизме, который, однако, носит чрезмерно экзальтированный характер. Для него характерен какой-то приподнятый стиль, который нельзя назвать риторическим, потому что риторизм всегда холоден, Мишле же напротив — всегда пылает. Там, где он не пылает, он вял и скучен. Его герой, которого он не устает превозносить, по поводу которого он радуется и над которым плачет, которого он неизменно прославляет, — это народ. Мы уже заметили, что под народом он понимает прежде всего крестьянство и мелкую буржуазию, рабочего народа он, собственно говоря, не знает. Экзальтированность у Мишле соединяется с какой-то детской непосредственностью. В своей книге «Народ» (1844) он сравнивает народ с ребенком и для характеристики его черпает какие-то черты из собственной психологии. Для «народа», по его мнению, характерно господство инстинкта, непосредственности над разумом. Доминирующим чувством Мишле является чувство жалости, сострадания к людям. В своей работе о Жанне д'Арк он задает вопрос, что подвинуло Жанну д'Арк на ее подвиги, и отвечает: «Сострадание к Франции». Эти черты придают произведениям Мишле своеобразное очарование, но в то же время делают их крайне субъективными.

У Мишле огромный литературный дар, совершенно исключительная сила лиризма и чувства. Он ненавидит манеру Гизо, для которого

⁸ J. M i c h e l e t. L'amour. La femme; J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 34; Ж. М и ш л е. Женщина. Одесса, 1863.

⁹ J. M i c h e l e t. Nos fils; J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 31.

¹⁰ J. M i c h e l e t. Bible de l'humanité; J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 36.

¹¹ J. M i c h e l e t. La sorcière. Paris, 1952; Ж. М и ш л е. Ведьма. М., 1929.

¹² J. M i c h e l e t. Histoire de la Révolution française. J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 17—23.

¹³ См. J. M i c h e l e t. Histoire de France jusqu'à Révolution; J. M i c h e l e t. Oeuvres complètes, vol. 1—16.

история представляет собой борьбу отвлеченных политических принципов. Он упрекает Гизо за то, что тот всегда ненавидел жизнь. Сам же Мишле интересуется всей полнотой жизни, борьбой не отвлеченных принципов, а борьбой живых человеческих страстей. Но такая литературная манера требует исключительных дарований, и нужно обладать бурным талантом Мишле, чтобы не впасть в мелодраматизм. Впрочем, и Мишле не всегда удерживается на должной высоте. При всем его таланте, его история — не всегда научная история. Мишле слишком много брал своим воспламененным воображением, своим темпераментом, как говорит Тэн. Правда, Мишле знал очень много источников, но он не пытался их анализировать, не пробовал подойти к ним с приемами исторической критики. Он всегда берет наиболее яркое, наиболее картинное, то, что его задевает. У него удивительная сила исторического воссоздания. Он сам говорит про себя, что там, где другому нужно 20 источников, ему достаточно одного. «Тьерри называл историю повествованием, Гизо — анализом, а я назвал ее воскрешением, и за ней останется это имя»¹⁴, — писал он.

У Мишле мы видим своеобразный мистицизм, чуждый всякой церковности, скорее, пантеистического характера. То или иное явление в исторической жизни Мишле рисует в виде каких-то почти живых существ. Я прочту несколько образцов его стиля, которые являются показательными для манеры его мышления. Вот как он пишет об эпохе Возрождения:

«Через Салерно, через Монпелье, через арабов и евреев, через их учеников — итальянцев совершилось славное воскрешение бога природы. Погребенный в течение не 3-х дней, а в течение 1000 или 1200 лет, он, однако, пробил головой свой могильный камень. Он восходил, победоносный, неизмеримый, с руками, полными плодов и цветов, — любовь, утешительница мира»¹⁵.

И это не просто риторическая фраза, Мишле именно так чувствует и ощущает Возрождение. Стремясь воплотиться в тех людей, которых он изображает, Мишле начинает иногда говорить их словами. Его повествование вдруг переходит в драму, в диалог, затем прерывается лирическими или поучительными отступлениями. При этом он дает необычайно яркие образы. Тэн, сам большой мастер художественного слова, — большой знаток в этой области, восхищается теми, в буквальном смысле пластическими, образами, которые Мишле создает своим словом. Приведу некоторые из его характеристик. Вот портрет францисканца, соперника Савонароллы, по словам Мишле, одного «из тех францисканцев, которые силой своей груди и широкой глоткой уничтожают всякую конкуренцию фокусников и скоморохов на итальянских ярмарках»¹⁶. Как говорит Тэн, проза здесь стоит живописи, и трудно найти картину более яркую, чем этот портрет.

Или вот неподражаемая характеристика умеренных мистиков эпохи реформации, также вызывавшая восхищение Тэна.

«Схоластики ступали неуклюже, с путами на ногах, жалкие четвероногие, которые, однако, хоть сколько-нибудь могли двигаться. Но мистики умеренные — это были крылатые животные. Они представляли

¹⁴ J. Michelet. Le peuple. Paris, 1877, p. XXXI.

¹⁵ Цит. Е. А. Косминским по ст. И. Тэна «J. Michelet» в его кн.: «Essais de critique et d'histoire». Paris, 1900, p. 100. Цитата взята из VII тома «Истории Франции» Мишле, посвященного XVI в. (Прим. ред.)

¹⁶ Ж. Мишле. История Франции в XVI веке. (Эпоха Возрождения). СПб., 1860, стр. 38.

удивительное зрелище крылатых существ, которые изредка распускают маленькие, стянутые, вздернутые крылья, вспархивают с завязанными глазами к небу на фут от земли и снова падают вниз, беспрестанно взлетая и отдыхая от своего гусиного полета на птичьем дворе ортодоксии и в отечественном навозе»¹⁷.

И всё же после такой характеристики, после всех этих блестящих, насыщенных, эмоциональных картин у читателя остается сомнение, остается такое чувство, что читаешь роман, а не серьезное историческое сочинение. Все это увлекательно, но не доказательно. Автор говорит, как пророк. Тэн характеризует стиль Мишле как лихорадочный, опьяненный, иступленный. Его величайшая сила в способности быть взволнованным, как говорит Тэн. Но иногда мы видим у Мишле нелепые образы, иногда его образность выходит за всякие возможные границы. Вот, например, как он говорит о таком вопросе, как обеднение Испании в XVI в., о политике королей, которые, разгромив остатки мавров, «еще больше разорили Испанию».

«Испания, как раненый бык, проколовший себя собственными рогами, разъярена, против кого? — против себя. Ограбленная фламандцами, она готовится ограбить себя. Неимущая через них, она становится нищей, истребляя мавров»¹⁸.

Тэн правильно замечает, что бык сам себя проколоть своими рогами никак не может. Образ этот неправилен. Затем неправильна мысль, что Испания в ослеплении злобой стремится ограбить сама себя. Мишле слишком взволнован, чтобы писать ясно¹⁹.

Вот образец его гиперболического стиля. Он пишет о Гвиччардини: «Гвиччардини описал прибытие Бурбона и его наемников такими холодными чернилами, что в них могла бы замерзнуть ртуть»²⁰.

Мишле велик только тогда, когда он увлечен своими сюжетами. Там, где нет увлечения, он утомляет, он ударяется в риторику, в ненужные лирические отступления, но как только он попадает на увлекающий его сюжет, он ослепляет своим талантом. Поэтому его «История Франции» поражает своей неровностью. Исключительно блестящие места сменяются слабыми. «История французской революции», где он находится в состоянии непрерывного горения, — его лучшее произведение. Это не есть история, это, скорее, национальная эпопея. Мишле здесь не пробует освещать социальных и политических проблем. Задача правдивого историка заключается, по его мнению, в том, чтобы переживать все страсти, все увлечения. Надо находить истинное и прекрасное во всех течениях, партиях, учениях, которые с исторической необходимостью сменяли друг друга. Мишле пробует следовать этому принципу — гореть вместе со всеми, перевоплощаться в каждую партию, в каждое движение и гореть его огнем. Иногда это ему удается, но не всегда. В «Истории Франции» он пробует воспламениться историей церкви, религиозной жизнью средних веков. В восхвалении этой религиозной жизни средних веков он пробует дать исход своим демократическим и патриотическим чувствам, но из этого получается какая-то романтическая путаница. Когда Мишле доходит до эпохи Возрождения, он вдруг меняет этот свой тон и по отношению ко всему предшествующему периоду — вместо восхищения шлет проклятья. Впоследствии он покался в своем увлече-

¹⁷ Цит. Е. А. Косминским по ст. Тэна в кн.: «Essais de critique et d'histoire» р. 105. (Прим. ред.)

¹⁸ Ibid., р. 124.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid., р. 130.

нии классическим средневековьем и средневековой католической церковью. В одной из своих поздних работ («Народ») он так пишет об этом:

«Средним векам, в которых я провел свою жизнь, чье трогательное бессильное вдохновение я воспроизводил в своих исторических работах, я должен сказать — «назад!», теперь, когда нечистые руки вытаскивают их из могилы и кладут нам под ноги этот камень, чтобы заставить нас споткнуться на нашем пути к будущему»²¹.

В «Истории Франции» Мишле, особенно в разделах, посвященных средним векам, слишком сильно сказывается недостаточность критики источников. Из того, что ему симпатично, он делает восторженную картину, из антипатичных ему личностей он делает карикатурные образы. Например, все англичане в «Истории Франции» изображены в истинно карикатурном виде. Особенно плохо удался ему конец средневековья. Он без надобности погружается в частную жизнь королей, пробует объяснить их политику случайными моментами. Так, например, царствование Людовика XIV, по его мнению, разделяется на два периода: до того, как он заболел фистулой, и после этого. До фистулы — Кольбер, после фистулы — мадам Ментенон, отмена Нантского эдикта и пр. Так же и правление Франциска I разделяется им на два периода: до люэтического нарыва и после него. Те разделы «Истории Франции», которые посвящены средним векам, представляют собой не связное изложение, а отдельные эпизоды, запутанную, субъективную композицию.

Очень характерна для Мишле его книга «Народ». Он сам говорил, что «эта книга — я сам». Он придавал ей особое значение в своем творчестве. Здесь больше, чем в других произведениях, он высказывает свои заветные убеждения. Он ставит вопрос, что такое народ. Народ, отвечает он, отличается одним признаком: его жизнь руководствуется инстинктом. У буржуазии и интеллигенции, в противоположность народу, преобладает рассудок, народ же находится в состоянии первобытной невинности и совершенства. В этом смысле Мишле ставит народ выше интеллигенции, как ребенка он ставит выше взрослого, дикаря — выше культурного человека. У народа есть свои добродетели: доброта, жизненная теплота, способность к самопожертвованию, здравый смысл. По мнению Мишле, нет более одаренного здравым смыслом существа, чем французский крестьянин. Вот те люди, те новые варвары, которым суждено обновить мир. Инстинкт есть принцип действия. В то время как образованные только болтают, народ действует. Поэтому Мишле проповедует необходимость сближения с народом. Он хочет рассеять все страхи, которые сложились у буржуазии в отношении народа. У буржуазии два упрека по отношению к народу: это терроризм 1793 г. и затем коммунизм, но, по мнению Мишле, все великие террористы 1793 г. были как раз не из народа. Все это представители либо буржуазии, либо дворянства. Это — софисты или схоластики, узкие религиозные фанатики, пуритане. Против коммунизма же, по мнению Мишле, лучшим средством как раз и является народ с его инстинктом собственника. Здесь ясно выступает концепция Мишле. Мишле занят вопросом, как устранить ту пропасть, которая существует между пролетариатом и буржуазией, между имущими и неимущими. Он против всяких реформ, которые предлагаются различными партиями. Тут нужно другое лекарство. «Французы всех состояний, всех классов и партий, — восклицает Мишле, — поймите хорошо одну вещь, у вас на земле есть только один друг — Франция»²². Другими словами, с точки зрения Мишле, социаль-

²¹ J. M i s c h e l e t. Le peuple, p. 308.

²² Там же, p. XXXV.

ная рознь может быть побеждена только одним средством — любовью к родине и взаимным самопожертвованием всех классов общества. Но источников этого чувства он ищет вовсе не в старой христианской религии. Я уже говорил, что он мечтает о новой религии, религии социальной любви, проводником которой должна стать народная школа, где сближаются дети богатых и бедных. Это несколько неожиданно для Мишле, который в детстве, как сын бедных родителей, сильно страдал в школе от своих богатых товарищей. Школа должна развивать, по мнению Мишле, не разум, не знания, а прежде всего веру в самоотвержение, в великую ассоциацию, которой все приносят себя в жертву, т. е. в отечество.

Итак, средство разрешения социального вопроса он видит в воспитании. Общество, по мнению Мишле, должно быть основано не на равенстве, а на неравенстве, на усыновлении слабых сильными. Это требование единства, с точки зрения Мишле, вызывается и национальным чувством. Для него характерен экзальтированный патриотизм, иногда даже национализм. Франция для него — общее отечество народов, история Франции — это всемирная история, законы Франции — это законы разума. Франция представляет собой принцип всеобщего братства.

Лучшее представление об исторической манере Мишле дают те главы его «Истории Франции», которые посвящены истории Жанны д'Арк. В своей книге «Народ» он говорит о том, что Франция была искуплена два раза, первый раз — Жанной д'Арк и второй раз — революцией. Его «История Жанны д'Арк»²³ является совершенно исключительной по силе художественной передачи. Мишле здесь в значительной степени освобождается от крайностей своей литературной манеры и находит одновременно взволнованный, простой и ясный язык для изложения истории Жанны д'Арк, которая совершила великий подвиг за Францию, которая, как он считает, принесла Франции единство, тогда как до нее страна была еще раздроблена на множество враждующих феодальных территорий, на множество враждующих партий.

Большой интерес представляет также другая, уже упоминавшаяся, книга Мишле, переведенная на русский язык, — «Ведьма». Сам Мишле из всех своих работ считал эту книгу наиболее обоснованной. Она основана не на каких-нибудь хрониках, не на каких-нибудь субъективных высказываниях, а на судебных актах, отчасти на высказываниях представителей инквизиции. Ведовские процессы — один из его излюбленных предметов, изучением которого он занимался 30 лет.

Эта книга Мишле — страстный обвинительный акт против церкви, которая, по его мнению, ввергла мир в отчаяние. Мы, правда, не видим здесь никакого объяснения социальных причин усиления преследования «ведьм» в период средних веков, но он правильно приписывает большую роль в этом вопросе церкви, той атмосфере мрака и отчаяния, которую она создала вокруг себя. Только в этой зловещей атмосфере, по мнению Мишле, могло родиться позорнейшее в истории человечества явление — ведовские процессы, о которых он пишет, что «при чтении их сухих протоколов вас охватывает ледяной ужас. Смерть, смерть, смерть ощущается в каждой строчке»²⁴.

Я не буду подробно останавливаться на главном, может быть наиболее значительном, труде Мишле — на «Истории французской революции», так как это выходит за пределы нашего курса. Укажу только

²³ J. M i c h e l e t. L'Histoire de Jean d'Arc. Paris, 1925; Ж. М и ш л е. Жанна д'Арк. Пг., 1920.

²⁴ J. M i c h e l e t. La Sorcière, p. 8.

основные его черты. Всё доброе в революции, по мнению Мишле, исходит от народа, всё дурное — от интеллигентов-честолюбцев. К этим честолюбцам он относит, в частности, якобинцев. У него резко отрицательное отношение к Робеспьеру и Марату, которых он называет «сумасшедшими», «шутами». Зато он высоко ставит Дантона, «великого и страшного служителя революции», стремившегося к объединению партий. В то же время мы видим у Мишле глубокое отвращение к термидорианской реакции, в которой господствует «ужасное и смешное». Это, по его словам, «позорная комедия».

Революция окончилась неудачей, по мнению Мишле, потому, что она не стала религиозной революцией и не сопровождалась религиозным подъемом.

Мишле ставил себе в заслугу то, что его «История революции» не восхваляет ни Людовика XVI, ни Робеспьера. Это, по его словам, республиканская история — история чисто народная, разбившая идолов, знающая только одного героя — «народ».

Я остановился на Мишле не потому, что его произведения имели большую историческую ценность и оказали длительное влияние на историческую науку. У Мишле не было школы, он принадлежит к числу тех авторов, которым чрезвычайно трудно подражать. Подражание есть нечто холодное, надуманное. Для того чтобы писать, как Мишле, надо чувствовать, как он. У него отсутствует историческая критика. Любой посредственный историк легко может упрекнуть Мишле в том, что он искажает источники, заставляет их иногда говорить слишком много, многого, наоборот, не замечает, многое рисует себе односторонне. Но это один из наиболее ярких историков-демократов первой половины XIX в. — историков, к которым прислушивалось всё живое во французском обществе того времени, влияние которого не на историков, не на историческую науку, а на широкие круги читателей, широкие круги интеллигенции во Франции и за ее пределами было огромно.

Теперь я хочу остановиться на некоторых французских историках, которые не оставили большого и долгого следа в нашей науке, но которые в свое время были очень популярны и дали известный толчок развитию исторической науки, может быть, не сами по себе, а тем, что их идеи вызвали ответную реакцию у других, более крупных историков.

Среди них надо назвать прежде всего графа Жозеф-Франсуа Монлозье (1755—1833). Это очень оригинальный историк, с большими, но, правда, отрывочными и неглубокими знаниями, большой мастер строить сложные гипотезы на основании небольшого количества фактов. Сам по себе он, может быть, не заслуживал бы особого внимания — в наше время его произведений никто не читает, — но в развитии исторической науки он сыграл определенную роль. Полемика с Монлозье в значительной степени определила, например, исторические воззрения Тьерри.

Монлозье в свое время был депутатом Учредительного собрания, в котором он выступал как противник абсолютизма, но противник не слева, а справа. Противником абсолютизма он был потому, что в нем он видел узурпацию прав дворянства. Он мечтал о прочной аристократической конституции наподобие английской, которую он, однако, представлял себе не совсем точно. Демократический характер, который приняла французская революция, приводил Монлозье в ярость. Он отстаивал иерархическое общество против эгалитарного, защищал корпоративный дух средневековья. В иерархическом устройстве общества он видел лучшую гарантию против произвола королевской власти. Не удивительно, что Монлозье очень рано и определенно стал на путь контрре-

волюции. Уже в 1791 г. появились такие его произведения, как «О необходимости контрреволюции» и «Средства контрреволюции». Самый этот термин «контрреволюция» значится у него всеми буквами.

Монлозье эмигрировал в Кобленц и участвовал в военных действиях во время контрреволюционных войн с Францией. Потом он разошелся с вождями эмигрантов, переехал в Лондон и там издавал французский журнал «Лондонский курьер», пользовавшийся в среде эмигрантов очень большим успехом.

Когда на горизонте стала восходить звезда генерала Бонапарта, Монлозье увидел в нем будущего восстановителя того, что он считал порядком. Соответствующий тон принял и его журнал. Ближайшие к Наполеону люди, Талейран и Фуше, обратили на этот журнал внимание Бонапарта, тогда еще первого консула, и Монлозье получил приглашение приехать во Францию. Он принял это приглашение и пробовал продолжать издание журнала во Франции, но то, что было хорошо в эмиграции, в Лондоне, оказалось не совсем подходящим во Франции, и журнал вскоре был закрыт. Наполеон поручил Монлозье составить книгу о монархии. Эта книга должна была содействовать прославлению первого консула как восстановителя порядка. Надо было нарисовать старые французские порядки, указать, каким образом из этих порядков неизбежно вытекала революция и как, наконец, первый консул подавил эту революцию и установил новый прочный порядок.

Из этой порученной ему работы Монлозье в течение четырех лет создал самое крупное свое сочинение, вышедшую в 1814 г. книгу «О французской монархии от ее основания и до наших дней»²⁵. Но он написал эту работу не в том духе, какой желателен был Наполеону, и поэтому хотя эта книга и получила самые лестные отзывы тех цензоров, которым Наполеон поручил ее прочитать, тем не менее к печати она допущена не была и увидела свет только после падения Наполеона, в 1814 г.

Дальнейшая карьера Монлозье мало интересна. Во время реставрации он был умеренным роялистом, так как понимал, какую опасность для дела реставрации представляют крайние устремления непримиримых роялистов. При Луи-Филиппе Монлозье был сделан пэром. Он написал ряд исторических статей второстепенного значения.

Книга его о французской монархии интересна для нас тем, что она в сильной степени повлияла на идеи Тьерри. Тьерри полемизировал с Монлозье, но, как это ни парадоксально, стоял он на близких к нему теоретических позициях.

Монлозье в этой работе развивал идеи Буленвилье. С его точки зрения, общественно-политический строй средневековой Франции определялся завоеванием Галлии германцами, в результате которого ее население разделилось на две расы с двумя разными порядками: на германцев, или франков, с их отношениями личной свободы, под которыми разумелись личные права и свобода аристократии, с одной стороны, и на галло-римлян с их римскими порядками. Только господствующую франкскую расу Монлозье, как и Буленвилье, считает истинно французским народом, что особенно возмущало Тьерри. Впрочем, Монлозье не выдерживает до конца эту расовую теорию, так как признает, что французский народ сложился не только из одной франкской расы, в его формировании участвовали также потомки разных рас, и галльской, и

²⁵ R. Montlosier. De la monarchie française depuis son établissement jusqu'à nos jours, vol. 1—8, Paris, 1814—1824.

римской, но только потомки свободнорожденных людей. Таким образом, французский народ — это аристократия. Что же касается третьего сословия — это потомки рабов и крепостных всех наций, живших на территории Галлии, нечто новое, не связанное с коренным французским народом. В изображении Монлозье до XII в. этот древний французский народ, эти потомки свободных, правили нацией, но затем новый народ, потомки крепостных и рабов, вступил в борьбу с истинным французским народом и постепенно узурпировал все его права. Увенчанием этой узурпации и была французская революция. Говоря о борьбе между дворянством и буржуазией, или общинами, коммунами, Монлозье полагает, что право и справедливость всегда на стороне дворянства, на стороне знати.

Естественно, что такое разрешение вопроса не могло понравиться Наполеону.

Эпоху абсолютной монархии Монлозье рассматривает как дальнейшую узурпацию королевской властью исконных прав и исконных свобод французского народа, т. е. знати. Поэтому к Людовику XIV у него определенно отрицательное отношение.

Я уже сказал, что Тьерри выступил как противник Монлозье, но тем не менее он в значительной степени отталкивался от его идей, и самые представления Монлозье о строении французского народа, о его происхождении, о происхождении сословий во французском народе мало чем отличались от тех представлений, которые Тьерри положил в основу своих построений. Но в противоположность Монлозье Тьерри является ярким защитником третьего сословия, хотя он так же мало, как и Монлозье, умеет объяснить его происхождение и в конце концов объясняет его той же теорией рас и завоевания.

Из других историков Франции первой половины XIX в. я хотел бы еще упомянуть Жозефа-Франсуа Мишо (1767—1838), автора большой работы о крестовых походах. Он — роялист. Во время французской революции был приговорен к смертной казни, принужден был бежать и вернулся в Париж уже после установления консульства. Во время консульства он занимал монархические позиции. Его памфлет, состоящий из биографий современных ему политических деятелей, был конфискован полицией. После падения Наполеона Мишо выпустил едкий памфлет, касающийся наполеоновских 100 дней. Но главный его труд — это «История крестовых походов»²⁶ в пяти томах, выходящая от 1811 по 1822 г. В 1822 г. были выпущены еще два тома библиографии.

Этот труд представляет собой как бы ответ на то пренебрежение к средневековью, и в частности к крестовым походам, которое так часто сквозило у историков эпохи Просвещения. Вольтер и английские просветители считали эпоху крестовых походов малоинтересной, скучной, полной глупостей и жестокостей, совершавшихся во имя религии. Мишо хочет реабилитировать средневековье, и в частности крестовые походы, показать необычайное богатство этой эпохи в смысле религиозной жизни, указать на то высокое благородство, которое было проявлено христианством Запада в его борьбе с мусульманством Востока.

Это произведение Мишо имело огромный успех в свое время. Оно отвечало тем романтическим настроениям, которые царили тогда в Европе. Но научные достоинства этой книги не очень велики. У Мишо отсутствует настоящая критика источников, материалы излагаются без достаточной проверки, анализ событий чрезвычайно неглубок.

²⁶ J. F. Michaud. Histoire de croisades. Paris, 1841.

Книга дает очень мало для выяснения причин крестовых походов, их общего характера, социального анализа этого движения. Но она имела большой успех, который был знаменателен как показатель пробуждения интереса к истории крестовых походов. То забвение, то презрение, которыми были окружены крестовые походы в XVIII в., теперь сменяется живым интересом к ним, восхвалением их, стремлением окружить их ореолом.

Интересно, что Мишо, хотя и был роялистом, не вполне угодил своей книгой роялистским кругам. Роялисты и духовенство обвиняли его в том, что хотя он и полемизирует с Вольтером, тем не менее в его характеристиках, эпитетах и замечаниях сохраняется какой-то оттенок вольтерьянства.

Чтобы закончить обзор французских консервативно-дворянских историков первой половины XIX в., нужно упомянуть еще об одном, которого часто сближают с Тьерри и ставят с ним в непосредственную связь, но который близок к Тьерри лишь в одном отношении — в отношении чисто эстетического интереса к средневековью, в стремлении к художественному изложению истории средних веков, к соблюдению исторического колорита, а иногда и стилизации. Я имею в виду Проспера Баранта (1782—1866), который во всех других отношениях как историк стоит неизмеримо ниже Тьерри. По своим политическим воззрениям Барант был близок к Гизо, он занимал умеренно роялистские позиции во время реставрации Бурбонов, потом перешел в умеренную оппозицию, которая возглавлялась Гизо. В период июльской монархии он занимал ряд ответственных постов, особенно дипломатических. Его главной и, собственно, единственной работой, сохранившей если не научное значение — значения научного труда она никогда не имела, — то известный интерес, является выпущенная им в 1824—1826 гг. «История бургундских герцогов дома Валуа»²⁷. Эта работа имела огромный успех. Барант был избран в Академию, его провозгласили чуть ли не первым историком эпохи, но, в сущности говоря, он был историком второстепенным. У Баранта, пожалуй, ярче, чем у других французских историков этого времени, отразился тот романтический интерес к средневековью, который захватил широкие круги публики, который ярко проявился еще у Шатобриана и получил широкую популярность в романах Вальтера Скотта. К романам Вальтера Скотта ближе всего и стоит это произведение Баранта.

Барант полагал, что для обрисовки эпохи совершенно достаточно излагать древние хроники, которые должны возбудить у читателя любовь к ней и интерес. В истории Франции он выделяет именно эту, с его точки зрения, интересную и романтическую эпоху, богато представленную в хрониках. Как раз по французской Фландрии XIV—XV вв. имеется целый ряд крупнейших и интереснейших источников: хроники Фруассара и Монстреле, мемуары Коммина и т. д. Характерно, что Барант выбрал своим сюжетом не историю Бургундии как страны, а историю герцогов Бургундских.

Он начинает их историю с битвы при Пуатье и заканчивает ее битвой при Нанси, где пал последний из герцогов Бургундских — Карл Смелый. Тут на сцене не только Бургундия, но также и Франция и история Столетней войны, фигуры Дюгеклена и Жанны д'Арк. Работа Баранта заканчивается борьбой Карла Смелого с Людовиком XI.

²⁷ А. Г. Р. В а r a n t i e. Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois (1364—1477). Paris, 1842. (В дальнейшем: Histoire de ducs de Bourgogne....)

Но это не история в современном понимании, а довольно близкий пересказ хроник. Иногда приводятся длинные пассажи из хроники, иногда делается очень близкий к тексту ее пересказ. При этом самый язык, которым пишет Барант, сознательно несколько архаизирован, чтобы приблизить его к языку хроник. Барант говорит, что он хочет дать не рассказ о XV в., а самый XV в. Он думает, что для этого достаточно возможно ближе стать к хроникам. Как он говорит, читатель должен видеть в книге не автора или историка, а самую правду истории. А эта «правда» представляется ему в том виде, в каком излагали события средневековые хронисты. Можно себе представить, как далеко от критического отношения к источникам подобного рода изложение.

Эпиграфом к своему произведению Барант выбрал слова Квинтиллиана: «История пишется для рассказа, а не для доказательства». По его мнению, большинство историков делает грубую ошибку, когда смотрит на историю глазами современности. Самое важное, по его мнению, — дать живых людей такими, какими они были в представлении их современников, а затем предоставить читателю делать какие ему угодно выводы²⁸.

Барант считал, что его изложение приближается к историческому роману. Он писал: «Я старался возратить истории тот интерес, который был отобран у нее историческим романом»²⁹. Он стремится быть точным, но эта точность у него заключается в возможно более близком пересказе хроник, не более. Он старается, по возможности, не давать никаких рассуждений и размышлений. Правда, Барант замечает, что из его истории можно сделать некоторые моральные выводы, и полагает, что его книга может пригодиться в вечной борьбе между властью и свободой, между силой и справедливостью как какой-то исторический рецепт для достижения равновесия между этими элементами. Но эти дидактические соображения на его изложение не оказали никакого влияния.

Его книга в наши дни кажется скучной и безжизненной. Гораздо интереснее и полезнее читать хроники, чем пересказ этих хроник, написанный с деланной наивностью историком XIX в. Вполне понятно, что за громкой славой, которую приобрело это произведение Баранта, последовало полное его забвение. Барант, которого провозгласили едва ли не величайшим историком своего времени, потом был совершенно и окончательно забыт.

На этом я закончу обзор французской историографии первой половины XIX в.

Я дал характеристику ряда крупнейших французских историков первой половины XIX в., которых иногда объединяют под общим названием романтической школы во французской историографии³⁰. Вы могли, однако, заметить из моего изложения, что это общее название, которое без особой натяжки можно применять к большинству немецких историков первой трети XIX в., к французской историографии этого времени

²⁸ Барант — типичный представитель так называемой «нарративной» (повествовательной) школы во французской историографии, которую иногда называют также «живописующей школой» («*école pittoresque*»). (Прим. ред.)

²⁹ P. Barante, *Histoire de ducs de Bourgogne...* p. XXVII.

³⁰ Такое понимание французской историографии первой половины XIX в. имеет место и у некоторых советских авторов вплоть до настоящего времени. См., например, недавно опубликованную работу профессора Б. Г. Рейзова «Французская романтическая историография (1815—1830)» (Л., 1956), где под этим общим названием анализируются творчество таких различных историков, как Сисмонди, Тьерри, Гизо, Минье, Тьер, Барант, Кузен, Кинэ. (Прим. ред.)

применимо в гораздо меньшей степени. Едва ли можно назвать романтиком Гизо, этого трезвого, рационалистически мыслящего историка, который понимал историю как борьбу отвлеченных принципов, а в истории средних веков видел лишь материал для доказательства своей излюбленной политической идеи о превосходстве легитимной, ограниченной монархии над всеми другими политическими системами.

В большей степени название «романтиков» применимо к Тьерри, Минье, Фориэлю, а также к Мишо и Баранту. Все эти историки интересовались средними веками не только как арсеналом аргументов в пользу тех или иных политических доктрин, но и как объектом художественного созерцания и воспроизведения исторического колорита этой эпохи, ее характерных особенностей, что обычно связывается с понятием «романтизма» в историографии. В еще большей степени можно считать романтиком Мишле, с его восторженным отношением к средневековью. Вдохновляясь преимущественно средневековыми сюжетами, он ставил своей задачей не только их изучение и описание, но и их художественное «воскрешение» перед читателем.

Но и этих крупнейших французских историков можно назвать «романтиками» лишь с некоторыми оговорками. Объединяло их не столько внутреннее содержание их работ и методологические принципы подхода к истории, сколько некоторые внешние приемы писания и изображения прошлого и общий для них всех интерес к средневековью³¹.

³¹ Сомнения, высказываемые Е. А. Косминским по поводу правомерности применения термина «романтическая историография» к французской историографии начала XIX в., в целом весьма основательны. К высказанным им по этому поводу соображениям следует добавить, что интерес к истории средних веков и некоторая идеализация тех или иных черт, свойственных этому периоду, у разных историков этой эпохи определялись совершенно различными идейно-политическими тенденциями, которые приводили их часто к совершенно различной оценке одних и тех же событий средневековья. Под этим общим названием «историков-романтиков», как показано в лекциях, скрывались и буржуазные историки умеренно либерального толка, типа Тьерри, Минье, Фориэля, Баранта, и мелкобуржуазные демократы типа Мишле, и откровенно консервативные дворянские историки — такие, как Монлозье и Мишо. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о некоторой условности и неопределенности термина «романтическая историография» в применении к французским историкам первой половины XIX в. в целом. (Прим. ред.)

На этой лекции курс Е. А. Косминского обрывается. Последняя лекция была прочитана им 21 мая 1940 г. (Прим. ред.)

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

РАБОТЫ КО ВСЕМУ КУРСУ

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6—7.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 16—49. (К лекциям XXII—XXVI.)

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. (К лекциям I—II, VI—VIII, XIV—XVII, XXI—XXV.)

Энгельс Ф. Письмо к К. Шмидту от 5 августа 1890 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II. Госполитиздат, М., 1952, стр. 465.

Энгельс Ф. Письмо к И. Блоху от 21—22 сентября 1890 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 467—469.

Энгельс Ф. Письмо к Мерингу от 14 июля 1893 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, М., 1953, стр. 162—164.

Энгельс Ф. Письмо к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, стр. 474—476.

Энгельс Ф. Письмо к Штаркенбергу от 25 января 1894 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 464—471.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 298—320. (К лекциям I—II, VI—VII, XI—XII, XIV—XVII, XXI—XXVI.)

Энгельс Ф. Письмо к М. Ф. Даниельсону от 13 ноября 1885 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 392.

Энгельс Ф. Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 495—498. (К лекциям III—V, XXI—XXVI.)

Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 524.

Ленин В. И. Карл Маркс. Соч., т. 21. (К лекциям XIV—XVII, XXVII—XXIX.)

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 121—123.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма. Соч., т. 19. (К лекциям XIV—XXI, XXVII.)

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 328.

Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Соч., т. 1, стр. 380—381.

Ленин В. И. Некритическая критика. Соч., т. 3, стр. 559.

Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. Соч., т. 10, стр. 30.

Марксистская дореволюционная и советская литература

Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Г. В. Плеханов. Избр. филос. соч., т. 1. Госполитиздат, М., 1956. (К лекциям XIV—XVII, XXI—XXIX.)

- Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. Соцэкгиз, М.—Л., 1940.
 Гутнова Е. В. Значение трудов В. И. Ленина для разработки проблем историографии средних веков. Сб. «Средние века», вып. XVIII. Изд-во АН СССР, М., 1960. ✓
 Данилов А. И. К вопросу о критике буржуазной историографии в произведениях В. И. Ленина. Сб. «Средние века», вып. XVIII. Изд-во АН СССР, М., 1960.
 Данилов А. И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX—начала XX в. Введение. Изд-во АН СССР, М., 1958. ✓
 Деборин А. М. Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. 1. Изд-во АН СССР, М., 1958.
 «История политических учений». Под ред. проф. С. Ф. Кечекьяна. Госюриздат, М., 1960.
 «История философии», тт. I—II. Под ред. М. А. Дыбника и др. Изд-во АН СССР, М., 1957.

Буржуазная литература (русская и иностранная)

- Виноградов П. Г. Лекция по истории средних веков. М., 1900.
 Виппер Р. Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX вв. Иваново-Вознесенск, 1925.
 Егоров Д. Н. Средние века. Историография и источниковедение. По запискам слушателей, вып. 1 и 2. М., 1912—1913.
 Осокин Н. А. Очерк средневековой историографии. Казань, 1898.
 Савин А. Н. История Западной Европы в XI—XIII вв., вып. I—II. М., 1913.
 Савин А. Н. История Западной Европы в XIV—XVI вв., вып. 1—2. М., 1912.
 Чичерин Б. История политических учений, тт. I—III. М., 1869—1902.
 Вагнер Н. Е. A History of historical writing. University of Oklahoma press, 1937.
 Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. München—Berlin, 1911; 3 Aufl., 1936; франц. перевод: Histoire de l'historiographie moderne. Paris, 1914.
 Gooss P. History and historians in the XIX century. New York, 1913; 2nd ed., New York, 1952.
 Lasch В. Erwachen und die Entwicklung der historischen Kritik. Berlin, 1887.
 Ritter M. Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den führenden Werken betrachtet. München—Berlin, 1919.
 Thompson J. W. History of historical writing, vol. I, II, books VI—VIII. New York, 1942.

Лекции I—II*

Классики марксизма

- Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360—364.
 Энгельс Ф. Письмо к Каутскому от 21 мая 1895 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 489—490.

Источники

- Otto Freising. Historia de duabus civitatibus. Hannoverae et Lipsiae, 1912.
 Otto Freising. Gesta Friderici Imperatoris. Hannoverae et Lipsiae, 1912.
 Greogorius de Tours. Historiae ecclesiasticae francorum libri X. Parisiis, 1879.
 Einhard. Vita Caroli Magni. Hannoverae, 1927. Эйнгарт. Жизнь Карла Великого. В кн.: М. Стасюлевич. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, т. II. М., 1907.
 Helmodus Bosoviensis. Cronica Slavorum. Hannover, 1937.
 Guibert von Nogen t. Gesta Dei per Francos. Lipsiae, 1890.
 Guibert de Nogen t. De vita sua libri tres. Paris, 1907.

Специальная литература

- Баскин М. Августин как теоретик католицизма. «Тр. Моск. ин-та истории, философии и литературы», т. I. М., 1937.

* Библиография источников и литературы к отдельным лекциям и группам лекций составлена по следующему принципу: в разделах «Источники» работы историков указаны в той последовательности, в какой они рассматриваются в лекциях; в разделах «Специальная литература» сначала даются работы, общие для всей группы лекций, а затем в той же последовательности работы на русском и иностранных языках, касающиеся отдельных историков. (Прим. ред.)

Гю р д ж а н Н. Н. О политических тенденциях некоторых французских хроник. Сб. «Средние века», вып. VI. Изд-во АН СССР, М., 1955.

О с о к и н Н. А. Очерк средневековой историографии. Казань, 1898.

С т а с ю л е в и ч М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, тт. I—III. М., 1907.

S c h u l z Marie. Die Lehre von der historischen Methode bei den Geschichtsschreibern des Mittelalters. Berlin, 1909.

M a r g o u H. J., St. Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1938.

S m i d t H. Die deutsche Städtechronik. Göttingen, 1958.

Лекции III—V

Классики марксизма

Э н г е л ь с Ф. Диалектика природы. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 345—355.

М а р к с К. Передовица в № 179 «Kölnische Zeitung». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 111.

М а р к с К. Виллафранкский договор. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 444.

Источники

V g u n i Leonardo (Aretino). *Historiarum florentini populi libri duodecimi*. Citta di Castello, 1927.

V a l l a e Laurentii. De falso credita et ementita Constantini donatione Declamatio. Lipsiae, 1928.

M a c h i a v e l l i Niccolò. Le istorie Florentine. Il principe. Discorsi sopra la prima decada di Tito Livio. Opere di Niccolò Machiavelli, scelte da Giuseppe Zingardini, vol. 1, 3, 5. Parigi, 1851. М а к и а в е л л и Н. Князь. Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки. Соч., т. I. «Academia», М.—Л., 1934.

G u i c c i a r d i n i F. Storie Fiorentine dal 1378 al 1509. Bari, 1931.

G u i c c i a r d i n i F. Istoria d'Italia. Milano, 1899.

G u i c c i a r d i n i F. Recordi politici et civili. Torino, 1921. Г в и ч ч а р д и н и Ф. Заметки о делах политических и гражданских. Соч. «Academia», М., 1934.

B i o n d o Flavio. *Historiarum ab inclinatione Romanorum imperii decades*. Naumburg, 1881.

Специальная литература

С к а з к и н С. Д. К вопросу о методологии истории Возрождения и гуманизма. Сб. «Средние века», вып. XI. Изд-во АН СССР, М., 1958.

Б у р к г а р д т Я. Культура Италии в эпоху Возрождения, т. I. СПб., 1904.

К о в а л е в с к и й М. М. От прямого народоправства к представительному. т. I, гл. гл. VIII—X. М., 1906. (См. также к лекциям VI—VIII, XI—XII, XIV—XVII.)

V a r o n H. The Crisis of the Early Italian Renaissance. New York, 1955.

V a r o n H. The Republican Citizen and the Author of the «Prince». «English historical review», 1961, vol. LXXVI, N. 299.

F e r g u s o n W. R. The Renaissance in historical thought. Boston, 1948.

К а р е л и н М. С. Ранний итальянский гуманизм и его историография, т. IV, гл. VII. СПб., 1919.

Р е в я к и н а Н. В. Политическое значение трактата Лоренцо Валлы «Заявление о ложном и вымышленном дарении Константина». «Вестн. Моск. ун-та», серия историческая, 1961, № 4.

W o l l f M. Lorenzo Walla, sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1893.

G a e t a F. Lorenzo Valla: Filologia e storia nell'umanesimo italiano. Napoli, 1955.

Д ж и в е л е г о в А. К. Никколо Макиавелли. В кн.: Макиавелли. Соч., т. I. «Academia», М., 1934.

Д ж и в е л е г о в А. К. Франческо Гвиччардини. В кн.: Гвиччардини. Соч., т. I. «Academia», М., 1934.

G e r v i n u s G. G. Geschichte der florentischen Historiographie bis zum sechzehnten Jahrhundert nebst einer charakteristik des Machiavelli. Wien, 1871.

В я л л а р и П. Никколо Макиавелли и его время. СПб., 1914.

С а м а р к и н В. В. К вопросу о формировании политических взглядов Гвиччардини. «Вестн. Моск. ун-та», серия историческая, 1960, № 5.

Лекции VI—VIII

Классики марксизма

Э н г е л ь с Ф. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, гл. гл. I—II.

«Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 179.

Источники

- Васон F. The history of the reign of king Henry VII. Cambridge, 1889.
Commines Ph. Chronique et histoire... contenant les choses advenues durant le règne du roi Louis XI. Paris, 1549.
Водини J. Metodus ad facilem historiarum cognitionem. Amsterlaedami, 1650.
Beatus Rhenanus. Rerum germanicarum liberi tres. Basel, 1531.
Франк S. Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbibel von Anbegynn bis 1531. Strassburg, 1531.

Специальная литература

- Монод G. Du progrès des études historiques en France depuis XVI siècle. «Revue historique», 1876, vol. I.
Хаузер Н. Les sources de l'histoire de France XVI siècle, vol. I—III. Paris, 1906—1912.
Петит де Жюльенвилле. Histoire de langue et de la littérature française, vol. III. Paris, 1896.
Тиерри А. Dix ans d'études historiques. Paris, 1834.
Рогинская А. Е. Исторические взгляды Коммина. Сб. «Средние века», вып. II. Изд-во АН СССР, М., 1946.
Арнольд W. Die ethisch politischen Grundanschauungen des Ph. de Commin. Paris, 1873.
Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871.
Трейман Ф. Тираноборцы. СПб., 1906.
Фигпал Е. Bodin prédécesseur de Montesquieu. Paris, 1896.
Йоахимсен Р. Geschichtsauffassung und Geschichtsschreibung in Deutschland unter dem Einfluss des Humanismus. Leipzig — Berlin, 1910.
Левен В. Г. Философские воззрения Себастьяна Франка. «Вопросы философии», 1958, № 10.
Левен В. Г. Коценке народных восстаний в трактатах Себастьяна Франка. «Уч. зап. Рязанск. гос. пед. ин-та», 1957, т. 16.
Левен В. Г. Исторические взгляды Себастьяна Франка. Сб. «Средние века», вып. VI. Изд-во АН СССР, М., 1955.
Колысский З. Ю. Себастьян Франк — обличитель католической церкви и папства. «Изв. АН БССР», 1955, № 1.

Лекции IX—X

Источники

- Воуquet M. Recueil des historiens des Gaules et de la France, vol. 1—24. Paris, 1738—1904.
Мабиллон J. De re diplomatica libri sex. Parisiorum, 1681.
Петави D. De doctrina temporum, vol. 1—3. Venetiis, 1757.

Специальная литература

- Люблинская А. Д. Источниковедение средних веков. Изд-во ЛГУ, 1955.
Дележауе Н. The work of the Bollandists through three centuries, 1615—1915. London, 1922.
Ланзон G. Hommes et livres. Paris, 1895.
Тиерри А. Lettres sur l'histoire de France. (Lettre II). Paris, 1827.
Ланзон G. Bossuet. Paris, 1891.

Лекции XI—XII

Классики марксизма

- Маркс К. Теория прибавочной стоимости. Приложение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1., стр. 368—371.
Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство. Соч., т. 2, стр. 140, 142—144.
Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 16—18, 21.

Источники

- Grotius H. *De jure belli ac pacis libri tres*. London, 1922; Гроций Гуго. О праве войны и мира. Госюриздат, М., 1956.
- Hobbes T. *Leviathan, or the matter, form et power of a Commonwealth, ecclesiastical and civil*. New York, 1958. Гоббс Т. Левиафан. Соцэкгиз, М., 1936.
- Harrington J. *The Commonwealth of Oceana*. London, 1887.
- Locke J. *Two treatises of Government*. New York, 1947. Локк Д. О государственном правлении. Избр. соч., т. II. Соцэкгиз, М., 1960.
- Winstanley G. *The Law of Freedom*. Winstanley «Selections from his works». London, 1944. Уинстенли Д. Закон свободы. Уинстенли. «Избранные памфлеты». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950.

Специальная литература

- «Английская буржуазная революция XVII века». Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левинского, т. II, гл. 24. Изд-во АН СССР, М., 1954.
- Волгин В. П. История социалистических идей, ч. I. Соцэкгиз, М.—Л., 1928. (См. также к лекциям XIV—XVII, XXVII—XXIX.)
- Кузнецов К. А. Опыты по истории политических идей в Англии XV—XVII вв. Владивосток, 1913.
- Allen J. W. *English political thought, 1603—1660*, vol. 1. London, 1938.
- Ross G. A. *The Ancient Constitution and the feudal law. A study of English historical thought in the XVII century*. Cambridge, 1957.
- Ческис Л. А. Томас Гоббс. «Московский рабочий», М., 1929.
- Кони И. С. Политические воззрения Джона Мильтона. «Уч. зап. Вологодск. лед. ин-та», серия историческая, 1951, т. 9.
- Сапрыкин Ю. М. О классовой сущности политических взглядов Гаррингтона. Сб. «Средние века», вып. IV—V. Изд-во АН СССР, М., 1953—1954.
- Morton A. L. James Harrington revolutionary theorist. «Communist review» (London), 1949, march, pp. 457—462.
- Smith H. F. R. *Harrington and his Oceana*. Cambridge, 1914.
- Гребенев К. В. Джон Локк. «Московский рабочий», М.—Л., 1929.

Лекция XIII

Классики марксизма

- Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство. Соч., т. 2, стр. 141—142.
- Маркс К. Письмо Ф. Лассалю от 28 апреля 1862 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 399.

Источники

- Bayle P. *Dictionnaire historique et critique*, vol. 1—16. Paris, 1820—1824.
- Vico D. B. *Principi della scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni*. Torino, 1952. Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. ГИХЛ, Л., 1940.

Специальная литература

- Веселовский А. Н. Пьер Бейль. «Голос минувшего», 1914, кн. IV.
- Martin K. *French liberal thought in the eighteenth century. A study of political ideas from Bayle to Condorcet*. London, 1954.
- Лифшиц М. Джамбаттиста Вико (1668—1744). В кн.: Вико Д. Основания новой науки. ГИХЛ, Л., 1940.
- Велгу Th. *Historical theory of Giambattista Vico*. Washington, 1949.
- Crosse B. *La filosofia di Giambattista Vico*. Bari, 1933.

Лекции XIV—XVII

Классики марксизма-ленинизма

- Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство. Соч., т. 2, стр. 140—141, 144—147.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 6—18, 267—270.

- Энгельс Ф. Диалектика природы. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 350—351.
 Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся. Соч., т. 2, стр. 473.
 Ленин В. И. О значении воиствующего материализма. Соч., т. 33, стр. 203—205.

Источники

- Voltaire F. Essai sur les moeurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII. «Oeuvres complètes», vol. 11—13. Paris, 1878.
 Voltaire F. Siècle de Louis XIV. «Oeuvres complètes», vol. 14. Paris, 1878.
 Montesquieu C. L. De l'esprit des lois. Paris, 1927.
 Mably G. B. Observations sur l'histoire de France. Nouvelle édition, revue par M. Guizot, vol. VIII. Paris, S. d.
 Mably G. B. De la manière de écrire l'histoire. «Oeuvres complètes», vol. 12. Londres, 1789.
 Condorcet M. J. Esquisse d'une tableu historique de progrès de l'esprit humain. Paris, 1847. Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Соцэкгиз, М., 1936.
 Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре или принципе политического права. Соцэкгиз, М., 1938.
 Руссо Ж. Ж. Рассуждение о происхождении и причинах неравенства между людьми. СПб., 1907.

Специальная литература

- Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в., гл. 1. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949. (См. также к лекциям XXVII—XXIX.)
 Волгин В. П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. Изд-во АН СССР, М., 1958.
 Ковалевский М. М. Происхождение современной демократии, т. II. М., 1899.
 Рокен Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII в. СПб., 1902.
 Bergaut J. La vie littéraire en France au XVIII siècle. Paris, 1954.
 «The social and political ideas of some great french thinkers of age of reason». Ed. by Hearnshaw F. J. London, 1930.
 Лероу М. Histoire des idées social en France, vol. 1. Paris, 1954.
 Морнет Д. La pensée française au 18 siècle. Paris, 1951.
 Сёе Н. L'évolution de la pensée politique en France au XVIII siècle. Paris, 1925.
 Ломбард А. L'abbé Du Bos, un initiateur de la pensée modern. Paris, 1913.
 Вольтер. Статьи и материалы. Под ред. акад. В. П. Волгина. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948.
 Косминский Е. А. Вольтер и историческая наука. «Изв. АН СССР», серия истории и философии, 1945, № 1.
 Шахов А. Вольтер и его время. СПб., 1907.
 Лансон Г. Вольтер. М., 1911.
 Варло Ж. Монтескье (к 200-летию со дня смерти). «Вопросы философии», 1955, № 3.
 Разумович Н. Н. 200 лет со дня смерти Монтескье. «Вестн. АН СССР», 1955, № 5.
 Кечекьян С. Ф. Политические и правовые взгляды Монтескье. «Советское государство и право», 1955, № 4.
 Коган-Бернштейн Ф. А. Влияние идей Монтескье в России в XVIII в. «Вопросы истории», 1955, № 5.
 Aithuissier L. Montesquieu. La politique et l'histoire. Paris, 1959.
 Lanson G. Montesquieu. Paris, 1932.
 Matiey A. La place de Montesquieu dans l'histoire des doctrines politiques du XVIII siècle. «Annales historique de la révolution française», 1930, № 38.
 Sogel A. Montesquieu. Paris, 1912.
 Казарян А. Н. Мабли как гуманист и мыслитель. «Вестн. истории мировой культуры», 1961, № 2.
 Сафронов С. С. Политические и социальные идеи Мабли. В кн.: «Из истории социально-политических идей». Изд-во АН СССР, М., 1955.
 Герье В. Политические теории аббата Мабли. «Вестн. Европы», 1887, № 1.
 Müller G. Die Gesellschafts und Staatslehre des Abbe Mably und ihr Einfluss auf das Werk der Konstituante. Berlin, 1932.

✓ Бернадинер Б. М. Социально-политическая философия Жан Жака Руссо. Воронеж, 1940.

✓ Плеханов Г. В. Жан Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми. Соч., т. XVIII. Госиздат, М.—Л., 1925.

De g a t h é R. Jean Jacques Rousseau et la science politique de son temps. Paris, 1950.

Sh a r p i o J. Condorcet and the rise of liberalism. New York, 1939.

Лекции XVIII—XIX

Классики марксизма-ленинизма

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 155, 247—252.

Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 45—46, 148—149.

Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.

✓ Маркс К. Нищета философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 145.

✓ Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 21—24.

Источники

G i b b o n E. History of the Decline and Fall of the Roman Empire, vol. 1—7. London, 1895—1900. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи, тт. 1—7. М., 1883—1886.

R o b e r t s o n W. History of the reign of Emperor Charles the Fifth, vol. 1—2. London, 1854. Робертсон В. История государствования императора Карла V, тт. 1—3. М., 1859.

S m i t h A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations, vol. 1—2. London, 1904. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, тт. 1—2. Соцэкгиз, М., 1931.

H e r d e r J. G. Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Berlin, 1879. См. Гердер И. Г. Избр. соч., М.—Л., 1959.

Специальная литература

B l a c k J. B. The art of history. London, 1927.

B e a r d Ch. and V a g s t A. Currents of thought in historiographie. «American historical review», 1937, № 3.

G o l d s t e i n J. Die empiristische Geschichtsauffassung D. Humes. Berlin, 1913.

M o r i s o n J. C. E. G i b b o n (in «English men of letters»). London, 1878.

P e a r d o n T. P. The transition in English historical writing, 1760—1830. New York, 1933.

S o u l t o n G. G. Some problems in medieval historiographie. London, 1932.

W e g e l e F. Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig, 1885. (См. также к лекциям XX—XXI.)

J a n s e n J. Die Geschichtsauffassung im Wandel der Zeit. «Historische Jahrbuch», 1906, Bd. 27.

H a u m R. Herder, Bd. 1—2. Berlin, 1958.

B e l o w G. Die deutsche Geschichtsschreibung von der Befreiungskriegen bis zu unseren Tagen, cap. I—II. Leipzig, 1916. (См. также к лекциям XXII—XXVI.)

Л я т о ш и н с к и й Н. Август Людвиг Шлетцер и его историческая критика. «Киевские университетские известия», 1884, т. VIII.

W o l f G. Nationale Ziele der deutschen Geschichtsschreibung zur Zeit der französischen Revolution. Berlin, 1918.

Лекции XX—XXI

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 14 марта 1868 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 28.

✓ Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма. Соч., т. 20, стр. 183—184.

Источники

Möser J. Osnabrückische Geschichte. J. Möser. Sämmtliche Werke, Bd. 6—8. Berlin, 1843.

Специальная литература

Х Грановский Т. Н. О родовом быте у древних германцев. Соч., т. II. СПб., 1856.

Петров Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861.

Гайм Р. Романтическая школа. М., 1891.

Stadelmann R. Grundformen der Mittelalterauffassung von Herder bis Ranke. «Deutsche Vierteljahrschrift für Literatur und Geistesgeschichte», 1931, Bd. IX. (См. также к лекциям XXII—XXVI.)

Hatzig O. Justus Möser als Staatsmann und Publizist. Berlin, 1909.

Kreussig J. Justus Möser. Berlin, 1857.

Пти де Жюльвиаль. Иллюстрированная история французской литературы в XIX в., т. X. М., 1907.

Лекции XXII—XXVI

Классики марксизма-ленинизма

Маркс К. Философский манифест исторической школы права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.

Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415—416.

Маркс К. Письмо к Энгельсу от 7 сентября 1864 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 201—202.

Маркс К. Хронологические выписки (конспект «Всемирной истории» Шлоссера). «Архив Маркса и Энгельса», тт. V—VIII.

Энгельс Ф. Предисловие ко второму изданию «Крестьянской войны в Германии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 412—413.

Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по философии истории». Соч., т. 38.

Источники]

Savigny F. K. Die Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter, Bd. I—VII. Heidelberg, 1834—1851.

Eichhorn K. F. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, Bd. 1—4. Göttingen, 1834.

Niebuhr V. G. Römische Geschichte, Bd. 1—3. Berlin, 1873—1874.

Гегель Г. В. Философия истории. Соч., т. 8. Союзгиз, М., 1935.

Ranke L. Die römische Päpste, ihre Kirche und ihr Staat im XVI und XVII Jahrhundert. L. Ranke. Sämmtliche Werke, Bd. 37—39. Leipzig, 1875—1900

Ранке Л. Римские папы, их церковь и государство в XVI—XVII вв., тт. 1—2. СПб., 1869.

Ranke L. Über die Epochen der neueren Geschichte. Leipzig, 1888. Ранке Л. Об эпохах новой истории. М., 1898.

Ranke L. Die deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Berlin, 1894.

Schlosser F. Weltgeschichte in zusammenhängenden Darstellung, Bd. 1—19. Berlin, 1882. Шлоссер Ф. К. Всемирная история, тт. 1—18. СПб., 1861—1869.

Zimmermann W. Geschichte des grossen Bauernkrieges. Stuttgart, 1856.

Циммерман В. История крестьянской войны в Германии, тт. 1—2. Союзгиз, М., 1937.

Специальная литература

Петров Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861.

Wegele F. Geschichte der deutschen Historiographie. München und Leipzig, 1885.

Hartung F. Zur Entwicklung der Verfassungsgeschichtsschreibung in Deutschland. Berlin, 1956.

Грановский Т. Н. Бартольд Георг Нибур. «Современник», 1850, т. 19.

Канторович Н. Volkgeist und die historische Rechtsschule. «Historische Zeitschrift», 1912, Bd. 108.

Ландсберг Е. Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft, Bd. II. München, 1910.

Новгородцев П. Историческая школа юристов. М., 1896.

Овсянников М. Ф. Философия Гегеля. Соцэкгиз, М., 1959.

Вайнштейн О. Л. Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография. В кн.: «Критика новейшей буржуазной историографии». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1961.

Бузескул В. Леопольд фон Ранке. В кн.: «Исторические этюды». М., 1911.

Виноградов П. Г. Очерки западноевропейской историографии. Л. Ранке. «Журнал Министерства народного просвещения», 1884, № 1.

Gugliа E. Leopold von Ranke. Leben und Werke. Leipzig, 1898.

Masur G. Rankes Begriff der Weltgeschichte. München, 1926.

Косминский Е. А. Хронологические выписки К. Маркса. «Пролетарская революция», 1939, № 1 (11).

Logenz O. Fr. Christoph Schloesser über einige Aufgaben und Principen der Geschichtsschreibung. Wien, 1878.

Webber G. Fr. Chr. Schloesser der Historiker. Leipzig, 1876.

Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 23—26.

Лекции XXVII—XXIX

Классики марксизма-ленинизма

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 267—270.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 455—457.

Маркс К. Рецензия на памфлет Гизо «Почему удалась английская революция». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7.

Маркс К. Письмо Энгельсу от 27 июля 1854 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 321—322.

Ленин В. И. Государство и революция. Соч., т. 25, стр. 383—384. (См. также соответствующий раздел общей библиографии.)

Источники

Сен-Симон К. А. Взгляд на собственность и законодательство. К. А. Сен-Симон. Избр. соч., т. I. Изд-во АН СССР, М., 1948.

Thierry A. Essai sur l'histoire de la formation et de progrès du tiers état. Paris, 1886. Тьерри О. Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия. Избр. соч. Соцэкгиз, М., 1937.

Thierry A. Letters sur l'histoire de France. Paris, 1827.

Thierry A. Histoire véritable de Jacques Bonhomme. Paris, 1820. Тьерри О. Подлинная история Жака Простака. О. Тьерри. Избр. соч. Соцэкгиз, М., 1937.

Guizot F. Histoire de la civilisation en Europe. Paris, 1854.

Гизо Ф. История цивилизации в Европе. СПб., 1892.

Guizot F. Histoire de la civilisation en France. vol. 1—4, Paris, 1843. Гизо Ф. История цивилизации во Франции, тт. 1—4. М., 1877—1881.

Guizot F. Histoire de la révolution d'Angleterre depuis l'avènement de Charles I jusqu'à sa mort, vol. 1—4. Paris, 1855. Гизо Ф. История английской революции, тт. 1—3. СПб., 1860—1868.

Guizot F. Histoire de la république d'Angleterre et Cromwell, vol. 1—2. Paris, 1864.

Guizot F. Histoire du protectorat de Richard Cromwell et du rétablissement de Stuart, vol. 1—2. Paris, 1856.

Michélet J. L'histoire de Jean d'Arc. Paris, 1925. Мишле Ж. Жанна Д'Арк. Пр., 1920.

Michélet J. Histoire de France. Paris, 1869.

Мишле Ж. История Франции в XVI в. Эпоха возрождения. СПб., 1860.

Специальная литература

Хрензов Б. Г. Французская романтическая историография. Изд-во ЛГУ, 1956. Плеханов Г. В. Первые фазы учения о классовой борьбе. Г. В. Плеханов. Избр. филос. произв., т. II. Госполитиздат, М., 1956.

- П л е х а н о в Г. В. Историки времен реставрации. Собр. соч., т. VII. Госиздат-М., 1923.
- J u l l i a n C. Extraits des historiens français du XIX siècle. Paris, 1908.
- H a l p h e n L. Histoire en France depuis cent ans. Paris, 1914.
- S t a d l e r P. Geschichtsschreibung und historischen Denken in Frankreich, 1789—1871. Zürich, 1958.
- M e l l o n S. The political use of history: A study of historians in the French Restoration. Stanford, 1955.
- В о л г и н В. П. Сен-Симон и сен-симонизм. Изд-во АН СССР, М., 1961.
- В а й н ш т е й н О. Л. Огюстен Тьерри. В кн.: О. Тьерри. Избр. соч. Соц.-экониз, М., 1937.
- П л е х а н о в Г. В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. Соч., т. VIII. Госиздат, М., 1925.
- В и п п е р Р. Ю. Огюстен Тьерри и «Опыт истории третьего сословия». М., 1899.
- J u l l i a n C. Aug. Thierry et la mouvement historique sous la Restauration. «Revue de synthèse historique», 1906, vol. 13.
- Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г. Рецензия на сочинение Гизо «История цивилизации в Европе». Полн. собр. соч., т. 6. СПб., 1906.
- M o n o d G. La vie et la pensée de J. Michelet, vol. 1—2. Paris, 1923.
- L a n s o n G. Tableau de la France. Melange de philologie romane et d'histoire littéraire offerts à M. M. Wilmotte. Paris, 1910.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ИМЕН

- Августин 3, 15—24, 27, 89, 105, 141, 259, 367
 Балеус Джон 100
 Балюз Этьен 129, 130, 209
 Барант Проспер 413—415
 Бароний Цезаре 101, 102, 118, 133
 Бауэр Бруно 329
 Бейль Пьер 166
 Беллармин 110, 111
 Белов Георг 261, 338, 339
 Бембо Пьетро 44
 Бентам Иеремия 253, 254
 Берк Эдмунд 275—283, 285, 287, 295, 299
 Бернхейм Э. 11
 Боден Жан 113—117, 119, 143, 145, 147, 271
 Бокаччо Джованни 37, 38
 Бокль Генри 11
 Болингброк Генри 165
 Болланд Жан 123, 124
 Бональд Луи 283—287, 295
 Боссюэ Жан Бени 135—143, 183, 192, 200, 218, 247
 Бофор Луи 166, 167, 319
 Брекинья Луи 129
 Бризар 220, 221
 Бруни Леонардо 39, 41, 42, 48, 64, 73, 76, 79, 86
 Брут Юний 108, 109
 Букс Мартин 122, 123, 213
 Буленвилье Анри 209—214, 216, 219, 221, 262, 361
 Буше Жан 112
 Бьондо Флавио 68, 76—80, 85, 89, 118
 Бьюкенен Джордж 109, 110
 Бэкон Френсис 86, 87, 118, 146, 235, 285
 Вазари Джорджо 78
 Вайнштейн О. Л. 4
 Вайц Георг 363, 364
 Валла Лоренцо 44—52, 80, 89, 92, 101, 118
 Ваттенбах Вильгельм 27, 363, 364
 Вергилий Полидор 85, 86
 Вико Джамбаттиста 167—176, 183, 184, 193, 200, 299
 Виллани Джованни 41—43, 79
 Вимпфеллинг Якоб 90
 Виноградов П. Г. 14, 337
 Виппер Р. Ю. 14, 259, 277
 Власич Матвей 99, 100
 Вольтер Франсуа 177, 179—204, 207, 217, 221, 222, 224, 225, 230, 234, 239, 240, 242, 245, 247, 248, 256, 258, 260, 261, 312, 326
 Вольф Фридрих Август 317, 318
 Галлер Карл Людвиг 287—289
 Гарригтон Джеймс 157—163, 245
 Гейберт Ножанский 35, 36, 79
 Гвичардини Франческо 55, 56, 69—75, 80, 82, 83, 85—87, 200
 Гегель Георг 292, 299, 323—331, 367
 Гельмольд 30
 Гердер Иоганн Готфрид 258—260, 291, 326
 Герье В. И. 17
 Гиббон Эдуард 247, 248, 259, 262
 Гизо Франсуа 370, 376, 379, 382—397, 400, 401, 415
 Гильдас 86
 Гоббс Томас 146, 151—153, 156, 157, 165, 175
 Гобино И. А. 361
 Грановский Т. Н. 269
 Григорий Турский 28, 200
 Гримм Якоб 304, 317, 318
 Гроций Гуго 137, 146—151, 155, 157, 162—164, 175, 176, 228
 Гуго Густав 295—297, 303, 304
 Гумбольд Вильгельм 294
 Гуттен Ульрих 48, 88, 89
 Гуч Джордж 13
 Декарт 165, 175, 185, 232, 235
 Дельбрюк Ганс 30

Джовио Паоло 54, 85
Допш Альфонс 211, 264, 268, 269, 307,
308
Дюбо Жан 211—214, 216, 219—221,
262, 313, 361
Дюканж Шарль 130, 131

Егоров Д. Н. 14, 79, 80

Иоахим Флорский 26

Кальвин Жан 16, 105, 106
Кант Иммануил 292
Кемден Уильям 86
Кларендон Эдуард 161
Клейст Генрих 294
Коббетт Уильям 240
Коммин Филипп 82—84
Кондорсе Жан Антуан 230—238, 240,
248, 256, 259, 260, 291, 312

Лаш Б. 11

Лейбниц Готфрид 132, 133
Ленин В. И. 274, 327
Лессинг Готхольд Эфраим 257, 258, 326
Ливий Тит 29, 38, 40—42, 53, 57, 59,
109, 217
Локк Джон 137, 162—164, 187, 198
Лютер Мартин 16, 91, 106, 107

Мабильон Жан 121, 122, 124, 125—128,
131—135, 185

Мабли Габриель 183, 214—224, 262, 313
Макнавелли Никколо 55—76, 79, 80,
83, 86, 87, 157, 200, 204

Марина Иоанн 112, 113
Маркс Карл 95, 98, 167, 168, 240, 241,
253, 264, 269, 274, 286, 292, 295,
296, 313, 314, 331, 337, 339, 344,
349, 351, 356, 381, 384, 385, 390, 391

Маффеи Сципион 127, 134
Мезер Юстус 263—272, 278, 285, 295,
299, 305, 311, 318

Меланхтон Филипп 90—93, 107
Мерула 53

Местр Жозеф, де 284—287, 295
Мильтон Джон 137, 155—157, 163, 164

Мишье Франсуа 370, 397—400, 415
Мишле Жюль 167, 401—410, 415

Мишо Жозеф 412, 413, 415
Монлозье Жозеф, де 410—412, 415

Монтень Мишель 123
Монтескье Шарль 116, 163, 177, 203—
209, 213, 214, 221, 244, 248, 258, 262,
271, 299, 312

Монфокон Бернар 131, 132, 134, 135
Мор Томас 216

Муратори 133, 134

Мюнцер Томас 92—94, 105, 183

Нибур Бартольд Георг 167, 304,
318—320

Орозий 17

Осокин Н. А. 14

Отман Франсуа 108, 110
Оттон Фрейзбургский 23—27, 31, 32,
34, 92

Папebroш Даниель 124, 125, 127, 201
Пелагий 19

Пертц Георг 363, 364

Пето Дени 125

Петрарка Франческо 37, 38, 40

Платина Бартоломео 53

Плеханов Г. В. 329, 380

Поджо Браччолини 42, 43, 48, 64

Ранке Леопольд 332—351, 353—357

Раумер Фридрих 359

Рейхлин Иоанн 88

Ренан Беат 89

Риттер Карл 359—361

Риттер М. 14, 31

Робертсон Уильям 243—247, 262

Рогге Карл Август 314—316

Руссо Жан Жак 197, 223—231, 256—
258, 268, 284, 287, 288, 356

Сабеллико Марк Антонио 44

Савин А. Н. 14

Савиньи Карл Фридрих 211, 296—307,
310, 317, 318, 362

Сен-Мар 122

Сен-Палэ Жан Батист, де 129

Сен-Симон Клод Анри 365—371

Сен-Симон Луи 209

Симонетта Джованни 52

Слейдан Иоганн 93

Смит Адам 248—254, 262, 291

Стефан Сегединский 100, 101

Страда Фампиано 103

Суарес Франциско 111

Тассен 127

Тибо А. Ф. 297

Тилемон Луи Себастьян, де 127, 128,
133

Тирабоски Джироламо 134

Траубе Людвиг 30

Трубецкой Е. Н. 17

Ту Жак Огюст, де 84, 85

Тустен Шарль 127

Тьерри Огюст 370—382, 387, 400, 410,
411, 415

Тэн Ипполизт 407, 408

Тюрго 230, 235

Уинстенли Джерард 137, 160, 161

Фацио Бартоломео 52

Фейербах Людвиг 330, 331

Фихте Иоганн 292—294, 297, 299, 304,
306, 322

Фома Аквинский 33

Форнэль Клод 399, 400, 415

Франк Себастьян 94—98

Фюстель де Куланж 167, 211, 221

Фютер Эдуард 10, 13, 121, 360

Целларий Христофор (Келлер) 139
Циммерман Вильгельм 357—359

Челлини Бенвенуто 79
Чичерин Б. Н. 14

Шатобриан Франсуа 286, 287
Шеллинг Фридрих 322, 323
Шиллер Фридрих 257, 292
Шлецер Август Людвиг 255, 256

Шлоссер Фридрих Кристоф 351—357
Штраус Давид 329

Эйнгард 28, 90
Эйхгорн Карл Фридрих 269, 303—311,
314, 316—318, 362
Эмилий Павел 84
Энгельс Фридрих 214, 240, 241, 257,
320, 330, 331, 357, 358, 366, 370
Эразм Роттердамский 88

Юм Давид 240—243

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
Введение	7
<i>ЛЕКЦИЯ I.</i> Исторические воззрения Августина	15
<i>ЛЕКЦИЯ II.</i> К характеристике средневековых хроник	23
<i>ЛЕКЦИЯ III.</i> Гуманистическая историография в Италии. Общая характеристика. Риторическая школа	37
<i>ЛЕКЦИЯ IV.</i> Гуманистическая историография в Италии. Политическая школа. Маккиавелли и Гвиччардини	55
<i>ЛЕКЦИЯ V.</i> Гуманистическая историография в Италии. Эрудитская школа. Биографический жанр	76
<i>ЛЕКЦИЯ VI.</i> Гуманистическая историография во Франции и в Англии	81
<i>ЛЕКЦИЯ VII.</i> Историография реформации и контрреформации в Германии	88
<i>ЛЕКЦИЯ VIII.</i> Политические учения XVI в.	105
<i>ЛЕКЦИЯ IX.</i> Эрудиты XVII—XVIII вв.	118
<i>ЛЕКЦИЯ X.</i> Историческая концепция Боссюэ	136
<i>ЛЕКЦИЯ XI.</i> „Социальная физика“ XVII в.	143
<i>ЛЕКЦИЯ XII.</i> Социологи и политические мыслители времен английской революции	155
<i>ЛЕКЦИЯ XIII.</i> Бейль. Вико	165
<i>ЛЕКЦИЯ XIV.</i> Историография Просвещения XVIII в. Общая характеристика	177
<i>ЛЕКЦИЯ XV.</i> Историография Просвещения во Франции. Вольтер как историк	187
<i>ЛЕКЦИЯ XVI.</i> Историография Просвещения во Франции. Монтескье. Мабли	203
<i>ЛЕКЦИЯ XVII.</i> Историография Просвещения во Франции. Руссо. Ковдорсэ	223
<i>ЛЕКЦИЯ XVIII.</i> Историография Просвещения в Англии	239
<i>ЛЕКЦИЯ XIX.</i> Историография Просвещения в Германии. Общее значение просветительной историографии	255
<i>ЛЕКЦИЯ XX.</i> Юстус Мёзер и зарождение реакционно-романтического направления в западноевропейской историографии	263
<i>ЛЕКЦИЯ XXI.</i> Реакционная публицистика конца XVIII—начала XIX в. в странах Западной Европы	275
<i>ЛЕКЦИЯ XXII.</i> Немецкая историография первой половины XIX в. Историческая школа права	291
<i>ЛЕКЦИЯ XXIII.</i> Немецкая историография первой половины XIX в. Либерально-романтическое направление. Критическая школа в источниковедении	314
<i>ЛЕКЦИЯ XXIV.</i> Немецкая историография первой половины XIX в. Исторические взгляды Гегеля, „старо-“ и „младогегельянцев“	322
<i>ЛЕКЦИЯ XXV.</i> Немецкая историография первой половины XIX в. Л. Ранке	332
<i>ЛЕКЦИЯ XXVI.</i> Немецкая историография первой половины XIX в. Шлоссер. Циммерман. Историко-географическая школа Риттера. Публикация средневековых источников	351

<i>ЛЕКЦИЯ XXVII.</i> Французская историография первой половины XIX в. Исторические взгляды Сен-Симона, О. Тьерри и буржуазно-либеральная школа эпохи реставрации	365
<i>ЛЕКЦИЯ XXVIII.</i> Французская историография первой половины XIX в. Ф. Гизо, Ф. Минье	382
<i>ЛЕКЦИЯ XXIX.</i> Французская историография первой половины XIX в. Ж. Мишле как представитель мелкобуржуазного радикализма в медиевистике. Консервативно-дворянское направление	401
Основные источники и литература	416
Указатель важнейших имен	426

Евгений Алексеевич Косминский

ИСТОРИОГРАФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Редактор **К. Н. Татарникова**

Технич. редактор **М. С. Ермаков**

Корректоры **В. П. Кададинская**
и **Л. С. Гришаева**

Сдано в набор 7/XII 1962 г. Подписано
к печати 26/VI 1963 г. Л-31958

Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 27,0.

Привед. печ. л. 37,80. Уч.-изд. л.

35,86 Изд. № 36. Зак. 3595.

Тираж 10 000. Цена 1 р. 28 к.

Издательство Московского универ-
ситета. Москва, Ленинские горы

Набрано в Первой Образцовой
типографии имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.

Отпечатано в типографии Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы. Зак. 618.